

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт археологии

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Archaeology

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
Nosov Magnitogorsk State Technical University

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

2 (48)

Апрель–Май–Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2015

Научная подготовка журнала осуществляется в сотрудничестве
с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель)
член-корр. РАН *Х. А. Амирханов*, член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков*,
академик РАН *С. П. Карпов*, член-корр. РАН *Г. А. Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*, академик РАН *Н. А. Макаров*,
д.и.н. *А. А. Масленников*, д.и.н. *Ю. М. Могаричев*,
д.и.н. *Э. Д. Фролов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М. Г. Абрамзон* (главный редактор)

к.и.н. *В. А. Гаибов*,
к.и.н. *Л. И. Киреева* (ответственный секретарь),
д.и.н. *В. Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
к.и.н. *С. В. Мокроусов* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. В. Октябрьская* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. Е. Суриков*, д.филол.н. *С. Г. Шулежкова*,
д.и.н. *М. Ю. Трейстер*

Заведующая редакцией *Ю. А. Федина*

Editorial Board

M. G. Abramzon (Editor-in-Chief),

V. A. Gaibov, L. I. Kireyeva, V. D. Kuznetsov, S. V. Mokrousov, I. V. Oktyabrskaya,
S. G. Shulezhkova, I. E. Surikov, M. Yu. Treister

Head of the Editorial Office *Yu. A. Fedina*

© Российская академия наук, 2015
© Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова, 2015
© Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2015

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА, СРЕДНИХ ВЕКОВ И АРХЕОЛОГИЯ

Древняя Греция и Рим. Эллинизм

© 2015

И. Е. Суриков

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЭЗИИ СОЛОНА*

Вопросы, связанные с солоновским поэтическим наследием, которые затрагиваются в данной статье, — это: отношение Солон к агональности, столь распространенной в Греции его времени; черты новизны и преемственности у этого автора по сравнению с эпосом; связь стихов Солон с феноменом симпозиа.

Ключевые слова: Солон, архаическая Греция, поэзия, агон, новаторство, преемственность, симпозиа

Изучение поэтического наследия Солон для современной мировой историографии стало в полном смысле слова магистральным трендом, если употребить модное ныне выражение. Фигура выдающегося афинянина привлекала внимание ученых уже с XVIII века¹; однако на протяжении длительного хронологического отрезка он интересовал специалистов в первую очередь как законодатель, политик-реформатор, и только во вторую — как поэт. В частности, именно такая ситуация сохранялась в течение двух первых третей XX века². Бесспорно, в это время появлялись и исследования, в которых детально анализировалась солоновская лирика³, но такой анализ, как правило, был не самоцелью, а решал задачу

Суриков Игорь Евгеньевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, главный научный сотрудник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. E-mail: isurikov@mail.ru

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта 14-01-00018 «Законодательная и реформаторская деятельность Солон в контексте истории архаической Греции».

¹ Интересный факт: одним из первых, кто всерьез занимался Солон, был Фридрих фон Шиллер, более известный как великий немецкий поэт. См.: Schiller 1946 (переиздание работы 1789 года, в которой Шиллер сравнивает законодательства Ликурга и Солон).

² См.: Freeman 1926; Weber 1935; Woodhouse 1965 (репринт книги 1938 г.); Hönn 1948; Masaracchia 1958; Ferrara 1964; Ruschenbusch 1966; Martina 1968; Ehrenberg 1968; Oliva 1971 (несколько запоздалое восточноевропейское проявление той же тенденции). Пока, во вводных абзацах этой работы, мы ссылаемся только на западные исследования монографического формата; но смеем заверить читателя, что эволюция их тематического спектра вполне корректно отражает общую динамику, имеющую место в данной области антиковедческих изысканий.

³ В процессе обсуждения доклада о стихах Солон, сделанного нами на заседании ученого совета ИВИ РАН в мае 2014 г., С. А. Степанцов сделал следующее замечание: нельзя называть поэзию Солон лирикой, поскольку в архаической Греции лирикой именовали только мелику, а элегический

максимально ответственного привлечения этих стихов как важного источника о деятельности их автора⁴.

Затем имела место «пауза»: в 1970-х и 1980-х годах о Солоне писали гораздо реже и меньше⁵, а когда с 1990-х годов начался подлинный «солонский ренессанс», — вот тут-то и оказалась четко заметной «смена перспективы». Теперь, за редкими исключениями⁶, пишутся такие монографии, в которых, наоборот, Солон предстает в первую очередь как поэт⁷, а его законодательная, политическая, реформаторская деятельность получает в них отражение в несравненно меньшей степени, а то и вообще не получает. Солон стремительно превращается из исторической личности в «литературную личность», то есть его произведения последовательно «открепляются» от него самого, рассматриваются как некая отдельная реальность. Стихи его подвергаются скрупулезнейшему анализу; так, к фрагменту, состоящему всего-навсего из трех слов (Sol. fr. 21 Diehl⁸: *πολλὰ ψεύδονται ἄνθρωποι*) М. Нуссия-Фантуцци написала ни много ни мало шестистраничный комментарий⁹. А вот сам Солон начинает как бы куда-то «ускользать». Его образ разрушается, дематериализуется, превращается в какую-то ускользающую виртуальную реальность. Прошло то время, когда «Солон считался вполне очевидной исторической фигурой», — вот весьма характерное для современного этапа суждение¹⁰.

Тенденция, о которой идет речь, в высшей степени рельефно проявилась в фундаментальном коллективном труде «Солон Афинский: новые исторические и филологические подходы»¹¹, который претендует на комплексный, сбалансированный характер. И на первый взгляд эта задача выполняется: в написании книги

(равно как и ямбический) жанр в это понятие не включали. Последнее, бесспорно, верно. Но, может быть, не стоит столь уж ригористически подходить к терминологии? В античности нормы были одними, а теперь они стали другими, не столь жесткими. Вот, в этот момент на столе у нас лежит том из известной серии «Библиотека всемирной литературы»: Античная лирика 1968. В этом томе представлены и Солон, и Архилох, и Тиртей, и Гиппонакт, и, в общем, все ведущие представители элегии и ямба, а отнюдь не только поэты-мелики. И это вовсе не какой-то «экзотический советский обычай». Мы специально проверили на сей предмет фундаментальные обобщающие труды о древнегреческой лирике, вышедшие в последнее время на Западе. В них рассмотрение элегии и ямба включено (Brown 1997; Gerber 1997; Carey 2009; Aloni 2009)

⁴ См. в первую очередь очень серьезную монографию: Linforth 1919. Более популярный характер имеет книга: Lehmann-Haupt 1912.

⁵ О причинах подобного положения дел см.: Суриков 2004, 58 сл.; 2009а, 5 слл. Туманс 2007, 19 сл. (с некоторым преувеличением вклада автора этих строк в «солонский ренессанс» последнего времени). Да, мы немало занимались Солоном, но наш главный вклад в эту тематику еще впереди.

⁶ Stanley 1999. Впрочем, в этой монографии, несмотря на ее название («Экономические реформы Солона»), не столько говорится об экономических реформах Солона как таковых, сколько об общей ситуации в тогдашнем греческом мире. В этом ее минус, хотя интересные идеи в ней есть.

⁷ Anhalt 1993; Sauge 2000; Mülke 2002; Almeida 2003; Irwin 2005; Noussia-Fantuzzi 2010. Кажется, за последнюю пару десятилетий о Солоне выходило едва ли не больше книг, чем о любом другом деятеле древнегреческой культуры (мы сослались еще отнюдь не на все).

⁸ Здесь и далее мы ссылаемся на Солона по старому изданию Диля (Diehl 1949), поскольку, как нам представляется, именно тот порядок помещения фрагментов, который принят в этом издании, наиболее правомерен. Конкорданс между нумерацией солонских фрагментов в этом издании и последующих (Уэста, Джентили — Прато) см: Noussia-Fantuzzi 2010, XI–XII).

⁹ Noussia-Fantuzzi 2010, 393–398.

¹⁰ Blok, Lardinois 2006, 1.

¹¹ В связи с этой работой см. нашу рецензию: Суриков 2010а.

приняли участие и историки, и археологи, и юристы... Однако сразу бросается в глаза, что «первую скрипку» в коллективе авторов сыграли все-таки филологи. Именно их статьями открывается сборник; более того, именно эти статьи имеют в наибольшей степени программный характер. Среди них, в частности, — две откровенно гиперкритические работы¹², в которых объявляется, что дошедшие до нас стихотворения Солона (которые ранее, как правило, признавались аутентичными) на самом деле ему не принадлежат и сфабрикованы кем-то позже, в классическую эпоху.

Это, безусловно, значительный (*nes plus ultra!*) шаг по стезе отрыва наследия Солона от него самого. Теперь, пожалуй, осталось сделать в данном направлении еще только один, последний шаг и объявить, что Солон как такового никогда не существовало, что он миф, вымысел последующей античной нарративной традиции. Пока этого не произошло. Однако редакторы сборника «Солон Афинский» Ж. Блок и А. Лардинуа озадаченно замечают во введении к нему¹³: «Никто из авторов этой книги не заходит столь далеко, чтобы вообще поставить под сомнение историческое существование Солона, но что из себя будет представлять этот исторический Солон, если мы *ex hypothesi* исключаем из числа источников его стихи и произведения античных биографов?».

Следует отметить, что современный филологический гиперкритицизм во многом отличен от того «традиционного» гиперкритицизма, который встречался в исследованиях некоторых историков античности, работавших в прошлом (К. Ю. Белоха, Эд. Мейера, отчасти М. Финли и др.). Ныне этот феномен всецело обусловлен модной постмодернистской парадигмой (которая зародилась в иных областях гуманитарного знания, но в конце концов «перекинулась» и на антиковедение) с ее принципиальным постулатом: «существуют лишь гетерогенные программы истины, и труды Фюстеля де Куланжа не более и не менее истинны, чем создания Гомера»¹⁴.

Грубо говоря, ни одна точка зрения не верна и не ложна. Ясно, что с подобной установкой можно ничтоже сумняшеся высказывать практически любые взгляды: например, что «Илиада» создана в Афинах во времена Солона¹⁵ или что Гомер творил начиная с бронзового века и вплоть до времен Писистратидов¹⁶. Соответственно, всё что угодно можно и отвергать, не особенно обременяясь аргументацией.

Применительно же конкретно к солоновской поэзии в рамках постмодернистской модели рассуждают, например, так. Стихотворения Солона следует изучать сами по себе, а не для того, чтобы узнать из них что-то о Солоне и его времени¹⁷.

¹² Lardinois 2006; Stehle 2006.

¹³ Blok, Lardinois, 2006, 10.

¹⁴ Вен 2003, 30.

¹⁵ Sauge 2000.

¹⁶ Nagy 2010.

¹⁷ Это излюбленный постмодернистами прием т.н. деконструкции. В целом о деконструкции в историко-филологических науках см.: Щербенок 2005. Образчики более или менее талантливого применения деконструкционистских методик к различным сюжетам, связанным с античной Грецией, см. (исключительно *exempli gratia*): Irwin 2005; Nagy 2010 (и другие работы Г. Надя); Mansouri 2011. С чистым деконструкционизмом не следует смешивать стремление изучать античные литературные памятники «в их собственном контексте, в свете их собственных целей, функций, структур и принципов» (Пресс 2013, 10; там же см. критику «агрессивного деконструкционизма»).

Не имеет никакого значения, действительно ли эти стихи принадлежат Солону; главное, что вся античность однозначно приписывала их именно ему¹⁸.

Мы никогда не скрывали, что подходы такого рода нам предельно не близки. Наши симпатии — в несравненно большей степени на стороне такого опытейшего специалиста, как П. Родс¹⁹. Он тоже оказался в числе авторов сборника «Солон Афинский», поскольку принял участие в конференции, по итогам которой эта книга была выпущена. Но, не сомневаемся, чувствовал он там себя не очень уютно (в научном плане): на фоне решительно преобладавших постмодернистов он — со своими акцентированно традиционалистскими взглядами²⁰ — выглядел чуть ли не «еретиком». Не случайно он и статью свою назвал «Реформы и законы Солона: оптимистическая точка зрения»²¹. Иными словами, он уверен, что корректная реконструкция деятельности великого афинянина на основании комбинации данных различных источников, в том числе и его стихов, вполне возможна.

Автор этих строк, может быть, и не столь оптимистично настроен в данном плане, поскольку видит изрядное количество «подводных камней», неожиданных и трудноразрешимых проблем, вдруг встающих перед каждым, кто вплотную сталкивается с «солонической» тематикой²². Тем не менее нельзя не признать, что оптимизм Родса — это обоснованный оптимизм высококвалифицированного профессионала, ничего общего не имеющий с наивным оптимизмом дилетантов, обрзчики коего тоже ни какой мере не являются редкостью²³.

Как бы то ни было, поэзия Солона, к которой мы теперь обращаемся, важна для нас в первую очередь как исторический источник. И в особенной степени — как источник по ментальности того времени, в которое жил и действовал афинский поэт-законодатель, ментальности, которой он сам вольно или невольно руководствовался, проводя свои реформы. Проблемами, связанными с менталитетом античности, у нас незаслуженно пренебрегают²⁴, и из-за этого подчас получается, будто бы древние греки мыслили и поступали в точности как мы, то есть как если бы на любой исторический вызов (challenge, терминология А. Тойнби)

¹⁸ Blaise 2006, 130–131. Впрочем, Ф. Блез хотя бы не стоит на самых крайних позициях и соглашается с тем, что стихи солонического корпуса были созданы в VI в. до н.э.

¹⁹ Родсу на протяжении своей многолетней научной деятельности неоднократно доводилось заниматься Солонем и историей его времени. См., например: Rhodes 1975; 1993; 2004. Этой проблематики он, разумеется, касался и в своих классических трудах об афинском Совете и об «Афинской политике» Аристотеля (Rhodes 1972; 1981).

²⁰ Мы глубоко уважаем Питера Родса (кстати, большого друга нашей страны, регулярно бывающего в России), в числе прочего, и за то, что он смело, не боясь прослыть «старомодным ретроградом», отстаивает свое право быть ученым-традиционалистом. См. его написанную в полемическом ключе книгу: Rhodes 2003.

²¹ Rhodes 2006.

²² Именно эти «подводные камни» стали причиной того, что мы, «лихо замахнувшись» на Солона еще в 1990-е годы, достаточно быстро ощутили, что этот круг вопросов «лобовым натиском» не возьмешь. Мы тогда переориентировались на другие темы (остракизм, Геродот, Антифонт...), впрочем, никогда не упуская из виду и афинского поэта-законодателя, имея в виду когда-нибудь, когда придет зрелость, вернуться к нему. Теперь этот момент настал.

²³ См. хотя бы огромный, хаотичный и совершенно не критичный в источниковедческом плане опус о законодательствах Драконта и Солона, написанный недавно австрийским юристом Х. Бартой (Barta 2011). См. также нашу достаточно жесткую критику: Суриков 2013а.

²⁴ Автор этих строк не столь давно попытался хотя бы частично исправить положение, издав книгу: Суриков 2012а. Мы совершенно сознательно ориентировались на основные положения, высказанные А. Я. Гуревичем.

человек рубежа XX–XXI веков и античный эллин давал абсолютно одинаковый ответ. Но это очевидным образом не так. Мы, жители постиндустриального или уж не знаем какого общества, и греки, существовавшие в условиях заведомо доиндустриального полисного общества, заведомо имели различную социальную психологию.

Одним словом, сравнительно-историческое изучение ментальностей (разумеется, если оно проводится всерьез, без поверхностности, которой у нас порой грешат культурологи²⁵) совершенно необходимо. Сошлемся на классика — А. Я. Гуревича, — который ответственно утверждал, что историк, чем бы он ни занимался, неизбежно должен быть историком ментальности²⁶. Именно для того чтобы в полной мере осознать, что исследователь принадлежит к иному ментальному универсуму, нежели исследуемая им эпоха, и что его задача не произвольное чтение чужих взглядов, а трудоемкая дешифровка иероглифов другой, во многом чуждой нам культуры.

Именно так нам всегда и хотелось подойти к поэзии Солона: понять в ней *иное*, то, что не роднит с нами автора, жившего более двух с половиной лет назад, а отличает его от нас. Несколько лет назад мы именно в подобном ключе проанализировали представления Солона о времени²⁷, а теперь хотим рассмотреть еще несколько сопряженных сюжетов.

* * *

«*Антиагональный*» Солон. Наверное, никому уже давно не нужно доказывать, что древнегреческое полисное общество было насквозь агональным. Об «агональном духе» у эллинов первым заговорил во второй половине XIX века Якоб Буркхардт, — безусловно, под влиянием своего младшего друга Фридриха Ницше и в солидарном с ним порыве ревизовать винкельмановскую картину эллинской античности («благородная простота и спокойное величие»)²⁸. Кстати, Буркхардт же был и одним из первых, кто обратился к проблеме полиса (одновременно с Фюстель де Куланжем, но в совершенно ином ключе: в отличие от Фюстеля, он делал акцент в этой проблематике не на коллективистское, а на индивидуалистическое начало²⁹). Отечественному читателю об агональном духе античных греков наиболее подробно рассказал А. И. Зайцев³⁰.

Этот агональный дух вполне сформировался к VIII в. до н.э., когда в Элладе происходило формирование полиса³¹. В «Илиаде» Гомера³² знаменитое выраже-

²⁵ Автор говорит здесь со знанием дела. Являясь членом диссертационного совета по культурологии в РГГУ, мы были свидетелями успешных защит вполне поверхностных кандидатских диссертаций.

²⁶ Гуревич 1990, 7–9 (с аргументацией).

²⁷ Суриков 2009б. Тогда мы применили к Солону приемы темпорального анализа, впервые опробованные нами на материале «Истории» Геродота (Суриков 2009в).

²⁸ К характеристике этого процесса в немецкой историографии античности (швейцарец Буркхардт, безусловно, писал в ее русле) см.: Суриков 2012б.

²⁹ О диалектике двух этих начал в древнегреческой полисной цивилизации см.: Суриков 2012а, 101 слл.

³⁰ Зайцев 2001.

³¹ К проблематике становления (архаического) полиса с VIII в. до н.э. (и как раз на примере до-солонических Афин) см.: Суриков 2013б.

³² Об агональных началах уже у Гомера см.: Barker 2009, 31 ff.

ние αἰὲν ἀριστεύειν καὶ ὑλεῖροχον ἔμμεναι ἄλλων³³ повторяется дважды (VI. 208; XI. 784); иными словами, в это время оно уже стало формулой³⁴. Еще более показателен в данном плане Гесиод с его тоже хрестоматийным пассажем о «двух Эридах», в котором, в частности, говорится (Hes. Opp. 21 sqq.):

Видит ленивец, что рядом другой близ него богатеет,
Станет и сам торопиться с посадками, с севом, с
устройством
Дома. Сосед соревнует соседу, который к богатству
Сердцем стремится. Вот эта Эрида для смертных
полезна.

Зависть питает гончар к гончару и к плотнику плотник;
Нищему нищий, певцу же певец соревнуют усердно³⁵.

Беотийский аэд употребляет тут глаголы ζηλόω, котέω, φθονέω, означавшие, собственно говоря, разные виды зависти. Первая из перечисленных трех лексем — это то, что мы называем «белой завистью», то есть желание соревноваться и превзойти того, кому завидуешь; вторая — «черная зависть», то есть желание зла тому, кому завидуешь; стоящая между ними (котέω) ближе к третьей, но она рано вышла из активного употребления, и в дальнейшем эллинская агональность развертывалась, в общем-то, между ζῆλος и φθόνος).

Среди архаических поэтов-лириков агональные начала достаточно рельефно проступают у многих. Среди таковых, безусловно, — Архилох, Алкей. Даже у Тиртея — этого, казалось бы, общепризнанного «певца коллективизма», «певца фаланги»³⁶ — они тоже присутствуют, хотя и в несколько ином ракурсе³⁷.

А как обстоят с этим дела у Солона? Когда автор этих строк делал в мае 2014 года на заседании ученого совета ИВИ РАН доклад, посвященный поэзии Солона как историческому источнику, в числе коллег, пожелавших задать вопросы докладчику после выступления, был П. Ю. Уваров. Среди его очень конструктивных вопросов³⁸ прозвучал, в частности, и такой: фигурируют ли в сохранившемся наследии лирика Солона лексемы ἀγών и φθόνος? В тот момент мы ответили (не обладая, естественно, «компьютерной» памятью), скажем прямо, гадательно: нет. Впоследствии, проверив тексты стихов Солона, мы убедились, что интуиция нас не подвела и что ответ был верен. Даже в чисто лексическом плане автор, которому посвящена эта статья, тяготеет скорее уж к противоположному «полюсу»: у него мы встречаем прилагательное ἄφθονος (Sol. fr. 23. 5 Diehl) и наречие ἀφθόνως (Sol. fr. 26. 5 Diehl; обе конструкции — с α privativum).

Это не случайность, а закономерность. Перед тем как объяснить, чем она обусловлена, нельзя, однако, не коснуться вот какого щекотливого момента. Греческое понятие φθόνος включало в себя, в числе всего прочего, и такой концепт,

³³ В хорошем переводе Гнедича — «Тщиться других превзойти, непрестанно пылать отличиться».

³⁴ О формулах в гомеровском (и любом другом) эпосе, открытие которых Миллэном Пэрри стало, пожалуй, крупнейшим достижением гомероведения в XX веке, см.: Лорд 1994; Russo 1997.

³⁵ Гесиод цитируется в переводе В. В. Вересаева.

³⁶ Ср.: Суриков 2012а, 27–28.

³⁷ Впрочем, см. об агональных элементах в самом феномене фаланги: Krentz 2002; Dayton 2003

³⁸ Собственно, именно эти вопросы П. Ю. Уварова, а также С. А. Степанцова, и послужили главным стимулом для написания данной статьи.

как φθόνος θεῶν, «зависть богов»³⁹. Эту пресловутую идею о зависти богов часто (но ошибочно) связывают в числе прочих авторов и с Солоном, за что «поблагодарить» мы должны в первую очередь Геродота. Именно «отец истории», вводя в свой труд беседу Солона с Крезом и в ней проводя парадигматичные для себя самого (но отнюдь не для Солона!) мысли, касается известного мотива τὸ θεῶν πᾶν φθονερόν (Herod. I. 32).

По проблеме «Солон у Геродота» (прежде всего — как раз в связи с эпизодом встречи афинского мудреца с лидийским царем) писали достаточно часто⁴⁰; неоднократно касались этого вопроса и мы⁴¹, причем отмечали, что ряд элементов солоновского мировоззрения галикарнасец передает вполне адекватно (он, несомненно, хорошо знал стихи Солона, в том числе и те, которыми мы ныне уже не располагаем), однако к идее «зависти богов» это не относится: тут имеет место вложение Геродотом собственных взглядов в уста одному из парадигматичных героев его труда⁴².

Сам же Солон, напротив, акцентированно позиционирует себя как певца компромисса. Ясно, что компромисс — антитеза агона. Знаменитая солоновская «евномия» («благозаконие»), которой посвящено одно из самых популярных стихотворений этого поэта (Sol. fr. 3 Diehl)⁴³, в сущности, и являет собою искусство компромисса.

Благозаконье же делает всё и ладным, и стройным,
 Тем, кто несправедлив, зло не дает сотворить,
 Грубость смягчает, и наглость смиряет, и спесь
ослабляет,
 Сушит дурные цветы, что от обмана взошли;
 Тяжбы, что кривды полны, выпрямляет, надменную
дерзость
 Вмиг укрощает она и прекращает вражду,
 Тяжкий раздор прекращает и гнев. Так от Благозаконья
 Всё у людей хорошо, разум царит в их делах⁴⁴, —

так завершает он эту элегию (Sol. fr. 3. 32 sqq. Diehl).

Постоянным образом, красной нитью проходящим через всю лирику Солона, является образ реформатора-умиротворителя, последовательно действующего так, чтобы стасис, подобно некоей болезни разъедающий гражданскую общину, был ликвидирован и интересы враждующих сторон были приведены к некоему единству. Этот идеальный реформатор, естественно, сам автор⁴⁵. Прочитируем

³⁹ О «зависти богов» писали много, но, пожалуй, наиболее исчерпывающим образом осветил эту тему в двухтомном исследовании датский ученый: Ranulf 1933–1934.

⁴⁰ Из специально посвященных данному сюжету работ см., в частности: Regenbogen 1962; Krischer 1964; Oliva 1975; Chiasson 1986; Lloyd 1987; Frings 1996; Shapiro 1996; Kindt 2006.

⁴¹ Впервые, кажется, в работе: Суриков 1999. А в последний раз — в: Суриков 2011, 232 слл. Соображения, ближе всего касающиеся круга вопроса, который разбирается нами здесь, см.: Суриков 2004, 93–94.

⁴² К вопросу о зависти у Солона (в сравнении с Пиндаром) см. еще: Newman 1982.

⁴³ Оно неоднократно становилось предметом интереса со стороны специалистов. См. хотя бы: Siegmann 1975; Stahl 1992; Blaise 2006.

⁴⁴ Стихи Солона здесь и далее цитируются в нашем переводе.

⁴⁵ Солон вообще склонен к восхвалению самого себя в собственных произведениях (Vox 1983a, 519).

две встречающиеся у него характерные фигуры (одну метафору и одно сравнение).

Встал я, щит свой могучий на тех и на этих надвинув⁴⁶,
И не давал побеждать кривдой ни тем, ни другим.
(Sol. fr. 5. 5–6 Diehl)

А я, как камень закладной (ὄρος)⁴⁷, меж ними
встал

Посередине...
(Sol. fr. 25. 8–9 Diehl)

Примеры аналогичного рода в солоновском стихотворном наследии (пусть и без таких же ярких образов, но демонстрирующих то же мировоззрение) можно было бы приводить и дальше, но в этом, думается, уже нет особого смысла: каждый при желании сможет легко их найти самостоятельно в не слишком большом по объему корпусе сохранившихся фрагментов поэта-законодателя. Достаточно неожиданная коллизия заключается, однако, в том, что есть у Солона и образ, резко контрастирующий со встретившимися нам ранее. В ямбическом стихотворении, написанном сразу после проведения реформ и фактически подводящем их итоги⁴⁸, автор уподобляет себя... волку!

И потому, от всех обороняясь, я
Вертеться стал, как средь собачьей стаи волк.
(Sol. fr. 24. 26–27 Diehl)

Волк — животное, обычно не вызывающее позитивных реминисценций⁴⁹ и уж точно не ассоциирующееся с фигурой компромиссного посредника-примирителя⁵⁰. Поэтому не лишними оснований выглядят и следующие соображения Э. Ирвин⁵¹: в солоновских произведениях подчас встречаются выражения, весьма далекие от образа умеренного «центриста», сторонника компромиссов, каким весьма часто предстает афинский законодатель в исследовательской литературе. Солон нередко говорит властным языком, более подобающим тираническому курсу. И действительно, примерно подобный же язык мы встречаем в дошедших фрагментах сочинений тех архаических тиранов, которые тоже занимались поэтическим творчеством.

Но если перед нами и противоречие, то противоречие диалектическое — одно из тех, которыми была полна вся солоновская деятельность, развертывавшаяся в крайне непростое для Афин время. Не случайно поэт в том же произведении так говорит о ней:

⁴⁶ Очень сомнительный образ. См.: Stehle 2006, 97; Суриков 2010б, 33.

⁴⁷ Строго говоря, принимаемое нами здесь значение термина ὄρος не единственное; его можно понимать не только как «закладной камень», но и как «пограничный камень» См. к проблеме: Ober, 2006. Впрочем, толкование термина самим Дж. Обером является крайне проблематичным. Но для нас это не столь уж и принципиально.

⁴⁸ Это стихотворение (к нему, по нашему мнению, относятся два из сохранившихся фрагментов: Sol. fr. 24–25 Diehl) тоже является одним из самых известных у Солона. И о нем существует специальная литература, например: Stinton 1976; Vox 1983b; Blaise 1995; Zunino 2004; Martin 2006.

⁴⁹ Интересно, что сам Солон в своем законодательном своде поощрял истребление волков, за которое назначал денежные награды (Plut. Sol. 23).

⁵⁰ Ср.: Vox 1983b, 313; Stehle 2006, 93–94.

⁵¹ Irwin 2006. Отчасти схожие рассуждения см. в: Gottesman 1998.

...Своею властью я,
 Соединивши справедливость с силою
 (ὄμοῦ βίαν τε καὶ δίκην ξυναρμόσας),
 Сие свершил.

(Sol. fr. 24. 15–16 Diehl)

Здесь бок о бок со справедливостью, правом (δίκη)⁵², поставлено такое понятие, как βία — сила, а фактически даже насилие. Солон, с одной стороны, призывает к прекращению стасиса, а с другой — вводит озадачивавший многих исследователей закон⁵³, можно сказать, принуждающий граждан принимать участие в этом самом стасисе, не оставаться нейтральными.

И тем не менее принципы справедливости, гармонии, сбалансированного равновесия в обществе для афинского поэта гораздо важнее противоположных. С этим согласно подавляющее большинство исследователей⁵⁴, и объяснение феномена для нас в общем-то очевидно. Хотя архаическая греческая лирика явилась одним из самых ярких воплощений индивидуалистической (и тем самым агональной) тенденции в социокультурной жизни тогдашней Эллады⁵⁵, в то же время ранние законодатели, а также так называемые «Семь мудрецов» проводили своей деятельностью тенденцию прямо противоположную — коллективистскую (и тем самым, так сказать, «антиагональную»)⁵⁶. Полагаем, не случайно «дельфийской семерке» сразу же стали приписываться изречения в абсолютно компромиссном духе: «Ничего слишком», «Лучшее — мера» и т.п. (см. подборку: Diog. Laert. I. 22–122). Все эти афоризмы как бы «били в одну точку», отражали и проводили в жизнь нормы умеренности и справедливости.

Теперь следует указать на то, что среди великих лириков архаики Солон (включавшийся — единственный из них! — в списки «Семи мудрецов» и — опять же единственный из них! — писавший не только стихи, но и законы) именно тот, о котором с наибольшим основанием можно было бы сказать: «Он *не* в первую очередь поэт». Об Архилохе, Сапфо или Симониде такого ведь не скажешь. Они были именно *в первую очередь* поэтами, и это определяло всё остальное в их жизни.

Поэт, жрец муз, отличается от «мирянина» тем, что он пишет не «для чего-то», а потому что «песня зреет» (Фет). А сочинения Солона в большинстве своем были именно целенаправленны, а не обусловлены спонтанным потоком вдохновения. Они очень рациональны по замыслу. Так, элегия «Саламин» (Sol. fr. 2 Diehl) имела целью побудить афинян возобновить войну с мегарянами за спорный остров; элегия «Благозаконие» (Sol. fr. 3 Diehl), по сути, готовила сограждан к проведению реформ с целью преодоления внутреннего кризиса; элегии против тирании (Sol. fr. 8–11 Diehl) тоже имеют вполне ясную интенцию. Конечно, и у Солона можно найти какую-нибудь гомосексуальную эротiku в чистом виде (Sol. fr. 12 Diehl), но не это является для него определяющим. Он даже не столько поэт-политик, сколько политик-поэт.

⁵² О концепции δίκη в стихах Солона см.: Vlastos 1946 (классическая работа); Manuwald 1989.

⁵³ О нем см.: Суриков 2009г; 2013в (с указаниями на предшествующую литературу); Schmitz 2011.

⁵⁴ Например: Allen 1949; Lumpe 1955; Gentili 1975; Loraux 1984; Zunino 2004; Blaise 2011.

⁵⁵ Суриков 2012а, 109 слл.

⁵⁶ Суриков 2012а, 93, 114–115.

Эпос и мировоззрение Солона: преемственность и черты новизны. Как и все древнегреческие элегисты, Солон находился, естественно, под сильнейшим влиянием эпической традиции⁵⁷. Оно проявлялось в первую очередь на уровне отдельных слов и выражений, то есть лексики и фразеологии. Играли роль два фактора — языковой и метрический. Во-первых, диалект, на котором писались элегии, почти тождествен эпическому диалекту; во-вторых, и элегический дистих очень близок к гекзаметру, так что многие формулы из того же Гомера могли без какого-либо ущерба заимствоваться элегическими поэтами⁵⁸. Характерно, что в солонических ямбах и тетраметрах «гомеризмов» подобного рода значительно меньше, чем в элегиях⁵⁹; именно этого и следовало бы ожидать.

Но нам здесь хотелось бы говорить не о лексико-фразеологическом, а о семантическом уровне постижения текста. Что воспринял Солон из эпического мировоззрения, а от чего в нем он отказался? Сосредоточиться мы предпочли бы именно на последнем. Ведь именно это может нам что-то сказать об изменениях в ментальности.

Уже достаточно давно Бруно Снелль в своей этапной книге «Открытие духа» сделал ряд интереснейших наблюдений о гомеровском образе человека, в частности, в его отношении к богам⁶⁰; в отечественной историографии о том же — явно под сильным влиянием Снелля — писал В. Н. Ярхо⁶¹. Положения, о которых идет речь (они представляются нам безусловно верными) вкратце можно сформулировать следующим образом.

У Гомера божество выступает как источник действий героев. У него еще нет понимания того, что импульсы и эмоции коренятся в самом человеке. Соответственно, в эпосе фактически нет еще психологии, нет представления о внутренней духовной жизни человека⁶². Душевные движения и порывы видятся как нечто внешнее, насланное свыше. Характернейший пример — сцена из самого начала «Илиады»: Ахилл в минуту гнева хочет убить оскорбившего его Агамемнона, но вдруг отказывается от этого намерения. Почему же? Отнюдь не потому, что он, как сказали бы мы, передумал; попросту с неба слетела Афина, встала за спиной Ахилла, самым грубым образом схватила его за волосы и запретила поднимать меч на царя (Ном. II. I. 188 sqq.). Гомеровского человека во всем ведут боги, поэтому он подчас производит даже впечатление существа безответственного. Создается впечатление, что он — не личность в полном смысле слова, несмотря на мощь и яркость своих проявлений.

⁵⁷ Укажем некоторые работы, посвященные данному вопросу: Nestle 1942; Müller 1956; Roisman 1984; Raaflaub 1993; Sauge 2000; Blaise 2006.

⁵⁸ В последнем по времени издании стихов Солона, снабженном подробнейшим комментарием (Noussia-Fantuzzi 2010), скрупулезно отмечаются все идентифицируемые случаи заимствований нашего автора из эпоса.

⁵⁹ Noussia-Fantuzzi 2010, 421.

⁶⁰ Snell 1960, 1–42. Ссылаемся на английское издание книги Снелля, поскольку оно является более поздним.

⁶¹ Ярхо 1962; 1963. Ср. также: Ярхо 1972.

⁶² В сущности, у греков и в дальнейшем представления о психофизиологии отличались большой оригинальностью по сравнению с привычными нам. Об этом прекрасно сказано в классической книге Р. Онианса (см. русский перевод: Онианс 1999). С этим, между прочим, связана практически полная невозможность адекватно передать в переводах такие категории, как *φρήν*, *θυμός* и т.п.

Итак, в эпосе — всё от богов. А что в аналогичных контекстах мы встречаем у Солона? Принципиально иную позицию. Поэт-политик считает (и не раз подчеркивает), что сами люди, а не кто-либо иной, ответственны за свои действия. Вот несколько показательных цитат.

Нет, никогда не погибнет наш город по Зевсовой воле
 Иль по решенью других вечных, блаженных богов.
 Руки над нами защитницы нашей — Паллады Афины:
 Мощен отец у нее, также отважна сама.
 Но в неразумье своем погубить наш город великий
 Граждане сами хотят: деньги одни на уме!
 (Sol. fr. 3. 1–6 Diehl)

Эти строки — из знаменитого «Благозакония», одной из программных для Солона вещей. Как видим, содержащаяся здесь мысль такова: вопреки общепринятому мнению, в кризисе, постигшем полис, виновны не боги, а сами афиняне. Пожалуй, еще более акцентированно та же идея высказывается автором в одной из «антитиранических» элегий⁶³:

Коль по негодности (какóτητα)⁶⁴ вашей вы⁶⁵ в тяжкое
 бедствие впали,
 Не говорите, что то — якобы дело богов:
 Сами людей вы усилили этих⁶⁶, им дали защиту⁶⁷
 И потому-то теперь мучитесь в рабстве дурном.
 (Sol. fr. 8. 1–4 Diehl)

Таким образом, для Солона в бедствиях сограждан виновны не боги, а именно эти сограждане. Верным признаёт он и антонимичное суждение: заслуги человека — это его личные заслуги, которые он вовсе не обязан относить всецело на счет небожителей. В высшей степени характерен для солоновских стихотворений, написанных после реформ (Sol. fr. 5, 23, 24, 25 Diehl), какой-то чрезвычайно горделивый тон, которым говорится об итогах его деятельности. По мнению автора, даже сама Гея, богиня земли, должна быть ему признательна за то, что он ее «из рабыни превратил в свободную» (Sol. fr. 24. 7 Diehl).

С другой стороны, Солон, конечно, в одном месте вынужден признать, что меры, предпринятые им, он «выполнил с помощью богов» (σὺν θεοῖσιν ἤνυσσα, Sol. fr. 23. 18 Diehl). Вообще говоря, рассматривая данный вопрос, мы обнаруживаем такую же неоднозначную, двойственную картину, как и тогда, когда говорили об отношении нашего автора к агональности. Великий поэт всегда непросто... Найдите-ка точки соприкосновения между кощунственной «Гавриилиадой» Пушкина и его же прямо-таки боговдохновенным стихотворением «Отцы пустынноики и жены непорочны...», в котором содержится близкое к тексту переложение

⁶³ Об этом цикле элегий Солона см.: Rihl 1989. Следует, правда, учитывать, что Т. Рилл ошибочно считает эти стихи написанными поэтом в молодости и направленными против Драконта. Это вряд ли возможно.

⁶⁴ В связи с категорией *какός* (и производными от нее) у Солона см.: Суриков (в печати).

⁶⁵ Солон обращается к афинским гражданам в целом.

⁶⁶ Имеются в виду потенциальный тиран (кто бы им ни был) и его приспешники.

⁶⁷ Если автор подразумевает предоставление Писистрату отряда телохранителей-дубинщиков, то датировка элегии становится максимально точной — 560 г. до н.э. Но однозначный ответ на вопрос, так ли это, вряд ли можно дать.

молитвы св. Ефрема Сирина. Да и у Лермонтова — отца «Демона», который при этом написал «По небу полуночи ангел летел...», «Я, Матерь Божия, нынче с молитвою...», «В минуту жизни трудную...», — таких коллизий более чем достаточно.

Верил ли Солон в «чисто человеческий» мир, освобожденный от божественного вмешательства? Ничего не может быть более ложного, чем такое суждение. Его самая большая⁶⁸ элегия (условное название — «К музам», Sol. fr. 1 Diehl) целиком проникнута прямо противоположным ощущением: боги, разумеется, регулируют то, что происходит в обществе людей⁶⁹. Регулируют в основном посредством кары. Солон твердо верит в наследственное наказание, которое ждет потомков преступника⁷⁰:

Так вот от Зевса бывает возмездие. Хоть не всегда он
 Вспыльчиво сразу казнит — ибо не смертный он
 муж, —
 Но никогда от него не останется в тайне, коль только
 Дух у кого-то нечист: всё ж обнаружится зло.
 Этот расплатится сразу, тот — позже; а кто-то избегнет
 Сам, и кара богов вовсе минует его,
 Но неизбежно грядет: искупить невиновным (ἀναίτιοι)
 придется
 Злые дела — сыновьям или потомству их впредь.
 (Sol. fr. 1. 25 sqq. Diehl)

Это ведь, в сущности, та же идея коллективной ответственности, которая столь рельефно отражена у эпика Гесиода:

Целому городу часто в ответе бывать приходилось
 За человека, который грешит и творит беззаконье.
 (Hes. Opp. 240 sq.)

Но, если вдуматься, коллективная ответственность делает безответственным индивида — коль скоро каждый своими несчастьями платит не за свои, а за чьи-то чужие «грехи»... В этом мире переплетающихся преступлений и «воздаяний» неудобно, должно быть, жилось древнему греку. Опасность подстерегала на каждом шагу: всегда могла неожиданно обрушиться беда — в наказание, как считалось, за то, что какой-нибудь давний предок сто или больше лет назад совершил нечестивое дело. Несомненно, всем памятен яркий пример с Периклом, который своим внезапным падением после беспрецедентного взлета «искупил» двухвековую скверну Алкмеонидов⁷¹. Во всяком случае, таково было мнение его сограждан (Plut. Pericl. 37). А ведь лично Перикл, как известно, никакого кощунства не совершал; последнее было делом рук его прапрапрадеда (к тому же по материнской линии) Мегакла, возглавившего истребление участников заговора Килона.

⁶⁸ Из сохранившихся. В ней 76 стихов. Элегия «Саламин», по свидетельствам позднейших античных авторов, насчитывала 100 стихов, из которых до нас дошло лишь 8.

⁶⁹ См. по этому вопросу: Nesselrath 1992.

⁷⁰ В связи с этим см. прежде всего важную статью А. И. Доватура «Наследственная вина по Солону, Феогниду, Эсхилу», впервые опубликованную в 1977 г., а затем вошедшую в книгу: Доватур 1989, 102–113.

⁷¹ Об истории этой скверны в связи с историей рода Алкмеонидов см. наиболее подробно: Суриков 2000.

Феогнид — младший современник Солона⁷² — высказывает недовольство подобным положением вещей:

... Кто ужасные вещи творил, не ведая в сердце
 Страха, богов позабыв, кары ничуть не страшась, —
 Сам и платится пусть за свои злодеянья, и после
 Пусть неразумье отца детям не будет во вред.
 Дети бесчестных отцов, но честные в мыслях и в деле,
 Те, что боятся всегда гнева, Кронид, твоего,
 Те, что выше всего справедливость ценили сограждан,
 Пусть за проступки отцов кары уже не несут.

(Theogn. I. 733 sqq.; перевод С. К. Апта)

У Солона же аналогичного протеста нет ни в малейшей степени; он просто констатирует факт. И в данном смысле он как автор вполне эпичен.

Симпосиальный контекст солоновской лирики. Вряд ли имеет смысл лишний раз подчеркивать, насколько значительную роль играл в культуре архаической Эллады феномен симпосия. Теперь это уже вполне ясно каждому специалисту в результате концептуальных разработок целого ряда видных ученых, таких, как О. Меррей⁷³, Ф. Лиссарраг⁷⁴ и др. Симпосий являлся неотъемлемым, интегральным элементом аристократического образа жизни, а в качестве творцов культурных ценностей в интересующую нас эпоху выступали почти исключительно аристократы.

Солон, само собой, тоже принадлежал к кругу знатной элиты⁷⁵, да и лирическая поэзия периода архаики в целом была глубоко аристократична. В последнее время в литературе всё чаще делается акцент на том, что памятники этой поэзии рождались преимущественно именно в связи с симпосиями, а подчас и прямо на этих пирах. Тему симпосия в стихах Солона наиболее детально освещала в своих работах М. Нуссия-Фантуцци, посвятившая данному вопросу специальную статью⁷⁶, а в дальнейшем в своем пространнейшем комментарии к солоновским фрагментам⁷⁷ настойчиво отстаивавшая идею о том, что все или почти все они должны быть трактуемы именно в симпосиальном контексте. Исследовательница относит это даже к элегии «Саламин» (Sol. fr. 2 Diehl) — вопреки сообщениям источников, согласно которым автор исполнил названное сочинение на агоре или, по крайней мере, в каком-то людном общественном месте (Plut. Sol. 8; Polyae. I.

⁷² Впрочем, видимо, не столь уж намного младше его он был. Судя по всему, ближе к истине все-таки датировка творчества Феогнида первой половиной VI в. до н.э. (Legon 1981, 104 ff.; Пальцева 1999, 267–269), а не второй (Доватур 1989, passim; Немировский 2011). Строго говоря, два поэта писали примерно в одно и то же время. Поэтому нам не представляется абсолютно убедительной попытка А. И. Доватура представить различие в их взглядах на наследственную вину как образчик диахронной эволюции: Феогнид-де полемизирует с Солоном. Для начала надо бы доказать, что стихотворение Феогнида, которое будет процитировано далее, было создано позже элегии Солона «К музам»; а доказать это вряд ли в принципе возможно.

⁷³ Он много писал о симпосии и симпосиальной культуре. Укажем на статью, которая является, кажется, последней по времени у него на эту тему и, во всяком случае, обобщающей, подводящей итоги: Murray 2009.

⁷⁴ Основная работа этого французского исследователя переведена на русский язык: Лиссарраг 2008.

⁷⁵ Stinton 1976; Melissano 1994; Foxhall 1997; Mitchell 1997.

⁷⁶ Noussia 2001.

⁷⁷ Noussia-Fantuzzi 2010, 127–525.

20. 1: Iustin. II. 7. 9 sqq.; Diog. Laert. I. 46 sq.). Она констатирует: «У нас нет никаких свидетельств о декламации элегической поэзии в публичном пространстве, а не в более привычной для нее обстановке — на симпозиис»⁷⁸.

Между прочим, мы склонны с ней согласиться. Перечисленные чуть выше источники все являются поздними, и истинность того эпизода, о котором они здесь говорят (Солон, прикинувшийся сумасшедшим, выбежавший на площадь и огласивший перед народом свое творение), уже и раньше вызвала у нас сомнения⁷⁹. Ныне мы даже рискнули бы утверждать, что понимаем источник ошибки: Плутарх и другие просто неверно интерпретировали следующий пассаж Демосфена — писателя, в отличие от них, действительно достаточно раннего, и притом пассаж, несомненно, знакомый им всем как лицам, получавшим риторическое образование (ни в одной риторической школе речь «О преступном посольстве» — один из демосфеновских шедевров, — разумеется, не могла быть обойдена вниманием):

«Когда Саламин был отнят у афинян и они постановили даже смертную казнь тому, кто заговорит о его возвращении, Солон, пренебрегши собственной безопасностью, стал петь сочиненную им элегию (ἐλεγεῖα ποιήσας ἦδε) и таким образом спас это место для нашего государства и избавил его от павшего на него позора»⁸⁰ (Demosth. XIX. 252; перевод С. И. Радцига).

Как можно заметить, у афинского оратора, земляка Солона, очень прилично знавшего его наследие (в той же речи, буквально через несколько фраз, он полностью, от начала до конца, цитирует солоновское «Благозаконие»), ни словом ни сказано о том, где поэт читал свою элегию «Саламин». Демосфен, очевидно, предполагал по умолчанию, что стихи эти прозвучали на симпозиисе, где им и надлежало звучать. И уже затем, переходя, так сказать, с одного симпозииса на другой (поскольку одни и те же лица посещали разные симпозиисы, как можно видеть хотя бы из «Пира», — собственно, «Симпозииса» — Платона; в особенной степени это относится к незванным гостям, шатавшимся без приглашения по всем домам и за удовольствие «посидеть-выпить» развлекавшим основных участников⁸¹), они получили общественную известность.

Позднейшие же авторы, жившие в то время, когда все историко-культурные реалии были уже во многом иными⁸², явно и ситуацию, в которой был прочитан или пропет «Саламин», воспринимали по-иному. Для того же Плутарха симпозиис — это беседа мудрецов, на которой досужее пение неуместно. Он ориентировался на Платона, но тот-то специально оговорил, что на пиру Агафона флейтистку (заранее приглашенную) отпустили именно в порядке исключения (Plat. Symp. 176e). А вот на симпозиисе (тоже с участием Сократа), описанном Ксенофонтом, не только поют и танцуют, но и эротическую пантомиму смотрят⁸³.

⁷⁸ Noussia-Fantuzzi 2010, 204.

⁷⁹ Суриков 2010б, 33 слл.

⁸⁰ Парафраза (не прямая цитата!) из самой солоновской элегии «Саламин».

⁸¹ Об этих незванных гостях см.: Fehr 1990. В том же «Пире» Платона Аристодем, *persona loquens* диалога, выказывает явное стеснение, когда Сократ зовет его идти незванным на мероприятие у Агафона; ученика философа угнетает перспектива оказаться в роли шута, вынужденного потешать присутствующих. К счастью, ему это делать и не приходится.

⁸² Тому, как изменился феномен симпозииса к плутархову времени, посвящена коллективная монография: *Symposion and Philanthropia* in Plutarch 2009.

⁸³ Об отличиях «Пира» Ксенофонта от «Пира» Платона см.: Huss 2010.

Радости те принимать, что у них есть налицо...

(Sol. fr. 3. 7 sqq. Diehl)

Последнюю часть цитаты лучше будет полностью привести и в греческом оригинале: *παρούσας εὐφροσύνας κοσμεῖν δαιτὸς ἐν ἡσυχίῃ*. Здесь — характерное скопление вполне определенно окрашенной лексики, включая глагол *κοσμεῖν*, напрямую связанный с существительным *κόσμος*. Нужно помнить, что элегия «Благозаконие» в целом посвящена отнюдь не пиршественным мотивам, а политическим: необходимости установления порядка в полисе. И этот государственный порядок для Солона порождается порядком симпосиальным. Те, кому не по душе «спокойствие пира», не рады и стабильности в гражданской общине, они — источник постоянных смут. Присущие им качества — *ῥβρις* и *κόρος*, которые противоположны как обычаям симпосия, так и полисным ценностям. Поэт-законодатель вновь и вновь предстает перед нами как в целом выразитель коллективистской тенденции в архаической греческой идеологии.

Есть в сохранившемся солоновском наследии несколько небольших отрывков, посвященных, по почти единодушному мнению исследователей, непосредственно пиру и подготовке к нему (Sol. fr. 26 Diehl):

Пьют и едят: те — пирожки медовые,
Другие — хлеб свой, третьи — чечевичное
Печенье. Также и в лепешках сладких тут
Нет недостатка. Всё, что людям черная
Дает земля, здесь в полном изобилии.
Хлопочут: кто со ступкою, кто с сильфием,
Кто с уксусом...
Кто с зернами граната, кто — с кунжутными...

Нужно учитывать, что названия многих из перечисляемых здесь яств переводятся на русский язык в известной мере условно. Но в любом случае бросается в глаза, как сочно, «аппетитно» описывается Солоном пиршество. Не случайно самый крупный из процитированных отрывков (первые пять строк) сохранил для нас главный «гурман» античности — Афиней — в своем монументальном гастрономическом трактате. Впрочем, известно, что Солон был большим жизнелюбом; он-то как раз умел *παρούσας εὐφροσύνας κοσμεῖν*. А эти жизненные радости он понимал так:

Ныне милы мне дела Кипрородной да Диониса,
Также и Муз — те дела, в коих веселье мужам.

(Sol. fr. 20 Diehl)

Иными словами — любовь, вино (тот же симпосий!), поэзия.

Завершить хотелось бы уточнением вот какого нюанса. В процессе обсуждения нашего доклада о поэзии Солона (который так часто упоминался выше, что читатель, наверное, уже понял: именно дискуссия по его поводу побудила нас написать эту статью) кто-то из присутствующих (кажется, это был тоже П. Ю. Уваров, хотя на сей раз мы не стали бы утверждать это со стопроцентной уверенностью) поставил вопрос — и совершенно правомерно — в более общей форме, а именно следующим образом: почему в архаической Греции такого высокого развития достигла лирика, а в классической — драма?

Ответ автора этих строк был, в общем-то, стандартным, ожидаемым: лирика — жанр подчеркнуто аристократический, а драма — демократический, массовый. Афины же (а здесь речь именно о них) в классическую эпоху имели несравненно более демократизированную политическую систему по сравнению с предшествующей, архаической. С этим, полагаем, никто спорить не будет; разве что упрекнут нас в социологизаторстве, да и это вряд ли, поскольку мы тут, собственно, ничего нового от себя не сказали, а просто воспроизвели общепринятую, даже банальную точку зрения.

На этом месте разговора в него вступил С. А. Степанцов, который предложил посмотреть на проблему с иной точки зрения: архаическая лирика⁸⁸ была теснейшим образом связана с симпосием (с этим, как говорилось выше, спорить тоже невозможно), и, соответственно, затухание симпосия означало затухание лирики (драма, как все понимают, к симпосию никакого отношения не имела).

В тот момент мы выразили согласие, однако теперь, в процессе написания статьи, нас начали по данному поводу терзать определенные сомнения. Они порождены констатацией некоей коллизии: в классическую эпоху — по крайней мере, в V в. до н.э. — симпосий отнюдь не прекратил существования⁸⁹. Да что там говорить — во второй половине названного столетия обычай собираться на симпосии был еще в полном разгаре! «Пир» Платона и «Пир» Ксенофонта — яркие тому свидетельства. А вот с лирикой в этот период было уже как-то туго. Не думаем, чтобы сравнение какого-нибудь Тимофея или даже Иона Хиосского (в его лирической «ипостаси») с такими фигурами, как Архилох, Тиртей, Феогнид или тот же Солон оказалось в пользу первых. Иными словами, все-таки не в симпосии дело, а в общем изменении социокультурной обстановки.

ЛИТЕРАТУРА

- Ант С., Шульц Ю.* (сост.) 1968: Античная лирика: переводы с древнегреческого и латинского. М.
- Вен П.* 2003: Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. М.
- Гуревич А.Я.* 1990: Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.
- Доватур А.И.* 1989: Феогнид и его время. Л.
- Зайцев А.И.* 2001: Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. СПб.
- Лиссарра Ф.* 2008: Вино в потоке образов: Эстетика древнегреческого пира. М.
- Лорд А.Б.* 1994: Сказитель. М.
- Немировский А.А.* 2011: Походы Гарпага и «мидяне» Феогнида (757–768; 773–782): границы применения «психологической» аргументации // *Studia historica*. 11, 328–340.
- Онианс Р.* 1999: На коленях богов: Истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе. М.
- Пальцева Л.А.* 1999: Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб.
- Пресс Дж.* 2013: Постановка вопроса в платоноведении // Платоновский сборник. Т. 1 / И. А. Протопопова и др. (ред.). М.; СПб., 8–47.

⁸⁸ Выше оговаривалось, что С. А. Степанцов, в отличие от нас, не склонен относить элегию и ямб к лирике; но здесь речь не об этом.

⁸⁹ См. хотя бы: Vickers 1990.

- Суриков И.Е. 1999: Гостеприимство Креза и афиняне // Закон и обычай гостеприимства в античном мире / Е.С. Голубцова (ред.). М., 72–79.
- Суриков И.Е. 2000: Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М.
- Суриков И.Е. 2004: Проблемы раннего афинского законодательства. М.
- Суриков И.Е. 2009а: Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемиические заметки). Часть II // Из истории античного общества. 12, 5–37.
- Суриков И.Е. 2009б: Солон и представления о времени в архаической Греции // Формы и способы презентации времени в истории / С.Г. Мереминский (ред.). М., 13–36.
- Суриков И.Е. 2009в: Образы времени в историческом труде Геродота // Античный мир и археология. 13, 10–35.
- Суриков И.Е. 2009г: Самый загадочный закон Солона: вопросы аутентичности и исторического контекста // Вестник истории, литературы, искусства. 6, 239–252.
- Суриков И.Е. 2010а: Рецензия: Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden — Boston, 2006 // ВДИ. 1, 207–214.
- Суриков И.Е. 2010б: Воительница Афина: Солон, Писистрат и афинское полисное ополчение в VI в. до н.э. // Мнемон. 9, 27–54.
- Суриков И.Е. 2011: Очерки об историописании в классической Греции. М.
- Суриков И.Е. 2012а: Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М.
- Суриков И.Е. 2012б: Винкельман — Ницше — Гитлер: «Немецкая античность» и складывание нацистской идеологии // История и современность. 1, 192–207.
- Суриков И.Е. 2013а: Рецензия: Barta H. “Graeca non leguntur”? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Band II. Archaische Grundlagen. Teil 1–2. Wiesbaden, 2011 // ВДИ. 3, 205–212.
- Суриков И.Е. 2013б: Афины в VIII–VII вв. до н.э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта») // ВДИ. 4, 23–43.
- Суриков И.Е. 2013в: Стасис как право и обязанность: закон Солона против нейтралитета в гражданской смуте // Monumentum Gregorianum. Сборник научных статей памяти ак. Г.М. Бонгард-Левина / А.И. Иванчик (ред.). М., 222–230.
- Суриков И.Е. (в печати): Понятия ἀγαθός и κακός в архаической Греции (по данным лирической поэзии) // Antiquitas aeterna. 4.
- Туманс Х. 2007: Еще раз об аристократизме и «буржуазности» Солона // ВДИ. 2, 19–39.
- Щербенок А. 2005: Деконструкция и классическая русская литература: От риторики текста к риторике истории. М.
- Ярхо В.Н. 1962: Вина и ответственность в гомеровском эпосе // ВДИ. 2, 3–26.
- Ярхо В.Н. 1963: Проблема ответственности и внутренний мир гомеровского человека // ВДИ. 2, 46–64.
- Ярхо В.Н. 1972: Была ли у древних греков совесть? (К изображению человека в аттической трагедии) // Античность и современность: К 80-летию Ф.А. Петровского / М.Е. Грабарь-Пассек и др. (ред.) М., 251–264.
- Allen A.W. 1949: Solon's Prayer to the Muses // Transactions of the American Philological Association. 80, 50–65.
- Almeida J.A. 2003: Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology. Leiden.
- Aloni A. 2009: Elegy // The Cambridge Companion to Greek Lyric / F. Budelmann (ed.). Cambridge, 168–188.
- Anhalt E.K. 1993: Solon the Singer: Politics and Poetics. Lanham.
- Barker E.T.E. 2009: Entering the Agon: Dissent and Authority in Homer, Historiography and Tragedy. Oxford.

- Barta H.* 2011: «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Band II: Archaische Grundlagen. Teil 1–2. Wiesbaden.
- Blaise F.* 1995: Solon. Fragment 36 W. Pratique et fondation des norms politiques // REG. 108, 24–37.
- Blaise F.* 2006: Poetics and Politics: Tradition Re-worked in Solon's 'Eunomia' (Poem 4) // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches / J. H. Blok, A. P. M. H. Lardinois (eds.). Leiden; Boston, 114–133.
- Blaise F.* 2011: La mer juste: Solon, 12 W // REG. 124, 535–547.
- Blok J.H., Lardinois A. P. M.H.* 2006: Introduction // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches / J. H. Blok, A. P. M. H. Lardinois (eds.). Leiden; Boston, 1–12.
- Blok J.H., Lardinois A. P. M.H.* (eds.) 2006: Solon of Athens 2006: Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden; Boston.
- Brown C.G.* 1997: Iambos // A Companion to the Greek Lyric Poets / D.E. Gerber (ed.). Leiden; New York; Köln, 11–88.
- Carey C.* 2009: Iambos // The Cambridge Companion to Greek Lyric / F. Budelmann (ed.). Cambridge, 149–167.
- Chiasson Ch.* 1986: The Herodotean Solon // Greek, Roman and Byzantine Studies. 27, 3, 249–262.
- Dayton J.* 2003: 'The Athletes of War': An Evaluation of the Agonistic Elements in Greek Warfare. Diss. Brown Univ.
- Diehl E.* 1949: Anthologia lyrica Graeca. Fasc. 1. 3 ed. Lpz.
- Ehrenberg V.* 1968: From Solon to Socrates. L.
- Fehr B.* 1990: Entertainers at the Symposium: The Akletoi in the Archaic Period // Symptica: A Symposium on the *Symposion* / O. Murray (ed.). Oxford, 185–195.
- Ferrara G.* 1964: La politica di Solone. Napoli.
- Foxhall L.* 1997: A View from the Top: Evaluating the Solonian Property Classes // The Development of the *Polis* in Archaic Greece / L. G. Mitchell, P. J. Rhodes (eds.). L.; New York, 61–74.
- Freeman K.* 1926: The Work and Life of Solon. Cardiff, L.
- Frings I.* 1996: Der Weise und der König. Solon und Kroisos bei Herodot und Lukian. Toruń.
- Gentili B.* 1975: La giustizia del mare: Solone fr. 11 D., 12 West. Semiotica del concetto di *dike* in greco arcaico // QUCC. 20, 159–162.
- Gerber D.E.* Elegy // A Companion to the Greek Lyric Poets / D.E. Gerber (ed.). Leiden; New York; Köln, 89–132.
- Gottesman A.* 1998: Solon's Fox: Poetry and Revolution in Archaic Athens // *Pomoerium*. 3, 19–25.
- Hönn K.* 1948: Solon: Staatsmann und Weiser. Wien.
- Huss B.* 2010: The Dancing Socrates and the Laughing Xenophon, or the Other *Symposium* // Xenophon / V.J. Gray (ed.). Oxford, 257–282.
- Irwin E.* 2005: Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation. Cambridge.
- Irwin E.* 2006: The Transgressive Elegy of Solon? // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches / J. H. Blok, A. P. M. H. Lardinois (eds.). Leiden; Boston, 36–78.
- Kindt J.* 2006: Delphic Oracle Stories and the Beginnings of Historiography: Herodotus' Croesus Logos // CPh. 101, 1, 34–51.
- Krentz P.* 2002: Fighting by the Rules: The Invention of the Hoplite Agôn // *Hesperia*. 71, 23–39.
- Krischer T.* 1964: Solon und Kroisos // Wiener Studien. 77, 174–177.
- Lardinois A. P. M.H.* 2006: Have we Solon's Verses? // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches / J. H. Blok, A. P. M. H. Lardinois (eds.). Leiden; Boston, 15–35.

- Legon R.P.* 1981: Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B. C. Ithaca.
- Lehmann-Haupt C.F.* 1912: Solon of Athens: The Poet, the Merchant, and the Statesman. Liverpool.
- Linforth I.M.* 1919. Solon the Athenian. Berkeley.
- Lloyd M.* 1987: Cleobis and Biton (Herodotus 1, 31) // *Hermes*. 115, 1, 22–28.
- Loroux N.* 1984: Solon au milieu de la lice // *Aux origines de l'Hellénisme: La Crète et la Grèce. Hommage à H. van Effenterre*. Paris, 199–214.
- Lumpe A.* 1955: Solons Einfluss auf Xenophanes // *RhM*. 98, 4, 378.
- Mansouri S.* 2011: Athènes vue par ses métèques (V^e–IVe siècle av. J.-C.). P.
- Manuwald B.* 1989: Zu Solons Gedankenwelt // *RhM*. 132, 1, 1–25.
- Martin R.P.* 2006: Solon in No Man's Land // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches* / J.H. Blok, A. P. M. H. Lardinois (eds.). Leiden; Boston, 157–172.
- Martina A.* 1968: Solone: Testimonianze sulla vita e l'opera. Roma.
- Masaracchia A.* 1958: Solone. Firenze.
- Melissano P.* 1994: Solone e il mondo degli ἐσθλοί // *QUCC*. 47, 2, 49–59.
- Mitchell L.G.* 1997: New Wine in Old Wineskins: Solon, *Arete* and the *Agathos* // *The Development of the Polis in Archaic Greece* / L. G. Mitchell, P. J. Rhodes (eds.). L.; New York, 75–81.
- Mülke Chr.* 2002: Solons politische Elegien und Iamben (Fr. 1–13; 32–37 West): Einleitung, Text, Kommentar. Lpz.
- Müller G.* Der homerischer Ate-Begriff und Solons Musenelegie // *Navicula Chiloniensis: Studia philologica Felici Jacoby professori Chiloniensi emerito octogenario oblata*. Leiden, 1–15.
- Murray O.* 2009: The Culture of the *Symposion* // *A Companion to Archaic Greece* / K. A. Raaflaub, H. van Wees (eds.). Oxford, 508–523.
- Nagy G.* 2010: Homer the Preclassic. Berkeley.
- Nesselrath H.-G.* 1992: Göttliche Gerechtigkeit und das Schicksal des Menschen in Solons Musenelegie // *Museum Helveticum*. 49, 2, 91–104.
- Nestle Walt.* 1942: Odyssee-Interperationen II. Solon und die Odyssee // *Hermes*. 77, 2, 129–135.
- Newman J.K.* 1982: Pindar, Solon and Jealousy: Political Vocabulary in the Eleventh Pythian // *Illinois Classical Studies*. 7, 2, 189–195.
- Noussia M.* 2001: Solon's Symposium (frs. 32–4 and 36 Gentili — Prato² = 38–40 and 41 West²) // *CQ*. 51, 2, 353–359.
- Noussia-Fantuzzi M.* 2010: Solon the Athenian, the Poetic Fragments. Leiden–Boston.
- Ober J.* 2006: Solon and the *Horoi*: Facts on the Ground in Archaic Athens // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches* / J.H. Blok, A. P. M. H. Lardinois (eds.). Leiden; Boston, 441–456.
- Oliva P.* 1971: Solón. Praha.
- Oliva P.* 1975: Die Geschichte von Kroisos und Solon // *Das Altertum*. 21, 3, 175–181.
- Raaflaub K.A.* 1993: Homer to Solon: The Rise of the Polis. The Written Sources // *The Ancient Greek City-State* / M. H. Hansen (ed.). Copenhagen, 41–105.
- Ranulf S.* 1933–1934: The Jealousy of the Gods and Criminal Law at Athens. Vol. 1–2. Copenhagen.
- Regenbogen O.* 1962: Die Geschichte von Solon und Krösus: Eine Studie zur Geistesgeschichte des 5. und 6. Jahrhunderts // *Herodot: Eine Auswahl aus der neueren Forschung* / W. Marg (Hg.). München, 375–403
- Rhodes P.J.* 1972: The Athenian Boule. Oxford.
- Rhodes P.J.* 1975: Solon and the Numismatists // *Numismatic Chronicle*. 15, 1–11.
- Rhodes P.J.* 1981: A Commentary on the Aristotelian *Athēnaion Politeia*. Oxf.
- Rhodes P.J.* 1993: “Alles eitel Gold”? The Sixth and Fifth Centuries in Fourth-Century Athens // *Aristote et Athènes* / M. Piérart (ed.). P., 53–64.

- Rhodes P.J.* 2003: Ancient Democracy and Modern Ideology. L.
- Rhodes P.J.* 2004: The Laws of Athens in the Aristotelian Athenaion Politeia // *Nomos: Direito e sociedade na Antiguidade Clássica* / D. F. Leão et al (eds.). Coimbra; Madrid, 75–87.
- Ribeiro J. Ferreira* et al. (eds.). *Symposion and Philanthropia* in Plutarch 2009: *Symposion and Philanthropia* in Plutarch. Coimbra.
- Rihll T.E.* 1989: Lawgivers and Tyrants (Solon, fr. 9–11 West) // *CQ.* 39, 2, 277–286.
- Rhodes P.J.* 2006: The Reforms and Laws of Solon: An Optimistic View // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches* / J. H. Blok, A. P. M. H. Lardinois (eds.). Leiden; Boston, 248–260.
- Roisman H.* 1984: Ate and its Meanings in the Elegies of Solon // *Grazer Beiträge.* 11, 21–27.
- Ruschenbusch E.* 1966: ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzweskes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden.
- Russo J.* 1997: The Formula // *A New Companion to Homer* / I. Morris, B. Powell (eds.). Leiden; New York; Köln, 238–260.
- Sauge A.* 2000: “L’Iliade”, poème athénien de l’époque de Solon. Bern.
- Schiller F. von* 1946: Die Gesetzgebung des Lykurgus und Solon. Hamburg.
- Schmitz W.* 2011: Athen — eine wehrhafte Demokratie? Überlegungen zum Stasisgesetz Solons und zum Ostrakismos // *Klio.* 93, 1, 23–51.
- Shapiro S.O.* 1996: Herodotus and Solon // *Classical Antiquity.* 15, 2, 348–364.
- Siegmann E.* 1975: Solons Staatselegie // *Perspektiven der Philologie.* 1, 267–281.
- Snell B.* 1960: The Discovery of the Mind: The Greek Origins of European Thought. New York.
- Stahl M.* 1992: Solon F 3D. Die Geburtstunde des demokratischen Gedankens // *Gymnasium.* 69, 385–408.
- Stanley Ph. V.* 1999: The Economic Reforms of Solon. St. Katharinen.
- Stehle E.* 2006: Solon’s Self-reflexive Political Persona and its Audience // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches* / J. H. Blok, A. P. M. H. Lardinois (eds.). Leiden; Boston, 79–113.
- Stinton T. C. W.* 1976: Solon, Fragment 25 // *JHS.* 96, 159–163.
- Tedeschi G.* 1982: Solone e lo spazio della comunicazione elegiaca // *QUCC.* 10, 33–46.
- Vickers M.* 1990: Attic Symposia after the Persian Wars // *Sympotica: A Symposium on the Symposion* / O. Murray (ed.). Oxford, 105–121.
- Vlastos G.* 1946: Solonian Justice // *CPh.* 41, 2, 65–83.
- Vox O.* 1983a: Le muse mute di Solone (e lo specchio del suono) // *Belfagor.* 38, 5, 515–522.
- Vox O.* 1983b: Solone “nero”. Aspetti della saggezza nella poesia soloniana // *Quaderni di storia.* 9, 18, 305–321.
- Weber L.* 1935: Solon und die Schöpfung der attischen Grabrede. Frankfurt a.M.
- Woodhouse W.S.* 1965: Solon the Liberator. New York.
- Zunino M.L.* 2004: Ὁμοῦ βίαν τε καὶ δίκην ξυναρμόσας: Solone e la creazione della giustizia // *Klio.* 86, 1, 5–15.

SOME PROBLEMS OF SOLON’S POETRY

I. E. Surikov

The article deals with Solonian poetical legacy and particularly with Solon’s attitude to agonality so widespread in Greece of his time; features of novelty and continuity of this author in comparison with the epic; connection of Solon’s poems with the phenomenon of *symposion*.

Key words: Solon, Archaic Greece, poetry, agon, novelty, continuity, *symposion*

© 2015

В. С. Ленская

ЖРЕЦ-АДМИНИСТРАТОР В АФИНАХ

Автор рассматривает обязанности афинского жреца как попечителя святилищ (наблюдение за порядком, за состоянием святилища и храмового имущества), учитывая при этом различия между полисными, гентильными жрецами и жрецами различных культовых объединений. Она пытается восстановить порядок преобразований в полисном храме и заключает, что они всегда были делом коллегиальным: жрец обращался с просьбой о ремонтных работах в Совет, который рассматривал дело и передавал в Народное собрание, где избирались представители из народа (а иногда из Совета и Ареопага) для наблюдения за работами. Далее автор рассматривает степень участия жреца в административно-финансовом управлении храма в классический и эллинистический периоды. В заключении автор ставит вопрос, можно ли назвать афинского жреца магистратом и приходит к выводу, что понятие “магистрат” вполне соответствует категории полисных жрецов.

Ключевые слова: Афины, культ, жречество, храмовая администрация, магистраты

Главной функцией жреца в древнегреческом мире была функция богослужебная — жрец должен был приносить жертвы богам и молиться за общину: согласно Эсхину, жрецы «получают жертвенные приношения и возносят молитвы богам» (Aeschin. In Ctesiph. 18), Платон пишет, что жрецы заботятся о чистоте жертв и молятся (Plato. Leg. 909d–e), Плутарх сообщает, что «жрецы испрашивают блага у богов, не только себе, друзьям и домашним, но сообщая всем гражданам» (Plut. Maxime cum princip. 778f)¹. Богослужебные обязанности греческих жрецов настолько перевешивали и заслоняли собой все их остальные дела, что эти последние остаются как бы незамеченными и в источниках, и в литературе; о них упоминают мало и с явной неохотой². Тем не менее, жрецы были не только сакрифаторами и молитвенниками, но и администраторами своих святилищ, и именно этой, административной, функции жрецов посвящена наша статья. Источниками для нашего исследования являются прежде всего надписи. В данной статье мы ограничимся рассмотрением афинских надписей, поскольку правила администрирования не были столь универсальны по всей Греции, как, скажем, правила культовых церемоний; управление и администрирование храмами во многом зависело от управления в самих полисах, хотя многие параллели просматриваются и здесь. К сожалению, количество соответствующих надписей невелико, без преувеличения можно сказать, что материал пришлось собирать по крупицам; к тому же большинство надписей датируются достаточно поздним временем, что не позволяет представить хронологически развернутую картину. Однако мы не

Ленская Валерия Сергевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН. E-mail: vlenskaya@yandex.ru

¹ Подробнее об этом см. Ленская 2013.

² Нам известны только две работы, где затрагивается этот вопрос — Martha 1882, 87–114 и Pigeonne-Delforge 2005, 22–24. Наше исследование, конечно, частично пересекается с ними, но мы используем более широкий круг источников, разделяем классический и эллинистический периоды и обращаем внимание на разные типы жречеств.

сомневаемся, что сохранившиеся надписи представительны и для более раннего времени, по той же самой причине, о которой мы писали и ранее: поскольку религиозные правила и установления менялись очень мало и с чрезвычайной осторожностью; подтверждения этому высказыванию мы сможем увидеть чуть ниже. Исследователь эллинистических Афин Х. Хабихт пишет, что за исключением вновь появившихся элементов обожествления правителей (в периоды утраты независимости), афиняне отправляли свои культы на традиционный манер³. Мы не можем сказать, почему почти не сохранились более ранние надписи, касающиеся храмовых административных вопросов, — может быть, это случайность, но возможно, что в позднеэллинистический период подобных «мелочных» постановлений издавалось больше: не связанные необходимостью решать важные политические вопросы, афиняне компенсировали это, по словам Х. Хабихта, «культивированием официальной набожности»⁴. Конечно, некоторые различия между классическим и эллинистическим периодами существовали, что будет нами специально оговорено, однако кардинальной разницы не существовало. Таким образом, хронологически наше исследование никак не ограничено.

Платон называет жрецов и жриц «попечителями» (ἐπιμεληταί) святилищ (Leg. 759a). Аристотель пишет: «Жрецы, попечители всего имеющего отношения к святыням — охрана существующих зданий, восстановление приходящих в ветхость и забота обо всем остальном, что служит для поддержания религиозного культа» (Pol. 1322b18). По окончании своей деятельности полисные жрецы отчитывались перед народным собранием (Aeschin. In Ctesiph. 18; SEG 42:112 — λόγους τῆς ἐπιμελείας ἔδωκεν τοῖς δημόταις, l. 6; IG II² 354 — ἐπειδὴν τὰς εὐθύνας δῶν, l. 21-22), гентильные жрецы (исполнявшие свои обязанности пожизненно) делали периодические отчеты перед родом (SEG 29:135; IG II² 1229), а в случае спорных вопросов по вопросам богослужения — перед архонтом-басилевсом (Aristot. AP. 57. 2); жрецы различных культовых объединений отчитывались перед своим сообществом⁵. Финансовых отчетов жрецы не давали, однако в постановлениях, выносящих похвалу тому или иному жрецу, нередко фигурируют упоминания о его попечении над состоянием святилища и храмовой утвари. Именно он был хранителем ключей от храма — известно, что жреца обычно изображали с ножом, а жрицу с ключом (что, конечно, никак не лишает жреца права на ключ, а лишь подчеркивает гендерные различия)⁶. Правда, нужно отметить, что в большинстве случаев жрецы разделяли эту заботу с другими людьми, специально занимавшимися хозяйственными делами, о чем также пишет Аристотель: «Бывает, что попечение обо всем этом в некоторых местах, например, в небольших государствах, возлагается на одно должностное лицо, в других же местах имеется много отдельных должностей, отличных от жречества, как-то: иеропеи, неофилаки, казначеи священных сумм» (Pol. 1322b18). Принцип коллегиальности строго соблюдался и в этой сфере полисного бытия, и хотя жрец в большинстве храмов был один (за исключением крупных храмов и храмовых комплексов), тем не менее, к нему чаще всего приставлялись комиссии из выборных лиц, контролирующих орга-

³ Хабихт 1999, 165–166.

⁴ Хабихт 1999, 166.

⁵ О типах культов и типах жрецов в Афинах см. Ленская 2012b.

⁶ Connelly 2007, 92–104.

низационные, административные и финансовые вопросы — иеропеи, эпистаты, казначеи, эпимелеты и др. Особенно строго следили за любыми нововведениями и изменениями, производившимися в святилищах, поскольку все, касавшееся религиозных установлений, в первую очередь попадало в категорию совершавшегося *κατὰ τὰ πάτρια*. Поэтому в помощь полисному жрецу, как правило, избиралась комиссия из граждан или специалистов (напр., архитекторов), которые сообща принимали решения о нововведениях и наблюдали за их исполнением. В классическое время народное собрание избирало жребием коллегию из 10 человек в качестве заведующих ремонтом храмов (*ἱερῶν ἐπισκευασταί*), которые получали для этого 30 мин и ремонтировали наиболее нуждавшиеся в ремонте храмы (Arist. AP. 50. 1). Однако иногда дело обходилось и без помощи этой «центральной» комиссии: так, надпись из аттического дема Галы Эксонские гласит, что жрец Аполлона «ревностно отремонтировал святилище и украсил статуи с избранными демотами» (названы имена 4 человек, SEG 42:112, l. 4–5, ок. 360 г. до н.э.), и постановляет выдать казначею деньги на произведенные расходы (l. 13). Надпись IG II² 403 (350–320 гг. до н.э.) является постановлением Совета, который заслушал отчет избранных лиц из народа о ремонте статуи Афины Ники; жрице Афины предписывалось принести жертву за народ. Эта серия надписей относится к полисному типу культа; в полисном культе в классическую эпоху средства на ремонт выделяло государство, хотя в эллинистический период мы все чаще встречаемся со случаями финансирования потребностей культа самими жрецами, о чем мы скажем чуть ниже.

Подобные контролирующие коллегии существовали также в культах гентильных и частных. Из надписи аттического дема Рамнунт узнаем, что в этом деме вокруг храма Амфиарая существовало сообщество эранистов, членами которого были жители разных демов, распорядителем являлся некий Диокл из дема Гамаксантея (вероятно, исполнявший обязанности жреца). На собрании эранистов было объявлено, что «храм нуждается в ремонте, в доме нет двери, крыша съехала, часть стены обвалилась вниз на круглый камень, стол бога покосился и портик под угрозой обрушения» (l. 2–6), и было принято решение, что эранисты (всего записано 24 имени) внесут на ремонт, сколько каждый может (IG II² 1322, конец III — нач. II в. до н.э.). Жрица рода Теоинидов, о которой мы уже упоминали, хорошо заботилась о храме и, «действуя вместе с родом Теоинидов» (курсив наш — В.Л.), потратилась из своих» (SEG 29:135, l. 5, поздний эллинизм). Как видим, в гентильных и частных культах преобразования производились за счет самих генетов и членов культовых объединений.

Рассмотрим конкретно, что входило в обязанности жреца как попечителя святилищ. Прежде всего жрец был обязан заботиться о статуе божества. Греческие храмы считались жилищами богов, а статуя бога была главным культовым объектом, которому поклонялись как живому божеству (Plato. Leg. 931a; Luc. Philopseudes. 19-21); если храм лишался своей статуи, его покидали (Paus. IX. 33. 4). Статую необходимо было одевать (Paus. II. 11. 6; Hesych. s.v. Πραξίερῦδαί), украшать (Eurip. Hipp. 73–84; Paus. II. 11. 6; Luc. Philopseudes. 19), чистить (Paus. II. 10. 4; Plut. Alcib. 34; Ovid. Fast. IV. 135) и кормить⁷. В надписях нередко сообщается

⁷ Gill 1991.

о том, что жрец заботился о статуе храма: так, в афинском деме Галы жрец вместе с избранными демонтами украшал статуи в храме Аполлона (SEG 42:112, 360 г. до н.э.); в деме Тейтрас некий Эвтипп (возможно, жрец или неокор, поскольку надпись была установлена в храме) восхваляется за усердную заботу о статуе и за то, что сделал больше, чем обещал, и потратил много своих денег (SEG 24:153, сер. 4 в. до н.э.). В больших храмах существовали специальные должностные лица, избранные для установки или ремонта статуй богов, — сохранились сведения об эпистатах статуй в афинском Гефестионе, которые вели расчеты с рабочими по установке статуй (IG I³ 472, 421/0–416/5 гг.), эпимелетах ремонта статуи Диониса (IG II² 2851, сер. IV в. до н.э., Афины). В некоторых случаях забота о статуе лежала на членах отдельных родов или семей: Праксиергиды в Афинах были попечителями статуи Афины Полиады⁸, потомки Фидия, звавшиеся φαίδυνταί, выполняли в Олимпии почетную обязанность чистить статую Зевса и приносить ей жертву перед чисткой (Paus. V. 14. 5; IvO 466 - φαίδυντής); φαίδυνταί также известны в Элевсине — по мнению Клинтон, они выполняли работы, связанные с уходом за статуями, и были членами рода Эвмолпидов⁹; кроме того, иногда за статуей ухаживали девушки из знатных семей: так, например, жрице Афины Полиады помогали девушки, называвшиеся ἡ κοσμῶ и ἡ τραπέζοφόρος (Нагрост. s.v. τραπέζοφόρος). Нам также известен случай, когда статуи во время праздника Афродиты Пандемии в Афинах по традиции (κατὰ τὰ πάτρια) мыли астиномы, предварительно получив инструкции от жрицы (IG II² 659, 287/6 г. до н.э.). Нередко бывало так, что жрецы были единственными людьми, которым позволялось лицезреть храмовую статую или приближаться к ней (Paus. II. 10. 4; 13. 7; 35. 6; VII. 23. 9; 24.2).

Вообще весь храм и прилегающая к нему территория находились в ведении жреца. Нужно сказать, что в разных местах Греции возможности доступа в святилища были неодинаковыми: так, некоторые храмы открывались только раз в год — напр., в Афинах храм Диониса в Лимнах (Dem. Contra Neaer. 76) и Элевсиний (Thuc. II. 17), в аркадийской Фигалии храм Эвриномы (Paus. VIII. 41. 4), в Элиде храм Аида (Paus. VI. 25. 3); некоторые были открыты только для женщин (храм Диониса в Брисеях в Лакедемоне — Paus. III. 20. 4) или только для мужчин (храм героя Евноста в Танагре — Plut. Quaest. Graec. 40); некоторые святилища были вообще закрыты для посетителей (Paus. VII. 27.1; VIII. 10. 2); существовали святилища, в которые не допускались чужестранцы (Hdt. V. 72; VI. 81); в отдельных храмах только часть территории была доступна всем желающим (Paus. II. 10. 2; II. 10. 4; VI. 20. 2–3). Степень попечения над храмами также везде была разной: в небольших святилищах оно целиком лежало на жреце и его помощнике — закоре или неокоре (напр., Павсаний рассказывает о святилище Афродиты в Коринфе, где есть только две служительницы: «храмовая служительница, νεωκόρος, которой на все время запрещено иметь сношения с мужчинами, и девушка, ежегодно исполняющая обязанности жрицы» — Paus. II. 10. 4, пер. С. Кондратьева)¹⁰, в более крупных административные обязанности были распределены между жрецом и избранными должностными лицами, именовавшимися иеропеями, эпистатами,

⁸ Ленская 2012с.

⁹ Clinton 1974, 95.

¹⁰ Ленская 2011.

эпимелетами, а иногда просто «избранными мужами из народа». Но, так или иначе, жрец всегда принимал участие в мероприятиях, касавшихся административного управления, а иногда и сам инициировал их. Например, нам известно постановление из аттического дема Эвпириды, которым жрец Аполлона Эритасия запрещает выносить с территории святилища деревья, мусор и опавшие листья; в противном случае провинившийся (если он свободный) должен был уплатить жрецу и демарху штраф (IG II². 1362)¹¹. Надпись из Пирея сообщает, что жрица вместе с демархом должна была следить за соблюдением определенных правил в Фесмофорионе; надпись с этими правилами была установлена у входа в Фесмофорион (IG II². 1117). Многие святилища в Греции имели свои установленные правила и запреты, которые часто записывались на стелах, выставившихся у входа в святилище¹². Ответственными за соблюдение этих правил были жрецы (часто вместе с неокорами): так, например, дорийцам запрещался вход в святилище Афины в Эрехтейоне, и когда лакедемонский царь Клеомен попытался туда проникнуть, сама жрица остановила его (Hdt. V. 72).

Жрец храма Амфиарая в Оропе «доставал средства на обустройство храма» *πόρους πελόρικεν εἰς τὴν κατασκευὴν τοῦ ἱεροῦ* (IG VII. 4253, 15–17, 332/331 г. до н.э.). В надписи 328/7 г. до н.э. читаем, что жрец афинского Асклепия благочестиво «заботится о храме» — *ἐπιμελεῖται τοῦ ἱεροῦ* (IG II² 354, l. 13–14), в надписи 165/4 г. до н.э. жрец того же храма «заботился о порядке в храме» — *ἐπιμεμέληται τῆς τοῦ ναοῦ εὐκοσμίας* (IG II² 950, l. 10–11). Из постановления афинского рода Теоинидов узнаем, что жрица нимфы «заботилась о святилище *ἐπεμελήθη τοῦ ἱεροῦ* хорошо и благочестиво» (SEG 29:135, поздний эллинизм) — в данном случае речь идет о жрецах-геннетах. Очень ярко обязанности жрицы одного из афинских храмов (название не сохранилось) описаны в надписи, датированной временем начала империи (IG II² 1346): жрица принимала от предыдущей жрицы все оснащение храма с описанием переданного (*τὴν ὅλην τοῦ ἱεροῦ κατασκευὴν μετὰ χειρογράφου ἀπογραφῆς τῶν παραδιδόμενων αὐτῇ* — l. 6–8) и должна была заботиться об охране переданного (*προνοεῖσθαι τῆς φυλακῆς αὐτῶν* — l. 9–10). Если же в ходе передачи имущества следующей жрице выяснится какая-то недостача, жрица должна была оплатить ее (l. 12–16). Жрице запрещалось вносить изменения в устройство (*κόσμος*) храма (l. 16–18), входящая в должность жрица должна была дать клятву о том, что «сохранит порядок богов и все оснащение храма невредимым» (*τηρήσει τὸν τε τῶν θεῶν κόσμον καὶ τοῦ ἱεροῦ τὴν κατασκευὴν ὀλόκληρον* — l. 21–23). Несмотря на довольно позднюю датировку надписи, можно не сомневаться, что подобные законы действовали на всем протяжении греческой истории.

Акты передачи имущества другим жрецам и ответственным должностным лицам (*παράδοσις*) или описи храмового имущества, составлявшиеся при расхождении с предыдущей инвентаризацией (*ἐξετασμός*), возникли после появления выборных жрецов во второй трети V в. до н.э.¹³ и засвидетельствованы во многих надписях; нередко в них упоминаются вещи, нуждавшиеся в ремонте —

¹¹ Подобные правила существовали в одном из героонов Эпидавра, где запрещалось уносить с территории святилища сломанные ветви растущих там маслин и других деревьев (Paus. II. 28. 7).

¹² Horster 2012, 6–7.

¹³ Об этих инвентарях см. Lewis 1997, 40–50; Aleshire 1989, 107–108.

напр., κλῖναι (IG II² 1421, l. 109–110; 1639, l. 10–11; 1638, l. 68–69), κοῖται (IG II² 120, l. 38–39; 1440, l. 49), θυμιαστήρια (IG II² 1425, l. 134–135), πίνακες (IG II² 120, l. 43), некие изделия, названия которых не сохранились (IG II² 1613, l. 55–57; 1614, l. 101–102; 1617, l. 39–40, 60–61).

Довольно часто в надписях встречаются упоминания о т.н. καθαίρεσις — переделке или переплавке ранее посвященных вещей в другие вещи¹⁴. Первый случай такой переплавки (после экстраординарного случая конца Пелопоннесской войны, когда на монеты были переплавлены золотые статуи Ник с Акрополя¹⁵) в Афинах зафиксирован в 375/4 или 374/3 г. до н.э.¹⁶, второй — в сер. IV в. до н.э. (возможно, в 367/6 г. до н.э.), когда были проведены мероприятия по наведению порядка в святилищах¹⁷. Так, Демосфен произнес речь против политика и оратора Андротиона, которого афиняне назначили «попечителем священных сосудов», обвиняя его, помимо прочего, в том, что он уничтожил священные венки на Акрополе и переплавил их в фиалы (Dem. Adv. Androt. XXII. 70–78). Подобные операции после ἐξέτασις (IG II² 333, fr. a-b, l. 11), возможно, были произведены на Акрополе и в некоторых афинских храмах (IG II² 333, fr. c, e–f) в 30 гг. IV в. до н.э. при Ликурге Этеобутаде, хотя прямых указаний о переплавке вещей мы не встречаем: в указанном декрете, довольно обрывочном, говорится лишь об украшении (κόσμος) храмов, серия же декретов, посвященных испорченным вещам в храмах Акрополя (IG II² 1498–1501A), может быть как декретами типа ἐξέτασμός, так и καθαίρεσις, единого мнения среди исследователей по этому поводу нет¹⁸. В надписи сер. III в. до н.э. об инвентаризации (ἐξέτασμός) посвящений в афинский Асклепейон несколько раз встречаются упоминания о вещах, сделанных из ранее посвященных вещей (ἐκ τῶν τύπων), при разных жрецах, имена которых называются (IG II² 1534, l. 208, 221–222, 266, 279, 288). Согласно афинской надписи IG II² 839 от 221/0 г. до н.э., жрец героя-врача просил Совет дать разрешение на изготовление ойнохой для бога из вещей и серебра, посвященных в храм: ὅπως ἂν ἐκ τῶν τύπων τῶν ἀνακειμένων ἐν τῷ ἱερῶι καὶ τοῦ ἀργυρίου κατασκευασθῆι ἀνάθημα τῷ θεῷ οἰνοχόη (l. 17–20). Народное собрание постановило избрать 5 человек, 2 ареопагитов и 3 из демоса, которые вместе со жрецом, стратегом по обустройству и архитектором по святыням (μετὰ τοῦ ἱερέως, τοῦ στρατηγοῦ ἐπὶ τὴν παρασκευὴν καὶ τοῦ ἀρχιτέκτονος τοῦ ἐπὶ τὰ ἱερά, l. 27–29) выполнили бы эту работу. Имена прежних жертвователей и названия их приношений, которые должны были быть переплавлены, избранные обязаны были написать на стеле и выставить в храме (IG II² 839). Похожая немного более поздняя надпись, касающаяся того же храма, гласит о том, что жрец героя-врача просит Совет о переделке некоторых вещей, ставших со временем негодными (ἄχρηστα διὰ τὸν χρόνον, l. 8–9): кануна, ойнохой, 2 чаш, кадилницы и фиала. В данном случае Совет выделяет 3 человек уже только из своей среды, которые должны будут вместе со жрецом, стратегом по обустройству и архитектором по святыням переделать

¹⁴ О καθαίρεσις см. Aleshire 1989, 103–110.

¹⁵ Маринович, Кошеленко 2000, 164, сн. 296.

¹⁶ Маринович, Кошеленко 2000, 171.

¹⁷ Lewis 1954, 39–49.

¹⁸ Подробнее см. Humphreys 2004, 92–93; Mikalson 1998, 26; Кошеленко, Маринович 2000, 174; Kosmetatou 2003.

перечисленные вещи и предоставить в Метроон отчет о сделанном — τὰ μετακατασκευασθέντα καὶ καθαίρεθέντα (IG II² 840). Как видим, полисный жрец сам не имел права принять решение по вопросу смены храмовой утвари, но должен был обращаться к Совету и народному собранию; однако инициатива всегда исходила от него.

Должности «стратег по обустройству» (ὁ στρατηγός ἐπὶ τὴν παρασκευήν) и «архитектор по святыням» (ὁ ἀρχιτέκτων ἐπὶ τὰ ἱερά) встречаются еще в некоторых надписях, однако мы не знаем, кто и на какой срок их занимал и каковы точно были обязанности этих лиц. Мы имеем единственное упоминание о том, что архитектор по святыням избирался хиротонией (SEG 37:89, l. c.1), но это, собственно, и все. Возможно, эти должностные лица пришли на смену упоминавшейся выше комиссии заведующих ремонтов храмов, которая избиралась в классическое время (Aristot. AP. 50). Из имеющихся в нашем распоряжении надписей видно, что они занимались ремонтными работами в храмах: так, афинская надпись 215/4 г. до н.э. является отчетом жреца, избранных из народа и Ареопага мужей и стратега по обустройству о переплавке и ремонте некоторой утвари в храме Асклепия ἐπὶ τὴν καθαίρεσιν καὶ τὴν ἐπισκευήν τῶν ἐν τῷ Ἀσκληπιείῳ (IG II² 1539). Согласно постановлению 161/0 г. до н.э., народ должен был избрать пятерых мужей, которые вместе со жрецом, стратегом по обустройству и архитектором по святыням должны были что-то отремонтировать в храме (Agora 16. 296). Афинская надпись сер. II в. до н.э. гласит, что избранные мужи должны были вместе со жрецом, стратегом по обустройству и архитектором по святыням сделать для бога курильницу (IG II² 842). Согласно довольно обрывочной надписи конца II в. до н.э., некоторая утварь в храме Асклепия нуждалась в ремонте, поэтому Совет рекомендовал экклесии избрать трех мужей, которые вместе со жрецом и стратегом по обустройству выполнили бы необходимые работы (IG II² 1019). Кроме того, стратег по обустройству принимал участие в проверках храмов, которые время от времени проводились афинским народом: так, в сер. III в. до н.э. в афинском храме Асклепия проводился учет серебряной и золотой утвари (τὸν ἐξέτασμον τῶν ἐν τῷ Ἀσκληπιείῳ ἀνακειμένων ἀργυρωμάτων καὶ χρυσομάτων) и было принято постановление избрать 10 мужей, пять из ареопагитов, пять из народа, которые в присутствии жреца Асклепия и стратега по обустройству должны были провести проверку (IG II² 1534).

Таким образом, мы видим, что все преобразования, проводившиеся в полисных храмах, были делом гласным: жрец обращался с просьбой о ремонтных работах в Совет, который рассматривал дело и передавал в Народное собрание, где избирались представители из народа (а иногда из Совета и Ареопага) для наблюдения за работами. Работами руководили специальные должностные лица — в классическое время комиссия заведующих ремонтом храмов, позже — стратег по обустройству и архитектор по святыням; первый, по всей видимости, отвечал за административные и финансовые вопросы, второй занимался непосредственно ремонтно-строительной деятельностью. При этом жрец храма всегда принимал участие: он первый подавал «заявку» на ремонт, и он же присутствовал при исполнении.

Другим видом храмового администрирования было наблюдение за финансами. Здесь также следует различать разные типы культов: в гентильных и частных

культурах финансовые вопросы находились под наблюдением геннетов и членов культовых объединений, которые решали эти вопросы сообща на своих собраниях¹⁹. В полисном культе не было единого правила, все зависело от святилища; однако в этом вопросе, кажется, полисный жрец пользовался наименьшей самостоятельностью. Так, Эсхин пишет, что «закон предписывает требовать отчет у жрецов и жриц, у всех вместе и каждого в отдельности, хотя они получают только жертвенные подношения и возносят за вас молитвы богам» (Aesch. In Ctesiph. 18, пер. Л. М. Глускиной), подчеркивая тем самым, что жрецы не имели отношения к финансам. В классическую эпоху финансовые вопросы находились в ведении эпистатов, иеропеев, казначеев, эпимелетов, которые существовали, как правило, при каждом храме. Так, в афинских демах казна храмов находилась в руках демархов, иеропеев или неких должностных лиц, называвшихся архонтами. Например, иеропеи в храме Немесиды в Рамнунте засвидетельствованы уже в конце VI — нач. V в. до н.э. (IG I³ 247bis). В декрете 450–440 гг. до н.э. из Рамнунта, являющемся реестром «денег Немесиды» (основного божества дема) за несколько лет, упоминаются демарх, архонты и иеропеи (IG I³ 248). Согласно надписи 450–425 гг. до н.э. из дема Икария, демарх давал отчет о деньгах Диониса и Икария (IG I³ 253). К моменту появления декрета Каллия в 434/3 (или 422/1) г. до н.э., в соответствии с которым полис возвращал храмам «других богов» долги и была создана сокровищница «других богов», храмовым имуществом заведовали казначеи, эпистаты и иеропеи святилищ — комиссия казначеев сокровищницы других богов должна была получить деньги *παρὰ δὲ τοῦ νῦν ταμιῶν καὶ τοῦ ἐπιστάτου καὶ τοῦ ἱεροποιοῦν τὸν ἐν τοῖς ἱεροῖς* (IG I³ 52. 18–21)²⁰. Жрецы храмов являлись лишь хранителями *τὰ πινάκια καὶ τὰ γραμματεῖα*, на которых были записаны долги полиса храмам (IG I³ 52. 11–13; см. тж. отрывок из несохранившейся речи Ликурга «О жрице», в котором жрица вместе с кем-то еще ставит печать на какие-то документы *τῆν ἱέρειαν συσσημαίνεσθαι τὰ γραμματεῖα* — Suda. s.v. συσσημαίνεσθαι). Единственный случай, когда мы встречаемся с административно-финансовой деятельностью жрецов в демах, — это займы из фонда «денег богов», которые жрецы давали под залог недвижимого имущества в деме Мирринунт (IG II² 1183, после 340 г. до н.э.); тем не менее, общая отчетность о храмовых финансах в демах находилась в руках демарха²¹, поэтому в данном случае жрецы являются лишь простыми исполнителями. Однако вряд ли жрецы совсем были отстранены от участия в делах, связанных с финансами: во-первых, процедура *παράδοσις* подразумевала, что они отвечали за посвящения в храмы, во-вторых, они могли принимать участие в решении административно-финансовых вопросов вместе с выборной коллегией: так, например, согласно надписи второй половины V в. до н.э., жрец храма Аполлона²² в Афинах должен был «заботиться» о теменосе Аполлона вместе с двумя избранными из состава Совета казначеями (IG I³ 138).

¹⁹ В некоторых случаях, когда геннеты руководили большими полисными культурами, частично финансировавшимися полисом (напр., Элевсинским культом), они обязаны были дать отчет и перед народным собранием (Aesch. In Ctesiph. 18).

²⁰ О декрете Каллия см. Wade-Gery 1931, 51, 57–85; Wade-Gery, Meritt 1947, 279–86; Meiggs-Lewis 1969, 155–160; Linders 1975, 38–57.

²¹ Ленская 2015, 103–104.

²² Возможно, речь идет об Аполлоне Отчем на агоре, хотя по этому поводу есть разные мнения — см. Schlaifer 1940, 235–236.

В эллинистический период жрецы пользовались большей самостоятельностью в финансовых вопросах — так, упоминания о иеропеях практически исчезают из афинских надписей после IV в. до н.э.²³, и все чаще появляются случаи финансирования ремонтных работ самими жрецами²⁴. Например, в надписи 234/3 г. до н.э. сообщается, что жрец Каллисты ἀνέθηκεν βωμὸν λίθινον ἐκ τῶν ἰδίων «построил каменный алтарь из своих средств» (IG II² 788, l. 12-13). Согласно надписи 52/1 г. до н.э., жрец Асклепия и Гигеи Диокл доложил Совету о том, что древний храм Асклепия и Гигеи нуждается в ремонте, и просил Совет разрешить ему произвести ремонт из собственных средств «ради того, чтобы придать храму древний порядок» χάριν τοῦ τὴν ἀρχαίαν ἀποδοθῆναι τῷ ἱερῷ τάξιν (IG II² 1046, l. 18). Жрец Асклепия в Афинах украшал храм из собственных средств (IG II² 1019, конец II в. до н.э., l. 19). Жрица Деметры и Кору из дема Мелита «ремонтно-рвала все святилища в Элевсинии и устраивала все в храме Плутона» (ἐπεσκεύακεν τοὺς ναοὺς πάντας ἐν τῷ Ἐλευσινίῳ, παρεσκεύακεν πάντα ἐν τῷ τοῦ Πλούτωνος ἱερῷ) и при этом потратила из своих более 100 драхм на жертвоприношения в течение года, за что удостоилась от дема похвалы и права на статую в святилище (SEG 42:116, l. 4–7, ок. 180 г. до н.э.). Правда, на какие средства она отремонтировала храм, не указано, из чего можно сделать вывод, что эти работы финансировал дем; таким образом, в период эллинизма мы встречаемся как со случаями государственного финансирования, так и со случаями финансирования самими жрецами. В любом случае, полисный жрец обязан был дать отчет о своей деятельности перед народным собранием, даже если он сам финансировал большую часть затрат на культовые нужды, а приведенные выше надписи эллинистического периода об отчетности жрецов перед Советом свидетельствуют о том, что общественное регулирование храмовых дел велось по поводу самых мелких вопросов.

Наконец, следует сказать несколько слов об участии жрецов в устройении храмовых праздников и шествий. В классическое время этим занимались иеропеи; в период эллинизма иеропеи, как мы уже говорили, почти полностью исчезают из документов, но все чаще встречаются упоминания о неких ἐπιμεληταί, которые, например, вместе со жрецом заботились о жертвоприношениях (IG II² 676, 277/6 до н.э.; IG II² 783, 204/3 до н.э.) или организовывали шествия во время городских Дионисий (IG II² 896, 186/5 г. до н.э.). Однако теперь и жрецы стали принимать участие в организационных действиях: так, в нашем распоряжении имеется несколько надписей эллинистического времени, в которых сказано, что жрецы устраивали ночные молебны παννυχίδα ἐποιήσατο и следили там за порядком ἐπεμελήθη τῆς εὐταξίας τῆς ἐν τῇ παννυχίδι (IG II² 704, 775, 974, 975, 976, 996, 1033; SEG 33:115).

Подытоживая сказанное, мы бы хотели сказать несколько слов по поводу того, можно ли назвать афинского жреца магистратом. Возможно, вопрос не такой принципиальный — именовать его магистратом или нет, но, тем не менее, поставить это вопрос можно. В литературе мы не встречали каких-либо дискуссий на этот счет, но по тому, что время от времени появляются пассажи, пере-

²³ Lambert 2012, 85; Ленская 2012а, 185–186.

²⁴ Подобно тому, как в период после 321 г. до н.э. жрецы часто сами поставляли жертвенных животных и несли другие необходимые затраты (Lambert 2012, 75, 85).

числяющие отличия жрецов от магистратов²⁵, можно заключить, что *prōiōi* жрец магистратом не считается. В общественном сознании греков жрецы так прочно связывались с категориями нематериальными — молитвами, заклинаниями, обращениями к божеству, — что древние авторы не причисляли их к лицам, участвующим в управлении государством. Современные исследователи в данном вопросе прямо следуют за древними. Однако не стоит упускать из виду, что религиозная жизнь греков фактически являлась частью государственной жизни: так, Дж. Микалсон в первой главе своей книги об афинской народной религии, озаглавленной «Приоритет божественного», показывает, что религиозные вопросы на народных собраниях ставились первым пунктом и что вообще во всех делах, включавших аспекты сакральные и гражданские, в первую очередь обращались к сакральным²⁶. Поэтому если управление жрецов государственными делами было и не прямым — дальше своего святилища власть жреца не распространялась, — то, тем не менее, организация культа была для греков делом не менее важным, чем организация, скажем, жизнедеятельности агоры или организация войска. Мы полностью согласны с мнением исследователя афинского жречества Ж. Марты, который причисляет жрецов к категории лиц, состоящих на службе у государства и отвечающих за сакральную сферу, подобно тому как стратеги отвечали за военную сферу, судьи за юридическую, казначеи за финансовую и т.п.²⁷ Однако Марта говорит обо всех жрецах сразу, не разделяя их по типам. Нюанс же заключается в том, что в греческом мире существовало огромное разнообразие служителей культа, которые отличались друг от друга и способом избрания, и длительностью службы, и принадлежностью к разным группам населения и другими показателями. Так, например, в Афинах были «гентильные» жрецы, выбиравшиеся внутри определенного рода и служившие пожизненно; они могли обслуживать и полисные культы, однако отчитывались перед родом и теснее всего были связаны не с гражданским коллективом, а со своими сородичами-геннетами. Были жрецы частных культовых объединений — оргеонов, эранистов, фиасов, — которые также избирались членами этих объединений и обслуживали «закрытые» культы. Поэтому ставить вопрос о том, были ли афинские жрецы магистратами, мы можем только в отношении одной группы жрецов — так наз. «полисных» жрецов, появившихся в Афинах в 40 гг. V в. до н.э. после закона Перикла о гражданстве (т.е. о том, что гражданином может считаться только человек, у которого и отец, и мать были афинскими гражданами). Мы не видим препятствий тому, чтобы считать их магистратами, поскольку основные требования, предъявлявшиеся к магистратуре в Афинах, здесь в наличии: жрецы выбирались жребием из состава всего афинского гражданства, подвергались процедуре докимасии, в конце отправления своей должности давали отчет, в котором говорилось о их литургической и административной деятельности. Правда, в Афинах не было коллегий жрецов — как правило, в храмах жрец был один; однако принцип коллегиальности соблюдался приданием жрецу выборных лиц, иеропеев, эпимелетов, эпистатов, «мужей из народа», которые подвергали его деятельность самой строгой проверке, что мы видели выше. Единственное, что отличало данную магистратуру от остальных,

²⁵ См., напр., Horster 2012, 11.

²⁶ Mikalson 1983, 13–17; Aristot. AP. 43.6; Aeschin. In Timarch. 23.

²⁷ Martha 1882, 8–10.

было наличие женского жречества, но в этом, наверное, специфика этой самой своеобразной должности в Афинах.

ЛИТЕРАТУРА

- Ленская В.С.* 2011: Младший культовый персонал в древней Греции // ПИФК. 4, 322–336.
- Ленская В.С.* 2012а: Иеропеи в древней Греции // ПИФК. 4, 179–191.
- Ленская В.С.* 2012б: Типы культов в Афинах // Восток, Европа, Америка в древности. Вып. 2. Сборник научных трудов XVII Сергеевских чтений. М., 80–90.
- Ленская В.С.* 2012с: Афинский род Праксиергидов // Мнемон. 11, 15–24.
- Ленская В.С.* 2013: Жрец и жертвоприношение в древней Греции // ПИФК. 2, 315–331.
- Ленская В.С.* 2015: Проблемы организации религиозной жизни в аттических демах в V–IV вв. до н.э. // ВДИ. 1, 94–108.
- Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* 2000: Судьба Парфенона. М.
- Хабихт Х.* 1999: Афины. История города в эллинистическую эпоху. М.
- Aleshire S.B.* 1989: The Athenian Asklepieion. Amsterdam.
- Clinton K.* 1974: The Sacred Officials of the Eleusinian Mysteries. Philadelphia.
- Connelly J.B.* 2007: Portrait of a Priestess. Women and Ritual in Ancient Greece. Princeton.
- Gill D.* 1991: Greek Cult Tables. New York; L.
- Horster M.* 2012: Priests, Priesthoods, Cult Personnel — Traditional and New Approaches // Civic Priests. Cult Personnel in Athens from the Hellenistic Period to Late Antiquity. Berlin; Boston, 5–26.
- Humphreys S.C.* 2004: The Strangeness of Gods. Historical Perspectives on the Interpretation of Athenian Religion. Oxford.
- Kosmetatou E.* 2003: Reassessing IG II² 1498-1501A: Kathairesis or Eksetasmos? // Tyche. 18, 33–45.
- Lambert S.* 2012: The Social Construction of Priests and Priestesses in Athenian Honorific Decrees from the Fourth Century BC to the Augustan Period // Civic Priests. Cult Personnel in Athens from the Hellenistic Period to Late Antiquity. Berlin; Boston, 67–133.
- Lewis D.M.* 1954: Notes on Attic Inscriptions // ABSA. 49. 17–52.
- Lewis D.M.* 1997: Temple Inventories in Ancient Greece // Lewis D.M. Selected Papers in Greek and Near Eastern History. Cambridge, 40–50.
- Linders T.* 1975: The Treasurers of the Other Gods in Athens and their Functions. Meisenheim am Glan.
- Martha J.* 1882: Les sacerdoces Athéniens. P.
- Meiggs R., Lewis D.* 1969: A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century BC. Oxford.
- Mikalson J.D.* 1983: Athenian Popular Religion. The University of North Carolina Press.
- Mikalson J.D.* 1998: Religion in Hellenistic Athens. Berkeley; Los Angeles, London.
- Pirenne-Delforge V.* 2005: Personnel de culte: monde grec. Prêtres et prêtresses // Thesaurus cultus et rituum antiquorum. V, 3–31.
- Schlaifer R.* 1940: Notes on Athenian Public Cults // HSCP. 51, 233–260.
- Wade-Gery H.T.* 1931: The Financial Decrees of Kallias // JHS. 51. 57–85.
- Wade-Gery H.T., Meritt B.D.* 1947: The Decrees of Kallias // Hesperia. 16. 279–86.

THE ATHENIAN PRIEST AS A SANCTUARY ADMINISTRATOR

V. S. Lenskaya

The author analyzes the duties of the Athenian priest as a sanctuary curator (maintaining the order and safety of the sanctuary and its property), and considers the differences between polis priests, genos-appointed priests, and priests of various cult associations. She aims to restore the order of changes in the polis temple and comes to the conclusion that they always used to be of a collegial nature. The priest filed a request for repairs to the Council. The Council reviewed the request and transferred it to the Assembly, which selected representatives among the people (and sometimes from the Council or the Areopagus) to observe the process. The author then reviews the priest's level of participation in the financial and administrative management of the temple during the Classic and the Hellenistic periods. In conclusion, the author raises the question whether it's possible to regard the Athenian priest as a magistrate and confirms that the «magistrate» concept fully corresponds with the category of polis priests.

Key words: Athens, priests, cult, temple, temple administration, magistrates

© 2015

И. А. Ладынин

АЛЕКСАНДР — «НОВЫЙ СЕСОНХОСИС»: ЕГИПЕТСКАЯ
ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ФИКЦИЯ НАЧАЛА ЭЛЛИНИЗМА
И ПРЕДПОСЫЛКИ К ЕЕ ВОЗНИКНОВЕНИЮ

Сопоставление Александра Великого во фрагментах «Романа об Александре» с легендарным египетским царем далекой древности Сесонхосисом — великим завоевателем — рассматривается как реплика фикции, согласно которой в начале истории человечества египтяне установили миродержавие, что завершило устройство мира; затем оно перешло к другим народам, что нарушило норму мироустройства, но в конечном счете оно должно было вернуться к Египту. Компоненты данной фикции обнаруживаются в сообщениях Дикеарха Мессенского и Помпея Трога, а сама она должна была возникнуть в Египте еще до эпохи эллинизма и затем стать известной в греческой традиции.

Ключевые слова: Александр Великий, Сесонхосис, миродержавие, пропаганда, Тахос

Одним из вариантов восприятия египтянами македонского завоевания их страны стало отразившееся в позднеантичном «Романе об Александре», ко-

Ладынин Иван Андреевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: ancient@hist.msu.ru, ladynin@mail.ru

* Статья публикуется в рамках проекта РГНФ № 15-01-00431 «Эпоха эллинизма и ее правители в зеркале традиционных мировоззрений народов Ближнего Востока (на примере Египта и Месопотамии)».

торый, как известно, в значительной части его сюжетов восходит к египетской традиции¹, уподобление Александра древнему египетскому царю по имени Сесонхосис. Наиболее показателен в этом смысле фрагмент т.н. «версии А», описывающий вступление Александра в Египет: согласно ему, жрецы, встречавшие Александра во всех номах Египта с изображениями богов в руках, провозглашали его «возрожденным Сесонхосисом, миродержавцем» (Hist. Alex. Magni, rec. α'. I.34.2: ὑπαντῶντες <δὲ> τῷ Ἀλεξάνδρῳ κατὰ πᾶσαν πόλιν οἱ προφηταὶ τοὺς ἰδίους θεοῦς κομίζοντες ἀνηγόρευον αὐτὸν νέον Σεσόγῳσιν κοσμοκράτορα). Практически парным этому фрагменту можно считать описание погребения Александра, тело которого, согласно «Роману...», мемфисцы встретили в Пелусии, по их обычаю, с играющими на флейтах музыкантами и с изображениями богов, и затем ввезли в Мемфис опять же как «Сесонхосиса, миродержавца (и) полубога» (id. III.34.4-5: ἐπεὶ δὲ εἰς Πηλοῦσιον ἦλθον, οἱ Μεμφῖται ὑπήντησαν σὺν αὐληταῖς καὶ ἀγάμμασιν κατὰ τὸ εἰωθὸς καὶ εἰσήγαγον εἰς Μέμφιν ὡς Σεσόγῳσιν κοσμοκράτορα ἡμίθεον). Образ Сесонхосиса всплывает и в ряде других фрагментов «версии А» (id. I.33.6; III.17.17), в том числе в эпизоде встречи с ним Александра, спустившегося в Эфиопии в некую «пещеру богов» (при этом Сесонхосис признается ему, что не был столь счастлив в своих свершениях, как Александр, поскольку его имя забыто, а имя Александра будет долговечно; id. III.24.2-3). Наконец, т.н. «версия С» «Романа...», вне сопоставления Александра с Сесонхосисом, вводит в описание установления его власти над Египтом чрезвычайно показательный нюанс: египтяне, приветствуя Александра как сына Нектанеба и своего нового царя, восклицали в его честь: «Снова правит Египет!» (Hist. Alex. Magni, rec. γ'. II.27.3: καὶ οὐχ ὡς πολεμίους αὐτοὺς ἠγοῦμενοι, ἀλλ' ὡς τὸν βασιλέα αὐτοῖς ἐπιφέροντες, εὐφημοῦντες δὲ καὶ χαίροντες καὶ "πάλιν ἄρχει Αἴγυπτος" ἔλεγον). Следовательно, став царем Египта и одновременно достигнув миродержавия, Александр воссоздает тем самым и миродержавие Египта, которое, как хорошо видно по приведенным фрагментам «версии А», ассоциировалось с образом царя Сесонхосиса и было отнесено к его времени; думается, что в комплексе с этим представлением необходимо воспринимать и приведенный мотив «версии С».

Более описательно и косвенно, также вне прямой ассоциации с образом Сесонхосиса эта же мысль выражена во фрагменте «Романа...», содержащем предсказание о возвращении в Египет в лице Александра царя Нектанеба — согласно данному произведению, его отца. После бегства Нектанеба из Египта от нашествия чужеземных врагов² египтяне обратились к «праотцу богов» Гефесту с вопросом, что стало с их царем; Гефест дал им совет задать этот вопрос «невидимому богу Синопы» (явно Сарапису³), и его оракул предсказал, что Нектанеб «вернется спу-

¹ Непосредственной основой этих сюжетов считается некий грекоязычный, но непосредственно связанный с египетской традицией нарратив, появившийся в Александрии не позднее времени первых Птолемея: Berg 1973, 387; см. также: Perry 1966; Jasnow 1997; Jouanno 2002, 57-126.

² В их перечне, включающем в себя множество народов Азии, на первое место, примечательным образом, вынесены скифы (Hist. Alex. Magni, rec. α'. I.2.2).

³ Ср. с хорошо известными синопскими коннотациями в легенде о создании культа Сараписа Птолемеем Сотером при участии экзегета Тимофея и Манефона (весьма вероятно, именно от традиции последнего идут передающие эту легенду сообщения: Plut. De Is. et Os. 28 = Manetho, ed. W. G. Waddell, frg. 80; Tac. Hist. IV. 83-84; Коростовцев 1976, 246-251; см. сводку источников и литературы в: Huss 2001, 241-245).

стя время на землю Египта возрожденный, отбросив старческое в своем облике, обойдя мир и даровав вам подчинение врагов» (Hist. Alex. Magni, rec. α'. I.3.4-5: 'Αἴγυπτον ὁ φυγὼν κραταῖος ἄλκιμος πρέσβυς βασιλεὺς δυνάστης ἤξει μετὰ χρόνον νέος, τὸ γηραλέον ἀποβαλὼν τύπων εἶδος, κόσμον κυκλεύσας, ἐπὶ τὸ Αἰγύπτου πεδίον, ἐχθρῶν ὑποταγὴν διδοὺς ἡμῖν').

Помимо «Романа об Александре», имя «Сесонхосис» засвидетельствовано еще в ряде грекоязычных нарративов, прямо воспроизводящих египетскую традицию или восходящих к ней. В отдельной публикации⁴ мы стараемся показать, что впервые оно фиксируется в сообщении последователя Аристотеля и современника начала эллинизма Дикеарха Мессенского⁵, восходящем к его трактату «Жизнь Эллады»⁶ и известном через посредство схолиев к Аполлонию Родосскому: в нем идет речь о Сесонхосисе как о царе, правившем непосредственно после богов и совмещавшем качества завоевателя Азии и большей части Европы (сведения Дикеарха об этом соотношены со сведениями о Сесострисе из «Истории» Геродота) и устроителя египетского общества (судя по всему, Дикеарх передает реминисценции о Сенусерте I как устроителе египетского общества в начале XII династии)⁷. У Манефона в версии Евсевия, согласно Синкеллу, а также в армянской версии Евсевия «Сесонхосисом» (Manetho, ed. W.G. Waddell, frg. 61a.1: Σεσώγχωσις; frg. 61b.1: *Sesonchosis*) именуется Шешонк I; по мнению А. И. Иванчика, это «результат ошибки Евсевия»⁸, поскольку в версии Африкана, согласно Синкеллу, его имя выглядит как «Сесонхис» (frg. 60.1: Σεσώγχις) — ближе к собственно египетской форме «Шешонк» (*ššnq*)⁹.

⁴ Ладьянин 2014.

⁵ Alonzo-Nunez 1997, 56-57; ср. с отнесением акме Дикеарха Мессенского к 310-м гг. до н.э.: Martini 1905, 547.

⁶ Ах 2000.

⁷ Приведем соответствующий фрагмент схолиев (Schol. Apoll. Rhod. IV. 272-276) в версии codex Laurentianus XXXII.9 (X в.), представляющей нам аутентичной тексту Дикеарха (Keil 1854, 496-497; cf. Wendel 1935, 277-278; Wehrli 1967, 26-27; Fortenbaugh, Schütrumpf 2001, 68-69): «Отсюда некто...: Сесонхосис, царь всего Египта после Гора, сына Исиды и Осириса, напав на Азию, покори́л (ее) всю, так же как и большую часть Европы. А точнее о нем есть у Геродота... А о временах, в которые жил Сесонхосис, Аполлоний говорит ведь довольно много уже минуло времени. А Дикеарх в первой (книге) говорит, что он и установил законы, чтобы никто не бросал отцовское ремесло, ибо считал это началом стяжательства. И говорит (Дикеарх), что он был первым, кто обнаружил, что человек может садиться верхом; а другие (говорят), что это (обнаружил) Гор, а не Сесонхосис. ... Дикеарх в первой (книге) говорит, что после Гора, сына Исиды и Осириса был царем Сесонхосис. Прошло от Сесонхосиса до царствования Нила 2500 лет, <от царствования Нила до взятия Илиона 7 лет,> от взятия же Илиона до первой олимпиады 436 лет, всего 2943. А Дикеарх говорит во второй (книге) «Жизни Эллады», что Сесонхосис... был до него...» (272-274: ἐνθεν δὴ τίνα: Σεσώγχωσις Αἰγύπτου πάσης βασιλεὺς μετὰ Ὀρον τὸν Ἴσιδος καὶ Ὀσίριδος παῖδα τὴν μὲν Ἀσίαν ὀρμήσας πᾶσαν κατεστρέψατο, ὁμοίως καὶ τὰ πλεῖστα τῆς Εὐρώπης. ἀκριβέστερον δὲ ἔστι τὰ περὶ αὐτοῦ παρὰ Ἡροδότῳ... περὶ δὲ τῶν χρόνων, καθ' οὓς ἐγένετο Σεσώγχωσις, ὁ μὲν Ἀπολλώνιος φησι π ο λ ὺ ς γὰ ρ ᾄ δ η ν ἐ π ε ν ἡ ν ο θ ε ν αἰ ἰ ὶ ν. Δικαίαρχος δὲ ἐν α' καὶ νόμους αὐτὸν θεῖναι λέγει, ὥστε μηδὲνα καταλιπεῖν τὴν πατρῶαν τέχνην· τοῦτο γὰρ ὑπολαμβάνειν ἀρχὴν εἶναι πλεονεξίας. καὶ πρῶτόν φησιν αὐτὸν εὐρηκέναι ἵππων ἀνθρώπων ἐπιβαίνειν· οἱ δὲ ταῦτα τὸν Ὀρον, οὐ τὸν Σεσώγχωσιν. 276. ... Δικαίαρχος ἐν πρώτῳ μετὰ τὸν Ἴσιδος καὶ Ὀσίριδος Ὀρον βασιλεῖα γεγονέναι Σεσώγχωσιν <λέγει>. γίνεται δὲ ἀπὸ Σεσώγχωσεως ἐπὶ τὴν Νείλου βασιλείαν ἔτη βφ', <ἀπὸ δὲ τῆς Νείλου βασιλείας ἐπὶ τὴν Ἰλίου ἄλωσιν ζ',> ἀπὸ δὲ τῆς Ἰλίου ἀλώσεως ἐπὶ τὴν α' Ὀλυμπιάδα υλς', ὁμοῦ β'ημγ'. Δικαίαρχος δὲ φησιν ἐν β' Ἑλλάδος βίου Σεσώγχωσιν..... μέχρις αὐτοῦ εἶναι).

⁸ Иванчик 1999, 19; 2005, 206.

⁹ Beckerath 1999, 184.

Очевидно, что к этому имени восходят обе грецизированные формы, использованные в труде Манефона, — как «Сесонхосис», так и «Сесонхис». По-видимому, с реминисценциями Шешонка I и с его именем было ассоциировано представление о египетском царе — завоевателе чужеземных стран и устроителе египетского общества в одном лице (очевидно, в связи с его походами в Палестину и фактической ролью основоположника ливийской государственности в Египте). Однако в труде Дикеарха это представление, без утраты сопряженной с ним формы имени, было перенесено в далекую древность, причем в образе «Сесонхосиса» Дикеарха (скорее не им самим, а уже в использованных им восходивших к египетской традиции сведениях) совместились реминисценции двух царей Среднего царства — Сенусерта I как устроителя египетского общества и Сенусерта III/Сесостриса как великого завоевателя. Нет сомнений, что «Сесонхосис» Манефона — именно Сенусерт I: все версии его царского списка приводят в соответствующем месте — в начале XII династии — это имя (figg. 34.1, 35.1: Σεσόγχοσις; fig. 36.1: *Sesonchosis*). Видимо, Манефон ориентировался на ассоциацию имени «Сесонхосис» с ролью устроителя египетского общества, установившуюся к его времени в древнегреческой традиции (мы ее видим у Дикеарха) и поэтому перенес данное имя на египетского царя, которому эта роль принадлежала реально; форму «Сесонхис» он мог сформировать сам как обозначение исторического Шешонка I, которое, также восходя к прототипу *ššnq*, имело бы одну основу с именем «Сесонхосис», но вместе с тем и отличалось от него, предотвращая смешение этих двух царей¹⁰. Ассоциация имени «Сесонхосис» с памятью о Сенусерте I проявляется и в греко-египетском «Романе о Сесонхосисе»¹¹, сложившемся уже в первые века нашей эры и имевшем, помимо грекоязычной, также и демотическую версию: в нем в связи с его героем обнаруживаются хорошо опознаваемые реминисценции начала XII династии¹².

Очевидно, что уподобление Александра Сесонхосису в традиции, послужившей основой «Романа об Александре», отталкивается от представлений о завоеваниях этого царя и создании им системы миродержавия и, соответственно, не от реминисценций исторического Сенусерта I, а от того синтетического образа царя — завоевателя и устроителя глубокой древности, который знал Дикеарх. Как видно, этот образ не был воспринят в труде Манефона и был скорее чужд «академической» историографической традиции позднего и раннеэллинистического Египта, к которой этот труд принадлежал¹³; очевидно, он представляет собой многосоставный и анахронистичный конструкт, «адресованный» массовому сознанию и не просто «упрощающий» для него реалии египетской истории, но и несущий некий пропагандистский «месседж». При этом если свидетельство Дикеарха дает нам представление о начальной точке данной схемы истории Египта, то во фрагментах «Романа об Александре» явно реализовался ее «финал», вернее, важ-

¹⁰ Различение в грецизации Манефоном в тех же целях идентичных египетских имен хорошо известно (в частности, в его сообщениях об изгнании гиксосов и фараонах XVIII династии с их совпадающими именами «Тутмос»): Sethe 1904, 51; Иванчик 1999, 20; 2005, 206; ср.: Немировский 2001, 134.

¹¹ См. теперь: Trnka-Amrhein 2013.

¹² Widmer 2002, 387-393; Ryholt 2010, 432.

¹³ См. о Манефоне и его труде: Helck 1956; Gozzoli 2006, 193-226; Moyer 2011, 84-141; Dillery 2013.

нейший рубеж, за которым открывался принципиально новый этап жизни страны под властью Александра и его преемников. Имеется ли в нашем распоряжении какая-то возможность представить себе, что, согласно данной схеме, должно было заполнять большой исторический интервал между царствованиями Сесонхосиса и Александра?

В сообщении Дикеарха приведена точная продолжительность этого интервала: «прошло от Сесонхосиса до царствования Нила 2500 лет, <от царствования Нила до взятия Илиона 7 лет,> от взятия же Илиона до первой олимпиады 436 лет, всего 2943» (см. подробную цитату в прим. 7). В приведенной хронологической выкладке, согласно codex Laurentianus XXXII.9, было выпущено семь лет, что его издатели восполнили в конъектуре¹⁴; в codex Parisinus 2727 XV в. соответствующее исправление в суммирующую цифру ввел сам переписчик этого списка или какого-то из его протографов: «А Дикеарх в первой (книге) говорит, что первым царем после (сына) Осириса и Исиды Гора был Сесострис: так что прошло после царствования Сесостриса до (царствования) Нила 2500 лет, от царствования Нила до первой олимпиады 436 лет, так что все вместе составляет (букв. «есть») 2936 лет» (ὡστε γίνεσθαι ἀπὸ μὲν τῆς Σεσωστρίδος βασιλείας μέχρι τοῦ Νεῖλου ἔτη βφ', ἀπὸ τῆς α' Ὀλυμπιάδος ἔτη υλς' ὡς εἶναι τὰ πάντα ὁμοῦ ἔτη β/Δλς')¹⁵. Суть дела от этого расхождения между списками меняется мало, но в первую очередь приходится оценить те цифры, которые в них совпадают. 436 лет до первой Олимпиады (776/5 г. до н.э.¹⁶) — это 1212/1 г. до н.э., причем еще издатель *Fragmenta historicorum Graecorum* К. Мюллер (FHG. II. 237, cf. 565) и вслед за ним издатель схолиев к Аполлонию Родосскому К. Вендель¹⁷ сопоставили «Нила» в рассматриваемом фрагменте на основании сообщения Эратосфена Киренского о царствовании «Туоро, или Нила» (FGrHist. 610. F. 1: Θηβαίων λς' ἐβασίλευσε Θουορῶ ἦτοι Νεῖλος ἔτη ιθ') с Туорисом, завершающим XIX династию Манефона также с 7 годами правления (Manetho, ed. W. G. Waddell, frgg. 55-56a: Θούωρις; frg. 56b: *Thuoris*). Сравнительно недавно было показано, что этот царь в списке Манефона соответствует последней представительнице XIX династии Таусерт (последнее десятилетие XIII в. до н.э.), а свидетельство Манефона, что именно в «его»/ее правление была взята Троя, достоверно¹⁸; в свете этого знаменательно близкое совпадение даты, названной Дикеархом, с реальным временем больших этнических перемещений в Средиземноморье в конце XIII — начале XII вв. до н.э. (миграций «народов моря»), частью которых была Троянская война. Выделение времени Нила/Туориса/Таусерт у Дикеарха в особый «подпериод» египетской истории весьма симптоматично: оно соответствует и представлениям египтян I тыс. до н.э. о рубеже между XIX и XX династиями как о разграничителе между двумя большими историческими эпохами (великой древностью II тыс. до н.э. и их «современностью» Позднего времени¹⁹), и восприятию царствования Таусерт (вернее, поглощенного им финала XIX династии, включавшего также и царство-

¹⁴ Keil 1854, 497; Wendel 1935, 278.

¹⁵ Schaefer 1813, 289; см. о традиции данных списков: Schade, Eleuteri 2001, 41, 45.

¹⁶ Бикерман 1975, 80.

¹⁷ Wendel 1935, 278.

¹⁸ Сафронов 2005, 13-14.

¹⁹ Ладынин 2009, 164.

вание Саптаха²⁰) как времени скверны и нелегитимного правления²¹, которое, строго говоря, не должно причисляться ни к одной из этих больших эпох²².

Что касается срока в 2500 лет, в отличие от 436-летнего и 7-летнего, он выглядит округленным и менее конкретным. Мы видели, однако, что царствование «Нила», согласно Дикеарху, полностью соответствует продолжительности царствования Туориса у Манефона; при этом Туорис Манефона — последний царь его XIX династии, а Сесонхосис Манефона, т.е. исторический Сенусерт I, — первый царь XII династии; по сути дела, они обозначают границы того цикла в истории Египта, которому посвящен второй томос труда Манефона, охватывающий XII-XIX династии²³. Получается, что 2500-летний срок приписан фактически этому второму, согласно Манефону, циклу истории Египта, который у Дикеарха по неким основаниям соображениям смещен к самому ее началу. При этом сумма лет царствований XII-XIX династий оценивается Манефоном в 2121 год (Manetho, ed. W. G. Waddell, frgg. 55, 56), что в принципе сопоставимо со сроком в 2500 лет; если же принять во внимание разницу в продолжительностях правлений династий второго томоса (в особенности соответствующих историческому II Переходного периода) в разных изводах труда Манефона, то расхождение между этой суммой и 2500-летним сроком Дикеарха сократится едва ли не до исчезновения!²⁴ Думается, что такая интерпретация этого срока более надежна, чем обращение к зороастрийским представлениям о космических циклах, предложенное А. И. Иванчиком²⁵.

Вместе с тем цифры, схожие с теми, что приведены в сообщении Дикеарха, мы видим в еще одной исторической схеме, начальной точкой которой является время великого царя египетской древности. Анализируя античные свидетельства о войне этого царя со скифами, А. И. Иванчик выделил в них традицию, названную им «проскифской» и представленную поздними известиями Юстина и Иор-

²⁰ Hornung, Krauss, Warburton 2006, 214.

²¹ Сафронов 2005, 14.

²² Подобное значение данного фрагмента схолиев не только подтверждает обоснованность конъектуры Г. Кайля, но и показывает наличие неожиданно мощной рецепции египетской традиции в основе, казалось бы, чисто хронографического сообщения Дикеарха.

²³ Ладынин 2009, 164.

²⁴ В трудах христианских хронографов, дающих представление об общей сумме лет второго томоса Манефона (Σ), мы имеем три суммируемых последовательности цифр: (1) Синкелла в передаче Африкана (Manetho, ed. W. G. Waddell, frg. 55: $\Sigma = 2121$), (2) Синкелла в передаче Евсевия (frg. 56a: $\Sigma = 1121$), (3) армянской версии Евсевия (frg. 56b: $\Sigma = 2121$). Из приведенных цифр Σ вторая — несомненная ошибка (должно быть не 1121, а, несомненно, 2121, как в первом и третьем случаях); однако все эти суммы отличаются от получающихся при механическом сложении цифр этих трех последовательностей (при этом $\Sigma = \text{resp. } 2222, 2267, 2267$). Следует учесть, что продолжительность правления XII, XIV и XVIII династий в (1) (frg. 34: 160; frg. 41a: 184; frg. 52: 263) занижена по сравнению с (2) (frg. 35: 245; frg. 41b: 184 или 484; frg. 56a: 348) и (3) (frg. 36: 245; frg. 41c: 484; frg. 53b: 348); в то же время правление «пастухов» (=гиксосов) XV династии по (1) (frg. 43: 284) выше правлений «диосполитов» той же династии по (2) и (3) (frgg. 44a, 44b: 250), «пастухов» XVI династии по (1) (frg. 45: 518) — фиванцев той же династии по (2) и (3) (frgg. 46a, 46b: 190), «пастухов» XVII династии по (1) (frg. 47: 151) — «пастухов и братьев» той же династии по (2) и «пастухов, которые были братьями» по (3) (frgg. 48a, 48b: 103), XIX династии по (1) (frg. 55: 209) — ее же продолжительности по (2) и (3) (frgg. 56a, 56b: 194). XII и XIII династия во всех трех версиях составляют 160 (frgg. 34-36) и 453 (frgg. 38, 39a-b) лет. Соответственно, мы получаем, что (1) дает три, а не одну, как (2) и (3), династии «пастухов»-гиксосов, а разница между суммами правлений XV-XVII династий согласно (1) и согласно (2)-(3) должна составить 410 лет.

²⁵ Иванчик 1999, 14; 2005, 200.

дана (Iust. I. 1.6-7; II. 3.8-18; Iord. Get. 6), которые восходят к Помпею Трогу (I в. н.э.)²⁶. Согласно этим известиям, египетский царь Везосис (Iust.: *Vezosis*; Iord.: *Vesosis*)²⁷ потерпел от скифов поражение у реки Фасис в Колхиде и бежал в Египет, причем скифы преследовали его и остановились только перед водными преградами Восточной Дельты и возведенными там укреплениями. Далее скифы во главе с царем Танавсом, или Танавсисом (Iust.: *Tanaus*; Iord.: *Tanausis*)²⁸, подчинили себе Азию, оставались там в течение 15 лет, а затем 1500 лет брали с нее, пока их не сменил в качестве нового владыки Азии ассириец Нин; после Нина Азией в течение 1300 лет владели ассирийцы (Iust. I.2.13), затем в течение 350 лет мидяне, которых при Кире сменили персы (id. 6.16). Сведения, схожие с рассказом Трога, присутствуют и во фрагментах Страбона (Strabo XV. 1.6) и Арриана (Arr. Ind. 5.4-7), восходящих к «Индику» Мегасфена (FGrHist. 715. F. 11²⁹): утверждая, что до Александра никто не вторгнулся в Индию, Мегасфен говорит, что вообще масштабными войнами в Азии себя прославили, среди прочих, египетский царь Сесострис, покоривший большую часть Азии и напавший на Европу, и скифский царь Иданфирс, покоривший многие азиатские народы и дошедший до Египта. Хотя Мегасфен не воспроизводит сведений о поражении египетского царя в войне со скифами (по-видимому, не нуждаясь в этом, исходя из целей своего повествования), очевидно, что именно к ним восходит его свидетельство о Сесострисе и Иданфирсе; таким образом, сюжет, известный Помпею Трогу, уже присутствовал в античной историографии к началу III в. до н.э.³⁰ По мнению А. И. Иванчика, Мегасфен едва ли был источником сведений Помпея Трога (а также отчасти схожего с ними сообщения Арриана о Сесострисе и скифе Иандисе, при которых парфяне ушли из Скифии на свою будущую землю: FGrHist. 156. F. 30 = Phot. Bibl. 58. 17b); скорее они должны восходить к какому-то источнику эллинистического времени, появившемуся не позднее II в. до н.э. и «пропарфянскому» по своей тенденции³¹, в то время как первоисточником этих сведений, в том числе и для Мегасфена, следует считать Эфора из Ким (ок. 405-330 гг. до н.э.)³², с характерной для него идеализацией скифского образа жизни и скифской непобедимости³³. Некоторое время назад мы высказали мнение³⁴, что о победе скифов над египтянами речь могла

²⁶ Иванчик 1999, 22 сл.; 2005, 208 сл.

²⁷ В I книге «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, посвященной Египту и следующей сведениям автора кон. IV в. до н.э. Гекатея Абдерского (Burstein 1992; Dillery 1998, 256, п. 4; Gozzoli 2006, 193-194), великий египетский царь-завоеватель именуется «Сесоосис» (Σεσόωσις) (Burton 1972, 163-165); кроме того, в латиноязычной традиции встречается и форма этого имени Sesothis (Tac. Ann. VI.28; cf. Plin. N. H. XXXVI. 74: Nencoreus Sesothis filius). По мнению давнего исследователя труда Помпея Трога А. фон Гутшмида, которое воспринял А. И. Иванчика, употребленная Трогом форма имени египетского царя возникла в результате неверного прочтения им имени ΣΕΣΩΣΙΣ как ΟΕΣΩΣΙΣ (Gutschmid 1894, 27; Иванчик 1999, 23; 2005, 209).

²⁸ Это имя, по мнению Гутшмида и Иванчика, также возникло в результате неверного прочтения Трогом имени скифского царя — противника египтян ΙΑΝΔΥΣΙΣ (зафиксировано в передаче Арриана; см. основной текст ниже) как ΤΑΝΑΥΣΙΣ (Gutschmid 1894, 27; Иванчик 1999, 23; 2005, 209).

²⁹ См. о труде Мегасфена: Бонгард-Левин, Бухарин, Вигасин 2002, 48-137.

³⁰ Иванчик 1999, 24-25; 2005, 210-211.

³¹ Иванчик 1999, 25, 28-29; 2005, 211, 214.

³² Margincola 2007, 172.

³³ Иванчик 1999, 26-28; 2005, 211-214.

³⁴ Ладынин 2011, 50-54.

идти у Феопомпа Хиосского (ок. 375-320 гг. до н.э.)³⁵, хотя нельзя утверждать, что у него шла речь и о скифском походе на Египет; однако в конечном счете сам факт присутствия этих сюжетов в грекоязычной традиции кануна и начала эллинизма для нас более принципиален, чем точное определение его первоисточника.

Интерпретируя же хронологические выкладки Помпея Трога, А. фон Гутшмид³⁶, а за ним А. И. Иванчик³⁷ принимали дату воцарения Кира, согласно традиции хронографов, за первый год 55-й Олимпиады, т.е. за 560 г. до н.э.; в таком случае срок от правления Везосиса до 1-й Олимпиады равен 2934 годам. Уже эта цифра близка указанию этого же срока Дикеархом — 2943 годам; получающееся между ними расхождение в 9 лет исследователи относили за счет продолжительности войн царя Сесоосиса, согласно сведениям Гекатея Абдерского и Диодора (Diod. I. 55.10; см. наше прим. 27). Однако если провести соответствующие вычисления, отталкиваясь от реальной даты победы Кира над мидянами — 553 г. до н.э.³⁸, — то данный срок будет в точности равен 2943 годам и согласно традиции Помпея Трога. Существенно, что единство хронологических выкладок Дикеарха и Помпея Трога устанавливается на основании подобных вычислений, а не простого совпадения у этих авторов какой-то одной цифры (например, пресловутых 2943 лет от египетского царя до 1-й Олимпиады): это наводит на мысль, что хронология Помпея Трога не заимствована у Дикеарха, а восходит у обоих этих авторов к какой-то общей основе и тем самым их свидетельства не просто отчасти совпадают, а, по сути дела, могут рассматриваться как части в принципе единой традиции.

Иначе считает А. И. Иванчик: согласно его мнению, хронология Дикеарха была использована только для датировки скифо-египетской войны (и соответственного отведения 1500-летнего срока для владычества скифов между ней и царствованием Нина) пресловутым автором первоисточника Помпея Трога, который должен был писать не позднее II в. до н.э. и постулировал возведение к скифам парфян, очевидно, стараясь возвеличить последних; при этом Дикеарх был лишь одним из его источников, наряду с Эфором (см. выше) и Гекатеем Абдерским (см. наше прим. 27)³⁹. Мы не думаем, что дело обстоит именно так, по ряду причин. Прежде всего, в труде Помпея Трога, как мы уже сказали, присутствует не просто механическое воспроизведение одной из цифр Дикеарха, а независимые от известного нам его сообщения, но отталкивающиеся от той же хронологии выкладки, которые к тому же тесно связаны с мотивом преемства от египтян и скифов владычества над Азией других народов — ассирийцев и мидян (характерным образом в этих выкладках мы не видим итогового исчисления продолжительности владычества над Азией сменивших мидян персов). Разумеется, нельзя исключить, что гипотетический эллинистический автор первоисточника Трога мог сделать эти выкладки. Однако схождение сведений Дикеарха и традиции Трога не ограничивается ими, а включает себя и их первооснову — перенесение времени египетского царя-завоевателя в глубокую древность (хотя Помпей Трог не акцентировал

³⁵ Marincola 2007, 174.

³⁶ Gutschmid 1894, 100-102.

³⁷ Иванчик 1999, 23; 2005, 209.

³⁸ Briant 1996, 41-42.

³⁹ Иванчик 1999, 24, 28-29; 2005, 209, 214.

преемство Везосиса от царей-богов и его качество устроителя египетского общества, однако у него Везосис, безусловно, древнейшая фигура истории не только Египта, но и мира, фактически не имеющая предшественников). То, что такая первооснова могла присутствовать в вероятном «пропарфянском» прототипе Трога, легко объяснить: его автор должен был возводить происхождение парфян к возможно более давним временам. Однако сделать это можно было, только надежно связав между собой мотивы глубокой древности великого египетского царя и его поражения от скифов. Формирование такой «связки» было очень ответственной манипуляцией, идущей вразрез с «мэйнстримом» представлений о войне египтян со скифами в собственно исторической традиции: писавшие об этом Геродот и, в начале эллинизма, Гекатей Абдерский поместили египетского царя-завоевателя много позже начала истории Египта и мира. Следует ли считать, что эта «связка» была постулирована непосредственно гипотетическим автором прототипа Трога, в явно тенденциозном труде, а далее без особых сомнений воспринята Помпеем Трогом в классическом для латинской историографии (и, кстати, создававшемся в эпоху, в общем, не располагавшую к апологетике Парфии) труде?

В связи с этим стоит обратиться к сообщению Трога о царях Везосисе и Танавсе в самом начале его труда: они именно парой приводятся в пример завоевателей, не стремившихся к прямой власти над побежденными странами, а воевавших ради славы своих народов, в отличие от сменившего скифов Нина, который обращал покоренные области в свое владение (Iust. I.1.6-7: *Fuere quidem temporibus antiquiores Vezosis Aegyptius et Scythiae rex Tanaus, quorum alter in Pontum, alter usque Aegyptum excessit; sed longinqua, non finitima gerebant bella, contentique uictoria non imperium sibi, sed populis suis gloriam quaerebant. Ninus magnitudinem quaesitae dominationis continua possessione firmavit*). Как видно, эти цари противопоставлены будущим властителям Азии из народов Ближнего и Среднего Востока как благородные воители древнейших времен пришедшим им на смену более сворыстными правителям. Этот мотив согласен с общей мыслью Трога об отличии первоначальных времен человечества с их добрыми нравами от пришедшей им на смену как раз во времена образования империй жажды власти⁴⁰, однако все же едва ли он был введен самим римским автором независимо от первоисточника. Ему не особо противоречит и то, что в восходящем собственно к этому первоисточнику описанию войны египтян и скифов захват добычи и получение дани названы целями как первых (имплицитно: id. II.3.10), так и вторых (вполне открыто: id. 17): несомненно, что и добыча, и дань входили в понятие «славы», к которой стремились древние цари, в то время как Нину, в отличие от них, приписывалась прежде всего территориальная экспансия. При этом последовательность «египтяне Везосиса — скифы Танавса — ассирийцы Нина» видна как в начальном отрывке эпитомы Трога, так и в описании войны египтян со скифами, что говорит об общем происхождении обоих фрагментов. В начальном же отрывке обращает на себя внимание указание на Понт как на цель походов Везосиса. В подобном контексте в связи с походами Сесостриса Понт упоминается Мегасфеном, согласно передаче его текста Страбоном (Strabo. Loc. cit.: ἐκεῖνον δὲ καὶ ἐκ τῆς Ἰβηρίας εἰς τὴν Θράκην καὶ τὸν Πόντον ἀγαγεῖν τὴν στρατίαν); однако несводимость

⁴⁰ Зельин 2005, 17.

сведений Трога к сообщению Мегасфена очевидна: если первый также в начале своего труда говорит, что Семирамида «воевала с Индией, куда, кроме нее и Александра, не проникал никто» (Iust. I.2.9: *sed et Indis bellum intulit, quo praeter illam et Alexandrum Magnum nemo intrauit*), то, согласно второму, она как раз не успела выполнить этого своего намерения из-за смерти (Strabo. Loc. cit.; Arr. Ind. 5.7). У Мегасфена, как и у Трога, Сесострис и Иданфирс охарактеризованы как великие завоеватели «парой», и их упоминание встроено в перечень великих завоеваний разных эпох; однако сам этот перечень отличается от перечня Трога неизвестными ему именами «Теаркона-эфиопа» (Тахарки) и «Набокодросора» (Навуходоносора II). Иными словами, между данными сюжетами в изложении Мегасфена и Помпея Трога нет прямого взаимодействия; однако информация и того, и другого авторов (судя по расхождениям между ними, не полностью, а именно в части характеристики завоеваний египетского и скифского царей) явно восходит к одному первоисточнику, который, учитывая датировку труда Мегасфена, должен относиться к кануну или началу эллинизма.

Данное построение не противоречит гипотезе Иванчика о «пропарфянском» эллинистическом прототипе сведений Трога в принципе; однако если оно верно, то к общему и для этого прототипа, и для труда Мегасфена раннему первоисточнику восходила не просто информация о войнах египетского и скифского царей, но и соотнесение их деятельности с последующими этапами завоеваний (ведь именно в этом, причем четко очерченном, контексте данная информация и появляется и у Мегасфена, и у Трога или в его прототипе!). Что же касается ранних, очевидно предэллинистических, истоков хронологии, использованной Трогом, в этом, благодаря сообщению Дикеарха, есть полная уверенность. Наконец, вернемся к еще одному упомянутому нами вскользь моменту: в хронологической схеме Трога нет суммы лет владычества над Азией персов, что хорошо согласуется с ее созданием тогда, когда оно еще не пресеклось, т.е. в эпоху предэллинизма. Иными словами, весь комплекс сведений об этапах владычества разных народов в Азии и их сроках, которые мы находим в традиции Трога, может восходить еще ко времени предэллинизма.

Эволюция этой традиции представляется нам в целом следующей. В IV в. до н.э. в греческой историографии появляется произведение, в котором присутствует схема смены владычества в Азии разных народов (с указанием сроков между ними и другими значимыми историческими этапами), начинающаяся с удачных войн египетского и скифского царей; возможно, уже на этом этапе их стремление к славе было противопоставлено стремлению Нина и его последователей к устройству общеазиатской мировой державы. Пожалуй, невозможно определить, не было ли это произведение трудом Феопомпа или Эфора, видимо, писавших о поражении египтян скифами; несомненно лишь, что Феопомп, как чуть позже и Аристотель, именовал его «Сесострис» и, очевидно, именно эта форма имени данного персонажа рассматривалась на данном этапе как «базовая» (или была единственной известной). Ближе к концу IV в. до н.э. Дикеарх выбрал из этих сведений хронологические выкладки, соотносившие время древнейшего египетского царя с этапами истории Египта и Греции; однако он дополнил их сведениями о его устройтельской деятельности, интересовавшими его больше и, вероятно, взятыми из другого, прямо восходящего к египетской традиции источника (из него к Ди-

кеарху могла перейти и употребленная им форма имени «Сесонхосис»⁴¹. Контаминация сведений о завоеваниях и устройстве древнейшего египетского царя проявлялась в свидетельствах греческой традиции и ранее⁴²; но среди них именно свидетельство Дикеарха, по-видимому, приобрело особую значимость в специфических греко-египетских контекстах (возможно, и в греко-египетской среде). Далее сведения о войнах египетского и скифского царя перешли, очевидно, из раннего первоисточника, использованного и Дикеархом, к Мегасфену, который построил их в гетерогенный по своим истокам рассказ о разных завоевателях; опираясь на его фрагменты, можно допустить, что в его первоисточнике египетский и скифский цари именовались «Сесострис» и «Иданфирс»⁴³. Какое-то новое «преобразование» формы их имен произошло перед восприятием этих сведений Помпеем Трогом (может быть, действительно, в его гипотетическом «пропарфянском» прототипе); но в целом его сведения должны следовать первоисточнику IV в. до н.э. достаточно полно.

Интерпретируя соотношение Александра с Сесонхосисом в «Романе...», входящее к его греко-египетскому прототипу III в. до н.э., мы, думается, имеем право учитывать весь комплекс сведений о древнейшем египетском царе, которые должны были отразиться к кон. IV в. до н.э. в труде Дикеарха и в первоисточнике, использованном им, Мегасфеном и традицией Помпея Трога. Согласно этим сведениям, на исходе эпохи царей-богов и, соответственно, в самом начале собственно истории человечества устройщиком египетского общества и завоевателем Азии и большей части Европы был египетский царь Сесонхосис. Далее его постигла неудача в войне со скифами, которые отогнали его вплоть до границ Египта и перехватили у него гегемонию в Азии. Затем власть над Азией последовательно переходила от скифов к ассирийцам, от ассирийцев к мидянам и от мидян к персам. Заключительный «штрих» данной схемы мы находим уже независимо от традиции предэллинизма, собственно во фрагментах «Романа...»: сначала, при Нектанебе, Египет не только не владычествует над чужеземными народами, но и сам завоеван ими, причем среди них, похоже, первенствуют скифы, лишившие Египет миродержавия во времена Сесонхосиса; однако Александр, став царем Египта, возвращает ему миродержавие и в силу этого может по праву считаться «новым Сесонхосисом».

Как видно, в рамках этой картины всемирная история (понятая как история земель, вошедших в культурно-исторический круг надрегиональных государств Передней Азии I тыс. до н.э., а также образующих его периферию) была сведена к одному сверхдолгому циклу. Детерминантой движения исторических событий в рамках этого цикла явно считалась смена эпох «владычества над Азией» (βασιλεία τῆς Ἀσίας) ряда народов — топос, хорошо известный в античной традиции и имеющий основу в собственно восточных, в том числе в египетских, представлениях⁴⁴. Согласно этому топосу, земли Азии с древнейших времен были

⁴¹ Ладынин 2014.

⁴² Ладынин 2013, 150.

⁴³ «Иданфирс» — имя скифского царя, боровшегося с Дарием I согласно «скифскому логосу» Геродота (Hdt. IV.76, 120, 126-127), что свидетельствует о перенесении этой модели в греческой традиции IV в. до н.э. на описание поражения египтян со скифами (см. в связи с возможным присутствием этого мотива в труде Феопомпа: Ладынин 2011, 41).

⁴⁴ Ладынин 2005.

интегрированы в политическое единство, власть над которым последовательно переходила от одного народа к другому (Aesch. Pers. 762-764: ἐξ οὔτε τιμὴν Ζεὺς ἄναξ τήνδ' ὠπάσεν, / ἐν' ἄνδρα πάσης Ἀσίδος μηλοτρόφου / ταγεῖν, ἔχοντα σκῆπτρον εὐθυνητήριον. Еще в «Истории» Геродота ассирийцы при Нине представлены как первый народ, которому принадлежала власть над «Верхней Азией» (Hdt. II. 95; в другом месте их владычество признается общеазиатским: id. 105)⁴⁵; затем от них эта власть переходит к мидянам, причем возвышение последних, начавшееся на фоне упадка Ассирии (id. 95, 102), прерывается возвышением скифов и эпохой их владычества (id. 103-106); далее, понятным образом, «владычество над Азией» переходит от мидян к персам. Ктесий Книдский в целом воспроизводит в своем труде ту же самую схему, причем, похоже, впервые четко утверждает, что «владычество над Азией» переходит от одной державы к другой, так что его одновременное наличие у двух государств невозможно⁴⁶. В сведениях Ктесия мы не видим упоминаний о «скифском владычестве в Азии», однако представление о нем весьма важно в других ответвлениях античной традиции⁴⁷. Наконец, в известных исторических обстоятельствах «владычество над Азией» перешло к Александру Великому: в связи с этим необходимо обратить внимание не только на хорошо известное свидетельство Плутарха о его провозглашении «царем Азии» после победы при Гавгамелах (Plut. Alex. 34. 1; cf. Arr. III. 9. 6), но и на современные ему или близкие его времени эпиграфические памятники, утверждающие за ним этот статус⁴⁸, а также на именование его в вавилонском астрономическом тексте (BM 36761+BM 36390, ll. 14-17) опять же в описании битвы при Гавгамелах «царем вселенной» (LUGAL ŠÚ), в отличие от Дария III, именуемого просто «царем» (LUGAL)⁴⁹.

Модификации, введенные в эту схему передачи «владычества над Азией» еще в предполагаемом первоисточнике Дикеарха, Мегасфена и традиции Помпея Трога IV в. до н.э., достаточно очевидны: основоположником «владычества над Азией» представлен египетский царь, владычество скифов помещено непосредственно после его времени как своего рода долгая интермедия между его временем и созданием общеазиатской державы Нином (что не исключает представления о более поздних этапах «второго» и «третьего» владычеств скифов над Азией, согласно Трогу⁵⁰). Помещение скифского владычества после времени египетского царя может объясняться как аналогией со схемой, отраженной у Геродота (там оно

⁴⁵ Геродот в своем труде фактически воспроизвел две последовательности азиатских царей, владевших соответственно Нижней и Верхней Азией; они обе восходят к Гераклу через посредство Нина и Бела, и первая из них и включает малоазиатских Гераклидов и Мермнадов (Hdt. I. 7), а вторая — ассирийских потомков Нина (id. 95); Иванчик 1996, 115-116.

⁴⁶ Llewellyn-Jones, Robson 2010; Ладынин 2005, 154.

⁴⁷ Медведская 2000; Алексеев 2003, 117-124; Иванчик 2005, 221-244.

⁴⁸ Посвящение в храме Афины в Линде (FGrHist. 532. F. 1, 38: βασιλεὺς Ἀλέξαν[δ]ρος μάχαι κρατήσας Δαρεῖον καὶ κύριος γε[γ]όμενος τᾶς Ἀσίας); надпись Кратера в Дельфах (Fouilles de Delphes. III. 4.137, ll. 6-8: ὃ ἔξενε, ταυροφόνου τοῦδε λέοντος ἔχοι | ὅμ ποτε, Ἀλ[εξά]νδρωι τότε ὄθ' εἴλετο καὶ συνετόρθει | τῶι πολυαἰν[ή]τῶι τῶιδε Ἀσίας βασιλεῖ); cf. Nawotka 2004, 34-35.

⁴⁹ Sachs, Hunger 1988, 178-179. Примечательным образом такое словоупотребление идеально согласуется с требованием Александра к Дарию III, предъявленным им в их знаменитой переписке после битвы при Иссе, впредь считать именно его владыкой Азии и обращаться к нему соответствующим образом: Arr. Anab. II. 8-9; Curt. IV. 1.14.

⁵⁰ Иванчик 2005, 221-229.

тоже оказывается по существу интермедией между первым — ассирийским — и вторым — мидийским — «владычествами над Азией»), так и целой системой сугубо египетских ассоциаций (с нашествием «народов моря», примыкавшим ко времени Рамсеса II, реминисценции которого также могли быть поглощены образом великого египетского царя античной традиции), о которых в рамках настоящей работы мы не имеем возможности сказать подробнее. Наконец, уже при конструировании пресловутого «цикла Сесонхосиса-Александра» миродержавие Александра было подчеркнуто представлено как возвращение к исходной точке данного цикла.

Стоит обратить внимание на еще один момент, связанный с четким указанием Дикеарха на непосредственное преемство Сесонхосиса от царей-богов, а еще конкретнее — от Гора, сына Исиды и Осириса. Весьма значимое упоминание этого мифологического царствования присутствует в собственно египетском тексте — «Поучении царю Мерикара», где речь идет об укладе жизни «азиата», который «сражается со времен Хора» (pErm. 1116A. 93); по-видимому, оптимальным образом оно было интерпретировано А. Е. Демидчиком, по мнению которого «время Хора» — это эпоха, когда окончательно побежденный Сет был выдворен со своими присными из Египта в окружающие его «нагорья» (*h3swt*)⁵¹. В таком случае при Хоре земли за пределами Египта впервые были населены — а при Сесонхосисе, его преемнике в схеме Дикеарха, они впервые оказались под военно-политическим господством Египта. Если появление населения «нагорий» было своего рода «заключительным штрихом» в творении мироздания, то их подчинение Сесонхосису может рассматриваться как часть его деятельности по обустройству не только Египта, но и земного мира в целом⁵². Следовательно, соединение чужеземных стран и Египта под его властью — это нормальное состояние мироздания, а утрата власти над ним Египта и переход ее к другим народам («потомкам Сета») представляло собой аномалию.

Как видно, эта аномалия необычайно затянулась, так как со времени Сесонхосиса и вплоть до Александра власть в «общемировом»/общепереднеазиатском государстве переходила от одного чужеземного народа к другому, не возвращаясь к египтянам. Предел отступления от нормы был достигнут накануне появления в Египте Александра, при бегстве из страны ее легитимного царя Нектанеба и ее подпадании под власть чужеземных врагов, среди которых как будто первен-

⁵¹ Демидчик 2005, 132-135.

⁵² Мы не имеем прямых указаний на этот мотив во фрагментах Дикеарха; однако весьма показательны стоящие еще ближе к египетской традиции и примерно синхронные по времени появления сведения Гекатея Абдерского о налаживании царем Сесоосисом системы взимания дани с покоренных им стран сообразно их ресурсам и эксплуатации их рабочей силы (Diod. I. 55-56). В описании этой системы легко увидеть аналогию с реформами Дария I, сформировавшими институты надрегionalной переднеазиатской державы (Briant 1996, 402-405), и тем самым приписывание их создания древнему египетскому царю; в то же время указанная Диодором конечная цель эксплуатации чужеземных стран — обеспечение культов египетских богов — выглядит, напротив, сугубо «по-египетски», согласуясь с ритуалистическим характером египетской царской власти и с зафиксированными в многочисленных памятниках дарениями царей-воителей из военной добычи храмам Египта. В таком случае на египетского царя у Гекатея переносится то качество создателя инфраструктуры мировой державы, которое в традиции Трога и, возможно, в ее первоисточнике IV в. до н.э. отводилось Нину. Можно сказать, что подобный мотив как минимум очень хорошо согласуется с качеством царя-устроителя, присущим Сесонхосису согласно Дикеарху.

ствуют виновные в утрате миродержавия египетским царем древности скифы. Соответственно, возвращение миродержавия Египту его новым царем Александром предстает как восстановление исконной, хотя и издавна утраченной нормы существования мира. В связи же с этим мотивом «Романа об Александре» и, в частности, с содержащимся в нем и отнесенном к моменту бегства Нектанеба из Египта предсказанием о его возвращении в лице Александра невольно напрашивается сравнение со знаменитым обетованием «Пророчества Неферти» о приходе царя Амени (Аменемхета I), который положит конец хаосу I Переходного периода (pErn. 1116В. 58-71)⁵³, — с той очевидной разницей, что если «Пророчество Неферти» говорит в первую очередь о природных и социальных аномалиях внутри Египта, то Александру суждено устранить колоссальную «политическую аномалию» в масштабах всего мира.

Итак, мы смогли выделить в ряде компонентов «цикла Сесонхосиса-Александра» явные аллюзии на значимые чисто египетские представления; кроме того, по своей структуре этот цикл весьма похож на большие циклы египетской истории, которым соответствуют томосы труда Манефона. Как нам доводилось говорить, в каждом из этих циклов, по аналогии с более короткими циклами отдельных царствований и династий, происходило накопление отступлений от нормы миропорядка *maat* (очевидно, в ходе ее противоборства с противным ей началом *isefet*), которое в конечном счете оборачивалось ее полным крушением и, далее, возвращением к торжеству нормы и началом нового цикла⁵⁴. В таком случае в «Романе об Александре» мы видим историческую фикцию, которая была смоделирована по принципам, упорядочивавшим для египтян события прошлого и в их «академической» историографии кануна и начала эллинизма, и была призвана примирить исконную для египтян идею сакральной исключительности их страны с существованием в I тыс. до н.э. общепереднеазиатской (в обыденном восприятии общемировой) государственности, находившейся под властью других народов. Понятно, что такая фикция не могла быть рассчитана на ее восприятие представителями образованной элиты Египта, знакомыми с его подлинной историей; в таком случае естественно допустить, что она (по близкой аналогии, например, с соположенной с нею в традиции «Романа...» фикцией рождения Александра от Нектанеба II⁵⁵) была пропагандистским конструктом, рассчитанным на распространение заложенных в него идей в широких кругах в некоей политической конъюнктуре. В «Романе об Александре» эта конъюнктура прослеживается четко: представление о македонском царе как о «новом Сесонхосисе» — восстановителе исконного порядка мироустройства, наряду с фикцией его египетского происхождения, оказывается (несомненно, на этапе кодификации греко-египетского прототипа «Романа...») средством оправдать установление власти Александра над Египтом, удобным прежде всего его местным коллаборационистам.

Следует ли считать, что эта фикция и создавалась целенаправленно именно с таким расчетом? На наш взгляд, есть серьезные основания в этом усомниться. Выше привели аргументы в пользу того, что ряд ее важнейших составляющих проник в греческую традицию уже на протяжении IV в. до н.э.; в труде Дикеарха

⁵³ Posener 1956, 47 ff.; Демидчик 2005, 48.

⁵⁴ Ладынин 2009, 166.

⁵⁵ Васильева, Ладынин 2012, 3-4.

они воспроизведены достаточно серьезно, как реальные представления египтян о своем прошлом, что было бы проблематично, если бы они восходили к совсем недавнему построению, сложившемуся в рамках пропаганды времени Александра в Египте. В то же время этой фикции явно еще не существовало во времена Геродота, чей рассказ о Сесострисе сильно от нее отличается. Несомненно, что получить акцент в Египте и, закономерно, резонанс в греческом мире эта фикция могла лишь тогда, когда часть египетской элиты питала бы серьезные надежды на возвращение под свою руку значительных территорий Передней Азии и тем самым на восстановление исконного египетского миродержавия.

Образ Сенусерта I — Сесонхосиса Манефона — был актуализирован в древнеегипетской пропаганде уже в начале XXX династии в принятии Нектанебом I (ок. 379/8-361/0 гг. до н.э.) «солнечного» имени царя Верхнего и Нижнего Египта *Hpr-k3-Rc*, совпадавшего с этим же титулом второго царя XII династии⁵⁶; однако при этом на Нектанеба I переносились, видимо, «мирные» реминисценции Сенусерта I, связанные с его качеством строителя египетского общества⁵⁷. Методом исключения, но все же достаточно уверенно мы, кажется, можем обнаружить в истории XXX династии ситуацию, в которой могла быть востребована пропаганда исконного миродержавия Египта. Это попытка фараона Тахоса (361/0-359/8 гг. до н.э.⁵⁸) перейти в наступление против персов с расчетом отобрать у них, по видимому, по крайней мере Восточное Средиземноморье. Странным образом, исследователи мало задумываются над тем, какие шансы на успех были у этой попытки: Тахос действовал в ситуации, когда держава Ахеменидов была ослаблена Великим восстанием сатрапов кон. 360-х гг.; он заручился союзом со Спартой и неофициальной поддержкой Афин; к началу войны у него было 10 тыс. греческих наемников, 80 тыс. египетских ополченцев и флот в 200 триер; мобилизация экономических ресурсов страны проводилась им столь целенаправленно, что восстановила против него храмы⁵⁹. Возможно, как раз последний момент, приведший примерно через 100 лет к появлению в т.н. «Демотической хронике» негативного образа Тахоса⁶⁰, и потребовал серьезного обоснования перед обществом столь масштабных и требующих усилий планов экспансии. Присутствие же в Египте при XXX династии греков — представителей военной элиты полисного мира, достаточно образованных и находившихся в постоянном контакте с элитой Египта, — создавало идеальный канал для трансляции данного идеологического конструкта в представления греков о Египте и его истории.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А. Ю.* 2003: Хронография Европейской Скифии. СПб.
Бикерман Э. 1975: Хронология древнего мира. М.
Бонгард-Левин Г. М., Бухарин М. Д., Вигасин А. А. 2002: Индия и античный мир. М.
Васильева О. А., Ладынин И. А. 2012: «Волшебник Нектанеб»: историко-художественный образ и его истоки // Древний Восток и античный мир. 8, 3-36.

⁵⁶ Blöbaum 2006, 405-408.

⁵⁷ Ладынин 2013.

⁵⁸ Hornung, Krauss, Warburton 2006, 270.

⁵⁹ Briant 1996, 682-685, 693-694, 1019-1020.

⁶⁰ Johnson 1983, 62, 64, n. 24; см. теперь: Felber 2003.

- Демидчик А. Е.* 2005: Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб.
- Зельин К. К.* 2005: Помпей Трог и его произведение “*Historiae Philippicae*” // Юстин, Марк Юниан. Эпитома сочинения Помпея Трога “*Historiae Philippicae*”. СПб., 5-33.
- Иванчик А. И.* 1996: Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII-VII вв. до н.э. М.
- Иванчик А. И.* 1999: Античная традиция о фараоне Сесострисе и его войне со скифами // ВДИ. 4, 4-36.
- Иванчик А. И.* 2005: Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII-VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история (*Pontus septentrionalis*, 3). М.; Берлин.
- Коростовцев М. А.* 1976: Религия древнего Египта. М.
- Ладынин И. А.* 2005: Античный топоним «владычества над Азией» и концепция непрерывной надрегиональной государственности на Ближнем и Среднем Востоке в I тыс. до н.э. // «Эдуба вечна и постоянна»: Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения И. М. Дьяконова. СПб., 151-160.
- Ладынин И. А.* 2009: Легенда о царе Аменофисе (*Manetho*, ed. W.G. Waddell, frg. 54, *Chaeremon*, *FGrHist.* 618. F. 1) и финал второго тома труда Манефона // Петербургские египтологические чтения 2007-2008: памяти О. Д. Берлева. К 75-летию со дня его рождения: Доклады (Труды Государственного Эрмитажа, 45). СПб., 164-180.
- Ладынин И. А.* 2011: «Феопомп же в третьей (книге) называет его Сесострисом» (*FGrH.* 115. F. 46): Войны египетского царя в Европе в сведениях историографа Филиппа II // *Antiquitas aeterna: Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 3: Проблемы источникововедения античной истории: Взгляды на историю и историческая информация в трудах античных авторов* / А. В. Махлаюк, Е. А. Молев (ред.). Нижний Новгород, 34-56.
- Ладынин И. А.* 2013: «*ἡπρ-κ3-ΡϜ* по-гречески»: Сенусерт I в пропаганде XXX династии и в ее вероятных репликах в древнегреческой традиции // *Aegyptiaca rossica*. 1, 136-156.
- Ладынин И. А.* 2014: Сведения Дикеарха Мессенского о великом египетском царе — строителе и завоевателе // *Аристей*. 9, 21-57.
- Медведская И. Н.* 2000: О скифском вторжении в Палестину // ВДИ. 2, 221-228.
- Немировский А. А.* 2001: Гиксосы: к вопросам именования и происхождения // *Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций* / О. И. Павлова, А. А. Немировский (ред.). М., 100-138.
- Сафронов А. В.* 2005: Этнополитические процессы в Восточном Средиземноморье в кон. XIII — нач. XII вв. до н.э.: автореф.... канд. ист. наук. М.
- Alonzo-Nunez M.* 1997: Approaches to a World History in the Hellenistic Period: Dicaearchus and Agatharchides // *Athenaeum*. 85, 53-67.
- Ax W.* 2000: *Dikaiarchs Bios Hellados* und *Varros De vita populi Romani* // *Rheinisches Museum*. 143, 337-369.
- Beckerath J. von.* 1999: *Handbuch der ägyptischen Königsnamen*. 2. Aufl. (Münchener ägyptologische Studien, 49). München.
- Berg B.* 1973: An Early Source of the Alexander Romance // *GRBS*. 14, 381-387.
- Blöbaum A. I.* 2006: “Denn ich bin ein König, der Maat liebt”: Herrscherlegitimation im spätzeitlichen Ägypten (*Aegyptiaca Monasteriensia*, 4). Aachen.
- Briant P.* 1996: *Histoire de l’empire perse. De Cyrus à Alexandre*. P.
- Burstein S.* 1992: Hecataeus of Abdera’s History of Egypt // *Life in a Multi-Cultural Society: Egypt from Cambyses to Constantine and Beyond* / J. H. Johnson (ed.). Chicago, 45-49.
- Burton A.* 1972: *Diodorus Siculus: Book I (Études préliminaires des religions orientales, 29)*. Leiden.

- Dillery J.* 1998: Hecataeus of Abdera: Hyperboreans, Egypt and interpretatio Graeca // *Historia*. 47, 255-275.
- Dillery J.* 2013: Manetho // *The Romance between Greece and the East* / T. Whitmarsh (ed.). Cambridge, 38-59.
- Felber H.* 2003: Die Demotische Chronik // *Apokalyptik und Ägypten: Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten* / A. Blasius, B. U. Schipper (hrsg.). (Orientalia Lovanensia Analecta, 107). Leiden, 65-112.
- Fortenbaugh W. W., Schütrumpf E.* (hrsgg.) 2001: Dicaearchus of Messana: Text, Translation and Discussion (Rutgers University Studies in Classical Humanities, 10). New Brunswick (N. J.).
- Gozzoli R. B.* 2006: The Writing of History in Ancient Egypt during the First Millennium B.C. (ca. 1070-180 BC). Trends and Perspectives (Golden House Publications Egyptology, 5). L.
- Gutschmid A.* 1894: Die beiden ersten Bücher des Pompejus Trogus // *Gutschmid A. Kleine Schriften*. Leipzig, 19-217.
- Helck W.* 1956: Untersuchungen zu Manetho und den ägyptischen Königslisten (Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens, 18). B.
- Hornung E., Krauss R., Warburton D.* (eds.) 2006: Ancient Egyptian Chronology (Handbook of Oriental Studies. Section One: The Near and Middle East, 83). Leiden.
- Huss W.* 2001: Ägypten in der hellenistischen Zeit, 332-30 v. Chr. München.
- Jasnow R.* 1997: The Greek Alexander Romance and Demotic Egyptian Literature // *JNES*. 56, 95-103.
- Johnson J. H.* 1983: The Demotic Chronicle as a Statement of a Theory of Kingship // *JSSEA*. 1983. 13, 61-72.
- Jouanno C.* 2002: Naissance et métamorphoses du Roman d'Aléxandre. Domaine grec. P.
- Keil H.* 1854: Scholia vetera e codice Laurentiano. Lipsiae.
- Llewellyn-Jones Ll., Robson J.* 2010: Ctesias' History of Persia: Tales of the Orient. L.; New York.
- Marincola J.* 2007: Universal History from Ephorus to Diodorus // *A Companion to Greek and Roman Historiography* / J. Marincola (ed.). Vol. I. Malden; Oxford; Carlton, 171-179.
- Martini* 1905: Dikaiarchos // *RE*. 5, 546-563.
- Moyer I. S.* 2011: Egypt and the Limits of Hellenism. Cambridge.
- Nawotka Krz.* 2004: Alexander the Great and the Kingdom of Asia // *Eos*. 91, 34-43.
- Perry B. E.* 1966: The Egyptian Legend of Nectanebus // *TAPA*. 97, 327-331.
- Posener G.* 1956 : Littérature et politique dans l'Égypte de la XIIe dynastie (Bibliothèque de l'école des hautes études, 307).
- Ryholt K.* 2010: A Sesostrius Story in Demotic Egyptian and Demotic Literary Exercises (O. Leipzig UB 2217) // *Honi soit qui mal y pense: Studien zum pharaonischen, griechisch-römischen und spätantiken Ägypten zu Ehren von Heinz-Josef Thissen* / H. Knuf, Chr. Leitz, D. von Recklinghausen (ed.). Leuven, 429-437.
- Sachs A. J., Hunger H.* (eds.) 1988: Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. Vol. 1. Diaries from 652 B. C. to 262 B. C. Vienna.
- Schade G., Eleuteri P.* 2001: The Textual Tradition of the *Argonautica* // *A Companion to Apollonius Rhodius* / Th. D. Papanghelis, A. Rengakos (ed.). (Mnemosyne: Bibliotheca classica Batava, Supplementum, 217). Leiden; Boston; Köln, 27-49.
- Schaefer G. H.* 1813: Apollonii Rhodii Argonautica. Vol. II. Lipsiae.
- Sethe K.* 1900: Sesostrius (Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens, 2.1). Leipzig.
- Trnka-Amrhein Y. K.* 2013: A Study of The Sesonchosis Novel. Diss. Harvard.
- Wehrli F.* 1967: Die Schule des Aristoteles. 1. Dikaiarchos. 2. Aufl. Basel; Stuttgart.
- Wendel C.* 1935: Scholia in Apollonium Rhodium vetera. B.

Widmer G. 2002: Pharaoh Maâ-Rê, Pharaoh Amenemhat and Sesostris: Three Figures from Egypt's Past as seen in the Sources of the Graeco-Roman Period // Acts of the Seventh International Conference of Demotic Studies, Copenhagen, 23-27 August 1999 / K. Ryholt (ed.). (Carsten Niebuhr Institute Publications, 27). Copenhagen, 377-393.

ALEXANDER “THE NEW SESONCHOSIS”: EGYPTIAN PROPAGANDIST FICTION OF THE EARLY HELLENISM AND PRECONDITIONS OF ITS ORIGIN

A. Ladynin

The comparison of Alexander the Great in some fragments of “The Novel about Alexander” to the legendary Egyptian King Sesonchosis, the great warrior, seems to be a replica of an Egyptian propagandist fiction: at the beginning of human history, the Egyptians established their dominion over the world, which completed its dispensation, then it passed to other people that violated the norms of the world order, but eventually it had to go back to Egypt (which, according to the “The Novel about Alexander” happened under Alexander — the legal King of Egypt). The components of this fiction are found in the statements of Dicaearchus of Messena and Pompeius Trogus; and it probably must have emerged in Egypt still before the Hellenism (allegedly, under Tachos in the mid 4th century BC) to become known in the Greek tradition.

Key words: Alexander the Great, Sesonchosis, world-dominion, propaganda, Tachos

© 2015

Е. М. Берзон

АНТИОХ — НАСЛЕДНИК И СОПРАВИТЕЛЬ ВЕЛИКОГО ЦАРЯ АНТИОХА

Статья посвящена рассмотрению биографии царевича Антиоха, старшего сына и соправителя Антиоха III Великого. Акцент делается преимущественно на таких событиях из жизни наследника, как его коронация, хронологические и географические рамки его государственной деятельности, брак с сестрой Лаодикой и его место в матримонической политике Селевкидов. Отдельно рассматриваются действия Антиоха Младшего в качестве соправителя своего отца, в которых можно выделить несколько направлений: урегулирование отношений с греческими полисами Западной Малой Азии, дипломатическо-представительная роль, участие в военных кампаниях (в т. ч. и личное командование отдельными воинскими контингентами). Особое внимание в работе уделяется официальной титулатуре соправителя, очевидно, претерпевшей некоторые изменения на рубеже III и II в. до н.э. Таким образом, биография Антиоха Младшего показательна как прекрасный пример, позволяющий проанализировать положение соправителя и его формальный статус, более четко обрисовать характер его полномочий и в целом — обозначить его роль в системе государственного управления в царстве Селевкидов.

Ключевые слова: царство Селевкидов, институт соправительства, династическая политика, Антиох III, принц Антиох

Берзон Екатерина Михайловна — магистрант I курса кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ. E-mail: miss.ekber@yandex.ru

В историографии эллинизма важное место занимает литература, посвященная жизнеописаниям выдающихся личностей этой эпохи — правителей, полководцев, поэтов и философов. При этом наибольший интерес вызывают, как правило, биографии именно монархов, что, исходя из состояния источников, кажется вполне объяснимым. В то же время многие представители эллинистических династий оказываются незаслуженно обделенными вниманием со стороны исследователей. Это в особенности относится к царским родственникам, которые по каким-либо причинам не занимали престол и не сыграли в истории столь важной роли, как их увенчанные диадемой родичи. Данная работа представляет собой скромную попытку хотя бы в малой степени заполнить этот пробел.

В настоящей статье мы постараемся последовательно рассмотреть биографию и деятельность Антиоха, старшего сына и соправителя Антиоха III Великого. В историографии, к сожалению, почти нет специальных исследований на эту тему. Антиоха Младшего чаще всего лишь вскользь упоминают в контексте политики его отца, не уделяя должного внимания личности самого принца. Исключения составляют, пожалуй, лишь несколько работ — это статья А. Эймара «Смерть Антиоха, сына Антиоха III Великого» и электронная публикация Р. Лукерини о детях Антиоха III¹; достаточно подробно о наследнике Антиоха III писали также Х. Шмитт и Д. Огден².

В действительности детально изучить биографию этого селевкидского принца практически не представляется возможным — настолько отрывочны и неточны сведения, которыми мы располагаем. В литературной традиции об Антиохе-сыне некоторые данные приводят Полибий, родосский историк Зенон (в изложении жестко критикующего Полибия), Тит Ливий и Аппиан (Polyb. V. 55. 4; XVI. 18–19; Liv. XXXIII. 49. 5–6; XXXV. 13. 5; 15. 2–5; App. Syg. 4). Интересные и важные сведения содержатся также и в клинописных текстах, в частности — «Вавилонском Царском списке эллинистического времени» и «Астрономических дневниках» (BM 35603 = Sp. III 113; ADRTB 207; 198–197; 191). Царевич также упоминается в некоторых, преимущественно малоазийских, надписях (IMagnesia 19 = OGIS 232 = RC 32; IMagnesia 61 = OGIS 233; OGIS 245; 246; JMED 9; 10; 19B–C; 20; 23; 24; 29; 31A; 35; 42)³.

Более подробный анализ источников будет предложен ниже, в конкретных рассматриваемых случаях, пока же ограничимся лишь общим замечанием о том, что как античная традиция, так и клинописные и греческие эпиграфические источники освещают лишь отдельные эпизоды из жизни Антиоха Младшего. Поэтому наша задача — сопоставить их и связать воедино, уделяя особое внимание дискуссионным и неясным вопросам.

¹ Aymard 1940, 89–109; Lucherini 2006.

² Schmitt 1964, 13–20; Ogden 1999, 133–137.

³ Клинописные и эпиграфические материалы особенно ценны, ибо они не только проливают свет на некоторые частные аспекты деятельности царевича, но и приводят любопытные сведения о титулатуре наследника. Используя эти данные, можно довольно точно установить и сами годы соправления Антиоха Младшего.

1. Рождение наследника

Антиоха обычно считают старшим сыном царя Антиоха III и его супруги царицы Лаодики⁴. Обстоятельства рождения принца не вполне ясны. Полибий сообщает, что царь получил весть о рождении наследника сразу после победы над мятежником Молоном, накануне экспедиции против Артабазана (V. 55. 4). На таком основании это радостное для царской семьи событие традиционно датируется 220 г. (здесь и далее — до н. э.)⁵, а если точнее — концом весны — началом лета этого года, как считают, например, М. Олло и Х. Шмитт⁶. Это следует из контекста довольно подробно описываемой Полибием кампании против отложившихся сатрапов (V. 43; 45–54).

Можно лишь предполагать, в каком городе родился наследник престола. Гипотетически это могла быть одна из столиц Селевкидов — Антиохия-на-Оронте. Лаодика, мать царевича, была провозглашена царицей как раз в Антиохии Сирийской (Polyb. V. 43. 4) и, как это видно из сообщений Полибия, возможно, осталась здесь⁷. Впрочем, данный факт едва ли представляется особенно важным.

2. Антиох-соправитель

Юные годы наследника селевкидского престола освещены очень слабо. Можно лишь предполагать, опираясь на материалы надписей из Сард (JMED 2A; B; C), относящиеся к 213 г., что принц вместе со своей семьей находился тогда в областях «по эту сторону Тавра». Об этом, на наш взгляд, косвенно свидетельствуют само письмо царицы Лаодики, по-видимому, пребывавшей в это время в Сардах, и в особенности постановление ... *θυσίαν συντελεῖν Διὶ Γενεθλίῳ ὑπὲρ τῆς τοῦ ἀδελφοῦ | ἡμῶν βασιλείᾳς Ἀντιόχου καὶ τῆς ἡμετέρας καὶ τῶν παιδίων* (JMED 2B, сткк. 13–14).

Накануне своего знаменитого похода на Восток (212–205/204 гг.) Антиох III назначил старшего сына своим соправителем. Датируется это событие по «Вавилонскому царскому списку» (BM 35603 rev. 4–5), где содержится следующая формулировка:

4 [TA] 1.ME.2 k⁸m EN 1 ME 19 mAn[(..)]

5 [vac.] u mAn A.MEŠ LUGAL

Очевидно, в тексте допущена ошибка, и вместо *mAn u mAn A.MEŠ LUGAL* следует читать *mAn u A-šú LUGAL.MEŠ*⁹, что дает возможность перевести эту фразу следующим образом:

⁴ Их брак состоялся летом 222 г.: Schmitt 1964, 10.

⁵ Wilcken 1894, 2470, 9; Walbank 1957, 584; Mørkholm 1966, 38; Will 1982, 21; 56; Lucherini 2006; Mittag 2006, 34; Taylor 2013, 163; Бенгтсон 1982, 245. Только Дж. Грейнджер (Grainger 1997, 36–37) относит рождение принца к 221 г., но это противоречит общей хронологии событий.

⁶ Holleaux 1912, 482; Schmitt 1964, 13.

⁷ Завершая описание первого восточного похода Антиоха III, Полибий употребляет немного странную формулировку «по возвращении домой Антиох...» (*Ἀντιόχος δὲ παραγνόμενος εἰς τὴν οἰκείαν*) (V. 57. 1). Не вполне ясно, что именно историк подразумевает под «домом» Антиоха, однако из контекста можно с достаточной уверенностью предположить, что это, скорее всего, один из городов сирийского тетраполиса, точнее — Антиохия или Апамея (V. 57–58). На основании этого и высказывается приводимое выше предположение.

⁸ Sachs, Wiseman 1954, 207–208; http://www.livius.org/k/kinglist/babylonian_hellenistic2.html#Rev.4-5.

⁹ Schmitt 1964, 13.

4 Со 102-го года до (года) 119 Ан(тиох) [царь?]

5 И Ан(тиох), его сын, были царями.

Итак, соправительство Антиоха Младшего определяется периодом между 102 и 119 гг. эры Селевкидов, в переводе на наше летоисчисление примерно с марта 210 — апреля 209 до апреля 193 — апреля 192 г.¹⁰ Поэтому в историографии первым годом царствования «младшего» царя Антиоха принято считать либо 210¹¹, либо 209 г.¹² При нынешнем состоянии источников едва ли возможно решить, какая из этих датировок является более точной. Однако прежде чем делать более или менее определенные выводы, хотелось бы обратить внимание и на некоторые косвенные, но немаловажные данные. Речь идет о самой коронации наследника — где и при каких обстоятельствах Антиох III официально провозгласил царевича Антиоха своим соправителем.

Согласно данным литературной традиции (Polyb. X. 27–31; Just. XLI. 5. 7), Антиох III вторгся в Парфию в 209 г., а предшествующий год, по-видимому, провел в Мидии, готовясь к предстоящей кампании¹³. Мидия в ту пору являлась селевкидской сатрапией, весьма важной по своему стратегическому и экономическому положению, и, как свидетельствует Полибий, путь Антиоха III и его армии лежал как раз через эту область (X. 27. 12–13). Царевич же, судя по некоторым косвенным данным¹⁴, не принимал участия в Восточном походе своего отца. Если попытаться как-то сопоставить эти факты, то можно предположить, что наследник престола получил царский титул как раз в столице Мидии, Экбатанах, и произошло это, вероятнее всего, в конце 210 г. (либо самом начале 209 г.) накануне более ответственной и опасной, нежели экспедиция в Малую Армению, кампании в «верхние сатрапии».

Правда, Р. Эррингтон высказывает предположение, что накануне похода в Мидию Антиох III провел некоторое время в Селевкии-на-Тигре (факт, сам по себе требующий доказательств), готовясь к предстоящей кампании, где и провозгласил своего наследника соправителем¹⁵. Такой вариант развития событий на первый взгляд кажется вполне логичным, если бы не одно косвенное, но, на наш взгляд, достаточно весомое обстоятельство: Селевкия-на-Тигре являлась в некотором роде главной столицей всех восточных областей царства и, насколько мы можем судить об этом, резиденцией правителя верхних сатрапий¹⁶. Дарование царского

¹⁰ Parker, Dubberstein 1956, 22; Mørkholm 1966, 168; Alonso 1995, 128-129; Grainger 1997, 36-37; Lucherini 2006; Strootman 2007, 114; Бенгтсон 1982, 245.

¹¹ Walbank 1957, 584; Ogden 1999, 134; Capdetrey 2007, 381; Errington 2008, 215; Бикерман 1985, 23.

¹² Бикерман 1975, 264.

¹³ См. RC 31–32; в описании анабасиса Антиох Младший также нигде не упоминается; к тому же в случае участия наследника в походе само соправительство не имело бы особого смысла.

¹⁴ Ссылаясь на Полибия (в монографии указывается Polyb. IX. 4. 3, но это, очевидно, опечатка; по-видимому, имеется в виду IX. 43), Р. Эррингтон пишет, что, устроив дела в Малой Армении, Антиох III спустился по Евфрату, предположительно в Селевкию-на-Тигре (Errington 2008, 177). Заметим, что это довольно вольная трактовка текста источника, где приводится лишь фрагмент описания Евфрата, расположенный между пассажами о войне с царем Малой Армении Ксерксом и событиями в Мидии.

¹⁵ Дьяконов 1961, 165; Capdetrey 2007, 363–364.

¹⁶ В источниках царевич Антиох нигде не упоминается как наместник «верхних сатрапий» вплоть до 193 г. (см. ниже трактовку сообщения Liv. XXXV. 13. 4–5); напротив, в более зрелые годы он активно участвует в военных кампаниях и дипломатических миссиях в Сирии, Палестине

титула наследнику в этом городе, очевидно, должно было бы символизировать провозглашение Антиоха Младшего «царем Востока». В то же время у нас нет ни одного убедительного аргумента в пользу этого (см. ниже прим. 14) — напротив, все сохранившиеся данные свидетельствуют об обратном. Именно в связи с этим мы и рассматриваем столицу Мидии Экбатаны как наиболее вероятное место коронации Антиоха Младшего (хотя, разумеется, это всего лишь гипотеза).

Поскольку юный Антиох не принимал участия в Восточном походе своего отца, то следует отметить, что в отличие от многих своих предшественников он, будучи соправителем, первоначально не был назначен наместником «верхних сатрапий» — это произошло, по-видимому, лишь в 90-е гг. II в.¹⁷ Скорее, напротив, он был направлен на Запад, в Малую Азию, или в сердце империи — в Сирию. Последнее кажется даже более вероятным, поскольку дальнейшая деятельность наследника была связана с этим регионом; к тому же землями по эту сторону Тавра в то время (213–188[?] гг.) управлял Зевксид, ὁ ἀπολελειμμένος ὑπὸ τοῦ βασιλέως Ἀντιόχου ἐπὶ τῶν ἐπιτάδε τοῦ Ταύρου πραγμάτων (JMED 29)¹⁸. Объем и характер врученных ему в Анатолии полномочий делают исключительно маловероятным наличие в Малой Азии какого-либо «дублирующего» должностного лица, будь то даже царский сын. Логично предположить, что, поскольку многие восточные сатрапии de facto уже давно не принадлежали Селевкидам, а главной целью похода самого Антиоха III было восстановление своей власти в этих регионах¹⁹, то Антиох-сын формально должен был управлять государством в отсутствие отца, пребывая именно в Сирии²⁰.

Итак, начиная с 210/209 г. в официальных документах наследник именуется βασιλεὺς Ἀντιόχος (I Magnesia 19 = OGIS 232 = RC 32; JMED 19B–C)²¹; если же он упоминается как соправитель своего отца, то обычно используются несколько иные формулировки: например, βασιλευόντων Ἀντιόχου (Μεγάλου) καὶ Ἀντιόχου τοῦ υἱοῦ (JMED 9; 10; 23; 24; 29) или βασιλέως (μεγάλου) Ἀντιόχου καὶ Ἀντιόχου τοῦ υἱοῦ (JMED 20; 35) или βασιλέως Ἀντιόχου καὶ Ἀντιόχου τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ βασιλέως Ἀντιόχου (I Magnesia 61 = OGIS 233)²². Сам Антиох III в своих письмах называет

и Малой Азии, что кажется несколько странным в том случае, если бы принц был представителем царской власти на Востоке.

¹⁷ О деятельности Зевксиды см.: Capdetrey 2007, 297–300.

¹⁸ Здесь можно провести параллель с позднейшим примером подобной практики у Селевкидов — Антиох IV провозгласил своего сына Антиоха (V) соправителем также накануне экспедиции на Восток (II Macch. 9. 25). Возможно, в этом случае Эпифан руководствовался тем же принципом, что и его отец (Bevan 1902, II, 17).

¹⁹ Ввиду юного возраста царевича к нему наверняка должны были быть приставлены опытные советники; быть может, эти функции выполняла царица Лаодика, кто-либо из родственников или «друзей» царя, но конкретная информация на этот счет в источниках, к сожалению, отсутствует.

²⁰ При этом Антиох Младший в отличие от своего отца никогда не пишет о себе во множественном числе, что, вероятно, является отражением его подчиненного статуса в отношении к Антиоху III (Sherwin-White, Kuhrt 1993, 163; Virgilio 2011, 225).

²¹ В «Вавилонском царском списке эллинистического времени» и «Астрономических дневниках» Антиох Младший, так же как и его отец, носит царский титул (BM 35603 = Sp. III 113; rev. 4–5; ADRTB 207, A rev. 1; 198, lef. e. 1; 197, B obv. 1; B rev. 29; lef. e. B1 = C1; 191, C obv. 1)

²² Аналогичную формулировку мы находим в письме Селевка I (RC 9), где соправитель Антиох I также именуется без титула «царь», что, по мнению Ч. Уэллса (RC 58), свидетельствует лишь о его подчиненном в отношении к отцу положении.

старшего сына, как правило, ὁ υἱὸς Ἀντίοχος (JMED 31A)²³. Сочетание двух терминов, βασιλεύς и υἱός (второй из них, на наш взгляд, следует понимать как один из официальных титулов соправителя, который, вероятно, являлся греческим парафразом аккадского māḡ šarri), впервые встречается в официальной титулатуре соправителя в царстве Селевкидов именно при Антиохе III и, по-видимому, восходит к аккадским традициям²⁴. То, что этот элемент появляется в греческой титулатуре соправителя именно в период соцарствования Антиоха Младшего, можно связать с общими изменениями придворной титулатуры в царстве Селевкидов, которые, по-видимому, произошли примерно на рубеже III-II вв.

Анализируя деятельность Антиоха Младшего в период его соправительства, необходимо отметить, что царевич, по-видимому, уже с юных лет принимал активное участие в управлении государством. Об этом может свидетельствовать, например, его письмо Магнезии-на-Меандре по поводу учреждения культа Артемиды Левкофриены (IMagnesia 19 = OGIS 232 = RC 32), датируемое 205 г. Примечательно, что послы из Магнезии помимо согласия Антиоха III ищут одобрения и его сына. Возможно, это была лишь формальность, тем более что Антиох фактически только следует решению своего отца и не проявляет почти никакой личной инициативы, что особенно ярко проявляется в следующих строках:

- 15 ... ἔχοντος οὐὶ τοῦ πατρὸς περὶ
 τοῦ δήμου τὴν φιλανθρωποτάτην δι-
 [άλη]ψιν καὶ τὰ ἄποδεδεγμένον, θέ-
 [λων κ]αὶ αὐτὸς ἀκολουθεῖν τῇ προαιρέ-
 [σει αὐτ]οῦ, νῦν τε ἀποδέχομαι τὰς ἐψη-
 20 [φισμένα]ς ὑφ' ὑμῶν τιμὰς τῇ θεᾷ καὶ
 [το λ]ο[ιτ]ὸν πειράσομαι κατακολουθῶν
 [τῇ τοῦ] πα[τρ]ὸς ὑφηγήσει συναύξειν ὑμῖν
 [ἐν οἷς ἄ]ν π[αρ]ακαλήτε ἢ καὶ αὐτὸς ἐπινοῶ.

Особый интерес представляют собой также два царских письма, адресованные теосцам и датируемые периодом между 203 и 190 гг. К сожалению, документы сохранились не полностью, в текстах содержатся большие лакуны. Как считает Дж. Ма, оба документа написаны одним и тем же лицом и по стилю подходят скорее Антиоху-сыну, нежели его отцу (ср. с RC 32): так, например, принц использует формулировку οἱ πάτερес (JMED 19B, 11) вместо более употребительного πρόγονοι. Также и глагол συμπράσσειν (JMED 19C, 16), возможно, свидетельствует о согласованности всех его действий с волей Антиоха III. Предположительно упоминаемая в надписи ἀ[δελφή] — возможно, супруга наследника Лаодика (JMED 19C, 3–4)²⁵. В таком случае этот документ можно датировать более узкими хронологическими рамками: 195–193 гг. Сам восстановленный текст свидетельствует о предоставлении Теосу особых привилегий; подобное решение кажется

²³ Ср. с формулировкой Si-lu-uk-ku LUGAL DUMU-šu на т. н. «цилиндре Антиоха» (имеется в виду Селевк, соправитель Антиоха I). Аналогичные ей варианты можно найти и в иных клинописных текстах (BM 35603, rev. 4–5; 11–12; ADRTB 207; 198–197; 173; 171–169).

²⁴ Ма 2000, 317–321.

²⁵ В литературе также высказывалось предположение, что приводимое Иосифом Флавием письмо Антиоха III Зевксиду (Ant. Iud. XII. 3. 4) на самом деле, возможно, было написано от лица Антиоха Младшего, однако такое определение авторства настоящего документа кажется не вполне обоснованным. Об этой проблеме подробнее см.: Gauger 1993, 63–69; Ма 2000, 267; Wallace 2005, 8–10.

вполне объяснимым, если учесть напряженную обстановку в Западной Малой Азии и Эгеиде накануне войны Антиоха III с Римом: Селевкидам было важно заручиться поддержкой греческого населения.

Нас не должно смущать то обстоятельство, что все эпитафические документы, связанные с государственной деятельностью Антиоха-младшего, происходят из Малой Азии²⁶: это отнюдь не обязательно свидетельствует о его пребывании в Анатолии до окончания восточного анабасиса отца. Так, датировка писем теосцам, как было отмечено, довольно неопределенна; что же до письма Антиоха магнесийцам, то, как видно из других надписей (RC 31-34), подобные письма были разосланы не только Антиоху III и его сыну, но также Птолемею IV и Атталу I. Данное обстоятельство еще раз наводит на мысль, что наследник являлся «правителем Запада» в широком географическом понимании, чем и может объясняться подобный шаг со стороны магнесийцев, обратившихся помимо «главного» монарха и к его соправителю.

С регионом Сирии-Палестины связаны некоторые отмеченные в письменных источниках вехи военной и дипломатической деятельности старшего сына Антиоха Великого уже после возвращения его отца из восточного похода. Так, подобно своим предшественникам²⁷, Антиох Младший участвует в военных походах: он успешно командует тяжелой конницей правого фланга селевкидского войска в битве при Панионе (200 г.) в ходе Пятой Сирийской войны (Polyb. XVI. 18–19)²⁸. Наследник престола выступает и в качестве царского представителя на официальных мероприятиях и торжествах: в 195 г. он, предводительствуя на ежегодном празднестве в Дафне²⁹, встречает прибывшего из Карфагена знаменитого полководца Ганнибала; сам Антиох III в это время уже направился в Малую Азию (Liv. XXXIII. 49. 5–6).

Достаточно сложен вопрос о возможном участии царевича в малоазийской кампании Антиоха Великого. По сообщению Ливия, в 197 г. царь «с наступлением весны выслал вперед себя сухим путем двух своих сыновей, Ардия и Митридата, приказав им с войском дожидаться его в Сардах...»³⁰ (XXXIII. 19. 9–10; здесь и далее пер. С. А. Иванова). Эта непонятная фраза закономерно привлекла внимание специалистов³¹; можно суммировать, что наиболее обоснованными выглядят два варианта ее понимания. Первый из них: под сыновьями царя понимаются принц Антиох и его брат Селевк (будущий Селевк IV), а Ардий и Митридат (или хотя бы один из них) — возможно, полководцы, известные и по другим источникам (например, Polyb. V. 53. 2). Допускаются и иные варианты трактовки, вплоть до

²⁶ Поскольку война являлась неотъемлемой частью эллинистического мира, будущие вершители судеб народов обучались военному искусству с юности; см. Ханиотис 2013, 100–108.

²⁷ Зенон, источник информации об этих событиях, говорит об участии в сражении двух одноименных царевичей, Антиоха-старшего и младшего, но Полибий, видимо, прав, отвергая эту точку зрения. См. Абакумов 2014, 36-37, прим. 26 (с обзором предшествующей литературы).

²⁸ Можно предположить, что это было связано с некими особыми жреческими обязанностями.

²⁹ ...Principio veris praemissis terra cum exercitu filiis duobus Ardie ac Mithridate, iussisque Sardibus se opperiri...

³⁰ См. Holleaux 1912; Schmitt 1964, 14; Anm. 4; Briscoe 1973, 285.

³¹ На основании свидетельств Аппиана женитьбу царевича Антиоха на Лаодике традиционно датируют зимой 196/195 г. (Wilcken 1894, 2470, 19-20; Holleaux 1912, 482; Leuze 1923, 203; Schmitt 1964, 14; Seibert 1967, 68; McAuley 2011, 27; Бенгтсон 1982, 245). Брак был заключен, вероятнее всего, либо в Антиохии, либо в Селевккии Пиерии (Leuze 1923, 203; Schmitt 1964, 14).

возможности предполагать рукописную ошибку при упоминании царских сыновей. Так или иначе, в какой-то момент до 193 г. царевич Антиох все же находился в Малой Азии (см. далее).

3. Брак Антиоха и Лаодики

Несмотря на военные действия кампании 196 г., конец этого года был отмечен важным для царского двора и династии в целом событием — свадьбой наследника престола: Антиох женился на своей сестре Лаодике (App. Syr. 4)³². В историографии этот союз чаще всего принято рассматривать как некое новаторство в матримониальной политике Селевкидов и возводить его к древнеперсидским и древнеегипетским брачным традициям³³. Однако, на наш взгляд, данный брачный альянс едва ли можно считать абсолютно новым и не характерным для Селевкидов явлением. Даже при беглом обзоре династической истории Селевкидов можно заметить определенную закономерность: все цари — за исключением только основателя династии Селевка I, Антиоха I, чьей супругой, впрочем, стала его мачеха Стратоника (App. Syr. 59–61; Plut. Dem. 38), и Селевка III, который, по-видимому, не был женат — брали себе в жены близких родственниц. Так, Антиох II был первоначально женат на Лаодике, дочери Ахея Старшего (Eus. Chron. 95 Schoene), который, по всей видимости, принадлежал к боковой ветви дома Селевка³⁴; Полиэн (VIII. 50) даже называет селевкидскую царицу ὀμοπατρία ἀδελφή (Антиоха II), что, по-видимому, не вполне точно. Селевк II женился на другой Лаодике, также дочери этого Ахея (Polyb. IV. 51. 4–5; VIII. 22. 11)³⁵. Жена самого Антиоха III, дочь понтийского царя Митридата II, приходилась мужу двоюродной сестрой³⁶. И, наверно, неслучайно царственные супруги официально именовали друг друга «братом» и «сестрой» (см., например: OGIS 224 II; JMED 2B; 17; 18; 26).

Что же касается брака Антиоха Младшего и Лаодики, то это действительно первый четко зафиксированный в источниках брак между *родными* братом и сестрой в селевкидской истории. В то же время искать объяснение этого союза исключительно в восточных традициях едва ли будет правильным. У нас нет оснований выводить заключение кровнородственных браков из династических практик египетских фараонов даже применительно к дому Птолемеев³⁷; под большим вопросом стоит также и существование в Ахеменидской Персии обычая заключать браки между кровными родственниками³⁸. Поэтому мы предполагаем, что, сочетая своих детей, Антиох III скорее развивал традицию, заложенную его предшественниками, стремясь таким образом дополнительно легализовать права наследника на престол и сохранить наследование царской власти внутри собственного

³² Bevan 1902, II, 52-53; Ogden 1999, 135; Grainger 2010, 285-286; McAuley 2011, 27.

³³ См., например, следующие работы: Beloch 1927, 204-206; Bevan 1902, I, 157; Seibert 1967, 54, Anm. 31; Billows 1995, 110; Ogden 1999, 120; Capdetrey 2007, 149; 295.

³⁴ Можно вспомнить еще одну, правда, довольно темную историю о страстном желании царицы Стратоники, экс-супруги македонского царя Деметрия II, женить на себе своего, очевидно, родного брата (Габелко, Кузьмин 2008, 142–151) Селевка II, о которой упоминает Иосиф Флавий в сочинении «Против Апиона» (I. 22), в свою очередь ссылаясь на Агатархида.

³⁵ На эти обстоятельства обращает внимание также Д. Огден (Ogden 1999, 135).

³⁶ Ладынин, Габелко, Кузьмин 2009, 128.

³⁷ Bigwood 2012, 311–341.

³⁸ Ogden 1999, 135; McAuley 2011, 27.

дома³⁹, тем более что ранее брачный союз с чужеземной принцессой из дома Птолемея имел весьма плачевные для Селевкидов последствия⁴⁰.

Брак Антиоха Младшего и Лаодики оказался кратковременным и был, по-видимому, бездетным. В историографии, правда, существует точка зрения, что их дочерью являлась Ниса, супруга понтийского царя Фарнака I⁴¹, но это мнение, по-видимому, не следует считать верным (так же, как и то, согласно которому Ниса была дочерью Антиоха IV⁴²). В соответствии с наиболее убедительной на наш взгляд датировкой надписи OGIS 771–196/195 г. отцом селевкидской царевны был все-таки Антиох III⁴³. Таким образом, Ниса приходилась царевичу Антиоху не дочерью, а младшей сестрой.

4. Последние годы

Выдав свою дочь Клеопатру замуж за Птолемея V, Антиох III, согласно свидетельству Тита Ливия (XXXV. 13. 4–5), «вернулся в Антиохию, пошел Киликией, перевалил через Таврские горы и уже на исходе зимы прибыл в Эфес. Своего сына Антиоха царь отправил в Сирию стеречь окраины государства, чтобы никто не напал с тыла, воспользовавшись его отсутствием» ([Antiochus rex] ... cum Antiochiam se recepisset, per Ciliciam Tauro monte superato extremo iam hiemis Ephesum pervenit; inde principio veris, Antiocho filio misso in Syriam ad custodiam ultimarum partium regni, ne quid absente se ab tergo moveretur). В этом сообщении римского историка есть одна странность: почему наследник был направлен в *Сирию*, если ему следовало блюсти *окраины государства*? «Окраиной» царства Сирия могла считаться, да и то с большей натяжкой, лишь по отношению к Египту; но даже такой вариант интерпретации кажется маловероятным, поскольку зимой этого же 194/193 г. с Птолемеем V был заключен союз, скрепленный династическим браком. К тому же сам Египет был слишком ослаблен внутренними проблемами и поражением в Пятой Сирийской войне, так что агрессии со стороны юного Птолемея Эпифана можно было не опасаться, в то время как ситуация на восточных рубежах царства не была столь безмятежной ввиду постоянной, хоть и не столь еще существенной угрозы со стороны Парфии. Поэтому под «окраинами государства», вероятнее всего, следует понимать «верхние сатрапии», путь в которые лежал как раз через Сирию. Таким образом, наместником «верхних сатрапий» Антиох стал, по-видимому, лишь в конце зимы — начале весны 193 г., незадолго до своей преждевременной смерти⁴⁴.

³⁹ Имеется в виду брак Антиоха II и птолемеевской принцессы Береники — событие, впоследствии, после смерти царя, обернувшееся кровавыми междоусобицами в доме Селевка и египетской интервенцией (см. Grainger 2010, 153–170). Важную роль здесь сыграл тот факт, что вторая супруга Антиоха II происходила из равной Селевкидам по статусу и могуществу династии, чем во многом и были обусловлены военные действия со стороны Птолемея III; надо полагать, что, например, Митридат II, тесть Антиоха III, едва ли представлял собой в этом плане какую бы то ни было угрозу.

⁴⁰ Schmitt 1964, 15; Seibert 1967, 69; Le Rider 1986, 414; Ogden 1999, 140–141; Сапрыкин 1996, 85–86.

⁴¹ Mørkholm 1966, 54; Grainger 1997, 52; Ghiță 2011, 112–113; Muccioli 2013, 140–141, 144.

⁴² Об этом подробнее см.: Tracy 1992, 303–314; Lucherini 2006; Габелко 2014, 287–288.

⁴³ Подробнее данный фрагмент рассматривается Х. Шмиттом (Schmitt 1964, 15–17).

⁴⁴ Смерть царевича Антиоха относят к 193–192 гг. Такая неточность связана с особенностями датировки некоторых клинописных документов. Об этом подробнее см. Aumard 1940, 89–109; Cavaignac 1956, 73–84.

Это путешествие стало для наследника последним: Антиох неожиданно скончался в пути⁴⁵. Тит Ливий сообщает об этом так: «Переговоры (Антиоха III с римскими посланцами в Апамее. — *Е. Б.*) прервались, когда пришло известие о смерти царского сына Антиоха, посланного только что в Сирию ... [после чего] великая скорбь охватила царский дворец, велика была и тоска по умершем юноше, который успел показать себя так, что уже было ясно: проживи он дольше, в нем проявились бы черты великого и праведного царя. Всем он был мил и любезен...» (XXXV. 15. 2–4). При этом сам историк обвиняет в гибели царевича его отца Антиоха III: «Толковали о том, что отец, считая такого сына опасным наследником, угрозой для своей старости, извел его ядом при посредстве неких евнухов, которых цари и держат для услужения в подобных злодействах. Называли и другую причину этого тайного преступления: своему сыну Селевку царь даровал Лисимахию, а для Антиоха у него не нашлось подобного места, куда бы он мог отправить его от себя подальше в почетную ссылку» (XXXV. 15. 4–5).

Однако Ливий не приводит ни одного реального факта, на котором основывались бы его подозрения: едва ли можно считать весомым аргументом предполагаемые опасения и зависть Антиоха III, как и истории про царских евнухов⁴⁶; что же касается второй «причины» гибели принца, то она вообще не выдерживает никакой критики⁴⁷. В связи с этим в историографии наиболее распространенной является точка зрения, что Антиох вероятнее всего скончался или вследствие естественных причин (возможно, из-за болезни), или же погиб в результате несчастного случая, причем последнее кажется даже более вероятным, так как, насколько можно судить об этом по сообщению Ливия, весть о смерти наследника стала шокирующей неожиданностью для царя и его приближенных[□]. Но, как бы то ни было, обстоятельства смерти Антиоха Младшего нам не известны, а поэтому ни одна из существующих гипотез не может считаться единственно приемлемой.

Подводя итоги деятельности Антиоха Младшего, следует отметить, что царевич принимал активное участие в управлении государством, являясь официальным представителем своего отца как в различных дипломатических миссиях, так и в урегулировании отношений с греческими полисами Малой Азии; принимал участие он и в военных действиях. Однако наследник почти не проявлял никакой политической самостоятельности: в своих письмах он стремился подчеркнуть согласованность всех своих действий с волей Антиоха III и представлял себя как послушного сына, единодушного во всех своих решениях с отцом, что, на наш взгляд, не следует трактовать лишь как свидетельство отсутствия у соправителя какой-либо собственной инициативы. Вполне возможно, что наследник действительно следовал политическому курсу своего отца и был его верным помощником в делах управления государством.

⁴⁵ Возможно, на такой образ Антиоха III, созданный Ливием, повлиял пример Филиппа V, отравившего своего сына Деметрия (XL. 24), и общее негативное отношение к обоим царям — врагам Рима, свойственное многим античным авторам. Ср. о евнухах: Briscoe 1981, 168.

⁴⁶ Как справедливо замечает Р. Струотман, в конце своего правления Антиох III стремился приобщить уже взрослых сыновей к управлению государством, назначая их на высшие военные и административные посты (Strootman 2011, 77), так что тайное устранение наследника, к тому же хорошо себя зарекомендовавшего, выглядело бы абсолютно нелогичным.

⁴⁷ Mastrocinque 1983, 136; Ogden 1999, 136–137; Lucherini 2006; Бенгтсон 1982, 245–245.

ЛИТЕРАТУРА

- Абакумов А. А.* 2014: Последний триумф Антиоха Великого // *Para bellum novum*. Военно-исторический журнал. 2 (35), 29-37.
- Бенгтсон Г.* 1982: Правители эпохи эллинизма / Пер. с нем. Э.Д. Фролова. М.
- Бикерман Э.* 1975: Хронология Древнего мира. Ближний Восток и Античность / Пер. с англ. И. М. Стеблин-Каменского. М.
- Бикерман Э.* 1985: Государство Селевкидов / Пер. с фр. Л. М. Глускиной. М.
- Габелко О. Л.* 2014: Некоторые проблемы монетного чекана понтийских царей во II в. до н.э. // ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти Аркадия Анатольевича Молчанова / А. В. Акопян, Т. Н. Джаксон (ред.). М., 285-296.
- Габелко О. Л., Кузьмин Ю. Н.* 2008: Матримониальная политика Деметрия II Македонского: новые решения старых проблем // ВДИ. 1, 142–151.
- Дьяконов М. М.* 1961: Очерк истории древнего Ирана. М.
- Ладынин И. А., Габелко О. Л., Кузьмин Ю. Н.* 2009: Новая концепция династической истории эллинизма? Размышления по поводу монографии Д. Огдена (*Ogden D. Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dynasties*. London; Swansea: Duckworth — The Classical Press of Wales, 1999. XXXIV, 317 P.) // АМА. Вып. 13, 120–148.
- Сапрыкин С. Ю.* 1996: Понтийское царство: государство греков и варваров в Причерноморье. М.
- Ханиотис А.* 2013: Война в эллинистическом мире: социальная и культурная история / Пер. А. В. Махлаюка. СПб.
- Alonso C.* 1995: *The Seleucids in Mesopotamia: Thesis for the Degree of Master of Arts*. Edmonton.
- Aymard A.* 1940: La mort d'Antiochos fils d'Antiochos III Megas: étude de chronologie // *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes*. 66, 89–109.
- Beloch K. J.* 1927: *Griechische Geschichte*. Bd. IV. T. 2. Berlin; Leipzig.
- Bevan E. R.* 1902: *The House of Seleucus*. Vol. I-II. L.
- Bigwood J. M.* 2012: "Incestuous" Marriage in Achaemenid Iran: Myths and Realities // *Klio*. 91, 2, 311–341.
- Billow R.* 1995: *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism*. Leiden; New York; Köln.
- Briscoe J.* 1973: *A Commentary on Livy. Books XXXI-XXXIII*. Oxford.
- Briscoe J.* 1981: *A Commentary on Livy. Books XXXIV-XXXVII*. Oxford.
- Capdetrey L.* 2007: *Le pouvoir séleucide. Territoire, administration, finances d'un royaume hellénistique (312-129 avant J.-C.)*. Rennes.
- Cavaignac E.* 1956: Sur deux dates d'Antiochus le Grand // *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale*. 50, 2, 73–84.
- Errington R. M.* 2008: *A History of the Hellenistic World: 323- 30 BC*. Oxford.
- Gauger J.-D.* 1993: Formalien und Authentizitätsfrage: Noch Einmal zum Schreiben Antiochos' III. an Zeuxis (Jos. Ant. Jud. 12, 148-153) und zu den Antiochos-Urkunden bei Josephus // *Hermes*. 121, 1, 63-69.
- Ghiță C. E.* 2011: Nysa — A Seleucid Princess in Anatolian Context // *Seleucid Dissolution: the Sinking of the Anchor* / K. Erickson, G. Ramsey (ed.). Wiesbaden, 107–116.
- Grainger J. D.* 1997: *A Seleucid Prosopography and Gazetteer*. Leiden; New York; Köln.
- Grainger J. D.* 2010: *The Syrian Wars*. Leiden; Boston.
- Holleaux M.* 1912: Ardys et Mithridates // *Hermes*. 47, 4, 481–491.
- Le Rider G.* 1986: L'enfant-roi Antiochos et la reine Laodice // *BCH*. 110, 1, 409–417.
- Leuze O.* 1923: Die Feldzüge Antiochos' des Grossen nach Kleinasien und Thrakien // *Hermes*. 58, 2, 187-229.

- Lucherini R.* 2006: The Children of Antiochos III // Hellenistica Discussion List. Files section and message No. 1005, August 2006. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.sfgn.info/information/renzo_lucherini.html.
- Ma J.* 2000: Antiochus III and the Cities of Western Asia Minor. Oxford.
- Mastrocinque A.* 1983: Manipolazione della storia in età ellenistica: i Seleucidi e Roma. Roma.
- McAuley A.* 2011: Seleucid Marriage, Succession, and Descent Revisited: Thesis for the Master's Degree. Edinburgh.
- Mittag P.F.* 2006: Antiochus IV. Epiphanes: eine politische Biographie. Berlin.
- Mørkholm O.* 1966: Antiochus IV of Syria. Copenhagen.
- Muccioli F.* 2013: Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici. Stuttgart.
- Ogden D.* 1999: Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dynasties. London; Swansea.
- Parker R., Dubberstein W.* 1956: Babylonian Chronology 626 B.C. — A.D. 75. Providence.
- Sachs A.J., Hunger H.* 1988-1989: Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. Vol. I–II. Wien.
- Sachs A.J., Wiseman D.J.* 1954: A Babylonian King List of the Hellenistic Period // Iraq. 16, 2, 202–212.
- Seibert J.* 1967: Historische Beiträge zu den dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit. Wiesbaden.
- Sherwin-White S., Kuhrt A.* 1993: From Samarkhand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire Berkeley; Los Angeles.
- Schmitt H.* 1964: Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Grossen und seiner Zeit. Wiesbaden.
- Strootman R.* 2007: The Hellenistic Royal Court. Court Culture, Ceremonial and Ideology in Greece, Egypt and the Near East, 336-30 BCE: Thesis for the Doctor's Degree. Utrecht.
- Strootman R.* 2011: Hellenistic Court Society: The Seleukid Imperial Court under Antiochos the Great, 223-187 BC // Rulers and Elites. Vol. I / J. Duindam, T. Artan, M. Kunt (ed.). Leiden; Boston, 63–89.
- Taylor M.J.* 2013: Antiochus the Great. Barnsley.
- Tracy S.V.* 1992: Inscriptiones Deliacae: IG XI 713 and IG XI 1056: The Date of IG XI 1056 and Phamakes I's of Pontos // MDAI(A). 107, 303–314.
- Virgilio B.* 2011: Le roi écrit. Le correspondance du souverain hellénistique, suivie de deux lettres d'Antiochos III a partir de Louis Robert et d'Adolf Wilhelm. Pisa; Roma.
- Walbank F.W.* 1957: A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxford.
- Wallace Chr.* 2005: The Letter from Antiochus III to Zeuxis (Jos. AJ 12.147-153) and Its Historical Context: Thesis for the Degree of Master of Arts. Hamilton.
- Welles C.B.* 1966: Royal Correspondence in the Hellenistic Period. Rome.
- Wilcken U.* 1894: Antiochos (26) // RE. 1, 2470.
- Will E.* 1982: Histoire politique du monde hellénistique (323-30 av J.-C.). Vol. II. Nancy.

ANTIOCHUS, THE HEIR AND THE CO-RULER OF THE GREAT KING ANTIOCHUS

E. M. Berzon

The article is devoted to examination of the biography of prince Antiochus, the eldest son and co-ruler of the King Antiochus III the Great. The author pays particular attention to such events of the heir's life as his coronation, the chronological and geographical scope of his official

life and the marriage to his sister Laodike in the context of the Seleucid matrimonial policy. The deeds of Antiochus the Younger as a co-ruler of his father are considered separately; there were several directions: a political settlement of relations with Greek city-states of Western Asia Minor, diplomatic-representative role, participation in war campaigns (including a personal command of some contingents). A special attention is given to official royal titulature of the co-ruler, which apparently underwent a change on the turn of the 3rd and 2nd centuries BC. So, the biography of the prince Antiochus the Younger gives a perfect example that allows to analyze the position of the co-ruler and his formal status, more clearly define the nature of his authorities and reveal his role in the system of government as a whole.

Key words: the Seleucid Kingdom, co-rulers, dynastic politics, Antiochus III, prince Antiochus

---

© 2015

О. К. Борисов, Р. В. Лапырёнок

АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ О ЗАКОНЕ РУБРИЯ

В статье рассматриваются сведения источников о законе Рубрия, на основании которого была выведена колония Юнония. Автор определяет правовой статус земельных участков в колонии Юнонии. Он анализирует реконструкции закона Рубрия, представленные в работах Т. Моммзена, Ф. Т. Гинрихса, К. Йогансен, М. Г. Кроуфорда и Л. де Лигта. По его мнению, наиболее взвешенной является точка зрения, согласно которой колонисты Юнонии получали земельные участки со статусом *ager privatus vectigalisque*.

Ключевые слова: Гай Гракх, М. Фульвий Флакк, Юнония, провинция Африка, римская общественная земля, *ager privatus vectigalisque*, аграрная комиссия

Одним из самых амбициозных проектов Гая Гракха являлось выведение колонии Юнонии. Античные источники сохранили достаточно подробное описание основных этапов в его реализации. Их сведения дополняются материалами «африканской» части земельного закона 111 г. до н. э. (CIL. 585. 49–95; Crawford 1996 I, 118–123). Согласно Плутарху, организация нового поселения регулировалась законом Рубрия (Plut. Tib. et C. Gracch. 31. 2). Первое новшество данного проекта заключалось в том, что в комиции под своим именем его внёс плебейский трибун Рубрий, хотя автором закона, судя по всему, являлся сам Гай Гракх (Plut. Tib. et C. Gracch. 32. 1; App. B. C. I. 24; Liv. Per. LX; Vell. II. 7. 7). Ф. Мюнцер считает, что речь в данном случае идёт о том Рубрии, который упоминается в постановлении

Борисов Олег Константинович — старший преподаватель кафедры конституционного, международного права и политологии Вологодского государственного университета. E-mail: o.k.borisov@mail.ru

Лапырёнок Роман Викторович — кандидат исторических наук, докторант кафедры истории древнего мира Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: lapyrionok@mail.ru

сената об Астипалее как один из авторов закона Рубрия-Ацилия¹. Впрочем, немецкий историк предлагает и другие варианты решения вышеозначенной проблемы. В частности, им вполне мог быть Г. Рубрий из сенатус-консульта об Адрамитии². А. Ф. Рудорфф идентифицирует автора *lex Rubria* как Кв. Рубрия Варрона³.

В соответствии с законом Рубрия была образована комиссия *IIIviri coloniae deducendae*, в состав которой вошли Гай Грахх и М. Фульвий Флакк. Именно они играли определяющую роль при выведении Юнонии. Участие Рубрия в дальнейших мероприятиях триумвиров не подтверждается нашими источниками. Впрочем, оно не представляется невозможным. Одно место в составе вышеозначенной аграрной комиссии остаётся «вакантным», так как античная традиция не сохранила имя её третьего участника. В истории римской колонизации известны случаи, когда одним из *IIIviri coloniae deducendae* становился плебейский трибун, который представлял законопроект в народном собрании (Liv. XXXII. 29. 3–4; XXXIV. 53. 1–2). Некоторые историки считают, что третьим участником являлся Г. Папирий Карбон [5, 164; 6, S. 89]⁴. А. Ф. Рудорфф и Э. Гушке полагают, что им мог быть М. Бебий Тамфил, который упоминается в эпитафическом *lex agraria* в качестве *IIIvir coloniae deducendae*⁵. Однако эта точка зрения не находит поддержки в современной историографии. К сожалению, неудовлетворительное состояние источниковой базы не позволяет надеяться на достижение какого-либо прогресса в изучении данного вопроса. Впрочем, сомнению не подлежит тот факт, что Рубрий относился к числу сторонников Гая Гракха. Точка зрения Ж. Каркопино, который видит в нём приверженца политики сената, не подтверждается источниками⁶. Против этой гипотезы красноречиво свидетельствует тот факт, что *lex Rubria* был отменён наряду с другими законами Гая Гракха⁷ (CIL. 585. 59).

Внесение законопроекта в комиции под именем другого трибуна можно объяснить спецификой самого проекта. Юнония являлась одной из первых римских колоний вне территории Италии. Примерно в то же самое время были основаны Аквы Секстиевы (Liv. Per. LXI) и колонии на Балеарских островах (Strabo III. 5.1). Практика организации поселений за пределами Италии была достаточно новой, вследствие чего было неясно, какую реакцию у плебса вызовет содержание *lex Rubria*. Негативная реакция могла нанести ощутимый урон авторитету Гая Гракха и поставить под сомнение его дальнейшие политические планы. По этой причине, видимо, гракханцы предпочли внести законопроект под именем Рубрия.

Датировка *lex Rubria* осложняется противоречивым характером сведений античных источников. Одни из них относят его издание к первому трибунату Гая Гракха, другие — ко второму. К первой группе можно отнести Веллея Патеркула (Vell. I. 15. 4), так как он датирует Юнонию следующим годом после выведения колонии Фабратерии (124 г. до н. э.). С другой стороны, плебейские трибуны вступали в должность 10 декабря, так что теоретически речь здесь могла идти и о втором трибунате Гая Гракха. Ко второй группе относятся Плутарх (Plut. Tib. et

¹ Münzer 1942, 1169.

² Münzer 1942, 1170.

³ Rudorff 1839, 99.

⁴ Gargola 1995, 164; Johannsen 1971, 89.

⁵ Huschke 1841, 602; Rudorff 1839, 99.

⁶ Carcopino 1967, 287.

⁷ Crawford 1996 /I, 119.

С. Gracch. 31. 2–3) и Ливий (Liv. Per. LX). Аппиан, как кажется, также датирует его вторым трибунатом (App. В. С. I. 23–24).

Первоначальное количество колонистов было увеличено Гаем Гракхом до 6000 человек. П. Фраккаро предполагает, что эта мера была обусловлена борьбой оппозиции против М. Ливия Друза⁸. Последний предложил законопроект, в котором предусматривалось выведение 12 колоний на территории Италии (Plut. Tib. et С. Gracch. 30. 3–4; App. В. С. I. 23). Для повышения «конкурентоспособности» *lex Rubria* по отношению к закону М. Ливия Друза Гай Гракх решил увеличить число колонистов. На мой взгляд, такое объяснение является достаточно убедительным, причём в его пользу свидетельствует тот факт, что Аппиан упоминает об этом в контексте своего рассказа о борьбе гракханцев против М. Ливия Друза (App. В. С. I. 24). Плутарх ничего не сообщает об увеличении числа колонистов, хотя его рассказ о выведении Юнонии находит многочисленные параллели у Аппиана (Plut. Tib. et С. Gracch. 31. 2–3). Следуя логике П. Фраккаро, это должно было произойти ещё в Риме. По крайней мере, только в таком случае оппозиция могла добиться желаемого эффекта. Несмотря на то, что в «Гражданских войнах» триумвиры увеличивают число колонистов уже после прибытия в Африку, это вполне могло случиться и незадолго до их отъезда.

Поездка Гая Гракха и М. Фульвия Флакка в Африку состоялась, судя по всему, в 122 г. до н. э. После проведения на месте предполагаемой колонии межевых работ они вернулись в Рим незадолго до новых выборов плебейских трибунов. По сведениям Аппиана, М. Фульвий Флакк отправился в Африку вместе с Гаем Гракхом (App. В. С. I. 24). Несмотря на то, что Плутарх (Plut. Tib. et С. Gracch. 32. 3) не упоминает М. Фульвия Флакка в числе попутчиков Гая Гракха, такую возможность не следует исключать. Как и Гай Гракх, он был избран в коллегию *IIIviri coloniae deducendae*, вследствие чего участие в реализации данного проекта являлось для него обязательным. Плутарх (Plut. Tib. et С. Gracch. 31. 2–6) также сообщает, что примерно в это же время М. Фульвий Флакк подвергся нападкам со стороны М. Ливия Друза. Однако это могло произойти и в его отсутствие⁹.

Ж. Каркопино считает, что Гай Гракх и М. Фульвий Флакк совместно руководили организацией нового поселения¹⁰. По его мнению, М. Фульвий Флакк отправился в Африку раньше своего коллеги, причём подготовительные мероприятия он осуществлял на основе своих полномочий триумвира *agris dandis adsignandis*. Данная точка зрения находит поддержку в работах Д. Стоктона и Д. Гарголы¹¹. В последнем случае с той лишь разницей, что у него М. Фульвий Флакк принимал участие в выведении колонии в качестве триумвира *coloniae deducendae*. П. Фраккаро следует версии Аппиана и отправляет М. Фульвия Флакка в Африку в одно время с Гаем Гракхом¹². Э. Корнеманн датирует африканскую экспедицию мартом, апрелем и маем 122 г. до н. э.¹³ По моему мнению, *lex Rubria* следует датировать вторым трибунатом Гая Гракха. В пользу такой датировки свидетельствует

⁸ Fraccaro 1925, 82.

⁹ Johannsen 1971, 320–321. Anm. 446.

¹⁰ Carcopino 1967, 289.

¹¹ Gargola 1995, 171; Stockton 1979, 133.

¹² Fraccaro 1925, 81.

¹³ Kornemann 1903, 44.

просопографическое исследование, которое в своё время провёл Ф. Мюнцер. На основе его исследования наиболее вероятной представляется идентификация Рубрия с одним из авторов *lex Rubria Acilia*, который упоминается в постановлении сената об Астипалее¹⁴.

Ж. Каркопино предположил, что М. Фульвий Флакк отправился в Африку раньше своего коллеги, причём подготовительные мероприятия он осуществлял на основе своих полномочий триумвира *agris dandis adsignandis*¹⁵. Как было выше отмечено, проведение межевых работ в Африке не входило в компетенцию аграрной комиссии *IIIviri agris dandis adsignandis*. В этой связи необходимо обратить внимание на одну известную надпись, найденную на территории римской провинции Африки (ILS. 28; CIL. 696). На ней мы находим фрагменты трёх римских имён, носители которых, по всей видимости, образовывали коллегию. К. Цихориус полагает, что речь здесь идёт о гракханской аграрной комиссии в её новом составе (после гибели Гая Гракха и М. Фульвия Флакка)¹⁶. Из числа «старых» участников в ней присутствует лишь Г. Папирий Карбон. По мнению К. Цихориуса, на место Гая Гракха и М. Фульвия Флакка избрали Г. Сульпиция Гальбу и Л. Кальпурния Бестию¹⁷. Данная гипотеза основывается на одном пассаже их трактата Цицерона «Брут» (Brut. 127–128), в котором римский оратор упоминает Г. Сульпиция Гальбу и Л. Кальпурния Бестию в контексте гракханского времени. Восполнение *IIIviri a(gris) i(udicandis) a(dsignandis)* представляется маловероятным. В источниках отсутствует информация относительно наличия у Тиберия Гракха планов по разделу римской общественной земли за пределами Италии. В соответствии с *lex Sempronia agraria* производился раздел земель из фонда *ager occupatorius*, которые находились на территории Италии. Это относится и к аграрной комиссии, образованной после принятия земельного закона Гая Гракха (*IIIviri a(gris) d(andis) a(dsignandis)*). В эпиграфическом *lex agraria* отчётливо прослеживается разделение на италийскую и африканские части.

К. Йоганнсен считает, что *lex Rubria* и *lex Sempronia agraria* 133 г. до н. э. были связаны юридически¹⁸. По её мнению, в функции гракханской аграрной комиссии (судя по всему, *IIIviri a(gris) i(udicandis) a(dsignandis)* в её новом составе) входило упразднение колонии Юнонии как следствие отмены законов Гая Гракха плебейским трибуном Минуцием (Flor. II. 3. 1; Oros. V. 12. 4–5; Vir. III. 65). Такая функция могла быть обеспечена аграрной комиссии на основании специального постановления сената, который был заинтересован в скорейшем урегулировании ситуации в римской провинции Африка. К сожалению, К. Йоганнсен не приводит весомых аргументов в поддержку своей точки зрения. В античных источниках отсутствуют ссылки на наличие подобных полномочий у триумвиров. Если бы *IIIviri a(gris) i(udicandis) a(dsignandis)* или *IIIviri a(gris) d(andis) a(dsignandis)* проводили какие-либо работы на месте колонии Юнонии, то в африканской части эпиграфического *lex agraria* данное обстоятельство обязательно должно было найти своё отраже-

¹⁴ Münzer 1942, 1169.

¹⁵ Carcopino 1967, 288-290.

¹⁶ Cichorius 1922, 115.

¹⁷ Cichorius 1922, 114-115.

¹⁸ Johannsen 1971, 89.

ние. Кроме того, имена членов коллегии в искомой надписи представлены в генитиве, что отличает её от так называемых *termini Gracchani* (ILS. 28; ILLRP. 475).

На мой взгляд, упоминаемая в вышеозначенном эпиграфическом источнике коллегия была образована в соответствии с *lex Minucia*. Закон Минуция был подготовлен и опубликован ещё при жизни Гая Гракха и М. Фульвия Флакка. Главной задачей этой аграрной комиссии являлось урегулирование правовых вопросов, связанных с упразднением колонии Юнонии. Специфика данной ситуации заключалась в том, что колонисты сохраняли свои земельные участки, а их община получала статус поселения *viritim*. Их особое положение подтверждается и в *lex agraria* 111 г. до н. э. (CIL. 585. 59-61)¹⁹.

Содержание закона Рубрия можно частично реконструировать на основе материалов, которые содержатся в письменных и эпиграфических источниках. Колония Юнония была расположена на некогда подвластных Карфагену землях. Согласно Аппиану, планы гракханцев затрагивали и ту часть территории, в отношении которой по распоряжению Сципиона Эмилиана был произведён обряд посвящения богам (App. В. С. I. 24). Использование этой земли при выведении колонии могло стать дополнительным мотивационным фактором для оппозиции, так как Сципион Эмилиан являлся убеждённым противником гракханской аграрной реформы. Именно его активная позиция в поддержку италийских союзников Рима предопределила лишение *Illviri a(gris) i(udicandis) a(dsignandis)* судебной власти (App. В. С. I. 19). Содержание 81 строки эпиграфического *lex agraria* свидетельствует об актуальности запрета на использование этой земли в хозяйственных целях в 111 г. до н. э. (CIL. 585. 81)²⁰. Однако присутствие такого пункта в тексте земельного закона 111 г. до н. э. отнюдь не означает его наличие в *lex Rubria*²¹. Религиозный аспект занимал центральное место в сенатской пропаганде против закона Рубрия, что косвенно свидетельствует в пользу привлечения для раздела среди колонистов и «посвящённой» земли. Сенат пытался противодействовать планам гракханцев при помощи всех возможных средств, причём гнев богов являлся, судя по всему, его самым весомым аргументом при обосновании необходимости упразднить колонию Юнонию (Plut. Tib. et C. Gracch. 32; App. В. С. I. 24; Oros. V. 12. 1). Широко известная история о волках и гракханских межевых камнях стала удобным поводом для отмены *lex Rubria* (App. В. С. I. 24).

К сожалению, нам неизвестно первоначальное число колонистов Юнонии. Согласно Аппиану, Гай Гракх увеличил его до 6000 человек. Размер земельных участков в соответствии с *lex Rubria* также неизвестен. Впрочем, в эпиграфическом *lex agraria* содержится ссылка на максимальный размер наделов для всадников, который составлял 200 югеров (CIL. 585. 61; Crawford 1996 I, 119). Итак, он значительно превышал величину земельных участков при выведении колоний в первой половине II в. до н. э. Однако в практике предыдущих столетий сложилась традиция, согласно которой не все колонисты получали одинаковое количество земли. Всадникам обычно предоставляли бóльшие участки (в два раза), чем *pedites* (Liv. XXXV. 9. 8; 40. 6–7). Не исключено, что и в законе Рубрия была предусмотрена подобного рода градация. Можно предположить, что *pedites* получали

¹⁹ Crawford 1996/I, 119.

²⁰ Crawford 1996/I, 121.

²¹ Johannsen 1971, 312. Anm. 442.

по 100 югеров. Такой размер земельных участков мы встречаем, например, в *lex Appuleia* (Vir. Ill. 73). Т. Моммзен предполагает наличие в Юнонии двух разных категорий земельных участков²². Таким образом, размер земельных участков колонистов здесь вполне мог быть равен 100 и 200 *iugera* для *pedites* и *equites* соответственно.

Аппиан сообщает, что в число колонистов триумвиры записывали людей «со всей Италии» (App. В. С. I. 24). На мой взгляд, у нас нет весомых оснований для того, чтобы приписывать авторам закона Рубрия желание привлечь к участию в данном проекте жителей союзнических общин. Скорее всего, в этом пассаже подразумевается население римских *fora et conciliabula*. Л. де Лигт совершенно справедливо отмечает, что такое решение триумвиров противоречило бы традиционной практике при выведении колоний *civium Romanorum*²³. *Socii nominisque Latini* упоминаются в 50 строке *lex agraria* 111 г. до н. э. (CIL. 585. 50)²⁴. Однако содержание этой строки не позволяет говорить о включении италиков в число колонистов Юнонии. Согласно реконструкции Л. де Лигта, речь здесь идёт о тех союзниках, которые приобретали земельные участки колонистов²⁵. После прохождения процедуры ценза последние получали статус *dominium ex iure Quiritium* (или в данном случае *ager privatus vectigalisque*) и могли быть проданы как римским гражданам, так и союзникам *nominis Latini*.

Большой интерес представляет также вопрос о правовом статусе наделов в колонии Юнонии. Т. Моммзен полагает, что его следует реконструировать как *dominium ex iure Quiritium*²⁶. Отчасти точка зрения немецкого антиковеда подтверждается материалами африканской части эпитафического *lex agraria*, в котором содержится указание на то, что колонисты имели право продавать свои земельные участки (CIL. 585. 65-66)²⁷. Однако Плутарх сообщает о введении Гаем Гракхом в какой-то из его колоний или колониях особого сбора (Plut. Tib. et C. Gracch. 30. 4-5). Не исключено, что в этом пассаже греческий биограф имеет в виду именно колонию Юнонию, так как в *lex agraria* 111 г. до н. э. мы находим ссылку на правовой статус *ager privatus vectigalisque* (CIL. 585. 49-50)²⁸. Наиболее подробно данная проблема рассматривается в работах нидерландского учёного Л. де Лигта. На основе детального анализа содержания 65-66 строк земельного закона 111 г. до н. э. он приходит к выводу, что наделы колонистов Юнонии имели статус *ager privatus vectigalisque*²⁹. В указанных строках речь идёт о земельных участках, которые ошибочно были проданы или отданы во владение государством повторно³⁰. *Lex agraria* 111 г. до н. э. предписывает компенсировать владельцам потерянные ими участки за счёт римской общественной земли. Впрочем, лишь в том случае, если они не были проданы или отданы во владение *publice* (CIL. 585.

²² Mommsen 1905, 122-123.

²³ De Ligt 2001, 208.

²⁴ Crawford 1996/1, 118.

²⁵ De Ligt 2001, 208-209.

²⁶ Mommsen 1905, 119.

²⁷ Crawford 1996/1, 120.

²⁸ Crawford 1996/1, 118.

²⁹ De Ligt 2007, 91-98.

³⁰ Crawford 1996/1, 172 (комментарий).

65-66)³¹. Новые участки приобретали статус *ager privatus vectigalisque*. Данное обстоятельство позволяет предположить, что и наделы колонистов в соответствии с законом Рубрия имели статус *ager privatus vectigalisque*³².

В поддержку своей реконструкции Л. де Лигт приводит, на мой взгляд, более весомые аргументы, чем сторонники точки зрения Т. Моммзена. Впрочем, в своих эпиграфических изысканиях нидерландский учёный не ограничивается материалами африканской части земельного закона 111 г. до н. э. По его мнению, статус *ager privatus vectigalisque* был предусмотрен и для земельных наделов в соответствии с *lex Sempronia agraria* Тиберия Гракха³³. Эта гипотеза не находит поддержки ни в письменных, ни в эпиграфических источниках. Плутарх сообщает о введении земельной ренты в жизнеописании Гая Гракха и ничего не говорит о наличии подобных планов у его старшего брата (Plut. Tib. et C. Gracch. 30. 4–5). В италийской части эпиграфического *lex agraria* также отсутствуют ссылки на существование такого статуса.

Введение земельной ренты в Юнии могло быть обусловлено величиной наделов, которая значительно превышала размер участков в «сенатских» колониях первой половины II в. до н. э. Такой размер наделов был призван стимулировать желание римских граждан сменить место жительства. Кроме того, необходимо отметить, что величина земельных участков колонистов Юнии соответствовала размеру катоновских вилл. Этот факт не позволяет отнести их к числу мелких собственников, а также косвенным образом свидетельствует в пользу «рыночной» направленности данного проекта Гая Гракха. Посредством введения ренты авторы закона Рубрия намеревались обозначить участие государства в получении прибыли от использования земли из фонда *ager publicus populi Romani*.

В эпиграфическом *lex agraria* содержится ссылка на закон Гая Гракха, согласно которому какая-то категория населения римской Африки освобождалась от выплаты *vectigal*, *decumae* и *scriptura* (CIL. 585. 82)³⁴. А. Ф. Рудорфф идентифицирует его с *lex de provincia Asia a censoribus locanda*³⁵. Впрочем, в современной историографии данная гипотеза не пользуется особой популярностью. Источники не сообщают о распространении действия вышеозначенного закона на провинцию Африку. Наиболее убедительной представляется аргументация Ф. Т. Гинрихса, который видит здесь храмовые земли³⁶.

Центральное место в хозяйственном развитии новой колонии отводилось, судя по всему, выращиванию зерновых культур³⁷. Подобный вывод представляется довольно логичным, если принять во внимание специфику экономического развития провинции Африки в последний век Республики и в период Принципата³⁸. Вполне возможно, что выведение Юнии находилось в тесной связи с *lex frumentaria* Гая Гракха, хотя наличие такой связи античные источники напрямую не подтверждают. Впрочем, в рассказе Плутарха содержатся некоторые интерес-

³¹ Crawford 1996/1, 120.

³² De Ligt 2007, 93.

³³ De Ligt 2007, 93-94.

³⁴ Crawford 1996/1, 121.

³⁵ Rudorff 1839, 126.

³⁶ Hinrichs 1966, 289.

³⁷ Haywood 1938, 9.

³⁸ Carnsey, Rathbone 1985, 23.

ные подробности о социальном составе населения в италийских колониях Гая Гракха, которые могут прояснить характер его политики (Plut. Tib. et C. Gracch. 30. 3–4). В частности, греческий биограф говорит о том, что колонистами там являлись «достоинейшие из граждан». Скорее всего, он имел в виду граждан всаднического происхождения, так как использование данного определения по отношению к представителям римского плебса кажется маловероятным. Ещё К. Нич предположил, что италийские колонии Гая Гракха имели торговую направленность³⁹. *Tarentum Neptunia* и *Scolacium Minervia* действительно были расположены в очень выгодных с точки зрения торговли местах. Кроме того, они находились на полпути из Африки в Рим, что, несомненно, должно было самым положительным образом сказаться на развитии экономических связей с колонией Юонией. В этом случае *lex Rubria* являлся частью широкомасштабной программы, направленной на обеспечение Рима хлебом.

Закон Рубрия ознаменовал собой начало нового этапа в истории гракханского движения. Отсутствие прямого доступа к фонду *ager occupatorius* заставило оппозицию обратиться к земельным ресурсам римских провинций. В планы Гая Гракха и его сторонников входило не только продолжение политики перераспределения римской общественной земли, но и создание материальной базы для обеспечения дешёвым хлебом плебса в соответствии с *lex frumentaria*. Подобные планы не могли не вызывать опасений со стороны сената, так как их реализация несла в себе угрозу дальнейшего укрепления политических позиций гракханцев. Масштаб мероприятий, которые предприняла оппозиция во время второго трибуната Гая Гракха, вынудил сенат использовать все средства для нейтрализации своих противников. Закон Минуция и резня на Авентине стали логическим завершением борьбы за *ager publicus populi Romani*.

ЛИТЕРАТУРА

- Carcopino J.* 1967: Autour des Gracques. P.
Carnsey P, Rathbone D. 1985: The Background to the Grain Law of Gaius Gracchus // JRS. 75, 20-25.
Cichorius C. 1922: Römische Studien. Historisches, Epigraphisches, Literargeschichtliches aus vier Jahrhunderten Roms. Berlin; Leipzig.
Crawford M. H. 1996: Roman Statutes. Vol. I-II. London.
De Ligt L. 2001: Studies in legal and agrarian history IV: Roman Africa in 111 B.C. // Mnemosyne. 54, 182–217.
De Ligt L. 2007: The problem of *ager privatus vectigalisque* in the epigraphic *Lex agraria* // Epigraphica. 69, 87–98.
Fraccaro P. 1925: Ricerche su Caio Gracco // Athenaeum. 3, 76-97, 156-180.
Gargola D. 1995: Lands, Laws, & Gods. Magistrates & Ceremony in the Regulation of Public Lands in Republican Rome. Chapel Hill.
Haywood R. M. 1938: Roman Africa // An economic survey of ancient Rome. Baltimore.
Hinrichs F. T. 1966: Die lex agraria des Jahres 111 v. Chr. // ZRG. 83, 252-307.
Huschke E. 1841: Rezension an: A. A. F. Rudorff, Das Ackergesetz des Spurius Thorius, Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft, Bd. 10, 1939 // Kritische Jahrbücher für deutsche Rechtswissenschaft. 5. Hft. 10, 579-620.

³⁹ Nitzsch 1847, 404.

- Johannsen K.* 1971: Die Lex agraria des Jahres 111 v. Chr. Text und Kommentar. Diss. München.
- Kornemann E.* 1903: Zur Geschichte der Gracchenzeit // Klio. Beiheft 1.
- Mommsen Th.* 1905: Gesammelte Schriften. Bd. I. Berlin.
- Münzer F.* 1942: Rubrius // RE. 1, 1169-1170.
- Nitzsch K. W.* 1847: Die Gracchen und ihre nächsten Vorgänger. Berlin.
- Rudorff A. A. F.* 1839: Das Ackergesetz des Spurius Thorius // ZRG. 10, 1-194.
- Stockton D.* 1979: The Gracchi. Oxford.

ANCIENT EVIDENCE FOR THE LAW OF RUBRIUS

O. K. Borisov, R. V. Lapyryonok

The paper considers the ancient evidence for the lex Rubria which regulated the foundation of the first Roman colony in Africa — Iunonia. The author tries to define the legal status of land allotments in this colony. He discusses the most important reconstructions of this law made by Th. Mommsen, F. T. Hinrichs, K. Johannsen, M. H. Crawford and L. de Ligt. The author's come to the conclusion that the legal status of land allotments in Iunonia was ager privatus vectigalisque.

Key words: Gaius Gracchus, M. Fulvius Flaccus, Iunonia, Roman Africa, Roman public land, ager privatus vectigalisque, agrarian commission

© 2015

А. Е. Негин

СЦЕНА ТЕРЗАНИЯ ЗАЙЦА ОРЛОМ КАК СЮЖЕТ ДЕКОРА РИМСКОГО ЗАЩИТНОГО ВООРУЖЕНИЯ

В статье рассматривается уникальный сюжет с участием зайца, который присутствует в декоре птериг анатомических кирас, изображенных на римских мраморных торсах. Заяц, показанный в когтях орла или коршуна, — редкий сюжет для украшения так называемых *logicati*. Но этот сюжет находит параллели и на вооружении, включая римские гладиаторские доспехи. Изображение орла на предметах воинского снаряжения имело цель внушить страх врагу путем сопоставления владельца оружия с гордым животным, которое не оставляет никого в живых. Мотив удачной охоты на трусливого, но проворного зайца символизирует превосходство, удачу, победу и власть с одной стороны, и, с другой стороны, бессилие со стороны жертвы или врага. Этот сюжет на защитном вооружении является символическим выражением неминуемой и бескровной победы над любым врагом и установления над ним полной власти.

Ключевые слова: римская армия, защитное вооружение, шлемы, поножи, *logicati*, императорский культ

Негин Андрей Евгеньевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Древнего мира и классических языков ИМОМИ ННГУ. E-mail: aenegin@mail.ru

Сюжет с участием орла и зайца встречается крайне редко на предметах защитного вооружения. Этот мотив совершенно нетипичен для иконографии римского оружия. Тем не менее, он присутствует в декоре птериг анатомических кирас, изображенных на римских мраморных торсах. Заяц, показанный в когтях орла или коршуна, — редкий сюжет для украшения так называемых *logicati* (римских императорских статуй с изображением доспехов).

Этот сюжет присутствует на птеригах кирасы статуи из коллекции музея Пола Гетти в Малибу (рис. 1, 1)¹. Орёл, сжимающий в когтях зайца, показан и на двух декоративно оформленных лопастях птериг на статуе облачённого в анатомическую (или же мускульную) кирасу императора Домициана, которая находится в коллекции музея Искусств Принстонского университета (рис. 1, 2)². Расположение сцены терзания зайца на обеих скульптурах одинаковое; они расположены в верхнем ряду полос птериг. В то же самое время, в двух этих изображениях наблюдается некоторые стилистические и технические различия. Оба орла показаны с одинаково распростертыми крыльями, но их лапы занимают различное положение. Кроме того, в разных позах изображено и тельце зайца. Скульптура

¹ Gergel 1988.

² Caroline G. Mather Fund, 84-2.

из Принстонского музея демонстрирует тело зайца вытянутое в прямую линию, а туловище несчастного зайца, попавшего в когти орла, который показан на птеригах статуи из музея Пола Гетти выгнуто, а голова запрокинута назад.

Подобные изображения орла, сжимающего в своих когтях зайца, имеются на птеригах кирас статуй хранящихся в коллекциях археологических музеев Мерида³, Сабраты (рис. 2, 1)⁴, Сента⁵, Луни⁶, в собраниях Ватиканских музеев⁷, дворца кардинала Альгери в Риме⁸ и в Музее скульптуры «Либигхауз» во Франкфурте-на-Майне⁹. Датировка перечисленных экземпляров приблизительно одинаковая, что дало повод Р. Гергелю сделать заключение о том, что все они относятся ко времени династии Флавиев, и были изготовлены во временной промежуток, начиная с правления Веспасиана и заканчивая правлением Домициана¹⁰. Р. Гергель предположил, что самая ранняя статуя была установлена в Сабрате не ранее 71 г. н.э., а, следовательно, её иконографию вполне можно связать с покорением Иудеи¹¹. Более того, исследователь усматривает в сцене терзания зайца орлом некий намёк на смысл названия XXI «Хищного» (Рапах) легиона¹² и связь данного мотива, появляющегося на статуях периода правления династии Флавиев, с военными успехами этого легиона в ходе северных войн Домициана¹³.

Разумеется, описываемый сюжет, уникальный для реальных образцов античного защитного вооружения, встречается на их изображениях, а также на античных монетах и алтарях. С конца V в. до н.э. такие изображения орла с зайцем в когтях появляются на греческих монетах. Наиболее известны подобные образцы, отчеканенные в Акрагасе (Агригентум)¹⁴. Этот дизайн, по-видимому, был навеян знаменем, которое описал Эсхил в своей поэме «Агамемнон» (Aeschyl. Agam. 104–159). Агамемнону и Минелаю было знамение в котором два орла, символизирующие двух царей, пожирала беременного зайца, что истолковывалось как намёк на Троию.

Однако сюжет терзания зайца орлом еще более древний. В Аршакидской империи в этой сцене изображался двухглавый орёл, который подчас удерживал сразу двух зайцев¹⁵. Вероятно, двухглавый орёл как символ был заимствован у хеттов, поскольку его изображения имеются на скальных барельефах в Аладжа-Хююк¹⁶ и Язылыкая¹⁷, и имеет месопотамские корни¹⁸. Древние греки восприняли фигуру орла как олицетворение победы, изображая эту хищную птицу терзающую змею

³ Stemmer 1978, 100, VIII 4, Taf. 68, 1–2; Vermeule 1959, 48, № 118.

⁴ Stemmer 1978, 62, V 10, Taf. 38, 1–2; Vermeule 1959, 44, № 85, pl. 8, fig. 25.

⁵ Stemmer 1978, 69, V 25a, Taf. 45, 2.

⁶ Stemmer 1978, VIII a 1, 106–107, Taf. 72, 1.

⁷ Stemmer 1978, 61–62, V 9, Taf. 37, 1–4; Vermeule 1959, 45, № 88.

⁸ Stemmer 1978, 99–100, VII 3, Taf. 67, 1–3; Vermeule 1959, 54–55, № 17.

⁹ Stemmer 1978, 73–74, VI 2, Taf. 74, Abb. 1–3; Vermeule 1964, 102, № 94, Pl. 20, fig. 7, 7a.

¹⁰ Gergel 1988, 18–19, 22.

¹¹ Gergel 1988, 18.

¹² Ср.: Keppie 1984, 21.

¹³ Gergel 1988, 19, 22.

¹⁴ См. например: Troxell 1975, № 1000–1014, 1022–1027, 1034–1046, 1053–1055; Oleson 1975, № 39a–b.

¹⁵ Goblet d'Alviella 1894, 22–23.

¹⁶ Alexander 1986, pl. XXXIXa.

¹⁷ Alexander 1986, 120.

¹⁸ Alexander 1989, 157.

и иногда зайца, с единственным изменением, отказавшись от демонической сущности двухглавого чудовища.

Мотив орла-победителя зайца вновь появляется на геммах римского периода. Сюжет изображается в двух вариантах. Первый вариант демонстрирует орла с наполовину распростертыми крыльями, склонившегося над своей жертвой¹⁹. Второй вариант показывает орла со сложенными крыльями, пожирающего свою жертву на алтаре²⁰. Очевидно, как следствие связи с последним иконографическим каноном, данный мотив появляется на нескольких погребальных алтарях, которые также датируются I в. н.э. (рис. 2, 2)²¹

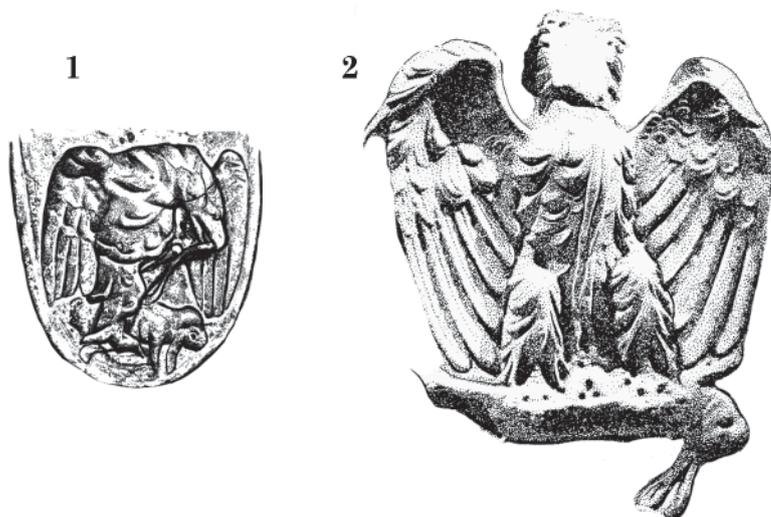

Рис. 2

Рассматриваемый сюжет присутствует не только на иконографических памятниках, но и находит параллели на древнем оружии, например, на церемониальных гето-дакийских²² шлемах IV в. до н.э. из Детройтского института искусств (рис. 3, 1)²³ и из Перету (рис. 3, 2)²⁴, которые, очевидно, восходят к греческой оружейной традиции²⁵. Интерпретаторы декора указанных шлемов утверждают, что сцена терзания зайца хищной птицей может служить символическим выражением силы и могущества власти²⁶. Подобное же символическое значение читается и на указанной узкой группе римских панцирных скульптур, относящихся к эпохе

¹⁹ См., например: Gramatopol 1974, 81, №. 559–560, pl. 26; Maaskant-Kleibrink 1978, 288, №. 563, pl. 103.

²⁰ Gramatopol 1974, 81, №. 561, pl. 26; Maaskant-Kleibrink 1978, 259–260, №. 689, pl. 120.

²¹ Например, фрагментарно сохранившийся алтарь из коллекции Ватиканских музеев (Altmann 1905, 95) и погребальный алтарь Публия Анния Эроса из коллекции Леона Леви и Шелби Уайт (Gergel 1988, 21–23).

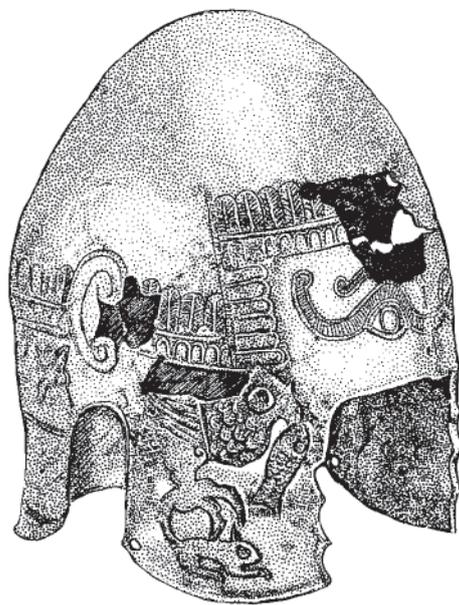
²² Berciu 1974, 46.

²³ Goldman 1963; Farkas 1981, 36–37, fig. 6–10.

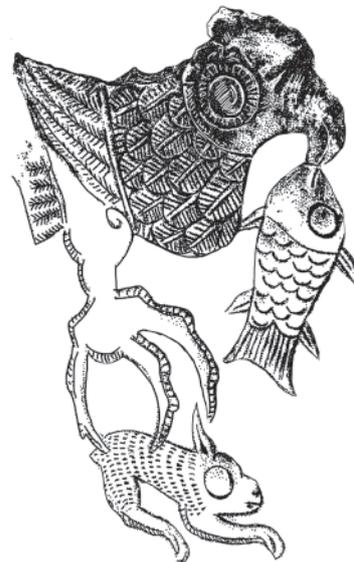
²⁴ Moscalu 1989; Farkas 1981, 41–43, fig. 22–25.

²⁵ Moscalu 1989, 159; Lazăr 2009, 26.

²⁶ Goldman 1970, 904.

1

2

Рис. 3

Флавиев. Иконографический анализ декора показывает важное семантическое значение этой сцены терзания в системе образов власти, и, по-видимому, сюжет этот связан не только лишь с покорением Иудеи, как считает Р. Гергель, символизируя беспомощность любого врага перед лицом римской военной машины. На всех покорённых территориях римляне ставили скульптуры императоров в доспехах (*logicati*), кирасы которых были обильно украшены сценами с покорёнными и поверженными противниками Рима. Взирая на эти изображения, покорённые народы, а также потенциальные враги римского государства должны были испытывать благоговейный ужас и страх перед римским оружием²⁷. По мнению К. Андо, первоначально эти образы римского триумфа и унижения поверженного врага воспринимались на вновь присоединённых территориях как оскорбление и издевательство, вызывая негодование, которое, однако, со временем уступало место осознанию того факта, что Рим властвует по праву сильного²⁸.

Предположение Р. Гергеля о связи сцены терзания зайца орлом с военными успехами династии Флавиев, и с покорением Иудеи и победами XXI «Хищного» легиона, было бы совершенно логичным и, по-видимому, единственно аргументированным, если бы все известные нам изображения подобного рода ограничивались бы этой узко датированной группой *logicati*. Однако существует подобная сцена и на реальном сохранившемся до наших дней элементе римского защитного вооружения, который никак не связан не только с панцирными императорскими статуями, но и с римской армией вообще. Речь идет о бронзовой поножи из гладиаторской казармы в Помпеях (Napel, Museo archeologico Nazionale, Inv. 5668) (рис. 4, 2)²⁹. В верхней части поножи расположены лавровые ветви, которые отсылают нас к победоносной силе увенчанного ими гладиатора. Под коленной чашечкой изображён тирс — увитый плющом жезл, сделанный из стебля гигантского фенхеля и увенчанный шишкой пинии атрибут древнегреческого бога рождающих сил природы и вина Диониса, а также его свиты — сатиров и менад. Рядом с ним имеются изображения театральных масок, которые присутствуют там не случайно, так как Дионис считался богом-покровителем театра. Тут же показана и маска бога Пана. Как известно, он родился с козлиными ногами и рогами и с длинной бородой, и был настолько ужасен, что с его именем связывали непонятный беспричинный панический страх, который мог и целое войско обратить в бегство (Herod. VI. 105; Paus. X. 23. 1–10; Just. XXIV. 8). Пан, веселился на плясках неистовых менад, являясь частым спутником бога вина Диониса. Колено поножи также украшено атрибутами Диониса. В центре видна лежащая на корзине маска, слева от которой находится так называемый мистический каменный ящик (*cista mystica*), в котором хранились предметы культа, а справа расположен барабан или бубен, звучащий во время вакхических мистерий. В нижней части расположен сюжет с зайцем в когтях орла. Кроме того, декор поножи включает в себя также другие маски и растительный орнамент из виноградных усиков. На второй поножи, обнаруженной там же и оформленной в том же стиле, также изо-

²⁷ Негин 2013, 42.

²⁸ Ando 2000, 304.

²⁹ Fiorelli 1869, 20 f. (Nr. 302); Bettinali-Graeber 1988/1999, 71–75 (Nr. 10b); Junkelmann 2008, 250, Abb. 106 (Nr. B10); Meller, Sampaolo, Melillo 2013, 170–181.

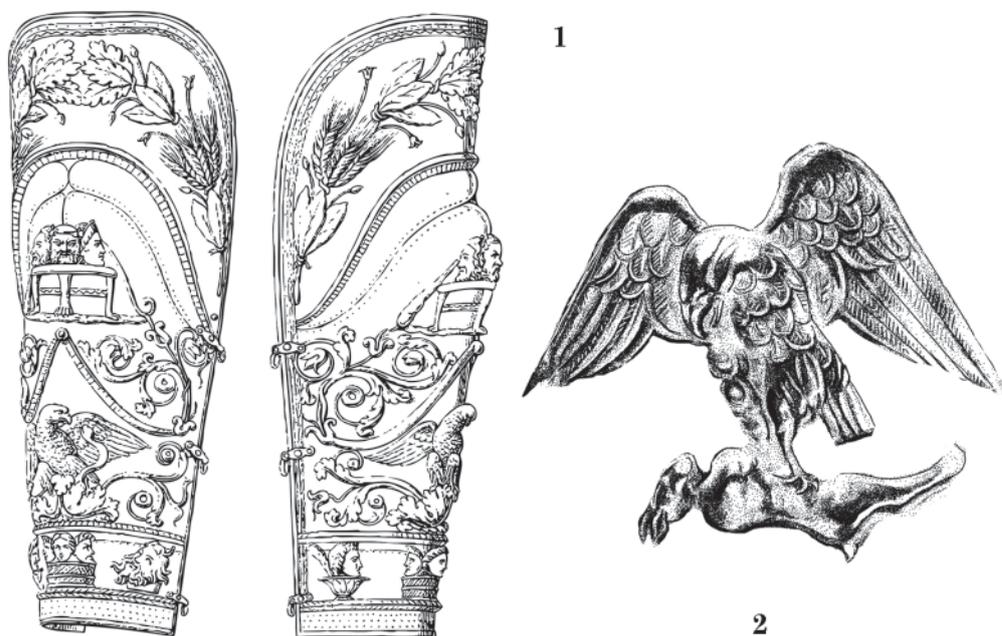

Рис. 4.

бражен орел (Neapel, Museo archeologico Nazionale, Inv. 5665) (рис. 4, 1)³⁰. Там представлен популярный в античности сюжет борьбы орла со змеей — полярно противоположных символов. Этот сюжет олицетворял борьбу двух начал, и орел с поверженной змеей считался символом грядущей победы³¹. По периметру сцена окружена декоративным орнаментом из виноградных усиков с цветочными мотивами. В нижней части поножей показаны театральные маски. На коленной части поножи изображены точно такие же маски, установленные на столе, к которому прислонена дубина Геркулеса. Появляются символы Диониса и на других элементах защитного гладиаторского снаряжения из Помпей. В русле перформативной теории, утверждающей, что элементы, как ритуала, так и театра обязательно присутствуют в любом представлении-перформансе, будь то светское искусство, религиозный обряд или социальный ритуал³², их присутствие на доспехах гладиаторов вполне оправдано, так как гладиаторские игры (*ludus*) фактически являют собой перформанс, связанный с театрализованностью. Богатый декор большинства гладиаторского вооружения навеивает на мысль, что часть гладиаторского снаряжения специально предназначалась для торжественной процессии (*rompra*), позволявшей местной публике увидеть участников боя и оценить щедрость организатора игр, когда гладиаторы шествовали от своих казарм в амфитеатр³³.

³⁰ Fiorelli 1869, 20. (Nr. 301); Bettinali-Graeber 1988/1999, 65–70 (Nr. 10a); Junkelmann 2008, 250, Abb. 106 (Nr. B9); Meller, Sampaolo, Melillo 2013, 160–169.

³¹ Ср.: Rodríguez-Pérez 2011.

³² Schechner 1988, 106–152.

³³ Деление на боевые и парадные доспехи гладиаторов было предложено Д. Нардони. См.: Nardoni 1989, 88, 92, 96, 104, 120, 136. Однако на некоторых изобразительных источниках видно, что декорированные шлемы применялись и в бою (барельеф в музее римской цивилизации в Риме и др.)

Включение в декор гладиаторских доспехов мотива орла убивающего змею и зайца, также вполне логично, хоть он и не относится напрямую к вышеуказанным дионистическим символам. Но для того чтобы понять семантику мотива орёл и заяц-жертва вне системы императорского культа и правительственной пропаганды, а также мировоззрения солдат и офицеров, необходимо более внимательно рассмотреть каждый из элементов иконографического канона.

Обратимся сначала к семантике образа орла. В Древнем Риме полет орла символизировал переход души умершего императора в состояние «Божества» в ходе ритуала имперского апофеоза (Dio Cass. LVI. 42.3)³⁴, когда из пламени взлетал орел, считалось что душа умершего направилась к небесным сферам для воссоединения с семьей Олимпийцев. По мнению Ю. Эвола, символ орла тесно связан с «олимпийским» духом. Он являлся предвестником победы арийцев и римлян, как сил олимпийского божества, за которыми стоят всепобеждающие силы олимпийской божественности³⁵. Знамя римского легиона дополнялось орлом с распростертыми крыльями и молнией в когтях. Здесь вновь прослеживается реминисценция к «олимпийской» символике, так как знак могущества Юпитера объединяется с божественной птицей, ведь именно молнией бог побеждает и уничтожает титанов. В имперскую эпоху воинский символ орла часто становился символом самого империя.³⁶

Можно утверждать, что изображение орла на предметах воинского снаряжения также могло иметь целью вселить страх в противника путем сопоставления владельца оружия с гордым животным, которое не оставляет никого в живых³⁷.

Заяц же у многих народов является символом плодовитости³⁸ (см., например: Herod. III. 108; Philostr. Mai. Imag. I. 6. 6; Plin. HN. VIII. 82, XXVIII. 83) и любовной чувственности³⁹, а с появлением христианства также и символом беззащитности⁴⁰. Его единственное спасение — его ноги, но от преследования орла ему не спастись, и никто не в силах помочь ему избежать смерти, как это происходит в басне Эзопа «Орёл и жук». Аллегория, когда орёл изображается несущим жертву, всегда является ссылкой на принесение в жертву низких существ, сил, инстинктов и на победу высоких сил⁴¹. Таким образом, мотив удачной охоты на трусливого, но проворного зайца символизирует превосходство, удачу, победу и власть с одной стороны, и бессилие со стороны жертвы или врага⁴². Поэтому, присутствие

³⁴ Chalupa 2006–2007, 203–204.

³⁵ Evola 1988, 68.

³⁶ Evola 1988, 70.

³⁷ Pekridou 1986, 99.

³⁸ Layard 1944, 210, 227.

³⁹ Заяц был атрибутом богини Афродиты и символическим благосклонным подарком между любовниками (Philostr. Mai. Imag. I. 6. 6; Mart. V. 29). Отсылка к эротическому символизму зайца прослеживается в метафоре сексуального преследования Дафны Аполлоном, изображённом Овидием в сравнении с охотой «галльской собаки» за зайцем (Ovid. Met. I. 533–539).

⁴⁰ Следует, однако, заметить, что отсылку к символизму беззащитности зайца мы находим уже в античности. Так, в своем воззвании к народу Боудикка, по словам Диона Кассия, сравнивала римлян с зайцами и лисицами, которые пытаются властвовать над волками и собаками, указывая на недостаток их мужества и храбрости, вследствие чего те защищают себя доспехами и прячутся в укрепленных лагерях (Dio Cass. LXII. 5. 2–5).

⁴¹ Schmieden 1972, 81.

⁴² Lindner 1973, 116; Gehrisch 2005, 81–83.

данного мотива на защитном вооружении следует рассматривать в более широком смысле, нежели это делает Р. Гергель, поскольку, в целом, этот сюжет на защитном вооружении является символическим выражением неминуемой и бескровной победы над любым врагом и установление над ним полной власти.

ЛИТЕРАТУРА

- Негин А.Е.* 2013: Победоносная власть и идеология победы: изображения императора как элемент декора римского парадного доспеха // Вестник ННГУ. 4(3), 39–45.
- Alexander R. L.* 1986: *The Sculpture and Sculptors of Yazilikaya*. Newark.
- Alexander R. L.* 1989: A Great Queen on the Sphinx Piers at Alaca Hüyük // *Anatolian Studies*. 39, 151–158.
- Altmann W.* 1905: *Die römische Grabaltdre der Kaiserzeit*. B.
- Ando C.* 2000: *Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire*. Los Angeles.
- Berciu D.* 1974: Contribution à l'étude de l'art thraco-gète. București.
- Bettinali-Graeber D.* 1988: *Gladiatorenwaffen aus Pompeji*. München.
- Chalupa A.* 2006-2007: How Did Roman Emperors Become Gods? Various Concepts of Imperial Apotheosis // *Anodos. Studies of the Ancient World*. 6–7, 201–207.
- Evola J.* 1988: *Simboli della tradizione occidentale*. Carmagnola.
- Farkas A.E.* 1981: Style and Subject Matter in Native Thracian Art // *Metropolitan Museum Journal*. 16, 33-48.
- Fiorelli G.* 1869: *Catalogo del Museo Nazionale di Napoli. Armi antiche*. Napoli.
- Gehrisch B.* 2005: «Lepusculus Domini, Erotic Hare, Meister Lampe» Zur Rolle des Hasen in der Kulturgeschichte. Gießen.
- Gergel R.A.* 1986: A. An Allegory of Imperial Victory on a Cuirassed Statue of Domitian // *Record of the Art Museum, Princeton University*. 45, 1, 3–15.
- Gergel R.A.* 1988: A Late Flavian Cuirassed Torso in the J. Paul Getty Museum // *The J. Paul Getty Museum Journal*. 16, 5–24.
- Goblet d'Alviella E.* 1894: *The Migration of Symbols*. L.
- Goldman B.* 1963: A Scythian Helmet from the Danube // *Bulletin of The Detroit Institute of Arts*. 42, № 4, 63–71.
- Goldman B.* 1970: Dacian art and the eagle-hare motif // *Bericht, International Union of Prehistoric and Protohistoric Sciences*. Oxford.
- Gramatopol M.* 1974: *Les pierres gravées du Cabinet numismatique de l'Académie Roumaine Collection*. Bruxelles.
- Hölscher T.* 1989: Griechische Bilder für den römischen Senat // *Festschrift für Nikolaus Himmelmann. Beiträge zur Ikonographie und Hermeneutik / Hans-Ulrich Cain (ed.)*. Mainz, 327–333.
- Junkelmann M.* 2008: *Das Spiel mit dem Tod*. Mainz am Rhein.
- Keppie L.* 1984: *The Making of the Roman Army*. Totowa.
- Layard J.* 1944: *The Lady of the Hare: Being a Study of the Healing Power of Dreams*. L.
- Lazăr S.* 2009: Helmets of the Chalcidian shape found in the Lower Danube area // *Dacia*. LIII, 13–26.
- Lindner K.* 1973: *Beiträge zu Vogelfang und Falknerei im Altertum*. B.
- Maaskant-Kleibrink M.* 1978: *Catalogue of the Engraved Gems in the Royal Coin Cabinet, The Hague*. Wiesbaden.
- Meller H., Sampaolo V., Melillo L.* 2013: *Gladiator: Täglich den Tod vor Augen. Looking on death every day*. Mainz.

- Moscalu E.* 1989: Das thrako-getische Fürstengrab von Peretu in Rumänien. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 70, 129–190.
- Nardoni D.* 1989: I Gladiatori Romani. Roma. P.
- Oleson J.* 1975: Greek Numismatic Art: Coins of the Arthur Stone Dewing Collection, exh. cat. (Fogg Art Museum, Harvard University). Cambridge.
- Pekridou A.* 1986: Das Alketas-Grab in Termessos. Tübingen.
- Rodríguez-Pérez D.* 2011: Contextualizing Symbols. «The Eagle and the Snake» in the Ancient Greek World // Boreas. Münstersche Beiträge zur Archäologie. 33, 1–18.
- Schechner R.* 1988: Performance Theory. N. Y.
- Schmieden W. von* 1972: Zur Herkunft des hasenschlagenden Adlers als Herrschaftszeichen Kaiser Friedrich des II // Symbolon. Jahrbuch der Gesellschaft für Wissenschaftliche Symbolforschung. Ser. NF. 1, 79–84.
- Stemmer K.* 1978: Untersuchungen zur Typologie, Chronologie und Ikonographie der Panzerstatuen. B.
- Troxell H. A.* 1975: Sylloge Nummorum Graecorum: The Collection of the American Numismatic Society pt. 3. Bruttium — Sicily I: Abacaenum-Eryx. New York.
- Vermeule C.C.* 1959: Hellenistic and Roman Cuirassed Statues // Berytus. 13, 1–82.
- Vermeule C.C.* 1964: Hellenistic and Roman Cuirassed Statues: A Supplement // Berytus. 15, 95–110.

SCENE OF HARE'S LACERATION BY AN EAGLE AS SUBJECT OF ROMAN DEFENSIVE ARMAMENT DECORATION

A. E. Negin

The article deals with the unique plot with hare's laceration by the eagle scene available on the decorated of pteryges of anatomical cuirasses depicted on Roman marble torsos. A hare shown in the claws of an eagle or a hawk — it is rare plot of decoration of the so-called loricati. But this subject also has parallels on real armament, including Roman gladiatorial armor. Depiction of an eagle on military equipment have been intended to instill fear into an enemy by matching armament owner with a proud animal that leaves no one alive. The motive of successful hunting for the cowardly, but agile hare symbolizes excellence, success, victory, and power on the one hand, and helplessness of the victim or enemy on the other hand. This scene on the defensive armament it is symbolic expression of imminent and bloodless victory and establishing of full authority over the enemy.

Key words: Roman army, defensive armour, helmets, greaves, loricati, Roman Imperial cult

---

Причерноморье

© 2015

В. К. Пешехонов

НАДЧЕКАНКИ НА МОНЕТАХ ФАСОСА V–I вв. до н.э. ЧАСТЬ I. НАДЧЕКАНКИ НА МЕДНЫХ МОНЕТАХ ФАСОСА

Статья посвящена контрамаркам на бронзовых монетах Фасоса. Автор рассматривает основные группы контрамарок двух периодов — конца IV и II–I вв. до н.э. Среди находок главное внимание уделено комплексу городища Акве Калиде (Бургас) и кладу из сел. Страшимир (CH IV 79).

Ключевые слова: Фасос, контрамарки, бронзовые монеты, Фракия, монетное обращение

Наиболее известный эпизод из монетного дела Фасоса, связанный с нанесением надчеканок (или контрамарок)¹, датируется концом IV — началом III в. до н.э. Касается он медной монеты². Надчеканенная «медь» — распространенное явление в греческом мире, особенно характерное для эллинистической эпохи³. Имея условную ценность, медные деньги могли обращаться лишь на весьма ограниченной территории, как правило, собственного полиса. Поэтому в одних случаях надчеканка наносилась для придания «иностранной» меди вида законного платежного средства. Правда, такое клеймо свидетельствовало не о признании монеты чужого города равноценной собственной, а именно о переводе ее в разряд своих официальных эмиссий. В других случаях поставленная на собственную монету контрамарка могла свидетельствовать о продолжении обращения данной эмиссии, часто — на новых условиях. Таким образом, надчеканки на медной мо-

---

Пешехонов Вячеслав Константинович — свободный исследователь. E-mail: slavnum@yandex.ru

¹ Ср. фр. *contre/marque* — буквально «добавочный знак». Обычно это маленькие клейма размером от 3 до 6 мм круглой, овальной или прямоугольной формы с различными изображениями или символами.

² Разумеется под «медной монетой» здесь и далее подразумеваются деньги из бронзового сплава.

³ Одна из главных работ, положивших начало систематическому изучению контрамарок, относящихся к Фракии, принадлежит известному болгарскому ученому проф. Т. Герасимову: Герасимов 1946. В настоящее время Каталогом таких клейм для *Понтийской* Фракии может служить монография д-ра С. Топалова (София): Топалов 2002; с дополнением Топалов 2001, 177–213, 244–265. Следует упомянуть также публикации Martini, Raunov 2001 и Raunov 2013 о контрамарках Фракии и Мезии на монетах императорской эпохи.

К сожалению, надчеканки на монетах *Эгейской* Фракии и Македонии изучены несравнимо хуже и известны лишь по разрозненным публикациям.

нете, по определению Л. Н. Казамановой, имеют два основных значения — «надчеканка места» и «надчеканка времени»⁴.

В конце IV в. до н.э. монетным двором Фасоса осуществляется ряд мер, позволяющих говорить об определенном сбое в финансовой системе Острова⁵. По монетам можно проследить три основных этапа этой реформы⁶:

Ок. 315–300 г.⁷ до н.э. Фасос прекращает чеканить медь старого образца «голова Геракла/оружие, «ΘΑΣΙΟΝ» (табл. I, 1), на смену которой приходят выпуски с совершенно новыми для его иконографии изображениями: на лицевой стороне появляется голова Деметры, на оборотной — головы Диоскуров (табл. I, 2). Первоначально новая монета слегка превышала по весу прежние выпуски старшего номинала с головой Геракла и чеканилась тщательно изготовленными штемпелями. Видимо, кардинальная смена монетных типов говорит о желании резкого разрыва с предыдущими (обесценившимися?) сериями, бывшими в употреблении на протяжении почти всего IV в. до н.э.⁸ Вероятно, смысл реформы заключался в обязательном обмене старых денег на новые (курс которых был более высок?). Разумеется, все издержки при этой операции ложились на плечи обладателей старых монет.

Однако вскоре для выпуска основной массы монет типа «голова Деметры/голова Диоскуров» начинает использоваться изъятый из обращения старший номинал типа «голова Геракла/оружие». Эта массовая перечеканка знаменует вторую фазу монетных операций. Чеканка осуществляется небрежно, не перекрывая полностью старого изображения. Несмотря на несколько более низкий вес⁹ по отношению к Группе 1, номинал выпусков Группы 2 остается прежним.

Наконец, на заключительном этапе с целью еще раз подтвердить номинал резко теряющей в цене монеты все выпуски типа «голова Деметры/голова Диоскуров» снабжаются круглой контрамаркой с изображением дубины, которая ставится на лицевой или оборотной стороне монеты¹⁰. Несмотря на трудности с идентификацией штемпелей, применявшихся для этого контрамаркирования, ввиду их малого размера, исследователи констатируют их значительное количество и интенсивное использование, о чем свидетельствует трещина на одном из известных клейм¹¹. По приблизительным оценкам надчеканке было подвергнуто более 2/3 от общего объема эмиссии¹².

Можно сказать, следуя классификации Л. Н. Казамановой, что перед нами классический пример т.н. «надчеканки времени» (см. выше).

⁴ Казаманова 1969, 90–91. Ср. Герасимов 1946, 51–52; Le Rider 1975, 38–40.

⁵ Возможно, это связано с политической нестабильностью, природа которой остается нам неизвестной (Picard 1985, 768). Однако произошедшие события не нанесли серьезного ущерба фасосской экономике в целом (Picard 1985, 770–773; также Callatay, Mattheeuws 1993, 490; Chryssanthaki-Nagle 2007, 310; Picard 2011, 97–98).

⁶ Далее я принимаю интерпретацию Callatay, Mattheeuws 1993, 487; ср. Picard 1985, 766–768.

⁷ Picard 1985, 766, 768, 770. О проблеме датировки этих монет см. также: Callatay, Mattheeuws 1993, 488–490; Chryssanthaki-Nagle 2007, 280.

⁸ О датировке этих выпусков см. напр. Picard 1987, 8.

⁹ Callatay, Mattheeuws 1993, 486–487.

¹⁰ Callatay, Mattheeuws 1993, 484–485, fig. 1–2. См. также Picard 1990, 18–19, fig. 6.

¹¹ Callatay, Mattheeuws 1993, 483, №32; 485, fig. 2, 32; 486.

¹² Picard 1985, 768.

Рис. 1. Бронзовая монета Фасоса типа «голова Деметры/головы Диоскуров» с надчеканками (по Герасимов 1946, 66, Обр.29,7).

В свое время Т. Герасимов опубликовал экземпляр типа «голова Деметры/головы Диоскуров» с тремя контрамарками: на о.с. были поставлены круглая надчеканка «канфар» и прямоугольная с изображением дубины и буквами ΘΑΣΙ, а на л.с. надчеканка в виде буквы «Δ»¹³. К сожалению, в его статье дан лишь рисунок монеты, который оставляет несколько вопросов¹⁴.

1. Надчеканка «канфар».

Судя по рисунку, приведенному Т. Герасимовым, круглая контрамарка с изображением, трактуемым исследователем как «канфар», расположена у самого края монетного кружка, причем таким образом, что ее нижняя часть осталась вне поля монеты. С большой долей вероятности можно предположить, что в действительности это обычная для данного типа контрамарка «дубина», от которой прочеканилась, и то довольно слабо, только верхняя половина, без рукояти¹⁵.

2. Прямоугольная надчеканка «дубина, ΘΑΣΙ».

Хотя период финансовой нестабильности, когда применялась надчеканка «дубина», был кратковременным, мы не знаем точно, сколь долго медь с головой Деметры находилась в обращении¹⁶. Известно два типа медных монет Абдеры («мужская голова в крылатой диадеме/грифон» (табл. I, 5) и «голова Посейдона/грифон»), часто несущих круглую контрамарку «дубина», подобную фасосской¹⁷. Т.е., гипотетически, присутствие на фасосском клейме начальных букв этника

¹³ Герасимов 1946, 65, №1, 66, Обр. 29,7.

¹⁴ Из текста Т. Герасимова (Герасимов 1946, 52) не вполне ясно, относятся ли монеты Фасоса, аналогично большинству публикуемых в его статье экземпляров, к находке из *Aquae Calidae*, содержащей монеты «множества городов и владельцев Нижней Мезии и Фракии». Это место (совр. Бургаски (Айтоски) минерални бани), в 15 км северо-западнее совр. г. Бургас, с глубокой древности было известно своими термальными источниками (см. напр. Kiachkina, Karayotov 1994; Карайотов 2011, 34-41). Во время проводившихся здесь в начале XX века строительных работ под плитами бассейна было обнаружено более 3000 греческих, римских и византийских монет (Филов 1910, 216-217; Filow 1911, 349-357). С. Топалов справедливо полагает, что имеющиеся в статье проф. Герасимова неточности в описании ряда монет и надчеканок объясняются плохим состоянием основной массы нумизматического материала из *Aquae Calidae* (см. Топалов 2001, 246-247; Карайотов 2011). Плохое состояние большинства экз. отмечается еще в первых публикациях, содержащих информацию о находке (напр. Filow 1911, 350).

¹⁵ Показательный пример — надчеканки с изображением дубины, которую легко принять за «канфар» на некоторых фасосских монетах типа «голова Деметры/головы Диоскуров», опубликованных в: Callatay, Mattheeuws 1993, 484. fig. 1, 6, 9.

¹⁶ Можно вспомнить о находках при раскопках на Фасосе мелкой меди с головой Геракла начала IV в. до н.э. в слоях, датированных веком позже (Picard 1998, 17).

¹⁷ Герасимов 1946, 67, №№1-2; 66, Обр. 29,5-6; Chryssanthaki-Nagle 2007, 295-305, pl. 53-57; 319-324, pl.57-59. Оба типа меди Абдеры с надчеканкой «дубина» обнаружены также при раскопках в Маронее, см. Psoma, Karadima, Terzopoulou 2008, 49, no. M15; 50, no.M18, pl. XXIV, M15, M18.

(ΘΑΣΙ) могло бы дополнительно указывать на его принадлежность во избежание ошибочного отнесения к монетному двору Абдеры. Однако предположение, что контрамаркирование «дубиной» монет Фасоса и Абдеры вызвано общими причинами и синхронно по времени¹⁸, не находит безусловной поддержки¹⁹. В недавнем исследовании монетного дела Абдеры появление надчеканки «дубина» на ее выпусках датируется периодом между второй половиной II — первой половиной I в. до н.э.²⁰

Вероятнее всего, публикуемая монета Фасоса, как и большинство монет этой серии, перечеканена из старшего номинала «Геракл/оружие» и именно остатки изображения о. с. прежней эмиссии (часть дубины и начало этника) ²¹ были ошибочно приняты за надчеканку. (Ср. табл. I, 2а, где в нижней части монетного поля реверса видны остатки прежнего типа о.с. — часть лука и начальные буквы легенды ΘΑ [ΣΙΟΝ])

3. Надчеканка в виде буквы Δ (дельта).

Учитывая предполагаемое происхождение монеты из находки в Акве Калиде²², такая контрамарка может принадлежать, например, монетному двору Дионисополя. Но если все же относить ее к Фасосу, то предложение Т. Герасимова²³ видеть в этой надчеканке знак стоимости (Δ = 4) представляется вполне приемлемым²⁴, особенно если рассматривать ее как последнюю в ряду монетных манипуляций, связанных с нашим экземпляром.

В первой половине III в. до н.э. монетный двор Фасоса возвращается к чеканке меди типа «голова Геракла/оружие», однако с номиналом не выше дихалка²⁵. Но для дихалка монета с Деметрой (если Δ = δῖχαλκον) все-таки слишком тяжела²⁶, к тому же принудительный курс, как мы видели, был ориентирован в другом направлении, в сторону сохранения номинала или даже его увеличения. Для Македонии и Фракии характерен вес халка в пределах 1-3 г²⁷. Аналогичным образом вес дихалка, например, в Абдере не превышал в основной массе 4-4,5 гр.²⁸

¹⁸ Ashton 1998, 20-21; ок. 281-278 г. до н.э. Нельзя не отметить поразительное сходство надчеканок на некоторых монетах Фасоса и Абдеры.

¹⁹ Chryssanthaki-Nagle 2007, 280-281.

²⁰ Chryssanthaki-Nagle 2007, 281, 310-311.

²¹ Помимо присутствия различных дифферентов (см. Le Rider 1956, 8-11, nos.72-134,15), эмиссии меди IV в. до н.э. типа «голова Геракла / оружие» старшего номинала различаются по расположению изображения дубины (рукоятю влево или вправо) и букв этника (над или под дубиной, а также параллельно или зеркально по отношению к оружию) (Le Rider 1956, 15, pl. II; Picard 1987, 9).

²² См. выше, прим. 13 и 14.

²³ Герасимов 1946, 67.

²⁴ О проблеме определения номиналов медных денег см., напр., Зограф 1951, 47-48; Picard 1998, 7-18; ср. Psoma 2001, 132-136.

²⁵ Но теперь уже на л.с. младшего номинала мы видим голову юного Геракла, а на старшем номинале герой изображен бородатым мужчиной (ранее было наоборот). Дополнительно на о.с. халков появляется как дополнительный указатель стоимости дифферент «виноградная гроздь», а на о.с. дихалков — «амфора». Picard 1987, 13, pl. I, 23-26; 1990, 19, fig. 7; ср. Le Rider 1967, 188-189, pl. III, 43-46.

²⁶ Т. Герасимов в своей статье не приводит метрологических данных, но весовой диапазон монет типа «голова Деметры / головы Диоскуров» лежит в пределах 14,5-6,5 гр. с медианой в 8,46 гр. по сводке Callatay, Mattheeuws 1993, 486-488.

²⁷ Ср. Picard 1998, 8-10.

²⁸ Chryssanthaki-Nagle 2007, 204, fig. 1; 205, fig. 2; 285, fig. 1. Можно добавить, что в IV в. до н.э. Аполлония Понтийская чеканила монеты с легендой ΔΙΧΑ-ΛΚΙΝ и ΑΠΟΛΛΟΝΙΑΤ ΩΝΔΙΧΑΛΚΙΝ

Принимая, что в IV в. до н.э. на Фасосе обол насчитывал 12 халков²⁹, а старший номинал типа «голова Геракла / оружие» и выпуски «голова Деметры/головы Диоскуров» являлись гемиоболами³⁰, надчеканка Δ может указывать на сохранение прежнего номинала при переходе на аттическую систему, с оболем, состоящим из 8 халков ($\Delta = 4$ [халка] = гемиобол).

Вероятно, тогда же, в первой половине III в. до н.э., аттическую систему счета для медных денег принимает Абдера³¹.

Монетный двор Фасоса прибегает к контрамаркированию своих эмиссий и позднее.

Во II в. до н.э. продолжается чеканка монет типа «голова Геракла/оружие», позволяющих не смешивать их с предыдущими эмиссиями, главным образом благодаря форме этника, который теперь передан как $\Theta\Lambda\Sigma\Omega\text{N}$, с заменой *омикрона* на *омега*³². В качестве старшего номинала к ним были добавлены выпуски типа «бюст Артемиды/стоящий Геракл, стреляющий из лука»³³. Эта серия, начавшаяся не ранее 180-170 г. до н.э., по-видимому, продолжалась до конца эллинистической эпохи³⁴. Последние эмиссии с Артемидой, по сути уже имитации, сильно падают в весе и демонстрируют деградацию стиля³⁵. О. Пикар насчитывает в серии 24 выпуска, объединенные им в 5 групп³⁶.

Нестабильное состояние финансов в этот период подчеркивают два характерных маркера в виде надчеканок «букраний» и «рог изобилия, Θ -А»³⁷.

В 1978 г. В. Найденовой был опубликован небольшой клад, случайно найденный у с. Страшимир в Родопах³⁸, поступивший затем в Региональный исторический музей г. Смолян³⁹.

Клад, сокрытый в небольшом глиняном кувшинчике, содержал 24 бронзовые монеты, 5 из которых имели контрамарки «букраний» круглой или овальной/

весом в 1,8-2,3 гр., см. Топалов 2007, 403, 407-409, 596-598, кат. № 58, 59.

²⁹ Напр. Picard 1989, 673.

³⁰ Picard 1989, 675; 1990, 18, fig.5.

³¹ Chryssanthaki-Nagle 2007, 226 (Periode XI).

³² Picard 1990, 21, fig. 10; 2001, 283, 292; ср. Le Rider 1967, 189-190, pl. IV, 56-58; V, 59.

³³ Picard 1990, 21, fig. 10; 2001, 283, 292; ср. Le Rider 1967, pl. V, 60-66.

³⁴ Picard 1990, 20-21; 2001, 283. О датировке выпусков серебра типа «голова Диониса / Геракл-Сотер», параллельных данной серии медных монет см. Prokоров 2006, 13-37; Callatay 2008, 31-57.

³⁵ Le Rider 1967, 191, pl. V, 65-66; Таcакλάκη, Χατζητροκοπίου 2010, 35. Ек. 5, 2.

³⁶ Picard 2001, 291.

³⁷ Picard 2001, 284. Ср. с надчеканками на медных деньгах Абдеры, приблизительно датированных этим же временем, где вслед за «дубиной» появляются «звезда» и «кадуцей»: Chryssanthaki-Nagle 2007, 310. Не избежала подобных проблем и Маронея; см., напр., ее монеты I в. до н.э. с контрамарками: Psoma, Karadima, Terzopoulou 2008, 29, no. PM83 Worn b; 30, no. PM87 Worn a, pl. XVI, 83 worn b, 87 worn a. Впрочем, Chryssanthaki-Nagle 2007, 310 предлагает рассматривать контрамарки на монетах Абдеры как один из простых способов извлечения городом дополнительной прибыли, вне связи с негативным состоянием экономики в целом.

³⁸ Najdenova 1978, 350-362. См. также *CH IV*, no.79. Монеты данной серии, к тому же в виде единого комплекса, почти не встречаются во внутренней Фракии; о находках на части побережья восточнее Неста, до предгорий Родоп, см. Таcакλάκη, Χατζητροκοπίου 2010, 35, 37-40; Chryssanthaki-Nagle 2011, 126-128; на Фасосе - Dessenne 1949, 560, a, f.

³⁹ Я сердечно благодарю д-ра И. Прокопова (София) за предоставленные мне фотографии монет из этого клада, который недавно (в 2011 г.) еще раз был опубликован в очередном томе «Coin Collection & Coin Hoards from Bulgaria» (CCCHBulg.III, Smolyan Collection, p.194-196, nos. 1165-1187).

трапецевидной (табл. I, 3а) формы. Это 10 экз. типа «голова Геракла» (1 экз. с надчеканкой⁴⁰ (табл. II, 3)) и 14 экз. типа «бюст Артемиды» (4 экз. с надчеканкой (табл. I,3)). Вместе с медью, согласно публикации В. Найденовой, в состав находки входили 2 римских серебряных денария: один республиканский и один времени Августа⁴¹. Но в настоящий момент монета Августа в составе комплекса отсутствует⁴². Можно предположить, она была добавлена к кладу позднее, уже в музее(?), т.е. имела место техническая ошибка при подготовке первой публикации находки.

Республиканский денарий 118 г. до н.э.⁴³ заметно потерт от длительного обращения, что дает основания датировать время сокрытия клада первой половиной, но не позднее середины I-го в. до н.э.⁴⁴

К сожалению, степень износа медных монет, на момент находки имеющих «одинаковую красивую патины»⁴⁵, в настоящий момент определить затруднительно, поскольку в результате чистки химическими препаратами они значительно утратили первоначальный вид. В этой связи особую ценность представляет анализ штемпелей и особенно таблица монограмм, представленные болгарской исследовательницей⁴⁶. В соответствии с классификацией, предложенной для данной серии О. Пикаром⁴⁷, монеты клада располагаются следующим образом:

группа / выпуск	Геракл	Артемиды	монограмма
	общее кол-во / надчеканенные	общее кол-во / надчеканенные	
I/2		9/2	
I/5		2/1	
II/6(?)	1/1		 (?)**
II/7	2	2	
III/10	2		
III/11	2		
III/12	1		
не опознано	2	1/1	***

Монеты клада «Страшимир» (= CHIV, no.79) согласно периодизации О. Пикара (по: Picard 2001, 291)

⁴⁰ Тип л.с. ошибочно определен В. Найденовой как «голова льва», поскольку контрамарка закрыла почти все лицо Геракла, оставив видимым только верхнюю часть изображения, т.е. львиную шкуру; Najdenova 1978, 352-353, tabl. III, 5.

⁴¹ Najdenova 1978, 355, tabl. IV, 1-2.

⁴² Я чрезвычайно признателен д-ру Е. Паунову (София) за разъяснение, касающееся римских денариев из этой находки, полученное в письме от 20.06.2012.

⁴³ 19/19 мм, 3.72 г; см. RRC, no. 282/2: L. Licinius, Cn. Domitius and L. Cosconius M.f., 118 BC, Narbo Gaul. AR Denarius.

⁴⁴ В. Найденова (Najdenova 1978, 358-359) предлагает гораздо более позднюю дату (первое десятилетие I в. н.э.), опираясь в том числе и на предполагаемое присутствие в кладу денария Августа.

⁴⁵ Najdenova 1978, 350: «... dont 24 en bronze sont recouvertes d'une belle patine».

⁴⁶ Najdenova 1978, 357.

⁴⁷ Picard 2001, 291;

* В. Найденова неточно передает эту монограмму как 48.

** Благодаря качественным фотографиям, предоставленным мне д-ром И. Прокоповым (София), сохранившиеся остатки монограммы имеют наиболее близкие аналогии с П/6. В. Найденова неточно передает ее как 49.

*** Плохое состояние монет не дает возможности различить монограммы.

Контрамарка «букраний», как считает О. Пикар⁵⁰, наносилась между 3-м и 4-м выпусками Группы I. Однако в кладе из с. Страшимир такую контрамарку имеет и старший номинал с Артемидой 5-го выпуска I-ой группы. Впрочем, французский ученый соглашается с тем, что порядок эмиссий внутри групп может быть изменен. Еще больший интерес представляет единственная надчеканенная монета младшего номинала, с головой Геракла (табл. II, 3). Ее сохранность оставляет желать лучшего, поэтому можно только предполагать, что она имеет монограмму , т.е. относится уже к 6-ому выпуску, самому раннему в Группе II.

Вне Страшимирской находки контрамарка «букраний» известна на Артемиде также выпусков I/5, с монограммой (табл. II, 1), II/6, с монограммой (табл. II, 2) и, возможно, II/8 (табл. II, 4 — монограмма ME (?)).

Как мы видим, основная часть меди с Артемидой в кладе принадлежит к одному из ранних выпусков Группы I, тогда как большинство монет с головой Геракла — к Группе III (к слову, единственной, когда старший номинал с Артемидой, как считается, временно не чеканился). Такая концентрация каждого из номиналов в одном комплексе также вызывает определенные вопросы, касающиеся периодизации, которая в будущем может быть существенно дополнена и/или скорректирована. Но здесь говорить об этом более определенно затруднительно ввиду ограниченного количества нумизматического материала.

Нужно добавить, что, по мнению В. Найденовой, надчеканка «букраний» принадлежит не Фасосу, а какому-то другому городу⁵¹. Однако обращает на себя внимание факт находок монет «голова Геракла / оружие» с такой контрамаркой при раскопках на острове⁵², где они, правда, количественно уступают меди того же типа с более поздней надчеканкой «рог изобилия»⁵³.

Круглая контрамарка «рог изобилия, Θ-А», появляющаяся, согласно О. Пикару, после окончания чеканки Группы III (выпуск 13), известна также на монетах обоих номиналов: и с головой Геракла⁵⁴ и с бюстом Артемиды⁵⁵ (табл. I, 4) Возможно, эта контрамарка предшествовала или была как-то связана с началом че-

⁴⁸ Najdenova 1978, 356, tabl. V, II-10, III-4.

⁴⁹ Najdenova 1978, 356, tabl. V, III-5.

⁵⁰ Picard 2001, 284.

⁵¹ Najdenova 1978, 354. Одним из главных аргументов против приписывания этой контрамарки Фасосу болгарская исследовательница считает отсутствие «букрания» среди его монетных типов. Этот символ известен только в качестве дифферента на серебряных тетрадрахма и драхма Фасоса типа «голова Диониса / коленопреклоненный Геракл, стреляющий из лука», см. West 1929, 38, nos. 20A -20a, tabl. III, 20A, 20a-b.

⁵² Dessenne 1949, 560.

⁵³ Dessenne 1949, 560.

⁵⁴ См. напр. Dessenne 1949, 560, a; Picard 1990, 21, fig. 10; Picard 2001, 283.

⁵⁵ См. напр. Герасимов 1946, 66, № 2. Обр. 29, 9; Picard 2001, 283.

канки мелкой меди «голова бородатого Геракла вправо / рог изобилия, ОАС-IWN (с лунарной сигмой, которая характерна и для поздних выпусков с Артемидой)»⁵⁶.

По Т. Герасимову, на монетах с Артемидой, кроме «рога изобилия» и «букра-ния», встречается и круглая надчеканка «дельфин»⁵⁷, но, учитывая происхождение опубликованных им монет (*Aquae Calidae*), она может и не иметь отношения к Острову или, напротив, являться плохо прочеканенной фасосской контрамаркой «рог изобилия»⁵⁸.

ЛИТЕРАТУРА

Герасимов Т. 1946: Антични монети с контрамарки от Долна Мизия и Тракия // ИБАИ. XV, 51-81.

Зограф А.Н. 1951: Античные монеты // МИА, 16. М.; Л.

Казаменова Л. Н. 1969: Введение в античную нумизматику. М.

Карайотов И. 2011: Изворите с много имена // История на Бургас. Бургас, 34-41.

Топалов С. 2001: Приноси към проучване монетосеченето и историята в земите на источна Тракия от края на IV в. пр. н.е. до края на III в. пр. н.е. София.

Топалов С. 2002: Нови приноси към проучване контрмаркирането на монети в района на западнопонтийските градове през III-I в. пр. н.е. София.

Топалов С. 2007: Аполония Понтика. Приноси към проучване монетосеченето на града VI-I в. пр. н.е. (Част I-II). София.

Филов Б. 1910: Находки във Айтоските бани (*Aquae Calidae*) // ИБАД, 216-217.

Τασακλάκη Μ., Χατζηπροκοπίου Κ. 2010: Η Παρουσία νομισμάτων νησιών του Αιγαίου στην Αιγαιακή Θράκη // Το νόμισμα στα νησιά του Αιγαίου, Πρακτικά Συνεδρίου της Ε' επιστημονικής συνάντησης, Μυτιλήνη, 16-19 Σεπτεμβρίου 2006 / Π. Τσέλεκας (επίμ.). Αθήνα, 27-44.

Ashton R. H. J. 1998: Hellenistic Bronze Coins of Abdera with a Male Portrait // Studies in Greek Numismatics in memory of Martin Jessop Price / R. Ashton, S. Hunter (eds.). London, 17-21.

Callatay F. de 2008: Les tetradrachmes hellénistique au nom des Thasiens et la circulation monétaire en Thrace aux II-e et I-er s. av. J.-C. // RBNS. CLIV, 31-57.

Callatay F. de, Mattheeuws C. 1993: À propos d'une série exceptionnelle de grands bronzes thasiens (fin IVe - début IIIe siècle) // BCH. 117, 1, 481-490.

Chryssanthaki-Nagle K. 2007: L'Histoire monétaire d'Abdere en Thrace (VIe s. av. J.-C. — Ie s. ap. J.-C.) // ΜΕΛΕΤΗΜΑΤΑ. 51, Athenes.

⁵⁶ Picard 2001, 283, 291; 1990, 21, fig.10; Le Rider 1967, 191, pl.V, 67-68. Очевидным препятствием для прямой связи надчеканки «рог изобилия» с более ранней мелкой медью типа «амфора / рог изобилия, ΘΑ-ΣΙ-Ο-Ν» (Le Rider 1967, pl. IV, 54-55) служит форма этника на этой эмиссии; см. Picard 1990, 19-20, fig.8, где они датируются III в. до н.э. Примеры, когда за контрамаркой следует эмиссия с тем же изображением, но уж в качестве монетного типа, см. Le Rider 1975, 38.

⁵⁷ Герасимов 1946, 66, № 3.

⁵⁸ Принимая во внимание, что размер контрамарок не превышает 1 см, сходство изображений рога изобилия и дельфина представляет определенные затруднения для их точного опознания, особенно на монетах плохой сохранности. Например, при раскопках в Маронее была обнаружена монета Фасоса «голова Геракла/ оружие» с круглой надчеканкой, представленной как «дельфин, Θ-Α»: Psoma, Karadima, Terzopoulou 2008, 92, no. M222, pl.LIX, M222.

Также при раскопках, но на сей раз на п-ве Моливоти, была найдена маронейская монета типа «голова Геракла / скачущая лошадь» I в. до н.э. (монетный тип Schönert — Geiss 1987, 213, №1686) с контрамаркой «дельфин», однако приведенная фотография (Psoma, Karadima, Terzopoulou 2008, 30, no. PM87 Worn a, pl. XVI, 87 worn a) позволяет задаться вопросом, не фасосская ли это «рог изобилия, Θ-Α».

- Dessenne A.* 1949: Monnaies (Thasos) // Chronique des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1948. BCH. 73, 560.
- Filow B.* 1911: Archäologische Funde im Jahre 1910: Bulgarien. // AA. XXVI, 349-370.
- Kiachkina P., Karayotov I.* 1994: Aquae Calidae - Centre de la Culture Thrace // Thracia Pontica, VI,1 (Proceedings of the International Symposium Thracia Pontica VI, 18-24 september 1994). Sozopol, 125-130
- Le Rider G.* 1956: Tresor de monnaies trouve a Thasos // BCH. 80, 1-19.
- Le Rider G.* 1967: Les monnaies thasiennes // Guide de Thasos. Paris, 185-192.
- Le Rider G.* 1975: Contremarques et surfrappes dans l'Antiquité grecque // Numismatique antique. Problèmes et Méthodes. Actes du Colloque organize a Nancy du 27 septembre au 2 octobre 1971 / J.-M. Dentzer, Ph. Gautier, T. Hackens (eds.). Nancy; Louvain, 27-57.
- Martini R., Paunov E.* 2004: Early Roman Imperial Countermarked coins from Moesia: First critical observations (Typology, Frequency, Chronology and Analysis of Distribution) // Нумизматични и сфрагистични приноси към историята на западното Черноморие. Международна конференция, Варна, 12-15 септември 2001г. Acta Musei Varnaensis, II. Варна, 159-174.
- Najdenova V.* 1978: Au sujet de monnaies en bronze thasiennes // Studia in honorem Veselini Beshevliev. Sofia, 350-362.
- Paunov E.* 2013: A Roman countermark on a bronze coin of Rhoemetalces I, King of Thrace // AJN. 25, 117-123.
- Picard O.* 1985: Thasos et la Macédoine au IVe et au IIIe siècle // CRAI. 129, 4, 761 — 776.
- Picard O.* 1987: L'administration de l'atelier monétaire a Thasos au IVe siècle // RN. 6, 29, 7-14.
- Picard O.* 1989: Innovations monétaires dans le Grece du IVe e siècle // CRAI. 133, 3, 673-687.
- Picard O.* 1990: *Picard O.* 1990a. Le monnayage de Thasos // NX. 9, 15-22.
- Picard O.* 1998: La valeur des monnaies grecques en bronze // RN. 6, 153, 7-18.
- Picard O.* 2001: Thasos et sa monnaie au IIe siècle : catastrophe ou mutation // Recherches recentes sur le monde hellénistique. Actes du colloque international organisé à l'occasion du 60e anniversaire de Pierre Ducrey (Lausanne, 20-21 novembre 1998) / Régula Frei-Stolba et Kristine Gex (eds.). Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Main; New York; Oxford; Wien, 281-292.
- Picard O.* 2011: La circulation monétaire dans le monde grec : le cas de Thasos // Nomisma. La circulation monétaire dans le monde grec antique. Actes du colloque international, Athènes, 14-17 avril 2010 / Th. Faucher, M.-C. Marcellesi, O. Picard (éds.). Athenes, 79-109.
- Prokopov I.* 2006: Die Silberprägung der Insel Thasos und die Tetrachmen des „Thasischen Typs“ vom 2.–1. Jh. v. Chr. Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften, Griechisches Münzwerk. Berlin.
- Psoma S.* 2001: Olynthe et les Chalcidiens de Thrace: études de numismatique et d'histoire. Stuttgart.
- Psoma S., Karadima C., Terzopoulou D.* 2008: The Coins from Maroneia and the Classical City at Molyvoti (A Contribution to the History of Aegean Thrace) // ΜΕΛΕΤΗΜΑΤΑ. 62, Athens.
- Schönert — Geiss E.* 1987: Die Münzprägung von Maroneia // Griechisches Münzwerk. Schriften zur Geschichte und Kultur der Antike. 26, Berlin.

Таблица 1. Медные монеты Фасоса (1–4) и Абдеры (5) IV–I в. до н.э.

Таблица 2. Монеты Фасоса с контрамаркой «букраний» (1–4).

COUNTERMARKS ON THASIAN COINS OF THE 5th — 1st CENTURIES BC.
PART I. COUNTERMARKS ON THASIAN BRONZE COINS

V. K. Peshekhonov

The paper deals with the countermarks on bronze coins of Thasos. The author considers the basic groups of countermarks which are divided into two periods. The first period is dated to the end of the Vth century BC, the second one belongs to the 2nd — 1st centuries BC. The author puts an emphasis on the complex of Aquae Calidae (Burgas) and the Strashimir Hoard (CH IV 79).

Key words: Thasos, countermarks, bronze coins, Thrace, coin circulation

© 2015

В. Г. Зубарев, Д. Ю. Пономарёв, А. В. Никитаев

НОВЫЙ СКЛЕП ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ ИЗ НЕКРОПОЛЯ
ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ»*

В статье впервые публикуются материалы раскопок нового склепа позднеантичного времени из некрополя городища «Белинское» в Восточном Крыму. Авторы подробно рассматривают конструктивные особенности склепа, характеризуют погребальный инвентарь и антропологический материал. Особое внимание уделяется индивидуальным особенностям на костях скелета и, в частности, боевой травме (ранение стрелой) и случаю захоронения трупа человека, извлечённого из морского водоёма. Комплексный анализ материала из нового склепа позволяет связать это погребение с известными по данным письменной традиции (Зосим) событиями в Северном Причерноморье в конце первой четверти IV в. н.э.

Ключевые слова: Восточный Крым, некрополь городища «Белинское», вырубной склеп с коротким дромосом, погребальный инвентарь, антропологический анализ, Зосим

Некрополь городища «Белинское» расположен в Восточном Крыму на Керченском полуострове, в 1,5 км к югу от с. Белинское Ленинского района Республики Крым, в 600 м к востоку от городища. Площадь некрополя около 8 га.

Памятник открыт в 2003 г. по следам грабителей¹. Могильник расположен на возвышенности. Систематические раскопки ведутся с 2005 года. За это время

Зубарев Виктор Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического института им. Л. Н. Толстого. E-mail: parosta@mail.ru

Пonomарёв Денис Юрьевич — врач, судебно-медицинский эксперт Крымского республиканского учреждения «Бюро судебно-медицинской экспертизы». E-mail: parosta@mail.ru

Никитаев Алексей Владимирович — врач, судебно-медицинский эксперт Крымского республиканского учреждения «Бюро судебно-медицинской экспертизы». E-mail: Nikitayev@gambler.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 14-06-90403 «Исследование грунтовых античных некрополей Западного и Восточного Крыма при помощи магниторазведки».

на двух участках некрополя («Центральный» и «Южный») раскопано 41 погребальное сооружение, в их числе 21 склеп и 20 грунтовых могил с перекрытиями и без таковых. Все исследованные склепы расположены на центральном участке некрополя. Они вытянуты в несколько рядов в восточном и северо-восточном направлениях от городища в сторону степи.

Из 21 склепа 19 относятся к типу вырубных склепов с коротким дромосом с различными конструктивными особенностями и 2 — к типу вырубных склепов с искусственным полуциркульным перекрытием погребальной камеры.

В истории некрополя можно чётко выделить два хронологических периода, рубежом между которыми служат события середины — третьей четверти III в. н.э.² К первому периоду относятся склепы с искусственным полуциркульным перекрытием погребальной камеры и подавляющее большинство грунтовых погребений. Ко второму периоду относятся все вырубные склепы с коротким дромосом. Такое явно выраженное изменение в конструкции погребальных сооружений, на наш взгляд, свидетельствует о смене этнического состава населения городища или, по крайней мере, о включении в прежний состав населения довольно многочисленной новой этнической группы.

Новый склеп (склеп № 22) был выявлен и исследован на центральном участке некрополя после предварительного проведения магниторазведки³. Обнаруженная в ходе неё аномалия соответствовала заполнению могильной ямы, вырубленной в материковом грунте жёлтого ракушечника. Следов современных грабительских раскопок на уровне дневной поверхности не было. Склеп был ограблен в древности.

Конструктивно вновь выявленный склеп относится к типу вырубных склепов с коротким дромосом. Аналогичные по конструкции склепы известны в Предгорном Крыму (Могильники Нейзац, Дружное, Инкерман и др.)⁴. В первые века н. э. они становятся доминирующими и на некоторых могильниках Восточного Крыма, в частности на Илуратском плато. В. А. Хршановский, опираясь на типологию боспорских склепов Е. А. Савостиной, определяет такие склепы как склепы-катакомбы⁵. Их отличают входные ямы, прямоугольные или трапециевидные в плане, не заполненные камнями короткие дромосы, входы в которые закрывались крупными каменными плитами, и прямоугольные или трапециевидные в плане погребальные камеры с коробовым (полуциркульным) сводом. Традиция строительства подобных склепов связана с Северным Кавказом, а их доминирование на некрополе городища «Белинское» начиная с последней четверти III в. н.э. свидетельствует о присутствии в составе населения выходцев с Северного Кавказа, скорее всего алан⁶.

Особенностями склепа № 22 (рис. 1) из раскопок некрополя городища «Белинское» являются глубокая входная (могильная) яма, отсутствие лежанки и отнесенная небрежностью строителей при сооружении погребальной камеры.

¹ Зубарев, Ланцов 2006, 316–339.

² Зубарев, Пономарёв, Ефимёнок 2014, 254–255.

³ Работы по магниторазведке на некрополе выполнены С. Л. Смекаловым.

⁴ Храпунов 2004, 138, 148.

⁵ Хршановский 2012, 526.

⁶ Зубарев 2009, 176, 178.

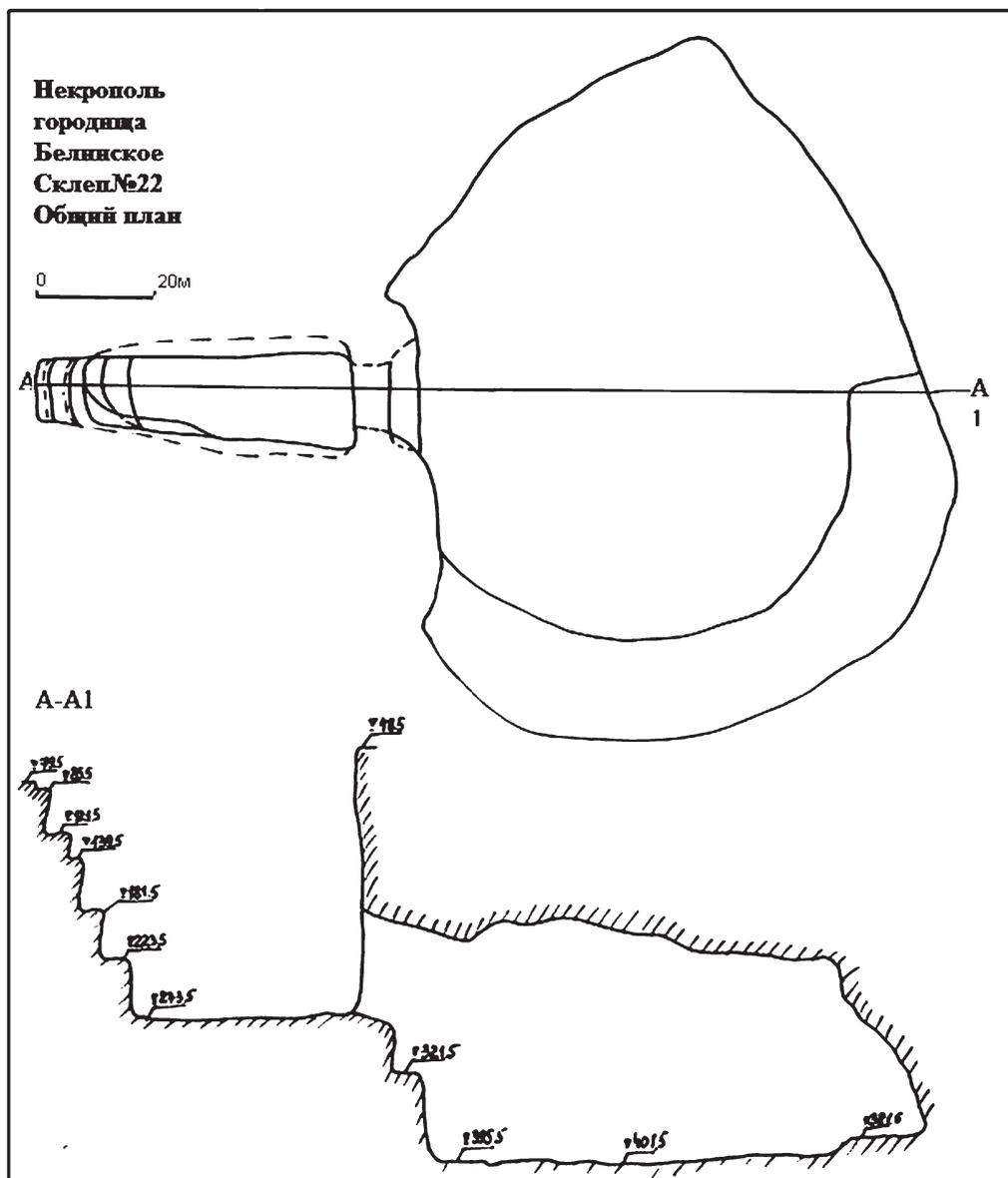

Рис. 1. План и разрез склепа № 22 (некрополь городища «Белинское»).

Входная (могильная) яма трапециевидной формы, расширяющаяся в сторону дромоса. Ориентирована по оси СЗ–ЮВ. Ширина со стороны дромоса — 0,52 м, со стороны противоположной дромосу — 0,77 м. Длина — 2,68 м. Могильная яма расширяется ко дну, ширина которого — 1,06 м. В дальней от дромоса части имеются ступени (0,55x0,2 м). Глубина могильной ямы — 2,78 м. У входа в дромос обнаружена закладная плита (1,3x0,8 м).

Грунт заполнения могильной ямы — жёлто-коричневый суглинок с примесью большого количества расколотого жёлтого ракушечника. Материал из грунта заполнения представлен лишь незначительными фрагментами стенок гончарной и лепной посуды.

Дромос представляет собой короткий сводчатый коридор длиной 0,48 м. Высота входного отверстия — 0,9 м, ширина — 0,69 м. Пол дромоса на 0,2 м ниже уровня дна могильной ямы. Входное отверстие дромоса было полностью заполнено грунтом, аналогичным грунту заполнения могильной ямы, с понижением в сторону погребальной камеры. Никаких находок в грунте заполнения дромоса не обнаружено.

Погребальная камера подовальной формы, потолок полуциркульный, неровный, слоистый. Пол имеет уклон в сторону дромоса и ниже уровня основания дромоса на 1,2 м. Соединён с дромосом ступенькой. Расстояние между дромосом и задней стенкой камеры — 3,98 м, между боковыми стенками — 5,08 м. Высота камеры у дромоса — 1,85 м, у задней стенки — 1,51 м. Лежанка в камере отсутствует. Возможно, небольшие выступы пола в дальней от дромоса части камеры являются не доделанной до конца лежанкой. На стенах камеры имеются глубокие трещины.

Грунт заполнения камеры — жёлто-коричневый суглинок с примесью большого количества средних и мелких камней жёлтого ракушечника, отколовшихся от свода камеры. Заполнена была камера по всей площади пола с понижением к дальней от дромоса стене. Максимальная мощность заполнения со стороны дромоса — 0,7 м.

Антропологический материал различной степени сохранности извлечён из переотложенного грунта заполнения погребальной камеры и представлял собой перемес, сосредоточенный преимущественно вблизи дромоса. Длинные трубчатые кости и плоские кости фрагментированы, представлены множеством мелких и крупных осколков. Намного лучшая сохранность у коротких трубчатых и мелких губчатых костей. Кости в состоянии полной минерализации, поверхность скола светло-серого цвета. В просвете костномозговой полости разрушенных костей определяются только балки губчатого костного вещества. Поверхность кортикального и компактного вещества с множеством хаотически расположенных поверхностных и сквозных трещин.

В ходе исследования материала применены как классические антропологические методики⁷, так и методики, используемые в судебно-медицинской криминалистике при изучении скелетированных трупов. Половая и возрастная принадлежность костей определялась по надколеннику, плечевой и бедренной костям⁸.

Для определения количества индивидов и половозрастного состава погребенных был применен метод судебно-osteологической сортировки. На первом этапе отделялись длинные трубчатые кости и надколенники, среди которых были выделены парные. Затем производилось определение половой и возрастной принадлежности индивидов. На основании полученных данных удалось установить, что в склепе № 22 было захоронено 5 человек: ребёнок в возрасте 5–7 лет (индивид №1), мужчина в возрасте 43–53 лет (индивид № 2), мужчина в возрасте

⁷ Алексеев 1966, 1–248.

⁸ Пашков, Резников 1978, 1–316; Колесников 1980, 1–5.

20–30 лет (индивид № 3), мужчина в возрасте 50–60 лет (индивид № 4) и мужчина в возрасте 33–38 лет (индивид № 5).

На костях, извлеченных из склепа № 22, выявлены уникальные особенности, отображающие как прижизненные, так и посмертные состояния тела человека.

Ранение стрелой — одна из самых известных для палеопатолога травм человека. И это не случайно, поскольку лук приспособлен для метания стрелы, составной (головной) частью которой является наконечник, изготовлявшийся в разные эпохи из кости, кремня, бронзы и железа. Если в момент внедрения в тело человека или животного он был плотно фиксирован в кости, то, как правило, археолог, палеозоолог или палеопатолог его обнаружат.

Не явился исключением и некрополь городища «Белинское». Среди разрозненного антропологического материала из склепа № 22 обнаружен 5-й поясничный позвонок с фиксированным в нем наконечником стрелы (рис. 2). Он изготовлен из железа, трехлопастной, длиной 36 мм и шириной 12 мм, плотно фиксирован между заднелевой поверхностью тела и нижним левым суставным отростком 5-го поясничного позвонка. Острие наконечника направлено по отношению к сагиттальной плоскости позвонка спереди назад и слева направо под углом около 60° , а в горизонтальной плоскости снизу вверх и слева направо под углом около $10\text{--}12^\circ$ (измерение производилось транспортером на бумаге с проекционной схемы).

По схеме А. М. Хазанова обнаруженный наконечник относится ко второму типу, вариант 2⁹. Это наиболее распространённый в первые века н. э. у сармат Северного Причерноморья тип наконечников стрел¹⁰, однако имеющаяся в настоящее время классификация наконечников не позволяет датировать его в более узких рамках.

Для уточнения локализации наконечника в позвонке была произведена рентгенография позвонка в горизонтальной (снизу) и фронтальной (слева) проекциях (доза 0,2 mSv, режим 48 kV, 0,16 sec)¹¹ (рис. 3–4). Судя по локализации наконечника и направлению его продольной оси и острия, стрела проникла в брюшную полость в левой паховой области живота. 3-D-моделирование направления полета стрелы на момент ее внедрения

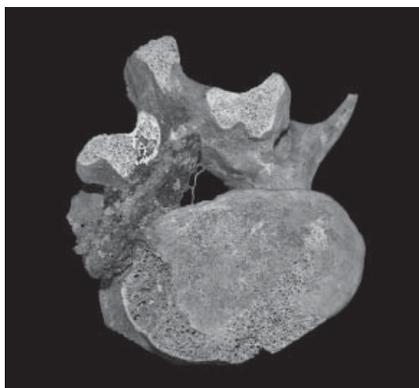

Рис. 2. Пятый поясничный позвонок с фиксированным в нем наконечником стрелы (вид снизу).

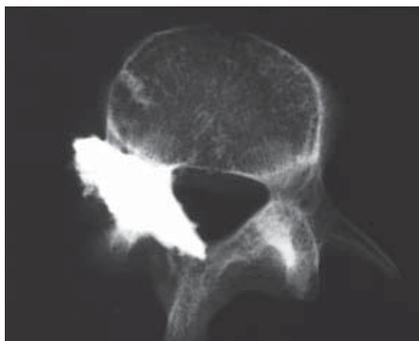

Рис. 3. Рентгенограмма 5-го поясничного позвонка с наконечником стрелы (вид снизу).

⁹ Симоненко 2009, 98, рис. 67.7.

¹⁰ Симоненко 2009, 100.

¹¹ Рентгенография выполнена лаборантом Бас Т. Н.

Рис. 4. Рентгенограмма 5-го поясничного позвонка с наконечником стрелы (вид слева, заднебоковая проекция).

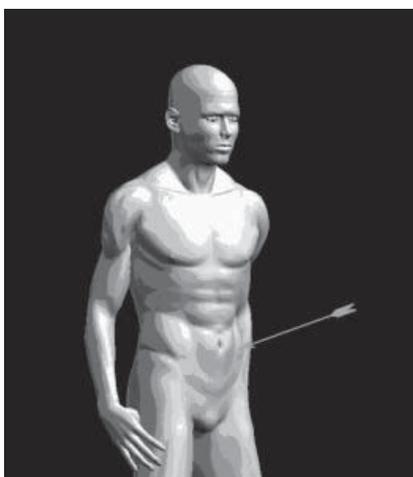

Рис. 5. 3-Д модель мужчины. Графическая и пространственная реконструкция внедрения стрелы в тело.

в тело было осуществлено с помощью компьютерной программы Poser 7 (рис. 5). Затем по ходу раневого канала были повреждены толстый и тонкий кишечник, левая общая подвздошная артерия (*a. iliaca communis sinistra*) с полным ее пересечением (рис. 6). В итоге, проникнув в забрюшинное пространство, наконечник стрелы внедрился в спинномозговой канал в пояснично-крестцовом отделе позвоночника и травмировал терминальную нить спинного мозга (*filum terminale*), которая представляет собой его атрофированную нижнюю часть¹².

В соответствии с современной судебно-медицинской классификацией эта травма была бы определена так: открытое проникающее слепое колотое ранение живота с повреждением по ходу раневого канала левой общей подвздошной артерии и терминальной нити спинного мозга, с развитием массивного внутрибрюшного кровотечения, осложнившегося острым малокровием внутренних органов.

Несомненно, именно травма левой общей подвздошной артерии и послужила причиной смерти. Тем более, наш опыт подсказывает, что ранения с подобной локализацией (будь то острым предметом или огнестрельное) у современного человека в 100% случаев приводят к смерти.

Кому из индивидов, похороненных в склепе № 22, принадлежал этот позвонок? Для выяснения этого вопроса были применены медико-криминалистические методики.

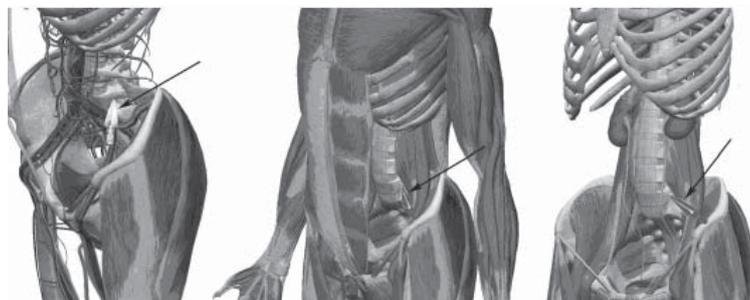

Рис. 6. 3-Д анатомическая модель тела человека. Показано направление внедрения стрелы и анатомические образования, поврежденные по ходу раневого канала.

¹² Боянович, Балакирев 2005, 559–563

В первую очередь было произведено определение половой принадлежности в соответствии с методикой Д. Д. Джамолова¹³.

Таблица 1. Определение половой принадлежности индивида с наконечником стрелы в позвонке.

диагностический параметр	размер, мм	показатель принадлежности к половой группе
задняя высота тела	28	практически достоверный мужской
средняя высота тела	26	вероятный мужской
средний сагиттальный диаметр тела	38	практически достоверный мужской
верхняя ширина тела	57	вероятный мужской
расстояние между нижними суставными отростками	54	вероятный мужской
половая принадлежность — мужчина		

Далее также с использованием методики Д. Д. Джамолова был определён биологический возраст мужчины.

Таблица 2. Определение возраста индивида с наконечником стрелы в поясничном позвонке.

Контур тела позвонка четкие, при виде в профиль углы тупые.
Лимбус синостозирован. На лимбусе имеются участки уплощения.
По краю отростков и тела заметны слабо развитые остеофиты.
Радиальная исчерченность на краниальной и каудальной поверхностях тела отсутствует
Биологический возраст 30–39 лет

Таким образом, если один индивид из склепа № 22 ребенок, а остальные — мужчины в возрасте менее 30 или же более 40 лет, следует полагать, что поврежденный наконечником стрелы позвонок принадлежал мужчине в возрасте 32–39 лет (по усредненным данным), то есть индивиду № 5.

Ранение стрелой, тем более когда она обнаружена, — редкая находка для палеопатолога. Тем не менее, в научной литературе мы встретили несколько десятков случаев этой травмы, выявленной в различных географических регионах на костях человека из погребений, датируемых от эпохи мезолита до средневековья. В качестве примера приведём некоторые из них:

горная часть Восточного Алтая, на р. Ян-Уланган. Афанасьевская культура. Грудной позвонок. Ранение кремниевым наконечником стрелы. Раскопки С. И. Руденко¹⁴;

Красноярский край, Хакасский АО. Конец неолитической эпохи Сибири (II тыс. до н.э.). Пяточная кость. Ранение кремниевым наконечником стрелы. Раскопки М. П. Грязнова¹⁵;

¹³ Джамолов 1978, 3–28.

¹⁴ Рохлин 1965, 62.

¹⁵ Рохлин 1965, 62–63.

Латвия, р-н оз. Буртниеку. Неолит. Грудной позвонок и подвздошная кость. 4-хкратное ранение кремниевым наконечником стрелы. Раскопки Ф. Загорски-са¹⁶;

— Россия, г. Кисловодск, Крестовая гора. Середина I тыс. до н.э. Ключица. Ранение бронзовым наконечником стрелы. Раскопки Е. И. Крупнова и А. А. Иес-сена¹⁷;

— Крым. Симферопольский р-н. Около быв. с. Нейзац. Конец железного века. Малая берцовая кость. Ранение бронзовым наконечником стрелы. Раскопки В. В. Лоренца (датировка погребения сомнительна, поскольку «раскопки» проводил сам Лоренц, имевший медицинское образование)¹⁸;

— Крым. Побережье Азовского моря. Некрополь Салачик II. 2-я пол. IV–III вв. до н.э. Левая локтевая кость. Ранение медным трехгранным втульчатым наконечником стрелы. Раскопки А. А. Масленникова¹⁹;

— Грузия, Хашурский р-н. Поясничный позвонок. VII–VI вв. до н.э. Ранение бронзовым наконечником стрелы. Автор раскопок не указан²⁰.

Этот список аналогий можно продолжить, однако случаев ранения древнего человека стрелой с железным наконечником в доступной русскоязычной палеопатологической литературе мы не встретили.

Не менее интересным оказался и **случай захоронения трупа человека, извлечённого из морского водоёма.**

Для судебной медицины как науки трупные признаки являются основополагающим понятием, поскольку правильно определив и оценив их, можно достаточно точно, хоть и с некоторым приближением, высказаться о давности наступления смерти. Конечно, для ранних трупных явлений это определение более достоверно. Но есть и поздние трупные явления, такие как гниение, мумификация, жировоск и известное всем археологам торфяное дубление. Оно характерно для болот и заболоченной местности Северной Европы и Скандинавии, где обнаружены практически в целом виде сохранившиеся трупы древних людей. Но есть еще один вид поздних трупных явлений — разрушение тела трупа животными, птицами, насекомыми или вследствие воздействия каких-либо механических факторов. Одним из них и являются морские животные. Наличие на костях скелета раковин моллюсков указывает на факт пребывания тела в морской воде, и комплекс этих признаков работает в случаях извлечения тел из водоемов, тем более если они находятся в стадии практически полного разложения. Думаем, что столь «специфическое» вступление необходимо для понимания и оценки излагаемого материала.

В русскоязычных научных работах по палеопатологии статей и сообщений с подобной тематикой, насколько нам известно, не существовало. Наверное, стартом в обосновании этой научной темы явился случай обнаружения скелета человека в склепе могильника Джург-Оба, расположенном недалеко от г. Керчь у берега Черного моря (автор раскопок А. Л. Ермолин). Хотим коротко изложить

¹⁶ Дэрумс 1980, 64–68.

¹⁷ Бобин 1957, 3–8.

¹⁸ Лоренц 1935, 23–25.

¹⁹ Бужилова, Масленников 2000, 212–213.

²⁰ Пирпилашвили 1974, 21.

научную суть опубликованного материала. В склепе № 11, датируемом VI в. н.э., был обнаружен надколенник, который по форме в профиль напоминал клин, обращенный острием вперед. При этом поверхность дефекта была зашлифована. В судебной медицине этот признак известен и имеет свой эпоним — «Признак Понсольда». Он отмечается на трупах, которые долго пребывали в воде, а именно в прибрежной полосе и обязательно в условиях постоянного или же периодического волнения, которое обуславливает возвратно-поступательное движение тела. В результате этого кости соприкасаются с твердой шероховатой поверхностью дна (песок и пр.) и подвергаются стиранию, изменяя свой внешний вид. Также в нашей статье было сделано предположение о возможности выявления на древних костях другого важного признака, который мы, как судебные медики, часто видим на современных трупах, достаточно долго пребывавших в водоеме, особенно в морской воде. Это прикрепление к костям скелета труп моллюсков и других мелких морских животных²¹. Изучение костей из нового склепа некрополя городища «Белинское» полностью доказывает это предположение.

Среди костей в склепе № 22 был обнаружен фрагмент правой лучевой кости длиной 172 мм, включающий дистальный эпифиз (рис. 7). Диафиз и эпифиз кости массивные, межкостный гребень резко выражен и заострен. Данные признаки указывают на принадлежность кости скелету человека мужского пола. Суставная запястная поверхность дистального эпифиза без краевых остеофитов, а на поверхности локтевой вырезки отмечаются следы эпифизарной щели в виде желобовидной выемки, что указывает на возраст индивида порядка 20–25 лет. Это говорит о том, что кость могла принадлежать индивиду № 3.

На задней и задней наружной поверхности шиловидного отростка дистального эпифиза, а также задней поверхности диафиза локализируются плотно фиксированные с костью бесформенные напластования каменной плотности, буровато-коричневого оттенка, с кораллоподобной поверхностью, высотой 5–8 мм. Напластования четко очерчены и имеют вид отдельных островков. При эпимикроскопическом исследовании (микроскоп МБС при увеличении $\times 16$ – $\times 56$) на поверхности напластования определяется множество «вмурованных» мелких осколков раковин моллюсков и песка. Остальную часть задней поверхности диафиза покрывают такие же образования в виде аналогичных мелких, хаотично расположенных напластований размерами от 1х2 мм до 3х4 мм. Все они представлены карбонатами (при нанесении капли уксусной кислоты на объект происходит эффект «вскипания» — образование множественных пузырьков).

Рис. 7. Фрагмент правой лучевой кости со следами долговременного пребывания в морской воде.

²¹ Пономарёв 2004, 186–195.

На поверхности карбонатно-известкового напластования на шиловидном отростке дистального эпифиза видна часть раковины моллюска, которая была фрагментирована в горизонтальной плоскости. Визуально она представлена образованием округлой формы, диаметром 3,5 мм, со спиралевидной структурой в виде трех завитков, которые четко определяются как отдельные, выступающие гребневидные структуры — стенки перламутрово-белого цвета. Фрагмент раковины моллюска вершиной конуса углубляется в толщу известкового напластования и плотно в него «вмурован».

Благодаря научному сотруднику Лаборатории охраны среды Черного и Азовского морей Южного НИИ рыбного хозяйства и океанографии (г. Керчь) А. С. Терентьеву была определена типовая и видовая принадлежность моллюска. Оказалось, что это черноморская улитка верша (*Nassa reticulata*). Она широко известна рыбакам Черного и Азовского морей под разными местными названиями: кто ее называет ракушкой, а кто червем или пиявкой, поскольку она причиняет большой вред, затрудняя рыболовство в тех местах, где таких улиток особенно много. Эта улитка достигает размеров 20–30 мм и обладает очень красивой светло-желтой раковиной со спиральными бороздками. Питается она как хищник. Наблюдения показали, что этот моллюск различно относится к соленому и свежему мясу: первое он съедает гораздо быстрее, нежели свежее, к которому приступает только тогда, когда оно начинает раскисать²².

Такое пищевое поведение этих моллюсков очень ярко характеризует возможную картину происходившего с трупом мужчины из склепа № 22. Конечно же, мы не знаем причину попадания его в морскую воду, но дальнейшая картина вполне вырисовывается. Тело трупа достаточно долго (порядка 2–3 месяцев) находилось в морской воде. Оно было частично скелетировано, а часть мягких тканей, находящихся в стадии гнилостной трансформации, привлекла улиток, которые и прикрепились к телу. В дальнейшем, после обнаружения, тело было перемещено и захоронено в склепе, где также высока концентрация карбонатов (известняк). Поэтому конгломерат гнилостно измененных мягких тканей с улиткой подвергся петрификации с образованием карбонатно-известковых структур, в которых и была замурована раковина улитки.

Но не только улитка верша обнаружена на этом небольшом фрагменте кости. Также благодаря определению А. С. Терентьева на поверхности диафиза этой же лучевой кости обнаружены петрификаты кольчатых червей.

На задней поверхности диафиза лучевой кости расположены множественные, плотно фиксированные к кортикальному костному веществу объекты нитевидной-цилиндрической формы, длиной 4–8 мм, шириной 0,2–0,3 мм, представленные белесоватой, плотной, легко крошащейся структурой. Длинник этих образований прямолинейный или же волнообразный, а некоторые и вовсе имеют углообразную форму. Визуально они напоминают наслоившиеся на кость белесоватые волосы.

Каждому рыбаку известен червь под народным названием «лиманный червяк», которого используют в качестве наживки для лова кефали или пиленгаса.

²² Зенкевич 1968/2, 51–57.

Это и есть многощетинковые кольчатые черви, которые со временем подверглись петрификации.

Всего насчитывается более 5 тыс. видов многощетинковых червей. В основном они населяют соленые моря и океаны. Немногие приспособились к жизни в солоноватых водоемах, к которым относятся и Азовское море²³. Они особенно обильны в прибрежной зоне моря и немногочисленны на больших глубинах.

В поле зрения микроскопа «Olympus» BX 51 при рассмотрении петрификатов кольчатых червей четко определяются как целома (вторичная полость), так и параподии (боковые выросты тела), которые характерны для строения полихет.

Одна из особенностей этих червей в том, что они являются биолитами, то есть входят в состав группы обрастателей объектов, находящихся в море, участвуют в образовании морских осадочных пород. Поэтому они и были обнаружены на лучевой кости в виде петрификата-наслоения.

В целом особенность морфологии многощетинковых кольцецов, и в первую очередь их способность участвовать в образовании обрастаний на других объектах, подтверждает наше предположение о долговременном пребывании трупа мужчины в морской воде.

Ещё одним подтверждением тому может служить так называемый признак «Пансольда», о котором говорилось выше. Он был выявлен на одном из грудных позвонков. Порядковый номер его установить не удалось. На позвонке фиксируется обширный дефект костной ткани. Он представлен поперечными отростками, дугой, верхними суставными отростками, а также фрагментом тела. Суставная поверхность верхних суставных отростков гладкая, с заостренными краями, по кромкам которых остеоциты отсутствуют. Эти признаки соответствуют биологическому возрасту 20–30 лет, то есть позвонок также мог принадлежать индивиду № 3.

Тело позвонка представляет собой фрагмент клиновидной формы, высотой у основания 12 мм, при этом вершина клина направлена вперед и вверх. Плоскость дефекта тела позвонка переходит на дугу и нижние суставные отростки. Поверхность его ровная и представлена шлифом по всей площади, с обнажением ячеек губчатого вещества (рис. 8). Балки губчатого костного вещества тела позвонка разделены на одном уровне. Описанные морфологические признаки характерны для повреждения, возникшего в результате многократного возвратно-поступательного воздействия тупого предмета с преобладающей шероховатой

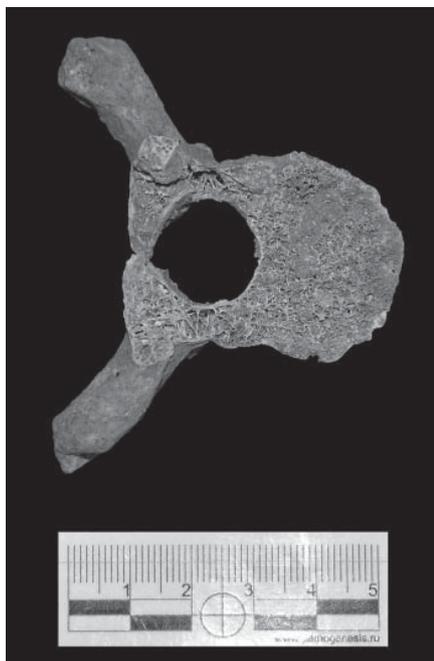

Рис. 8. Грудной позвонок с признаком «Пансольда».

²³ Зенкевич 1968/1, 473–483.

поверхностью. Это и есть признак «Понсольда». Он проявляется специфической шлифовкой костей скелета, за счет которой часть кости утрачивается («минус»-ткань), а поверхность дефекта становится гладкой. При этом создается впечатление, что кость искусственно обработана напильником или наждачной бумагой. В 1967 г. на эту особенность костей трупов, долго пребывавших в воде, обратил внимание судебный врач Понсольд (A. Ponsold)²⁴.

Необычна локализация дефекта. Понсольд описал этот признак на надколеннике; в некоторых случаях даже образуются обширные дефекты костей черепа²⁵. Также на надколеннике эти изменения были зафиксированы на могильнике Джург-Оба²⁶. По нашему мнению, уникальная локализация признака Понсольда на грудных позвонках связана с гнилостной трансформацией мягких тканей и деструкцией связочного аппарата позвоночного столба (передняя и задняя продольные, желтые связки). То есть на уровне поврежденного позвонка позвоночник был частично разъединен, и нижняя (каудальная) поверхность позвонка обнажилась и стала доступной для абразивного воздействия донных отложений.

Находки из грунта заполнения погребальной камеры, помимо останков погребённых, представлены немногочисленными фрагментами стенок и профилированных частей амфор, гончарной и лепной посуды, небольшими фрагментами изделий из стекла, несколькими фрагментами железных гвоздей, фрагментом лепной курильницы на ножке, граффити на стенке амфоры. Особо следует отметить фрагмент бусины цилиндрической формы из многоцветного стекла, округлую бусину из многоцветного стекла, бусину в виде четырнадцатигранника из стекла фиолетового цвета и бусину в виде четырнадцатигранника из глухого стекла синего цвета. Кроме того, найдены бронзовая пряжка овальной формы, бронзовый браслет со змеиной головкой, два фрагмента костяного гребня и костяная подвеска (клык кабана) (рис. 9–10).

Остановимся на характеристике отдельных находок из погребального инвентаря.

Бусина цилиндрической формы. Многоцветное стекло. Фрагмент (рис. 10, 1). Относится к типу 271 б по Е. М. Алексеевой в группе бус из многоцветного стекла с фестонобразными или пористыми орнаментами. Учитывая качество исполнения бусины (нити навиты рельефно, орнамент смазан), бусина из склепа № 22 относится к позднему варианту и может быть датирована II–IV вв. н.э., т. е. временем, когда эти бусы получают наиболее широкое распространение²⁷.

Бусина округлая. Многоцветное стекло (рис. 10, 2). Относится к типу 261 по Е. М. Алексеевой в группе бус из многоцветного стекла с фестонобразными или пористыми орнаментами. Данных для датировки нет²⁸.

Бусина в виде четырнадцатигранника. Стекло фиолетового цвета (рис. 10, 5) Относится к типу 135 по Е. М. Алексеевой²⁹. По А. А. Стояновой это тип 8³⁰.

²⁴ Матышев 1997, 142.

²⁵ Berg, Rolle, Seemann 1981, 121.

²⁶ Пономарёв 2004, 186–191.

²⁷ Алексеева 1978, 49.

²⁸ Алексеева 1978, 48.

²⁹ Алексеева 1978, 70.

³⁰ Стоянова 2004, 272.

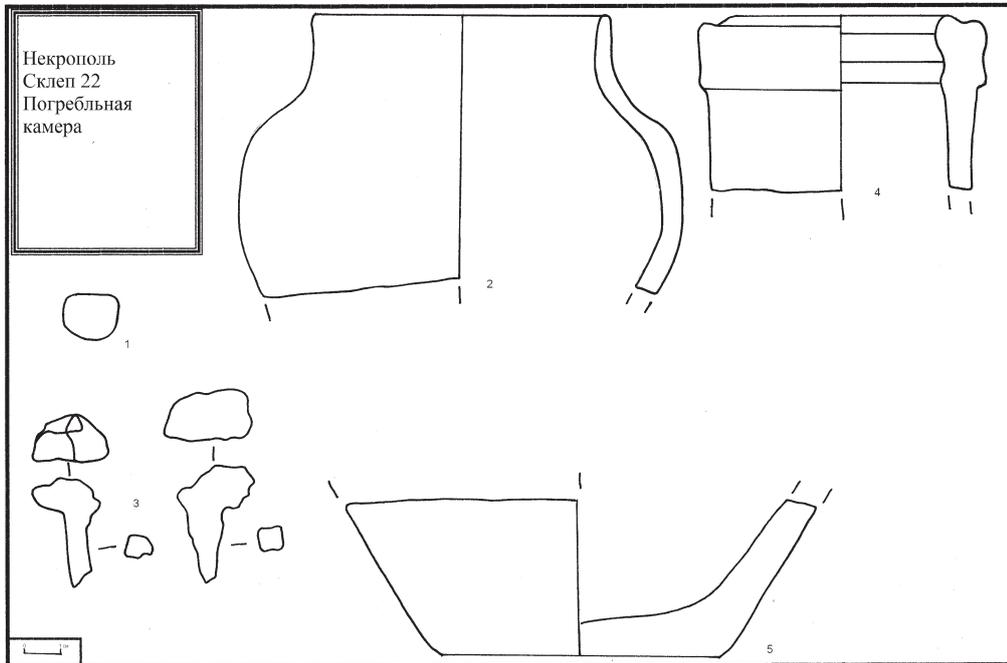

Рис. 9. Материал из грунта заполнения погребальной камеры склепа № 22.

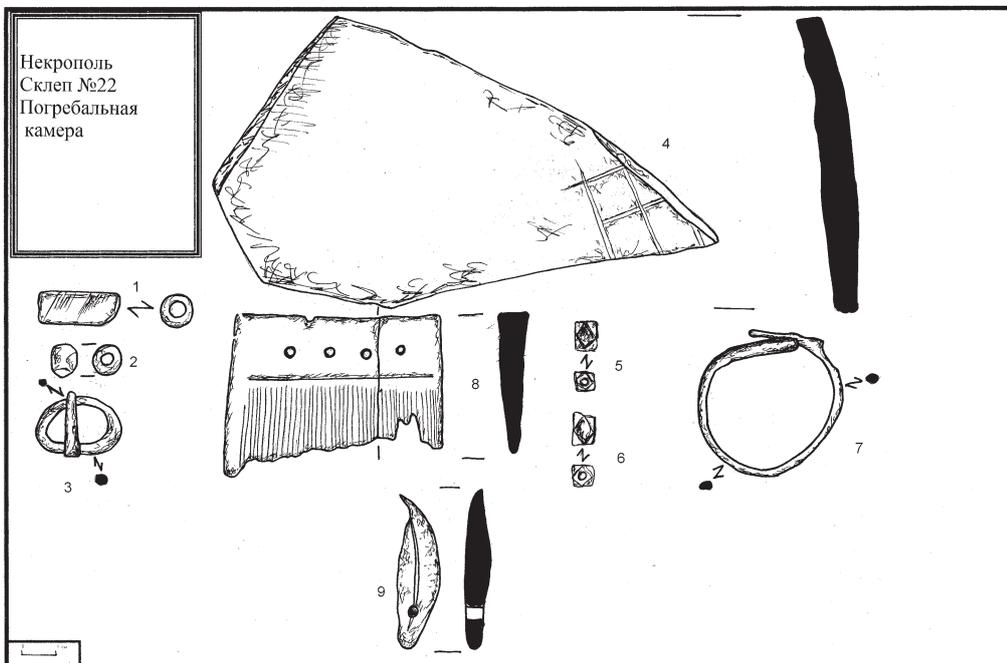

Рис. 10. Материал из грунта заполнения погребальной камеры склепа № 22.

Бусина в виде четырнадцатигранника. Глухое стекло синего цвета (рис. 10, 6). Бусина того же типа. Отличие только в цвете стекла. Такие бусины наиболее характерны для второй половины III–IV вв. н.э.³¹

Пряжка. Бронза (рис. 10, 3). Подобные пряжки широко встречаются в комплексах II–III вв. н.э. и доживают вплоть до раннего средневековья³².

Браслет со змеиной головкой. Бронза (рис. 10, 7). Подобные браслеты обычно датируются II–III вв. н.э. и имеют широкие аналогии. Встречаются они и в комплексах более раннего времени³³.

Гребень. Кость. Два фрагмента (рис. 10, 8). Гребень односторонний, соединялся заклёпками. Подобные гребни имели широкое распространение в Северном Причерноморье во II–IV вв. н.э.³⁴. Несколько фрагментов гребня известны и по находкам в грунте заполнения хозяйственной ямы на городище «Белинское», датируемой второй половиной III — первой половиной IV вв. н.э.³⁵

Подвеска. Кость. Клык кабана (рис. 10, 9). Аналогичная подвеска из правого клыка кабана бал найдена на городище «Белинское» в слое второй половины IV — первой половины V в. н.э.³⁶. Подвески из просверленных клыков и зубов животных довольно часто встречаются в Северном Причерноморье. Е. М. Алексеева относит их к типу 38, включающему несколько вариантов. Найденная в склепе № 22 подвеска соответствует варианту «а». Датируется он довольно широко: от IV–III вв. до н.э. до первых веков н.э.³⁷

Анализ найденных предметов из погребального инвентаря склепа № 22 позволяет предположить в качестве наиболее вероятного времени его функционирования период второй половины III — первой половины IV в. н.э. На это время приходится два периода нестабильности в истории городища. Первый из них связан с варварскими походами середины — второй половины III в. н.э., второй — с движением племён, живущих у Меотийского озера, о котором упоминает Зосим (Zosim. 11. 21) и которое датируется концом первой четверти IV в. н.э.³⁸

По крайней мере один из погребённых в склепе № 22 погиб в результате смертельного ранения стрелой, другой (даже если предположить, что он утонул в результате несчастного случая), прежде чем быть погребённым, длительное время оставался на отмели. Сам состав погребённых вызывает некоторые вопросы. Все исследованные к настоящему времени склепы, аналогичные и по времени, и по конструкции, были семейными. В них погребены и мужчины, и женщины, и дети³⁹. В новом склепе женские погребения отсутствуют. Сам склеп выполнен несколько небрежно, особенно это касается погребальной камеры. Один из склепов, расположенных рядом со склепом № 22, вообще оказался не доделанным до конца (отсутствует погребальная камера). Всё это так или иначе свидетельствует в пользу того, что по крайней мере часть погребений в новом склепе на некрополе

³¹ Стоянова 2004, 273.

³² Высотская 1994, 104.

³³ Высотская 1994, 112, табл. 18, рис. 18.

³⁴ Петерс 1986, 66–68, табл. XIII.

³⁵ Зубарев 2008, 242, рис. 5, 2.

³⁶ Зубарев 2008, 241, рис. 3, 3.

³⁷ Алексеева 1982, 32.

³⁸ Зубарев 2006, 187–189.

³⁹ Зубарев, Пономарёв 2009, 226–227.

городища «Белинское» было осуществлено в один из периодов нестабильности. Попробуем разобраться, в какой именно.

Определённую помощь в этом может оказать находка в грунте заполнения погребальной камеры нескольких фрагментов амфор типа «Делакеу» (рис. 9, 4). Амфоры этого типа доминируют на городище «Белинское» в слое разрушения рубежа первой-второй четверти IV в. н.э. Их нет в слое, предшествующем периоду варварских походов III в. н.э., и в слое разрушения на городище, относящемся ко времени этих походов. Крайне мало их и в слое, связанном с восстановительными работами на городище (последняя четверть III в. н.э.)⁴⁰. Логичным будет предположить, что появление амфор подобного типа на некрополе также можно отнести к первой четверти IV в. н.э., и, таким образом, погребение в склепе № 22 должно быть отнесено ко второму периоду нестабильности в истории городища.

Этот период оказался более разрушительным для населения городища «Белинское». Резко сократилась застроенная территория. Многие участки были заброшены и засыпаны мусором. Перестал использоваться и центральный участок некрополя. Во всяком случае, погребений позднее первой половины IV в. н.э. здесь пока не обнаружено.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П.* 1966: Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.
- Алексеева Е.М.* 1978: Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1–12.
- Алексеева Е.М.* 1982: Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1–12.
- Бобин В.В.* 1957: О доисторическом травматизме // Крымский медицинский институт. Труды. Т. XVIII / С. И. Георгиевский (ред.). Симферополь, 3–8.
- Боянович Ю.В., Балакириев Н.П.* 2005: Атлас анатомии человека. Ростов-на-Дону, Харьков.
- Бужилова А.П., Масленников А.А.* 2000: Военные травмы античного времени. О двух примечательных находках из Крымского Приазовья // ПИФК. VIII, 212–216.
- Высотская Т.Н.* 1994: Усть-Альминское городище и некрополь. Киев.
- Джамолов Д.Д.* 1978: Методические рекомендации об определении видовой, половой и возрастной принадлежности позвонков скелета взрослого человека. М.
- Дэрумс В.Я.* 1980: Рентгеноморфологическая характеристика травматических повреждений и ранений костей жителей древней Прибалтики // Архив патологии. Т. 42. Вып. 2 / Г. А. Франк (ред.). М., 64–68
- Зенкевич Л.А.* (ред.) 1968: Жизнь животных. Беспозвоночные. Т. 1–2. М.
- Зубарев В.Г.* 2006: Из истории Боспорского царства во второй половине III — начале V вв. н.э. // БИ. XI, 187–193.
- Зубарев В.Г., Ланцов С.Б.* 2006: Некрополь городища «Белинское» (предварительные результаты первых раскопок) // ДБ. 10, 316–339.
- Зубарев В.Г.* 2008: Изделия из кости с городища «Белинское» и его некрополя // ДБ. 12/1, 237–249.
- Зубарев В.Г.* 2009: К вопросу об этническом составе жителей сельских поселений Европейского Боспора в III — IV вв. н.э. (по материалам городища «Белинское» и его некрополя) // БЧ. X, 175–178.
- Зубарев В.Г., Пономарёв Д.Ю.* 2009: Антропологические материалы из погребений некрополя городища «Белинское» // ДБ. 13, 224–231.

⁴⁰ Зубарев, Шапцев 2014, 192.

- Зубарев В.Г., Пономарёв Д.Ю., Ефимёнок В.А.* 2014: Новый склеп с полуциркулярным перекрытием римского времени из раскопок некрополя городища «Белинское» // БИ. XXX, 248–269.
- Зубарев В.Г., Шапцев М.С.* 2009: Комплекс с амфорами типа С SNP I («Делакеу») из раскопок городища «Белинское» // БЧ. XV, 190–193.
- Колесников В.Л.* 1980: Информационное письмо об определении пола и возраста человека по надколеннику. М.
- Лоренц В.В.* 1935: О случае нахождения бронзовой стрелы в головке малой берцовой кости // Крымский государственный медицинский институт. Труды. Т. 1. / В.В. Бобин (ред.) Симферополь, 23–25.
- Пащикова В.И., Резников Б.Д.* 1978: Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам. Саратов.
- Петерс Б.Г.* 1986: Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Пирпилашвили П. М.* 1974: Палеоантропологические материалы по изучению болезней, повреждений и лечебных манипуляций в Древней Греции: автореф. дис. канд. мед. наук. Рига.
- Пonomарёв Д.Ю.* 2004: Особенности палеопатологического исследования антропологических материалов из некрополей приморских регионов (на примере азово-черноморского бассейна) // БИ. V, 186–195.
- Рохлин Д.Г.* 1965: Болезни древних людей. М.; Л.
- Матышев А.А.* (ред.) 1997: Руководство. Осмотр трупа на месте его обнаружения. СПб.
- Стоянова А.А.* 2004: Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // БИ. V, 263–319.
- Храпунов И.Н.* 2004: Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. VI, 1–239.
- Христановский В.А.* 2012: Склепы-катакомбы на Илуратском плато: типология, хронология, проблемы этнокультурной принадлежности // ДБ. 16, 526–547.
- Berg S., Rolle R., Seemann H.* 1981: Der Archäologie und Tod // Archäologie und Gerichtsmethodik / S. Berg (eds.). München und Luzern, 121–168..

NEW TOMB OF THE LATE ANTIQUE TIME FROM NECROPOLIS OF THE ANCIENT SETTLEMENT OF “BELINSKOE”

V. G. Zubarev, D. Y. Ponomaryov, A. V. Nikitayev

The article is the first publication of the materials from excavation of a new tomb of the late antique time in the ancient settlement of “Belinskoe” in the Eastern Crimea. The authors consider in detail the structural design of the vault and characterize funeral equipment and anthropological material. Special attention is paid to the individual peculiarities of the skeleton bones: the combat injury (arrow wound); the case of the burial of the corpse extracted from the sea. The complex analysis of the material from the new tomb allows us to associate this burial with the known, according to the written sources (Zosimus), events in the Northern regions near the Black Sea at the end of the first quarter of the 4th century AD.

Key words: The East Crimea, necropolis of the ancient settlement of “Belinskoe”, the cut out tomb with a short dromos, funeral equipment, anthropological analysis, Zosimus

© 2015

А. В. Антипенко

РЕКОНСТРУКЦИЯ СНАРЯЖЕНИЯ ВЕРХОВОГО КОНЯ III в. н. э. ИЗ МОГИЛЬНИКА НЕЙЗАЦ

В статье анализируется археологический материал из могилы №183 некрополя Нейзац. Основное внимание автор уделяет рассмотрению комплекта конского снаряжения. Среди находок представлены декоративные и функциональные элементы конской сбруи. Особый интерес представляют псалии, полные аналогии которым подобрать не удалось. Исходя из количественного состава и возможного функционального назначения элементов, предложен вариант реконструкции амуниции верхового коня. Комплекс датируется первой половиной III в. н.э. и в общих чертах вписывается в единый стилистико-морфологический ряд сбруйных наборов, характерных для позднесарматской культуры.

Ключевые слова: могильник Нейзац, погребальный обряд, снаряжение верхового коня, «всадническое сословие»

Грунтовый могильник Нейзац, расположенный в 15-20 км к востоку от Симферополя и в 1,0-1,5 км к юго-востоку от с. Баланово Белогорского р-на Республики Крым, занимает южную часть склона г. Ташлы-Баир. Начало исследованию памятника положил Н. Л. Эрнст: в 1927 году им были осуществлены первые раскопки. С 1996 г. по 2013 г. памятник планомерно исследуется экспедицией Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. За все время было исследовано 553 погребальных сооружения, которые относятся к среднесарматскому и позднесарматскому времени. Удила с псалиями относятся к категории массовых находок, реже встречаются полные комплекты уздечных принадлежностей.

Данная статья посвящена публикации амуниции верхового коня, обнаруженной в могиле № 183 некрополя Нейзац. Эта подбойная могила была ограблена в недавнее время. Прямоугольная в плане входная яма ориентирована с запада на восток (рис. 1). Ее размеры — 2,2 x 0,65 м, глубина 1,4 м. Овальный в плане подбой вырублен в северной стене входной ямы. Его размеры — 2,3 x 0,7 м. Пол подбоя расположен на 0,1 м ниже дна входной ямы. Переход оформлен в виде ступеньки. Подбой был отделен от входной ямы закладом из плит. От него сохранилась только западная часть. Совершенное в подбое погребение частично было уничтожено грабителями. *In situ* сохранились только кости ног в западной части могилы, судя по которым погребенный был положен на спину головой на восток. В ногах лежали железные удила с бронзовыми псалиями (рис. 1, 1) и другие детали конской сбруи (рис. 1, 2-10). У противоположной восточной стены подбоя, в голове погребенного, стоял краснолаковый кувшин (рис. 1, 11), рядом с которым находился нож (рис. 1, 12).

Антипенко Анна Витальевна — аспирантка кафедры Древнего мира и средних веков Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. E-mail: an.antipenko@yandex.ru

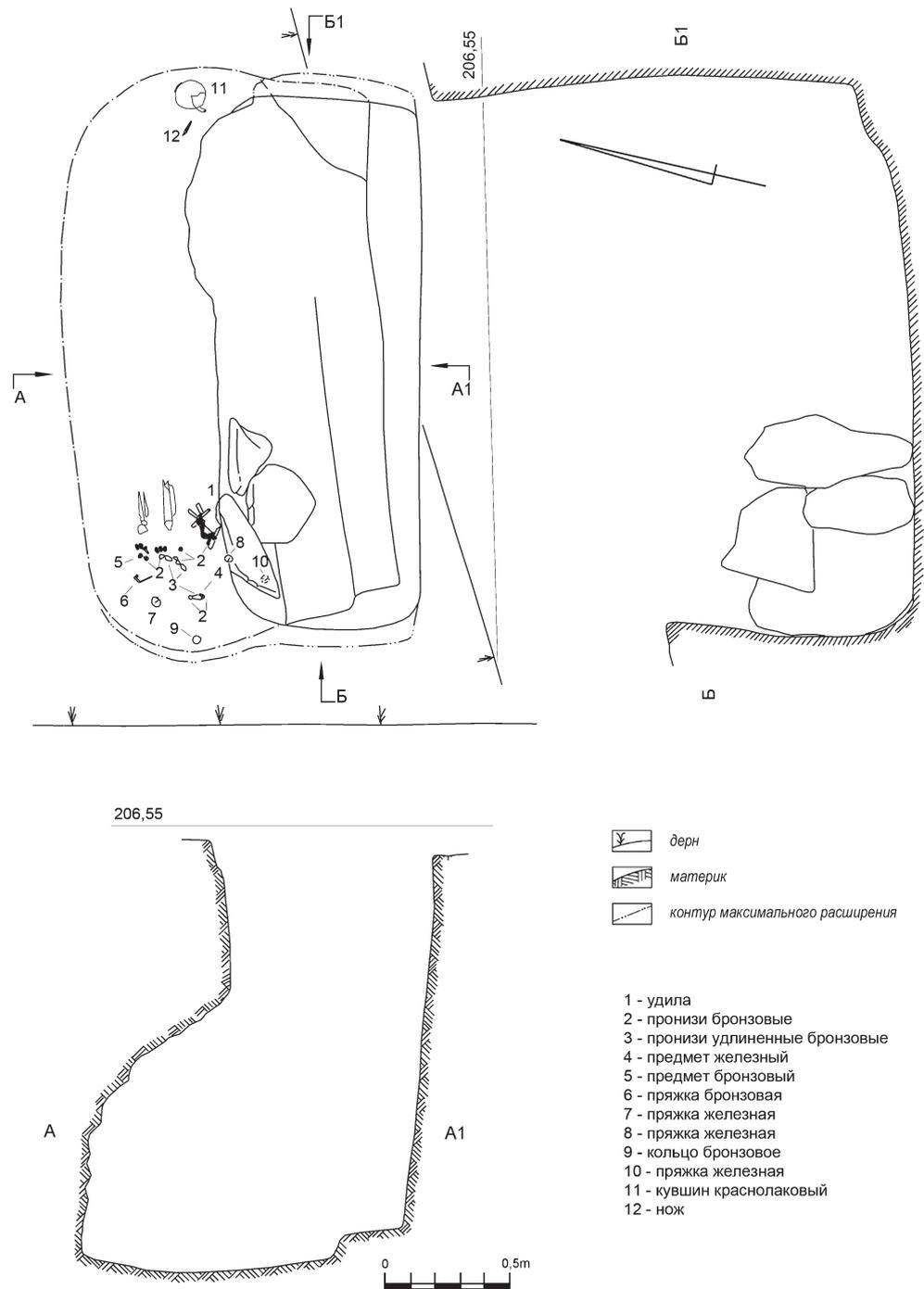

Рис. 1. Могила №183. План и разрез. Чертеж С.А. Мульда

Описание находок из могилы:

1. Удила железные, двучастные. Грызла прямые, в сечении округлой формы, приблизительный диаметр — 1,7 см. Длина звеньев удил — 9,4 и 10,2 см, они завершаются на концах петлями, в которые вставлены бронзовые кольца диаметром 3,5 см и стержневидные, круглые в сечении, конусовидно расширяющиеся к концам псалии с двумя прямоугольными петлями. В петли вставлены прямоугольные зажимы для ремней из согнутой вдвое пластины, крепившиеся к ремню с помощью двух заклепок. Один из зажимов имеет следы ремонта. На лицевой поверхности другого прочерчены поперечные линии, завершающиеся на концах стрелками (рис. 2).
2. Пряжка бронзовая с фигурной фасетированной рамкой, сегментовидная в плане в передней части и трапециевидная в тыльной, с осью для язычка и прямоугольным щитком из согнутой вдвое пластины, крепившейся к ремню с помощью двух заклепок. Язычок железный. Общая длина 8,4 см (рис. 3, 2).
3. Пряжка железная с рамкой сегментовидной формы, округлой в сечении, с подпрямоугольным в сечении язычком. Размер — 4,2 x 4,8 см (рис. 3, 9).
4. Пряжка железная с рамкой овальной формы, уплощенной в передней части и прогнутым язычком. Размер — 3,7 x 3,0 см (рис. 3, 5).
5. Пряжка железная с рамкой D-образной формы, круглой в сечении и слабо прогнутым язычком. Размер — 3,5 x 2,7 см (рис. 3, 6).
6. Предмет железный в форме кольца. Фрагментирован (рис. 3, 8).
7. Кольцо бронзовое, литое, граненое, ромбовидное в сечении. $D=3,3-3,4$ см (рис. 3, 4).
8. Пронизи бронзовые с ребристой поверхностью, украшенные вдоль каждой дольки врезными линиями. Длина — 1,2–1,4 см, $D=1,4-1,5$ см (рис. 3, 3), 9 экз.
9. Пронизи бронзовые бочковидные, продольно вытянутые, с ребристой поверхностью, украшенные вдоль каждой дольки врезными линиями. Длина — 2,6–2,8 см, $D=1,4$ см (рис. 3, 1), 3 экз.
10. Предмет бронзовый пластинчатый неправильной формы, близкой к сегментовидной, крепившийся к органической основе с помощью четырех гвоздиков. Размер — 2,1 x 1,7 см (рис. 3, 7).
11. Кувшин краснолаковый, одноручный, с грушевидным туловом, гиперболоидным горлом и низким кольцевым поддоном. Вертикальная, профилированная двумя желобками петлевидная ручка крепится под венчиком и к плечу (рис. 3, 11).
12. Нож железный, фрагментирован (рис. 3, 10).
13. Предмета бронзового пластинчатого фрагменты.
14. Предметов железных с остатками дерева фрагменты.

Главным компонентом амуниции верхового коня является уздечный комплекс, включающий удила и пару псалиев, сопряженные между собой определенным образом.

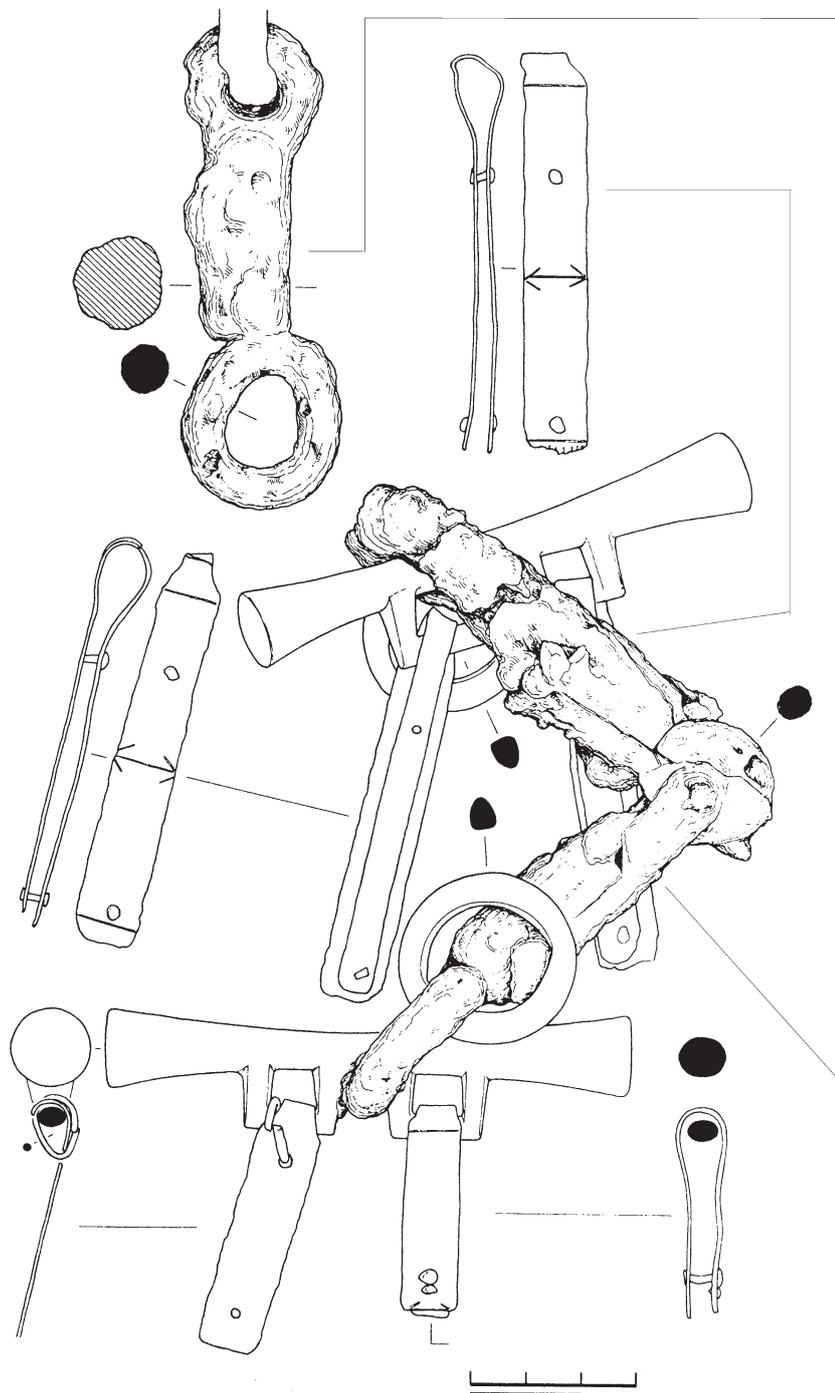

Рис. 2. Могила №183. Погребальный инвентарь. Удила и псалии. Рисунок С.А. Мульда.

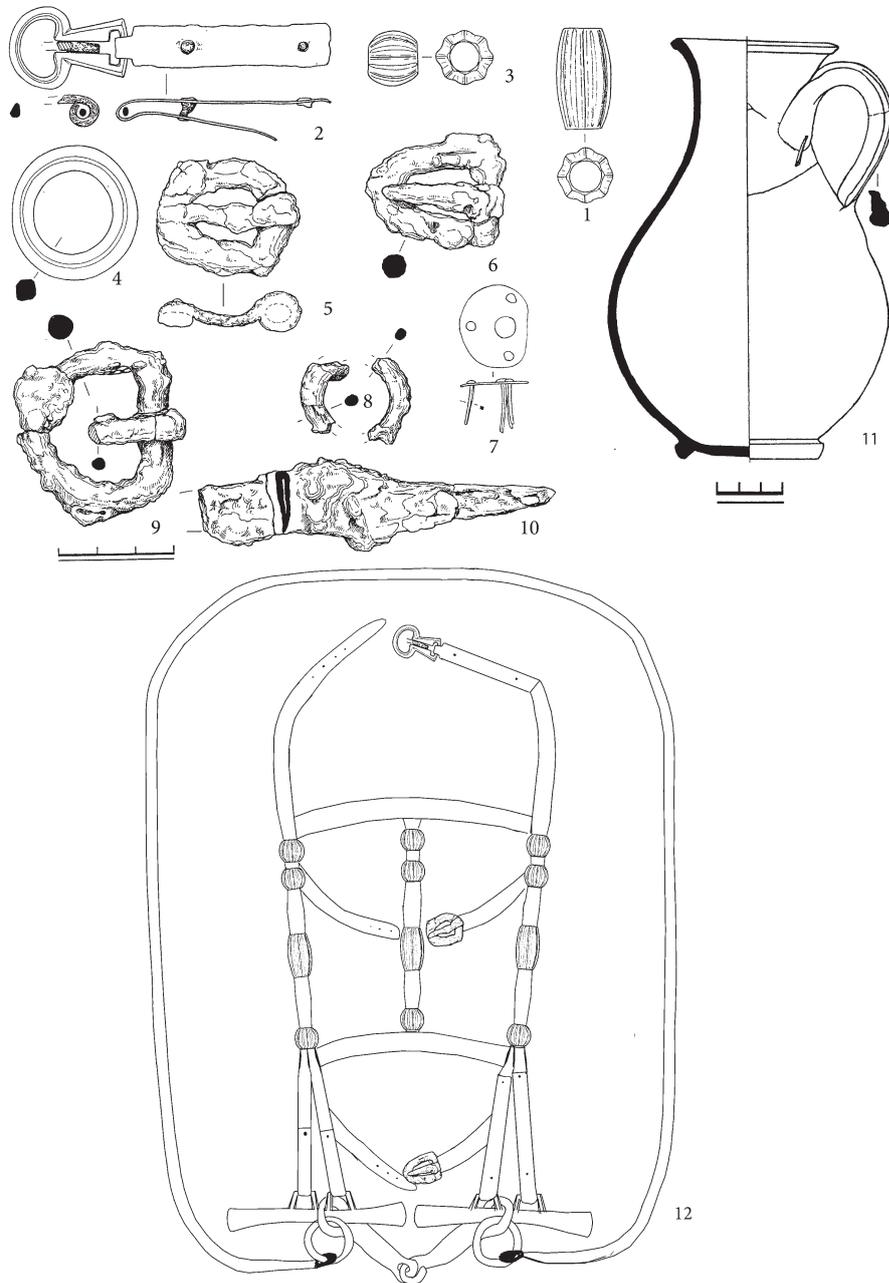

Рис. 3. Могила №183. Погребальный инвентарь. Рисунок С.А. Мульда:
 1, 3 — пронизи бронзовые; 2 — пряжка бронзовая; 4 — кольцо бронзовое; 5-6, 9 — пряжки железные; 7 — бляшка бронзовая; 8 — предмет железный в форме кольца; 10 — нож железный; 11 — кувшин краснолаковый; 12 — реконструкция оголовья. Рисунок автора.

Удила, обнаруженные в могиле № 183, относятся к наиболее распространенному на территории Северного Причерноморья в первые века нашей эры типу железных двухчастных с окончаниями грызл в виде петель¹.

Полную аналогию псалиям (рис. 2) из могилы №183 некрополя Нейзац подобрать не удалось. Наиболее близкими по конструкции являются псалии из склепа №4 (77) Чернореченского могильника. Исходя из описания, к железным удилам были прикреплены псалии, которые состояли из стержня длиной 8 см, расширяющегося к концам, к которым под прямым углом было неподвижно прикреплено по два зажима длиной по 5 см². В тексте указано, что рядом с удилами (или зажимами?) находилось кольцо. Поскольку удила фрагментированы, то судить о расположении кольца сложно. Зажимы закреплены таким образом, что исключается их использование для крепления повода. Вероятнее всего, либо он был прикреплен к петле грызл, либо кольцо (кольца), обнаруженное рядом с псалиями, служили именно для этих целей, и в таком случае сходство с нейзацкими псалиями становится большим. В. П. Бабенчиков датирует это погребение III в. н.э.³ В качестве датирующего материала приведены две бронзовые фибулы. Их изображения отсутствуют, но, насколько можно судить по приведенной аналогии, одна из них относится к «инкерманскому» типу и датируется 2-й пол. II–III в. н. э.⁴ Фибулы данного типа отнесены В. В. Кропотовым к серии II, варианту 4, форме 2, в качестве времени бытования назван заключительный II — 1-я пол. III в. н. э.⁵ Застежки с узким пластинчатым корпусом, украшенным накладной змейкой, И. Н. Храпунов датирует второй четвертью — сер. III в. н. э.⁶ К трем первым четвертям III в. н. э. относит подобные фибулы А. Е. Пуздровский⁷. Представляется вполне возможным сузить дату данного погребения до 1-й пол. III в. н. э.

Псалии из могилы № 183 имеют следы ремонта, но этот ремонт носил скорее «косметический» характер. У одного из зажимов была отломана тыльная сторона, и его снова прикрепили к петле, но уже при помощи проволоочки. В таком виде он не мог использоваться по назначению. Возможно, именно этот дефект стал причиной вхождения данного комплекта в состав погребального инвентаря. Нельзя исключать, что нащечный ремень мог привязываться непосредственно к петле, но в таком случае нет необходимости прикреплять пришедший в негодность зажим на прежнее место.

Пряжки в позднеримское время становятся неотъемлемой деталью снаряжения верхового коня и свидетельствуют о том, что по крайней мере часть входящих в состав амуниции ремней была разомкнутой. В тех случаях, когда можно достоверно зафиксировать принадлежность пряжки к сбруе, число их варьируется. Набор пряжек, подобный найденному в могиле № 183 некрополя Нейзац, — три небольших размеров и одна большая сегментовидной формы — обнаружены в погребении у с. Мичурино⁸, четыре железные пряжки входят в состав конской сбруи

¹ Симоненко 2009, 151.

² Бабенчиков 1963, 118.

³ Бабенчиков 1963, 118.

⁴ Амброз 1966, 52, Табл. 9.17.

⁵ Кропотов 2010, 135, рис. 43.4.

⁶ Храпунов 2011, 27.

⁷ Пуздровский 2007, 195.

⁸ Мульд 2001, 65, рис. 4.

из неопубликованной мог. № 374 могильника Нейзац. С. А. Мульд отмечено количественное совпадение пряжек в погребение у с. Мичурино с парадным сбруйным набором из погребения 8 курганного могильника Центральный VII на Дону, где также находились три небольших пряжки и одна большая сегментовидная⁹.

Бронзовые литые граненые кольца (рис. 3, 4) — предмет, который часто фиксируется в погребениях варварского населения Северного Причерноморья в рассматриваемый период. Круг их аналогий весьма широк. Способы их использования, вероятно, были различными, но в данном случае принадлежность его к конской сбруе не вызывает сомнений.

Бусы-пронизи из различных материалов: железа (могильник Бельбек IV¹⁰, Битак¹¹), серебра (Высочино VII 12/1¹², Вальный I 25/1¹³), бронзы (Нейзац¹⁴, Чернореченский¹⁵) — в составе конской упряжи первых веков нашей эры выполняли декоративную функцию, вероятнее всего, являлись украшениями ремней оголовья. Обычно их количество варьируется в пределах 4-8 экземпляров¹⁶.

Простые по форме ажурные пряжки существовали длительное время. В некрополе Совхоз-10 они встречаются в комплексах II–III в. н. э.¹⁷, а также в синхронных комплексах Усть-Альминского¹⁸ и Чернореченского могильников¹⁹. В могильнике Бельбек III пряжка с фигурной рамкой обнаружена вместе с херсонесской монетой 240-250 гг.²⁰ Из Херсонеса (место и год находки неизвестны) происходит пряжка с пельтавидной рамкой и трапециевидной тыльной частью, которая датируется второй половиной II — первой половиной III в. н. э., которая отнесена Д. А. Костромичевым к находкам римского военного снаряжения²¹. Помимо крымских могильников, близкие по конструкции пряжки в составе сбруи верхового коня были обнаружены в могильниках позднесарматского времени

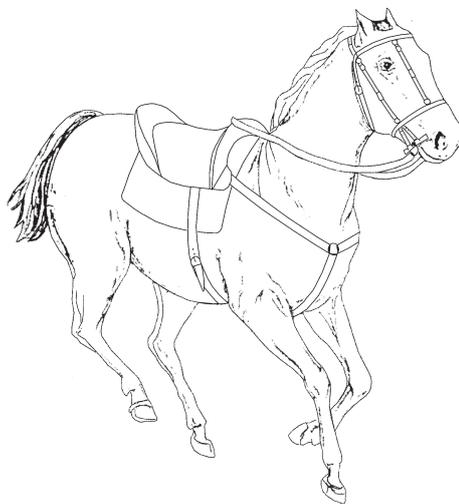

Рис. 4. Реконструкция снаряжения верхового коня. Рисунок автора.

⁹ Мульд 2001, 55.

¹⁰ Ахмедов, Гущина Журавлев 2001, 184.

¹¹ Пуздровский 2001, 122, 146.

¹² Безуглов 1994, 135.

¹³ Безуглов, Глебов, Парусимов 2009, 62, рис. 28,10-11.

¹⁴ Храпунов 2006, 109.

¹⁵ Бабенчиков 1963, 118.

¹⁶ Безуглов 1994, 135.

¹⁷ Стрелецкий, Высотская, Рыжова 2003, 147-148.

¹⁸ Пуздровский 2007, 372, рис. 98.1.

¹⁹ Бабенчиков 1963, 101.

²⁰ Гущина 1970, 42, рис. 15. 6.

²¹ Костромичев 2011, 134.

междуречья Дона и Волги, например, Сладковский могильник к.19/1²², Центральный VI к.16/8²³, Валовый I 25/1²⁴.

Кувшины с грушевидным туловом, отогнутым наружу венчиком и петлевидной ручкой в могильнике Совхоза № 10 найдены в погребениях II–III вв. н.э.²⁵ В.М. Зубарь датирует такие сосуды I–III вв. н. э.²⁶ Близкие по форме кувшины встречаются в комплексах II–III в. н. э. Усть-Альминского могильника²⁷, могильника у с. Танковое²⁸. Подробный анализ аналогии и хронологии кувшинов с грушевидным туловом и петельчатой ручкой дан О.В. Шаровым²⁹, который предложил для него дату в пределах конца II — первой половины III в. н. э. В материалах могильника Бельбек III кувшины этой формы датируются пределами первой половины III в. н. э.³⁰ И.Н. Храпунов краснолаковые кувшины подобной формы отнес к типу XIV, варианту 1, которые были встречены в мог. № 36 и 58 могильника Дружное и датируются IV в. н.э.³¹ Кувшины этого варианта встречены также в различных погребениях могильника Скалистое III с материалами III в. н. э.³² Наибольшее сходство кувшин из мог. № 183 обнаруживает с сосудами из мог. Бельбек III и Танковое, которые имеют воронковидное горло и крутоизогнутую петлевидную ручку. Практически идентичный кувшин происходит из мог. №824/2 некрополя Усть-Альма, которая датируется первой половиной III в. н. э.³³

Бронзовая бляшка (рис. 3, 7) находилась среди деталей конской сбруи, но определить ее место и назначение в составе оголовья весьма сложно: поскольку она крепилась с помощью гвоздиков длиной более 1,0 см, то маловероятно ее крепление к ременной гарнитуре.

Сбруйные наборы помещали в могилу в сложенном виде. Восстановить порядок расположения и функциональное назначение того или иного предмета, входящего в комплект, по его положению в могиле невозможно. Исходя из количественного состава и морфологических признаков элементов, можно предположить вероятный вариант реконструкции. Ремень повода, скорее всего, захлестывался на бронзовых кольцах, а именно был перекинут и завязан вокруг них (рис. 3, 12). Такой способ крепления повода зафиксирован в позднесарматских погребениях Лебедевского могильника³⁴.

Грызла без профилировки и подобного диаметра (более 1,0 см) требуют дополнительных элементов сдерживания, которые выражены в данном случае в наличии стержневидной конструкции псалиев. Зажимы, закрепленные на стержнях, способствовали фиксации раздвоенных нащечных ремней. Кожаная конструкция оголовья, вероятно, состояла из наносного, налобного, нащечных, подгубного,

²² Безуглов 1994, 145, рис. 2.16.

²³ Малашев 2000, 224, рис. 5а.

²⁴ Безуглов, Глебов, Парусимов 2009, 62, рис. 28,10-11.

²⁵ Стрелецкий, Высотская, Рыжова 2003, 98.

²⁶ Зубарь 1982, 70.

²⁷ Пуздровский 2007, 454, рис. 180.3.

²⁸ Колтухов, Вдовиченко 1994, 326, рис. 2.3.

²⁹ Шаров 2007, 46-49.

³⁰ Журавлев 2010, 90.

³¹ Храпунов 2002, 59.

³² Богданова, Гущина, Лобода 1976, рис. 2:12; рис. 3:19.

³³ Пуздровский 2007, 461, рис. 187.2.

³⁴ Мошкова 2001, 236.

подбородочного и затылочного ремней. Последний предположительно мог застегиваться с помощью бронзовой пряжки с железным язычком. Подбородочный и подгубный ремни были разомкнутыми и сочленялись при помощи железных пряжек (рис. 3, 12).

Сложнее обстоит дело с определением наличия седла. Обнаруженная бесщитковая железная пряжка крупных размеров может свидетельствовать о его наличии в погребении (рис. 4). Подпружные пряжки являются неотъемлемой принадлежностью седел и появились одновременно с ними. Подпружная пряжка была призвана выполнять роль блока при подтягивании подпруги и стопора при достижении требуемого напряжения³⁵. Археологических остатков седел сарматского времени в нашем распоряжении нет. Изображения сарматских седел редки, но именно они, сопоставленные с артефактами, служат основанием для реконструкции. Наиболее информативными для воссоздания облика сарматских седел являются боспорские скульптура и живопись. В первые века н.э., в условиях постоянных военных столкновений с кочевниками, в составе боспорской армии происходят существенные изменения, связанные с возросшим влиянием на ее вооружение и тактику соседних сарматских племен³⁶. Живописцы и скульпторы Боспора при создании своих произведений отталкивались от реалий повседневной жизни, что дает возможность обращаться именно к ним. Седла хорошо видны на ряде боспорских надгробий, например, на передней лошади, представленной на стеле Юлия Патия³⁷, мраморном рельефе Трифона из Танаиса³⁸, росписи склепа Анфестерия³⁹. В подавляющем большинстве случаев на боспорских надгробных рельефах и росписях склепов первых веков н.э. представлены седла с довольно массивной передней частью, завершающейся ярко выраженными округлыми выступами, загнутыми внутрь по форме бедра и менее выделенной вертикальной задней лукой. Для снаряжения более многочисленной легкой конницы характерны простые седла-попоны⁴⁰.

Основная масса предметов, входящих в состав погребального инвентаря, относится ко II–III в. н. э., что соответствует фазе В1 по хронологической шкале, предложенной А.В. Симоненко для сарматских памятников Северного Причерноморья и соотносимой с фазой С1 европейской хронологии⁴¹. Определить хронологическое положение данного комплекса помогают стилистические особенности входящих в него предметов, а именно бронзовое граненое кольцо и фасетированная пряжка. Подобный способ украшения предметов характерен для позднесарматской культуры на весьма широкой территории, в том числе и на территории Северного Причерноморья. Появляется он в первой половине III в.н.э.⁴² Исходя из этого, наиболее вероятной датой погребения является первая половина III в.н.э.

Данный комплекс продолжает ряд материалов, которые важны для определения роли и места так называемого «всаднического сословия» позднесарматской

³⁵ Степанова 2005, 109.

³⁶ Горончаровский 2000, 52.

³⁷ Десятчиков 1972, 76, рис. 4.

³⁸ Книпович 1949, 86, рис.41.

³⁹ Ростовцев 1913, табл. LI.

⁴⁰ Горончаровский 2000, 53-54.

⁴¹ Симоненко 2001, 78.

⁴² Малашев 2000, 208.

культуры. Отличительной чертой погребений подобного рода является наличие в могиле амуниции верхового коня. При общей схеме изготовления каждый гарнитур имеет свои индивидуальные особенности, которые проявляются в различных комбинациях общих для всей культуры элементов сбруи. Следует отметить, что донская группа воинских погребений достаточно однородна. Она характеризуется наличием богатых наборов наступательного вооружения и конской сбруи при достаточно скромном личном уборе погребенных⁴³. М. Г. Мошкова выделила составляющие элементы снаряжения верхового коня для этой группы, к которым отнесла псалии, зажимы, наконечники ремней, пряжки, секировидные подвески, пропеллеровидные бляшки, бронзовые кольца в обоймах, сбруйные бусы⁴⁴. Предположительно захоронения подобного рода принадлежат представителям военной знати, стоявшей во главе нового объединения сарматских племен⁴⁵. А. А. Васильев и О. К. Савельев, разрабатывая проблему перехода от начального к финальному этапу позднесарматской культуры, выделили крымские комплексы с особой разновидностью сбруйных наборов, в составе которых отсутствуют такие элементы, как фасетированные колесовидные псалии, пропеллеровидные пластины-накладки, бляхи-подвески, в «переходную» группу, которую датировали сер. III в. н. э. (около 240/250 — 270/250 гг.)⁴⁶.

Нынешний уровень разработки проблемы датировки снаряжения верхового коня всадников Северного Причерноморья не позволяет сделать однозначные выводы о том, являются крымские комплексы «переходными» или отражением локальных особенностей, в частности оседлого характера сарматского населения полуострова и, как следствие, более тесных контактов с другими этносами.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А. К.* 1966: Фибулы юга европейской части СССР. М.
- Ахмедов М.Р., Гущина И.И., Журавлев Д.В.* 2001: Богатое погребение II в.н.э. из могильника Бельбек IV // Труды ГИМ: Поздние скифы Крыма / И. И. Гущина, Д. В. Журавлев (ред.). М., 175-186.
- Бабенчиков В.П.* 1963: Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР / А. Т. Браїчевська (ред.). Київ, 90-122.
- Безуглов С.И.* 1988: Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. 4, 103-116.
- Безуглов С.И.* 1997: Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 / В. Я. Кияшко (ред.). Азов, 133-142.
- Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н.* 2009: Позднесарматские погребения в устье Дона (курганый могильник Валовый I). Ростов-на-Дону.
- Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И.* 1976: Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I — III вв.) // СА. 4, 121-152.
- Васильев А.А., Савельев О.К.* 2008: Переход от начального к финальному этапу позднесарматской культуры в междуречье Днестра и Дуная: хронологический аспект // Древ-

⁴³ Безуглов 1988, 109.

⁴⁴ Мошкова 1978, 76.

⁴⁵ Скрипкин 1989, 180.

⁴⁶ Васильев, Савельев 2008, 32.

ности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов / О. А. Радюш, К. Н. Скворцов (ред.). Калининград, 2008, 29-44.

Вдовиченко И. И. Колтухов С. Г. 1994: Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма / Ю. М. Могаричев (ред.). Симферополь, 82-88.

Горончаровский В. А. 2000: Кавалерия позднеантичного Боспора // Боспор Киммерийский. На перекрестке греческого и варварского миров / В. Н. Зинько (ред.). Керчь, 52-60.

Десятчиков Ю. М. 1972: Катафрактарий на надгробии Афения // СА. 4, 68-78.

Журавлев Д. В. 2010: Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I-III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь.

Зубарь В. М. 1982: Некрополь Херсонеса Таврического. I-IV вв. н. э. Киев.

Книпович Т. Н. 1949: Танаис. М.; Л.

Кропотов В. В. 2010: Фибулы сарматской эпохи. Киев.

Максименко В. Е. 1998: Сарматы на Дону: археология и проблемы этнической истории // Донские древности. 6. Азов.

Максименко В. Е., Безуглов С. И. 1987: Позднесарматские погребения в курганах на р. Быстрой // СА. 1, 183-193.

Малашев В. Ю. 2000: Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Ю. К. Гугуев (ред.). Ростов-на-Дону, 194 — 232.

Мошкова М. Г. 1978: Два позднесарматских погребения в группе «Четыре брата» на нижнем Дону // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / В. И. Козенкова, Ю. А. Краснов, И. Г. Розенфельдт (ред.). М., 71-76.

Мошкова М. Г. 2001: Сбруйные наборы из позднесарматских погребений Лебедевского могильника // МАВДС. Вып. 1, 236-249.

Мульд С. А. 2001: Позднесарматское погребение в Центральном Крыму // МАИЭТ / А. И. Айбабин, В. Н. Зинько (ред.). Симферополь, 51-67.

Пуздровский А. Е. 2007: Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь.

Пуздровский А. Е. 2001: Погребения Битакского могильника первых веков н. э. с оружием и конской упряжью // Труды ГИМ: Поздние скифы Крыма / И. И. Гущина, Д. В. Журавлев (ред.). М., 122-144.

Ростовцев М. И. 1913: Античная декоративная живопись на юге России. СПб.

Симоненко А. В. 2001: Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // РА. 4, 77-91.

Симоненко А. В. 2009: Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.

Скрипкин А. С. 1989: Погребальные комплексы с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этноплеменной истории сарматов // СА. 4, 172-182.

Степанова Е. В. 2005: Эволюция подпружных застежек по материалам курганов Алтая скифского времени // Снаряжение кочевников Евразии / А. А. Тишкин (ред.). Барнаул, 109-116.

Стрежелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. 2003-2004: Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия н. э. (Совхоз 10) // Stratumplus / М. Щукин (ред.). СПб; Кишинев; Одеса; Бухарест, 27-277.

Храпунов И. Н. 2002: Могильник Дружное: III-IV в. н. э. Люблин.

Храпунов И. Н. 2006: Склеп III в. н. э. из могильника Нейзац // ПИФК. XVI/1, 104-118.

Храпунов И. Н. 2011: Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / И. Н. Храпунов (ред.). Симферополь, 13-115.

Шаров О. В. 2007: Керамический комплекс некрополя Чатыр — Даг: хронология комплексов с римским импортом. СПб.

Шепко Л. Г. 1987: Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // СА. 4, 158-174.

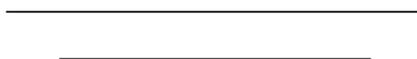

RECONSTRUCTION OF HORSE EQUIPMENT IN THE 3rd CENTURY AD FROM
THE NEYZATS NECROPOLIS

A. V. Antipenko

The article examines the archaeological material taken from the grave no. 183 in the Neyzats Necropolis. The main attention is paid to the set of horse equipment. Among the finds, decorative and functional elements of a horse harness are presented. Of a particular interest there are cheekpieces that do not have direct analogies. Based on the quantitative composition and the possible functional purpose of the elements, one variant of reconstruction of the ammunition for horse riding is presented by the author. This complex dates back to the first half of the 3rd century AD and, in its general features, it fits into a single stylistic and morphological range of the horse trappings typical for the Late Sarmatian culture.

Key words: the Neyzats Necropolis, funeral custom, horse riding equipment, the “equestrian order”

Древний Восток

© 2015

В. С. Соловьев, Р. В. Тихонов

ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАСТИКА ПОСЕЛЕНИЯ ДАБИЛЬКУРГАН В СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ*

Публикуемые авторами терракоты найдены при раскопках поселения Дабилькурган в Южном Узбекистане. В статье определяется их датировка и предлагается интерпретация. Авторы считают, что данные находки дополняют знания о духовной жизни населения Бактрии-Тохаристана на большом отрезке времени.

Ключевые слова: Бактрия-Тохаристан, Дабилькурган, терракотовая пластика

Поселение Дабилькурган находится в Пашхурдской долине на юге Узбекистана. Его постройки возведены на аллювиальном останце конусовидной формы, направленном острием на юг. Площадь поселения составляет около 4 га. В северо-восточном углу памятника расположена цитадель (30×30 м), возвышающаяся на 3,5 м над жилой застройкой. С трех сторон поселение окружено глубокими оврагами, усилившими его оборону; с северной стороны, где отсутствовала естественная защита, была возведена мощная оборонительная стена.

Первые археологические исследования на поселении Дабилькурган были осуществлены Э. В. Ртвеладзе весной 1970 г.¹ В 2002–2005 гг. работы на памятнике проводились силами сотрудников Государственного музея Востока (Россия) и Международной Тохаристанской экспедицией Института искусствознания АН Республики Узбекистан². В 2010–2014 гг. в раскопках поселения принимали участие сотрудники кафедры всеобщей истории ЕГУ им. И. А. Бунина (Р. В. Тихонов, С. В. Павлова) под руководством В. С. Соловьева³.

Соловьев Виктор Степанович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и религиоведения Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. E-mail: tohar.arh@mail.ru

Тихонов Роман Владимирович — старший преподаватель кафедры всеобщей истории и религиоведения Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. E-mail: 478042316789@mail.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проекты №№ 12–01–18004е «Археологические памятники Пашхурдской долины на юге Узбекистана», 14–01–18001е «Археологическое изучение поселения Дабилькурган в Северной Бактрии».

¹ Ртвеладзе 2013, 15–16.

² Мкртычев, Болелов, Ильясов 2005, 524–528; Ильясов 2011, 122–152.

³ Соловьев 2010, 143–148; Соловьев, Шейко 2012, 262–269; Соловьев 2013, 33–82; Тихонов 2013, 83–118.

Исследования показали, что стратиграфия поселения сложная, отражающая его историю с V в. до н.э. до XIX в. н.э. Изучение памятника затруднено бадрабами (мусорными ямами) IX в. и позднего средневековья, прорезающими местами постройки кроющих культурных слоев. По этой причине часть публикуемых терракот найдена в переотложенном виде, все они в разной степени фрагментированы. Самыми древними из них являются кушанские терракоты. Обе они оттиснуты в односторонней матрице из хорошо отмученной глины, обжиг красного цвета

Терракота, изображающая женщину, кормящую грудью ребенка, покрыта с лицевой стороны слоем серого ангоба (рис. 1, 1). Ребенок сидит на ее колене, женщина поддерживает его правой рукой, левая рука опущена. Складки одежды женщины не проработаны, сохранилось изображение шейного украшения. Фигурка ребенка крупная, одним штрихом показан верх его одежды.

Представляется, что перед нами один из вариантов образа богини-матери, встречающийся в коропластике Бактрии кушанского периода. Ранее при раскопках Кампыртепа были найдены терракоты с изображениями богини-матери, кормящей грудью козлоногого младенца⁴, и богини, держащей в одной руке птицу, другой поддерживающей стоящего младенца⁵.

Сюжет богини-матери встречается в искусстве страны и в более позднее время: в частности, при раскопках замка Балалыктепа (VI в.) был найден стеклянный медальон в серебряной оправе с таким сюжетом⁶.

Вторая терракота передает в редуцированном виде образ еще одной бактрийской богини (рис. 1, 2). Сохранился ее торс, руки и начало шеи, украшенной ниткой крупных бус. Правая рука согнута в локте, кисть подведена к груди, кисть левой руки покоится на поясе. Грудь показаны в виде двух небольших полушарий. Изображение несколько примитивно, но хорошо проработаны пальцы и кисти рук, украшенные браслетами.

Г. А. Пугаченкова, изучавшая подобные женские статуэтки Средней Азии более раннего времени, условно назвала её «Великой богиней» Бактрии, Согда, Хорезма, Маргианы⁷. При классификации согдийской терракоты В. А. Мешкерис сделала вывод о том, что «в Согде статуэтки женщин, держащих в руках плоды, цветы, растения или сосуд, как и на всём древнем Востоке, изображали богиню плодородия»⁸.

Интересной находкой из кушано-сасанидского культурного слоя является терракотовая статуэтка (рис. 1, 3). Она изготовлена из серо-желтой глины хорошего качества, без видимых примесей, и оттиснута в односторонней матрице. Внутренняя сторона изделия покрыта темно-красным ангобом, который, однако, нанесен неплотно и отслаивается от поверхности. Статуэтка представляет собой изображение стоящего во весь рост мужского персонажа, его руки спускаются вдоль торса, пальцы кистей рук переданы достаточно условно. Пожалуй, главной особенностью иконографии данного персонажа является то, что внутренняя сторона кисти левой руки повернута наружу.

⁴ Культура и искусство Древнего Узбекистана 1991, № 135.

⁵ Пугаченкова, Ртвеладзе 1990, 113, рис. 16.

⁶ Альбаум 1960, 77, рис. 58.

⁷ Пугаченкова, Ремпель 1982, 38–100.

⁸ Мешкерис 1977, 19.

Статуэтка сохранилась лишь частично ($4,5 \times 3,9 \times 1,9$ см), что затрудняет ее атрибуцию. В верхней части она сколота на уровне шеи, в нижней — на уровне колен. Тем не менее, можно сделать ряд наблюдений. Очевидно, что она передает изображение культового характера. В Бактрии III–IV вв. одно из ведущих мест в религиозной жизни населения занимал буддизм, широко распространившийся в кушанский период⁹. Для буддийской терракотовой пластики характерны изображения Будды, боддисатв, донаторов и одорантов, якш, якшинь, митхуны. Каждый из вышеперечисленных образов наделен определенным набором иконографических признаков¹⁰.

Наиболее близкие, хотя и неполные аналогии дабилькурбанская терракотовая статуэтка находит в материалах городищ Тепаи-Шах и Хатын-рабат. Статуэтку с Тепаи-Шах характеризует фронтальное расположение фигуры, доминирование головы, широкие плечи, довольно узкая талия и бедра, а также то, что ладонь правой руки обращена к зрителю¹¹.

Б. А. Литвинский и А. В. Седов отметили, что основные иконографические признаки, представленные на статуэтке из Тепаи-Шах, характерны для гуптского искусства. В то же время исследователи акцентировали внимание на следующем факте: «Ряд черт этой схемы восходит к гандхарскому искусству, когда появляется и аналогичная прическа, а широкое и низкое лицо имеет вид не приостренного, а уплощенного внизу овала. Поза *varada-mudra* известна уже в гандхарском искусстве»¹².

Дискуссионным является вопрос об атрибуции статуэтки с городища Хатын-рабат. Первоначально было предположено, что образ, представленный на статуэтке, — это раб в кандалах. На это, по мнению авторов публикации, указывают связанные веревкой ноги¹³.

Позже Э. В. Ганевская и Ф. А. Заславская провели достаточно детальный анализ ее иконографии и пришли к выводу о том, что перед нами боддисатва Авалокитешвара. Он изображен «с руками, опущенными вдоль корпуса в вараде мудре, одетым в юбку антаравасака, с волосами, собранными в пучок над левым виском. Вдоль всей его фигуры с левой стороны тянется стебель лотоса, который боддисатва придерживает левой рукой»¹⁴.

Отождествление терракоты с боддисатвой Авалокитешварой гуптского или постгуптского времени вызвало ряд возражений. Г. А. Пугаченкова указывает на отсутствие у данного персонажа юбки антаравасаки, сосуда для воды, а «стебель лотоса (цветок которого якобы отбит) — это не что иное, как неоформленный валик закраины плитки, кисть левой руки опущена, пальцы распрямлены и вовсе не держат лотос»¹⁵. Кроме того, автор считает возможным, что персонаж, представленный на статуэтке, имеет прямое отношение к джайнскому кругу.

В. А. Мешкерис вслед за Г. А. Пугаченковой полагает, что хатынра-бадская терракота передает изображение одного из персонажей джайнизма. Это мог быть

⁹ Литвинский 1972, 148; Литвинский, Зеймаль 1971, 137.

¹⁰ Ставиский 1998, 137–145; Мкртычев 2002, 174–184.

¹¹ Литвинский, Седов 1983, 51.

¹² Литвинский, Седов 1983, 51.

¹³ Массон 1941, 77–78; Пугаченкова, Ремпель 1960, 63.

¹⁴ Ганевская, Заславская 1977, 91.

¹⁵ Пугаченкова 1982, 254.

джайн, Тиртханкар или же Джин с вервием. Наиболее близкие аналогии, по мнению автора, встречаются в Матхуре, которая в позднекушанское время становится одним из крупнейших центров джайнской религии. Подобная атрибуция терракоты может свидетельствовать о проникновении в Бактрию традиционных индийских культов¹⁶.

Т. К. Мкртычев провел сравнительный анализ иконографии статуэток из Тепаи-Шах и Хатынрабада с синхронными материалами памятников Кушанского государства. Он показал, что «непропорционально удлиненные руки ладонями наружу, спускающиеся вдоль тела, являются основной характеристикой джайнской иконографической позы «кайотсарга». Такая иконография соответствует изображениям основателя джайнского учения Джини на бронзовых статуэтках из Чаусы II в. н. э.»¹⁷.

Авторы статьи полагают, что скорее правы те исследователи, которые связывают статуэтки из Тепаи-шах и Хатынрабада с джайнизмом, проникшим в Бактрию из Индии¹⁸. К нему же мы относим предположительно и терракотовую статуэтку из Дабилькургона.

К терракотовой пластике кушано-сасанидской эпохи следует также отнести налепы на чашах в виде морд львов (рис. 1, 4). Подобные чаши относительно повсеместно встречаются в керамическом комплексе других памятников Бактрии III–IV вв.¹⁹ Морды львов украшают также стеклянную чашу, найденную в одном из погребений могильника Джалпак Дёбё (III–IV вв.) в Киргизии²⁰. В дальнейшем В. А. Завьялов на материалах Зартепа с привлечением ряда аналогий показал, что ручки-налепы в виде морд львов на стеклянных сосудах достаточно хорошо известны в погребальном инвентаре населения Западной Европы римского времени²¹.

На городище Кампыртепа в Северной Бактрии сотрудниками Тохаристанской археологической экспедиции обнаружена бронзовая чаша в культурном слое конца первой половины II в. н. э. Ее декор составляют изображение вакхического божества и головы льва, надкусывающего круглый удлиненный брусок²². Тем не менее, основные иконографические признаки, характерные для изображения львов на налепах чаши из Дабилькургона, свидетельствуют в пользу поздне римского влияния, которое также прослеживается и на других материалах III–IV вв. н. э.

Во время работы на объекте V были найдены три терракоты, относящиеся к раннему средневековью в истории поселения. Одна из них находилась в завале под позднесредневековыми бадрабами. Она датируется, видимо, VII в. От неё сохранилась голова, вылепленная достаточно примитивно; тем не менее узнаётся, что она принадлежала фигурке козла (рис. 1, 5). Вторая зооморфная терракота найдена в слое VI в., изготовлена лепкой. Длина фигурки — около 5 см, высота шеи — 1 см. Глаза и рот показаны прорезями, морда выполнена в манере, напоминающей человеческое лицо (рис. 1, б).

¹⁶ Мешкерис 2004, 65–66.

¹⁷ Мкртычев 2002, 185.

¹⁸ Бонгард-Левин, Ильин 1985, 377.

¹⁹ Завьялов 2008, 192; Пидаев 1978, 65; Пугаченкова 1979, 84–85.

²⁰ Абетеков 1975, 308.

²¹ Завьялов 2008, 222.

²² Хакимов, Ртвеладзе 2001, 5.

В слое VII в. найдена мужская терракотовая головка (рис. 1, 7). Высота ее равна 3 см, ширина лица 2,5 см, шея выделена нечетко. Прическа имеет вид овального мыска, достигающего до переносицы, волосы показаны прямыми прядями. Лицо широкое, глаза миндалевидной формы, слегка раскосые. В мочках ушей — серьги с круглыми подвесками. Изготовлена терракота в матрице. По типу причёски она похожа на терракотовую головку, найденную в соседней Сурхандарье. Дж.Я. Ильясов, изучавший ее, отметил сходство причёски этого персонажа с прическами знатных тохаристанцев, изображенных в живописи Балалыктепа. Это сходство неслучайно, поскольку терракоты и живопись относятся к близкому времени²³.

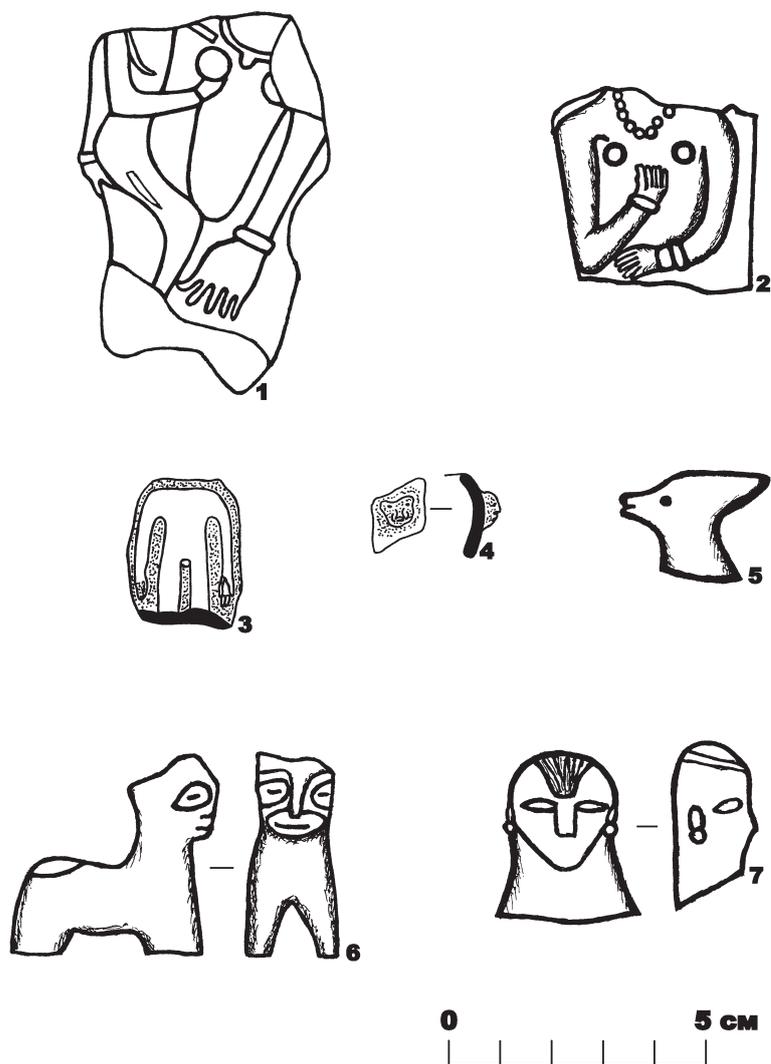

Рис. 1. Дабилькурган. Терракотовые статуэтки II–VII вв.

²³ Ильясов 2000, 155–158.

В одном из бадрабов найдены две зооморфные терракотовые статуэтки, датируемые керамикой IX в. Длина первой терракоты — 13 см, высота — 7,3 см. У неё отбита левая задняя и правая передняя ноги и хвост. Круглыми углублениями показаны глаза и ноздри животного, защипами — уши, продольной бороздкой — рот. Судя по массивному туловищу и мощной шее, терракота изображает быка — это достаточно редкий случай, так как в IX в. мастера обычно изготавливали терракотовых лошадок — детские игрушки (рис. 2, 1). Типичной лошадкой является терракота этого времени, найденная К. А. Шейко при раскопках Шуробкурмана²⁴.

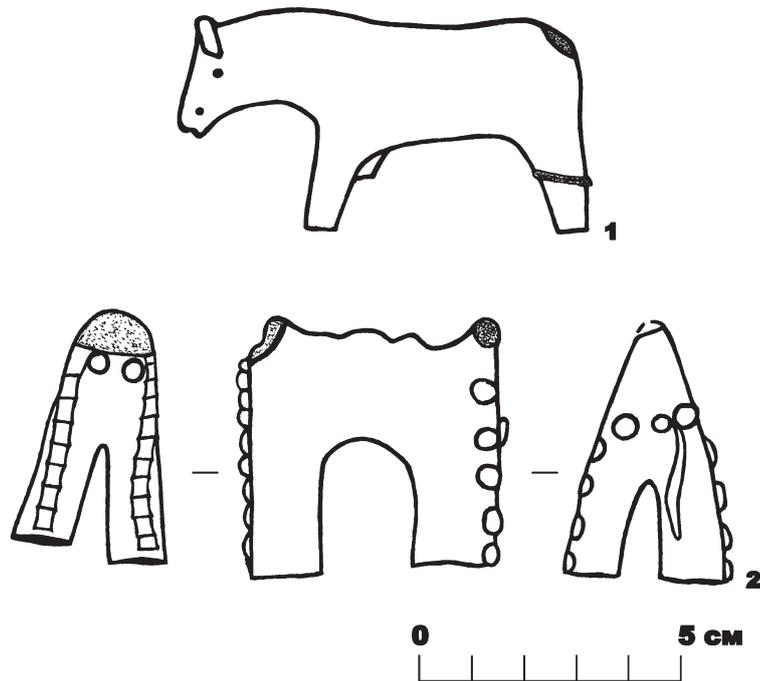

Рис. 2. Дабилькурман. Терракотовые статуэтки IX в. н.э.

Вторая терракота изображает сфинкса-женщину (рис. 2, 2). Длина статуэтки — 8,3 см, высота — 8–8,3 см. Голова у него отбита, ноги массивные, расширяющиеся книзу, их основания повреждены. Отсутствуют какие-то детали на спине. Спереди двумя круглыми выпуклыми налепами показаны груди, от плеч вдоль ног вниз вытянуты косы — две полосы с поперечными углублёнными штрихами. Сзади извилистым налёпом изображён хвост, ноги украшены круглыми налепами.

Данная терракота представляет собой особый интерес, поскольку это новый вариант образа сфинкса как для Тохаристана, так и для всей Средней Азии. В X–XI вв. парные изображения сфинсов-женщин часто украшали тыльную сторону бронзовых зеркал. В связи с находкой одного такого зеркала в селении Бешкуби

²⁴ Шейко 2007, 223, рис. 1/2.

Зааминского района Республики Узбекистан Г. И. Богомолов сделал сводку бронзовых зеркал и произведений торевтики с изображениями сфинксов, найденных в Средней Азии. Касаясь их семантики, он предположил, что это образ «обитателя небесной сферы, который наделялся сакрально-мистическими функциями, чьи обереговые и благожелательные свойства должны были переходить на владельца»²⁵.

В этой связи нужно отметить, что Г. И. Богомолов не упомянул в своей сводке бронзовое зеркало с парным изображением сфинксов-женщин, найденное в 15 км от городища Сайед, на месте бывшего кишлака Дахана в Южном Таджикистане²⁶, а также лувровую чашу, найденную Е. А. Давидович в одном из бадрабов во время раскопок замка Калаиболо в Исфаринском районе Северного Таджикистана. Чаша является привозной с Ближнего Востока, на внутренней стороне её дна изображён сфинкс-женщина, похожий по манере исполнения на сфинксов с бронзовых зеркал²⁷. На наш взгляд, основой композиции, включающей двух сфинксов на среднеазиатских зеркалах, явились парные изображения драконов на китайских бронзовых зеркалах, привозимых в Среднюю Азию.

Что же касается генезиса образа сфинкса в искусстве Средней Азии, то он восходит к V–IV вв. до н.э. Этим временем О. М. Дальтон датировал золотые бляшки из Амударьинского клада с их изображениями²⁸. На Душанбинском городище в 1952 г. случайно была найдена серьга, изготовленная из электрокварцевой пластины в виде протомы лежащего сфинкса-женщины. Е. М. Линде, опубликовавшая её, считает серьгу изделием бактрийских ювелиров и датирует II в. до н. э.²⁹ Она также рассмотрела их аналогии и семантику, известные в то время. По ее мнению, образ сфинкса-женщины появился в Греции в эллинистический период и имел значение стража. В Среднюю Азию художественный образ сфинкса мог попасть из Египта или стран Переднего Востока, где он отождествлялся с Иштар. Душанбинская серьга была, по-видимому, хранителем города — ныне Душанбинского городища, изучаемого археологами в XX — начале XXI в.

Полагаем, что верный в целом вывод Е. М. Линде об охранительных функциях сфинкса относится не к городу, а к владелице серьги. Этнографы, работающие в Средней Азии, приводят многочисленные примеры того, что женщины относятся к носимым ими украшениям как к оберегам³⁰. Эти выводы можно экстраполировать на древние украшения. Что же касается интереса к образу сфинкса в Средней Азии и в Тохаристане, в частности в IX–XI вв., то он, как и в эллинистический период, был связан с тесными контактами среднеазиатских регионов с Ближним Востоком.

До недавнего времени исследователи полагали, что в кушанский период и раннем средневековье в Бактрии-Тохаристане из религиозных учений преобладал буддизм. Существовало и мнение о том, что арабское завоевание страны повлекло за собой запрет на изображение людей и животных. Новые археологические материалы, в том числе публикуемые авторами терракоты, расширяют наши представления о духовной жизни населения региона во II–IX вв. н.э.

²⁵ Богомолов 2012, 163–167.

²⁶ Гулямова 1987, 127–134, рис. 2.

²⁷ Давидович 1958, 72–103.

²⁸ Dalton 1964, pl. XIII, 26, pl. XXI, 27.

²⁹ Линде 1952, 5–21.

³⁰ Борозна 1975, 281–297; Чвырь 1997, 89–101.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев К.А., Ртвеладзе Э.В., Шишкина Г.В.* (ред.) 1991: Культура и искусство Древнего Узбекистана. Т. I. М.
- Абетеков А.К.* 1975: Ранние кочевники Тяньшаня и их культурные связи с Кушанской империей // Центральная Азия в кушанскую эпоху Т. II / Б. Г. Гафуров (ред.). М., 308–309.
- Альбаум Л.И.* 1960: Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент.
- Богомолов Г.И.* 2012: Сфинкс из Бешкуби: к истории сложения образа // ИМКУ. Вып. 38 / А. Э. Бердимуратов (ред.). Самарканд, 163–167.
- Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* 1985: Индия в древности. М.
- Борозна Н.Г.* 1975: Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды Средней Азии / Г. П. Снесарев, В. Н. Басилов (ред.). М., 281–297.
- Ганевская Э.В., Заславская Ф.А.* 1977: К атрибуции одной из терракот Сурхандарьинского краеведческого музея в г. Термезе // Средняя Азия в древности и средневековье / Б. Г. Гафуров, Б. А. Литвинский (ред.). М., 87–92.
- Гулямова Э.Г.* 1987: Изображение львов в декоре и архитектуре Хуттала // МКТ. Вып. 4 / Б. А. Литвинский (ред.). Душанбе, 127–134.
- Давидович Е.А.* 1958: Раскопки замка Калаиболо (Из работ Исфаринского отряда ТАЭ в 1951–1952 гг.) // МИА. 66, 72–103.
- Ильясов Дж. Я.* 2000: Терракота раннесредневекового Чаганиана // Средняя Азия. Археология. История. Культура / Т. Г. Алпаткина, С. Б. Болелов, О. Н. Иневаткина, Т. К. Мкртычев (ред.). М., 155–158.
- Ильясов Дж. Я.* 2011: Раскопки на северном некрополе Дабиль-Кургана // МТЭ. Вып. 8 / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Елец, 122–152.
- Завьялов В.А.* 2008: Кушаншахр при Сасанидах (на примере раскопок городища Зартепа). СПб.
- Линде Е.М.* 1952: Греко-бактрийский сфинкс // Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР. 1, 5–21.
- Литвинский Б.А.* 1972: Буддизм и среднеазиатская цивилизация // Индийская культура и буддизм / Ж. Фридман (ред.). М., 148–169.
- Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И.* 1971: Аджина-тепа: Архитектура. Живопись. Скульптура. М.
- Литвинский Б.А., Седов А.В.* 1983: Тепаи-Шах. Культура и связи Кушанской Бактрии. М.
- Массон М.Е.* 1941: Городища Старого Термеза и их изучение // Труды Узбекского филиала Академии Наук СССР. Вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция / Л. В. Баженов (ред.). Ташкент, 5–122.
- Мешкерис В.А.* 1977: Коропластика Согда. Душанбе.
- Мешкерис В.А.* 2004: Индийские традиции в художественной культуре Средней Азии. СПб.
- Мкртычев Т.К.* 2002: Буддийское искусство Средней Азии (I–IX вв.). М.
- Мкртычев Т.К., Болелов С.Б., Ильясов Дж.Я.* 2005: Исследования на юге Узбекистана // АО 2004 г. / Н. В. Лопатин (ред.). М., 524–528.
- Пидаев Ш.Р.* 1978: Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент.
- Пугаченкова Г.А.* 1979: Жига-тепе (раскопки 1974 г.) // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 2 / И. Т. Кругликова (ред.). М., 63–94.

Пугаченкова Г.А. 1982: Бактрийско-индийские связи в памятниках искусства // Древняя Индия. Историко-культурные связи / Г.М. Бонгард-Левин (ред.). М., 244–267.

Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. 1960: Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент.

Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. 1982: Очерки искусства Средней Азии. М.

Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. 1990: Северная Бактрия–Тохаристан. Ташкент.

Ртвеладзе Э.В. 2013: Историко-географический и археологический обзор Пашхурдской долины // МТЭ. Вып. 9. Поселение Дабилькурган в Северной Бактрии / В.С. Соловьев (ред.). Елец, 5–32.

Соловьев В.С. 2010: Материалы для изучения стратиграфии городища Дабилькурган // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Вып. 9 / В.С. Соловьев (ред.). Елец, 143–148.

Соловьев В.С. 2013: Раскопки на объекте V Дабилькургана в 2010–2013 гг. // МТЭ. Вып. 9. Поселение Дабилькурган в Северной Бактрии / В.С. Соловьев (ред.). Елец, 33–82.

Соловьев В.С., Шейко К.А. 2012: Археологические исследования на Дабиль-Кургане в 2010 г. // Археологические исследования в Узбекистане. Вып. 8 / А.Э. Бердимуродов (ред.). Самарканд, 262–269.

Ставиский Б.Я. 1998: Судьбы буддизма в Средней Азии. М.

Тихонов Р.В. 2013: Археологический комплекс кушано-сасанидского периода по материалам объекта V // МТЭ. Вып. 9. Поселение Дабилькурган в Северной Бактрии / В.С. Соловьев (ред.). Елец, 83–118.

Хакимов А., Ртвеладзе Э. 2001: Уникальная бронзовая чаша с городища Кампыртепа // *San`at*. 4, 5–10.

Чвырь Л.А. 1997: Таджикские ювелирные украшения. М.

Шейко К.А. 2007: К изучению шахрестина Шуробкургана // Трансоксиана — Мавераннахр / Э.В. Ртвеладзе (ред.) Ташкент, 215–223.

Dalton O.M. 1964: *The Treasure of the Oxus with other Examples of Early Oriental Metalwork.* London.

THE TERRACOTTA PLASTIC ARTS OF THE SETTLEMENT DABILKURGAN IN NORTHERN BAKTRIA

V.S. Solovyev, R. V. Tikhonov

The terracotta published by the authors was found under the excavations of the settlement Dabilkurgan in Southern Uzbekistan. The article defines their dating and gives their interpretation. The authors believe that the given findings supplement the knowledge of spiritual life of the population of Baktria-Tokharistan for a long time.

Key words: Baktria-Tokharistan, Dabilkurgan, terracotta

Племенной мир

© 2015

А. А. Файзуллин

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ*

В статье на основе погребальных памятников ямной культуры Волго-Уралья исследуются производственные комплексы ямной культуры. Особое внимание уделяется погребениям, в которых встречаются орудия, связанные с металлургическим и плотницким производством. Анализ погребальных комплексов позволяет сделать вывод, что в ямном обществе начинает проявляться специализация в области металлургии и плотничества.

Ключевые слова: Волго-Уралье, ямная культура, ремесло, мастера, металлургия, плотничество, социальная структура

В настоящее время исследование хозяйства древних культур является достаточно актуальной и в тоже время сложной задачей. Исследователи эпохи ранней бронзы Волго-Уральского региона считают, что основным видом хозяйствования племен ямной культуры на данной территории было кочевое скотоводство (В. П. Шилов¹, Н. Я. Мерперт², Н. Л. Моргунова³). По мнению Н. Л. Моргуновой, кочевое скотоводство должно было поддерживаться другими производствами, такими как плотничество и металлургия. Единственным источником для изучения древних ремесленных комплексов являются курганы ямной культуры. Погребения, где найдены орудия труда, доказывают наличие той или иной ремесленной деятельности в древности: плотничества, металлургии, ювелирного дела и др. Под термином «ремесло» при исследовании первобытных обществ нужно понимать изготовление изделий ручным способом в не пищевой сфере производства⁴. К погребениям мастеров — металлургов-кузнецов — можно отнести захоронения с литейными формами в КМ Изобильное 6/3, Першин 1/4 и погребения с готовыми изделиями и производственным ломом в Белогорье 1/1.

Файзуллин Айрат Асхатович — аспирант кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: faizullin.airat@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Задания № 33.1471.2014 К на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности; финансовой поддержке РГНФ: проект № 14-01-00127.

¹ Шилов 1975, 81.

² Мерперт 1974, 101.

³ Моргунова 2014, 256.

⁴ Березанская 1994, 3-7.

В могильнике Изобильное в кургане № 6 было обнаружено ямное погребение, которое оказалось разграбленным. Но в засыпке исследователям удалось обнаружить останки одного костяка (пол и возраст не определен). Особый интерес представляет инвентарь, найденный в могиле, — это фрагменты керамической литейной двухстворчатой формы, изготовленной из глины, прямоугольно-продолговатой формы⁵. К сожалению, ограбленное погребение не дает полную картину о погребенном (пол, возраст), но литейная форма, найденная здесь, позволяет сделать вывод, что это погребение человека, который занимался металлургией.

Погребение с литейной формой также было обнаружено в кургане 1, КМ Першин. В погребальной камере находился скелет подростка мужского пола (12-13,5 лет). Покойный был положен головой на юго-восток, на спине с согнутыми в коленях ногами, руки вытянуты вдоль туловища. Наиболее важной и интересной для археологии находкой при покойном явилась двустворчатая глинисто-песчаниковая литейная форма для втульчатого топора, положенная у левого виска головы молодого мастера⁶. Это изделие некоторое время использовалось, что очень хорошо заметно по следам высокотемпературных воздействий на внутренних полостях створок. Между ног покойного находился крохотный кусочек меди. По мнению Е. Н. Черных, скорее всего сразу по завершению надмогильной насыпи над захоронением литейщика, в стороне от кургана, был сложен ритуальный очаг. От него сохранились плоская, неправильной формы ямка. Размеры ее 63x40x10 см. Ямку заполняли перекаленные от кострового жара плитки плотного, но частично распавшегося песчаника. Судя по следам прокаленности, температура здесь была достаточно высокой; сохранилось также немалое количество древесных угольков. Сооружение ритуального огнища вполне очевидно связывалось с основным профессиональным занятием покойного подростка⁷. Погребенного подростка, судя по всему, инициировали в статус мастера незадолго перед кончиной, ведь чаще всего в архаичных обществах такое посвящение проводили лишь с достижением человеком половой зрелости, когда мальчик возвышался до ранга мужчины⁸.

На территории Волго-Уралья в КМ Белогорье было найдено погребение, инвентарь которого позволяет предположить связь погребенного с металлообработкой⁹. В небольшой погребальной камере обнаружен скелет взрослого человека на спине, головой на север. Руки покоились на груди, пальцы сплетены в замок. В ногах погребенного находился глиняный лепной сосуд, в районе таза и под черепом встречены бронзовые изделия и производственный лом металла. Изделия изготовлены из кованого, квадратного в сечении бронзового прута. Вероятно, использовались в качестве украшений-подвесок. Е. Н. Черных отмечает, что данное захоронение принадлежало мастеру по изготовлению украшений. Среди бронзовых изделий наблюдается несколько законченных предметов, представляющих подвески в один-полтора оборота. Любопытно, что первоначально они являлись шильями или пробойниками. Изготовленные из кованого бронзового прута, шилья затуплялись с обоих концов, после чего сворачивались, и им придавалась форма

⁵ Моргунова 1992, 6.

⁶ Черных и др. 2000, 65.

⁷ Черных 2005, 33.

⁸ Черных 2005, 34.

⁹ Матюхин 1999, 51.

подвески. Причем, вероятно, мастер с самого начала был ограничен в металле. Из более коротких шильев у него получались подвески в один оборот, а одно более длинное было свернуто в полтора оборота. Один из пробойников также предназначался для изготовления подвески, однако дал трещину в середине, после чего мастер пытался перерубить место брака, но по каким-то причинам не довел дело до конца¹⁰. Один фрагмент бронзового лома, представляющий пластину, был закручен в полтора оборота и, вероятно, являлся незавершенной цилиндрической подвеской. Из приведенных фактов можно считать, что человек был мастером-кузнецом, который переделывал уже готовые изделия.

Исследователь африканских зулусов А. Брайант подметил, что некоторые профессии были наследственными, другие избирались по желанию. По мере того как труд становился все более квалифицированным, профессии и ремесла стали семейным делом. Особенно типично это было для знахарей и кузнецов, чьи занятия обычно передавались по наследству. Заниматься же дома плетением корзин или выделкой горшков мог всякий. Кузнец всегда являлся совершенно особой фигурой общества. Занятия горным делом и металлургией всегда и всюду окружались системой строжайших запретов — табу. Эти запреты ставили металлургию в особое положение ремесла загадочного, доступного немногим. Табу преследовали прежде всего цель умиловить бога огня и металлов, сохранить монополию кузнеца на общение с загадочными силами, ведающими этими стихиями, оградить мастеров от запретного интереса к их ремеслу со стороны прочих. Племена лунда из Замбии до сих пор отказываются разговаривать с этнографами о железе и кузнецах, которые объединены у них в нечто вроде тайного общества¹¹.

Наряду с погребениями металлургов на территории Волго-Уралья встречаются также и погребения лиц с орудиями, связанными с плотницким ремеслом.

В курганном могильнике Тамар-Уткуль VII 8/4 в погребальной камере был обнаружен скелет мужчины 50-55 лет¹². Инвентарь был представлен следующим набором плотницкого металлического инструмента: биметаллическим «разметчиком», состоящим из четырехгранного медного стержня и ромбического железного навершия, плоской прямоугольной сланцевой пластины, четырехгранного шила с упором длиной 13,8 см из меди, втульчатого медного долота длиной 22,8 см, медного плоского тесла с раскованным лезвием длиной 12,5 см, медного ножа листовидной формы с резким переходом к прямому четырехгранному черешку с раскованной пяткой длиной 16,2 см, проушного медного топора, литого с брюшка с узким лезвием¹³.

В КМ Пятилетка в кургане 5, диаметр которого 44 м, а высота 2 м, в широкой и глубокой яме с забутовкой придонной части был найден костяк мужчины старше 50 лет. В ногах у мужчины находился костяк подростка примерно 10 лет. Возле плеча покойного находился плотницкий инвентарь — массивное медное четырехгранное долото¹⁴.

¹⁰ Матюхин 1999, 52.

¹¹ Черных 2005, 36.

¹² Яблонский 1994, 116.

¹³ Моргунова, Кравцов 1994, 19.

¹⁴ Моргунова, Кравцов, Богданов 1992, 81.

В 1926 году на западе Оренбуржья раскопано богатое погребение у села Колтубанка. К сожалению, находка была сделана случайно при земляных работах, и погребальный обряд остался невыясненным. В погребении был обнаружен богатый инвентарь: клиновидный топор, крупное четырехгранное шило, долотообразное орудие из пластинки, свернутое в трубку, массивное четырехгранное, с загнутым одним концом — орудие и тонкая бронзовая пластинка со штампованным зубчатым орнаментом и рядом отверстий по краям. Таким образом, колтубанский комплекс также можно интерпретировать как погребение мастера-плотника¹⁵.

Вероятно, с плотницким делом можно связать захоронение в КМ Увак 12/4. Трудовые затраты на совершение захоронения здесь небольшие (диаметр кургана 16 м, а высота 0,6 м). В могиле найден инвентарь: двубушковый проушный молот, медный нож с листовидным лезвием, фрагмент еще одного медного предмета, куски окаменелого дерева, которые, судя по следам сработанности, использовались как песты¹⁶.

Плотницкий инвентарь можно обнаружить и в вождеских погребениях. В упоминавшемся выше погребении I Болдыревского могильника, наряду с ритуальным инвентарем, были обнаружены орудия мастера-плотника¹⁷. Это стамеска из железа, составное биметаллическое орудие, похожее на рубанок, два медных четырехгранных шила. В КМ Утевка в погребении 1/1 также встречены орудия плотничества: топор и тесло¹⁸. Плотницкие орудия есть и в КМ Барышников: медное тесло с цапфами, медное тесло-молоток, медное долото¹⁹. Таким образом, находка плотницких инструментов в курганах представителей элиты напрямую не связывает их с ремеслом. Можно предположить, что данные предметы были положены в связи с их высоким социальным статусом. Исследователи отмечают, что даже в древнейших раннеклассовых обществах металл нередко служил интересам знати и функционировал в престижной социальной сфере. Так, в Шумере в раннединастическую эпоху медь являлась большой редкостью и стоила дорого. В эпоху ранней бронзы знать в большей мере монополизировала использование металла, а ремесло было привилегией отдельных знатных родов²⁰. Но в то же время это не означало, что плотницкие инструменты не использовались в ремесле. Так, в ямных захоронениях Волго-Уралья встречается 107 фрагментов перекрытий из деревянных плах и бревен. Можно также отметить и наличие в ямных курганах Волго-Уралья деревянных колес. В ОК Шумаево в погребении 2 найдены 3 деревянных колеса²¹. Колеса выявлены в КМ Герасимовка 1 7/1, Шумаево II 6/6, имитация колес встречена в КМ Изобильное II 3/1. Исследователи отмечают, что находки колес свидетельствуют о том, что колесный транспорт играл важную роль в становлении мобильного скотоводческого хозяйства²². К сожалению, повозки в погребениях ямной культуры на территории Волго-Уралья не обнаружены, но это не означает, что они не использовались в быту. Деревянные повозки встречаются

¹⁵ Сальников 1962, 48.

¹⁶ Моргунова, Кравцов 1994, 41.

¹⁷ Моргунова 2000, 58.

¹⁸ Васильев, 1980, 35

¹⁹ Моргунова, Турецкий 1998, 6.

²⁰ Бромлей 1988, 76

²¹ Моргунова и др. 2003, 11.

²² Моргунова, Турецкий 2003, 153.

в погребениях на территории Украины в памятниках Тягунова Могила²³, КМ Лукьяновка²⁴ и др. О существовании в ямной культуре двухколесных кибиток-повозок писал В. П. Шилов. Он считал, что кибитки-повозки использовались не только как транспортное средство, но и в некоторых случаях могли заменить кочевникам дом²⁵.

Достаточно сложно доказать на археологическом материале наличие мастеров в области обработки шкур, кожи и шерсти. Артефакт, который приблизит нас к решению данной проблемы, — бронзовые и медные шилья. В захоронениях ямного общества Волго-Уралья шилья встречены в 20 случаях. Интересно, что шилья найдены и в комплексе с листовидными ножами и это на первый взгляд делает этот вещевой комплекс универсальным для мастера. Но, с другой стороны, шилья встречаются в статусных захоронениях вождей в комплексе с другими предметами (КМ Утевский 1/1; 2/1)²⁶, шило было обнаружено в жреческом погребении с расчленением костяка (КМ Скворцовка 6/1)²⁷. Поэтому нельзя однозначно отнести данный артефакт к изделию для производства. Ярким свидетельством производственного назначения инвентаря является комплекс в КМ Красносамарское. В погребении 1/2 данного могильника было найдено шило и костяные тупики, а в погребении 1/4 — каменный пест, глиняная лепешка сердцевидной формы и изделие из кожи с медными гвоздиками. Таким образом, данный погребальный комплекс является свидетельством наличия в ямном обществе мастеров, занятых в сфере обработки шкур и шерсти.

Интересно также отметить, что крупные насыпи с плотницким инвентарем датируются развитым этапом существования ямной культуры²⁸. В своем исследовании Н. Л. Моргунова отмечает, что на развитом этапе ямной культуры появляются разные по величине и сложности оформления погребального ритуала курганы, погребения с человеческими жертвоприношениями и многочисленными металлическими и другими вещами. Это свидетельствует о качественно ином уровне жизни и усилении социальной дифференциации в обществе ямной культуры в данный период²⁹. Данные хронологии подтверждают, что возможности скотоводческого производства постоянно возрастали и это позволяло производить предметы хозяйственного и престижного инвентаря, которые были найдены в погребениях привилегированных сословий. Эти же наблюдения отмечает и И. Ф. Ковалева, основываясь на данных левобережной Украины³⁰. В своем исследовании ученый пишет об уникальном погребении ремесленника. В данном погребении были найдены набор каменных наковаленок, молоточек для ювелирной обработки металлической фольги³¹.

Высокий статус погребенных с инструментами для обработки дерева отметил А. Т. Синюк, основываясь на данных раскопок Павловского могильника на Сред-

²³ Пустовалов 2000, 308.

²⁴ Мельник, Сердюкова 1998, 118.

²⁵ Шилов 1975, 81.

²⁶ Васильев 1980, 53.

²⁷ Моргунова и др. 2010, 50.

²⁸ Моргунова 2013, 15.

²⁹ Моргунова 2013, 15.

³⁰ Ковалева 1989, 16.

³¹ Ковалева 1989, 16.

нем Дону³². По его мнению, частое нахождение плотницкого и иного ремесленного инструмента в наиболее выдающихся подкурганых памятниках типа Майкопского³³, Утевских³⁴ курганов, принадлежность которых племенным вождям не вызывает сомнений, свидетельствует о связи оформляющейся кланово-производительной организации с реальной политической властью, когда вожди родов и племен еще придерживались видимости почитания трудовой деятельности. Это явление отмечено и Е. Н. Черных на этнографических параллелях при исследовании структуры древнейшего металлургического производства³⁵.

Погребения мастеров под курганами — это не случайный обряд в ямном обществе. Обычай хоронить мастеров под курганом свидетельствует о том, что мастера имели высокий социальный статус, — видимо потому, что их ремесло было востребованным, а мастерство воспринималось как нечто магическое и божественное, продолжение работы мастера в ином мире — как гарантия стабильности и развития общества. В этнографии таджиков можно найти данные, которые свидетельствуют, что профессиям учили добрые духи. Мастер, как и шаман, был их избранником, и за это духи требовали от него ритуальных жертвоприношений, даже вступления с ними в интимные отношения. Тем самым добрые духи определяли будущую жизнь и судьбу одержимого, помогали в борьбе со злыми духами³⁶.

Таким образом, погребения с производственным инвентарем позволяют сделать вывод, что в ямном обществе начинает проявляться специализация в области металлургии и плотничества. Специализация в области какого-либо ремесла позволяла некоторым индивидам проявить свои умения и повысить свой социальный статус. Вероятно, в обществе скотоводов ямной культуры ремесленное производство играло важную роль в экономике. Мастера-металлурги снабжали общество ценными для того времени оружием и орудиями труда. Мастера-плотники производили повозки и легкие переносные жилища, без которых кочевой образ жизни был невозможен. А мастера, производившие большое количество материальных благ, могли повысить свой социальный статус при жизни. После смерти они могли удостоиться пышных поминальных и похоронных действий. Нужно отметить, что, видимо, не все индивиды, которым были положены инструменты мастера, при жизни являлись ремесленниками. Находки данных артефактов в захоронениях лидеров-вождей символизируют большую ценность этих инструментов и производств в ямном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

- Березанская С. С.* 1994: Ремесло эпохи энеолита — бронзы на Украине. Киев.
Бромлей Ю. В. (ред.) 1988: История первобытного общества: эпоха классового образования. М.
Васильев И. Б. 1980: Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 32-58.

³² Синюк 1983, 50.

³³ Марковин, Мунчаев 2005, 55.

³⁴ Васильев 1980, 53.

³⁵ Черных 2005, 36.

³⁶ Муродов 1977, 82.

- Ковалева И. Ф.* 1989: Социальная и духовная культура племен бронзового века. Днепрпетровск.
- Марковин В. И., Мунчаев Р. М.* 2005: Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. М.
- Матюхин А. Д.* 1999: Погребение эпохи бронзы у села Белогорье // Археологическое наследие Саратовского края охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3, 48-52.
- Мельник А. А., Сердюкова И. Л.* 1988: Реконструкция погребальной повозки ямной культуры // Новые памятники ямной культуры Киев, 118-124.
- Моргунова Н. Л.* 1992: К вопросу об общественном устройстве древнеямной культуры // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 5-27.
- Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю.* 1994: Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург.
- Моргунова Н. Л.* 2000: Большой Болдыревский курган // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4, 55-62.
- Моргунова Н. Л., Турецкий М. А.* 1998: Курганная группа у хут. Барышников // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 3-16.
- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Дегтярева А. Д., Евгеньев А. А., Кушцова Л. В., Салугина Н. П., Хохлова О. С., Хохлов А. А.* 2010: Скворцовский курганный могильник. Оренбург.
- Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю., Богданов С. В.* 1992: Курганы древнеямной культуры в левобережье реки Урал // Древняя история населения Волго — Уральских степей. Оренбург, 80-91.
- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Краева Л. А., Мещеряков Д. В., Халяпин М. В., Хохлова О. С.* 2003: Шумаевские курганы. Оренбург.
- Моргунова Н. Л., Турецкий М. А.* 2003: Ямные памятники у села Шумаево: новые данные о колесном транспорте у населения Западного Оренбуржья в эпоху раннего металла // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3, 144-159.
- Моргунова Н. Л.* 2013: Радиоуглеродная хронология ямной культуры Волго-Уральского междуречья // КСИА. 230, 5-22.
- Моргунова Н. Л.* 2014: Приуральская группа памятников в системе Волжско-Уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург.
- Муродов О.* 1977: Некоторые фольклорные жанры, связанные с древними верованиями таджиков // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 82-91.
- Сальников К. В.* 1962: Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // Археология и этнографии Башкирии. Уфа.
- Синюк А. Т.* 1983: Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж.
- Пустовалов С. Ж.* 2000: Курган «Тягунова Могила» и проблемы колесного транспорта ямно-катакомбной эпохи в восточной Европе // *Stratum plus*. 2, 296-321.
- Шилов В. П.* 1975: Очерки по истории древних племен нижнего Поволжья. Л.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В., Лебедева Е. Ю., Луньков В. Ю.* 2000: Исследование курганного могильника у села Першин // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4, 63-84.
- Черных Е. Н.* 2005: Каргалы том IV, некрополи на каргалах, население каргалов: палеоантропологические исследования. М.
- Яблонский Л. Т., Хохлов А. А.* 1994: Краниология населения ямной культуры Оренбургской области // Памятники древнеямной культуры на Илеке / И. Б. Васильев (ред.). Екатеринбург, 116-152.

INDUSTRIAL COMPLEXES OF THE PIT-GRAVE CULTURE IN THE RIVERS
REGION THE VOLGA AND URAL*A. A. Faizullin*

In this article on the basis of the funerary monuments of pit-grave culture of the Volga-Ural its industrial complexes are investigated. The special attention is paid to burials in which there are tools associated with metallurgical production and carpentry. The analysis of funerary complexes allows author to draw a conclusion that in pit society specialization in the field of metallurgy and carpentry begins to appear.

Key words: Volga-Ural Interfluves, pit-grave culture, craft, master, metallurgy, carpentry, social structure

© 2015

И. А. Файзуллин

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ БЫТОВЫХ ПАМЯТНИКОВ СРУБНОЙ
КУЛЬТУРЫ В ЗАПАДНОМ ОРЕНБУРЖЬЕ*

Работа посвящена истории изучения бытовых памятников срубной культуры на территории Западного Оренбуржья. В статье рассматриваются проблемы исследования памятников эпохи бронзы. Основным аспектом являются полевые исследования срубной культуры, а также вклад Оренбургской археологической экспедиции в ее изучение.

Ключевые слова: срубная культура, Западное Оренбуржье, бытовые памятники, бронзовый век

Первыми шагами в исследовании бытовых памятников срубной культуры на территории западной части Оренбургской области были работы, проведенные В. В. Гольмстен в 20-е гг. прошлого века. Работая в северо-западных районах области по рекам Кинель и Самара, она смогла выявить несколько поселений и курганных могильников эпохи бронзы. Ею же были произведены первые раскопки двух поселений: Сорочинского поселения на реке Самаре и поселения у хутора Гурова близ села Державино Оренбургской области.

В дальнейшем материалы раскопок В. В. Гольмстен были обработаны и опубликованы О. А. Кривцовой-Граковой в монографии «Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы»¹. В ней она сообщает лишь о культурной

Файзуллин Ильдар Асхатович — научный сотрудник археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: Pdar-1988@mail.ru

* Работа выполнена при поддержке Задания № 33.1471.2014К на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности.

¹ Кривцова-Гракова 1955, 37–38.

принадлежности Сорочинского поселения, определяемой как ранний этап срубной культуры. О поселении у хутора Гурова известно чуть больше, в той же работе О. А. Кривцова-Гракова отмечает, что на поселении преобладают баночные неорнаментированные сосуды довольно больших размеров, сосуды орнаментированы зигзагом или неправильными рядами ямок. Также на поселении были обнаружены и два достаточно интересных острореберных сосуда, орнаментированных более сложным орнаментом, расположенным выше ребра. Данное поселение вслед за Сорочинским Кривцова-Гракова относил к раннему этапу существования срубной культуры.

В дальнейшем вплоть до 70-х гг. XX века специальных работ по поиску и полевому изучению бытовых памятников практически не проводилось. Однако необходимо отметить, что К. В. Сальников в своей работе «Очерки древней истории Южного Урала» упоминает о некоторых случаях нахождения срубных поселений. Так, в этой работе он пишет, что в 1929 и 1930 гг. в верховьях р. Демы Пономаревского района Оренбургской области несколько срубных селищ было открыто М. Г. Маткиным. Позже, в 1955 г., ученики Боровской средней школы обнаружили в обрыве оврага близ села Старая Александровка Бузулукского района керамику срубной культуры с примесью толченой раковины. В том же году в Саракташском районе у села Гавриловка на берегу р. Чебеньки местные жители обнаружили срубное селище, которое в последующем обследовал С. А. Попов².

Таким образом, вторая четверть XX века стала для изучения бытовых памятников срубной культуры временем первого накопления материалов. В это время наблюдается лишь эпизодическое изучение памятников, что было связано прежде всего с отсутствием собственного археологического центра в самой области. Данный факт, по мнению ряда исследователей, объясняется спецификой советской археологической науки в довоенный период, которая заключалась в усилении ее централизации и влиянии этого процесса на сокращение исследовательской работы на местах³.

В дальнейшем, вплоть до 1976 года, на территории региона проводились работы исключительно по изучению погребальных памятников срубной культуры. Так, в период с 1956–1974 гг. на территории области работал отряд Южно-Уральской археологической экспедиции под руководством К. Ф. Смирнова. Основным направлением деятельности экспедиции было изучение памятников раннего железного века, однако в ходе работ был изучен целый ряд курганов срубной культуры⁴.

Помимо ЮУАЭ, на территории региона работали экспедиции и из других иногородних центров. С 1974 г. по 1975 г. в Оренбургской области работал отряд Башкирского государственного университета во главе с Н. А. Мажитовым⁵. Отряд провел разведочные работы на территории Шарлыкского, Октябрьского и Саракташского районов. Было выявлено около 70 памятников, на 17 из которых производились раскопки. В ходе этих работ изучены памятники разных эпох от бронзы до средневековья. Интересны результаты работ на Биккуловском курганном мо-

² Сальников 1967, 155–156.

³ Евгеньев 2007, 523–530.

⁴ Моргунова, Евгеньев 2011, 236–243.

⁵ Мажитов 1976, 163.

гильнике. Он состоял из 14 курганов, изучено было 2 насыпи. В погребениях был обнаружен срубно-алакульский материал.

Символичной для оренбургской археологии является работа, проделанная Н. Л. Габелко (Моргуновой) в 1976 году по спасению Сорочинского поселения, которое попадало под зону строительства Сорочинского водохранилища. Памятник исследован небольшой площадью. На поселении найден в основном керамический материал⁶.

Дальнейшие исследовательские работы по поиску и археологическому изучению бытовых памятников срубной культуры практически целиком связаны с деятельностью Оренбургской археологической экспедиции, основанной в 1977 году Ниной Леонидовной Моргуновой на базе Оренбургского государственного педагогического института, ныне университета.

Наблюдая факт плохой изученности поселенческих материалов срубной культуры, ОАЭ поставила перед собой цель исследовать бытовые памятники этой культуры. В период с 1977 по 1989 гг. были произведены раскопки шести поселений. Особый интерес вызвали поселения: на западе области - II Сухореченское, Ивановское, Токское, в центре области — Краснохолмское. Раскопки проводились под руководством Н. Л. Моргуновой и О. И. Пороховой⁷.

Керамика II Сухореченского поселения, по мнению авторов раскопок, выглядит более архаичной из-за таких ее черт, как разнообразие геометрических элементов орнамента и расчесов. Также на поселении найдены более архаичные формы керамики, которые аналогичны репинской. Аналогичные материалы встречены на Родниковом поселении⁸.

К более позднему времени авторы отнесли Токское и Ивановское поселения. Такие характеристики керамики, как грубая обработка сосудов, большой процент неорнаментированных сосудов, небольшое количество остросребренных сосудов говорят о более позднем времени существования поселения. Таким образом, три поселения дали материал, который, по мнению авторов, характеризовал два периода срубной культуры на территории западных районов Оренбургской области. Так, II Сухореченское поселение было датировано XV-XIV вв. до н. э., а Токское и Ивановское — несколько позднее, XIII в. до н. э.⁹

Необходимо отметить, что все вышеперечисленные поселения практически не испытали на себе андроновского влияния, это говорит о плотном заселении западных районов Оренбуржья срубными племенами.

Совсем другая картина наблюдается в центральном Оренбуржье. Изученное там Краснохолмское поселение является ярким примером срубно-андроновских связей. Многие сосуды невозможно отнести ни к срубной, ни к андроновской керамике, поскольку на сосудах наблюдаются разнокультурные признаки. Материалы памятника находят аналогии на погребальных памятниках Пятимары и Увак, расположенных неподалеку, которые Э. А. Федорова-Давыдова отнесла к андроновским древностям. Она датировала могильники третьей четвертью II ты-

⁶ Габелко 1977, 91–94.

⁷ Моргунова, Порохова 1989, 168–169.

⁸ Купцова, Файзуллин 2012, 70–100.

⁹ Моргунова, Порохова 1989, 170.

сячелетия до н. э., вслед за ней этим же временем Н. Л. Моргунова датировала и поселение¹⁰.

Исследованные древности существенно дополнили знания о хозяйстве срубной культуры. Раскопки, проведенные на этих памятниках, подтвердили точки зрения К. В. Сальникова и Э. А. Федоровой-Давыдовой о границах распространения срубных и андроновских племен на территории Оренбургской области. Если Э. А. Федорова-Давыдова условно говорила о том, что центр Оренбургской области является западной окраиной андроновского ареала¹¹, то К. В. Сальников четко проводил границу между территориями проживания данных культур, устанавливая ее между Оренбургом и Бузулуком¹².

Особой вехой в изучении срубной культуры в Оренбургской области является работа по изучению Каргалинских медных рудников экспедицией ИА РАН под руководством Е. Н. Черных. Уникальность Каргалинского горно-металлургического комплекса (ГМК) заключается в отличной сохранности многочисленных шахт на огромной территории. Среди полей рудных выработок обнаружены поселения горнорабочих как бронзового века (в основном срубных), так и нового времени (XVIII-XIX вв.)¹³.

Начиная с 1991 года исследования на Каргалинских рудниках приобрели широкие масштабы. Было проведено тщательное картографирование территории рудников с привлечением авиации, в работах участвовали иностранные специалисты различных областей науки для всестороннего изучения памятника. Необходимо отметить, что общая площадь Каргалинского горно-металлургического центра составляет 135–140 квадратных километров. Данный памятник без всяких сомнений можно назвать одним из величайших центров металлургии древности.

К настоящему времени на территории Каргалинского рудного поля удалось зафиксировать до двух десятков поселений бронзового века, три курганных могильника и один одиночный курган.

Особый интерес в этой связи вызывает поселение срубной культуры у с. Горного. Всего за девять полевых сезонов было вскрыто более 1208 кв. м площади. Памятник отличает очень сильная насыщенность слоя находками металлических изделий и форм для их изготовления. Нет ни одного памятника на территории Евразии, который можно сравнить в этом показателе с данным поселением. Например, на поселении найдена рекордная коллекция медных изделий, однако это объясняется тем, что само поселение долгое время служило «долговременным прибежищем оседлых металлургов». По количеству найденных медных предметов поселение превосходит все известные поселения срубной культурной исторической общности в совокупности. Очень интересным фактом является наличие очень большого количества костей домашних животных в слое поселения. Авторы раскопок отмечали, что понять источник этого явления не так просто и, скорее всего, его корни следует искать в сакрально-магической сфере жизнедеятельности срубного населения¹⁴.

¹⁰ Моргунова, Порохова 1989, 171.

¹¹ Федорова-Давыдова 1969, 74–79.

¹² Сальников 1950, 317–318.

¹³ Черных 2004, 5–7.

¹⁴ Черных и др. 1999, 77–103.

Осознавая значимость публикации материалов раскопок прежних лет, в 2012 году исследователи полностью опубликовали материалы Родникового поселения¹⁵. Поселение было исследовано в период с 1982 по 1983 годы отрядом Оренбургской археологической экспедиции под руководством О. И. Пороховой. Родниковое поселение является многослойным памятником, где были обнаружены материалы эпохи средней, поздней и финальной бронзы. Материалы поздней бронзы содержали срубно-алакульский материал.

В последнее время в регионе вновь стали исследоваться бытовые памятники эпохи поздней бронзы, летом 2012 года отрядом Оренбургской археологической экспедиции было исследовано I поселение у села Малоюлдашево Красногвардейского района Оренбургской области. Порядка 80% изученного поселенческого инвентаря приходится на культурный слой эпохи позднего бронзового века (срубная культура)¹⁶.

Степень изученности бытовых памятников срубной культуры в настоящее время можно определить как недостаточно высокую. Этот факт определяет это направление как одно из самых перспективных в исследованиях, посвященных эпохе поздней бронзы в регионе. В этой связи представляет интерес количественное соотношение исследованных погребальных и бытовых памятников. Так, в Западном Оренбуржье раскопками изучено 25 погребальных памятников, а бытовых лишь 11. Такая диспропорция, к сожалению, ограничивает исследования, посвященные эпохе поздней бронзы.

Однако следует отметить, что в регионе в последнее время наметилась положительная тенденция в вопросе изучения бытовых памятников. Ежегодно в ходе разведок, проводимых ОАЭ, выявляются новые памятники, впервые за последние пятнадцать лет были произведены стационарные раскопки I Малоюлдашевского поселения и опубликованы материалы предыдущих лет. Кроме того, помимо бытовых, исследуются погребальные памятники срубной культуры. В течение семи последних полевых сезонов полностью исследованы курганные могильники Лабазы¹⁷, Скворцовка¹⁸ и Боголюбовка¹⁹. При изучении памятников широко применялись естественнонаучные методы: палеопочвенные исследования, антропологические, технико-технологический анализ керамики, металлография, — а также была получена целая серия радиоуглеродных дат. По итогам работ было опубликовано три обобщающие монографии, в настоящее время ведется работа над коллективной монографией, посвященной изучению Малоюлдашевского поселения.

ЛИТЕРАТУРА

Габелко Н. Л. 1977: Поселение срубной культуры на р. Самаре в Оренбургской области // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 91–94.

Евгеньев А. А. 2007: Археология Оренбуржья в 20–30 гг. XX века // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. Т. 9. 2 (20), 523–530.

¹⁵ Купцова, Файзуллин 2012, 70–100.

¹⁶ Евгеньев 2014.

¹⁷ Моргунова и др. 2009.

¹⁸ Моргунова и др. 2010.

¹⁹ Моргунова и др. 2014.

- Евгеньев А. А.* 2014: Отчет о раскопках поселения Малоюдашево I в Красногвардейском районе Оренбургской области в 2012 году // Архив археологической лаборатории ОГПУ. Оренбург.
- Кривцова-Гракова О. А.* 1955: Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 46, 37–38.
- Купцова Л. В., Файзуллин И. А.* 2012: Родниковое поселение позднего бронзового века в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. 10, 70–100.
- Мажитов Н. А.* 1976: Работы на р. Салмыш // АО, 163.
- Моргунова Н. Л., Евгеньев А. А.* 2011: Роль Южно-Уральской археологической экспедиции под руководством К. Ф. Смирнова в разработке проблем бронзового века степной зоны Евразии // История археологии: личности и школы: Материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В. В. Хвойки. Киев; СПб., 236–243.
- Моргунова Н. Л., Порохова О. И.* 1989: Поселения срубной культуры в Оренбургской области // Поселения срубной общности. Воронеж, 160–172.
- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Евгеньев А. А., Китов Е. П., Салугина Н. П., Хохлова О. С., Хохлов А. А.* 2009: Лабазовский курганный могильник срубной культуры. Оренбург.
- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Дегтярева А. Д., Евгеньев А. А., Салугина Н. П., Хохлова О. С., Хохлов А. А.* 2010: Скворцовский курганный могильник. Оренбург.
- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Евгеньев А. А., Крюкова Е. А., Купцова Л. В., Рослякова Н. В., Салугина Н. П., Турецкий М. А., Хохлов А. А.* 2014: Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области. Оренбург.
- Сальников К. В.* 1950: Хвалынско-андроновские курганы у с. Погромного // СА. XIII, 317.
- Федорова-Давыдова Э. А.* 1969: Памятники эпохи бронзы на реке Кинделе // Экспедиция ГИМ. М., 74–79.
- Черных Е. Н.* 2004: Каргалы. Т. I. М.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В., Лебедева Е. Ю., Агапов С. А., Луноков В. Ю., Орловская Л. Б., Тенейшвили Т. О., Вальков Д. В.* 1999: Археологические памятники эпохи бронзы на Каргалах. (поселение Горный и другие.) // РА. М., 77–103.

THE HISTORY OF THE STUDY OF SITES OF THE TIMBER GRAVE CULTURE IN THE WESTERN ORENBURG REGION

I. A. Fayzullin

This work is devoted to the history of the study of household monuments of the so-called Srubnaya (Timber Grave) culture in the Western Orenburg region. This article considers the researching problems of the monuments in the Bronze Age. The main aspects of investigation are field monuments of the Timber-Grave culture, and the contribution of the Orenburg archaeological expedition.

Key words: Srubnaya (Timber-Grave) culture, the Western Orenburg region, Bronze Age

---

Мезоамерика

© 2015

Д. С. Байда

ЖЕНЩИНЫ ПРИ ДВОРЕ МАЙЯ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА В ТЕКСТАХ И ИЗОБРАЖЕНИЯХ*

В статье рассматривается ряд вопросов, связанных с изображением женщины из придворного общества древних майя классического периода в различных видах письменных и изобразительных источников. Отдельное внимание уделяется политической роли женщины при дворе и ее отражению в сохранившихся источниках.

Ключевые слова: майя, царский двор, гендер, эпиграфика, иконография

На протяжении большей части человеческой истории наиболее распространенной формой правления была монархия. В разных регионах она обретала свои особенности, но в целом имела ряд неотъемлемых характеристик, таких как социальное неравенство и статусная иерархия, передача власти по наследству и особые социальные нормы, при которых домовладение правителя включает в себя и государственную администрацию. Яркой особенностью подобных политических систем является наличие в них придворного общества, главной и, пожалуй, единственной задачей которого является служение монарху. Состав придворных и выполняемые ими функции варьируются в зависимости от каждого конкретного рассматриваемого общества. Однако в целом наличие привилегированной группы людей, наиболее приближенных к правителю, которой свойственны особые нормы поведения, характерны для всех обществ с монархической формой правления¹.

И хотя большинство придворных, как правило, составляют представители мужского пола, ни один царский двор не может функционировать без присутствия в нем женщин. Скрыто или публично, они выполняют множество функций, без которых существование царского двора и самого института монархии было бы невозможным. В первую очередь это жены и матери правителей, женщины обеспечивают сохранение династии. Зачастую именно связи по женской линии являются для правителя единственным легитимным вариантом обоснования своих

Байда Дарья Сергеевна — аспирантка кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ им. В. М. Ломоносова. E-mail: datel@bk.ru

* Публикация подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта на тему «Территориально-политическая организация древних майя в области Центральных низменностей (ГИС-моделирование)» (грант РФФИ № 14-06-00372; 2014–2015 гг.).

¹ Walthall 2008, 1.

притязаний на престол. Помимо подобной пассивной роли, женщина может весьма активно влиять на судьбу династии и государства, беря правление в свои руки путем регентства при малолетнем правителе, сохраняя таким образом за ребенком его права на трон, либо занимая престол самостоятельно.

Матери, жены, наложницы, служанки — присутствие женщины при дворе и в жизни правителя зачастую скрыто от посторонних глаз, но является необходимым и фундаментально важным.

В данной работе мы обратимся к придворному обществу древних майя с точки зрения положения в нем женщины. Основной фокус будет направлен на рассмотрение того, как роль женщины при дворе отражена в иероглифических текстах и иконографии.

Гендерные исследования активно развиваются с середины XX в., в том числе и на материале доколумбовой Америки, и на сегодняшний день достигли большого прогресса.

Рис. 1. Керамический сосуд K0764.

В тексте и подписях к иллюстрациям (Рис. 1 и 8) буква «К» и номер означают порядковый номер в каталоге Джастина Керра (Justin Kerr).

Одной из первых к теме изображения женщины в майяском искусстве обратилась Татьяна Проскурякова, опубликовав в 1961 г. работу “Portraits of Women in Maya Art”, основанную на анализе иконографии монументов из наиболее известных центров (таких как Пьедрас-Неграс, Йашчилан, Тикаль, Паленке, Копан и др.).

Растущий интерес к гендерным исследованиям и накопление достаточного количества материала к концу 80-х гг. XX в. позволили провести первые конференции².

В настоящее время, основываясь на данных археологии, эпиграфики и иконографии, современные ученые не подвергают сомнению важность той роли, которую женщины играли в жизни царского двора у древних майя. В силу особен-

² Gero, Conkey 1991; Walde, Willows 1991; Wright 1996; Claassen 1991; Claassen, Joyce 1997; Schroeder, Wood, Haskett 1997; Nelson 1997; Gilchrist 1999; Bruhns, Stothert 1999; Sorensen 2000; Arden 2001; Rodríguez-Shadow 2007; Rodríguez-Shadow, López Hernández 2011.

ностей источниковой базы исследователи в основном располагают сведениями именно об этой категории женщин. Искусство майя, особенно монументальное, носило строго элитарный характер, а потому сохранившиеся источники содержат информацию именно о женщинах, относившихся к верхушке майяского общества, принимавших непосредственное участие в политической жизни.

Женские изображения присутствуют на всех видах изобразительных источников: на предметах мелкой пластики, керамике и в монументальном искусстве. Каждому из них присущи свои особенности, продиктованные как спецификой материала, так и существовавшими традициями. Здесь необходимо обратиться к вопросу о том, что лежит в основе идентификации женского изображения в различных типах источников и какие проблемы в данном контексте встают перед исследователями.

Прежде всего отметим, что монументальное искусство демонстрирует отличную от предметов мелкой пластики и керамики традицию изображения человеческого тела³. Наиболее точно женские образы отражены в керамических статуэтках, получивших широкое распространение в классический период. Глиняные фигурки выполнялись в различных стилях и формах, чаще всего в виде свистулек и погремушек, а также как часть погребального инвентаря. Наивысшего развития техника их изготовления достигла в регионе р. Усумасинты и на побережье Мексиканского залива в районе Кампече. Фигурки из Хонуты, Табаско и о. Хайна (Кампече) хорошо известны высокой натуралистичностью изображения, отражающей многие аспекты повседневной жизни⁴. Довольно точная передача контуров тела, одежды и изображение характерной деятельности не оставляет вопросов о гендерной принадлежности изображенного человека.

Женские изображения также встречаются на полихромной керамике. На многих из сохранившихся керамических сосудов запечатлены дворцовые сцены, где среди присутствующих часто встречаются женщины (рис. 1). Женские фигуры на керамике легко идентифицируются, так как традиция изображения на сосудах, так же как в случае с керамическими статуэтками, подразумевала весьма достоверную передачу контуров человеческого тела.

В монументальном же искусстве, как наиболее официальном, традиция изображения человеческого тела была более строгой и унифицированной. На монументах редко изображается обнаженное тело (в данном случае речь идет о протагонистах, персонажах, принадлежавших к элите майяского общества; пленники или поверженные враги часто изображаются в одной набедренной повязке либо вовсе без одежды), а его пропорции или тип лица в большинстве случаев являются одинаковыми у мужчин и женщин. В таком случае основную роль в идентификации мужской или женской фигуры играют различия в костюмах и наличие подписи в тексте⁵.

Здесь, однако, надо иметь в виду, что такой вид монументального искусства, как фреска, имеет схожую с керамикой традицию изображения человеческого тела и в большинстве случаев сложностей с определением половой принадлежности персонажей не возникает.

³ Joyce 2001, 65.

⁴ Proskouriakoff 1961, 81.

⁵ Joyce 2001, 60.

Если сравнивать мужской и женский костюм, то, как они представлены на монументальных изображениях, видно, что женское одеяние максимально скрывает тело, в то время как задачей мужского является демонстрация и подчеркивание силы и мужества через обнажение большей части тела. Женская одежда зачастую многослойна и покрывает все тело, кроме головы, кистей рук и ступней, рисунком изысканно сотканного текстиля. Мужское облачение, напротив, демонстрирует обнаженные руки и ноги, а верхняя часть корпуса лишь частично скрывается за нашейным или наплечным украшением⁶.

В женском костюме, будь то изображение на керамике или на монументах, никогда не используются шкуры животных. Женский пол стойко ассоциируется с тканой одеждой, в то время как мужчины часто изображаются в костюмах из шкур животных, прежде всего ягуара⁷.

Изображения на монументах позволяют выделить несколько типов женского костюма:

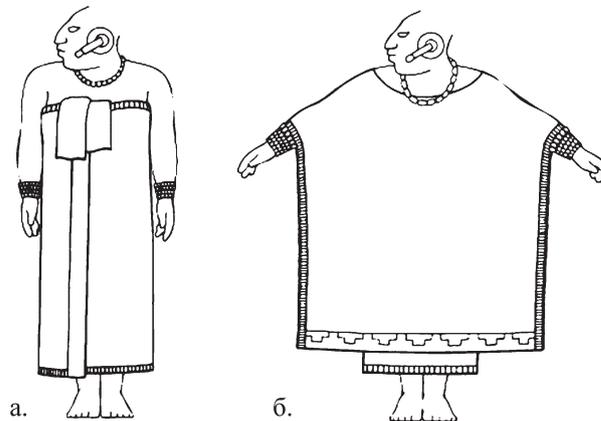

Рис. 2. — рисунок М. Росса.

«Саронг».

Женщины, изображенные на керамических сосудах, часто облачены в костюм, состоящий из одного куска материи, который оборачивался вокруг тела и завязывался спереди над грудью (рис. 2а). Подобный костюм мог быть обычной повседневной одеждой. На некоторых сосудах встречаются вариации этого костюма: один край материи мог быть перекинут через плечо. Подобного рода одеяние встречается на керамических фигурках из Петена, Гватемала, и Кампече, но значительно реже на монументах⁸.

Уйпиль (Huipil).

Костюм, выполненный из искусно сотканного материала, полностью покрывающий тело, также часто встречается на керамике и в монументальном искусстве (рис. 2б). Наиболее яркими примерами здесь могут служить изображения на притолоках из Йашчилана и монументы из Бонампака. Женщины из царской

⁶ Joyce 2001, 65.

⁷ Taylor 1999, 528.

⁸ Taylor 1999, 529.

семьи изображались в костюме, сшитом из плотной, богато декорированной ткани с вышитым орнаментом (например, в виде ромбов)⁹.

Костюм из юбки и отдельной верхней части, которая завязывалась над грудью и оставляла руки открытыми (рис. 3а). Подобное одеяние встречается на фигурках из Кампече, а в монументальном искусстве на «Палетке Рабов» из Паленке (Чиапас, Мексика).

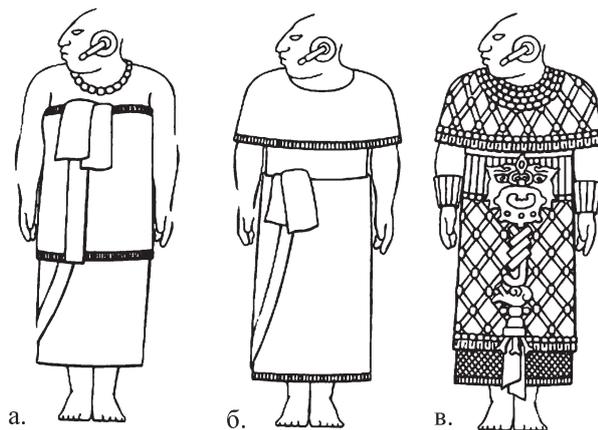

Рис. 3. — рисунок М. Росса.

Кечкемитль (Quechquemil) и юбка.

В данном костюме сочетаются юбка и небольшое пончо, *кечкемитль*, которое закрывает плечи и грудь (рис. 3б). Этот элемент костюма был заимствован майя из центральной Мексики¹⁰.

Костюм, состоящий из юбки и верхней части, которые изображены похожими на сеть и были выполнены из стекла и жада (рис. 3в). Женщины в подобном одеянии изображены на монументах Петена и Паленке. На керамике такой костюм встречается редко и только в изображении божеств.

Юбка. Костюм, состоящий из одной юбки, оставляющий открытой грудь, никогда не встречается на монументах, однако довольно часто изображается на керамике (рис. 4)¹¹.

Монументальные тексты и сопровождающая их иконография дают немало сведений о женщинах, присутствовавших при дворах майяских правителей и игравших значительную роль в их жизни. Большая часть текстов, где встречаются упоминания женщин, относится к периоду поздней классики (600-800).

Рис. 4. — рисунок М. Росса.

⁹ Joyce 2001, 60.

¹⁰ Taylor 1983/1,72.

¹¹ Taylor 1999, 561.

Несомненно, при упоминании о женщине при дворе в первую очередь на ум приходит ее роль как матери или жены правителя — центральной фигуры всей дворцовой жизни. В текстах присутствуют соответствующие термины родства: *y-al* — ‘ребенок матери’ или *ujuntahn*, ‘ее забота’, термин, также относящийся к ребенку, и *y-atan* — ‘жена’.

Нередко майяским правителям приходилось подчеркивать свои связи с матерью с целью легитимации прав на престол; один из наиболее известных тому примеров присутствует в текстах Паленке, связанных с началом правления царя К’инич-Ханаб-Пакаля (615-683). Пришедший к власти после династического кризиса, К’инич-Ханаб-Пакаль относился к царской династии Лакамхи именно

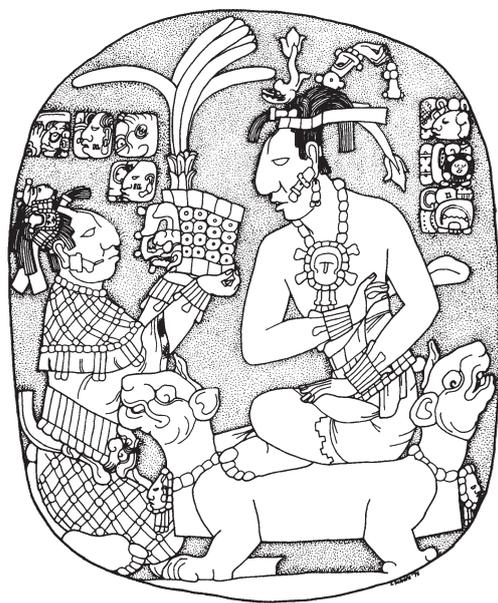

Рис. 5. Овальная палетка (Паленке, Мексика).
Прорисовка Л. Шили.

по линии матери, Иш-Сак-К’ук. На знаменитой Овальной палетке, монументе, находящемся в тронном зале Дворца Паленке, К’инич-Ханаб-Пакаль изображен принимающим инсигнии власти из рук своей матери (рис. 5). Вполне вероятно, что после воцарения сына, которому на тот момент было 12 лет, Иш-Сак-К’ук еще какое-то время исполняла роль регента при малолетнем правителе¹².

Политическая роль женщины, таким образом, может быть охарактеризована с точки зрения сохранения династических связей, а также установления новых через заключение междинастических браков.

Не стоит, однако, полагать, что вступление в брак и рождение наследников престола было единственной функцией женщины при дворе. Наиболее часто представи-

тельницы двора упоминаются в контексте их участия в различных ритуалах. На монументах женщины чаще всего изображены в церемониальном облачении во время того или иного ритуала, как правило сопровождающими своего мужа. Частое изображение царя и царицы во время совместного проведения ритуала на монументах Йашчилана, Калакмуля и других археологических зон свидетельствует о практически равной вовлеченности мужчины и женщины в ритуальную активность¹³.

Однако существует и достаточное количество ритуалов, запечатленных в монументальном искусстве, где женщина выступает главным или единственным действующим лицом; особенно это касается монументов западных низменностей¹⁴.

¹² Stuart, Stuart 2008, 157.

¹³ Josserand 2002, 127.

¹⁴ Josserand 2002, 118.

О подобной роли красноречиво повествуют притолоки Здания 23 из Йашчилана, бывшего резиденцией жены Ицаннах-Балама III (681-742), Иш-К'абаль-Шок, на которых царица принимает участие в ритуалах кровопускания вместе с мужем и одна. На притолоке 24 она изображена стоящей на коленях перед мужем в момент пропускания веревки с шипами через язык (см. рис. 6). На притолоке 25 она также запечатлена в момент проведения ритуала кровопускания, но уже без мужа. Перед царицей стоит чаша для кровопускания, из которой появляется так называемый «Змей Видения» (*vision serpent*).

Некоторые исследователи подчеркивают важность участия женщины в ритуалах кровопускания из-за их связи с лунным календарем. Польский археолог С. Иванишевский на основе анализа притолок из Йашчилана высказал мнение о том, что мужчины-правители старались совершать ритуалы, связанные с кровопусканием, в то время, когда Луна была не видна на небе, тем самым избегая ее влияния. Жены правителей, напротив, не считали Луну опасной для себя, а потому при необходимости могли выполнять ритуалы вместо мужей в неблагоприятные даты¹⁵.

Интересной деталью изображений ритуальной активности является возможная необходимость использовать один и тот же тип костюма для определенных ритуалов даже в разных поколениях. Это видно на примере нескольких ритуалов, связанных с *vision serpent* и окончанием календарных периодов из Йашчилана (включая некоторые ступени иероглифической лестницы 2 из здания 33 и притолок 38, 39 и 40 из здания 16)¹⁶.

Иконография йашчиланских притолок — один из наиболее изящных примеров изображения женщины на монументах майя. На каждой из них, где присутствует царица, ее облачение передано с невероятным мастерством. Ни на одной притолоке рисунок ткани не повторяется и передан с большой точностью. Резчикам удалось изобразить и бахрому по краю одеяния царицы, и плавные линии его складок, когда она стоит на коленях во время ритуала. На притолоке 26, где царица Иш-К'абаль-Шок изображена в полный рост, уйпиль, сшитая из ткани искусной работы, мягко спадает, обнажая плечи женщины (рис. 7).

Глядя на изящные изображения женского костюма на йашчиланских притолоках, нельзя не упомянуть и о такой экономической роли женщины, как производство текстиля. Классическое искусство демонстрирует богатую традицию

Рис. 6. Притолока 24 (Йашчилан, Мексика). Прорисовка Я. Грэма.

¹⁵ Iwaniszewski 1997.

¹⁶ Josserand 2002, 118.

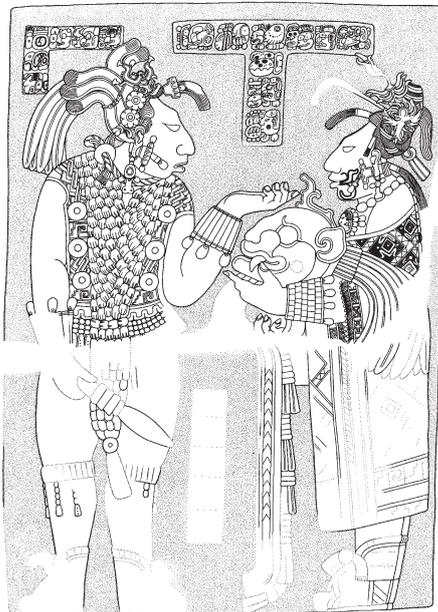

Рис. 7. (Йашчилан, Мексика). Прорисовка Я. Грэма.

производства тканей высокого уровня. По-видимому, в нем отражено появление традиции женского ткачества и вышивки по ткани, хорошо известной среди майя в более поздние периоды. Велика вероятность того, что мужчины были практически полностью исключены из процесса производства текстиля¹⁷.

Хлопковая ткань была важным элементом дани и подношений, что хорошо отражено в изображениях на керамике. Полотна связывались в тюки и подносились вместе с различными редкими материалами, такими как перья кецаля и морские раковины. Даже женщины самого высокого ранга не были исключены из процесса производства ткани, так как среди находок встречаются кости для шитья, принадлежавшие царицам (рис. 8). Кости покрыты резьбой, где говорится об их принадлежности: *uputs' baak*, ее кость для шитья¹⁸.

Можно также предположить, что некоторые помещения дворца отводились под нужды текстильного производства, в котором принимали участие в том числе и представительницы царской семьи. Ранние колониальные источники содержат сведения о «домах, куда женщины отправлялись, чтобы ткать»¹⁹.

Из источников известны и такие случаи, когда женщина находилась не на второстепенных ролях, а непосредственно правила в том или ином царстве, хотя в источниках зафиксировано крайне малое количество подобных случаев. В текстах имеется лишь несколько примеров, и один из наиболее ранних встречается в династическом списке царей Паленке, составленном К'инич-Ханаб-Пакалем. В тексте на восточной панели из Храма Надписей встречается имя царицы Иш-Йоль-Ик'наль (583-604), о которой известно, что на период ее правления пришлось первое разрушение Лакамхи, столицы царства Бакаль, войсками Кануля (599).²⁰ Имя правительницы в тексте сопровождается полным царским титулом: *K'uhul Baakal 'Ajaw* — божественная царица Бакаля.

Иш-Йоль-Ик'наль была единственной царицей на бакальском троне. Очевидно, что пребывание женщины на престоле для майя было случаем экстраординарным и выходило за рамки традиции престолонаследия. Свидетельством тому служит ранняя история Тикаля (Петен, Гватемала). Династические списки царей

¹⁷ Houston, Stuart 2001, 64.

¹⁸ Houston, Stuart 2001, 64.

¹⁹ Clark and Houston 1998, 37.

²⁰ Martin, Grube 2000, 159.

Кукуля содержат не только упоминание имени правителя, но и его порядковый номер после основателя династии Йаш-Эб-Шока. Это хорошо видно на примере позднеклассических текстов, в которых используется специальная формула в царской титулатуре: *Xth. tz'akbul Yax 'Ehb Xook* — «N^{ый} наследник Йаш-Эхб-Шока». И в данном контексте большой интерес вызывает надпись на сосуде K4679, в которой поочередно упоминаются 11, 13 и 14 цари Тикаля. Имя же 12 правителя в надписи отсутствует. К сожалению, у нас нет письменных источников этого времени и мы не можем полностью восстановить событийную историю данного периода. Тем не менее, согласно ретроспективным текстам, двенадцатым правителем Тикаля была царица Иш-Уне-Балам (*'Ix 'Une Bahlam*)²¹. Согласно тексту стелы 31, именно при ней закончилось 14-е 20-летие. Конец двадцатилетия приходится на дату по долговому счету 8.14.0.0.0, что соответствует 1 сентября 317 г. н.э. Однако до конца не понятен статус Иш-Уне-Балам в династической истории Тикаля. Остается вопрос, была ли она правящей царицей, а главное, почему, несмотря на то что она не записана в династическом списке, за ней все равно оставили 12-й номер.

Чаще женщины исполняли роль регента при своих малолетних детях — наследниках престола. Один из таких случаев, с Иш-Сак-К'ук и К'инич-Ханаб-Пакалем, уже был упомянут выше, однако, пожалуй, один из самых известных подобных примеров происходит из надписей Наранхо (Петен, Гватемала), куда 30 августа 682 г. прибыла дочь царя Дос-Пиласа Балах-Чан-К'авиля, Иш-Вак-Чан-Ахав-Вин. Очевидно, что был заключен династический брак, однако муж допиласской царевны известен лишь тем, что ни одного упоминания о нем в текстах до сих пор не обнаружено. Сама же Иш-Вак-Чан-Ахав-Вин, ставшая матерью царя К'ахк-Тилив-Чан-Чаака, упоминается на нескольких монументах, в том числе она изображена на стелах 24 и 29 попирающей пленников (см. рис. 9). Несмотря на то что Иш-Вак-Чан-Ахав-Вин ни разу не названа царицей Са'иля (*k'uhul Sa'il 'ajaw*), в своей титулатуре она всегда носит эмблемный иероглиф Дос-Пиласа; будучи регентом, она достигла большого могущества и политической силы: на обоих монументах имя царицы сопровождает титул *kalo'mte'*, наивысший царский титул, использовавшийся в области майя.

Если мы обратим внимание на иконографию стелы 24 (рис. 13), то увидим Иш-Вак-Чан-Ахав-Вин, имперсонифицирующую богиню луны, с чашей для жертво-

Рис. 8. Кости для шитья K8019a.

²¹ Martin, Grube 2000, 27.

Рис. 9. Стела 24 (Наранхо, Гватемала). Прорисовка Я. Грэма.

приношений в руках. Имперсонация богини луны встречается в искусстве майя как один из распространенных женских ритуалов. Художественный стиль изображения отличается от монументов области р. Усумасинты: фигура царицы лишена присущего изображениям на притолоках Йашчилана изящества. Она одета в юбку из бусин, которая спускается чуть ниже колен, и широкий пояс с изображением головы акулы и морской раковины, руки царицы обнажены. Ее внешний вид скорее приближен к изображениям правителей-мужчин: возможно, это не просто особенность изобразительного стиля, но намеренное сходство, целью которого было подчеркнуть политическую силу царицы.

Еще один интересный случай нахождения у власти женщины, не носившей официально царский титул, происходит из Пьедрас-Неграс, где во время правления К'инич-Йональ-Ака II (687–729) большое влияние получает его жена Иш-Винакхаб-Ахав. Из 8 сохранившихся монументов, установленных в период правления К'инич-Йональ-Ака, его жена упоминается на 4, а 2 монумента полностью посвящены ей. Кроме того, на стеле 3 упоминается крайне интересное событие, связанное с именем царицы: *'u-chamaw te'm 'Ix Winaakhaab 'Ajaw 'ix-Naman 'ajaw*, «взяла трон Иш-Винакхаб-Ахав, божественная царица Намана».

Является ли данный пассаж указанием на то, что 'Иш-Винакхаб-'Ахав стала законной правительницей при живом муже? Как правило, в подобных фразах используется глагол *Chum* «воссесть», однако он не используется в данном случае по отношению к женщине. Анализ источников, относящихся к периоду правления К'инич-Йональ-Ака II, говорит о его низкой политической активности, что в сочетании с частыми упоминаниями в текстах жены правителя может указывать на ее фактическое правление вместо мужа, который по тем или иным причинам оказался недостаточно сильным правителем.

В настоящее время в распоряжении исследователей находится достаточный корпус источников, как эпиграфических, так и археологических, постоянно пополняющийся за счет новых находок, который позволяет рассматривать вопросы, связанные с ролью женщины в майяском обществе в целом и в жизни царского двора в частности. Женские изображения широко представлены во всех видах майяского искусства, особенно в период поздней классики. Большое количество упоминаний, прежде всего женщин из царской семьи, а также других представительниц элиты, показывает высокую степень вовлеченности женщины практически во все сферы функционирования царского двора.

При исследовании источников на первый план выходит роль женщины как матери и жены правителя. Она также является связующим звеном в политических и военных отношениях за счет установления и сохранения династических связей. Однако не только за счет заключения браков и производства на свет наследников престола женщина оказывается вовлеченной в политическую жизнь двора. Выше были представлены примеры активного участия женщины в политике в качестве самостоятельного правителя.

Будучи основными, данные роли далеко не являются единственными для женщины при дворе. Представительницы царского рода принимают активное участие в ритуальных практиках. И хотя большую часть ритуалов, особенно с вовлечением широкой публики, проводят мужчины, жены сопровождают царей в достаточном количестве менее публичных ритуалов, а зачастую являются единственным участником действия.

Не столь заметной, но важной является роль женщины в экономике царского двора и общества в целом. Даже будучи представительницей знати, женщина была вовлечена в процесс производства текстиля, который использовался в том числе в качестве дани и подношений.

Таким образом, социальный статус женщины при дворе древних майя определялся широкой вовлеченностью практически во все сферы его функционирования.

ЛИТЕРАТУРА

- Arden T.* (ed.) 2002: *Ancient Maya Women*. Walnut Creek.
- Bruhns K., Stothert K.* 1999: *Women in Ancient America*. Norman.
- Clark J., Houston S.* 1998: *Craft Specialization, Gender, and Personhood Among the Post-Conquest Maya of Yucatan, Mexico* // *Craft and Social Identity* / C. Costin, R. Wright (eds.). Washington, 31-46.
- Claassen C.* (ed.) 1991: *Exploring Gender through Archaeology: Selected Papers from the Boone Conference*. Madison.
- Claassen C., Joyce R.* (eds.) 1997: *Women in Prehistory North America and Mesoamerica*. Philadelphia.
- Gero J., Conkey M.* (eds.) 1991: *Engendering Archaeology: Women and Prehistory*. Oxford.
- Gilchrist R.* 1999: *Gender and Archaeology Contesting the Past*. New York.
- Houston S., Stuart D.* 2001: *Peopling the Classic Maya Court* // *Royal Courts of the Ancient Maya* / T. Inomata, S. Houston (eds.). Boulder, 54-84.
- Iwaniszewski S.* 1997: *Lunar Cycles and the Rulers' Life at Yaxchilan, Chiapas, Mexico* // Paper Presented at the Fourth International Congress of Mayanists at La Antigua. Guatemala.
- Joyce R.* 2001: *Gender and Power in Prehispanic Mesoamerica*. Austin.
- Martin S., Grube N.* 2000: *Chronicle of the Maya Kings and Queens*. London.
- Nelson S.* 1997: *Gender in Archaeology, Analyzing Power and Prestige*. Walnut Creek.
- Proskouriakoff T.* 1961: *Portraits of Women in Maya Art* // *Essays in Pre-Columbian Art and Archaeology* // S.K. Lothrop et al. (eds.). Cambridge, 81-99.
- Rodríguez-Shadow M.* (ed.) 2007: *Las Mujeres en Mesoamérica Prehispánica*. México.
- Rodríguez-Shadow M., López Hernández M.* (eds.) 2011: *Las Mujeres Mayas en La Antigüedad*. México.
- Schroeder S., Wood S., Haskett R.* (eds.) 1997: *Indian Women of early Mexico*. Norman.
- Sorensen M.* 2000: *Gender Archaeology*. Oxford.
- Stuart D., Stuart G.* 2000: *Palenque. Eternal City of the Maya*. London.

Sweely T. (ed.) 1999: *Manifesting Power: Gender and the Interpretation of Power in Archaeology*. New York.

Taylor D. 1983: *Classic Maya Costume: Regional Types of Dress* 2 vols. PhD. dissertation. Yale University.

Kerr J., Kerr B. (eds.) 1999: *Painted Ladies: Costumes for Women in Tepeu Ceramics // The Maya Vase Book Vol. 3. A Corpus of Rollout Photographs of Maya Vases*. New York, 524-546

Walde D., Willows N. (eds.) 1991: *The Archaeology of Gender: Proceedings of the 22nd Annual Chac Mool Conference*. Calgary.

Wright R. (ed.) 1996: *Gender and Archaeology: Essays in Research and Practice*. Philadelphia.

WOMEN OF THE CLASSIC MAYA COURT IN TEXT AND IMAGE

D. S. Bayda

The article discusses some questions related to the image of women in court society of the ancient Maya of the classical period as it is represented in various types of written and visual sources. Special attention is paid to the political role of women in the court and its reflection in the surviving sources.

Key words: Maya, royal court, gender studies, epigraphy, iconography

© 2015

Е. С. Острирова

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СЛОЖНЫХ ОБЩЕСТВ В СЕВЕРНОЙ КОЛУМБИИ (I ТЫС. ДО Н.Э. — I ТЫС. Н.Э.)*

В статье дан обзор раннекерамических памятников северной Колумбии и развития деревень ранних земледельцев и рыболовов в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. на примере поселений в бухтах карибского побережья Сьерра-Невада-де-Санта-Марта.

Ключевые слова: Колумбия, тайрона, индейцы, ранняя керамика, археология

Археология северной Колумбии — динамично развивающееся направление, представленное как исследованиями наиболее значимых для всего Нового Света раннекерамических памятников V–IV тыс. до н.э., так и изучением поселений с монументальной архитектурой, относящейся к концу I тыс. н.э. — первой половине II тыс. н.э. При этом долгое время практически полностью отсутствовали исследования формативного периода в данном регионе — эпохи ранних деревень,

Острирова Елена Сергеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН. E-mail: maraveriza@gmail.com

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-31-01294 «Неолитизация в Южной и Центральной Америке: новейшие исследования и подходы».

в которых зарождались основы социально-политического развития индейских культур более позднего времени.

Наиболее значимые археологические памятники региона располагаются на северо-западе (низовья р. Магдалена и западное побережье Атлантики) и севере региона, где спускаются к побережью Карибского моря склоны горной системы Сьерра-Невада-де-Санта-Марта.

Памятники, на которых были найдены образцы одной из наиболее древних керамических традиций в Южной Америке, находятся на территории современного департамента Боливар. Это поселения Монсу и Пуэрто-Ормига, Пуэрто-Чакко, открытые Х. Райхель-Долматоффым, Барловенто, а также наиболее изученные на настоящее время памятники Сан-Хасинто 1 и Сан-Хасинто 2¹. Наиболее исследованным является памятник Сан-Хасинто 1, где получены самые ранние датировки (5940±60 л.н.). На этой сезонной стоянке охотников-собирателей на берегу р. Магдалена была найдена лепная керамика с растительными отошителями, для которой характерны зооморфные мотивы (моделированные налепы по венчику сосудов)². Данная керамическая традиция бытовала более тысячелетия, что демонстрирует памятник Сан-Хасинто 2, где радиоуглеродные датировки относятся к IV тыс. до н.э. Остальные раннекерамические памятники данного региона — это раковинные кучи на побережье, также содержащие фрагменты лепной керамики с растительным отошителем³.

На северном побережье и в регионе Сьерра-Невада-де-Санта-Марта практически отсутствуют свидетельства бытования раннекерамической традиции. В силу крайне низкой степени сохранности органики и разграбленности памятников этой части карибского побережья (где грабители ищут золото более поздних культур) изучение раннекерамических слоев затруднено. Но все же есть разрозненные данные о ранних этапах седентаризации, а также о находках керамики с прорезным и точечным орнаментом, которую называют традицией Маламбо по эпонимному памятнику (департамент Атлантико) и условно датируют I тыс. до н.э. (600/500 гг. до н.э. — 100 г. н.э.)⁴. Эта традиция характерна и для венесуэльского побережья Карибского моря, причем она явно родственна барранкоидной традиции низовий р. Ориноко⁵.

На территории к северо-востоку от Сан-Хасинто и Маламбо, на побережье Карибского моря и в предгорьях Сьерра-Невада-де-Санта-Марта самая ранняя маламбоидная керамика, датированная 1150 г. до н.э. — началом н.э., была найдена на периферийном памятнике Папаре, а также на близлежащем памятнике Ломаде-Кинто в долине р. Кордоба и р. Фрио⁶. Большинство памятников с маламбоидной керамикой в Колумбии и Венесуэле расположены близ побережья, и жители этих поселений в I тыс. до н.э. преимущественно занимались рыбной ловлей, сбором моллюсков, а также земледелием, хотя сам памятник Маламбо является

¹ Hoopes 1994, 15.

² Oyuela-Caycedo, Bonzani 2005, 5-15.

³ Табарев 2011, 36.

⁴ Neves 2008, 370.

⁵ Langebaek 1987, 85.

⁶ Langebaek 1987, 86-87.

исключением, так как находится в нескольких десятках км от моря и достаточных данных о рыболовстве и собирательстве на нем нет⁷.

Наиболее изученными в регионе Сьерра-Невада-де-Марта являются значительно более поздние памятники, связанные с начальными этапами социально-политического развития культуры тайрона. Данный термин является скорее условным, так как, вероятно, объединяет различные родственные культурные традиции⁸.

Археологическая культура тайрона была выделена и описана О. Мэсоном и Х. Райхель-Долматоффым на основе разновременных исследований поселения Пуэблито и близлежащих памятников северных предгорий Сьерра-Невада. Начальные этапы развития культуры тайрона они отнесли к IX–X вв.⁹ Изучение ранних оседлых поселений и керамической традиции побережья Сьерра-Невада началось в 20–30-е годы XX в., когда О. Мэсон приступил к раскопам поселения Пуэблито, а также исследовал близлежащие бухты, в том числе бухту Неуанхе, где обнаружил богатое погребение. В середине XX в. прибрежные поселения исследовал Х. Райхель-Долматофф, а в 80-е годы А. Ойюэла-Кайседо провел работы по изучению бухт к западу от Пуэблито — Синто и Гайра¹⁰.

Вплоть до начала XXI в. схема развития культур Сьерра-Невада-де-Санта-Марта представлялась следующим образом: с начала н.э. (фаза Неуанхе, 100/200–700 гг.) на побережье и в бухтах Парка Тайрона располагались небольшие деревни, ориентированные на добычу морских ресурсов и соли. Признаки значительной концентрации населения не были обнаружены. Однако материалы богатого погребения, исследованного О. Мэсоном, позволяют говорить о сложении основ социальной дифференциации¹¹. Начало X в. (конец фазы Буритака, 700–1000 гг.) отмечено неожиданным демографическим ростом и появлением каменной архитектуры в прибрежных бухтах. В верховьях р. Буритака наблюдается настоящий демографический взрыв и начало строительства поселений с каменной архитектурой и развитой инфраструктурой: каменными дорогами, лестницами, дренажными системами и каналами, которые исследователи¹².

Долгое время считалось, что горные области были заселены только в фазу Тайрона (1000–1600 гг.). Самые ранние радиоуглеродные датировки были получены на поселениях Фронтера (660±90 г. н.э.) и Лас-Анимас (580±120 г. н.э.), где была найдена керамика типа Неуанхе, но эти памятники расположены на склонах, наиболее близких к побережью.

Благодаря последним исследованиям А. Дэвера и С. Хиральдо установлено, что и в горной области под каменными террасами периода Тайрона есть слои, относящиеся к более раннему этапу периода Неуанхе¹³. Они были перекрыты строительным горизонтом XI–XII вв., содержащим остатки крупномасштабного строительства. Самая ранняя дата, полученная для памятника Буритака 200, — 650±60

⁷ Langebaek 2003, 258.

⁸ Giraldo 2007, 44-46.

⁹ Reichel-Dolmatoff 1986, 79.

¹⁰ Oyuela Caycedo 1986, 24-28.

¹¹ Bray 2003, 301-344.

¹² Serje 1987, 87; Oyuela-Caycedo 2008, 415-418.

¹³ Dever 2007; Giraldo 2007, 222.

г. н.э.¹⁴ Однако на данном этапе археологического изучения горных районов Сьерра-Невада сложно делать выводы о времени заселения памятников. Согласно современному состоянию исследования, наиболее ранние из изученных памятников локализируются в бухтах побережья.

На сегодняшний день более ясной является картина заселения и развития ранних деревень на центральном побережье Сьерра-Невада-де-Санта-Марта (Парк Тайрона, бухты Ченге, Гайра, Синто, Конча, Неуанхе).

В ходе последних археологических изысканий в Парке Тайрона определено, что общая площадь поселений в бухтах в период Неуанхе составляла около 18 га (из общей исследованной площади в 91 кв. км)¹⁵. Подавляющее большинство прибрежных поселков этого времени имело площадь около 1 га, а самое крупное поселение Синто — 2,5 га. Свыше 40% занятых земель были наиболее плодородными на всем побережье, особенно это касается бухты Синто, где сконцентрированы лучшие земли и выпадает наибольшее количество осадков. В районе Неуанхе климат был наиболее сухим, а почвы слабо пригодными для земледелия, поэтому показатели плотности населения здесь самые низкие. Вплоть до 800 г. показатели плотности населения во всех бухтах невысокие, иерархии поселений нет, а небольшие деревни были расположены дисперсно.

Используя модель расчета численности населения У. Сандерса и Дж. Парсонса, К. Лангебайк дает следующие цифры: от 90 до 179 человек проживало в небольших бухтах Синто, Конча и Неуанхе в период Неуанхе (общая площадь поселений 17,9 га), от 95 до 190 человек — в период Буритака (общая площадь поселений 19 га) и от 1084 до 2175 человек — в поздний период Тайрона (общая площадь поселений 217,4 га)¹⁶.

Несмотря на низкую плотность населения, плохую сохранность материалов и другие факторы, затрудняющие изучение ранних памятников побережья, можно выделить некоторые особенности развития региона раннего периода. Начиная с первых веков н.э. прослеживается специализация общин различных бухт: общины Ченге специализировались на добыче соли (добыча соли начинается здесь уже с 200 г. н.э.), а общины Таганга (самая западная бухта в Парке Тайрона) — на рыболовстве. Эта специализация сохранилась вплоть до испанского завоевания. Развитие и рост площади постоянных поселков (Синто, Ченге, Мамарон и др.) происходили в тех бухтах, жители которых занимались морским промыслом и добычей соли; и, видимо, это были самые богатые деревни.

Археологический проект в бухте Ченге позволил установить хронологию развития этого поселения и близлежащих бухт, его роль в системе региональных связей, а также связь хозяйственной специализации с моделью регулирования социально-экономической жизни и возникновением политических институтов. Кроме того была исследована история поселения, которое в поздний период будет подчинено более крупному политическому центру — Бонда¹⁷.

Площадь занятой в 200–500 гг. территории составляла порядка 3,3 га, к 800 г. Ченге возрастает до 6 га, а после 1200 г. его территория резко увеличивается до

¹⁴ Giraldo 2007, 224.

¹⁵ Langebaek, Dever 2002, 14.

¹⁶ Langebaek 2005, 88.

¹⁷ Dever 2010, 131.

15 га с общей численностью населения около 1200 человек. В ходе раскопок было выделено два основных сектора поселения. Сектор 2 развивался, начиная с 200 г., к 500 г. в нем была сконцентрирована большая часть населения бухты (все население бухты, по подсчетам А. Дэвера, составляло около 60–80 человек, из них в деревне от 45 до 60 человек), занимавшаяся соледобычей и неспециализированным морским промыслом¹⁸. При этом уровень добычи соли был достаточно низким и обмен происходил только с ближайшими бухтами. Именно этот обмен необходимыми для жизни небольших специализированных деревень продуктами, вероятно, был причиной того, что на побережье начиная с 200 г. прослеживается процесс незначительного, но стабильного роста численности населения, постепенного обогащения общин, при этом нет свидетельств складывания иерархий ни между поселениями бухт, ни внутри самих общин. А. Дэвер определяет общины Ченге периода с 200 по 800 г. как эгалитарные¹⁹. В фазу Неуанхе специализированную деятельность в этих бухтах, видимо, контролировали внутриобщинные институты. Домохозяйства были включены в сеть обмена между побережьем и предгорными районами. Склоны Сьерра-Невада не были еще заселены, но могли существовать небольшие локализованные в горах домохозяйства, на которых выращивались прежде всего корнеплоды. Община Ченге обменивала соль на продукты земледелия (маис, корнеплоды, хлопок и авокадо). Таким образом, по мнению А. Дэвера, для региона Сьерра-Невада-де-Санта-Марта на ранних этапах развития керамических культур был характерен «микро-вертикальный обмен»²⁰. Эта модель взята из андской археологии, объясняющей при помощи теории вертикального обмена между побережьем и горными районами всю историю индейских культур Тихоокеанского побережья Перу и Эквадора²¹. Модель «микрообмена» показывает, что и небольшие коллективы, которые могли состоять всего из нескольких домохозяйств, вполне успешно осуществляли обмен морскими ресурсами, солью, различными продуктами сельского хозяйства (как выращенными на побережье в условиях сухого и жаркого климата, так и во влажных и прохладных долинах предгорий), охоты. Специализированное производство и обмен функционировали благодаря горизонтальным внутриобщинным и межобщинным связям. Судя по материалам раскопок в бухте Ченге, какие-либо признаки вертикального контроля не прослеживаются вплоть до 800–900 гг. Несмотря на то что домохозяйства растут и парадная керамика встречается повсеместно, центр поселения не выделяется, монументальные сооружения не возводятся и отсутствуют признаки формирования поселенческой иерархии.

С 800 г. в Ченге происходят заметные изменения: растет численность населения, появляются свидетельства вмешательства людей (или семей) с высоким статусом в жизнь деревни — изменяется поселенческая модель. Сектор 1 был изначально ориентирован на большой объем добычи соли для регионального обмена. Теперь же его жилые и общественные здания строятся на самом удобном для соледобычи участке бухты, который и до настоящего времени используется для этого промысла. Появляются каменные постройки, прежде всего террасы и коль-

¹⁸ Dever 2010, 134-135.

¹⁹ Dever 2010, 130.

²⁰ Dever 2010, 125-126.

²¹ Березкин 1991, 122–125.

цевые фундаменты основания домов, а также вымощенные дороги и мосты, соединившие бухту с поселениями на склонах — прежде всего с Пуэблитом и Бондой (Ви́ра-Ви́ра), самыми крупными поселениями позднего периода Тайрона на побережье. Террасы, фундаменты жилых домов и построек, возможно, ритуального назначения, строятся в секторе 1, связанном с копиями и, видимо, с элитой, которая контролирует теперь добычу соли, организует местное население на общественные работы, необходимые для монументального строительства.

Между 1100 и 1200 г. население Ченге увеличивается в 3 раза, причем локализуется оно в секторе 1, а сектор 2 частично забрасывается²². В секторе 1 концентрируется почти вся парадная керамика более сложных, чем ранее, форм: сосуды для жертвоприношений, сосуды-тетраподы, жаровни для маниока, парадная керамика с зооморфными, орнитоморфными и антропоморфными скульптурными изображениями. Учитывая еще и тот факт, что террасы в секторе 1 были по площади больше, чем в секторе 2, можно предположить, что праздники и церемонии проводились в секторе 1 и организовывались его обитателями — верхушкой общины, которая получила свой высокий статус благодаря организации и контролю над соледобычей и региональным обменом. Таким образом, после XI в. складывается система контроля над добычей соли, организация и интенсификация производственного процесса и связанная с ней трансформация рельефа местности, что в дальнейшем выразилось в появлении монументальной архитектуры, коммуникаций и увеличении площади поселений. С другой стороны, пока не найдены богатые погребения 1000–1200 гг., которые демонстрировали бы социальную дифференциацию и четкое выделение общинной верхушки.

Изменения, связанные с заселением бухт в середине I тыс. при стабильно низкой плотности населения и с последующим демографическим взрывом в конце I — начале II тыс., происходят, видимо, и в других бухтах Парка Тайрона. По подсчетам К. Лангебайка, между периодами Неуанхе и Буритака (около 800 лет) население бухт Парка Тайрона незначительно сократилось, что устанавливается по количеству керамики, найденной на той же территории (ее площадь увеличилась в период Буритака только до 19 га). В то же время отмечаются изменения внутренней структуры поселенческой системы: в период Неуанхе небольшие деревни были обнаружены во всех бухтах; к концу I тыс. прослеживается концентрация населения в бухтах Синто (39%) и Конча (44,5%), а остальные поселения забрасываются или становятся сезонными²³. Трудно сказать, с чем это было связано, так как видимых причин (как в Ченге) нет. Археологические исследования в бухтах затруднены из-за плохой сохранности органических материалов и затопленности некоторых участков побережья, поэтому вопрос о факторах развития побережья и социальной организации прибрежных деревень остается открытым, хотя для ранних периодов, безусловно, характерны низкая плотность населения и отсутствие поселенческой иерархии на региональном уровне. Вполне возможно, что значительный рост населения на рубеже I–II тыс. связан с концентрацией ранее рассеянного населения в крупных поселках, например в Синто и Конча.

²² Dever 2007, 144.

²³ Langebaek 2004, 217–218.

ЛИТЕРАТУРА

- Березкин Ю.Е.* 1991: Инки: исторический опыт империи. Л.
- Табарев А.В.* 2011: Ранние керамические традиции в Пасифике (Южная Америка) // Тихоокеанская археология: Древности по обе стороны Великого океана. Вып. 21, 16-54.
- Bray W.* 2003: Gold, stone and ideology: symbols of power in the Tairona tradition of Northern Colombia // Gold and Power in Ancient Costa Rica, Panama and Colombia / J.Quilter, J. W. Hoopes (eds.). Washington, 301–344.
- Dever A.* 2007: Social and Economic Development of a Specialized Community in Chengue, Parque Tairona, Colombia. Doctoral Dissertation, University of Pittsburgh.
- Dever A.* 2010: Especialización económica de comunidades y su relación con el desarrollo de complejidad social: El caso de Chengue, Parte Tairona, Colombia // JANGWA PANA: Revista de Antropología. 9, 123-145.
- Giraldo S.* 2007: Lords of the snowy ranges: politics, place, and landscape transformation in two tairona towns in the Sierra Nevada de Santa Marta, Colombia. Doctoral Dissertation, The University of Chicago.
- Langebaek C. H.* 1987: La cronología de la region arqueologica tairona vista desde Papare, Municipio de Cienaga // Boletín de Arqueología. 2(1), 83–101.
- Langebaek C. H.* 2004: Secuencias y procesos. Estudio comparativo del desarrollo de jerarquías de asentamiento prehispánicas en el norte de Suramérica // Boletín de Arqueología del Área Intermedia. 6, 199–247.
- Langebaek C. H.* 2003: The political economy of pre-colombian goldwork: four examples from Northern South America // Gold and Power in Ancient Costa Rica, Panama and Colombia / J.Quilter, J. W. Hoopes (eds.). Washington, 245–262.
- Langebaek C. H.* 2005: The Pre-Hispanic Population of the Santa Marta Bays: A Contribution to the Study of the Development of the Northern Colombian Tairona Chiefdoms. Bogotá: Universidad de los Andes.
- Langebaek C.H., Dever A.* 2002: Estudio regional en las bahías del Parque Tairona: arqueología, medio ambiente y desarrollo de sociedades prehispánicas // Boletín de Arqueología. 17(1), 2–16.
- Oyuela-Caycedo A.* 1986: Contribución a la Periodización Cultural en el Litoral del Parque Tairona // Boletín de Arqueología. Bogotá. 1(2), 24–28.
- Oyuela-Caycedo A., Bonzani R.M.* 2005: San Jacinto 1: A Historical Ecological Approach to an Archaic Site in Colombia. Tuscaloosa: University of Alabama Press.
- Oyuela-Caycedo A.* 2008: Late Prehispanic Chiefdoms of Northern Colombia and the Formation of Anthropic Landscapes // Handbook of South American Archaeology / H. Silverman, W. Isbell (eds.). New York, 405–428.
- Reichel-Dolmatoff G.* 1986: Arqueología de Colombia. Un texto introductorio. Bogotá.
- Serje M.* 1987: Arquitectura y urbanismo en la cultura tairona // Boletín del Museo del Oro. 19, 117–125.

INITIAL STAGES OF THE DEVELOPMENT OF COMPLEX
SOCIETIES IN NORTHERN COLOMBIA (1000 BC — 1000 AD)

E. S. Ostrirova

The paper gives an overview for early pottery sites of Northern Colombia and development of villages of early farmers and fishermen in the 1st century BC — 1st century AD by the example of settlements in the bays of the Caribbean coast of Sierra Nevada de Santa Marta.

Key words: Colombia, Tairona, Indians, early ceramic, archaeology

ИСТОРИЯ РОССИИ

© 2015

А. Н. Слядзь

ПРЕДЫСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ АННЕКСИИ ПРИАЗОВЬЯ: КНЯЗЬ-ИЗГОЙ РОСТИСЛАВ ТМУТАРАКАНСКИЙ

Статья посвящена одному из ключевых эпизодов византийско-русских отношений второй половины XI столетия — правлению в Тмутаракани (1064–1066) внука Ярослава Мудрого Ростислава Владимировича, в убийстве которого оказались замешаны его дядька Святослав Черниговский и правительство императора Константина X Дуки. Ростислав — князь-изгой пришел к власти в формально закрепленном за черниговским княжением, но стремившимся к самостоятельности городе, и, угрожая интересам, как Константинополя, так и Чернигова, был отравлен катепаном Херсона. Это событие привело к усилению византийского влияния в Приазовье и явилось прологом к его поглощению империей три десятилетия спустя.

Ключевые слова: Византия, Русь, Херсон, Тмутаракань, Ростислав Владимирович, Константин X Дука, Святослав Ярославич

Одним из ключевых эпизодов византийско-русских отношений второй половины XI столетия явилось короткое (1064–1066) правление в Тмутаракани внука Ярослава Мудрого Ростислава Владимировича, в убийстве которого оказались замешаны как его ближайшие родственники, так и правительство императора Константина X Дуки (1059–1067). Не удостоенное пристального внимания исследователей, это событие, включая его предысторию и последствия, существенно повлияло на расклад сил в крымско-приазовском пограничье Руси и Византии, продемонстрировав возможности и силу империи даже в неблагоприятное для нее время.

Ростислав — сын рано умершего Владимира Ярославича Новгородского¹ — бросил открытый вызов своему дядьке Святославу Ярославичу Черниговскому, одному из «триумвиров» (наряду с братьями Изяславом, великим князем Киевским, и Всеволодом, князем Переяславским²), контролировавшему также Муром и таманскую факторию³. Овладев Тмутараканью, Ростислав Владимирович вывел ее из сферы контроля Чернигова, т.е. не только нарушил сложившийся в Северном

Слядзь Андрей Николаевич — аспирант кафедры истории средних веков Института истории СПбГУ. E-mail: slyads@mail.ru

¹ Адрианова-Перетц (ред.) 1996, 71, 209; Клосс (авт. предисл.) 1998, 107.

² Пресняков 1993, 36, 41–43.

³ Насонов (ред., авт. предисл.) 1950, 469; Назаренко 2009, 33.

Причерноморье силовой баланс, но и стал угрозой созданной Ярославичами на Руси политической системе, где не было места не ассоциированным с ними князьям, нацелившимся на перераспределение уделов.

Потенциальные попытки вполне самостоятельного Ростислава доминировать в Приазовском регионе и в Крыму, разумеется, не могли не вызвать тревогу и в византийских правящих кругах. Константинополь стремился не потерять важные позиции в северо-восточной части черноморского бассейна, особенно после жесточайших поражений ромеев в Малой Азии, Южной Италии и на Балканах.

Интересно, что в собственно византиноведческой литературе проблема союзнчества Константина X и Святослава Ярославича практически не рассматривается⁴, тогда как в работах специалистов по отечественной истории не без дотошности разбирается лишь эпизод убийства Ростислава Владимировича и примерные следствия из этого. Как правило, вопрос разрабатывается исключительно на «крымско-прикубанском» материале⁵ или увязывается только с внутриславянским контекстом⁶. Лишь в некоторых работах общего характера, посвященных международному положению и событиям политической истории Руси и ее отдельных регионов, можно встретить прямое указание на реальную Византию второй половины XI века, а не на вневременной «византийский фактор» или абстрактных «льстивых греков»⁷. Тем не менее, связь рассматриваемого в настоящей статье сюжета с тогдашними обстоятельствами международного положения империи, ее отношениями с ведущими княжествами Руси оказывается невыявленной, отсутствует единое представление о нем как о характерном и важном этапе византийско-русских военно-политических контактов: масса деталей рассеяна по сравнительно обширной историографии.

В преддверии анализа интересующего нас исторического эпизода отметим одну важную особенность. Свидетельства русских летописных источников достаточно неожиданны и в то же время чрезвычайно показательны в свете политической нестабильности на Руси, тогда как византийских данных мы не найдем.

В 1064 г. Ростислав Владимирович (а также «*Порей и Вышата, сынъ Остромиръ, воеводы новгородьского*»⁸ — видимо, приближенные его отца) бежал в Тмутаракань и изгнал двоюродного брата Глеба Святославича⁹, сидевшего там с 1050-х гг.¹⁰, возможно, с 1054 г.¹¹

Сразу уточним некоторые детали этой вынужденной «эмиграции». Только В. Н. Татищев, называя Ростислава владимиристо-волинским князем, подчеркивает, что он бежал с Волини¹², тогда как согласно позднейшим Никоновской летописи и Летописному своду 1518 г. князь покинул Новгород¹³, хотя собственно новго-

⁴ Левченко 1956.

⁵ Якобсон 1949; 1950; Гадло 1994; 2004; Чхаизде 2006; 2010.

⁶ Приселков 2003; Насонов 1951; Вернадский 1999; Мавродин 1938; 2002; Цветков 2009.

⁷ Голубовский 1881; Пашуто 1968; Сорочан, Зубарь, Марченко 2006.

⁸ Клосс (авт. предисл.) 1998, 107.

⁹ Адрианова-Перетц 1996, 71, 209

¹⁰ Левченко 1956, 403.

¹¹ Гадло 1994, 98; 2004, 266; Захаров 2002, 61.

¹² Татищев 1994, 83.

¹³ Клосс (авт. предисл.) 2000а, 92; Тихомиров 1963, 176.

родские летописи об этом не говорят¹⁴. Днепровский путь для Ростислава Владимировича (напомним, враждовавшего с дядьями Ярославичами) оказался закрыт, поэтому он ушел через Рязань и Муром, т.е. по Оке, Волге и далее через переволоку вниз по Дону¹⁵. Возможно, бегству Ростислава способствовал набег половцев во главе с ханом Искалом (правда, сведения об этом событии содержатся лишь в «Истории Российской» В.Н. Татищева), который отвлек внимание Ярославичей, но был вскоре разбит великим князем Изяславом у Сновска в ноябре 1064 г.¹⁶ Однако татищевское сообщение в деталях повторяет летописную информацию о победе Святослава Ярославича над половцами тоже численностью в 12 тыс. чел., тоже под Сновском и тоже в ноябре, но в 1068 г.¹⁷, что, таким образом, снижает его достоверность.

Уже в следующем 1065 г. Святославу Ярославичу удалось восстановить сына на тмутараканском столе, закрепленном за черниговским княжением¹⁸. Опасаясь почти неизбежного разгрома¹⁹, Ростислав Владимирович, формально «не хотя противу строеви [стрый — дядя по отцу — А.С.] своему оружья взяти»²⁰, отсиделся где-то в округе²¹, вероятно, у народов Прикубанья. Однако вскоре после ухода черниговского «экспедиционного корпуса», отозванного, возможно, в связи с начавшейся в том же году войной Ярославичей с Всеславом Брячиславичем Полоцким (1044–1067; 1071–1101), Ростислав вновь овладел Таманью²². По всей вероятности, такое беспрепятственное передвижение значительных русских военных отрядов по степи до Приазовья было возможно лишь при наличии особых соглашений с половцами²³.

События 1064–1065 гг. представляют интерес по нескольким соображениям.

1. Ростислав Владимирович бежал (был изгнан?) если не прямо из Новгорода — некогда вотчины его покойного отца, крупнейшего после Киева политического и экономического центра Руси, — то, во всяком случае, пользуясь поддержкой новгородцев. Ставший после структурно-административных преобразований Ярославичей одной из волостей Киева²⁴, Новгород не просто потерял политическое значение, но был вынужден отказаться от связей с потомством старшего сына Ярослава Мудрого.

Ростислав оказался князем-изгоем, нежелательной для правящего «триумвирата» фигурой в ущемленном в правах, но экономически мощном городе, по видимому, оплоте глухой оппозиции старшим князьям. Достаточно упомянуть, что уже в 1067 г. Всеслав Брячиславич Полоцкий захватил Новгород²⁵ (возможно,

¹⁴ Насонов 1950, 184; Бобров, Клосс (авт. предисл.) 2000, 121; Васенко 1925, 133; Клосс (авт. предисл.) 2000b, 184.

¹⁵ Гадло 1994, 101; Гадло 2004, 269.

¹⁶ Татищев 1994, 83.

¹⁷ Адрианова-Перетц 1996, 71, 212.

¹⁸ Мавродин 2002, 201.

¹⁹ Мавродин 2002, 203–204.

²⁰ Адрианова-Перетц 1996, 71, 209.

²¹ Мавродин 1938, 27.

²² Адрианова-Перетц 1996, 71, 209; Клосс (авт. предисл.) 1998, 107; Насонов 1950, 17, 229; Голубовский 1881, 66–67; Шахматов 2001, 185, 374, 473.

²³ Егоров 1994, 190.

²⁴ Грушевский 1891, 67.

²⁵ Адрианова-Перетц 1996, 72, 210; Насонов 1950, 17, 229.

не без помощи части горожан), начав неудачную войну против великого князя Изяслава Ярославича (1054–1068; 1069–1073; 1077–1078) и его братьев Святослава Черниговского и Всеволода Переяславского. Как справедливо замечает Б. Д. Греков, «не желая подчиняться киевскому князю, “триумвиры” в то же время стремились держать в подчинении всю территорию государства и продолжали рассматривать других князей как своих подручных; иными словами, они не признавали за другими князьями тех прав, которых достигли и которыми дорожили сами»²⁶. Правда, если говорить о безземельном Ростиславе Владимировиче, то он, оказавшись в Тмутаракани, мог чувствовать себя в относительной безопасности и определенной независимости от Киева, будучи отделен от Руси причерноморскими степями, в которых появились половцы, намного более многочисленные и сильные, чем их предшественники печенеги²⁷.

Тем не менее, вопрос о причинах демарша Ростислава остается открытым. Как справедливо замечает О. М. Рапов, «может быть, Ростислав Владимирович, будучи владими́ро-волинским князем, собирался овладеть своей отчиной с помощью новгородских бояр, но потерпел поражение и был вынужден бежать на юг»²⁸. Заметим, что по сведениям В. Н. Татищева (к которым нужно относиться осторожно) Ростислав, родившийся в 1038 г., еще в 1052 г. получил Ростов и Суздаль от своего деда Ярослава Мудрого. В 1057 г. по решению Изяслава Ярославича эти волости были обменены на Владимир Волынский, из которого в Смоленск после смерти Вячеслава Ярославича перевели Игоря Ярославича; Новгород же отобран у Ростислава Владимировича еще раньше, в 1055 г.²⁹ Вероятно, его новгородское княжение завершилось уже между 1052 и 1054 годами³⁰. Предпринятая Ростиславом в 1061 г. попытка перераспределения уделов (первая в своем роде) закончилась неудачей: в борьбе за Новгород он потерпел поражение от Мстислава Изяславича (сына великого князя) и стал фактически изгоем³¹. Показательно, что именно западнорусские области (а не Новгород) оказались закреплены за потомством Ростислава Владимировича, когда по решению Любечского съезда Перемышль и Теревовль были переданы его сыновьям Василько и Володарю, возвративших таким образом свою «отчину»³².

2. Выступление Ростислава примерно совпало с уже упоминавшийся войной Всеслава Полоцкого против «триумвиров» (март — июль 1067 г.), окончившейся поражением на Немиге (река, протекавшая по территории нынешнего Минска³³) 3 марта и вероломным пленением полоцкого князя 10 июля на реке Рши (ныне Оршица) близ Смоленска³⁴. Впрочем, даже если предположить, что Ростислав Владимирович захватил Тмутаракань по совету Всеслава³⁵, то мысль о попытке повторения комбинации 1026 г., когда два князя, Ярослав и Мстислав Вла-

²⁶ Греков 1953, 497.

²⁷ Котляр 2005, 112, 114.

²⁸ Рапов 1977, 68.

²⁹ Татищев 1994, 78, 81–82.

³⁰ Фроянов, Дворниченко 1988, 159–160.

³¹ Гадло 1994, 100–101; 2004, 268–269.

³² Адрианова-Перетц 1996, 110, 248; Котляр 2000, 134; 2005, 113.

³³ Творогов 1994, 15.

³⁴ Адрианова-Перетц 1996, 72, 210.

³⁵ Вернадский 1999, 95.

димировичи, управляли соответственно северо-западом и юго-востоком Руси³⁶, контролируя таким образом торговый путь из Балтийского моря к Азову³⁷, не находит достаточного подтверждения³⁸. Вместе с тем очевидно одно: совместное правление братьев Ярославичей — Изяслава, Святослава и Всеволода, контролировавших почти всю территорию Руси и по своему усмотрению распоряжавшихся уделами, — не устраивало окраинных и, вероятно, ущемленных в правах князей. Первым выступил Ростислав, а вскоре в борьбу вступил и Всеслав Брячиславич.

Однако, принимая во внимание значительность объединенных сил «триумвиров», давших решительный отпор Всеславу в его притязаниях на Новгород, ломавших сложившуюся на Руси властную систему, в тмутараканской проблеме нельзя не учитывать относительную слабость военно-политической позиции Ростислава Владимировича. Строго говоря, возможность для операций в регионе (скажем, в Крыму или в Прикубанье) у него была, но для более масштабных боевых действий (например, против Чернигова) — едва ли. В этой связи нельзя согласиться с мнением, что в 1064–1065 гг. Ростислава сопровождала многочисленная дружина, набранная на Нижнем Дунае, где еще с X века существовали русские поселения³⁹. Именно тогда, в сентябре 1064 г., Подунавье пережило опустошительное и массовое вторжение вытесненных половцами узов (огузов, торков)⁴⁰. Это событие создало угрозу даже Константинополю, и лишь эпидемия значительно подорвала силы кочевников, остатки которых в 1065 г. были разгромлены византийцами при поддержке печенегов и болгар⁴¹. Интересно, что несколько ранее, в 1060 г., торки были разгромлены объединенной армией Ярославичей и Всеслава Полоцкого (тогда еще союзников) и, не сумев удержаться в степи под возросшим давлением половцев (вскоре, в 1061 г., впервые ударивших по Руси⁴²), напали на дунайское пограничье Византии⁴³. Таким образом, вряд ли речь шла о массовом рекрутировании дунайских поселенцев в дружину князя-изгоя. Разумеется, Ростислав Владимирович мог нанять тот или иной отряд кочевников, но и для данного предположения у нас нет никаких оснований.

3. Ростислав отнял Тамань у Глеба Святославича, непопулярного черниговского ставленника⁴⁴, оказавшегося не готовым к отражению удара с севера⁴⁵. На непопулярность Глеба косвенно указывает тот факт, что после его возвращения в Тмутаракань в 1067 г. (произошедшего, правда, с добровольного согласия местного населения и даже по их просьбе⁴⁶) он пробыл на Тамани около года и уже в 1068 г. был заменен своим братом Романом Святославичем Красным. Ростислав же, наоборот, пользовался поддержкой туземцев, коль скоро, во-первых, фактически лишенный собственной вооруженной дружины, без труда занял Тмутаракань,

³⁶ Карпов 2005, 238–240.

³⁷ Вернадский 1999, 95.

³⁸ Цветков 2009, 39–40.

³⁹ Цветков 2009, 36.

⁴⁰ Пселл 1978, 173–174; Величко 2010, 442–443; Князький 2003, 50–54; Васильевский 2010, 32–36.

⁴¹ Дашков 1997, 228–229.

⁴² Адрианова-Перетц (ред.) 1996, 71, 208.

⁴³ Приселков 1938, 125.

⁴⁴ Голубовский 1881, 65–66.

⁴⁵ Мавродин 2002, 201.

⁴⁶ Творогов (подг. текста, перев., комм.) 1997, 311–312.

а во-вторых, укрепился в ней настолько, что вызвал опасения Византии. Он даже был погребен в церкви Богородицы, выстроенной его двоюродным дедом Мстиславом Владимировичем в честь победы 1022 г. над касогами (адыгами, черкесами), в то время как Роман Святославич, позднее убитый половцами, остался без погребения, брошенный где-то в причерноморских степях⁴⁷. Иное дело, что Глеб Святославич не являлся для тмутараканцев чужаком, будучи скорее их вскормленником, появившимся на Тамани в возрасте 9–10 лет⁴⁸, но тогда, в 1064–1066 гг., симпатии значительной части местного населения оказались, очевидно, на стороне его двоюродного брата Ростислава Владимировича.

4. Для Византии, переживавшей жесточайший внешнеполитический, равно как и острый «кадровый» кризис, когда от смерти Василия II (976–1025) до воцарения Алексея I (1081–1118) престол не занимал ни один достаточно эффективный лидер, способный приостановить небывалое со времен арабского вторжения ослабление ромейских позиций, политические дрызги на Руси имели второстепенное значение до тех пор, пока происходили далеко от ослабленных рубежей империи. Однако как только Ростислав не просто овладел пограничной с византийской фемой Херсон территорией, но и закрепился в ней, ликвидировал зависимость от Чернигова, получив тем самым возможность не сообразуясь с «высоким» мнением «триумвиров» направить свою экспансию вовне, не исключая, очевидно, и владений ромеев, империя не могла не принять (опосредованно, разумеется) участия в усобицах в Приазовье. Полное же молчание византийских источников в отношении развернувшихся близ ромейского Крыма событий можно объяснить, с одной стороны, драматическими эпизодами на иных, намного более значительных рубежах империи и внутри нее, а с другой — тем фактом, что Русь, как уже говорилось, перестала угрожать непосредственно Константинополю, действуя (и то силами одной фактории) лишь на дальней, пусть и стратегически важной, периферии.

5. Утверждение Ростислава Владимировича в Тмутаракани преследовало, пожалуй, одну генеральную цель — нанять половцев, хазар, и затем возвратиться на Русь для дальнейшего участия в междукняжеской борьбе⁴⁹, а вовсе не долгосрочное закрепление в Приазовье⁵⁰. Больше того, овладение Таманью — прецедент, первый в ряду захвата города князьями-изгоями с целью собрать силы и вернуться на Русь отвоевывать свои вотчины⁵¹.

Спустя год после повторного вокняжения, 3 февраля 1066 г. (по сентябрьскому стилю; по мартовскому — 1067 г.⁵²) Ростислав, укрепившийся в Тмутаракани настолько, что «емлюци дань у касогъ и в ыных странахъ [видимо, посягая и на крымскую фему — А.С.]»⁵³, был отравлен лично прибывшим к князю «котопаном», т.е. *катепаном* — военно-административным руководителем фемы Херсон⁵⁴. Небезынтересно отметить, что В. Н. Татищев к «другим народам» при-

⁴⁷ Гадло 1994, 98–99.

⁴⁸ Гадло 2004, 266–267.

⁴⁹ Рапов 1977, 207; Гадло 1994, 101; Чхаидзе 2006, 144.

⁵⁰ Цветков 2009, 35.

⁵¹ Чхаидзе 2010, 28.

⁵² Черепнин 1944, 31.

⁵³ Адрианова-Перетц 1996, 72, 210.

⁵⁴ Филатов 2011, 453.

числяет ясов (алан), простирая экспансию Ростислава Владимировича к востоку от страны адыгов, в глубины Северного Кавказа⁵⁵. Впрочем, это маловероятно, и нельзя однозначно утверждать, как это делает В. В. Мавродин, что Тмутаракань не только угрожала Крыму, но и подчинила народы Северного Кавказа⁵⁶. Заметим также, что в датировке убийства Ростислава существуют некоторые разночтения. Типографская летопись приводит отличное от общепринятого и, очевидно, ошибочное календарное число — 13 февраля⁵⁷. Радзивилловская летопись (и вслед за ней В. Н. Татищев) относит это событие к 1065 г.⁵⁸, а позднейший Мазуринский летописец и вовсе датирует пребывание Ростислава Владимировича в Тмутаракани 1072–1074 гг.⁵⁹.

Упомянув о гибели влиятельного правителя Приазовья, имеет смысл выявить несколько важных следствий из этого, пожалуй, нетривиального (по крайней мере, для византийско-русских отношений) события.

1. Вероятно, нельзя сомневаться в том, что смерть Ростислава — чувствительное поражение таманской античерниговской «партии»⁶⁰, в той или иной степени тяготившейся зависимостью от Святослава Ярославича, стремившегося к прочному контролю над приазовской факторией. Тем не менее, в этой истории нельзя отрицать и роли Византии: представляется необоснованным предположение Л. В. Алексеева, согласно которому «участие в убийстве Ростислава греков, несомненно, лишь официальная версия, принадлежащая Ярославичам и лично известному коварством Святославу, единолично устранившего племянника»⁶¹.

2. Отравление Ростислава Владимировича произошло по просьбе⁶² Святослава Ярославича или по его соглашению с Константином Х. Черниговского князя, как считает М. Д. Приселков, едва ли можно считать врагом Византии⁶³, да и василевс Константин был не менее заинтересован в ликвидации беспокойного князя-изгоя⁶⁴. Гипотеза об усилении влияния Руси в Приазовье, выразившемся не только в покорении касогов или их части, но и в предполагаемом захвате русскими Боспора на восточном побережье Крыма⁶⁵, встретила во многом справедливый контраргумент: ни в одном из источников нет упоминаний о том, что целью убийства было устранение русских политических влияний на Таманском полуострове⁶⁶. Хотя именно потому, что, по всей вероятности, уже с конца 1010-х гг. или даже ранее Керчь принадлежала Тмутаракани, нельзя исключать возможность угрозы владениям слабевшей империи со стороны энергичного Ростислава, стремившегося максимально укрепить положение как на Тамани, так и за счет византийских владений в Крыму, а затем ввязаться в борьбу за отчины на Руси.

⁵⁵ Татищев 1994, 83; Гадло 1994, 103; 2004, 270.

⁵⁶ Мавродин 1938, 27–28.

⁵⁷ Розанов 1921, 58.

⁵⁸ Приселков 1989, 71; Татищев 1994, 83.

⁵⁹ Буганов 1968, 54.

⁶⁰ Гадло 1994, 99.

⁶¹ Алексеев 1966, 243.

⁶² Левченко 1956, 404; Сорочан, Зубарь, Марченко 2006, 316.

⁶³ Приселков 2003, 73.

⁶⁴ Якобсон 1950, 21.

⁶⁵ Насонов 1951, 96–97.

⁶⁶ Левченко 1956, 404; Якобсон 1949, 109.

Любопытно, что за полвека до рассматриваемых событий владевший Тмутараканью Мстислав Владимирович, брат великого князя Ярослава, значительно упрочил свое влияние, обложив данью черкесов-касогов (примерно так же, как позднее Ростислав Владимирович), однако подобное усиление позиций правителя Тамани не вызвало опасений Византии, во всяком случае, об этом ничего не известно. Очевидно, Мстиславу удалось договориться с тогдашним императором Василием II: размежевавшись в Причерноморье, Тмутаракань стала надежным партнером Константинополя, который в свою очередь поощрял завоевательные амбиции ее правителя вне пределов региона. Уже в 1023–26 гг. Мстислав, используя возросший потенциал и ресурсы распространившегося за пределы Тамани удела, одержал победу над Ярославом Мудрым и по соглашению с ним получил левобережную часть Поднепровья с Черниговом, в котором правил вплоть до смерти в 1036 г.⁶⁷ По-видимому, Ростислав не смог или не захотел учитывать интересы империи (возможности которой были несравненно уже, чем в первой четверти того же XI столетия), или хотя бы пойти на мировую с черниговским «дядюшкой».

3. Именно смерть Ростислава Владимировича и возвращение до 1068/69 гг. в Тмутаракань Глеба Святославича (в октябре 1069 г. он принимал участие в обороне Новгорода от Всеслава Брючиславича⁶⁸), в той или иной степени зависевшего от Чернигова, явились важным фактором перенаправления вектора тмутараканской экспансии с византийского на внутрирусский. Стремясь сохранить за собой Тамань, Глеб оказался вынужден помогать отцу как в начавшихся на Руси междоусобицах, так и в отражении половецкой угрозы, особенно начиная с катастрофического поражения Ярославичей при Альте в 1068 г. Степняки стали общей проблемой не только для Руси, но и для Византии, тем более что, как уже говорилось, дунайские рубежи империи в 1064 г. пересекла орда узов.

4. Не менее интересным представляется еще одно следствие убийства Ростислава. *Катепан*, возвратившись в Херсонес на восьмой день⁶⁹, «поведа, яко в сий день умреть Ростиславъ, якоже и бысть. Сего же котопана побиши камением людьє корсуньстии»⁷⁰. Несмотря на отсутствие византийских данных о таком самоуправстве, существуют предположения о мести, возмездии за предательское убийство князя, пользовавшегося значительной популярностью⁷¹ у жителей Херсона⁷², тесно связанных с Русью через Тмутаракань⁷³ и решивших в очередной раз продемонстрировать независимость и несогласие с политикой Константинополя. Интересно, что примерно на такие мотивы указывает в целом пересказывающий летописное сообщение В. Н. Татищев, называя в качестве причины расправы над катепаном боязнь херсонесцев «мщения от русских»⁷⁴.

⁶⁷ Адрианова-Перетц 1996, 65–66, 203; Гадло 1994, 92.

⁶⁸ Насонов 1950, 32; Шахматов 2001, 325, 473–474.

⁶⁹ Клосс 1998, 109; Насонов 1950, 22; Приселков 1989, 71; Буганов, Клосс 1994, 48; Кучкин 2003, 56; Татищев 1994, 83.

⁷⁰ Адрианова-Перетц 1996, 72, 210

⁷¹ Вернадский 1999, 95.

⁷² Якобсон 1949, 110.

⁷³ Пашуто 1968, 84.

⁷⁴ Татищев 1994, 83.

Очевидно, среди убийц *катепана* находились в первую очередь купцы и пришлые русичи⁷⁵, поэтому нельзя полностью согласиться с утверждением, что интересы тмутараканского населения и херсонесцев не могут совпадать, а убийство *катепана* — простая констатация факта, имевшего место несколько позже⁷⁶. Иное дело, что всеобщая огласка отравления Ростислава настораживает: это обстоятельство может свидетельствовать об ослаблении Византии и плохой подготовке самой акции⁷⁷, к тому же сложно представить *катепана*, публично объявившего о смерти Ростислава Владимировича. Вместе с тем следует исключить возможность заметания следов центральным византийским правительством, натравившим херсонитов на *катепана*-убийцу (неважно под каким предлогом, который у позднейшего летописца трансформировался в месть за отравление Ростислава).

Расправа над *катепаном* также могла явиться следствием налоговой политики центрального правительства в разоренном несколько десятилетий назад Владимиром Святославичем (980–1015) и едва начавшим оживать городе⁷⁸. Удаленность от империи, неизжитые полисные традиции наверняка способствовали характерному для провинциальных городов XI столетия подъему ремесленной и торговой активности⁷⁹. Интересно, что когда в первой половине XI века в Херсонесе наблюдалось медленное восстановление хозяйственной и политической жизни, в роли его экономического конкурента выступала Тмутаракань⁸⁰.

Несмотря на резкое падение объемов транзитной торговли Херсонеса после вытеснения из причерноморских степей торками и половцами печенегов — важнейших поставщиков скотоводческой продукции в регионе, Константинополь уделил Крыму значительное внимание, хотя и ограничившись преимущественно политическими мерами. С середины XI столетия византийские чиновники вновь отстроили Климаты, укрепили Херсонес, административно объединив его с Сугдеей⁸¹. Правда, это вовсе не означает, что таким образом империя взяла в свои руки контроль над каботажным плаванием из Днепровского устья в Керченский пролив⁸², поскольку объединение фем Херсонеса и Сугдеи — «рядовое явление, лишь отражение эволюции фемной организации империи и конкретной ситуации на ее границах»⁸³.

Догадку же, что гибель Ростислава Владимировича, волнения в Херсонесе и расправа над *катепаном* не связаны между собой⁸⁴, но представляют собой лишь проявление оппозиционных настроений по отношению к новому императору Роману IV Диогену (1068–1071)⁸⁵, следует признать слишком смелой. Источники определенно свидетельствуют об обратном, да и речь идет о времени Константина X, а не о его преемнике Романе IV. Следуя подобной логике, здесь, пожалуй,

⁷⁵ Мавродин 2002, 205; 1980, 179.

⁷⁶ Захаров 2002, 63.

⁷⁷ Наумов 2011, 87–88.

⁷⁸ Беляев 1990, 164; Романчук 2008, 407–409.

⁷⁹ Литаврин 1998, 930.

⁸⁰ Якобсон 1949, 105; 1950, 17, 21; 1959, 230–231.

⁸¹ Науменко 2011, 185.

⁸² Гадло 2004, 275.

⁸³ Степаненко 1993, 254.

⁸⁴ Чхаидзе 2006, 151.

⁸⁵ Скржинская 1953, 231.

более уместна иная, «дидактическая» трактовка: сообщением о гибели *катепана* летописец только хотел подчеркнуть неотвратимость скорого наказания за смертный грех⁸⁶.

В конечном счете, это не представляет большого значения, поскольку так или иначе, действуя заодно и не имея сил избавиться напрямую⁸⁷, Константин X и Святослав Ярославич устранили опасного соперника, потенциально угрожавшего интересам и Константинополя, и Чернигова в стратегически важном регионе, где обе стороны, по всей очевидности, были заинтересованы в сохранении *status quo*.

Еще раз подчеркнем, нас не должен смущать тот факт, на который, пожалуй, ошибочно указывает В. Н. Чхаидзе: «ни в одном из источников нет сведений о целях убийства Ростислава, тем более что и после его смерти власть русских князей продолжает сохраняться»⁸⁸. Правда, в другой работе исследователь утверждает (причем полностью справедливо, не игнорируя «кричащие» показания источников) обратное: в летописи содержатся прямые указания на то, что причиной ликвидации Ростислава Владимировича стало взимание им дани, и активная политика неуправляемого русского князя вблизи крымских владений Византии вызвала закономерные опасения империи⁸⁹. Именно потому, что, с одной стороны, Ростислав мешал как Византии, так и Чернигову, а с другой, у Константинополя не было сил для каких-либо действий по аннексии Прикубанья, потребовалось компромиссное решение, удовлетворявшее обоих союзников, которые не могли не опасаться беспокойного и неподконтрольного князя, в той или иной степени нарушавшего сложившийся силовой баланс (о чем недвусмысленно говорят летописные заметки).

Таким образом, к гибели Ростислава Владимировича привела, прежде всего, *нежелательная* внешнеполитическая активность Тмутаракани, а, скажем, не поддержка Византией «триумвирата» Ярославичей или *только* выполнение Константином X союзнических обещаний по просьбе Святослава⁹⁰. Больше того, после 1066 г. Матарха, как называли византийцы Тмутаракань⁹¹ — кондоминатное владение Чернигова и Константинополя при все возраставшем ромейском влиянии⁹². Последовавшее вскоре вторжение половцев, нарушившее традиционные русско-византийские коммуникации в низовьях Днепра, повлекло за собой кардинальное изменение ситуации на южных рубежах Руси, в том числе и в отношении Тмутаракани: через 20–30 лет для удержания позиций в Северном Причерноморье у князей уже не оставалось сил, чем Византия и сумела воспользоваться.

Усиление византийских позиций в Крыму и Приазовье, устранение небезопасного для интересов империи правителя Тмутаракани, укрепление партнерских отношений с одним из сильнейших князей Руси — Святославом Ярославичем явились едва ли не единственным дипломатическим успехом Константина X. Правление Дуки (за редким исключением⁹³) оценивается как время крупных

⁸⁶ Сорочан, Зубарь, Марченко 2006, 317.

⁸⁷ Голубовский 1881, 67.

⁸⁸ Чхаидзе 2006, 151.

⁸⁹ Чхаидзе 2010, 28–29.

⁹⁰ Якобсон 1949, 110; 1950, 21.

⁹¹ Насонов 1940, 83.

⁹² Сорочан, Зубарь, Марченко 2006, 317.

⁹³ Shepard 2008, 607–608.

внешнеполитических неудач и массовых варварских вторжений, как новый этап системного кризиса Византии, охватившего некогда могучую империю во второй трети XI столетия⁹⁴. Вскоре после ликвидации Ростислава Владимировича в октябре 1066 г. 60-летний император тяжело заболел и 23 мая 1067 г. скончался⁹⁵, оставив внутренне ослабленную и одолеваемую извне страну⁹⁶. Однако в стратегически важном регионе Северного Причерноморья положение Византии оставалось незыблемым даже в небывало тяжелые 1070–1080-е гг.

ЛИТЕРАТУРА

- Адрианова-Перетц В.П.* (ред.) 1996: Повесть временных лет / Подг. текста, пер., статьи, комм. Д. С. Лихачева. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.
- Алексеев Л.В.* 1966: Полоцкая земля: Очерки истории северной Белоруссии в IX–XIII веках. М.
- Беляев С.А.* 1990: Поход князя Владимира на Корсунь (его последствия для Херсонеса) // Византийский временник. Т. LXXVI (51), 153–164.
- Бобров А.Г., Клосс Б.М.* (авт. предисл.) 2000: Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. М.
- Буганов В.И.* (ред., авт. предисл.) 1968: Летописцы последней четверти XVII века // ПСРЛ. Т. XXXI. М.
- Буганов В.И., Клосс Б.М.* (ред.) 1994: Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского // ПСРЛ. Т. XXXIX. М.
- Васенко П.Г.* (ред.) 1925: Софийская первая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1. Л.
- Васильевский В.Г.* 2010: Византия и печенеги (1048–1094) // Избранные труды по истории Византии (Труды В.Г. Васильевского): в 2 кн. (4 т.). Кн. 1. (тт. I–II) / М. В. Грацианский, П. В. Кузенков (ред.). М.
- Величко А.М.* 2010: История византийских императоров: в 5 т. Т. IV. М.
- Вернадский Г.В.* 1999: История России: в 2 т. Т. II: Киевская Русь / Николаева (ред.). Тверь; М.
- Гадло А.В.* 1994: Этническая история Северного Кавказа X–XIII веков. СПб.
- Гадло А.В.* 2004: Предыстория Приазовской Руси: Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.
- Гельцер Г.* 1912: Очерк политической истории Византии // Очерки по истории Византии: в 4 вып. Вып. I. СПб.
- Герцберг Г.Ф.* 1897: История Византии / Пер., примеч. и прилож. П. В. Безобразова. М.
- Голубовский П.В.* 1881: История Северской земли до половины XIV столетия. Киев.
- Греков Б.Д.* 1953: Киевская Русь. М.
- Грушевский М.С.* 1891: Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Опыт исследования. Киев.
- Дашков С.Б.* 1997: Императоры Византии. М.
- Захаров В.А.* 2002: Тмутараканское княжество // Сборник русского исторического общества. Т. IV (152): От Тмутараканя до Тамани / В. А. Захарова (ред.). М., 56–84.
- Егоров В.Л.* 1994: Русь и ее южные соседи в X–XIII веках // Отечественная история. 6, 184–201.
- Карпов А.Ю.* 2005: Ярослав Мудрый. М.

⁹⁴ Герцберг 1897, 236–238; Гельцер 1912, 119–121; Успенский 2002, 45–46; Острогорский 2011, 422–424; Сказкин 1967, 281–282; Treadgold 1997, 600–601.

⁹⁵ Скабаланович 2004, 217; Дашков 1997, 229.

⁹⁶ Мохов 2011, 66.

- Клосс Б.М.* (авт. предисл.) 1998: Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М.
- Клосс Б.М.* (авт. предисл.) 2000a: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. IX. М.
- Клосс Б.М.* (авт. предисл.) 2000b: Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. М.
- Князький И.О.* 2003: Византия и кочевники южнорусских степей. СПб.
- Котляр Н.Ф.* 2000: Мстислав Тмутараканский и Ярослав Мудрый // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования / Институт всеобщей истории: 1998: Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева / Т. М. Калинина (ред.). М., 134–142.
- Котляр Н.Ф.* 2005: Тмутараканское княжество: Реальность или историографический миф? // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования 2003: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах / Т. Н. Джаксон (ред.). М., 107–192.
- Кучкин В.А.* (отв. ред.) 2003: Густынская летопись // ПСРЛ. Т. XL. СПб.
- Левченко М.В.* 1956: Очерки по истории русско-византийских отношений. М.
- Литаврин Г.Г.* 1998: Восстание в Херсоне против византийской власти в 1016 году // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию В. Н. Топорова. М., 923–931.
- Мавродин В.В.* 2002: Очерки по истории левобережной Украины (с древнейших времен до первой половины XIV века). СПб.
- Мавродин В.В.* 1938: Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XIV веках // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. XI, 7–49.
- Мавродин В.В.* 1980: Тмутаракань // Вопросы истории. 11, 177–182.
- Мохов А.С.* 2011: Военная политика Константина X Дуки // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политика. Экономика. Информатика. 1 (96). Вып. 17, 58–66.
- Назаренко А.В.* 2009: Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования) // Древнейшие государства Восточной Европы. М.
- Насонов А.Н.* (ред., авт. предисл.) 1950: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. М.; Л.
- Насонов А.Н.* 1940: Тмутаракань в истории Восточной Европы X века // Исторические записки / Б. Д. Греков (ред.). Т. VI. М., 79–99.
- Насонов А.Н.* 1951: «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.
- Науменко В.Е.* 2011: Некоторые ключевые вопросы истории Таврики X–XI веков: политико-административный аспект // Античная древность и средние века. Вып. 40, 165–187.
- Наумов Д.Б.* 2011: Влияние Византии формирование и развитие государства Киевской Руси. Киров.
- Острогорский Г.А.* 2011: История византийского государства / Пер. с нем. М. В. Грацианского. М.
- Пашуто В.Т.* 1968: Внешняя политика Древней Руси. М.
- Пресняков А.Е.* 1993: Княжое право в Древней Руси: Очерки по X–XII векам. Лекции по русской истории: Киевская Русь / Прим. М. Б. Свердлова. М.
- Приселков М.Д.* 1938: «Слово о полку Игореве» как исторический источник // Историк-марксист. 6, 112–133.
- Приселков М.Д.* (подг. изд.) 1989: Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Т. XXXVIII. Л.
- Приселков М.Д.* 2003: Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII веков. СПб.
- Пселл Михаил* 1978: Хронография / Перев., статья, прим. Я. Н. Любарского. М.
- Рапов О.М.* 1977: Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII века. М.
- Розанов С.П.* (ред.) 1921: Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. Пг.

- Романчук А.И.* 2008: Исследования Херсонеса — Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: В 2 т. Т. II: Византийский город. Тюмень.
- Скабаланович Н.А.* 2004: Византийское государство и церковь в XI веке: От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина: в 2 кн. Кн. I. СПб.
- Сказкин С.Д.* (ред.) 1967: История Византии: в 3 т. Т. II. М.
- Скржинская Е.Ч.* 1953: Рецензия на: А.Л. Яковсон. Средневековый Херсонес (XII–XIV века) // Византийский временник. Т. VI (31), 252–269.
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* 2006: Жизнь и гибель Херсонеса. Севастополь.
- Степаненко В.П.* 1993: К статусу Тмутаракани в 80–90-х гг. XI века // МАИЭТ. Вып. II. Симферополь, 254–263.
- Татищев В.Н.* 1994: Собрание сочинений: в 8 т. Т. II–III: История Российская. Ч. II. Репринт с изд. 1963–64 гг. М.
- Творогов О.В.* 1994: Древняя Русь: События и люди. СПб.
- Творогов О.В.* (подг. текста, перев., комм.) 1997: Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко: в 13 т. Т. I. XI–XII века. СПб.
- Тихомиров М.Н.* (отв. ред.) 1963: Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // Полное собрание русских летописей. Т. XXVIII. М.; Л.
- Успенский Ф.И.* 2002: История Византийской империи: в 5 т. Т. IV. Отдел VI: Комнины. Отдел VII: Расчленение империи. М.
- Филатов К.А.* (сост., общ. ред.) 2011: Византийский словарь: в 2 т. Т. I: А — Л. СПб.
- Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* 1988: Города-государства Древней Руси. Л.
- Цветков С.Э.* 2009: Древняя Русь. Эпоха междоусобиц. 1054–1212. М.
- Черепнин Л.В.* 1944: Русская хронология. М.
- Чхаидзе В.Н.* 2006: Тмутаракань (80-е гг. X века — 90-е гг. XI века): Очерки историографии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. VI, 139–174.
- Чхаидзе В.Н.* 2010: Тмутаракань — владение Древнерусского государства в 80-е гг. X — 90-е гг. XI веков // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 1 (5), 20–37.
- Шахматов А.А.* 2001: Разыскания о русских летописях. М.; Жуковский.
- Яковсон А.Л.* 1949: Херсонес и Киевская Русь в XI веке // Вестник Ленинградского университета. 4, 104–117.
- Яковсон А.Л.* 1950: Средневековый Херсонес (XII–XIV века) // МИА. 17, 1–260.
- Яковсон А.Л.* 1959: К изучению позднесредневекового Херсонеса (исправления и дополнения к работе «Средневековый Херсонес», МИА, вып. 17, 1950) // ХСб. Вып. V, 229–244.
- Shepard J.* (ed.) 2008: The Cambridge History of the Byzantine Empire: с. 500–1492. Cambridge.
- Treadgold W.* 1997: A History of the Byzantine State and Society. Stanford.

BACK GROUND TO THE BYZANTINE ANNEXATION OF THE AZOV REGION: LANDLESS PRINCE ROSTISLAV VLADIMIRIVICH

A. N. Slyadz

The article is devoted to one of the key episodes of the Byzantine-Russian relations in the second half of XI century — the rule of the grandson of Yaroslav the Wise Rostislav Vladimirovich in Tmutarakan (1064–1066), who was by his uncle Svyatoslav of Chernigov and

the government of Emperor Constantine X Doukas. Rostislav - a rogue prince came to power in a formally fixed for the Chernigov principality, but tended to an independent city, and threatened interests of Constantinople, and Chernigov, was poisoned by katepano of Kherson. This event led to the strengthening of Byzantine influence in the Azov region and was the prologue to its absorption by the Empire three decades later.

Key words: Byzantium, Rus, Kherson, Tmutarakan, Rostislav Vladimirovich, Constantine X Doukas, SvyatoslavYaroslavich

© 2015

З. Р. Сабирова

НА ПЕРЕПУТЬЕ: СПОРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ОБ ОБРАЗОВАНИИ БАШКИРСКОЙ АВТОНОМИИ

Революции начала XX века и последовавшая за ними демократизация политической жизни подняли на новую ступень общественно-политическое развитие нерусских народов, составлявших почти 57 % населения страны. Общей чертой всех национальных движений являлось то, что они были частью всероссийского демократического процесса и соотносились с ним как часть и целое. Каждое такое конкретное соотношение составляло особенность того или иного национального региона и являлось, таким образом, местной модификацией общих закономерностей демократического движения страны.

Ключевые слова: XX век, национальная интеллигенция, башкирская и татарская элиты

Проблема становления татарской и башкирской элит является дискуссионной и малоизученной темой. Вопрос об их существовании как таковом особенно остро встал в условиях создания индустриального общества. А. Ю. Хабутдинов для татарского общества в конце XVIII — начале XX веков выделяет четыре группы традиционной национальной элиты: улемов (духовенство), дворянство (мурз), буржуазию и светскую интеллигенцию. Для башкирского общества, на наш взгляд, можно выделить буржуазию и интеллигенцию, два других слоя были немногочисленными и большей частью выходцами из, либо «возвращенцами» в последние два слоя. Обозначение «возвращенцы» не является здесь специальным термином, а употреблено нами как прямое указание на скоротечный, свойственный индустриальному периоду нашей истории, процесс перехода, например, дворянства в купечество (буржуазию) или интеллигенцию под давлением финансовых обстоятельств, или интеллигенции в буржуазию, на этот раз благодаря тем же финансовым обстоятельствам.

Сабирова Зухра Рамилевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. E-mail: timerbulat2009@mail.ru

Татарский исследователь А. Ю. Хабутдинов основывает изучение особенностей становления татарской элиты на теории борьбы за владение и перераспределение различных видов капитала, почерпнутой им из работ классика французской социологии Пьера Бурдьё. Он отмечает, что для мусульманских этносов России эту теорию впервые применил американский социолог турецкого происхождения Адиб Халид, рассмотревший противостояние джаидов (модернизаторов) и кадимистов (сторонников консервативно-охранительного направления) в Средней Азии на рубеже XIX–XX вв. за владение и перераспределение «культурного капитала» в соответствии с концепцией П. Бурдьё и назвавший центральной чертой джаидской реформы именно соревнование за социальное существование мусульманской элиты.

А. Ю. Хабутдинов считает саму систему мусульманского образования, существовавшую до середины XIX в., дорогой для воспроизводства элиты у татар, вполне обеспечивавшей «потребности буржуазии в условиях фактической монополии на торговлю среди единоверцев, особенно в Казахстане и Туркестане. Включение этих районов непосредственно в сферу контроля русской администрации кардинально изменило ситуацию... Татары оказались в состоянии неравноправной конкуренции с русской буржуазией за контроль над экономикой Казахстана и Туркестана... [перед ними] возникла потребность овладения языком общеимперской администрации и системой торговли по европейским стандартам. Поэтому именно буржуазия выступила основным заказчиком создания школы, совместимой с реалиями российской экономической жизни и системы образования. Вместе с тем эта система образования должна была сохранять мусульманский характер, как для подготовки имамов и улемов, так и для учителей светских школ и бизнесменов, работающих преимущественно с мусульманами»¹.

Перед башкирами эта проблема встала гораздо раньше, однако ее инициаторами у башкир выступили не буржуа, а скорее «меценаты» из верхов, да и задач соревнования с русскими за право контроля за чьей-то экономикой они не ставили. Так, Исмаил Тасимов из башкирских заводчиков в 1771 г. обратился в Берг-Коллегию с инициативой об учреждении Горного училища в Санкт-Петербурге, ставшего в 1866 г. Горным институтом, где для учеников-башкир сохранялась определенная квота. А Кагарман-кантон Куватов стал инициатором отправки 200 башкирских детей на обучение в центральные и другие города России для получения профессионального образования. К сожалению, ни тот, ни другой факт, на наш взгляд, не стали толчком к массовому обучению башкир: первое в деле интеграции в промышленное производство, что, несомненно, расширило бы горизонты деятельности и подняло бы на новый уровень качество жизни народа, второе сравнимо с обучением дворянских детей светским наукам в петровское время. Здесь, на наш взгляд, сказался не столько инфантилизм сознания башкир, вовремя не распознавших реальные возможности для будущих поколений, но и страх в очередной раз довериться царизму. Свободно общавшиеся с казаками, калмыками, монголами во времена «Идукая и Мурадыма» башкиры сникли под гнетом налогов, и теперь, очевидно, неизменность устоев жизни выглядела в их глазах единственным способом выживания.

¹ Хабутдинов, <http://www.islamrf.ru/news/umma/islam-world/2733>

На необходимость изменения прежде всего этой позиции было направлено знаменитое выражение М. Акмуллы, относящееся к концу XIX века: «Башкорттар, укыу кэрэк! Укыу кэрэк!» — «Башкиры! Учиться надо! Учиться!» Чуть позже, в начале XX века, М. А. Круковский в книге «Южный Урал. Путевые очерки» дает замечательную подробную картину, которая, как бы то ни было, указывает на полное соответствие менталитету башкир. Так, он писал, что башкиры порой небрежны в земледелии, но вместе с тем всегда используют смекалку в ведении хозяйства, они «и богатые, и бедные, большие выдумщики и изобретатели»: богатые башкиры обрабатывают пашни иначе, чем бедные, «у многих есть новейшие плуги, сеялки, веялки, жатвенные и другие машины», а, к примеру, бедные башкиры делали овны в яме для просушки стога сена (в яме под стогом разжигался костер), «в башкирских деревнях всегда найдется что-нибудь новое, всюду натолкнетесь на мысль. В одной деревне башкир устроил над своим колодезем насос... Устранен лишний тяжелый труд... В другом месте вы увидите хитроумную ригу в яме, и другой такой риги уже нигде не найдете», в другом месте из ручной мельницы еще сделано и точило для инструментов, «и всюду у башкира видна техническая сметливость и желание возможно облегчить тяжелый, излишний труд... Глубоко жаль этого смышленного, добродушного, крепкого народа, с каждым годом все более и более вымирающего от нищеты, от внешней условий жизни... Этому живому, вечно беспокойному мозгу недостает образования»².

Новая башкирская буржуазия и все укреплявшая свои позиции башкирская интеллигенция благодаря широкому образованию, полученному в медресе, в начале XX века уже ориентировалась на модернизацию образования по варианту джадидов. В отличие от своих соседей-татар, которым виделась «острейшая необходимость реформирования прежнего уклада жизни, уже не отвечавшего реалиям прогрессирующего капитализма»³, насущной задачей, стоящей перед ними, башкиры видели решение земельного вопроса, ставшего на тот момент острым и политически, и экономически, и культурно. То есть башкирская интеллигенция стремилась решить проблему государственно-политического статуса своего народа комплексно. В этот период как техническая, так и гуманитарная ее части включились в обсуждение проблемы государственного самоопределения. Башкирская интеллигенция в большинстве своем последовательно добивалась национально-территориальной автономии. Однако не все из них опубликовали или хотя бы оставили на бумаге свое представление об этом. Их мнение мы можем встретить лишь в докладах, замечаниях и прениях на мусульманских и башкирских съездах. Другая проблема состоит в том, что большая часть опубликованных материалов была уничтожена большевиками после революции. Лишь за редким исключением находим сведения об этом в арабиграфичных изданиях, переписке эмигрантов или заграничных публикациях.

Одним из наиболее популярных пропагандистов идеи национально-территориальной автономии стал А.-З. Валиди. Свое особое мнение по проблеме он подготовил уже к I Всероссийскому съезду мусульман. Как пишет исследователь М. Н. Фархшатов, его доклад «отличался новациями, как по содержанию, так и по стратегическому замыслу», выступление «базировалось на фактах, наблюдениях

² Круковский 1909, 71-76.

³ Хабутдинов, <http://www.islamrf.ru/news/umma/islam-world/2733>

и выводах всей его предыдущей научной работы как историка и на данных других смежных наук (этнография, литературоведение, лингвистика, фольклористика и др.)»⁴.

Хотелось бы, однако, добавить, что в принципе все представители башкирского национального движения (А. Инан — Фатхелкадир Сулеймани, Мрясов, Идельгужин, Манатов, Тухватуллин и т.д.) являлись разносторонне образованными и в подготовке своих научных работ и публичных выступлений, как и А. З. Валидов, опирались на широкий круг источников. К примеру, Ш. Манатов, закончив Чернышевские общеобразовательные курсы в Петербурге, в 1910 г. поступает в Санкт-Петербургский психоневрологический институт. В г. Цюрихе происходит его встреча с В. И. Лениным. Там Ш. Манатов прожил 3 года, изучая работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина. Освоил английский, немецкий, французский и арабский языки. К. А. Идельгужин учился в медресе «Галия» (1912-1914 гг.). В 1918-1919 гг. служил в Башкирском войске. Фатхелкадир Сулеймани сначала учился в школе при местной мечети, затем в Челябинском мектебе Хакима-ахуна при Ак-мечети, затем именован и известном даже в Средней Азии медресе «Ра-сулия» в Троицке.

Многие участники движения получили образование в медресе. К примеру, по одному из учеников малоизвестного медресе в Белебеевском уезде — Габдулле Габдулмугину — в ЦИА РБ имеется следующий интересный документ, раскрывающий систему образования инородцев в начале XX века.

ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 914. Л. 39

М. В. Д.

Ахун

Абдуллагиф Габдулзарифович

Зарифов

Белебеевского уезда

Кандрыкутуевой,

Чукадытамаковской волости

Уфимской губернии

Мая 12 дня 1914 г.

№ 28

Аттестат.

*Дан сей, окончившему курс учения
в медресе ахуна Зарифова в деревне
Кандрыкутуевой Чукадытамакской
волости, Белебеевского уезда,
Уфимской губернии, Габдулле Габдулму-
гину, башкиру деревни Ермекеевой
той же волости, Белебеевского уезда,
Уфимской губернии, которому
18 лет от роду.*

По программе вышеуказанного медресе в продолжении четырех лет Габдулла Габдулмугинин проходил следующие предметы:

1. *Арабский язык (эльмесарфъи наху-могзи, гавамиль, анамузадж и шарх-молла).*
2. *Догматика (ильмкалям — Омере - Насафи).*
3. *Законоведение (эльм фикх - мохтасарельвикая).*
4. *Основы законоведения (усул фикх-зобда).*

⁴ Фархшатов 2008, 56.

5. *Этика (эльм ахляк — гайнельгильм, тарикамохаммадия).*
6. *Коран по таждвиду.*
7. *Хадисы — джашиг сагир.*
8. *Правила раздела наследства (фараиз).*
9. *Священная история (тарих мокаддас).*
10. *История ислама (тарих ислам).*
11. *Наука о назиданиях и проповедях (эльм маугизава-ль-хитаба).*
12. *Арифметика (эльм хисаб — четыре правила).*
13. *Татарский язык (сарф и наху).*

Во все продолжение учения в моем медресе Габдулла Габдулмунинов при отличном поведении имел отличные успехи, в удостоверении чего и дан настоящий аттестат.

Ахун Габдуллатиф
Г. Зарифов

Как видим, образование было поставлено на широкую ногу.

Обратим внимание, что, например, учебный план разряда «игдадия» в медресе «Хусаиния» на 1906–1907 гг. включал уже, наряду с религиозными и общегуманитарными дисциплинами, преподавание таких предметов, как физика, химия, геометрия и тригонометрия, психология, логика, элементарное право (немусульманское), гигиена и медицинские знания, политэкономия и торговое дело, бухгалтерия. Таким образом, по сути специалист обучался не только религиозным дисциплинам, но и региональной экономике.

Известно, что в сравнении с национальными движениями других народов в те годы, лишь башкирское национальное движение успело сформировать свои конкретные политические задачи, мобилизованную армию, правительство и законодательные, исполнительные органы и т.д. Все они к этому времени были политически зрелыми и патриотически настроенными людьми. Суть была в другом: каким образом каждый из них пришел к идее автономии и в каком виде ее представлял. Здесь, конечно, немалую роль сыграло то, в какой семье они выросли (в материальном отношении, социальном и духовном).

Твердое убеждение А.З. Валидова в необходимости национально-территориальной автономии для каждой нации разделило (в идеологическом плане) эти (нерусские) народы навсегда. Поэтому каждый из них в перспективе имел самостоятельное политическое будущее. 20 ноября 1917 г. С. Максуди в своей речи на открытии заседания Миллят Маджлисы сказал, что «теперь северные тюркотатары объявляют всему миру о своем существовании» и в заключение призвал опираться на силы собственной нации. Как считает А.Ю. Хабутдинов, его речь «констатировала отход от единства мусульман России в пользу татарского национального единства»⁵.

А.З. Валидов, в свою очередь, оговаривал, что народы должны составлять большинство в населении своих территориальных образований. На III Всебаш-

⁵ Хабутдинов 2008, 191.

кирском съезде идею А.З. Валидова о национальной независимости, создании своей автономии и возвращении башкирам их исторических земель поддержал Ш. Манатов. К ним присоединилась часть светской и религиозной интеллигенции, крестьян. Другая группа в составе части интеллигенции и солдат-фронтовиков выступала за самоопределение башкирского народа под эгидой советской власти. Совершенно противоположные позиции заняла татарская военная, городская, торговая и промышленная интеллигенция, которая ограничивала рамки решения вопроса созданием лишь культурно-национальной автономии⁶.

Позже Ш. Манатов признал позиции второй группы более приемлемыми. Это, кстати, было свойственно тем представителям интеллигенции, особенно гуманитарной, которые ко времени революции узнали нищету и лишения царской России, тем, кто поднимались из низов общества только благодаря своим талантам и усердию (Ш. Манатов, М. Гафури и т.д.). Поэтому быстрые и яркие действия большевиков вызвали у них симпатию и обнадежили в скорейшем улучшении жизни всего башкирского народа. Что это было, их политическая близорукость, социальная усталость или социально-политическая неадаптированность, теперь уже судить бесполезно. Как бы то ни было, в 1918 г. Ш. Манатов становится членом РКП (б). Избирался делегатом X Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов, членом ВЦИК. В конце января 1918 г. заявил, что «личные беседы с народными комиссарами дают мне большую надежду на то, что башкирская автономия будет утверждена»⁷.

Основная причина разногласий между А. Валидовым и Ш. Манатовым лежала в вопросе о путях реализации идеи башкирской автономии: Манатов, в отличие от Валидова, стоял на позициях чисто национальной автономии, а позже, перейдя на большевистские позиции, воспринял их твердое убеждение, что «ввиду отсутствия у башкир капиталистов и буржуа башкирское движение при признании требуемой ими автономии будет направлено не против Советов, а явится огромной силой в борьбе против Дутова»⁸. Его позиция в этом вопросе позже будет четко выражена в юбилейном сборнике журнала «Жизнь национальностей». Выступая категорически против татарской авантюры в виде культурно-национальной автономии и всецело поддерживая выступление башкир «против этой буржуазной затеи», их отмежевание «от «общемусульманского» блока... самостоятельно от татар» и начало их открытой «борьбы против поползновений татарских буржуазных националистов, которые под видом объединения мусульман стремились их себе подчинить», он указывает на идеалистичный настрой окружения А. Валидова, члены которого «не переставали верить правительству Керенского и К-о.»⁹. Столь же категоричным, как и к сторонникам культурно-национальной автономии, было его отношение к Дутову. Манатов называл его стремление использовать башкир «против Советской власти» не иначе как авантюрой. Из его статьи видно, что именно «полученная к тому времени декларация т.т. Ленина, Сталина и др. о праве народов прежней империи на самоопределение вплоть до отделе-

⁶ Муртазин 1927, 59.

⁷ Политические деятели России, 1917 г. 1996, 203; Рахматуллина 2008, 181-190.

⁸ ЦГАОО РБ. Ф.10287. Оп.2. Д.59. Л.1-2

⁹ Манатов 1923, 41.

ния вывела многих из их инертного и неопределенного положения»¹⁰, очевидно, убедила его в том, что основная цель борьбы башкир — получение национально-территориальной автономии — достигнута. Он указывал, что Дутов «добивается от Валидова и некоторых его сторонников выступления в печати («Оренбургский край») со статьей, в которой вся вина в сношениях с большевиками взваливалась на председателя Башкирского Областного Комитета, который якобы действовал без согласия всего Комитета», то есть на Ш. Манатова¹¹. Именно в этот момент дороги А. Валидова и Ш. Манатова окончательно разошлись.

Полностью поддержал позиции З. Валидова комбриг М. Муртазин, волевой, грамотный, талантливый военный руководитель, пользовавшийся непререкаемым авторитетом в башкирском национальном движении. Можно даже сказать больше, что он являлся рукой, воплощавшей фарманы башкирского национального движения в жизнь. В работе К. Идельгужина «Башкирское движение (в 1917, 1918, 1919 гг.)» на основе богатого фактического материала предпринята попытка выяснить причины национального вопроса в Башкортостане. Вкуче с Муртазиным и Мрясовым он выделяет более низкое материальное положение башкир в сравнении с другими народами края, а также незначительность классового расслоения в их обществе. Национальное движение башкир они изображают как общенациональную борьбу, отражающую интересы всего народа¹². Монографии К. Идельгужина, вышедшей в 1927 г. на башкирском языке, предшествовала его же статья «Создание Башкирской автономии и переход на сторону Советов», вышедшая в 1925 г. в журнале «Башкорт аймагы»¹³. Именно в ней автор поднял вопросы инициативы создания отдельной башкирской автономии и причин перехода башкир на сторону советской власти. Здесь всего 5 пунктов — Первый башкирский съезд, Второй башкирский съезд, объявление башкирской автономии, I Башкирский курултай, подготовка башкирского войска к переходу на сторону Советов. В ввводной части статьи сразу же просматривается его отношение к событиям — он прямо связывает переход башкир на сторону Советов с возможностью реализации башкирской автономии. Излагая предысторию перехода башкир на сторону Советов, он обращает внимание читателя на то, что мусульманская буржуазия в 1917 г. пыталась воспользоваться революционным настроем масс и под лозунгом объединения всех тюркских народностей стремилась увлечь их религией и «отвлечь от социальной стороны проблемы». В то время башкирское национальное движение сплотилось в большей степени на социально-экономической почве (земельный, лесной, социальный гнет). То есть, таким образом, он четко указывает на изначальную невозможность для башкирского народа реализоваться в составе общемусульманского движения.

К. Идельгужин полностью выразил общую для всех слоев башкирской интеллигенции позицию: «Башкиры в свободной России должны наконец выйти из-под опеки других народов. Освобождение от общественного, политического и духовного притеснений, сохранение национальной идентичности родственными тюркскими народами, создание своего государства — есть движение вперед, но

¹⁰ Манатов 1923, 42.

¹¹ Манатов 1923, 42.

¹² Идельгужин 1927, 32; Муртазин 1927, 14; Ишемгулов 1996.

¹³ Идельгужин 1925, 1-14.

только тогда, когда они станут хозяевами на своей родине. А пока в местном самоуправлении, несмотря на полностью отличающийся от других мусульманских народов язык, обряды, на большое количество земли, большие налоги в земство, у башкир нет возможности полностью быть свободными. В окружении других национальностей они не могут удовлетворить свои национальные потребности и в разведении скота. Башкирам необходимо выделить свои отдельные земства, иначе они рискуют потерять свою идентичность»¹⁴.

ЛИТЕРАТУРА

- Идельгужин К.* 1925: Создание Башкирской автономии и переход на сторону Советов // Башкорт аймагы. 1, 1-14.
- Идельгужин К.* 1927: «Башкирское движение (в 1917, 1918, 1919 гг.). Уфа
- Ишемгулов Н. У.* 1996: Башкирское национальное движение (1917–1921 гг.): автореф. дис. ...к.и.н. Уфа.
- Круковский М. А.* 1909: Южный Урала. Путевые очерки. М.
- Манатов Ш.* 1923: Башкирская автономная республика // Жизнь национальностей. М., 41-47.
- Муртазин М.Л.* 1927: Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. Уфа.
- Рахматуллина З.Р.* 2008: От идеализма к реализму // Актуальные проблемы истории, языка и культуры Башкортостана. Сборник научных трудов молодых ученых ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа, 181-190.
- Фархатов М. Н.* 2008: Импровизации национальной элиты на тему автономии и федерации российских тюрков-мусульман в начале XX в. // Взаимодействие центра и регионов в практике государственного строительства: мировой и российский опыт: Мат. междуна. науч. - практ. конф. Уфа, 56-59.
- Хабутдинов А. Ю.* Опыт подготовки конкурентоспособной мусульманской элиты: джадидская система образования. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.islamrf.ru/news/umma/islam-world/2733>
- Хабутдинов А.Ю.* 2008: От общины к нации: татары на пути средневековья к Новому времени (конец XVIII — начало XX вв.). Казань.

AT THE CROSSROADS: DISPUTES OF THE NATIONAL INTELLECTUALS ON FORMATION OF THE BASHKIR AUTONOMY

Z. R. Sabirova

Revolutions of the beginning of the 20th century and the democratization of political life followed them raised the political development of the non-Russian people, making nearly 57% of the population of the country, on a new step. A common feature of all national movements was that they were a part of the all-Russian democratic process and corresponded to it as a part and the whole. Each concrete ratio made the feature of this or that national region and was, thus, the local modification of the general regularities of the democratic movement of the country.

Key words: XX century, the national intelligentsia, Bashkir and Tatar elite

---

¹⁴ Идельгужин 1925, 1-14.

ЭТНОЛОГИЯ

© 2015

Л. Н. Хаховская

ЭКСПЕДИЦИИ МЕЖДУ ЧУКОТКОЙ И АЛЯСКОЙ: ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ПРЕОДОЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ГРАНИЦ*

Рассмотрена роль этнического фактора в политических процессах, преломленная сквозь призму такого локального сюжета, как экспедиции между Чукоткой и Аляской, проводившиеся в период перестройки и гласности. Цель экспедиций состояла прежде всего в снятии политических и идеологических границ, достижению этой цели способствовали этнографичность и экстремальность акций: расстояния преодолевались на лыжах, собачьих упряжках, байдарках и даже вплавь. Важной составляющей активизации межгосударственного диалога СССР и США стала мобилизация этничности, принявшая акциональную и риторическую форму воссоединения «разделенного» этноса — эскимосов. Неоправдавшиеся ожидания коренных жителей Чукотки от открытия государственных границ осмыслены этническими лидерами как «географический империализм».

Ключевые слова: эскимосы, чукчи, Чукотка, Аляска, экспедиция, этничность, «географический империализм»

Период перестройки и гласности, продолжавшийся около семи лет и давший начало кардинальным политическим, идеологическим и экономическим переменам, не так часто привлекает внимание этнологов. Между тем именно эта эпоха и соответствующие хронологические рамки продемонстрировали мощную мобилизацию этнического фактора, получившую отражение в событиях различного уровня и масштаба, в том числе в таком локальном сюжете, как экстремальные путешествия между Чукоткой и Аляской с элементами этнографичности (этничности). Как известно, в эти годы началось потепление политических отношений между Советским Союзом и Америкой, которое, однако, далеко не сразу вылилось в реальные подвижки, ощутимые для населения этих стран. Самым «узким местом», в которое устремились усилия активистов с обеих сторон, оказались приграничные территории — Чукотка и Аляска. Перестроечная Чукотка становится передним краем советско-американской народной дипломатии, которая канализировалась в экстремальные путешествия, экспедиции, переходы. В данном сю-

Хаховская Людмила Николаевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н. А. Шило ДВО РАН. E-mail: hahovskaya@mail.ru

* Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ14-01-00061а «Культурно-историческое развитие коренных народов Чукотки в советский и постсоветский период».

жете прослеживается, как этнический фактор подпитывал политические сдвиги, выступая катализатором общественных настроений. Возможности, открывшиеся после снятия жестких ограничений, в свою очередь активизировали этнические процессы, породили со стороны коренных жителей Чукотки определенные ожидания, которые большей частью не оправдались.

Этнологические (антропологические) работ, в которых бы рассматривалась эта тема, нет. Отчасти это объясняется общим слабым осмыслением данного периода в дисциплине, поскольку он был достаточно быстро заслонен постперестроечными процессами. Играет свою роль и скудость источников — синхронный материал отложился в основном в средствах массовой информации, и местная пресса, использованная нами, является источником наиболее ярким. Данное исследование опирается на методологию микроистории и истории повседневности, которая отмечена вниманием прежде всего к локальным сюжетам и микросюжетам, но усматривает за локальными событиями сдвиги макроисторического масштаба. Автор придерживался также антропологического метода, заключающегося в соотношении событийной истории с культурными установками и ментальным складом участников событий.

Экстрим и этничность как политический гаран: «принцип трех Г». *«Вероятно, мы самый напористый американский штат в части развития отношений с Советским Союзом»*, — сказал в годы перестройки Рон Миллер, эксперт штата Аляска в сфере международной торговли¹. Действительно, аляскинцы более других американцев были заинтересованы в деловом сотрудничестве с советской стороной: еще совсем недавно, по историческим меркам, благосостояние многих жителей Нома, Анкориджа, Солдотны и других поселений зависело от удачной охоты на морских животных в российских территориальных водах, пушного промысла в береговых и глубинных районах Чукотки и неконтролируемой торговли с чукотскими аборигенами². К концу 1920-х гг. американским китобоям и торговцам доступ на Чукотку был закрыт.

Береговые районы советской Чукотки являлись режимной территорией, для въезда сюда был необходим специальный вызов. В первые советские десятилетия правом посещать родственников в Америке (и принимать их у себя) пользовались представители такого коренного этноса, как эскимосы, но в 1948 г. граница была закрыта и для них. Преодолеть эти барьеры аляскинцы попытались уже в первые годы гласности, но их усилия не увенчались успехом: *«Чуна Макинтайр из поселка Иик, мэр поселка Чивак Джон Пингайяк и его жена Тереза были первыми эскимосами Аляски, которые <...> приехали в СССР, чтобы увидеться с эскимосами Чукотки. Приехать-то они приехали, но на Чукотку их не пустили. Через год в нашу страну приехал большой коллектив <...> в его составе были три эскимосские группы. <...> Их тоже не пустили туда. Но аляскинцы не сдались и решили: если не получается в Москве, надо строить мост через Берингов пролив»*³.

В стратегию преодоления политических и административных барьеров вовлекаются природные и исторические факторы, а «движущие силы» желаемых перемен формулируются американцами в виде «*принципа трех Г*»: география,

¹ Советская Чукотка 16.08.1990.

² Лебединцев 2013.

³ Богословская 1989.

генеалогия и гласность⁴. И если гласность имела источником исключительно «рецентную» политическую волю людей, то география и генеалогия не зависели от современных идеологов и активистов, но в полной мере были использованы ими. Так называемый «каприз Сьюарда», купившего в свое время у России «беспользные территории», обусловил ближайшее соседство Америки и Советского Союза на его восточных рубежах. Узкий Берингов пролив, разделяющий страны, благодаря усилиям интеллектуалов лингвистически и семантически преобразуется в «Берингов мост» (существовало также множество проектов строительства реального моста), а обращение к естественнонаучным фактам формирует гуманитарный «берингийский» дискурс как древней сухопутной непрерывности, символически перенесенной в настоящее. Сама перемена политического климата подкрепляется наглядными метафорами, воплощенными в экзотических ландшафтах: *«Льды «холодной войны» образовали огромные торосы в Беринговом проливе, на долгие годы разделили жителей Аляски и Чукотки. Сейчас эти искусственные льды стали понемногу таять»*⁵.

В генеалогии, под которой подразумевалась и общность культурного наследия, прослеживалась русская культурная компонента, которая «отложилась» на Аляске за время существования Русской Америки в виде архитектурного облика зданий (православные церкви с куполами-луковками), антропонимии (фамилия Иванофф), урбанонимов (улица Верстовая, отель «Баранов»). Но главный упор был сделан на собственно генеалогии, то есть общности происхождения, и это повлекло за собой мощный дискурс на тему объединения эскимосов, обитавших по обе стороны Берингова пролива. Эскимосы позиционировались в семантическом поле «разделенной нации» как разлученные с родственниками, лишенные общения с сородичами. Именно поэтому, как увидим далее, в состав путешественников-экстремалов из числа коренных жителей старались брать преимущественно эскимосов.

Из-за суровых климатических условий проводимые акции носили заведомо экстремальный характер, но, чтобы «пробить» политические границы, они должны были нести нагрузку гораздо большую, чем испытание физической и духовной стойкости. Эту идеологическую сверхзадачу спортсмены (о которых речь пойдет ниже) артикулировали в форме таких гуманитарных мотивов, как *«восстановление естественных культурных связей между народами и двумя континентами»* (Поль Шурке); *«строить мосты через границы <...> уничтожить барьеры между двумя нашими супердержавами»* (Линн Кокс); *«очень красивая, яркая демонстрация советско-американской дружбы»* (Дмитрий Шпаро); *«...развитие все более стабильного добрососедства между двумя берегами древней Берингии»* (Сергей Фролов).

Первой из спортсменов «железный занавес» и воды Берингова пролива преодолела американская пловчиха Линн Кокс, получившая за устойчивость к холоду прозвище «живое эскимо». 13 августа 1987 г. она, проведя в шестиградусной воде два часа шесть минут, переплыла 4160 метров Берингова пролива от американского острова Малый Диомид (Крузенштерна) до российского острова Большой Диомид (Ратманова). Ярко выраженное стремление к личному успеху и престижу

⁴ Советская Чукотка 16.08.1990.

⁵ Советская Чукотка 31.01.1989.

в этом экстремальном заплыве удачно совпало с желаемым политическим эффектом. По сути, произошла политизация экстремальности, подхваченная второй, не менее значимой акцией — экспедицией «Берингов мост», инициатором которой также стали американцы.

Экспедиция «Берингов мост» заключалась в переходе на лыжах, байдарках и собачьих упряжках от города Анадыря на Чукотке до городка Коцебу на Аляске. Маршрут протяженностью более 2000 км пролегал через 16 чукотских поселков, Берингов пролив и 14 населенных пунктов Аляски. Состав участников был советско-американским, паритетным — по 6 человек с обеих сторон. По предложению организаторов, каждая команда должна была наполовину состоять из эскимосов как «объединительного» этноса. Таким образом, уже на этапе подготовки этнический фактор используется в качестве катализатора политических процессов. Далее, среди эскимосов с обеих сторон должно было быть по одной женщине. Подоплека этой гендерной мобилизации не вполне ясна, скорее всего, она была созвучна западному феминистскому движению, поскольку в американской команде оказались даже две женщины⁶. С советской стороны гендерная «установка» была выполнена, а этническая — не вполне, поскольку в команду взяли лишь одного эскимоса (женщина, врач по профессии), два других участника-аборигена были представлены чукчами, из них один каюр, ехавший на собственной собачьей упряжке.

Команды возглавили известные путешественники, знаковые среди профессионалов фигуры — Пол Шурке и Дмитрий Шпаро, последний незадолго до этого совершил переход к Северному полюсу. Но предстоящая экспедиция, в отличие от похода к полюсу, имела не столько профессиональное, сколько политическое звучание, и вызванные этим побочные эффекты тяготили Шпаро как спортсмена, что будет показано ниже. Экспедиция стартовала 7 марта 1989 г., 1 апреля пересекла границу между СССР и США, 11 мая ее встречали жители Коцебу. Команда двигалась на лыжах, на трех собачьих упряжках везли снаряжение и припасы. При движении по Чукотке беринговцы встречались с местными администрацией и жителями, собирали подписи под воззванием к американскому народу. Наиболее четко главную цель экспедиции выразил ее руководитель с советской стороны, Дмитрий Шпаро: «Мы отправляемся в это путешествие не ради путешествия, а ради установления добрососедских отношений между Аляской и Чукоткой. Ведь у людей, населяющих эти земли, много общего в культуре, истории, языке, есть даже общие родственники, предки»⁷.

Экспедиции придавали также исторические («древний торговый маршрут») и географические (связать «разные полушария» и «разные континенты») коннотации. Правда, увлечение риторикой привело к некоторым погрешностям против научных фактов: маршрут в древности был не столько торговым, сколько военным, а географически Чукотский полуостров лежит в одном полушарии с Северной Америкой.

Идеолого-политическая подоплека экспедиции порой шла вразрез со спортивными принципами и требованиями безопасности, главным образом из-за состава участников (включение не подготовленных к таким походам аборигенов)

⁶ Советская Чукотка 7.03.1989.

⁷ Советская Чукотка 4.03.1989.

и необходимости выполнения «агитационной» программы. Вот что говорил по этому поводу Д. Шпаро: «... наша команда состояла не из знакомых, подготовленных в одинаковой степени людей, а из совершенно разных, с различной степенью подготовки для подобных переходов, причем большинство членов экспедиции познакомились друг с другом буквально перед стартом. <...> во время нашего пребывания в прибрежных селах Чукотки вместо отдыха всем нам приходилось испытывать на себе огромные психологические и физические нагрузки. <...> нам в очень сжатый отрезок времени нужно было провести большое количество встреч с людьми. <...> как правило, потом мы отправлялись в путь совершенно разбитыми»⁸.

Самое драматичное событие чукотско-алаяскинского перехода произошло из-за игнорирования спортивных правил в пользу каких-то иных соображений. Об этом рассказал Д. Шпаро: «Пол (Шурке — Л. Х.) все время торопится и при этом нередко ошибается, в результате такой вот спешки мы как-то раз попали в такую экстремальную ситуацию, что, честно говоря, я даже запаниковал». Это случилось при переходе от села Конергино к селу Энмелен. Жители Конергино предупредили путешественников об опасности пути по льду Анадырского залива: близко к берегу стоит открытая вода. «Но Пол настоял на том, чтобы группа двигалась по льду залива, так как в этом случае удавалось сэкономить много времени и путь был бы гораздо короче. Шли быстро. И ветер на льду стал помощником. Видимость была неважная». Поэтому лыжники «буквально оцепенели, когда увидели прямо на своем пути море, открытое до самого горизонта. Ситуация была экстремальная, так как все усиливающийся ветер мог оторвать кусок ледяного поля вместе с группой и унести его в море. Беды удалось избежать, но и времени на то, чтобы вернуться к берегу, было потеряно немало»⁹.

Путь экспедиции широко освещался в прессе, ее сопровождали волонтеры, оказывали поддержку пограничники, авиаторы, работники разных организаций и служб. Путешественники, как сказано, много общались с местными жителями, а американская участница, эскимоска Дарлин Апанголук даже нашла в Провиденция и в Уэлькале родственников. Берингов пролив команда (кроме четырех членов) преодолела на эскимосской байдаре, которую привезли в приграничный Уэлен из эскимосского села Сиреники. Для помощи «беринговцам» на байдаре шли морские зверобои совхоза «Ударник», эскимосы А. Анкалин и А. Рахтылькун. Груз и снаряжение, собак с сопровождавшими их двумя каюрами и двух женщин-эскимосок перевезли на вертолетах. Тот факт, что члены команды, чья этническая принадлежность воплощала объединительный пафос (а с советской стороны такой участник был единственным), оказались выключенными из самого символически нагруженного участка маршрута экспедиции, указывает на некоторую факультативность этнического фактора в этом мероприятии, его подчиненность политическим устремлениям. Политический резонанс экспедиции достиг пика в акции обращения участников к главам СССР и США и их ответных поздравлениях. После завершения экспедиции беринговцы совершили турне по городам Америки, проводя встречи и беседы.

⁸ Советская Чукотка 22.04.1989.

⁹ Советская Чукотка 15.04.1989.

От политики к бизнесу: «принцип трех Э». «Берингов мост» дал начало целой череде профессиональных и полупрофессиональных походов «между Чукоткой и Аляской» («Большое кольцо», «Метелица», заплыв «моржей» клуба «Родина», «Пилликен», «Надежда» и другие, включая перелет на воздушном шаре). Важным является то, что в них появилась и постепенно стала усиливаться предпринимательская составляющая. Этот тренд неявно базировался на освоении нематериального ресурса территории, который можно обозначить как «принцип трех Э»: экстремальность, экзотичность и этнографичность/этничность. Конечно, здесь наблюдается и преемственность с предыдущими акциями, но обнаруживаются существенные сдвиги: политическая подоплека и риторика уходят на второй план, а на первый выступает стремление получить осязаемые дивиденды в профессиональном и/или коммерческом плане. Происходит специализация путешествий и профессионализация путешественников. Это видно уже из технической стороны дела: если участники «Берингова моста» двигались на разных транспортных средствах, то их последователи сосредоточились на одном. Коренные жители в этих акциях участвуют так же, как профессионалы, обладающие специальными знаниями и навыками.

Так, 4 июля 1989 г. по «*древнему пути эскимосов*» из поселка Провидения (Чукотка) до городка Гамбелл (о. Святого Лаврентия, США) стартовала экспедиция «Пилликен». Участники экспедиции назвали ее «этнографической», так как собственными руками, с соблюдением традиционной технологии азиатских эскимосов, смастерили три кожаные байдары, на которых двигались¹⁰. Этнографический эксперимент, правда, оказался не совсем чистым: на одной из байдар был моторный двигатель. В «многонациональном», по определению путешественников, коллективе были шестеро эскимосов — морских зверобоев из села Сиреники. В дальнейшем Сергей Фролов, руководитель экспедиции, совершил еще ряд подобных походов, ориентируясь на эту деятельность как на профессию и связывая с ней будущее: «*Я бы очень хотел, чтобы экспедиция работала вечно...*»¹¹ В своей первоначальной специализации (инженер-кораблестроитель) он актуализирует этнографические аспекты: осваивает локальные особенности постройки эскимосских байдар, читает лекции на эту тему в университетах Аляски, изготавливает коллекционные экспонаты для музеев; а также выстраивает этнообъединительные связи: в экипаж включает эскимосов-мореходов Аляски, Канады и Гренландии.

Экзотика байдары, однако, оказалась специфичной, сложной и связанной с экстремальностью слишком высокого уровня опасности, а потому не была широко востребована и коммерциализована. Гораздо большие надежды возлагались на собачий транспорт. Существовал ряд организаций и частных лиц, которые связывали с возрождением чукотского упряжного собаководства далеко идущие планы. Журнал «Северные просторы» организовал обследование местных ездовых собак с целью определить перспективы селекции¹²; журнал «Вокруг света» запланировал гонку «Большое кольцо Чукотки», переход на собаках на Северный полюс, а также «*постоянное участие каюров из Чукотки в международных гонках на соба-*

¹⁰ Советская Чукотка 4.07.1989.

¹¹ Советская Чукотка 15.09.1990.

¹² Советская Чукотка 7.01.1989.

ках на Аляске и в будущем, возможно, в зимних Олимпийских играх»¹³. Развивать «старые национальные традиции, ремесла, виды транспорта» стремились организаторы Общесоюзного фонда народностей Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, созданного Союзом архитекторов СССР. В предпринимательских целях они собирались устраивать гонки на собачьих упряжках: «Они не спортивные, а коммерческо-развлекательные. Возник интерес к собаководству. Хорошая ездовая собака, вожак тем более, стоит на западном рынке до 10 тыс. долларов. Столько стоит неплохой автомобиль. <...> Весь вопрос в том, чтобы поработать на перспективу, не забывая и коммерцию»¹⁴.

Основным источником энтузиазма по поводу потенциала собачьих упряжек являлся пример аляскинских гонок «Айдитарод», который широко популяризовала советская пресса и телевидение: «Известность лучших гонщиков на Аляске сравнима с популярностью эстрадных звезд. Этих мужчин и женщин знает вся Аляска. <...> Собаки на Аляске, особенно знаменитые упряжные «хаски», предмет поклонения. Вы не встретите там ни одного бездомного пса, ни одного урода-помеси, которыми так богата Чукотка. <...> Чемпионы гонок награждаются <...> весомыми денежными призами <...> Они становятся подлинными национальными героями штата. Небывалая популярность и у тех, кто принес славу своим хозяевам, — у упряжных собак. Это тоже чемпионы со всеми вытекающими: медали, реклама, призы»¹⁵.

Поэтому теперь уже советская сторона стала искать возможность устроить подобное шоу на Чукотке, и эти намерения получили поддержку американцев. Акция «Айдитарод» в советско-американском варианте воплотилась в трансконтинентальной гонке на собачьих упряжках «Надежда-91» (март-апрель 1991 г.), которая имела обратный «Берингову мосту» вектор движения: ее трасса прошла по территории Аляски от города Ном до прибрежного поселка Уэллс и затем по территории Чукотки от Уэлена до Анадыря. В отличие от «Берингова моста», состав участников этой акции не был постоянным: в Номе старт приняли 8 спортсменом (из них один чукотский), на советской территории к ним присоединились 6 чукотских гонщиков. Разумеется, чукотские аборигены не являлись профессиональными гонщиками, таких в стране просто не существовало, в лучшем случае это были люди, имевшие дело с собачьими упряжками в повседневной жизни. Шансов на победу поэтому у них не было. К финишу первой пришла американка Кейт Персонс, призерами также стали иностранцы. Лучший результат среди чукотских гонщиков показали Николай Эттыне и Григорий Оттой, которые завершили гонку на следующий день после победителей, четвертым и пятым соответственно.

«Надежда-91» позиционировалась не только как спортивное мероприятие, организаторы гонки подчеркивали ее большой общественный размах и социальный резонанс: «Десятки производственных и общественных организаций, более двухсот американских и трехсот советских добровольцев безвозмездно оказали свою посильную помощь и тем самым внесли свой вклад в дело укрепления друж-

¹³ Советская Чукотка 11.01.1989.

¹⁴ Советская Чукотка 6.09.1990.

¹⁵ Советская Чукотка 26.07.1990.

бы между Аляской и Чукоткой»¹⁶. Но, как оказалось, такая гуманитарная значимость удовлетворила далеко не всех, вскрылись разочаровывающие моменты, источники которых мы покажем ниже.

Поверх барьеров: успехи и разочарования. Экспедиция «Берингов мост» и сопутствовавшие ей мероприятия достигли больших успехов в преодолении государственных и политических границ. 1989 год стал кульминационным по активности чукотско-американских связей: каждый месяц округ посещали не только частные лица, но и несколько официальных делегаций политиков, представителей общественности, деловых кругов, специалистов. В свою очередь, жители Чукотки самостоятельно или в составе групп выезжали на Аляску. Радикальным образом изменились общественные ожидания. Жители пограничных районов Чукотки, прежде всего Чукотского, вплотную соприкоснувшись с западным миром, ощутили важность и приоритетность открытия государственных границ. Социологический опрос, проведенный в начале лета 1989 г. в этом районе, показал: *«Абсолютное большинство опрошенных считает необходимым беспрепятственный контакт чукчей и эскимосов Чукотки и Аляски, а также создание зоны совместного предпринимательства со штатом Аляска»*¹⁷. Стоит добавить, что респонденты (а это были коренные жители) проявили гораздо большую заинтересованность в строительстве отношений с соседним государством, чем в перспективах развития традиционных отраслей¹⁸.

Уровень жизни аляскинцев поразил местных жителей: *«...не будем кривить душой, большинство населения Чукотки прямо-таки завидует тем, кто живет в США, на Аляске, в частности»*¹⁹, — и вызвал желание улучшить собственное благосостояние, в том числе с помощью возможностей, предоставляемых межэтническими контактами и обменами. Юридическое же оформление этих возможностей не заставило себя долго ждать.

В сентябре 1989 г. Э. Шеварнадзе и Д. Бейкер подписали соглашение о безвизовом взаимном посещении между эскимосами Чукотки и Аляски продолжительностью до 90 дней. Обоснованием акта служили родственные связи, но родство в данном случае понималось расширительно, как принадлежность к одному «племени, роду» и даже *«общее языковое и культурное наследие»*²⁰. В ноябре 1989 г. соглашение ратифицируют правительства СССР и США. В феврале 1990 г. межправительственное соглашение упростило организацию перелетов между Аляской и СССР. Весной 1990 г. университет штата Аляска (г. Анкоридж) присудил М. С. Горбачеву почетную степень профессора. Связи развивались настолько бурно, что владельцы магазинов и таксисты в аляскинских городах начали принимать советские рубли. Конгрессмены США от штата Аляска ходатайствовали об открытии советского консульства в Анкоридже. Провиденский пивобезалкогольный комбинат начал поставлять в США полюбившееся аляскинцам пиво «Исетское»²¹. Оформлено побратимство городов (Анадырь — Бетел; Провиденция — Ном), что дало возможность их жителям участвовать в безвизовом обмене делегациями.

¹⁶ Советская Чукотка 30.04.1991.

¹⁷ Советская Чукотка 26.01.1990.

¹⁸ Хаховская 2014.

¹⁹ Советская Чукотка 10.07.1990.

²⁰ Советская Чукотка 11.11.1989.

²¹ Советская Чукотка 16.08.1990.

Политические процессы в свою очередь катализировали этнические. С начала перестройки аборигены Чукотки в общественных движениях выступали вместе, учредив в январе 1990 г. Ассоциацию коренных народов Чукотки без какого-либо этнического подразделения. Но внешнее педалирование «особости» эскимосов (которая к тому же получила реализацию в виде эксклюзивного права на безвизовый въезд в США) повлекло за собой осознание этническими лидерами преимуществ такого положения и желание расширить рамки открывшихся возможностей. Акцией, воплотившей эти устремления, стало учредительное собрание регионального общества эскимосов (прошло в августе 1990 г. в пос. Провидения).

Эти действия вызвали критику со стороны других аборигенов, прежде всего чукчей, которые опасались негативных последствий: *«Создание общества эскимосов может привести к межнациональной розни и разладу между чукчами и эскимосами»*. Оппоненты «этнического раскола» считали, что новая организация нужна ее лидерам *«лишь для вступления в международную ассоциацию эскимосов»*²², указывали на *«излишнюю увлеченность <...> расширением контактов с зарубежьем»*, призывали *«всерьез заниматься не представительством, а законодательной инициативой»*²³. В свою очередь, лидеры этнических чукчей также ходатайствовали о «выходе на международную аренду» и, хотя и не сразу, добились успеха: в 1992 г. чукчи получили право на безвизовые поездки на Аляску, правда, это коснулось не всех, а лишь жителей приморских приграничных районов (Иультинский, Провиденский, Чукотский, восточная часть Анадырского и город Анадырь). Вследствие расширения круга обладателей такого права поток коренных жителей на Аляску возрос и в 1994 г. достиг пика в 355 человек.

К научным и гуманитарным достижениям советско-американских взаимодействий в форме экстремальных путешествий относится создание центра «Арктика» и проекта парка «Наследие Берингии». Идея учредить международный советско-американский научный центр родилась во время медико-биологического обеспечения перехода «Берингов мост». Советская часть центра основана в г. Магадан в 1991 г. (в 2008 г. «Арктика» утратила международный статус). К работе по созданию берингийского парка приступили осенью 1989 г., подчеркивая его не только природоохранное, но и коммерческое значение: *«Нужно зарабатывать деньги: на туризме, на выпуске полиграфической и сувенирной продукции»*²⁴. Но к концу перестройки парк на советской территории так и не был создан, поскольку эксперты усмотрели в проекте *«недостаточность прямой выгоды для местного населения»* и *«недостаточность участия коренного населения»*²⁵. Как увидим далее, выгода аборигенов Чукотки от международных проектов действительно оказывалась сомнительной, а участие в них порой приносило чувство обделенности.

Конец эпохи перестройки совпал с уменьшением числа экстремальных путешествий, падением их общественного престижа. Несколько лет спустя после «Берингова моста» и вскоре после гонки «Надежда-91» наступила обоюдная «усталость», обостренная чувством неудовлетворенности. Со стороны американцев

²² Советская Чукотка 30.08.1990.

²³ Советская Чукотка 4.08.1992.

²⁴ Советская Чукотка 7.07.1990.

²⁵ Советская Чукотка 04.08.1992.

«русский бум» быстро прошел из-за того, что расчеты частных фирм и бизнесменов на деловое сотрудничество с советскими партнерами не оправдались²⁶. Также не устраивало аляскинцев затрачивать силы и средства на прием многочисленных делегаций, члены которых зачастую решали не общественные, а личные проблемы. Как выразился один из жителей Анкориджа, «мы уже устали содержать и развлекать «дорогих» гостей»²⁷.

Причины недовольства жителей Чукотки результатами интенсивных контактов лежали в плоскости пересечения материальных и нематериальных мотивов. Некоторые почувствовали моральную ущемленность от не вполне равноправного, на их взгляд, диалога с американской стороной, что с особой выпуклостью показали ход и результаты гонки «Надежда-91»: «Сама гонка прошла не как спортивное состязание, а как показательное выступление хорошо подготовленных американцев и робких учеников — наших гонщиков. Последнему пришедшему к финишу вручили шуточно-уничижительный приз — красный керосиновый фонарь. Им оказался чукотский гонщик. Так принято в Америке. <...> Это была их гонка, их парад»²⁸. Другие обращали внимание на коммерческую сторону этой акции: «Чукотка не чувствовала и не получила от гонки выгоды»²⁹.

Широкий общественный резонанс межконтинентального сотрудничества также, как оказалось, имел оборотную сторону и повлек за собой формирование чувства обделенности. Чукотка ранее не была местом «паломничества» эстремалов, а американцы как бы открыли ее заново, усилив таким образом и внутренний интерес к ней. Нашествие «варягов», снимавших сливки с этого открытия, вызывало раздражение: «Ежегодно на Чукотку приезжают десятки различных экспедиций, знаменитых и не очень путешественников, художников, ученых, фотокорреспондентов. Потом появляются научные диссертации, красочные буклеты, фильмы. Трудно даже представить суммы вырученных денег, зачастую и в конвертируемой валюте. Только вот достается это не нам, не Чукотке. Мы по-прежнему добродушно помогаем японским и американским телевизионщикам, готовы гонять в тундру вездеходы и вертолеты любым «варягам»³⁰; «По-прежнему будем отдавать наши просторы для проведения всевозможных экспедиций и соревнований «варягам» <...> А они будут элементарно наживать на Чукотке не только престиж, но и экономический потенциал»³¹.

Ощущение того, что «символический капитал» территории Чукотки используется в целях обогащения и прославления посторонних людей, пришло и к коренным жителям, считавшим свои права на этот капитал наиболее легитимными. Важно отметить, что произошло это именно на фоне открытия границ и доступа к благам западного мира. Неудовлетворенность такими каналами экспорта нематериальных ценностей, которые ничего не приносили аборигенам Чукотки, возможно, была осознана многими из них, мы же можем судить о ней по высказываниям представителей интеллектуальной элиты. Эскимоска Зоя Иванова (участница

²⁶ Советская Чукотка 30.03.1991.

²⁷ Советская Чукотка 30.03.1991.

²⁸ Советская Чукотка 21.05.1991.

²⁹ Советская Чукотка 9.05.1991.

³⁰ Советская Чукотка 30.03.1991.

³¹ Советская Чукотка 9.05.1991.

экспедиции «Берингов мост») в интервью местной прессе сказала следующее: «... когда приезжают в район зарубежные гости, считается естественным показать им национальную культуру «лицом». Организуются концерты, выставки, игры. Хорошо это? Казалось бы, да. Элемент гостеприимства свойствен всем народам. Люди понимают всё, идут навстречу, выкладываются. А потом? Потом ничего. До следующего приезда. Совершенно очевидно, что такой «экспортный» вариант культуры только оскорбляет национальные чувства. Только живая, непрерывная цепь традиций, осмысленных в свете дня сегодняшнего, не чуждых ему, достойна аборигенов Чукотки. На зарубежных туристах во всем мире делают хороший бизнес, мы, наоборот, несем затраты на них»³². Как можно видеть, здесь подразумевался колониальный, неэквивалентный характер сложившихся отношений, поскольку хорошо оплачиваемый культурный «экспорт», напротив, приветствовался.

Чукотский писатель Юрий Рытхеу назвал экспансию путешественников-экстремалов «географическим империализмом» и даже «расизмом», поскольку «у местных жителей отнимается право быть первооткрывателями и первыми исследователями этих земель по той единственной причине, что они местные жители»³³. В такой форме писатель озвучил имевшую хождение среди, по крайней мере, части аборигенов, идею о том, что право на «открытие» Чукотки, и, соответственно, использование ее материального и нематериального потенциала принадлежит тем, кто здесь живет и трудится, в первую очередь (или даже исключительно) коренным жителям. Эти настроения вступили в резонанс с внутриполитическим процессом: шло активное движение за отделение округа от Магаданской области и создание Чукотской республики, в ходе которого этнические лидеры позиционировали аборигенов как «государствообразующее» население: «... республика нужна. Прежде всего это, конечно, касается нас, как носителей автономного образования, представителей малочисленных народов, населяющих Чукотку веками»³⁴; «...на Чукотке именно коренное население является главным, по сути дела, единственным носителем автономии, и именно ему следует окончательно решать — стать Чукотке самостоятельной в ранге ... республики или же по-прежнему входить в состав Магаданской области»³⁵. Надежды на отделение, как известно, реализовались с концом перестройки, после распада СССР.

Заключение. Итак, локальный микросюжет, который мы рассмотрели, демонстрирует механизм мобилизации этнического фактора в политическом контексте и сам составляет существенную часть последнего. Перестроечные перемены на Чукотке были тесно связаны с межгосударственными контактами, несли в себе мощный гуманистический заряд и уверенность в том, что между СССР и США «окончательно канула в лету эпоха взаимной вражды, «холодной» войны, эпоха непонимания и взаимного недоверия»³⁶. Наиболее яркой формой формальных и неформальных взаимоотношений между советскими гражданами и американцами в этот период стали экстремальные экспедиции, в ходе которых абориге-

³² Советская Чукотка 18.04.1991.

³³ Советская Чукотка 16.04.1991.

³⁴ ЦХСД МО. Ф. 612. Оп. 36. Д. 1. Л. 52, 53.

³⁵ Советская Чукотка 17.11.1990.

³⁶ Советская Чукотка 04.03.1989.

ны Чукотки вышли на передний край народной дипломатии. Вопреки надеждам, перемены не принесли желаемого морального удовлетворения и экономического эффекта, по крайней мере, они не отвечали ожиданиям основной массы коренных жителей, а порой даже ущемляли их этнические чувства и порождали настроения обделенности. Представители этнической элиты артикулировали эти процессы в контексте дискурса постколониализма, осложненного «двойным давлением» — внутренним и внешним. Формулируемые этническими лидерами эссенциалистские идеи (укорененность аборигенов, их вековая связь с территорией и на основании этого — политическая субъектность) также совпадали с центробежными тенденциями этого периода и оказали существенное влияние на внутривнутриполитическую динамику.

ЛИТЕРАТУРА

Богословская Л. 1989: Охотники Берингова пролива. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/4159/>

Лебединцев А. И. 2013: Проблема товарного снабжения населения Колымы и Чукотки в конце XIX — начале XX вв. // Вестник СВНЦ ДВО РАН, 112-121.

Хаховская Л. Н. 2014: Советская «национальная политика» в оценке коренных жителей Чукотки (по материалам социологического опроса 1989 г. в Чукотском районе ЧАО // VIII Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию образования Магаданской области / А. И. Лебединцев (отв. ред.). Магадан, 67-71.

EXPEDITIONS BETWEEN CHUKOTKA AND ALASKA: ETHNIC FACTOR IN OVERCOMING POLITICAL BOUNDARIES

L. N. Khakhovskaya

The role of the ethnic factor in the political process are examined. This topic is discussed in a local story, as the expeditions between Chukotka and Alaska, carried out during the Period of Perestroika and Glasnost. The purpose of expeditions consisted primarily in the removal of political and ideological boundaries. The travels were extreme: distance overcome by skiing, dog sledding, canoes and even swim. An important component of activation of the intergovernmental dialogue between USSR and USA became the mobilization of ethnicity, which took actional and rhetorical form of reunification “split” ethnic group Eskimos. The expectations of indigenous people of Chukotka from the opening of frontiers were not justified. Ethnic leaders comprehended these processes as a “geographical imperialism”.

Key words: Eskimosi, Chukchi, Chukotka, Alaska, expedition, ethnicity, “geographical imperialism”

© 2015

О. В. Ахмадрахимова

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ БЫТОВАНИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДНОГО ЭПОСА «ЗАЯТУЛЯК И ХЫУХЫЛУ»

В статье рассмотрены современные записи башкирского народного эпоса «Заятуляк и Хыухылу». Автор делает попытку определить степень сохранности, условия бытования данного произведения.

Ключевые слова: башкирский фольклор, народный эпос, вариант, информант

Эпос «Заятуляк и Хыухылу» — один из древнейших памятников башкирского народного творчества. Это произведение, в котором поднимаются вопросы создания семьи. Сюжет следующий: земной парень Заятуляк влюбляется в подводную красавицу Хыухылу и следует за ней на дно озера Аслыкуль. Чтобы сохранить свою любовь, героям предстоит преодолеть различные препятствия.

О данном эпосе неоднократно писали башкирские ученые: М. Сагитов, Ф. Надршина, А. Сулейманов, Р. Султангареева, Г. Хусаинова и др. В основном ими были рассмотрены сюжетная линия, образы главных героев, приводились сравнения с другими произведениями. Известно, что некоторые традиционные жанры фольклора, такие как эпос, сказка, постепенно прекращают свое бытование. В данной работе мы попытаемся ответить на вопрос, бытует ли эпос «Заятуляк и Хыухылу» по сей день и в каком виде. Нами были рассмотрены неопубликованные варианты произведения, материалы фольклорных экспедиций последних лет, были опрошены информанты из разных регионов. Также мы остановились на произведениях башкирской литературы, в которых упоминается о Заятуляке и Хыухылу.

При работе с информантами особое внимание было направлено на следующие регионы: Давлекановский, Альшеевский районы Республики Башкортостан, Александровский, Ново-Сергеевский районы Оренбургской области, т.к. именно там было записано большинство вариантов эпоса в 60-е гг. XX века. Во время экспедиционных выездов, командировок мы задавали вопросы о данном эпосе. Как оказалось, большинство информантов знают лишь отдельные эпизоды произведения. Так, в Баймакском районе республики несколько опрошенных назвали имена героев, упомянули об озере Аслыкуль, о вышедших из воды табунах лошадей¹.

Во второй половине XX в. в Оренбургской области были записаны десятки вариантов и версий эпоса «Заятуляк и Хыухылу». Сегодня же лишь отдельные информанты вспомнили, что слышали о батыре, спустившемся на дно озера за водяной девой². В музее МОБУ СОШ д. Юлдашево Красногвардейского района нашлась информация о том, что токские башкиры пришли сюда из региона озера Аслыкуль (Давлекановский район Республики Башкортостан — О.А.). Возникает вопрос, не перекочевал ли в свое время эпос с переселенцами.

Ахмадрахимова Олеся Вакильевна — аспирантка Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. E-mail: olesyaahmadrahimova@mail.ru

¹ Полевой материал автора 2012, РБ, Баймакский р-н, д. Яратово.

² ПМА 2013, Оренбургская обл., Красногвардейский р-н, д. Юлдашево.

Географические объекты, воспетые в эпосе «Заятуляк и Хыухылу», расположены в Давлекановском районе Республики Башкортостан. Среди них озеро Асылкуль, реки Дема, Удряк, горы Балкантау, Карагастау, Нора и др. Возможно, это и способствовало наиболее полному сохранению эпоса в данном регионе. Информанты, опрошенные здесь, смогли пересказать эпос, напеть мелодию поэтических строк. Многие указывали на отдельные географические объекты и утверждали, что именно на «этой горе ждал Заятуляка его конь»³, «на этом камне сидела ночами Хыухылу»⁴ и т.д.

В Давлекановском, Альшеевском районах мы опрашивали людей разного возраста. Среди них представители старшего поколения, молодежь, школьники. Не слышавших об эпосе «Заятуляк и Хыухылу» встретились единицы. Возможно, это связано и с тем, что в регионе ведется постоянная работа по популяризации данного произведения. Так, в 2012 году отделами образования и культуры администрации Давлекановского района был проведен фольклорный праздник «Башкирский народный эпос «Заятуляк и Хыухылу» — культурное наследие демских башкир». Помимо этого неоднократно проводились конкурсы исследовательских и творческих работ, викторины по данной теме.

Во время беседы с информантами мы отдельно останавливались на географических объектах, воспетых в эпосе. Относительно них были сделаны интересные записи. Более взрослые рассказчики утверждают, что на горе Балкантау действительно находятся могилы Заятуляка и Хыухылу, что известно даже конкретное место их захоронения⁵. Уточняя же это место, некоторые говорят о вершине горы, некоторые о ее подножии⁶.

В народе по сей день бытует следующий обычай, связанный с Балкантау. Тот, кто хочет найти своего суженого или суженую, поднимается на гору и задает вопрос: «Заятуляк, Хыухылу! Не видели ли вы того, кто мне послан судьбой?» Затем, положив руку на грудь просит: «Если увидите, отправьте его ко мне!»⁷ Свообразные обычаи связаны и с камнем Хыухылу — Мейес ташы. Бывая здесь, люди оставляют какой-либо гостинец⁸.

Современные записи эпоса по объему небольшие. Более полными можно назвать следующие варианты. Напечатанный в журнале «Агидель» в 2012 году текст эпоса «Заятуляк и Хыухылу» был зафиксирован Р. Султангареевой⁹. Данный вариант почти дословно совпадает с записью М. Гафури, сделанной в 1909 году¹⁰. И это неудивительно, т.к. оба текста были переписаны в одной местности из рукописной книги. Об этом упоминает М. Гафури¹¹, это же подчеркивает Р. Султангареева¹². Жительница д. Ташлыальшеевского района Башкортостана Рабига

³ ПМА 2014, РБ, Давлекановский р-н, с. Микяш.

⁴ ПМА 2014, РБ, Давлекановский р-н, д. Курьятмас.

⁵ Дәүләкән ынйылары 2008, 282.

⁶ ПМА 2014, РБ, Давлекановский р-н, с. Микяш.

⁷ Дәүләкән ынйылары 2008, 282.

⁸ ПМА 2014, РБ, Давлекановский р-н, п. Комсомол.

⁹ Эпосын һөйләгән халык һайыкмас 2012, 76-92.

¹⁰ Башкорт халык ижады 1998, 187-199.

¹¹ Башкорт халык ижады 1998, 357.

¹² Эпосын һөйләгән халык һайыкмас 2012, 78.

Каримова также пересказала сюжет произведения сравнительно полно¹³. Текст начинается с песни, которую Хыухылу пела Заятуляку:

Эй, Түлөгем, Түлөгем,
Юктырсинэ бүгем,
Кулымда көмөш йөзөк
Мына сиңэ бүлөгем!

(Эй, Туляк мой, нет, наверное, для тебя подарка. На руке серебряное колечко, вот тебе мой подарок).

Этот вариант по объему небольшой, но в нем встречаются интересные моменты. Например, подводный царь намеревается убить Заятуляка, герой и впоследствии опасается этого. Молодые люди заговаривают только во время второй встречи, хотя обычно они знакомятся сразу. В варианте ничего не говорится о родных Заятуляка, но упоминается о его родине. Рассказчик подчеркивает, что гору, где герои прожили до старости, называли «гора Заятуляка» («Заятулак тауы тип сөйлэйләрине»). Здесь необходимо отметить, что второе название горы Балкантау — Заятуляктау¹⁴.

Особый интерес у нас вызвал вариант Закуана Гильманова, жителя с. Миякш Давлекановского района. Мы сравнили его текст с записью, сделанной у его отца — Сафы Гильманова в 1964 году. Между вариантами «учителя» и «ученика» 50-летняя разница. Бросается в глаза, что рассказчики относятся с иронией к сказочным мотивам в эпосе. Остановимся на некоторых моментах подробнее.

Сафа Гильманов не скрывает своего отношения к другим вариантам произведения, где говорится, что герой спустился на дно озера. «Разве человек может прожить под водой? там же нужно продержаться... Вот говорят, что он хотел схватить девушку, та и уплыла. А он — за ней. В подводном мире якобы увидел стеклянный дом. Отец Хыухылу — царь нечисти (ен батшасы)... прогоняет их... Вслед за ними отправляет лошадей». Рассказав об этом, информант выражает свое недоверие: «Бүстэк алар бары за, экиэтлэр алар. Мына шулай Асылы буйына азашып килеп сыгып кына үлгән Заятулак» («Пустяки все это, сказки. Заятуляк, заблудившись, оказывается возле Аслыкуля. Так и умирает»). Данная версия произведения интересна тем, что информант стремится к правдоподобности, выражает недоверие к сказочным мотивам. Также он отрицает, что Заятуляк спускался в подводный мир, утверждает, что герой только видел водяную.

Вариант Закуана Гильманова (2014 г.) по объему меньше. По его словам, он перенял эпос от своего отца. Между их вариантами есть различия. Так, информант начал рассказ с того, что выше пионерского лагеря возле озера Аслыкуль есть камень Заятуляка. Что оттуда и увидел герой водяную. Затем подкрался и схватил ее. Девушка просит отпустить, обещает подарить что угодно. Парень соглашается. Водяная обещает ему много скотины, однако просит не оглядываться. Далее герой начинает жить на Балкантау, в землянке. Скотину он отпускает на косягор. Информант многократно повторяет, что Заятуляк не спускался в подводный мир, просто схватил за волосы водяную. Также он утверждает, что на горе Балкантау на ровном месте (тигез урынды) находится могила Заятуляка. В отличие от отца, Закуан Сафич упоминает о табунах лошадей. Интересно и то, что герой в

¹³ Экспедиция материалдары 2004, 154.

¹⁴ ПМА 2014, РБ, Давлекановский р-н, д. Курьятмас.

данном варианте соглашается на подарки и отпускает девушку. Здесь необходимо упомянуть легенду об озере Йылкысыккан. В тексте легенды имеет место много параллелей с эпосом «Заятуляк и Хыухылу». Так, молодой человек встречает водяную, влюбляется, зовет замуж, у девы есть отец, он обещает парню подарки, из дна озера выходит табун лошадей, герой нарушает запрет, и половина лошадей уходит обратно в воду и т.д. В двух текстах: в варианте З. Гильманова и в легенде об озере Йылкысыккан — совпадают согласие героя на подарки и то, что он не спускается в подводный мир. Также информанты говорят именно о пестрых лошадях. Однако в варианте З. Гильманова речь идет об озере Аслыкуль, а в легенде — об озере Йылкысыккан.

Опрашивая информантов, мы пришли к выводу, что большинство из них слышали произведение от своих родителей, старших родственников¹⁵. Более молодые же не скрывают, что прочитали эпос в каком-либо издании¹⁶, т.е. произошло некое возвращение эпоса в народ. Огромную роль в этом сыграли фольклорные экспедиции разных лет и созданные на их основе научные своды «Башкирское народное творчество». Отрадно, что некоторые информанты смогли напеть мелодию поэтических строк, в основном вспоминая о песне-восхвалении горе Балкантау. Вообще песня о Балкантау распространена в народе, ее исполняют, по сей день. Так в сборнике «Дәүләкән ынйылары» встречается такая запись:

Эй, Балкантау, бейек тау,
Эй, Балкантау, нурлы тау.
Мең иленең күп ғазаптан
Һин коткарган изге тау.

Эй, Балкантау, бөйөк тау,
Эй, Балкантау, данлы тау.
Күп батырзар илем тиеп,
Башын һалған изге тау и т.д.

(Эй, Балкантау, высокая, светлая гора. Ты спасла страну Минцев от многих бед. Эй, Балкантау, великая, славная гора. Много батыров полегли защищая родные земли) и т.д.¹⁷

Башкирская этнорок-группа «Аргамак» исполняет песню-восхваление горе Балкантау на современный лад, что придает песне новую окраску. Их клип на сюжет эпоса также популярен среди населения республики.

Современное состояние бытования эпоса характеризуется также использованием его сюжета, эпизодов, мотивов в произведениях башкирских писателей. Известно, что в литературе авторы часто используют фольклорные мотивы. Это играет немаловажную роль в популяризации народного творчества. Эпос «Заятуляк и Хыухылу» упоминается в произведениях таких писателей и поэтов, как Ахияр Хакимов, Тамара Ганиева, Сарвар Сурина, Факиха Тугузбаева и др.

¹⁵ ПМА 2013-2014, РБ, Давлекановский р-нс. Микяш, д. Курьятмас; Альшеевский р-н, д. Ташлы.

¹⁶ ПМА 2014, РБ, Давлекановский р-н, п. Комсомол; г. Давлеканово.

¹⁷ Дәүләкән ынйылары 2008, 84.

Также молодые авторы, современные сзэсны часто упоминают о главных героях произведения, об отдельных мотивах названного эпоса. Народный писатель Башкортостана А.Хакимов в своей повести «Дала моңо» рассказывает о лошадях, вышедших из дна озера, говорит, что об этом подробно рассказано в «киссе “Заятуляк и Хыухылу”», пришедшим из-за Уральских гор»¹⁸. На основе эпоса С. Сурина написала драму «Тайна волшебного озера», которая была поставлена в Башкирском академическом театре драмы в 1998 году. Сзэсны, проживающие в Давлекановском, Альшеевском районах Башкортостана часто упоминают в своих произведениях об эпосе «Заятуляк и Хыухылу» — о главных героях сказания, о географических объектах, воспетых в эпосе.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы. Народный эпос «Заятуляк и Хыухылу» наиболее полно сохранился в памяти жителей Давлекановского района Башкортостана, где расположены географические объекты, воспетые в произведении. Сюжет эпоса тесно связан с топонимикой края, они неотделимы друг от друга в сознании народа. Современные записи произведения по объему небольшие, поэтические строки встречаются реже. Отдельные эпизоды эпоса «Заятуляк и Хыухылу» можно увидеть в современной башкирской литературе, в искусстве. Обращение авторов к сказанию способствует его популяризации, вызывает интерес к устному народному творчеству. Среди населения сохранились обычаи, связанные с именами Заятуляка и Хыухылу. Все это указывает на то, что эпос хранится в памяти народа по сей день. Заданная тема требует более детального изучения и будет рассмотрена в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

- Башкорт халык ижады 1998: Өсөнсө том. Эпос. Өфө.
Әхиәр Хәким 2004: Дауылдан котолоу юк... Романдар, повестар, хикәйәләр. Өфө.
Розалия Солтангәрәйева 2012: Эпосын һөйләгән халык һайыҡмаҫ // Ағизел. 10, 76-92.
Хәкийәнова А.М., Мөхәмәтғәлин Р.Ғ. 2008: Дәүләкән ыңйылары. Өфө.
 Экспедиция материалдары 2004: Әлшәй районы. Өфө.

CURRENT STATUS OF BASHKIR FOLK EPIC “ZAYATULYAK AND HYUKHYLU” EXISTENCE

O. V. Akhmadrakhimova

In the article modern records of the Bashkir folk epic “Zayatulyak and Hyukhyly” are considered. The author makes an attempt to determine the degree of safety, conditions of existence of this work. The article deals with modern recording Bashkir folk epic “Zayatulyak and Hyuhylu”. The author makes an attempt to the degree of safety, conditions of existence of the work.

Key words: bashkir folklore, folk epic, option, informant

¹⁸ Дауылдан котолоу юк... 2004, 235.

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

© 2015

Т. Е. Абрамзон

ФОРТУНА-ЧЕРТОВКА И ДРУГИЕ БОГИНИ СЧАСТЬЯ В ПОЭЗИИ Н. ЛЬВОВА

Статья посвящена одному из фрагментов в истории поисков земного счастья русскими поэтами эпохи Просвещения — образам счастья в поэзии Н. Львова. Основатель литературного кружка и незаурядный поэт Н. Львов предложил несколько концепций счастья, облачив их в оригинальную поэтическую форму. Счастье ложное, обманчивое, счастье материальных благ и успехов в обществе связано с образом римской Фортуны, которую Львов наделяет чертами демоническими. Фортуне-чертовке противостоит счастье-покой, счастье тихого дома, изображение которого требует идиллических красок. В шутивно-ироничном дискурсе Львов создает образ богини Лени, благодаря которой и можно постичь «настоящее» земное счастье. Поиски Н. Львова находятся в русле просветительского проекта по обретению земного счастья, но предпочтение поэта отдано малому счастью частного человека.

Ключевые слова: Н. Львов, счастье, русская поэзия XVIII века, Фортуна, Просвещение

Единодушие просветителей и просвещенных людей по вопросу земного счастья, точнее, непреложности его обретения, обернулось разногласиями, когда дело дошло до конкретных формул и теорий. Концепции счастья, предложенные европейскими просветителями (Дж. Локком, Вольтером, Мотескье, Гельвецием, Дидро, Ж.-Б. Руссо, Ж.-Ж. Руссо и др.), различались и по масштабу (от счастья частного человека до счастья человеческого рода), и по характеру (от общественного устройства до внутреннего мира человека), и по форме выражения (от философского трактата до публицистической заметки, от аллегорической поэмы до едкой сатиры)¹.

Общая просветительская интенция порождает целый «дискурс счастья» в поэзии, где серьезность и глубина проработки темы сочетаются с художественными задачами, а именно — с поиском адекватной поэтической формы. Долгое время образцом в дискурсе счастья, поэтической рамой, в которую поэты вписывают собственное видение счастья, служит “Ad Fortunum” (1, 35) Горация, одна

Абрамзон Татьяна Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.
E-mail: ate71@mail.ru

¹ Mauzi 1960; Potkay 2000; 2010; Kavanagh 1996; 2014.

из двадцати пяти гимнических од поэта². Вослед античной традиции и европейской литературе в русской поэзии XVIII века сложилось несколько направлений в решении вопроса о счастье: в официальной торжественной оде наступление «счастья росссов» было связано с воцарением и реформами Петра Великого, а затем с правлением каждого наследующего российский престол императором (или императрицей)³; в сатирическом русле образ счастья/Фортуны подвергается беспощадному разоблачению и осмеянию; в нравоучительной поэзии счастье достижимо путем этического совершенствования, отказом от страстей и довольства малым. Эта типология, схематичная и неполная, не может отразить всего разнообразия эвдемонистических поисков российских мыслителей и поэтов: историю русского счастья еще предстоит написать⁴. Наша статья посвящена одной из ее страниц. Основатель литературного кружка и неординарный поэт Николай Львов предложил несколько концепций счастья, заключив их в оригинальные сюжеты и образы⁵. Представления Н. Львова о счастье, природа и поэтика образов, имеющих отношение к счастью, составляют основной предмет данной статьи.

Начнем с наиболее примечательного львовского «сочинения о счастье» — «Эпистолы к М. Бакунину из Павловского, июня 14, 1797». Эпистола включает два стихотворения «Фортуна» и «Счастье и Фортуна»: первое написано в жанре дружеского послания, второе — в жанре басни, иллюстрирующей идеи первого стихотворения. Заглавие послания отсылает читателя к римской богине, что свидетельствует о силе античной традиции (или силе инерции) в русской поэзии конца XVIII века. В львовском портрете Фортуны с набором узнаваемых черт (легкомысленная, привлекательная, переменчивая, желанная) явственно проступает античный культурный код, наследуемый поэтом и одновременно им разрушаемый:

За что ни попадя ловить
Ту непосредную, благую
Мадам летучую, нагую,
Пред коей жабой и ужом
Премудрый мир наш суетится;
А зелье перед ним вертится
Без оси беглым колесом
И к сотому остановится, -
И то на час прямым лицом⁶.

Издевки и остроты Львова направлены на всех, кто ищет благосклонности Фортуны, и этот содержательный посыл облачен в изящную форму, демонстрирующую преодоление «стершихся» от частого употребления античных знаков в русской поэзии. Борьба с представлением о ложном счастье, берущая свое начало в оригинальных сатирах (например, «О истинном блаженстве» А. Кантемира) и переводных одах русских поэтов (например, переводы «A La Fortune» Ж.-Б. Руссо, выполненные М. Ломоносовым, А. Сумароковым, В. Тредиаковским и др.),

² Гаспаров 1997, 490–524.

³ Абрамзон 2011, 161–168.

⁴ См. подробнее: Абрамзон 2015, 116–134.

⁵ См. подробнее о творчестве Н. Львова: Милюгина 2009.

⁶ Львов 1994, 70.

борьба с Фортуной, фигурой, получившей в основном негативные коннотации в русской культуре, оборачивается в поэзии Львова русификацией образа, шутливым снижением и ироничным порицанием.

Так, колесо Фортуны, характерный атрибут богини, переведено Львовым в описание действий «мадам». Вместо ветреной оболъстительницы, зелье-баловницы, всехвальной и всежеланной богини распознается черт, чертовка, которая морочит весь мир: чертовка «всё хороша и всех прельщает», «полсвета в обод загибает», по ее милости «вчера кто к солнцу возносился», «повержен в лужу и лежит». В разработке этого образа в забавной манере Львов во многом вторит Г.Державину («На Счастье», 1789) и А. Крылову («К Счастью», 1793): во всех трех посланиях, обращенных «к счастью», создан игровой карнавальный образ мира, подвластного всемогущей богине и обманутого ею. Индивидуально-авторское начало, привнесенное Львовым, заключается в том, что он избирает отличный от предшественников метафорический код образа: его Фортуна — Фортуна-чертовка, связанная с потусторонним, антихристианским миром, с «нелегкой силой» («пустым набатом оглушила», «дурманом опоила», «гнилушкой осветила»). Нарушая баланс между формой и содержанием в образе Фортуны, львовская ирония высвечивает нелогичность действий богини, обнаруживает нелепость выбора фаворитов, порицает неверность и переменчивость удачи.

«Счастье при дворе», покровительствуемое Фортуной, и счастье домашнее на лоне природы — два образа, которые по воле поэта сталкиваются в стихотворении. Львов, как и его современники, рисует комичные ситуации, в которых оказываются те легковверные, кто сделал ставку на Фортуну и просчитался («мое вертится всё»). Вывод поэта однозначен и безапелляционен: «детищу Фортуны», под ним Львов подразумевает вельможу, не дано вкусить настоящего наслаждения жизнью, ведь «придворный вне двора и счастья не знает». Истинное счастье, счастье семейного круга нарисовано в шутливой идиллической манере, включающей картины размеренного быта с трудами и праздниками («счастье <...> лежит»).

Чувство превосходства и удовлетворения собственной позицией дает Львову возможность иронических замечаний и в адрес Фортуны, и в адрес человечества, ею обманутого. Преимущество поэта заключается в том, что ему открыта правда истинного счастья, что он не принадлежит большинству, которое силится поймать Фортуну, что, по мысли Львова, глупо и неосмотрительно. Фортуна становится одним из ориентиров, относительно которых поэты определяют и свою жизненную позицию, и свои ценностные приоритеты, и свое «Я». Причем римская Фортуна превращается в предмет насмешки, на смену ей приходят индивидуальные авторские образы счастья, хотя и не вполне свободные от античных аллюзий. Львов отдает предпочтение тихому счастью вдали от суеты света («лишь был бы я здоров и волен», «меня всем Бог благословил: / Женил и дал мне все благое, / Я счастье прочное, прямое / В себе или в доме находил»), высмеивая Фортуночертовку и вельмож, прельстившихся ею.

Иллюстрацией этой мысли является прилагаемая к посланию басня, в которой Фортуна и Счастье, переселившись «в шалаш на бережок реки», «в долину мирную», вместе не уживаются: Счастье довольствуется природными красотами и дарами; Фортуне же необходимы блеск, шум, роскошь, богатство и простор. В финале Счастье уходит от Фортуны, осознав, что ее удел — жизнь с Любовью.

В этой незамысловатой зарисовке Львов разграничивает два понятия: Фортуны как удачи, счастливого случая, успеха в обществе и Счастья как мирной простой жизни в согласии с природой. Игривый стиль не отменяет серьезности поисков земного счастья в поэзии Львова, поэтому обратимся еще к одному примеру.

В подобной же шутиливой манере Львов создает забавную богиню Лени («К Лени», 1798) по подобию и по контрасту с образом римской Фортуны. Если богиня счастья легкая и резвая, то львовская богиня Лени — «тучная» и «смирненная»: у нее свой престол — «пух», свой храм — «вселенная» и жертвы ей — «зевоты». По признанию поэта, он не преклонялся богине, и потому «во счастье не валялся», а все «карапкался к небесам»:

Я свет еще не знал поближе,
Не знал, что счастье есть пониже,
Не знал еще себя и сам⁷.

Ироничное послание к богине лености всего в девять стихов демонстрирует несколько важных моментов. Композиция построения стихотворения такова: в первых трех строках дан шутиливый портрет богини с характерными чертами, затем самоопределение поэта по отношению к ней, то есть к той области, которой она покровительствует. Поэт формулирует свои жизненные устремления: когда-то они были направлены «к небесам», но оказалось, что счастье можно обрести и «пониже».

Вертикаль счастья, возможность обретения счастья на «небесах» (которое может быть прочитано и как духовное совершенствование, и как карьерные рвения) и на земле, интересует поэта в его земном варианте — в «нижнем» уровне, не требующем усилий. Счастье, по Львову, может быть и «поближе», и «пониже», к тому же это новое понимание открывает поэту нечто о собственном «Я», о своей личности. Влияние античного образа ослабевает: римская Фортуна — предмет издевки в поэзии Львова, но собственный образ богини наслаждения он создает с оглядкой на античный прообраз. Поэт не силах отказаться от сюжета «Фортуна и Я»: он высмеивает Фортуну, но не уходит от модели, в которой качество или свойство облекается в поэтический персонафицированный образ, а затем дается оценка и определяется позицию по отношению к нему.

Важно то, что внимание поэта обращено к земному измерению счастья, к наслаждению земными радостями («поближе» и «пониже»). Отметим, что о «посредственном» счастье Львов писал и ранее в стихотворениях «Блажен, кто счастьем посредственным доволен» (1785). «Посредственное» счастье — это жизнь, свободная от бремени хлопот и забот «знатного» человека, основанием счастья названы простые вещи — спокойствие, здоровье и свобода. Человека, который ценит их, счастье найдет и судьба сбережет. Удача же, которая «ломается» и «вертится», лишь учиняет содом среди людей, желающих прельститься её чем угодно («Удача», 1785).

Итак, в конце XVIII века счастье сохраняет свое положение центра напряженных поисков писателями и поэтами эпохи Просвещения. Осмысление счастья происходит в различных жанрах, в зависимости от чего меняются концепции счастья и его образы. Самоидентификация поэта, его жизненных целей и приоритетов происходит через формулирование позиции по отношению к Фортуне и к

⁷ Львов 1994, 86.

счастьем, через ответ на вопрос: в чем же счастье заключается? Под одеждами счастья, объявленного просветителями главной целью, пределом человеческого существования, таится поиск смысла человеческой жизни. Львов признает право человека на счастье и в иронично-шутливом дискурсе предлагает различные его варианты. Он отвергает Фортуны, понимаемую как счастливый случай, удачу, связанную с миром материальных благ и карьерных достижений. Отрицание Фортуны происходит с помощью иронии, разрушающей цельность античного образа, столкновения общественного и личного критериев, в пользу последнего. Ирония не только развенчивает концепцию счастья, связанную с римской Фортуной, но и позволяет преодолеть античный код поэзии, создавая особый поэтический стиль — стиль индивидуальный с национальной спецификой.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон Т. Е.* 2011: Об одном ломоносовском стихе // ПИФК. 1, 161-168.
- Абрамзон Т. Е.* 2015: К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) // Libri Magistri. Вып. 1, 116-134.
- Гаспаров М. Л.* 1997: Топика и композиция гимнов Горация // Гаспаров М. Л. Избранные труды, Т. 1. О поэтах. М., 490–524.
- Львов Н. А.* 1994: Избранные сочинения. СПб.
- Милюгина Е. Г.* 2009: Обгоняющий время: Николай Александрович Львов — поэт, архитектор, искусствовед, историк Москвы. М.
- Kavanagh T., Norton B. M.* 2014: Fiction and the Philosophy of Happiness: Ethical Inquiries in the Age of Enlightenment. Lewisburg.
- Kavanagh T.* 1996: Esthetics of the Moment: Literature and Art in the French Enlightenment. Philadelphia.
- Mauzi R.* 1960: L'idee du bonheur au XVIIIe siècle. Paris.
- Potkay A.* 2000: The Passion for Happiness: Samuel Jonson and David Hume. Ithaca.
- Potkay A.* 2010: "Narrative Possibilities of Happiness, Unhappiness and Joy" // Social Research. 77, 2, 523-544.

FORTUNA-BESOM AND OTHER GODDESSES OF HAPPINESS IN N. L'VOV'S POETRY

T. Ye. Abramzon

The article is devoted to an episode in the history of the search of earthly happiness by Russian poets of the Enlightenment — to images of happiness in N. L'vov's poetry. The founder of the literary circle and an outstanding poet N. L'vov proposed several concepts of happiness and put them into original poetic forms. False, deceptive happiness, happiness of wealth and success in society is connected with the Roman Goddess Fortuna, her image is endowed with demonic features. Fortune-besom is opposed to peace happiness, the happiness of a quiet house, which requires idyllic image colors. In playful ironic discourse L'vov creates an image of the goddess of Laziness, thanks to whom a man can grasp the "real" earthly happiness. L'vov's searches are within the scope of pursuit of earthly happiness, but the poet's preference is given to an ideal of calm private happiness.

Key words: N. L'vov, Happiness, Russian Poetry of the 18th Century, Fortune, Enlightenment

© 2015

А. Д. Ивинский

ИЗ ИСТОРИИ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ЕКАТЕРИНЫ II: ОБ ИЗДАНИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ЗАПИСОК ИМПЕРАТРИЦЫ

Статья посвящена истории публикации автобиографических записок Екатерины II в XII томе ее собрания сочинений. Редакторы издания, А. Н. Пыпин и Я. Л. Барсков, должны были не только решить сложнейшие вопросы екатерининской текстологии, но и убедить президента Академии наук, великого князя Константина Константиновича в возможности и необходимости публикации данных документов — даже в начале XX в. они казались опасными. Только после первой русской революции «мемуары» императрицы были напечатаны.

Ключевые слова: Екатерина II, А. Н. Пыпин, Я. Л. Барсков, великий князь Константин Константинович, собрание сочинений императрицы, автобиографические записки

Автобиографические записки Екатерины II были опубликованы в двенадцатом томе собрания ее сочинений (Екатерина 1907). История их бытования в XIX в. хорошо изучена¹; чаще всего исследователей привлекал полудетективный сюжет о тайном копировании, вывозе за границу и публикации секретных «мемуаров» в Лондоне в 1859 г.² Однако подготовка их к печати в конце XIX — начале XX в. была не менее драматичной. Материалы об этом находим в Отделе рукописей РГБ, в фонде Я. Л. Барскова.

Историю находки рассказал А. Н. Пыпин в письме к президенту Академии Наук Великому князю Константину Константиновичу. Отметим, что ученый занимался другой темой и не планировал издавать литературное наследие императрицы. К этой идее он пришел, обнаружив целый корпус неопубликованных текстов Екатерины II. Но «истинной драгоценностью», по его словам, стали неизвестные ранее редакции автобиографических записок императрицы. Пыпин пытался убедить Великого князя в том, что эти материалы необходимо напечатать³:

«В настоящее время, по решению Русского отделения Императорской Академии Наук, предпринято издание сочинения императрицы Екатерины II.

Это издание должно впервые представить литературную деятельность императрицы, во-первых, в подлинном виде ее литературного труда, во-вторых, с такою полнотою, о которой не дают понятия обыкновенные издания ее сочинений и которая обязательна для серьезного исторического изучения.

Возможность подобного издания дана тем, что с Высочайшего соизволения Его Императорского Величества я получил возможность изучать предмет в Государственном Архиве министерства иностранных дел и в Собственных Его Импе-

---

Ивинский Александр Дмитриевич — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. E-mail: ivinskij@gmail.com

¹ См., напр.: Терехина 1969, 8-22; Тартаковский 1991, 212-214, 217-218; Мильчина, Осповат 1995-1996, 303-312.

² См., напр.: Эйдельман 1992, 167-194; ср.: Крючкова 2009, 4-24.

³ Отрывки из этого письма ранее опубликовал В. С. Лопатин (Лопатин 2012, 216-218).

раторского Величества Библиотеках. Моею первоначальной целью было исследование мистического движения конца XVIII-го и начала XIX-го века, но когда — в виду этой цели — мне должно было остановиться на трудах императрицы Екатерины, я был поражен тою массою нового, не только не исследованного, но ранее совсем неизвестного даже специалистам материала. На нем тогда и сосредоточился мой труд.

В академическом отчете за 1899 г. указано в общих чертах то новое, что открылось передо мною в бумагах Государственного Архива. Почти все, что известно по прежним изданиям, находится здесь в автографах самой императрицы (другое дополнено мною из Материалов Императорской Публичной библиотеки, московского Румянцевского музея, русского отделения Библиотеки Императорской Академии Наук); а затем, в этих автографах найден мной целый ряд литературных произведений императрицы, никогда не изданных и, как я выше заметил, совершенно неизвестных. Для историков литературы это будет в высокой степени важный и интересный материал.

Но истинная драгоценность открылась для меня в Собственных Его Императорского Величества Библиотеках. Это — две серии собственных записок императрицы Екатерины, одна до 1748 года, другая до 1759; и, кроме того, отдельные исторические воспоминания и заметки. В Собственной Его Императорского Величества Библиотеке Записки имеются сполна, но большая часть в копии кн. А. Б. Куракина; последняя, 3-я часть первой серии — в автографе; в Госуд.<арственном> Архиве большая часть Записок — в автографе (хранится в пакете, который был открыт и по удостоверении его содержания снова запечатан бывшим министром иностранных дел кн. Лобановым-Ростовским).

Издание этих записок есть тот вопрос, к которому я просил бы внимания Вашего Императорского Высочества. Записки должны занять место в академическом издании, в котором они явятся одним из замечательных произведений императрицы Екатерины и одним из драгоценных свидетельств об ее личности и жизненной судьбы.

К сожалению, этот столь важный памятник до сих пор оставался покрыт сомнениями и едва был доступен самому историческому исследованию. Добытый, как говорят тайком из придворной библиотеки, он был издан в Лондоне в 1859, и в такой обстановке он оказался недоступным для исторических интересов русского общества и самой исторической науки. Запрещение, над ним тяготевшее, если не ошибаюсь, не снято до сих пор. Для него создалось положение крайне странное, фальшивое и прискорбное.

Записки лондонского издания, списанные второпях, по-видимому, с копии, не представляя полной достоверности автографа, далеко не представляют и целого состава памятника: лондонское издание, как я теперь уверился, дает едва половину целых “записок”, и едва треть целого состава исторических воспоминаний и заметок императрицы Екатерины (я упоминал выше, что эти воспоминания и заметки не ограничиваются одними “записками”). Неполнота текста была неблагоприятна для исторического изучения “Записок”.

Документ скрываемый, потом запрещаемый, тем самым делался достоянием лишь одной литературной фракции, именно той, которая не была склонна к

объективному историческому взгляду⁴. Переведенные на английский, немецкий язык, под тем же освещением, «Записки» императрицы Екатерины, кроме внешнего анекдотического интереса, быть может, всего чаще давали пищу только злоречию, и без того наполнявшему иностранную литературу о России. Нет сомнения, что открытое признание этого памятника в первый раз даст возможность устранить односторонние суждения и, между прочим, дать противовес упомянутому злоречию⁵. Если и теперь уже в иностранной исторической литературе, — благодаря начавшемуся обширному изданию архивного материала, — личность имп.<ератрицы> Екатерины начинает получать новое освещение (как даже в книгах Валишевского⁶), то в полном издании записок и вообще исторических заметок Имп.<ератрицы> Екатерины раскроются новые черты именно ее высокого исторического значения. Скрытие, умолчание, запрещение исторических документов заставляет думать, что есть в самом деле основание скрывать их или о них умалчивать. В действительности дело стоит как раз наоборот, — и неужели нам стыдиться Имп.<ератрицы> Екатерины, прятать ее деяния и ее мысли.

Екатерина II — после Петра I величайшая правительница русского государства. Ее деяния должны быть нашею гордостью; ее полное правдивое изучение требуется нашим национальным достоинством. Она имела свои недостатки; но человеческая и историческая справедливость требует выслушать ее, когда она рассказывает свою жизнь, требует, чтобы мы, потомство, которые ее судим, знали, в каких условиях сложилась ее жизнь, что она испытала, что думала, к чему стремилась.

Именно исторические записки Имп.<ератрицы> Екатерины, в их полном составе, представляют драгоценный памятник, единственный в своем роде в нашей истории, замечательный и по историческому содержанию, и по глубокому психологическому интересу. Великое историческое достоинство записок устанавливается их замечательной правдивостью: перед нами проходит картина юности будущей императрицы; долгие и тяжкие испытания, какие она переживала и которые могли бы сломить менее сильную натуру, не поколебали ее мужества, и в ней угадывается властительница, покорявшая умы и сердца людей, которой удивлялись даже историки, ей враждебные. В прежнее время, по-видимому, находили в этом повествовании как бы излишество правдивости, — но прошло уже полтора столетия со времени описываемых событий, и история должна наконец вступить в свои права. Было бы малодушием смущаться мрачными чертами старого века: на этой почве выросла одна из замечательнейших личностей нашего национального прошлого, и по этим условиям в особенности может быть оценено высокое значение этой личности. Наконец эта личная история Екатерины II, исполненная великого значения для историка, есть вместе с тем замечательное литературное произведение, блестящее умом и наблюдательностью⁷.

⁴ На полях запись Великого князя Константина Константиновича: «Удобно ли? До сих пор на записки эти смотрели как на запретный плод. Не лучше ли отпечатать отдельным томом для немногих, а не для продажи? К.<онстантин>».

⁵ На полях запись В.к. Константина Константиновича: «Едва ли».

⁶ Речь идет о работах польского историка К. Валишевского: *Waliszewski* 1892; 1894.

⁷ На полях запись В.к. Константина Константиновича: «Но местами не лишнее некоторой обаятельности, кот.<орая> по-моему и является препятствием к открытому обнародованию. Конечно, я могу ошибаться, так как знаю лишь издание 1859, а не подлинный текст. К. <онстантин>»

Предположенное издание сочинений Императрицы Екатерины, первое предпринимаемое на средства Пушкинского фонда, должно быть достойным началом издания русских писателей, — тем более особенно, что Екатерине II принадлежит основание российской Академии, из которой возникло нынешнее Отделение русского языка и словесности. Основное, непеременимое достоинство такого издания должно состоять в его научной постановке и полноте»⁸.

Как видим, Пыпин отмечал важное идеологическое значение автобиографических записок императрицы, он воспринимал их как инструмент в борьбе «литературных фракций». Кроме того, он подчеркивал принципиальную неполноту герценовского издания⁹.

В бумагах Я. Л. Барскова находим и черновой вариант отчета, подготовленного Пыпиным для Академии наук. В нем подробно расписано то новое, что должно было появиться в собрании, и предложен первоначальный план всего издания. Особо отметим, видимо, самый ранний план шестого тома, который так и не вышел в свет¹⁰:

«Получив, по ходатайству Августейшего Президента, Высочайшее соизволение на занятия в Государственном Архиве, чтобы закончить свои давние работы по истории мистического движения в конце прошлого и начале нынешнего века, я должен был, в числе других предметов, обратить внимание на отношение к этому движению императрицы Екатерины, которая, как известно, ему не сочувствовала и, между прочим, посвятила ему три особых комедии («Обманщик», «Обольщенный», «Шаман Сибирский»). Должно было изучить то, что в документах Государственного Архива могло относиться к этим трудам императрицы. Приступив к этому изучению, я к удивлению своему нашел в бумагах Архива целую массу литературных произведений императрицы, доселе совершенно неизвестных историкам литературы.

Значение литературных трудов императрицы достаточно известно, и я не мог не заинтересоваться материалом, который доставляет столько новых данных для определения этой стороны деятельности и интересов императрицы Екатерины.

В настоящее время моя работа по собиранию и определению этих новых материалов почти закончена, и я желал представить Отделению свои соображения

⁸ ОР РГБ Ф.16. К.12. Ед. Хр. 6. Л. 20-28. Вариант этого документа также находим в бумагах Барскова. Приведем только то, что не вошло в окончательную редакцию. Пыпин искал аргументы в пользу печатания автобиографических записок императрицы в собрании сочинений: «Относительно цензуры записок, в их целом, надо обратить внимание на следующие обстоятельства:

— лондонское издание, 1859, часть записок, которая могла бы представить больше затруднений, чем все другие, неоднократно цензурировалось и цитируется, и однажды было изложено даже весьма подробно Щербальским в журнале "Заря" 1869, Кн. 2, 115-140 <...>.

— Историками давно замечено, что "в разных частных руках отыскиваются отдельные клочки бумаги, на которых рукою Екатерины описаны разные случаи из ее жизни". Так еще в «Библиографических записках» 1858 года, и затем множество отдельных, собственных, рассказов и записок Императрицы Екатерины в «Чтениях» Моск. Общества истории и древностей российских, в «Русском архиве», в «Русской старине» (с 1865 до 1899), причем многое было заимствовано и из документов Госуд. Архива (даже Собственной Е.И.В. Библиотеки)».

— Издание этих исторических записок и замечаний Императрицы Екатерины было бы лишь последовательным дополнением (?) с «Бумаг» и «Писем», которые явились уже в свет» (ОР РГБ Ф.16. К.12. Ед. Хр. 6. Л. 17).

⁹ Екатерина II 1859.

¹⁰ О шестом томе Собрания см.: Ивинский 2014.

относительно издания этих материалов, — так как они должны быть изданы, — и вызвать мнения сочленов. Я желал этого по двум основаниям. Во-первых, через Академию я получил самую возможность сделать это, можно сказать, открытие и оно принадлежит русскому отделению Академии. Во-вторых, мне казалось, что издание неизвестных сочинений Импер.<атрицы> Екатерины может идти в ряд тех изданий русских писателей, которые Отделение давно поставило в число своих задач и для которых является теперь возможность исполнения при новых средствах, полученных Отделением.

Вновь найденный материал включает пять вполне законченных пьес, шесть пьес в отрывках; большая часть их — самостоятельная, затем три «вольных переложения» — «из Шакеспира», «с английского» и «из Калдерона де ла Барка». Почти все пьесы находятся в автографах императрицы (иногда в двух, черновом и беловом) и некоторые кроме того в копиях, переписанных Елагиным или Храповицким, секретарями императрицы.

Далее, в автографах или рукописных копиях находится в Архиве большинство сочинений императрицы напечатанных, и сличение черновых с печатным текстом доставляет немало новых и любопытных указаний о способе ее работы, и роли ее секретарей, которые, исправляя, по поручению императрицы, ее орфографию (как известно, она сама указывала, что ее не учили русской грамматике), большей частью в своих поправках не улучшали, а портили ее стиль.

В числе автографов находятся также некоторые из ее французских пьес, изданные еще при жизни ее в Théâtre de l'Ermitage¹¹.

Наконец, сохранилось в автографах большое число разнообразных статей и заметок — исторических, географических, литературных.

Несколько автографов, относящихся к литературным трудам императрицы, находится в Имп.<ераторской> Публичной Библиотеке (мною уже рассмотрены) и в московском Румянцевском Музее (Отделением сделано уже сношение с Музеем о пересылке этих материалов в Отделение для моих занятий).

Все это остается до сих пор неисследованным и неизданным (исключение составляет одна небольшая работа Пекарского, по материалам Госуд. <арственного> Архива¹²). Мне казалось, что, если открылся этот новый запас бумаг императрицы, он должен наконец быть изучен и издан, чтобы дополнить изображение литературной деятельности императрицы. В список ее драматических сочинений прибавляется новый ряд пьес, о которых не было до сих пор никакого известия. Эти новые произведения, как и те, какие давно были изданы, не имеют значения художественного, но любопытны как новое свидетельство литературных интересов императрицы, любопытны чертами быта, а также языка; ее отрывочные заметки указывают широкую историческую любознательность и стоят в связи с ее обширными записками по русской истории; ее заметки личного характера, вместе с различными отрывками, оставшимися в ее бумагах, дают черты ее ближайшего «эрмитажного» кружка, — где находим имена ее придворных и иностранных дипломатов (Де-Линь, Сегюр, Кобенцль).

¹¹ Изданы пьесы были уже после смерти императрицы: Catherine II 1799.

¹² Пекарский 1863, 1-90.

Я думал бы назвать издание: Сочинения императрицы Екатерины. Неизданные, вновь удостоверенные и сличенные с автографами. [На полях: Материалы для критического издания сочинений Императрицы Екатерины II]

В издание вошло бы следующее:

Пьесы законченные.

— Неожиданное приключение, комедия в трех действиях, автограф и копия писанная И. П. Елагиным (Госуд. <арственный> Архив Х. 340, 356)¹³.

— Думается так, а делается иначе, комедия в пяти действиях (март 1785), автограф (Госуд. <арственный> Архив. Х. 330).

— Что за штуки? Комедия в пяти действиях, автограф (Госуд. <арственный> Архив. Х. 338).

— Дранов и соседи, комедия в пяти действиях, копия (Госуд. <арственный> Архив. Х. 334).

— Невеста невидимка, автограф и копия И. П. Елагина (Госуд. <арственный> Архив. Х. 333).

Примечание. Пьеса, издаваемая со времен “Российского феатра” в сочинениях Императрицы Екатерины под названием “Невеста-невидимка”, в упомянутой дальше рукописи Елагина названа “Вопроситель” (Госуд. <арственный> Архив. Х. 328). Печатный текст “Невесты-невидимки” в “Р. Феатре” (ч. XII; “Комедии” т. III, 1786)¹⁴ совершенно отвечает рукописи «Вопросителя», лишь ее немногими вариантами; и название «Вопроситель» лучше отвечает характеру главного действующего лица Вестолубова. Между тем, настоящая рукописная пьеса «Невеста-невидимка» (Госуд. <арственный> Архив. Х. 333), не имеющая с печатной ничего общего, именно отвечает своему заглавию, — так как все действие именно вертится на невесте-невидимке.

— Расточитель, вольное переложение из Шакеспира, комедия в пяти действиях, два черновых автографа и копия писанная, кажется, рукою Храповицкого (только четыре действия); но пятое действие видимо не вполне закончено (Госуд. <арственный> Архив. Х. 354).

II. Драматические отрывки.

— Рассказы (или: Баба бредит, чорт ли ей верит), комедия в одном действии, кажется, отрывом автографа (Госуд. <арственный> Архив. Х. 329).

— Комедия без названия («Врун?»), несколько черновых отрывков (Госуд. <арственный> Архив. Х. 339).

— Комедия без названия, вольное переложение с английского, отрывок, автограф (Госуд. <арственный> Архив. Х. 342).

— Отрывок из театральной пьесы, где выведены колдуны и ведьмы, автограф (Госуд. <арственный> Архив. Х. 322).

— Чулан. Вольное переложение из Калдерона де ла Барка, отрывок автографа (Госуд. <арственный> Архив. Х. 350).

— Драматические отрывки (Госуд. <арственный> Архив. Х. 355).

III. Автографы и копии сочинений, изданных (варианты).

¹³ В настоящее время рукописи Государственного архива, с которыми работал Пыпин, хранятся в РГАДА: Ф. 10. Кабинет Екатерины II. Оп. 2. Номера рукописей остались прежними.

¹⁴ Российский феатр 1786, 3-50.

- О время! Автограф и копия И. П. Елагина (Госуд. <арственный> Архив. X. 335).
- Именины госпожи Ворчалкиной, копия И. П. Елагина (Госуд. <арственный> Архив. X. 341).
- Передняя знатного барина, два автографа (Госуд. <арственный> Архив. X. 332).
- Госпожа Вестникова с семьею, автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 331). Здесь пьеса обозначена как «комедия без названия». Есть варианты.
- Вопроситель (Госуд. <арственный> Архив. X. 328), копия Елагина, есть печатная «Невеста-невидимка».
- Обманщик, автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 337).
- Обольщенный (недостает).
- опера комическая «Февей», автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 343).
- Новгородский богатырь Боеславич, автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 352).
- Храбрый и смелый витязь Архидеич, автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 353). Та же пьеса, с заглавием на архивной обертке: «Опера Иван Царевич», — черной план пьесы, автограф, и стихи к этой пьесе рукою Храповицкого (Госуд. <арственный> Архив. X. 349).
- Комедия: Вот каково иметь корзину и белье, вольное переложение из Шекспира, автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 344).
- Шаман Сибирский, автограф с объяснительными заметками, которых нет в печатном тексте (Госуд. <арственный> Архив. X. 336).
- Историческое представление из жизни Рюрика, два автографа, черновой и белой (в Имп. Публичной Библиотеке: коллекция автографов).
- Начальное управление Олега. Отрывок пятого действия, автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 349); другой отрывок из «Альцесты» Еврипида (Госуд. <арственный> Архив. X. 348).
- Комедия: Расстроенная семья осторожками и подозрениями, автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 327).
- Недоразумения, два автографа, черновой и белой (в Имп. Публичной Библиотеке: коллекция автографов).
- Сказка о Горе-богатыре Косометовиче и опера комическая (недостает).
- Федул с детьми (недостает).
- IV. Французские пьесы.
- Le Fracassier, proverbe (по изданию 1799): Un tiens faux mieux, que tu l'auras, автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 324).
- La Rage aux proverbes, автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 351 bis).
- Le Flatteur et les Flattes, автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 325).
- Les Voyages de M. Bontems, proverbe, автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 351).
- Il n'y a point de mal sans bien, автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 345, где пьеса означена как «французская комедия без названия»).
- Monsieur Lustucru, автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 326).
- V. Сказки.

- Сказка о царевиче Хлоре, и Отрывки, автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 374. 371).
- Сказка о царевиче Февее. Заметка об ней, автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 375.376).
- Повесть о Кире. Отрывок, автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 371).
- Conte arabe, Отрывок, автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 373).
- VI. Разные статьи и отрывки.
- Детские разговоры. Черновая и две копии другим почерком (Госуд. <арственный> Архив. X. 372).
- О болгарях и хвалисах. Автограф 1768 года (Госуд. <арственный> Архив. X. 357).
- Отметка на переводе древней греческой надписи на камне, найденном в Анапе, автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 358).
- Статьи из греческой и римской истории, автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 360).
- Об обедах римлян (Госуд. <арственный> Архив. X. 378).
- Записки касательно российской истории (Госуд. <арственный> Архив. X. 366). Замечание о составе рукописи.
- Географические и экономические замечания о России. Автограф: “Записки” (Госуд. <арственный> Архив. X. 367).
- Заметка о величии России и проч, на французском языке, автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 361).
- Заметка о тиранах в России (Госуд. <арственный> Архив. X. 442).
- Заметки о соседних народах на азиатской границе России. Автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 368).
- Заметка об отправлении в Упсалу канцеляриста для списывания русского летописца. Автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 362).
- Замечания о слове “фарс” (Госуд. <арственный> Архив. X. 320).
- Заметки о театральных пиесах (Госуд. <арственный> Архив. X. 321).
- Записки, содержащие в себе нравоучительные мысли и разные замечания (Госуд. <арственный> Архив. X. 381).
- Отрывки всеобщего словаря (Госуд. <арственный> Архив. X. 382).
- Французская рукопись с русским переводом об устройстве садов (Госуд. <арственный> Архив. X. 383).
- Китайские изречения, автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 385).
- Размышления о русской зиме, автограф (Госуд. <арственный> Архив. X. 386).
- Перевод IX главы из романа Мармонтеля “Велисарий” (Госуд. <арственный> Архив. X. 387).
- Статьи, напечатанные в журнале “Всякая всячина” (Госуд. <арственный> Архив. X. 388).
- Статьи в журнал “Собеседник” (Госуд. <арственный> Архив. X. 389). Не-что издано у Пекарского¹⁵.
- Описание торжества, бывшего при прусском принце Генрихе (Госуд. <арственный> Архив. X. 379).

¹⁵ Пекарский 1863, 42-54, 66-68.

— Заметка о книгах, которые следует перевести на русский язык (Госуд. <арстvenный> Архив. X. 427).

— Правила для дворян, отправляемых в чужие края для обучения (Госуд. <арстvenный> Архив. X. 430).

— Заметка о непредании сожжению через палача книги, в которой часто упоминается о Боге (Госуд. <арстvenный> Архив. X. 431).

VII. Литературные развлечения.

— Стихи Имп. Екатерины, исправленные принцем де-Линь и правила графа Сегюра: как писать стихи (Госуд. <арстvenный> Архив. X. 384). Издано у Пекарского¹⁶.

— Пародия на слухи о путешествии ее в Тавриду (Госуд. <арстvenный> Архив. X. 390).

— Шутливая характеристика придворных (Госуд. <арстvenный> Архив. X. 392).

— Юмористический диплом для членов Общества Незнающих (Госуд. <арстvenный> Архив. X. 393). Изд. у Пекарского¹⁷.

— *Nouvelles à la main de Peterhof* (Госуд. <арстvenный> Архив. X. 394).

— Эпитафия шевалье «*Ventre à terre*» (Госуд. <арстvenный> Архив. X. 395).

— Шутливая эпитафия ее самой (Госуд. <арстvenный> Архив. X. 396). Изд. у Пекарского¹⁸.

— План юмористического сочинения на обер-штальмейстера Льва Нарышкина: *Leoniana* (Госуд. <арстvenный> Архив. X. 398). Изд. у Пекарского¹⁹.

В окончательном виде этот список еще несколько вырастет, потому что мои поиски в этом направлении продолжаются: мне предстоит изучить еще несколько относящихся сюда «дел» Государственного Архива.

30 окт. 99. А. Пыпин»²⁰.

Судя по приведенным пометкам в.к. Константина Константиновича, идея публикации «скандального документа» не вызвала симпатии. Поэтому, видимо, по просьбе Пыпина в самом конце 1901 г. или в начале 1902 г. свое письмо к Великому князю отправляют академики А. Н. Веселовский, В. И. Ламанский и А. А. Шахматов: «Отделение Русского языка и Словесности Императорской Академии Наук решило издать полное собрание сочинений Императрицы Екатерины II, как великой Государыни, как основательницы Российской академии и вместе замечательной русской писательницы. Издание уже начато, и в одном из последующих томов Отделение намерено поместить все ее труды исторического и автобиографического содержания. Первое место в трудах этого рода принадлежит целой массе отдельных более или менее кратких или подробных записок о различных событиях ее царствования или о тех или других ее помощниках, а также и автобиографическим запискам ее на французском языке.

Назначенная Отделением Комиссия для решения вопроса о способах издания этих записок в полном собрании сочинений Императрицы внимательно ознако-

¹⁶ Пекарский 1863, 68-70.

¹⁷ Пекарский 1863, 54-55.

¹⁸ Пекарский 1863, 70-72.

¹⁹ Пекарский 1863, 55-59.

²⁰ ОР РГБ Ф.16.К.12. Ед. Хр. 6. Л.34-45.

милась со всем из составом и пришла к тому убеждению, что, за исключением нескольких небольших эпизодов чисто личного или семейного характера, эти записки (на франц. языке) представляют собою один из важнейших ее литературных и один из замечательнейших исторических памятников в летописях не одной русской, но и всемирной истории.

Кое-какие эпизоды с неважными для истории подробностями могут без всякого ущерба для исторической науки быть выпущены при напечатании этих записок, но большая их часть непременно должна войти в полное собрание сочинений Екатерины II. Того требуют интересы исторической истины; записки Екатерины II — важный источник для ознакомления с достойнейшею преемницею Петра Великого, с одним из самых крупных исторических деятелей богатого талантами XVIII века. Часть французских записок Екатерины II, давно уже изданная за границею, разошлась в Европе в нескольких тысячах экземпляров как на языке подлинника, так и в переводах английском и немецком, вызвала множество отдельных статей и книг на всех почти европейских языках, где часто без знания дела вкривь и вкось истолковывается вся деятельность великой Русской Государыни. Нельзя умолчать, что изданные в Лондоне записки Екатерины давно не исправно, с разными описками и ошибками, давно известны в России как всем, читающим на иностранных языках, так и не знающим их. Последние имели возможность ознакомиться с полным почти содержанием этих записок из статей покойного Щербальского, напечатанных в свое время в Русском Вестнике.

Только академическим изданием записок Екатерины в полном собрании ее сочинений с обстоятельными примечаниями можно рассеять многочисленные суждения и ложные мнения об этой необыкновенной женщине сильного ума и характера, великой державной работницы, высоко прославленной многими лучшими ее современниками в России и на Западе, обязавшей и поздних своих потомков глубокою признательностью за одни уже великий ее приобретения на юге и западе России: о них вскоре напомним русскому народу майское празднование столетнего юбилея одного из славнейших екатерининских орлов.

А. Веселовский

В. Ламанский

А. Шахматов»²¹.

Тогда же Константину Константиновичу был отправлен еще один документ — краткий отзыв о работе Пыпина над литературным наследием Екатерины. К сожалению, документ не подписан. Возможно, он принадлежал перу тех же академиков: «С конца 1899 г. предпринято было академическое издание сочинений Императрицы Екатерины II, исполнителем которого был академик Пыпин.

Получив ранее в 1898 г., с Высочайшего соизволения, разрешение работать в Государственном Архиве, академик Пыпин нашел здесь множество материалов для освещения литературной деятельности императрицы Екатерины и внес тогда в Отделение русского языка и словесности первую записку по этому предмету (от 30го октября 1899), с предположениями относительно издания неизвестных доселе сочинений Императрицы, найденных им в документах Государственного

²¹ ОР РГБ Ф.16. К.12. Ед. Хр. 6. Л. 31-32. На документе пометка синим карандашом: «Возвращено Его Величеством 31 янв. 1902». Ср.: (Лопатин 2012, 218).

Архива. Отделение постановило предпринять полное издание сочинений императрицы Екатерины II.

Впоследствии, с Высочайшего соизволения, академику Пыпину разрешено было пользоваться драгоценными бумагами императрицы Екатерины, хранящимися в Собственной Е.И.В. Библиотеке Зимнего дворца и наконец документами бывшего запечатанным пакета Государственного Архива, с бумагами императрицы Екатерины II.

В конце 1900 г. вышли в свет четыре тома сочинений императрицы Екатерины (т. I-IV).

В конце 1901 — еще четыре тома (VII-X).

По мере исполнения издания, приходила очередь до мемуаров императрицы Екатерины. Для обстоятельного выяснения вопроса об их печатании Отделение назначило особую Комиссию (из Академиков Веселовского, Ламанского, Шахматова), которые, ознакомившись с содержанием их из текстов, собранных академиком Пыпиным в Государственном Архиве и Собственной Е.И.В. Библиотеке, пришла к единогласному заключению о величайшей исторической важности их и необходимости их издания; причем в виду некоторых мест этих записок, имеющих интимный характер, находила нужным двоякое издание: одно полное, для обозначения их исторической сохранности, — в ограниченном числе экземпляров; другое — с исключением некоторых, впрочем немногих мест (протокол 28 апреля 1900 г.).

Наконец, теперь, когда издание сочинений императрицы приближается к концу и является необходимость приступить к печатанию Записок, в отделении возникает окончательный вопрос о желательном числе экземпляров упомянутого полного издания. Отделение определило эту цифру не более как шестью экземплярами, которые, по предложению Августейшего Президента, в случае Высочайшего соизволения, были бы переданы следующим учреждениям: Собственной Е.И.В. Библиотеке, Императорской Публичной Библиотеке, Императорской Академии Наук, Государственному Архиву в Петербурге, Московскому Главному Архиву министерства иностранных дел и наконец редактору издаваемых сочинений императрицы Екатерины. Для обсуждения же вопроса, какие именно места подлежат исключению из текста Записок императрицы Екатерины II постановлено обрадовать Комиссию из академиков Пыпина, Веселовского, Ламанского и Шахматова (протокол Отделения 22 декабря 1901): вообще, или в случаях особенного недоумения, Комиссия могли бы или была бы должна обращаться к решению Е.И.В. Августейшего Президента»²².

В 1904 г. Пыпин умер, редактором собрания сочинений Екатерины был назначен А. Н. Веселовский²³, но дело издания автобиографических записок не сдвинулось с мертвой точки. По-видимому, работа пошла только после революции 1905 г. 11 декабря 1906 г. Шахматов писал Барскову о выходе двенадцатого тома как о деле ближайшего времени: «<...> я понял так, что XII т. выйдет в двух пере-

²² ОР РГБ Ф.16. К.12. Ед. Хр. 6. Л. 29-30. На документе та же пометка синим карандашом: «Возвращено Его Величеством 31 янв. 1902».

²³ Об этом А. А. Шахматов писал Барскову: «Отделение назначило редактором Сочинений Екатерины II Веселовского. Снеситесь поэтому с ним, начав с запроса, как быть с дальнейшими корректурами и с просьбы подписать к печати 27-й лист» (ОР РГБ. Ф. 16. К. 4. Ед. хр. 86. Л. 17).

плетах <...> думаю, после разговора с вами, что действительно лучше выпустить обе половины тома одновременно.

На будущий год Отделение ассигновало 200 рублей на Соч. Екатерины. Следовательно, вы получите гонорар в течение первых четырех месяцев.

Жалко, что вы не представили счета <...> раньше. Расходования у нас больше в новом году не будет и мы оплатим ваши счета только в январе (сумма 121 р. 20 к.)»²⁴.

Таким образом, история подготовки к печати в собрании сочинений Екатерины II и прохождения высочайшей цензуры автобиографических записок императрицы заняла около десяти лет.

ЛИТЕРАТУРА

Екатерина II 1859: Записки императрицы Екатерины II. Лондон.

Екатерина II 1907: Сочинения, на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями А. Н. Пыпина. Т. 12. СПб.

Ивинский А.Д. 2014: К истории собрания сочинений императрицы Екатерины II: почему не был издан шестой том // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1, 106-125.

Крючкова М.А. 2009: Мемуары Екатерины II и их время. М.

Лопатин В.С. 2012: Потемкин и его легенда. М.

Мильчина В.А., Основат А.Л. 1995-1996: Пушкин и «Записки» Екатерины II // Новые безделки. Сборник статей к 60-летию В. Э. Вацура. М.

Пекарский П.П. 1863: Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II. СПб.

Российский феатр 1786: Российский феатр или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. Ч. 12. СПб.

Теребенина Р.Е. 1969: Копия «Записок» Екатерины II из архива Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1966. Л.

Тартаковский А.Г. 1991: Русская мемуаристика XVIII –первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М.

Эйдельман Н.Я. 1992: Восемнадцатое столетие в изданиях вольной русской типографии // Справочный том к запискам Е.Р. Дашковой, Екатерины II, И. В. Лопухина. М.

Catherine II 1799: Théâtre de l'Hermitage de Catherine II, impératrice de Russie. Vol. 1-2. Paris.

Waliszewski K. 1892: Le roman d'une impératrice, Catherine II de Russie: d'après ses mémoires, sa correspondance et les documents inédits des archives d'Etat. Paris.

Waliszewski K. 1894: Autour d'un trone: Catherine II de Russie, ses collaborateurs, ses amis, ses favoris. Paris.

²⁴ ОР РГБ. Ф. 16. К. 4. Ед. хр. 86. Л. 19. Из писем Шахматова узнаем также, что работа над VI томом продолжалась вплоть до 1919 г. В 1906 г. он писал Барскову: «<...>я решительно стою за скорейший выпуск VI тома и привлечения нового материала» (ОР РГБ. Ф. 16. К. 4. Ед. хр. 86. Л. 19). 20 октября 1907 г. он спрашивает, «в каком положении печатание VI тома Екатерины II» (ОР РГБ. Ф. 16. К. 4. Ед. хр. 86. Л. 29). Наконец, 12 февраля 1919 г. Шахматов «приветствовал» решение Барскова «двести по возможности скорее VI том Сочинений Екатерины II до конца» (ОР РГБ. Ф. 16. К. 4. Ед. хр. 86. Л. 43). В этом же письме находим важное свидетельство о том, что Барсков предполагал издание XIII тома собрания сочинений императрицы, в который вошли бы дополнительные материалы: «<...> Отделению <...> не прочь приступить со временем к изданию XIII тома» (ОР РГБ. Ф. 16. К. 4. Ед. хр. 86. Л. 43).

HISTORY OF CATHERINE THE GREAT'S COLLECTION OF WORKS:
PUBLICATION OF THE MEMOIRS OF THE EMPRESS

A. D. Ivinsky

The article is devoted to the history of publication of Catherine the Great's Memoirs in the twelfth volume of her Collection of works. Its editors, A. N. Pypin and Y. L. Barskov, had to solve problems of Catherinian textual criticism and Great Prince Konstantin Konstantinovich, the president of Academy of science, to publish these documents.

Key words: Catherine II, A. N. Pypin, Y. L. Barskov, persuade Great Prince Konstantin Konstantinovich, autobiographical notes

---

© 2015

Т. М. Уздеева

НОВЫЕ «НОВЫЕ ЛЮДИ» В РОМАНЕ «ЧТО ДЕЛАТЬ?»
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Статья посвящена анализу образов второстепенных героев романа «Что делать?». Тема духовного становления Кати Полозовой, Бьюмонта, «дамы в трауре» сопряжена с пятой, шестой, главами романа. Автор обнаружил в них черты бытописательства. Установлена принципиальная инвариантность сюжетных комбинаций, построенных на повторе. Разгадан авторский замысел, указывающий на более позднее появление в романе «новых» «порядочных людей», служащий свидетельством поступательного нарастающего общественного развития в середине XIX века в России. Обозначена роль эпизода «зимнего пикника» в романе. Намечена идейно-художественная функция образа «дамы в трауре». В статье полнят вопрос о его автобиографизме.

Ключевые слова: новые люди, порядочные люди, особенный человек, автобиографизм

В романе «Что делать?» в V главе присутствуют два самостоятельных, по своему замкнутых сюжета, объединенных общим названием «Новые лица и развязка». Один из этих сюжетов — рассказ о спасении Кати Полозовой Кирсановым, второй — о ее знакомстве с Бьюмонтом и их взаимной любви. Каждый сюжет разработан достаточно полно и неторопливо, но в их совокупности сжато, почти конспективно просматривается схематический рисунок сюжетного движения предшествующих глав.

Рассказ о вмешательстве Кирсанова в судьбу Кати Полозовой — это та же, в своем существенном значении уже знакомая читателю история спасения человека в результате встречи его с одним из «новых людей». Исходные обстоятельства не

Уздеева Татьяна Магомедовна — доцент кафедры отечественной и мировой литературы Чеченского государственного университета. E-mail: yzdeeva@mail.ru

те, что соединили Верочку Розальскую и Лопухова, не те характеры, совсем не те события, но совершенно тот же смысл истории. Более того, и в жанровом отношении эта часть главы тяготеет к тому же типу бытописательной повести, что и две первые главы романа. В свою очередь, история Кати Полозовой и Бьюмонта возвращает читателя к смыслу коллизии Вера Павловна — Лопухов — Кирсанов и, продолжая линию бытописательства, использует приемы психологического анализа третьей и четвертой глав.

Сюжет романа как бы повторяется — без прежней напряженности коллизий и остроты конфликтов, но в прежних смысловых границах. Повторяется и тема духовного становления человеческой личности — только с другой героиней. Для судьбы Кати Полозовой, как раньше для судьбы Веры Павловны, стала решающим фактором встреча с «порядочными людьми». Как и раньше, внутренний смысл повествования не находится в обязательном, необходимом соответствии с внешними событиями. Бьюмонт оказался Лопуховым, но он мог и не быть им; чтобы войти в те отношения с Катей Полозовой, в которые он вошел, и повлиять на нее так, как он повлиял, он мог быть и просто Бьюмонтом или кем угодно еще, лишь бы был человеком тех же взглядов на жизнь и того же характера. Катя Полозова стала первым, довольно случайно встретившимся Лопухову-Бьюмонту человеком, через которого ему показалось удобным узнать о Кирсановых то, что важно было ему узнать, но если бы она не была к тому времени тем человеком, каким она была, и не имела того образа мыслей, какой имела, если бы она не была готова последовать примеру Веры Павловны, она, может быть, сослужила бы нужную Бьюмонту-Лопухову службу, но не стала бы «новым лицом» романа.

Принципиальная инвариантность личных комбинаций при исторически закономерной и общественно-действенной встрече «порядочных людей» между собой, показывает рассказчик, вытекает из объективно возрастающей в обществе тенденции развития. Вот почему автору важно повторить ту ситуацию, которая уже была прослежена и выяснена в ходе предшествующего повествования. В 1852 году Вера Павловна встретила одного из «порядочных людей», и это был редкий случай, и дело ее спасения было трудное дело, и ее путь к счастью был долгий и далеко не простой путь. Теперь, в 1860 году, Катерина Васильевна встретила не одного, а трех людей этого типа, и ни один из них не был бедным студентом, как Лопухов за восемь лет до этого. Никому из этих людей не пришлось просвещать Катю, вытравлять из ее сознания предрассудки среды — это сделала она сама. Более того — это как будто само собой в ней сделалось. Между ее словами, сказанными Бьюмонту во время первого их разговора: «Дайте людям хлеб, читать они выучатся и сами»¹, — и обыкновенными взглядами общества на этот счет лежит целая пропасть; Катя прошла ее самостоятельно. Убеждение, выразившееся в этой фразе, не явилось итогом ее сближения с «новыми людьми», напротив — оно послужило толчком, после которого это сближение еще только начнется. А это значит, что за восемь лет далеко вперед шагнуло общественное развитие, коренным образом изменилась общественная атмосфера: «порядочных людей» стало больше, встретиться им стало легче, сблизиться проще, а, с другой стороны, их взгляды на жизнь и главные ее проблемы проникли в общественную среду и воздействуют на нее все глубже и все радикальнее.

¹ Чернышевский 1906/9, 319.

Осуществилась и развязка, обещанная рассказчиком: дело кончилось «весело, с бокалами, песнью». Сюжет романа, вернувшись к проблематике начальных глав, тем самым исчерпал свои возможности и завершился. Было бы вполне естественным видеть роман на этом законченным.

Сначала так и кажется: рассказ об устройстве двух неразлучных семейств — Кирсановых и Бьюмонтов — воспринимается читателем как простой эпилог. Но этот эпилог затягивается, а затем разрастается в новый большой самостоятельный эпизод. И, кроме того, последние полстранички почему-то вообще оказываются выделенными в особую, шестую, главу.

Что это значит?

С предыдущим сюжетом романа эпизод «зимнего пикника нынешнего года» не имеет ничего общего. Правда, и Вера Павловна, и Александр Матвеевич, и Катя, и Чарли (Лопухов) участвуют в нем, но наряду с другими лицами, и прямого (сюжетного) отношения специально к их романической истории этот эпизод не имеет. В центре и этого эпизода, и VI главы стоит совершенно новое в романе лицо — «дама в трауре». Ею — ее настроением, ее темпераментом, ее несчастьем — окрашен весь эпизод, а ее полутаинственный, полузашифрованный рассказ о себе и своем возлюбленном составляет ядро его содержания.

Существуют две версии в истолковании образа «дамы в трауре». Одни исследователи считают, что «дама в трауре» — это спасенная Рахметовым «вдова лет 19»², ставшая с тех пор тоже «особенным человеком». Другие доказывают, что образ «дамы в трауре» намекает на Ольгу Сократовну Чернышевскую и что, следовательно, героем ее рассказа является сам Чернышевский — узник Петропавловской крепости. Первые ссылаются на «Заметку для А. Н. Пыпина и Н. А. Некрасова», помеченную Чернышевским тем же днем, что и окончание романа, и приложенную к последней части рукописи романа при посылке ее в редакцию «Современника», вторые — на текст романа, находя близкое соответствие между «дамой в трауре» и ее рассказом о своей любви и характером О. С. Чернышевской, а также историей ее сближения с Н. Г. Чернышевским, документально зафиксированной в его саратовском дневнике 1853 года.

Обе версии в равной степени допустимы, но в равной же степени и необязательны. И «Заметка для А. Н. Пыпина и Н. А. Некрасова», и тем более дневник Чернышевского находятся вне текста романа, а текст одинаково питает обе версии и ни одну из них не утверждает как единственно возможную. Чтобы понять смысл заключительного эпизода романа, не только не обязательно, но и не нужно подставлять никакого конкретного лица из жизни или из предыдущей фабулы романа на место «дамы в трауре» и ее возлюбленного, ибо ни одна из подстановок, даже самых вероятных, ничего не изменяет в содержании и ничем существенным не обогащает глубинного смысла этого эпизода. Как раз наоборот. Он оказывается наиболее ясным для понимания и расшифровки тогда, когда сохраняет всю свою «отрывочность» и «загадность», и напротив, оказывается затрудненным для понимания тогда, когда путем той или иной конкретной расшифровки имен разрушается его «загадность» и восполняется «отрывочность».

Каково композиционное, а вместе с тем и идейное значение заключительного эпизода романа? То единственное событие, которое здесь описывается, — зимний

² Чернышевский 1906/9, 319.

пикник кирсановско-бьюмонтского кружка — служит как будто исключительно тому, чтобы ввести в роман еще одну группу «новых лиц». Но эти «новые лица» играют в романе совсем не ту сюжетную роль, что, например, первая группа «новых лиц» из V главы. Катя Полозова и Бьюмонт внесли в роман элемент сюжетного параллелизма, замкнули тем самым внешнюю линию развития романического действия. Они оказались, следовательно, в той же сюжетной плоскости, что и прежние герои романа.

«Дама в трауре» и ее компания — «новые лица» в другом отношении, чем Катя Полозова и Бьюмонт. Те же или такие же лица упоминались в романе неоднократно: они или похожие на них составляли кружок Кирсанова, из которого вышел Рахметов; ничем не отличалась от них и та молодежь, с которой любил беседовать Лопухов и которая находила «полезными для себя разговоры с Дмитрием Сергеичем», считая его «одной из лучших голов в Петербурге»³. В сущности, «дама в трауре» одна остается загадочной и таинственной для читателя, но благодаря именно этой ее загадочности и таинственности читатель и ее ощущает как не совсем незнакомую себе. Отношение к ней молодежи, да и самих Кирсановых и Бьюмونت, удивительно напоминает отношение окружающих к Рахметову, а черты недосказанности, эскизности в ее обрисовке лишь усиливают сходство этих героев друг с другом.

Но образ «дамы в трауре» постепенно пробуждает в сознании читателя еще одну аналогию. «Дама в трауре» — это «дама», женщина; ее история — печальная, но и высокая история любви; ее возлюбленный — неизвестно, муж ли, жених, — безусловно герой, рыцарь идеи и дела; его «дело», как и «дело» Рахметова, не «личное занятие», это «чужое дело или ничье в особенности дело»⁴. Женщина — любовь — революция — вот какой образно-идеологический комплекс привносит с собою в роман «дама в трауре». Но этот же поэтический комплекс уже был воплощен в романе в образе героини снов Веры Павловны, «сестры своих сестер, невесты своих женихов»⁵, воспитательницы и защитницы младшей сестры — «светлой красавицы»⁶, любви-равноправности⁷. Пройдя по роману бестелесной фигурой, фантазией героини, она теперь совместилась с реальной женщиной, облеклась ее плотью, на мгновение вошла в сюжет, для того чтобы бросить клич к революционному действию.

Вся эта группа «новых лиц» романа в своей совокупности несет, таким образом, только одну и при этом не новую для романа тему, неожиданно новому вдруг зазвучавшую здесь для читателя. Это — тема рахметовского «дела». Раньше — прорисовка фигуры «особенного человека» среди «новых людей» — не досказанная, не выявленная в качестве обязательного и необходимого условия успешного разрешения всех современных вопросов, всех наболевших проблем, эта тема теперь в финале романа, решительно отодвигает в небытие все прочие его темы, всю предыдущую его проблематику и выступает как исключительная, всеобъемлющая, единственная.

³ Чернышевский 1906/9, 141.

⁴ Чернышевский 1906/9, 208.

⁵ Чернышевский 1906/9, 283.

⁶ Чернышевский 1906/9, 277.

⁷ Чернышевский 1906/9, 283.

Художественная острота заключительного эпизода романа определяется резким противоречием между его тематической однозначностью (благодаря чему его единственная тема звучит предельно обнажено) и очевидной зашифрованностью содержания, разгадка которого читателем означает разрешение указанного противоречия, а вместе с ним и завершение уже не только внешней, но и внутренней линии художественного действия романа. Более того, эта разгадка является одновременно ответом на главный вопрос романа, сформулированный в его названии, и, следовательно, означает подлинное и окончательное разрешение его центральной проблемы.

До сих пор «новые люди» изображались в романе как люди «обыкновенные», рассказчик специально подчеркивал качественную разницу между ними и «особенными» людьми их круга. И пафос финального эпизода романа состоит в том, чтобы снять так настойчиво утверждавшееся раньше противопоставление «обыкновенных» и «особенных» «новых людей». «Дама в трауре» именно «обыкновенных новых людей», тех самых, вровень с которыми «должны стоять, могут стоять все люди»⁸, «зовет в подполье».

Главные герои романа впервые поставлены в условия новых, не существовавших до сих пор общественно-политических обстоятельств — в условия революционной ситуации. Испытание человека этими условиями — не только редкое испытание, но и такое испытание, которое люди не могут создать своей волей, по своему желанию, и потому это испытание является для них высшим и по своим результатам безапелляционным. В условиях революционной ситуации все «порядочные люди» — и «орлы», и «не орлы» — получают одинаковое право и одинаковую обязанность стать солдатами революции, и их готовность выполнить эту волю истории и тем самым подтвердить свою человеческую «порядочность» является для них последней проверкой и раскрывает в их духовном облике последнее, высшее из всех возможных в человеке, нравственное качество. «Новые люди» выдерживают и это, окончательное, испытание, поднимаются и на эту, последнюю, ступень своего духовного становления.

Таким образом, только в сцене пикника завершается внутренняя линия развития действия романа. И с этим связано вычленение последнего момента заключительного эпизода романа в особую главу. «Перемена декораций» — это как бы эпилог эпилога. Реальностью для романиста и его читателей была тревожная общественная ситуация. Ее желательный исход — в революционном взрыве и победе. Призывом идти на борьбу заканчивается V глава. И пауза между этим концом и «Переменой декораций» вбирает в себя все это — и сегодняшнюю напряженность, и завтрашнюю борьбу, и послезавтрашнюю «победу». Но завтра и послезавтра, внушает рассказчик читателю, должны совершиться не на страницах романа, а в жизни. Лишь после этого и роман может иметь продолжение, на которое намекает глава «Перемена декораций». Она вновь переводит события из сферы действительности в сферу художественного повествования и обрывает все на полуслове.

⁸ Чернышевский 1906/9, 233.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М.М.* 1970: Эпос и роман // Вопросы литературы. 1, 95-122.
Водовозов Н.В. 1980: Вступительная статья к роману «Что делать?» и комментарии к роману // Чернышевский Н. Г. М.
Верховский Г.О. 1959: О романе «Что делать?». Ярославль.
История русской литературы: в 10-ти т. Т.8. М.; Л.
Лебедев А.А. 1962: Герои Чернышевского. М.
Рейсер С.А. 1975: Примечания к тексту романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. Л.
Чернышевский Н.Г. 1905-1906: «Что делать?»: Полное собр. соч.: в 10-ти т. Т.9. СПб.

NEW “NEW PEOPLE” IN THE NOVEL “WHAT TO DO?” BY
N. G. CHERNYSHEVSKY

T. M. Uzdeyeva

This article analyzes the images of the secondary characters of the novel “What to do?”. The theme of spiritual formation of Katya Polozova, Beaumont, “the lady in mourning” is associated with the fifth, sixth and final chapter of the novel. The author has found in them the description of the way of life. The principle invariance of scene combinations built on repetition is established. The author’s plan indicating later emergence in the novel “new” “decent people”, serving as the evidence of the forward accruing social development in the middle of the 19th century in Russia is solved. The episode role of “winter picnic” in the novel is designated. Ideological and art function of an image “lady in mourning” is planned. In the article the question of its autobiographism is discussed.

Key words: new people, decent people, special person, autobiographism

© 2015

Н. А. Хуббитдинова

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ В
ТВОРЧЕСТВЕ Ш. БАБИЧА: К 120-ЛЕТИЮ БАШКИРСКОГО ПОЭТА

В своих поэтических произведениях видный башкирский поэт Ш. Бабич обращался к народной устно-поэтической традиции исполнения стихотворений под мелодию определенной песни, прибегал к жанру национального эпического жанра кубаир, в художественно-эстетических целях использовал половицы, поговорки и т.д. По мнению автора статьи, изучение в этом ключе творчества национального поэта, в частности, и башкирской литературы начала XX века, в целом, способствует более глубокому раскрытию и обобщению процессов творческого освоения и перевоплощения фольклорных традиций.

Ключевые слова: фольклорная традиция, литература, поэт, мотив, сюжет, песня, художественное использование

Хуббитдинова Нэркэс Ахметовна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. E-mail: narkas08@rambler.ru

В начале XX века в башкирской литературе продолжают наблюдаться художественное своеобразие, которое достигается при помощи творческого освоения фольклорных мотивов, сюжетов, образов, фольклорных жанров — баитов, песен, легенд и преданий, основанных на изображении реалистической картины жизни людей, их духовного мира. Башкирская словесность в эту эпоху переживала новый виток в своем развитии: она постепенно освобождалась от влияния религиозно-мистической идеологии и как никогда ранее сблизилась с жизнью народа, с действительностью¹. В период революций, Первой мировой, Гражданской войн, унесших миллионы жизней простого народа, в условиях социально-экономических, политических преобразований в стране, крае в частности, борьба башкирского народа против колониальной политики самодержавия приняла общенациональный характер и стала движением за национальную независимость².

В ряду многих общественно-политических проблем главным для писателей этого времени стал вопрос, связанный с родным языком. «Рост самосознания башкир усилил внимание к языку и культуре... начинается движение за развитие национальной культуры»³. В стремлении быть ближе к народу, в литературе наблюдается тенденция внесения в тексты произведений лексических, грамматических и орфографических особенностей башкирской разговорной речи (М. Гафури, Р. Фахретдинов, Ш. Бабич, Х. Габитов, М. Бурангулов, А. Тангатаров, Д. Юлтый, С. Якшигулов и другие). Замечается постепенное уменьшение использования арабо-персидской лексики, связанной преимущественно с общественно-политической сферой.

В этот период писатели начинают активно интересоваться фольклором, собирать и популяризировать башкирские народные песни, создавать на их мотив собственные сочинения. «В конце XIX — начале XX века, в период интенсивного утверждения реализма в литературе, усилился интерес башкирских поэтов и ученых энтузиастов к песенному жанру»⁴ (З. Уммати «Песни, баиты башкирских тептярей» (1909), Ф. Туйкин «Сборник песен» (1914), «Созвездие песен» (1915), известно, что подготовил сборник «Народные песни на протяжный напев (озонкюй)», М. Бурангулов зафиксировал эпос «Урал-батыр», «Акбузат», «Идель и Яик» и др., а также песни, легенды, предания, кубаиры, С. Мухаметкулов — эпос «Кусяк-бий», Ф. Вали — «Ек-Мэргэн», М. Султанов «Башкирские и татарские мотивы» (1916) и т.д.). В сфере культурного досуга популяризовалась башкирская песня. Как указывает Р.Т. Бикбаев, на литературных вечерах часто звучали башкирские народные песни, которые становились традиционным явлением, о чем сообщалось на страницах газеты «Вақыт»⁵.

Обращение к фольклору было обусловлено также и другими событиями, происходящими в стране и в крае в частности. В период черной реакции, наступившей после поражения русской революции 1905-1907 гг., в творчество многих писателей вселились чувства уныния, пессимизма. Как указывает Р.Т. Бикбаев, «крушение надежд, метания и разочарования на путях духовных

¹ Хусаинов 2012/1, 367.

² Хусаинов 2012/1, 369.

³ Бикбаев 1995, 57.

⁴ Кунафин 1999, 38.

⁵ Бикбаев 1995, 127.

поисков привели к широкому распространению романтизма»⁶ не только в башкирской поэзии, но и в прозе начала века. Нарастание тревоги, «нервного стремления познать это новое», охватившее общество в переходный период, также заставило писателей обратиться к фольклору.

Следовательно, обращение к фольклору было обусловлено двумя причинами: писатели, с одной стороны, в своем стремлении к реализму литературно интерпретировали народные песни, эпические произведения; с другой стороны, крушение надежд после краха русской революции заставило их обратиться к романтизму, передать свои пессимистические чувства в духе сказочно-утопической романтики (например, Б. Мирзанов написал свое стихотворение «Свадьба джинов» («Ен туйы») в традициях утопической литературы).

Обращение писателей к песенному фольклору можно было бы объяснить тем, что в песнях «накоплен многовековой жизненный опыт народа», его мировоззрение и мироощущение, отразились «народная жизнь и народное искусство»⁷. Отсылки к народной песне, ее традиции во многом служили сближению литературной авторской песни и народа.

Шайхзада Бабич (1895-1919) — пламенный певец и борец за свободу и независимость своего народа, 120-летие которого отмечает в 2015 году вся прогрессивная общественность Республики Башкортостан, в своем творчестве «отразил ... жизнь башкир в этот период», озвучил яростную критику и изобличил «социальную действительность России», «официальную мораль», призвал к «бескомпромиссной борьбе» с угнетателями и т.д.⁸

Говоря о фольклорности творчества Ш. Бабича, нельзя не сказать о применении им традиции народных песен, их эпитетов, метафор. Они формируются в единую стилистическую формулу, как, например, известную из фольклора в формулу красоты (Г.Р. Хусайнова). Девичью красоту Ш. Бабич выражает через стилистические обороты, известные из народных песен: тонкие брови, чернота волос, глаз, жемчужины зубов и т.д.

...Ты черноброва, величав твой стан,
Ты словно птица — сказочные перья.
Свиданья наши, милая, с тобой —
Как будто сон: и верю и не верю...

(«Пустил егет стрелу»)

Или:

...Лик любимой светел, словно солнце,
Очи голубые, как волна.
Улыбнется нежно — жемчуга сверкают,
Медом сладкогласым речь полна⁹.

(«Любовь егета»)

Так поется в башкирских народных песнях. У Ш. Бабича можно проследить поэтические интертексты:

⁶ Бикбаев 1995, 127.

⁷ Кунафин 1999, 39.

⁸ Валеев 2001, 158, 159.

⁹ Галин 1995/8, 211, 216.

На струящую тонкую чудную бровь
 Пролился(я) месяца лучи.
 То ли жемчуг, то ли яхонт иль другое
 Выстроились стройные зубы в ряд...

(«Ангел мой», 1917)

Цитирование народной песни, по мнению А.М. Сулейманова, преподносится поэтом в тесном естественном переплетении, в неразрывной связи с «авторской речью», что способствует выполнению идейно-эстетической функции стихотворения¹⁰. Творчеству Ш. Бабича также свойственно художественное переоплощение народных пословиц и поговорок, пословичные стилистические элементы, которые, как и другие традиционные художественные элементы, воспринимаются в тесном контакте, связи с авторским словом, становясь его неразрывной частью. Возможно, поэтому его стихотворения, публицистические записи, очерки были и по духу, и по смыслу близки народу, воспринимались как свое, родное и личное (статьи «10-летний праздник медресе «Галия» («Кармак», 1916), «Разные известия», «Письмо» (1916), стихотворение «И в помине нет старый сэкмэн» и т.д.). В стихотворении «Советы» (1915) поэт искусно использовал народные афоризмы, а в таких произведениях, как «Заклинание дождя» (1910), «Сабантуй и национальные праздники» (1912), «Грачиная каша» (1912) поэтизировал обрядовый фольклор, благодаря чему сумел достичь нужного эффекта в восприятии, чем решил важные идейно-художественные, эстетические задачи. Художественное воспроизведение фольклора усилило национальный дух его произведений, придало им самобытность и своеобразие.

Ш. Бабаич писал для народа, о народе и на народном родном языке. Так, он с восхищением писал о народных обрядах и обычаях, праздниках в своем стихотворении «Сабантуй и народные праздники»:

...У каждого аула есть майдан для скачек —

Пусть живут национальные праздники нашего народа!¹¹

Он не только восхищался башкирскими народными песнями, легендами и преданиями, эпосом и кубаиром, обрядами и обычаями, но и сам выступал как фольклорист, записывал услышанные от башкир и казахов произведения устно-поэтического народного творчества. Как утверждает Р.Т. Бикбаев, исследователь творчества Ш. Бабича, «даже во время гражданской войны в башкирских аулах Южного Урала он не прекращал эту работу»¹². Именно его увлечение народным творчеством, а также наличие у него самого таланта сказителя и импровизатора позволили А.М. Сулейманову прийти к выводу, что поэт не только использовал фольклор, но и сам выступал как сэсэн — певец-импровизатор. Эти качества поэта усматриваются, например, в стихотворениях «Герой Амир Карамышев», «Башкортостан», «Салават-батыр» (1917-1918), которые и по стилю, теме, и по форме написаны в жанре кубаир — эпического поэтического произведения о богатырях-батырах. Стихотворение «Салават-батыр» хотя и предлагается автором исполнять на мотив народной песни «Салават», все же по своим внешним и

¹⁰ Сулейманов 2009, 146.

¹¹ Бикбаев 1995, 63.

¹² Бикбаев 1995, 62.

внутренним особенностям подчинено законам кубаира (таким как «Идель-йорт», «Мурадын и Бухкын» и др.)¹³. В целом в некоторых своих стихотворениях-кубаирах Ш. Бабич выступает как мастер слова, находчивый и мудрый сэсэн. В силу критической общественно-политической обстановки в крае, когда на кону стояла судьба народа, в период борьбы за его свободу и независимость поэт, продолжая сложившиеся традиции былых сээсэнов — Кубагуша, Караса, Габита, Баика, Салавата и других, — обращается в своем творчестве к устно-поэтическому жанру кубаир. И это было закономерно. Позже, в период Великой Отечественной войны, писатели М. Бурангулов, М. Карим, Р. Нигмати, Дж.Киекбаев, народные сээсны-ветераны С. Муллабаев, М. Якупов продолжили традицию обращения к жанру кубаир. В 90-х гг. XX века, в период борьбы за суверенитет Республики Башкортостан, этот жанр вновь обретает актуальность и жизнеутверждающую силу. Стихотворения Рауля Бикбаева, Кадима Аралбаева, Абдулхака Игебаева, Буранбая Искужина, Мавлита Ямалетдинова, Хасана Назарова, Тамары Ганиевой, Розалии Султангареевой, Ханифы Абубакировой, Васили Садыковой и многих других служат тому примером. Подробное и системное изучение всех этих особенностей литературы в дальнейшем также может привести к интересным выводам и результатам.

В башкирской литературе начала XX века, в творчестве ярких представителей этого периода М. Гафури, Ф. Туйкина, Ш. Бабича, Ф. Сулейманова, Ш. Аминев-Тамьяни, пишущих в различных литературных формах и жанрах, которое мы рассмотрели для установления перспектив дальнейшего изучения обозначенной проблемы, в произведениях писателей продолжалась традиция творческого освоения, литературной интерпретации фольклора, имели место поэтические интертексты. Несмотря на изменения в общественно-политической, экономической жизни страны и Башкортостана в частности, литература развивалась, укреплялась как в идейно-тематическом, содержательном отношении, так и по форме, внешним составляющим. В количественном и качественном совершенстве национальной словесности особая роль принадлежит фольклору. Писатели в своем творческом поиске часто обращались к истокам, к фольклорным традициям. «Опираясь на гуманистические тенденции просветительской литературы конца XIX века и устного народного творчества, воодушевляясь идеями революционной борьбы, демократическая литература этой поры укрепляла связи с жизнью народа и стала неотъемлемой частью классово-национально-освободительной борьбы»¹⁴.

В этом отношении выделяются две формы творческого освоения фольклора в творчестве писателей: одни создавали письменную версию эпического сюжета, подвергая его литературной обработке, или художественно осваивали традиции народной песни, другие творчески использовали фольклорные жанры, традиции в своих идейно-эстетических целях.

Ш. Бабич, как и поэты Ф. Туйкин, Ш. Аминев-Тамьяни и другие, обращался к народной устно-поэтической традиции исполнения стихотворений под мелодию определенной песни, прибегал к жанру кубаир, уместно использовал в художественно-эстетических целях половицы, поговорки и т.д. Изучение в этом ключе творчества поэта Ш. Бабича в частности и башкирской литературы начала XX века

¹³ Сулейманов 2009, 81-84.

¹⁴ Хусаинов 2012/1, 492.

в целом способствует более глубокому раскрытию и обобщению процессов творческого освоения и перевоплощения фольклорных традиций, которые привели к «укреплению национального своеобразия», самобытности литературы как в тематическом, так и в содержательном отношении.

ЛИТЕРАТУРА

- Бикбаев Р.Т.* 1995: Шайхзада Бабич: Жизнь и творчество. Уфа.
Валеев Д.Ж. 2001: История башкирской философской и общественно-политической мысли. Основные тенденции развития. Уфа.
Галин С.А. (сост.) 1995: Башкирское народное творчество. Песни (дооктябрьский период). Уфа.
Кунафин Г.С. 1999: И песней, и сатирой. Развитие жанровой системы башкирской литературной песенной и сатирической поэзии XIX — нач. XX в. Уфа.
Сулейманов А.М. 2009: Три чуда. Уфа.
Хусаинов Г.Б. (ред.) 2012: История башкирской литературы: с древнейших времен до начала XX века: в 3-х т. Уфа.

ART REFLECTION OF THE FOLK TRADITIONS IN S. BABICH'S WORKS:
BY THE 120th ANNIVERSARY OF BASHKIR POET

N. A. Hubbitdinova

In the poetic works prominent Bashkir poet S. Babich appealed to people's oral-poetic tradition of poem performance to the melody of a certain song, resorted to the genre of the national epic genre kubair in the art and esthetic purposes used floorboards, sayings, etc. According to the author, the study in this way of national poet's works, in particular, and the Bashkir literature of the beginning of the 20th century as a whole, promotes deeper disclosure and synthesis of creative development and transformation of folk traditions.

Key words: folk tradition, literature, poet, motive, plot, song, art use

© 2015

М. А. Галиева

ИСКАТЕЛИ «ИНОГО ЦАРСТВА» В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ
ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН:
В. ХЛЕБНИКОВ, Е. Н. ТРУБЕЦКОЙ

В статье поднимается вопрос соотношения идей Хлебникова, его воззрений на сказку с лекциями о поэтике сказки Е. Н. Трубецкого. Статья Хлебникова «О пользе

Галиева Марианна Андреевна — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

изучения сказок» представляет особый интерес, так как поэт обращается к архаике, национальной аксиологии, что укореняет его в формулах, простирающихся вглубь времен. Здесь так же можно поставить вопрос, в перспективе, об укорененности культуры и эстетики авангарда в фольклоре, в мифе.

Ключевые слова: миф, фольклор, литература, Хлебников, Трубецкой

В начале XX века человек оказался в принципиально иной культурной парадигме. Художники слова, охваченные революционным духом, пребывали в поиске «иноного царства». По замечаниям специалистов, «революция сообщила стремлению к моделированию магическо-мифической модели мира особый пафос, связанный с надеждами на крестьянский путь возрождения России»¹. Однако поисками *новой земли* занимались не только новокрестьянские поэты, совершая революцию «на земле и на небесах» (С. Есенин, «Небесный барабанщик», 1915), но и поэты-авангардисты: это и *звездный язык* В. Хлебникова, это и утверждение «четвертого измерения» П. Успенского и того же Хлебникова («Труба марсиан»), это и язык футуристов-заумников с темной речью, восходящей к *ритуальным формулам магической поэзии*², это и идеи рождения Нового *будетлянского искусства* и с ними Нового человека (В. Маяковский, «Человек», «Война и мир»). В этом всем, при всей разности эстетических программ и установок, кроется *энтелехия культуры*, то есть приобщение к другим древним культурам. *Концепцию энтелехии культуры* выдвинул в своем труде «Понятие энтелехии и история культуры» Г. С. Кнабе, определив это явление как «поглощение определённым временем содержания, характера, духа и стиля минувшей культурной эпохи на том основании, что они оказались созвучными другой позднейшей эпохе и способными удовлетворить её внутренние потребности и запросы»³. Происходит *перенимание и переживание* культурного опыта, о чем писал еще А. Белый в «Эмблематике смысла»: «То действительно новое, что пленяет нас в символизме, есть попытка осветить глубочайшие противоречия современной культуры цветными лучами многообразных культур; мы ныне как бы переживаем все прошлое: Индия, Персия, Египет, как и Греция, как и Средневековье, — оживают, проносятся мимо нас, как проносятся мимо нас эпохи, нам более близкие»⁴. Так, В. Хлебников в небольшой заметке «О пользе изучения сказок» дал, можно сказать, *прозрение будущего* через прошлое. Этой небольшой работе, скорее даже наброску, посвящена статья Ланн Жан-Клода «От сказки до футуризма: по поводу статьи Хлебникова «О пользе изучения сказок»: Философия и творчество В. Хлебникова», в которой осуществлен подробный анализ особенностей словоупотребления и обращения поэта к архаическим образам. Ученый помещает статью «О пользе изучения сказок» в достаточно широкий хлебниковский контекст. Мы в своей статье не преследуем цели реинтерпретации заметки Хлебникова, однако некоторые моменты все-таки нуждаются в уточнениях.

Ланн Жан-Клод, обращая внимание на употребление поэтом двух фольклорных образов, Сивки-Бурки и ковра-самолета, приходит к выводу о том, что Хлебников ориентировался через обращение к этим архетипам именно на преодолении

¹ Скороспелова 2006, 121.

² Никольская 2002, 154.

³ Кнабе 2000, 19.

⁴ Белый 2010, 57–58.

времени и пространства: «Итак, совершенно очевидно, что осмысление времени, его упорядочение совершается у Хлебникова за счет одного лишь исключительно тематического порядка элемента»⁵. Такой ход мысли вполне возможен, однако эти фольклорные образы несут в себе куда больше сакрального смысла. В этом случае необходим, во-первых, фольклористический комментарий, во-вторых, привлечение историко-культурного контекста, а именно обращение к философскому наследию Е. Н. Трубецкого.

Дело в том, что заметка Хлебникова датируется 1914-1915 гг., а в это время читал лекции Е. Н. Трубецкой. Философ был вхож в первый круг Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, где неоднократно выступал с докладами на актуальные темы: войны, революции, христианского духовного пути России⁶. Однако Трубецкой известен и другой своей лекцией (изданной уже после смерти, в 1922 г.) о поэтике русской сказки ««Иное царство» и его искатели в русской народной сказке». Как видим, в названии задана проблема — поиск «иного царства». В своей статье мы не беремся реконструировать возможность знакомства Хлебникова с представлениями Трубецкого, но на некоторых моментах в их работах остановимся подробно.

Е. Н. Трубецкой дал в своей работе представление о русской сказке не с вульгарно-материалистических позиций — он рассмотрел поэтику сказки с точки зрения ее сакрального значения прежде всего для самого носителя сказки, то есть для народа: «Философию революции объясняла сказка, ибо она в большей мере, чем другие фольклорные жанры, выражала социально-утопические устремления народа»⁷. Описывая структуру устройства «иного мира», если так можно выразиться, Трубецкой обращает внимание на *влекомость* русского человека этой *иной землей*, на намеренный поиск *неведомого*, запредельного предела: «<...> царство это познается в самом стремлении к нему, в самом факте подъема над жизнью, ибо этот подъем невозможен без некоторого внутреннего озарения»⁸. Но герой русской сказки, преимущественно дурак, не может самостоятельно справиться с этой непосильной задачей — ему необходимы чудесные помощники. Всех их мы хорошо знаем по волшебным сказкам. «Чтобы достигнуть «нового царства», нужно совершить невероятные подвиги, преодолеть несчетные препятствия и прежде всего — *бесконечное расстояние*, отделяющее нашу действительность от лучшего «волшебного» мира.

Отсюда — волшебные способы передвижения и волшебные предметы, предназначенные для этой цели — ковры самолеты и сапоги скороходы <...>»⁹. Хлебников в своей статье упоминает именно *предметы-помощники* из волшебной сказки: «Так в Сивке-Бурке-вещей-каурке он предсказал железные дороги, а ковром-самолетом — реющего в небе Фармана»¹⁰. Однако в этом сокрыт больший смысл, больший, чем простое желание переиграть время и преодолеть пространство. За этим стоит формула *невозможного*, *картины невероятного*, которые наш-

⁵ Ланн Жан-Клод 1986, 117.

⁶ Трубецкой 1915.

⁷ Налепин 2009, 379.

⁸ Трубецкой 1922, 23.

⁹ Трубецкой 1922, 20.

¹⁰ Хлебников 1986, 594.

ли свое отражение и в сказках, и изначально в заговорной поэтике¹¹. «Перегнуть зарницу и крикнуть «стой» падающей звезде»¹² — таково назидание поэта, которое он извлекает из сказок.

Трубецкой в разделе лекции, посвященном «спуску» в *иное царство*, указывает на важность, сакральность именно воздушных образов: «Человека окрыляет та цель, к которой он испытывает таинственное влечение. Неудивительно, что крыльям, побеждающим расстояние и тяжесть, отводится видное место как в мифологии, так и в сказочной символике всех народов»¹³. Итак, конь, птица, ковер-самолет — все способы к продвижению *в идеальное*. Конечно, поэт описывает аппарат Фармана, успехи железных дорог, но эти «шаги» цивилизации не отменяют архаического, древнего, мудрого: «Тысячелетие, десятки столетий будущее тлеет в сказочном мире и вдруг стало сегодняшним днем жизни»¹⁴. Как бы ни были сильны и значимы достижения цивилизации, поэт настаивает на изучении сказок, а за этим и древней культуры и, думается, отдает предпочтение *провидению сказки*: «Провидение сказок походит на посох, на который опирается слепец человечества»¹⁵. Но ведь и Трубецкой сам фактом своей лекции утвердил значение сказки для русского человека, показывая особенности его характера, его космо-психо-логоса: «Одни удовлетворяют потребности в «новой земле» естественными житейскими способами. Другие, напротив, преисполняются отращением ко всему обыденному, житейскому и испытывают непреодолимое влечение к чудесному»¹⁶. Кроме того, Хлебников возвращается к «Сивке-Бурке» в другой своей статье, тоже 1915 г., в «Мы и дома»: «Я думал про сивок-каурок, ковры-самолеты и думал: сказки — память старца или нет? Или детское ясновидение? Другими словами, я думал: потоп и гибель Атлантиды была или будет? Скорее я склонен был думать — будет»¹⁷. В этом трагическом прогнозе сокрыт не только *футуристический характер мышления* Хлебникова, но и его глубокое понимание сказки в целом, которая для него является и «памятью старца», то есть источником архаического, мифологического, и *прозрением* будущего, «детским ясновидением». По замечаниям специалистов, «в творчестве Хлебникова миф (или сказка) вновь приобретает то значение, которым он обладал в рамках философии Платона, согласно которой миф является вспомогательным средством Логоса, научно и разумно устроенной речи. Иными словами, миф — сказка индизабательно повествует о том, чего нельзя выразить сознательно, (вслух)»¹⁸. В своей заметке 1914 г. «Закон поколений» В. Хлебников, по существу, утверждает «имагинативный абсолют», то есть то, что *невидимо* для бытового глаза и *воззримо* только духовным элементом: «Родословная обыденная не должна враждовать с необыденной»¹⁹. В последнее поэт и вкладывает то, что существовало в народе всегда, что сохранилось в мифе, потом перешло в фольклор — отсюда и

¹¹ Гагулашвили 1983, 106.

¹² Хлебников 1986, 594.

¹³ Трубецкой 1922, 23.

¹⁴ Хлебников 1986, 594.

¹⁵ Хлебников 1986, 594.

¹⁶ Трубецкой 1922, 17.

¹⁷ Хлебников 1986, 601.

¹⁸ Ланн Жан-Клод 1986, 127.

¹⁹ Хлебников 1986, 652.

название статьи «Закон поколений», то есть об исторической, бытовой и *метаисторической*, бытийной, *имагинативной преемственности*. Обращаясь к монографии Я. Э. Голосовкера «Логика мифа», встречаемся с понятием «целокупного образа», которое ученый мыслит как «совокупность таких конкретных образов, представленных в плане одного развивающегося смысла», образов, созданных «в разные времена народом, его поэтами и мыслителями, иногда независимо друг от друга»²⁰. В этой связи возникает закономерный вопрос о наличии такого «целокупного образа» в поэтике В. Хлебникова, о наличии таких представлений, укореняющих поэта в формулах, «простирающихся вдаль», вглубь времен²¹.

Поэт и философ понимали фольклор не материалистически. Для Хлебникова сказка, обращение к ней — возможный путь спасения человечества ее *прозрением*, для Трубецкого сказка — напоминание человеку о его бессмертной природе, об идеале *не бытового порядка*. Не претендуя на большую глубину сопоставительного комментария, позволим себе отметить важность изучения и воззрений Хлебникова на сказку, и творческого наследия Е. Н. Трубецкого, которое, по справедливому замечанию А. Л. Налепина, еще ожидает своего исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

- Белый А. 2010: Собр. соч. Символизм. Книга статей. М.
 Веселовский А. Н. 1940: Историческая поэтика. Л.
 Гагулашвили И. Ш. 1983: Грузинская магическая поэзия. Тбилиси.
 Голосовкер Я. Э. 1987: Логика мифа. М.
 Кнабе Г. С. 2000: Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М.
 Ланн Жан-Клод 1986: От сказки до футуризма: по поводу статьи Хлебникова «О пользе изучения сказок»: Философия и творчество В. Хлебникова // Acta Slavica Iaponica. 4, 115-131.
 Налепин А. Л. 2009: Иллюзия «жирного царства» (Гамлет русской революции) // Налепин А. Л. Два века русского фольклора: Опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX–XX столетиях. М.
 Никольская Т. Л. 2002: Авангард и окрестности. СПб.
 Скорospelова Е. Б. 2006: Универсальный тип обобщения. Пути художественной универсализации // История русской литературы XX века (20–50-е годы): Литературный процесс. М., 107-127.
 Трубецкой Е. Н. 1915: Война и мировая задача России. М.
 Трубецкой Е. Н. 1922: Подъем в «иное царство» и дальний путь в запредельное // Трубецкой Е. Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. М., 20-27.
 Хлебников В. 1986: О пользе изучения сказок // Творения. М.

SEEKERS “OTHER KINGDOM” IN RUSSIAN CULTURE DURING THE FIRST WORLD AND THE CIVIL WAR: V. KHLEBNIKOV, E. N. TRUBETSKOY

M. A. Galieva

The article raises the question of the relationship of ideas Khlebnikov, his views on the fairy tale lectures on poetics tales by E. N. Trubetskoy. Article by Khlebnikov “The benefits of

²⁰ Голосовкер 1987, 48.

²¹ Веселовский 1940, 35.

studying fairy tales” is of particular interest, as the poet turns to the archaic, national axiology that its roots in the formulas, extending deep into the times. Here it is also possible to raise a question in the long term of the rootedness of culture and aesthetics of avant-garde in folklore, in myth.

Key words: myth, folklore, literature, Khlebnikov, Troubetskoj

© 2015

Е. В. Петрова

У. ПАТЕР О ПРОБЛЕМАХ АНГЛИЙСКОГО ГЕДОНИЗМА В КНИГЕ ОЧЕРКОВ «РЕНЕССАНС»

К теме наслаждения и удовольствия обращались многие философы и писатели, одним из них является У. Патер. Его по праву можно считать основоположником английского гедонизма, в своей книге «Ренессанс: очерки искусства и поэзии», он достаточно полно изложил свою концепцию эстетического гедонизма.

Ключевые слова: гедонизм, наслаждение, удовольствие, художник, искусство

Основоположником английского гедонизма можно считать Уолтера Хорейшо Патера (иногда его фамилию произносят как Пейтер), английского эссеиста и искусствоведа. Он же является автором знаменитой книги — «Ренессанс: очерки искусства и поэзии» (*The Renaissance: Studies in Art and Poetry*, 1873). Не меньшей популярностью пользовались его историко-философский роман «Марий эпикуреец» (*Marius the Epicurean*, 1885) и художественный цикл «Воображаемые портреты» (*Imaginary Portraits*, 1887), но именно «Ренессанс» стал действительно культовой книгой той эпохи, оказавшей влияние на многих декадентов. Как отмечает Т. Элиот, именно взгляды, изложенные в «Ренессансе», закрепились в сознании довольно многих писателей 90-х годов и «оказались побудительной причиной к смешению искусства и жизни, что оказалось не столь безобидным для отдельных неупорядоченных судеб»¹. Под «неупорядоченными судьбами» Т. Элиот подразумевает, скорее всего, судьбы «трагического поколения», а именно О. Уайльда, О. Бердсли, Э. Даусона.

«Ренессанс: очерки искусства и поэзии» часто называют «манифестом эстетического движения» (*The manifesto of The Aesthetic Movement*)². Однако, в отличие от Джона Рескина, общественного деятеля и автора знаменитого произведения «Современные художники» (*Modern Painters*, 1843), Патер не увлекается и подробно не разбирает этику искусства, он намеренно старается избегать теоретических вопросов. Так, одно из самых важных эстетических понятий — понятие кра-

Петрова Евгения Вячеславовна — преподаватель Муниципального автономного общеобразовательного учреждения «Академический лицей» г. Магнитогорска. E-mail: malenkay.janny@rambler.ru

¹ Элиот 2004, 687.

² Monsman 1977, 54.

соты — у него остается неопределенным. «Красота, как почти весь человеческий чувственный опыт, есть нечто относительное; поэтому определение ее тем менее имеет смысла и интереса, чем оно абстрактнее»³. Стремление его предшественников, таких как Платон и Аристотель, дать определение прекрасному признается тщетным: «...Не нужно беспокоиться абстрактным вопросом, что такое красота сама по себе или ее точных отношениях к истине или опыту. Это — чисто метафизический вопрос, столь же бесплодный, как и все вообще метафизические вопросы. Есть ли на них ответ или нет, их смело можно обойти как несущественные для критики»⁴.

По Патеру, искусство не должно учить добру, оно безразлично к морали. Прекрасное субъективно, считает он, поэтому цель критика или художника заключается в том, чтобы выразить свои личные переживания от встречи с произведением искусства. Таково, например, изложение в «Очерках» впечатлений о «Джоконде» Леонардо да Винчи, в которой Патер видит «животность Греции, сладострастие Рима, мистицизм Средневековья с его церковным честолюбием и романтической любовью, возвращение языческого мира, грехи Борджиа»⁵.

Описывая произведения искусства, красивые формы природы и человеческие жизни, автор приходит к выводу, что окружающая действительность полна «сил и явлений, способных рождать приятные ощущения, — каждое в своем особом и единственном роде»⁶. Накопление ощущений, впечатлений и непрерывный их поиск, способность переживать красоту — вот что важно для автора. Искусство приносит приятные ощущения и чувство наслаждения, оно способно «дать наивысшую радость быстролетным мгновениям нашей жизни»⁷. Отсюда Патер видел смысл жизни в стремлении к красоте и в наслаждении впечатлением. Но чтобы получать наслаждение от красоты, необходимо видеть не просто общую красоту, а красоту конкретного предмета, уметь осознать собственные впечатления, порожденные восприятием этого предмета. Этому необходимо учиться, и именно художник способен подготовить человека, сделать его восприимчивым к красоте, оживить мышление и освободиться от стереотипов и ограничений.

Истинный художник, по мнению Патера, должен руководствоваться правилом, которое сформировал французский литературный критик Ш. О. Сент-Бев: художнику необходимо «ограничить себя знакомством с прекрасным и питаться исключительно им — как настоящие ценители, как истинные гуманисты»⁸. Таким образом, исходным материалом для художественного творчества является прекрасное, а также действительность, но при условии, что она должна быть кардинально преобразована. Главным для художника в искусстве должно быть «его личное переживание, его отношение к переживаемому, его интерпретация»⁹. Именно поэтому, полагает автор «Ренессанса», художник создает произведение искусства, прежде всего для себя, для удовлетворения и исполнения своих потребностей. Творчество — это важный аспект гедонистического опыта, а художник —

³ Пейтер 2006, 64.

⁴ Пейтер 2006, 65.

⁵ Пейтер 2006, 235.

⁶ Пейтер 2006, 29.

⁷ Пейтер 2006, 193.

⁸ Пейтер 2006, 30.

⁹ Small 1979, 31.

это истинный гедонист, испытывающий наслаждение в этом процессе. Причем Патер ничем не ограничивает это наслаждение, художник не должен угадывать и удовлетворять ожидания публики или общества. Он может искать и выражать в своем творчестве то, чего нет в мире или нет в достаточной мере. Единственное, к чему Патер призывает художника-гедониста, — это оставаться верным своему собственному видению.

Но подлинно гедонистическими идеями оказалось пропитано «Заключение». Именно его студенты Оксфорда цитировали наизусть. Но старое поколение встретило «Заключение» не столь восторженно. Можно предположить, что именно оно способствовало, так сказать, «succès de scandale of Pater»¹⁰, скандалу. В своих рассуждениях Патер провозгласил поток переживаний действительно важной составляющей нашей жизни, при этом переживания — это не часть какого-то сверхъестественного мира, невидимое творение, это то, что человек испытывает здесь и сейчас во всей чувственной и мимолетной красоте: «Каждый момент та или иная совершенная форма открывается в лице или в руке; один какой-нибудь тон на горах или на море приятнее других; одно выражение волнения или мысли становится для нас неодолимо реальным и привлекательным — на одно только данное мгновение. Каждому из нас отпущено определенное число биений пульса многоцветной драматичной жизни. Можем ли мы постоянно замечать все, для чего требуются утонченнейшие чувства? ... Всегда гореть этим сильным, ярким, как самоцветный камень, пламенем, всегда сохранять в себе этот экстаз — вот что должно стать нормой жизни»¹¹.

Страстное наблюдение за природой, ощущение мимолетности красоты, переживание момента здесь и сейчас, изолированного от быстротечного потока жизни — то, о чем писал Патер — это старое, знакомое с античности «carpe diem», «лови момент».

За подобные рассуждения морализирующее викторианство заклеимило Патера как аморального гедониста. Сам же автор долгое время пытался защищаться и объяснял, что его гедонизм был неправильно понят: «он следовал аскетичному Эпикуру, а не чувственным киренаикам»¹². Но все это было напрасно. Позже он под воздействием викторианской критики, обвинявшей его в аморализме и анти-социальных настроениях, был вынужден убрать в последующих переизданиях заключительную часть. Но дело было сделано — его идеи нашли отклик среди молодого поколения XIX века.

Стоит отметить, что первый раз «Заключение» напечаталось на самом деле не в «Ренессансе», оно появилось в журнале «Вестминстерское обозрение» в эссе «Стихи Уильяма Морриса» (The Poems of William Morris, 1868). Это неподписанное эссе было пропитано дерзким и мятежным духом, возможно, именно поэтому автор никогда не ссылался на него. Кроме того, критики и биографы того времени, пытавшиеся составить точный список его работ, не имели точных сведений и не могли определить, кто же был автором этой статьи.

Но тот факт, что изначально «Заключение» было частью эссе о Уильяме Моррисе, позволяет сделать вывод, что непосредственным источником вдохновения

¹⁰ Monsman 1977, 55.

¹¹ Пейтер 2006, 375.

¹² Read 1979, 337.

для «Заключения», весьма вероятно, был «Земной рай» (The Earthly Paradise, 1868-70), первая и вторая часть которого (Март–Август) появились в апреле 1868 года. Если рассматривать «Заключение» как часть рецензии на «Земной рай», то оно является своеобразной попыткой защитить новую, антиутилитарную поэзию. Патеру близки те идеи, которые преподносит Моррис. Именно поэтому главная тема «Заключения» перекликается с замыслом «Земного рая», которую Патер точно выразил в своей знаменитой фразе: «Желание красоты, побужденное мыслью о смерти»¹³. В «Заключении» Патер продолжает развивать эту тему: первая часть создает образ смерти, вторая часть произведения передает желание красоты, продуцируемое ощущением неизбежного конца и смерти. Повествователь подобен «искателям» в поэме Морриса, которые после своих долгих исканий земного рая осознали, что он не существует и что им не избежать смерти. В конце своих поисков последние из «искателей» приезжают в «неизвестный город на краю моря» («a nameless city in a distant sea»)¹⁴. Тут они описывают свои странствия старейшинам города и делятся самым главным открытием: «Многие люди как мы, / переменчивые дни — светлые и дождливые, / Но в итоге увядающие в сумерках и ночью» (“The lot of all men should be ours/A chequered day of sunshine and of showers/Fading to twilight and dark night at last”)¹⁵. Патер, подобно «искателям», которые размышляют о прожитых ими жизнях, пишет о том, что «жизнь — это всего лишь интервал, и мы должны успеть как можно больше за этот короткий срок» (“We have an interval and then we cease to be... make as much as possible of the interval”)¹⁶. Таким образом, первая половина «Заключения» создает яркое ощущение смерти. Патер использует этот образ намеренно, чтобы посредством его во второй половине убедить читателя, что необходимо ценить каждое мгновение жизни и уметь наслаждаться сегодняшним днем. Люди часто упускают этот важный момент и ведут себя как «живые мертвые» («death-in-life»)¹⁷, «спят до наступления вечера»¹⁸. Но главное, по мнению автора, проснуться, очнуться и посмотреть вокруг: «Когда все уходит из-под ног, мы можем ухватиться за какую-нибудь изысканную страсть, за какой-нибудь вклад в науку, на мгновение поднимающий завесу и проясняющий горизонт, за раздражение чувств, за редкую краску, за новый тонкий аромат, за произведение художника, за черточку на лице друга»¹⁹.

ЛИТЕРАТУРА

- Пейтер У.* 2006: Ренессанс: очерки искусства и поэзии. М.
Элиот Т.С. 2004: Избранное: Религия, культура, литература. М.
Monsman G. 1977: Walter Pater. Boston.
Morris W. 1871: The Earthly Paradise, (March-August). Boston.
Morris W. 1900: The Earthly Paradise: in 3 vols. London.
Pater W. 1868: Poems by William Morris // Westminster Review. 90, 309–312.

¹³ Pater 1868, 309.

¹⁴ Morris 1871, 4.

¹⁵ Morris 1900, 65.

¹⁶ Pater, 1868, 312.

¹⁷ Philip 1981, 22.

¹⁸ Пейтер 2006, 358.

¹⁹ Пейтер 2006, 358.

Philip D. 1981: *Walter Pater: an Imaginative Sense of Fact: A Collection of Essays*. London.

Read D. 1979: *England, 1868-1914: the Age of Urban Democracy*. New York.

Small I. 1979: *The Aesthetes: A Sourcebook*. Boston.

WALTER PATER: THE PROBLEM OF ENGLISH HEDONISM
IN “THE RENAISSANCE: STUDIES IN ART AND POETRY”

E. V. Petrova

The theme of pleasure and enjoyment attracts many philosophers and writers. One of them is W. Pater. It may be said that he is a founder of English hedonism. In his book “The Renaissance: Studies in Art and Poetry” he explained his concept of aesthetic hedonism clearly and completely.

Key words: hedonism, beauty, art, artist, experience pleasure

---

© 2015

Е. В. Суровцева

ПИСЬМА В. Г. КОРОЛЕНКО СТАТСКОМУ СОВЕТНИКУ ФИЛОНОВУ,
Х. Г. РАКОВСКОМУ И А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ В КОНТЕКСТЕ ЖАНРА
«ПИСЬМА ВЛАСТИТЕЛЮ»

В статье анализируются письма В. Г. Короленко во властные структуры, вписываются в особый эпистолярный жанр «письма властителю». Писателем созданы письма-инвективы и при царском, и при советском режиме. В силу более строгих цензурных запретов при новой власти был вынужден создать намного больше писем-инвектив, нежели при царе вместо собственно публицистических работ.

Ключевые слова: Короленко, «письма властителю», письмо-инвектива, русская литература

Русские писатели стремились не только отражать и обличать «язвы» русской жизни в своём творчестве, затрагивая при этом область политики, но и включаться в общественную жизнь. Не было исключением и В. Г. Короленко, выдающийся прозаик, публицист, общественный деятель, редактор-издатель «Русского богатства» и «беспартийный социалист» (как он сам себя называл). О его вовлечённости в общественную жизнь свидетельствует тот факт, что в течение его жизни им было опубликовано около 700 публицистических произведений, посвящённых «злобе дня».

Суровцева Екатерина Владимировна — кандидат филологических наук, профессор Российской академии естествознания, старший научный сотрудник Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: surovceva-ekaterina@yandex.ru

В жанре «письма властителю», то есть письма главе страны или высокопоставленному чиновнику, в царскую эпоху Короленко создано «Открытое письмо статскому советнику Филонову»¹. История этого письма подробно описана в биографической книге, посвящённой Короленко², содержащей отдельную главку под названием «Великая трагедия Великих Сорочинцев». После манифеста 17 октября в Сорочинцах 19 октября произошли волнения, которые усмирал старший советник губернского правления Филонов, который сам принимал участие в избиениях «бунтовщиков». Писатель в своём письме полностью изложил «хронику событий»; описал бесчинства статского советника. Неоднократно Короленко в письме задает риторические вопросы. Например: «Известно ли вам, г. статский советник Филонов, при каких обстоятельствах погибли эти двадцать человек? (Речь идёт о погибших 19 декабря сорочинцах — *Е.С.*) Все они убивали исправника? Нападали? Спротивлялись? Защищали убийц?»³. Письмо появилось в № 8 «Полтавщины» 12 января и на следующий день было выпущено на отдельном листке в качестве приложения к газете. «Полтавщину» приостановили. При этом, когда 17 января Филонов появился в Полтаве, разнёсся слух, что губернатор потребовал от него официального опровержения. Однако утром следующего дня Филонов был убит. Сразу же после убийства из истязателя Филонов превратился в жертву, а писатель Короленко из обвинителя стал подстрекателем. Дело дошло до того, что Короленко слали угрозы. В день похорон Филонова (20 января) в «Полтавском вестнике» появилось «Посмертное письмо статского советника Филонова писателю Короленко» — разоблачённый писателем подлог, составленный филоновским окружением. Короленко пришлось ухать на время из города. Он возвратился в Полтаву в начале апреля и сразу же по приезде он был привлечён вместе с редактором «Полтавщины» Ярошевичем к судебной ответственности за «Открытое письмо» (их обвинили в оглашении ложных сведений о действиях должностных лиц и войск). Следствие тянулось более полугода и только в ноябре 1906 г. было направлено к прекращению ввиду полной невозможности опровергнуть факты «Открытого письма». В статье «Сорочинская трагедия» Короленко привёл текст «Открытого письма», снабдив его подстрочными примечаниями, изложил все обстоятельства создания письма, убийства Филонова, появления «Посмертного письма...» и опубликовал её весной 1907 г.⁴ Летом того же года статья в переработанном и дополненном виде вышла отдельной книгой.

После большевистского переворота выступления против правительства на страницах печати стали невозможны. Свой протест против большевистских бесчинств писатель излагал теперь не в статьях, а в письмах новым вождям Х.Г. Раковскому и А.В. Луначарскому («Нам, инакомыслящим, приходится писать не статьи, а докладные записки»⁵, — отмечает писатель в первом письме Луначарскому). Как известно, Короленко никогда не относил себя к революционерам, хотя до конца жизни поддерживал с ними тесные отношения. Главным он считал мирную проповедь культуры, укрепление законности, повышение правового

¹ Короленко 1953, 361–372.

² Миронов 1962, 293–300.

³ Короленко 1953, 363.

⁴ Короленко 1953, 345–391.

⁵ Короленко 2002, 269.

самосознания личности. Не принявший Октябрьскую революцию, писатель выступал против «опыта введения социализма посредством подавления свободы». Основную цель этих писем, их главную мысль Владимир Галактионович выразил в письме Раковскому от 13 июня 1919 г.: «И, может быть, иное слово старика Короленка, сохранившего буржуазные предрассудки о свободе, о правосудии, о святости человеческой жизни — найдёт отклик в большевистских душах»⁶.

Обращаясь к ряду писем, принадлежащих В. Г. Короленко, адресованных новым властителям России (это серия из 34 писем председателю СНК Украины Х. Г. Раковскому (1919–1921) и цикл из 6 писем наркому просвещения А. В. Луначарскому (1920)), мы, с одной стороны, можем судить о позиции писателя в последний период его творчества (1917–1921), а с другой — получаем одно из свидетельств усилий большевистского правительства привлечь на свою сторону деятелей культуры.

Письмам Раковскому и Луначарскому предшествовали «Письма из Полтавы» (лето 1919 г.)⁷. Статьи, включённые в этот цикл, опубликованные в екатеринодарском журнале «Русское богатство», были направлены против Добровольческой армии. Отметим, что Екатеринодар в те месяцы являлся «столицей» белых, и опубликование в нём статей Короленко не может не свидетельствовать о намного более уважительном отношении белых к свободе печати и к чужому мнению, нежели это демонстрировали большевики. «Нам, инакомыслящим, приходится писать не статьи, а докладные записки»⁸, — отмечает писатель в первом письме Луначарскому, написанном уже в то время, когда власть на Украине захватили большевики.

Короленко и Раковского связывало давнее знакомство, начавшееся в 1900 г. И в первом же письме (20 марта 1919 г.) писатель обрисовывает особенности своего общения с адресатом: «Вы и мой добрый знакомый, и официальное лицо»⁹. Это письмо можно считать программным. Писатель затрагивает в нём целый ряд важнейших тем: понятие «неблагонадёжности», борьба большевиков с «образом мыслей», а не с поступками, бюрократизация, озверение людей, доносительство, казни, реквизиции, национальный вопрос, государственное устройство новой России.

В письмах Короленко Раковскому не один раз противопоставляется старый, царский, режим новому, большевистскому, причём далеко не в пользу последнего. Так, в письме от 20 марта 1919 г. писатель утверждает: «... независимой печати теперь нет. Когда-то в 70-х годах пронеслась тревожная весть: Александр II решил было уничтожить все газеты кроме “Правит[ельственного] В[естника]” и “Губернских ведомостей”. Его успели отклонить от этого. ... Теперь ... кроме официальных и официозных изданий, — ничего другого почти нет»¹⁰.

Спектр затрагиваемых проблем в письмах Короленко Раковскому очень широк. Владимир Галактионович пишет о бюрократизации, о доносительстве, о свободе печати и книгоиздательстве. Поднимает Короленко и тему бессудных казней. В письме от 11 июня 1920 г. Короленко пишет о казни 5-х, в том числе Аронова и

⁶ Короленко 1990, 16.

⁷ Короленко 2002, 281–242.

⁸ Короленко 2002, 269.

⁹ Короленко 1990, 5–6.

¹⁰ Короленко 1990, 5.

Миркина — с описания именно этой казни начинается цикл писем Короленко Луначарскому. В своих письмах Короленко говорит, что имеют место такие явления, как «месть за прошлое», «инстинкт заложничества», «злоупотребление на основе местнических счётов», реквизиции. В письмах Короленко Раковскому неоднократно звучат просьбы о заступничестве.

Писатель задаётся вопросом: «Откуда на вас (большевиков — *Е.С.*) идёт опасность?»¹¹ (письмо от 18 июля 1919 г.) — и сам же отвечает: «Не от одних прямых врагов, а от условий, вами создаваемых»¹². Как пишет Короленко в неотправленном письме Луначарскому о Раковском, «он, спасибо ему, в некоторых особенно ярких случаях эти мои докладные записки принимал во внимание»¹³. При этом в одном из писем (от 11 июня 1920 г.), написанном сразу после расстрела пятерых, у Короленко вырываются упреки не только в адрес властей, но и в адрес лично Раковского: «Прежде мне удавалось кое-чего добиться и через местные власти, и при Вашем вмешательстве. ... Вы как будто всё больше закрываете слух перед призывами к умеренности и человечности»¹⁴.

Исследуя так и оставшуюся односторонней переписку Короленко с Луначарским, надо иметь в виду, что её инициатором был В. И. Ленин. Однако, по мнению С. Н. Дмитриева, высказанному им в комментариях к текстам писателя, «... появившееся у Короленко желание написать Луначарскому письмо (пока лишь одно) с открытым прояснением своих взглядов перед “ними”, вождями Советской республики, совпало с аналогичной задачей, поставленной Лениным перед Луначарским»¹⁵. После встречи с наркомом (июнь 1920 г.) Короленко начал работать над циклом писем в ответ на обещание наркома опубликовать их переписку. Обещание не было выполнено. По всей видимости, письма показали, что писатель, с точки зрения властей, «безнадёжен». В письмах Луначарскому звучат как те же мотивы, что и в письмах Раковскому, так и новые: свобода слова, казни без суда, необходимость долгой и кропотливой работы, царящая кругом ложь, неготовность нашего народа к социалистическому строю, ответственность большевиков за голод в стране, максимализм большевиков. Писатель указывает на то, что большевики удерживают свою власть исключительно силой. Все шесть писем Луначарскому построены преимущественно по «дедуктивному» принципу: от конкретных примеров — к обобщениям. Интонации горечи и протеста от письма к письму усиливаются.

Известен отрицательный отзыв В. И. Ленина о Короленко в письме М. Горькому в 1919 г. Однако, ценя писательский талант Короленко и понимая силу его влияния на общество, Ленин поручил Луначарскому «приручить» строптивого писателя. Кроме того, С. Н. Дмитриев убедительно показывает, что эпистолярный цикл Короленко оказал некоторое влияние на Ленина (в частности, при проведении политики НЭПа), который ознакомился с «Письмами к Луначарскому» сначала в июле 1920 г., а затем в феврале — марте и сентябре 1922 г.¹⁶

¹¹ Короленко 1990, 18.

¹² Короленко 1990, 18.

¹³ Короленко 2002, 267.

¹⁴ Короленко 1990, 29.

¹⁵ Короленко 2002, 397–398.

¹⁶ Дмитриев 1990а; 1990б; 1991, 1–68.

Думается, эпистолярные обращения Короленко к Филонову, Раковскому и Луначарскому вписываются в такую разновидность жанра «письма властителю», как письмо-инвектива, содержащее обвинения и вызов властям или решительную критику существенных сторон деятельности властных органов и лиц. Обращает на себя внимание тот факт, что неблагонадёжный при царском режиме писатель остался таковым и при советской власти и что в силу более строгих цензурных запретов при новой власти был вынужден создать намного больше писем-инвектив, нежели при царе, вместо собственно публицистических работ.

ЛИТЕРАТУРА

Дмитриев С.Н. 1990а: «Праведник» и нарком // Москва. 4, 138–152.

Дмитриев С.Н. 1990б: Завет терпимости. Ленин и «Письма к Луначарскому» Короленко // Наш современник. 4, 174–190.

Дмитриев С.Н. 1991: Письма совести и веры. История «завещания» Короленко. М.

Короленко В.Г. 2002: Была бы жива Россия! Неизвестная публицистика 1917–1921 гг. М.

Короленко В.Г. 1990: Письма Х.Г. Раковскому // Вопросы истории. 10, 3–45.

Короленко В.Г. 1953: Собр. соч.: в 5 томах. Т. 5. М.

Мионов Г. 1962: Короленко. Серия «Жизнь замечательных людей». М.

LETTERS BY V.G. KOROLENKO TO THE COUNCILLOR OF STATE FILONOV, H. G. RAKOVSKOM AND A. V. LUNACHARSKY IN CONTEXT OF GENRE “LETTERS TO MASTER”

E. V. Surovtseva

In the article letters by V. G. Korolenko to power structures are analyzed, fit into a special epistolary genre “letters to master”. The writer created letters invectives both at imperial, and at the Soviet mode. Owing to more strict acceptable ban at the new power it was compelled to create much more letters invectives, than at tsar instead of actually publicistic works

Key words: V.G. Korolenko, “letters to master”, letter-invective, Russian literature

---

© 2015

Т. Е. Смыковская

СБОРНИК СТИХОВ И ПЕСЕН ЛАГКОРОВ «ПУТЕАРМЕЙЦЫ» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЛАГЕРНОЙ ПОЭЗИИ

Статья посвящена литературе БАМлага — подразделения ГУЛАГа, существовавшего на территории Амурской области с 1932 по 1946 годы с управлением в городе Свободном. В статье рассматривается сборник стихов и песен лагерных корреспон-

---

Смыковская Татьяна Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета. E-mail: tarkatova@yahoo.com

дентов «Путеармейцы». На его примере анализируются ключевые образы и темы произведений поэтов БАМлага, представлявших самый обширный пласт литературной жизни свободненского лагеря — официальное творчество, рождавшееся по заказу и идеологическим установкам лагерного начальства.

Ключевые слова: «Путеармейцы», литература БАМлага, сборник, стихотворение, поэзия

БАМлаг, образованный в 1932 году, являлся одним из основных и самых масштабных подразделений ГУЛАГа, отвечал за создание «вторых путей» — Байкало-Амурской магистрали. Лагерное управление находилось в г. Свободном Дальневосточного края (совр. Амурская обл.). Во время существования БАМлага в нём кипела не только трудовая, строительная деятельность, но и культурная жизнь; её важнейшей составляющей была литература.

Лагерные произведения, созданные под строгим контролем культурно-воспитательного отдела (КВО), главным образом печатались в центральной бамлаговской газете «Строитель БАМа», в специализированной периодике (газета «Литература и искусство БАМлага», литературный журнал «Путеармеец»), немалое значение придавалось и выпуску отдельных художественно-публицистических книг, включающих произведения поэтов и прозаиков БАМлага. Самый известный среди них — сборник стихов и песен лагерных корреспондентов (лагкоргов) «Путеармейцы» (путеармейцами именовали заключённых БАМлага — строителей железнодорожной магистрали), вышедший в свободненском лагере в 1935 году.

Ответственным редактором «Путеармейцев» являлся Б. Н. Кузнецов — зам. начальника строительства Байкало-Амурской железной дороги и одновременно начальника Управления Байкало-Амурского ИТЛ ОГПУ-НКВД Н. А. Френкеля. Составил и отредактировал сборник Арсений Альвинг — поэт, заключённый. Техническим и художественным оформлением книги также занимался лагерник, В. Полежаев. Она, как и все издания БАМлага, имела гриф «Не подлежит распространению за пределами лагеря».

В предисловии, открывающем книгу и, вероятно, написанном Альвингом, сказано, что она состоит из произведений поэтов, возводящих «вторые пути»: «Некоторые <...> пришли сюда с готовой техникой стиха, другие только на трассе почувствовали в себе поэтический дар и быстро освоили поэтическое мастерство»¹. Цель книги, продолжает автор предисловия, не только знакомство с творчеством стихотворцев, созданных стройкой, но и призыв к поэтической деятельности «тех лучших ударников, которые могли бы пополнить число участников следующих сборников»².

Своеобразным эпиграфом к «Путеармейцам» выступает стихотворение В. Зуммера «Берите перья» (1934): «Через горы, пропасти и скалы / В срок, какому равных не найти, / На Востоке Дальнем, за Байкалом / Мы вторые проведём пути. // Вот и книга есть — о Белморстрое, — / Славой строчка каждая звучит. / А у нас — строительство другое, / Так о нас и книга промолчит? // Нет! Берите перья, опишите / Труд, организацию и быт, / И героев наших помяните, — / Пусть никто не будет позабыт»³. Ключевым в произведении становится мотив преемственно-

¹ Путеармейцы 1935, 1.

² Путеармейцы 1935, 4.

³ Путеармейцы 1935, 1–2.

сти, подчёркивающий неразрывную связь «великих» сталинских строек. ПUTEармейцы, о чём не раз сообщалось в «Строителе БАМа», ощущали себя последователями белморстройцев, их «неугасающей» славы создателей грандиозного канала. Нередко в БАМлаг огромными этапами прибывали заключённые Белбалтлага, которых в лагерной прессе выставляли лучшими ударниками, приехавшими на дальневосточную землю внедрять передовой производственный опыт, поднимать «боевой» дух железнодорожной стройки века. Ориентиром для редактора «Путеармейцев», по-видимому, послужил сборник стихов и песен Белморстроя «Моря соединим!» (1932), упомянутый в посвящении В. Зуммера.

«Путеармейцы» состоят из трёх поэтических частей, поделённых на несколько разделов. Первая часть «Производство» начинается с раздела «Мы строим здесь под небом ДВК», стержневой образ которого — дальневосточная земля, покоряемая строителями магистрали. Одна из важнейших составляющих художественного топоса Дальнего Востока — природа, представленная как могучая и загадочная стихия: «Дальний Восток. / Сопки. / Тайга. / Зорь / покрасневшие веки. / И залегли в берега / Бурно бегущие реки. / Ветер северный / вкривь и вкось / Холодом / режет / несносным, — / И простреленные / насквозь / Падают / навзничь / сосны»⁴. Изобразительные средства нацелены подчеркнуть непримиримость и неумолимость дальневосточной природы. Доминантные эпитеты при её описании — «суровая» и «глухая». Обязательный атрибут пейзажных зарисовок — лютый холод, «злые вьюги», «окованная вечной, немой мерзлотой» земля. Обильное использование глаголов, процессуальных форм и аллитерационной цепочки со сквозным дрожащим *p* создаёт динамичную природную картину («бурно бегущие реки», «ветер вкривь и вкось режет», «падают сосны», «ветер бежит без оглядки»), акцентирует не только невероятную сложность задуманного, но и непреклонность путеармейца, завоёвывающего сопротивляющуюся тайгу.

Ключевой образ второго раздела «Трасса» — железнодорожная магистраль. Её строительство уподоблено музыке: «Бам!.. бам!.. бам!.. бам!.. / Бьёт барабан. / Сквозь грохот и стук — / Музыки звук»⁵. Константы образа «вторых путей» — новизна и протяжённость. Если первая варьируется в основном вербально («новый путь», «новое начало», «новый перегон», «новая насыпь»), то вторая обыграна изобразительно. В «Песне БАМа» (1935) Б. Пурецкого нескончаемость Байкало-Амурской трассы передана образом движущегося поезда, созданного с помощью многократных лексико-звуковых повторов: «Гремят колёса, стучают, / Стучат по стыкам, тукают. / Шагами-километрами, / Обглоданные ветрами, / Плывут леса таёжные, / Трясины непролазные. / Над водами кипучими / Стоят, нависли кручами / Угрюмые, скалистые, / Седые берега»⁶. Для бамлаговской поэзии характерна акцентировка реалий железнодорожного производства, наиболее близких и понятных путеармейцу. Наряду с образами, типичными для гулаговского творчества (тачка, кирка, лопата), в БАМлаге воспевались рельсы, шпалы, семафоры, насыпь. Они становились не просто знаками тюремного пространства, но символами безысходности, рутинности, быстротечности жизни: «Звуки прыгают и скачут, / и пила пилит, пилит. / И одно пред ней маячит, / об одном она твердит: / шпалы,

⁴ Путееармейцы 1935, 5–6.

⁵ Путееармейцы 1935, 38.

⁶ Путееармейцы 1935, 28.

шпалы, шпалы, шпалы — / надо много, много шпал! / Чтобы, путь ведя по скалам, / каждый это твёрдо знал⁷. С одной стороны, звуковая цепочка «ил — или — или» и повторы воспроизводят монотонный, нескончаемый, безнадежно-неизбывный труд путеармейца, с другой, аллитерация на «д-р» отражает надежду на то, что когда-то «второй путь», а вместе с ним мучительная несвобода закончатся.

Самый популярный и любимый раздел среди заключённых — «Путеармейский песенник». Его основу составили стихи, победившие в конкурсе песни, объявленном «Строителем БАМа» в 1934 году: И. Мосолов «Песня бамовцев», С. Федотов «Песня ударника» и др. По-видимому, Альвинг не мог не включить данные произведения в книгу, поскольку это говорило бы о пренебрежении мнением идеологического рупора БАМлага.

Во второй части сборника «Лагерная общественность», состоящей из трёх разделов («Организация», «Слёты», «Великие даты»), главенствует образ рекордиста магистрали. Согласно «Строителю БАМа», ударник — это заключённый, перевыполняющий норму (не менее 150%), дающий безукоризненное качество, борющийся за здоровый быт, черпающий знания, ведущий остальных: «Ударником может быть только тот, кто несёт за собой железную трудовую дисциплину, искреннюю любовь к порученному делу и чувство большой гражданской ответственности за общее дело всего нашего строительства»⁸. В свободненском лагере ударников делили на две группы. В первую входили «подлинники ударники». Они «увлечены, захвачены делом», заражают сознательным отношением, «езде стремятся возбудить энтузиазм»⁹. Вторая группа — «не полностью перековавшиеся ударники», мечтающие соединиться не с «лагерной», а со своей семьёй: «Он энтузиаст <...> узко-замкнутого индивидуального масштаба, <...> узкосемейных отношений»¹⁰. Поэты «Путеармейцев» конкретизируют образ ударника, перечисляют свойственные ему качества. Он «стойкий», «смелый», «ответственный», «строгий», «доблестный», «упорный», «неуклонный», «вдумчивый», «бдителен», «зажжён» работой. Только подобные черты ведут заключённого к «победе», к перевыполнению плана, к общелагерным, геройским слётам, воспетым в стихах А. Балашова, Л. Дмитриева и Л. Ржечицкого. Акцентирован тип «истинного ударника», умеющего «сработать на трассе увязать культурно-воспитательное дело»¹¹. Вторая часть сборника самая слабая в художественном отношении, поскольку её стихи — это идеологизированные агитки, наводнённые трафаретными эпитетами, сравнениями и градациями.

Заключает «Путеармейцы» часть «Перековка», являющаяся ключевой в сборнике. В предисловии сказано: «<...> перековка трудом — вот главная и основная тема <...>. Поэтическое творчество — одно из проявлений этого пафоса. О величии стройки, о радости осмысленного труда, о новом, здоровом человеке хочется <...> рассказать, спеть, поделиться стихом»¹². Идея перевоспитания сквозная в книге, ей пронизаны все произведения: «Я — прежний урка — Прошка, — / Нашёл свой путь. / Трудом я переплавлен / И твёрд мой шаг, / Мой коллектив про-

⁷ Строитель БАМа 23.08.1936.

⁸ Строитель БАМа 4.10.1934.

⁹ Строитель БАМа 9.10.1934.

¹⁰ Строитель БАМа 9.10.1934.

¹¹ Путееармейцы 1935, 97.

¹² Путееармейцы 1935, 3.

славлен / На весь БАМлаг¹³. «Перековка» являлась панацеей не только в свободненском лагере, но и на других «островах» «архипелага». Так, главная газета Беломоро-Балтийского ИТЛ была названа «Перековка», Сиблага — «Сибирская перековка», Дмитлага — «Перековка тридцатипятника», Волголага — «Перековка на Волгострое». Второй, не менее распространённый комплекс заголовков лагерных газет, связанных с данным понятием, — «Путёвка» (Карлаг) или «Путёвка в жизнь» (Дальлаг). Подобные именованья отражали философско-идеологическую константу ГУЛАГА, вуалировавшую его реальные задачи и цель существования. Заголовки разделов третьей части «Путеармейцев» детально фиксируют этапы тюремного преобразования: «Лагерный быт», «Тяжесть прошлого», «Перелом», «Путь к свободе». Центральный образ первого раздела — отказчик. Он, следуя стихотворению Е. Геркена, «враждебный элемент», мешающий строительству, «тормоз достижений», «враг», «лагеря позор», «самый подлый вор», «гноусное явление¹⁴». В БАМлаге дифференцировали «идеологических» и «социально-близких» отказчиков. Среди первых вычленяли «убеждённых», которые отказываются от работы по озлоблению или непривычке трудиться, и «злостных», классово чуждых, насмехающихся над советской властью. В эту группу попадали заключённые, осуждённые по политическим статьям, часто обладающие хроническими заболеваниями, не позволяющими вырабатывать норму на общих работах. Героями лагерных произведений становились представители только второй группы «соцвредов», их галерея («урка», вор, картёжник, пьяница, бандит, драчун, беспризорник) выведена в следующих стихотворениях сборника: «Песня бывшего тридцатипятника» (1935) В. Белозёрова, «Рассказ ударника» (1935) Г. Воловика, «Сыну» (1934) Л. Ржечицкого, «Беспризорник» (1934) С. Сибирского и др. «Идеологические» отказчики, по-видимому, перевоспитанию не поддавались, их следовало лишь истреблять: «И помни, что отказ, как гада, / Нам срочно уничтожить надо»¹⁵.

В ряде произведений (А. Альвинг и Е. Геркен «Встреча», 1935; Г. Воловик «Двое», 1935) актуализирован желательный для лагерной среды путь «перековки». Наиболее предпочтительным было взаимовлияние, пример, который подавали одни «переплавившиеся трудом» другим: «Лучший агитатор против отказов — это бывший отказчик»¹⁶. В основе подобных стихов — мотив встречи, показывающей разность позиций бывшего отказчика, а ныне ударника и отлынивающего от работы на стройке. Композиционно такие стихотворения, как и большинство лагерных произведений о перевоспитании, делятся на две части: первая рисует прошлую «непутёвую», «горькую», «ломкую» жизнь обоих, вторая — изображает разные жизненные дороги в ИТЛ. Кульминацией становится сцена свидания, в результате которого злонамеренному отказчику становится понятно, что и он, потрудившись, может «досрочно из лагеря честно уйти»¹⁷. Согласно идеологической задумке КВО, образчиками «перековки» были сами поэты «Путеармейцев», поскольку олицетворяли главнейший и «вернейший» её признак — сочетание «производительного труда с работой в культурной области»¹⁸.

¹³ Путееармейцы 1935, 117.

¹⁴ Путееармейцы 1935, 107–109.

¹⁵ Путееармейцы 1935, 109.

¹⁶ Строитель БАМа 26.09.1934.

¹⁷ Путееармейцы 1935, 119.

¹⁸ Путееармейцы 1935, 4.

Сборник «Путеармейцы», явившись первым художественным изданием БАМлага, в концентрированной форме отобразил тематический и образный строй официальной поэзии свободненского лагеря, сложившийся к 1935 году. Тематическая парадигма, система образов, зафиксированная в книге и одобренная КВО, впоследствии активно воспроизводилась в лагерных литературных газетах и журналах.

ЛИТЕРАТУРА

Миновский С. 1936: Шпалорезка // Строитель БАМа: Орган КВО Управления БАМлага НКВД. 23.08, 4.

Путеармейцы 1935: Стихи и песни лагкоров. Свободный.

THE COLLECTION OF THE POEMS AND SONGS BY THE PRISONERS
“PUTEARMYTSY” AS A SOURCE OF THE CAMP POETRY STUDY

T. Ye. Smykovskaya

The paper deals with the literature published in the BAMLAG — a subdivision of the GULAG system of soviet correction labour camps that existed in the Amur region from 1932 till 1946 with the central administration located in the town of Svobodny. In the article the collection of poetry and songs of camp correspondents of “Putearmeytsy” is considered. Taking this as an example, the key images and motifs of works of the BAMLAG poets representing the most extensive layer of literary life of the «Svobodny» camp — the official creativity which appeared by the order and ideological expectations of the camp authorities are analyzed.

Key words: “Putearmeytsy”, the literature of BAMLAG, collection, poem, poetry

© 2015

М. В. Родина

«ПЛЕМЯННИК ЧАРОДЕЯ» К. С. ЛЬЮИСА И БИБЛЕЙСКИЙ
КОСМОГОНИЧЕСКИЙ МИФ: У ИСТОКОВ ИСТОРИИ*

В статье исследуются мифопоэтические основы повести К. С. Льюиса «Племянник чародея» из цикла «Хроники Нарнии». Автор статьи проводит сопоставительный анализ повести, открывающей нарнийский цикл, с библейским космогоническим мифом, рассматривая важнейшие его признаки, проявляющиеся на таких уровнях, как уровень сюжета, уровень персонажей и уровень идей

Родина Мария Вячеславовна — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии ТГУ им. Г. Р. Державина. E-mail: marija.marianna1987@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований («Поэтика мифа в цикле сказочных повестей К. С. Льюиса «Хроники Нарнии»: проблема художественной функциональности»), проект № 14-34-01009.

Ключевые слова: миф, мифопоэтика, мифопоэтическая модель, мифологические образы, сюжеты и мотивы, библейский космогонический миф, книга Бытия, книга Иова

Как известно, понятие «мифопоэтика» имеет два основных значения: «1) функционирование в художественном тексте мифологических образов, мотивов, аллюзий и реминисценций, причины и особенности тех формальных и смысловых трансформаций, которым они подвергаются по авторской воле; 2) создаваемые авторами новые мифологемы, и — шире — новые авторские мифы, художественный неомифологизм»¹. Удачное определение мифопоэтики предлагает также Н. Осипова: «Мифопоэтика — творческая, личностная и жизнетворческая система художника, основанная на художественно мотивированном обращении к традиционным мифологическим схемам, моделям, сюжетно-образным системам и поэтике мифа и обряда, в том числе и к созданию «неомифологических» текстов. Одновременно мифопоэтика представляет метод исследования таких явлений литературы, которые ориентированы на мифопоэтические модели, с целью проследить их генезис, развитие и функции в создании целостной картины мира, трансформацию традиционных образов»². Иными словами, акцент делается на том, что мифопоэтическое, «вечное» начало сохраняется в литературе на всех этапах её развития. При этом мифологические мотивы, образы, сюжетные ситуации могут присутствовать в художественном тексте как явно, так и имплицитно.

Одним из писателей-мифотворцев XX в. является К. С. Льюис, который, как известно, свои фантастические произведения строит в соответствии с древнейшими мифологическими схемами.

Их использование нередко помогало писателю «кратчайшим образом записать весь огромный объем плана содержания (аспект экономии), во-первых, и предельно расширить романное пространство, увеличив его мерность и возможности сочетания элементов внутри этого пространства (теоретико-информационный аспект), во-вторых»³. В данной статье мы попытаемся проследить, как Льюис делает это, на примере повести, входящей в состав цикла «Хроники Нарнии». Повесть, о которой пойдет речь, — «Племянник чародея», завершённая зимой 1954 г. и увидевшая свет в 1955г. Именно она открывает семикнижие. Повествуя о рождении и первых днях прекрасной волшебной страны под названием Нарния, писатель ориентируется главным образом на библейский космогонический миф. Ниже рассмотрим основные признаки этого мифа, проявляющиеся на разных уровнях, начав с характеристики уровня сюжета

Уровень сюжета

«*Вначале сотворил Бог небо и землю*»⁴, — так начинается Книга Бытия. Формирование космоса у Льюиса тоже совершается «**вначале**», в эпоху «первопредметов и перводействий: первый огонь, первое копьё, первый дом и т.п., первые и потому парадигматические акты <...> ритуальных действий, приме-

¹ Солдаткина 2012, 8.

² Осипова 2000, 51-52.

³ Топоров 1995, 195.

⁴ Библия 2010, 32.

нения целебных средств, приемов охоты, первые поступки, нравственно позитивные и негативные»⁵, что выступает в качестве некоего «фундамента мироздания».

«Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною»⁶, — эти библейские слова справедливы и для льюисовского «пустого мира» («*empty world*»), который на глазах главных героев становится Нарнией: он тёмный и холодный, в нём ещё ничего нет. Лишь под ногами персонажи ощущают «*something solid*», «*something which might have been earth*»⁷, но что именно — сказать не могут. Наличие неопределённого местоимения «*something*» и модальной конструкции «*might have been*» указывает на крайне низкую степень вероятности того, что это была твёрдая почва («*наверное, то была земля, а впрочем, кто знает*»). И всё же основание нового мира положено: нарнийская земля уже создана⁸, хотя пока и не преображена.

Самое первое, что творит Бог после неба и земли, — это свет: «*И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош*»⁹. Подобным образом и у Льюиса он предстаёт как «чудный первенец творенья, / первый миру дар Творца». Переосмысляя священный текст, Льюис вводит образы поющих звёзд: «*Then two wonders happened at the same moment. One was that the voice was suddenly joined by <...> cold, tingling, silvery voices. The second wonder was that the blackness overhead, all at once, was blazing with stars. One moment there had been nothing but darkness; next moment a thousand, thousand points of light leaped out <...>. If you had seen and heard it, as Digory did, you would have felt quite certain that it was the stars themselves which were singing, and that it was the First Voice, the deep one, which had made them appear and made them sing*»¹⁰. Интересную трактовку упомянутого эпизода предлагает П. Ю. Малков: по его мнению, голосу Аслана в льюисовском произведении вторят не голоса звёзд, а ангельские голоса, которые «восхваляют Творца за их собственное создание и за близящееся создание Нарнии»¹¹, и песнь их в его понимании есть то самое словословие, о котором упоминает ветхозаветная книга Иова, говоря, что некогда оно сопровождало основание земли «*при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости*»¹². Параллель с этой книгой он усматривает и во всей вообще картине творения, описанной Льюисом (имеется в виду отсылка к эпизоду, когда Бог говорит с Иовом: «*Давал ли ты когда в жизни своей приказания утру и указывал ли заре место ее, чтобы она охватила края земли и <...> чтобы земля изменилась, как глина под печатью, и стала, как разноцветная одежда <...> Обозрел ли ты широту земли?*»¹³). Но постепенно все другие голоса затихают, и начинается новый этап творения: «Небо сереет, появляется ветерок, проявляются силуэты холмов. Восходит солнце; открывается долина с текущей по ней рекой, но нет ни травинки, ни куста, ни дерева. И тогда

⁵ Мелетинский 2012, 155.

⁶ Библия 2010, 32.

⁷ Lewis 2011, 60.

⁸ Brennan 1987, <http://cslewis.drzeus.net/papers/lionwitchallegory.html>.

⁹ Библия 2010, 32.

¹⁰ Lewis 2011, 61.

¹¹ Малков 1995, <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/malkov.shtml>.

¹² Библия 2010, 728.

¹³ Библия 2010, 728 — 729.

все видят того, кто пел — огромного златогривого льва. Он поет, и песня его, преобразаясь, преобразает мир»¹⁴.

Далее, повинувшись глаголу Всевышнего, Земля покрывается травой, цветами и иной растительностью: «И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя по роду и по подобию ее, и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. <...> И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так»¹⁵. То же самое видим и в Нарнии: «*And as he walked and sang the valley grew green with grass. It spread out from the Lion like a pool. It ran up the sides of the little hills like a wave. In a few minutes it was creeping up the lower slopes of the distant mountains, making that young world every moment softer. <...> Soon there were other things besides grass. The higher slopes grew dark with heather*»¹⁶. Интересно, что один из величайших богословов IV в. Василий Великий описал возникновение мира очень похоже: «Представь себе, что по малому речению <...> холодная и бесплодная земля вдруг приближается ко времени рождения и <...> как бы сбросив с себя печальную и грустную одежду, облекается в светлую ризу, веселится своим убранством и производит на свет тысячи родов растений»¹⁷. Новый мир отзывается на голос Создателя собственным творческим усилием: повинувшись ему, нарнийская земля в буквальном смысле «производит» живые существа^{18 19}, они являются непосредственно из её глубин, словно из материнской утробы: «*In all directions it was swelling into humps. They were of very different sizes some no bigger than mole-hills, some as big as wheel-barrow, two the size of cottages. And the humps move and swelled until they burst, and the crumbled earth poured out of them, and from each hump there came out an animal*»²⁰. Кроме того, у Льюиса рождение Нарнии происходит очень быстро, что также соответствует повествованию из книги Бытия, где творческое слово Господа исполняется немедленно и задуманное Им тотчас же обретает плоть и кровь.

Уровень персонажей

Главным героем библейского космогонического мифа выступает Всевышний Творец, Который создаёт мир, «вызывая к существованию его составляющие словом, произнося в своих творческих повелениях названия элементов мироздания»²¹. В тексте Льюиса роль Создателя отведена Льву Аслану, который также творит Нарнию напряжением духа, символом которого в данном случае выступает его волшебная песнь²²: «*The Lion was pacing to and fro about that empty land and singing his new song. <...> When you listened to his song you heard the things he was making up*»²³. Обращает на себя внимание то, что Лев сначала был героями услышан и лишь потом — увиден: по мысли Стивена Х. Уэбба, именно голос

¹⁴ Малков 1995, <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/malkov.shtml>.

¹⁵ Библия 2010, 33.

¹⁶ Lewis 2011, 64.

¹⁷ Кураев 2006, 8.

¹⁸ Brennan 1987, <http://cslewis.drzeus.net/papers/lionwitchallegory.html>.

¹⁹ Dandenell 1995, <http://cslewis.drzeus.net/papers/narnia.html>.

²⁰ Lewis 2011, 61.

²¹ Акимов 2004, 68.

²² Dandenell 1995, <http://cslewis.drzeus.net/papers/narnia.html>.

²³ Lewis 2011, 64.

делает нарнийского демиурга тем, что он есть: «Тело Льва не так важно, как его голос», потому что он «способен создавать любое тело и вселяться в него.<...> Когда дети, кэбмен, Эндрью и Королева впервые слышат голос Льва, им кажется, что он идёт со всех сторон одновременно. Голос ничего не говорит и даже не напевает, но он прекрасен и ни с чем не сравним. Характерные для него глубокие ноты и низкий регистр создают впечатление, будто бы голос поднимается из земли»²⁴. Слова, которые произносит Аслан в момент создания Нарнии, демонстрируют параллель с речениями Бога, благословляющего новый мир. Сравним: «*И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, <...> вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя*»²⁵ и «*«Creatures, I give you yourselves,» said the strong, happy voice of Aslan. «I give to you forever this land of Narnia. I give you the woods, the fruits, the rivers. I give you the stars and I give you myself»*»²⁶. Совокупное использование таких средств выразительности, как анафора, параллелизм и асиндетон имеет своей целью воздействовать на читателя, закрепив в его сознании колоссальную важность, даже планетарность воззвания Создателя к своему творению. Не менее интересно и то, как меняется ракурс видения в этом маленьком фрагменте: слова «*I give you yourselves*» обращают взор созданий непосредственно к себе; слова «*I give to you forever this land of Narnia*» заставляют взглянуть шире, причём слово «*forever*»/«*навсегда*» напоминает об ответственности за заботу о только что созданной земле. Слова «*I give you the woods, the fruits, the rivers*» побуждают окинуть взглядом огромные пространства, от горизонта до земли под ногами Творца. Наконец, предложение «*I give you the stars and I give you myself*» распадается на две части: в первой слово «*stars*» обращает ум к небесам, выше которых может быть лишь Бог. Соответственно, самое большое, что может Творец подарить тем, кого создал, — это Самого Себя, о чём и говорит вторая часть приведённого высказывания.

Первые жители и короли Нарнии, кэбмен Фрэнк и его жена Елена, вполне сопоставимы с Адамом и Евой до грехопадения. Прежде всего, они прекрасны и телом, и душой: «*They were dressed in strange and beautiful clothes, and from their shoulders rich robes flowed out behind them to where four dwarfs held up the King's train and four rivernymphs the Queen's. Their heads were bare; but Helen had let her hair down and it made a great improvement in her appearance. <...> Their faces had a new expression*»²⁷. В Нарнии эта чета призвана царствовать, как были призваны владычествовать «*над рыбами морскими, и над зверями, и над птицами небесными, и над всяким скотом, и над всею землею*»²⁸ первые люди, ещё не познавшие греха. Подобно им, Франциск и Елена как нельзя лучше отвечают этому назначению. И как Адам с Евой становятся прародителями людей на земле, так и от этой четы берут начало короли Нарнии и Арченланда. Перед тем как взойти на нарнийский престол, они получают от Аслана заветы, которые должны исполнить. И здесь перед нами очередная библейская параллель. Вот как обращается Всевышний к

²⁴ Уэбб 2011, 25.

²⁵ Библия 2010, 34.

²⁶ Lewis 2011, 71.

²⁷ Lewis 2011, 96.

²⁸ Библия 2010, 34.

первым людям в 28-м стихе 1-й главы Книги Бытия: «И сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею»²⁹. А вот как звучит обращение Аслана к бедным и скромным супругам: «*“My children,” said Aslan, fixing his eyes on both of them, “you are to be the first King and Queen of Narnia”*»³⁰. Далее оба текста сообщают, что человеку было поручено наречь имена зверям, птицам и иным живым существам: «*И привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей; “You shall rule and name all these creatures”*»^{31 32}. В обоих случаях, «давая имена части творения, человек совершает акт, который до сих пор производил один Бог. Человек становится соучастником творческой деятельности Бога»³³, его великим соратником в процессе окончательного устройства мира.

Хотя есть между персонажами Библии и персонажами «Племянника чародея» одно важное различие: Аслан, в отличие от Яхве, не создаёт ни Полли с Дигори, ни Фрэнк с Еленой — они сами приходят из Другого Мира, хотя и по его зову. Из этого П. Ю. Малков делает вывод, что «коль скоро лев здесь выступает в роли Творца (вернее, Творец предстает в образе льва), то и творит он именно разумных животных, как бы подобных ему по образу», видя в этом «“зашифрованность” библейского повествования»³⁴, превратившегося под пером писателя в дивную «волшебную историю».

Уровень идей

Сравнение идейного содержания библейского рассказа о творении с льюисовским повествованием о рождении Нарнии позволяет выявить целый ряд идей, общих для обоих повествований.

Во-первых, библейская космогония никак не связана с теогонией. Объясняется это тем, что «Библия знает только одного Бога. “У Бога Израиля, — пишет И. Кауфман, — нет родословной, как нет родителей или потомства <...>.” Богодухновенный писатель в своем рассказе сознательно избегает даже малейших намеков на существование каких-либо других божеств, кроме Единого Бога-Творца»³⁵. Ничего подобного теогонии не находим и в сказках о Нарнии: Аслан выступает единственным творцом волшебной страны, который так же, как и Бог Библии, «ни от кого не наследует и никому не завещает своей власти»³⁶. По той же причине (и это во-вторых) ни в Библии, ни в Нарнии творение мира не связано с борьбой за власть многих богов: и там, и здесь мир возникает произволением любящего Создателя, а не в результате конфликта и кровопролития.

Именно поэтому писатель заселяет Нарнию персонажами языческих мифологий, которые, выступая олицетворением природы³⁷, предстают в качестве таких же созданий, Богом вызванных к жизни и столь же Им любимых, как растения и звери («*Out of the trees wild people stepped forth, gods and goddesses of the wood*»).

²⁹ Библия 2010, 34.

³⁰ Lewis 2011, 81.

³¹ Библия 2010, 34.

³² Lewis 2011, 82.

³³ Акимов 2004, 71.

³⁴ Малков 1995, <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/malkov.shtml>

³⁵ Акимов 2004, 70.

³⁶ Акимов 2004, 70.

³⁷ Новиков 2001, <http://www.kiev-orthodox.org/site/personalities/342>.

Все они получают общее наименование — «*wild people*»³⁸. В таком отношении к античным божествам автор «Хроник...» не был одинок: как известно, в IV в. блаж. Иероним Стридонский трогательно описал в «Жизни Павла Пустынника» встречу святого Антония с неким кентавром и с козлоногим человеком, который назвал себя фавном и обратился к подвижнику от имени своих собратьев: «*Мы просим тебя, чтобы ты помолился за нас нашему общему Господу, о Котором мы знаем, что Он некогда приходил для спасения мира*»; при этих словах Антоний «*радовался славе Христа и гибели Сатаны*»³⁹. И это явное свидетельство того, каким было мировоззрение создателя Вульгаты, «свидетельство того, что сей святой муж мог допустить существование (хотя бы на страницах христианской литературы) таких персонажей языческих мифов, которые, тем не менее, просят молиться о них Христу»⁴⁰. И подобно тому как в «Жизни Павла Пустынника» кентавр и фавн выступают одним из проявлений Христовой славы, в «Хрониках Нарнии» они вместе с только что сотворенными животными поклоняются Создателю и Владыке: «*Hail, Aslan. We hear and obey*». Иными словами, в Нарнии никто не собирается поклоняться дриадам, фавнам, речному богу или Вакху, зато сами они благоговейно поклоняются Аслану, служа ему с великой любовью и радостью.

Схожий взгляд на мир характерен для одного из отцов Церкви, св. Григория Паламы, в понимании которого «для тех, кто смотрит глазами веры, все тварное живо, ибо в нем присутствуют и действуют нетварные энергии Бога»⁴¹. В этом же ключе мыслит и Льюис: он «зачарован взаимодействием миров, взаимопроникновением естественного и сверхъестественного, неба и земли. <...> Для него явственна священность, сакральность природы»⁴². По этой причине и античные божества, и деревья, и птицы, и звери оказываются наделены даром мысли и слова. В понимании Льюиса обе способности выступают величайшим признаком духа: именно он позволяет нарнийцам «воспринимать в целостности красоту мироздания, а отсюда уже у них проистекает то, что рациональный человек привык называть “разумом”»⁴³. Так говорящие звери и деревья под пером мастера перестают быть выдумкой для детей и обретают огромную богословскую значимость. В новосозданных мирах — ни в нашем, ни в нарнийском — не найти ни единого изъяна, ни единой погрешности, ибо ни Яхве, ни Аслан не творят и не мыслят зла.

Назначение библейского космогонического мифа в повести «Племянник чародея» поистине велико: оно состоит в том, чтобы, во-первых, обратить взор читателя к некой изначальной реальности, которая воспринимается как гораздо более величественная, светлая и богатая смыслом, чем реальность современная, во-вторых, напомнить, что мироздание и человек имеют особую, священную историю, которая ничуть не менее значима, чем земная, в-третьих, как и в библейском мифе, у Льюиса сакральная «область “до” оказывается сферой первопричин, источником для всего, что было “после”»⁴⁴. События, произошедшие в Нарнии эпохи первотворения, предлагают «ключ» к пониманию того, что будет происхо-

³⁸ Шешунова 2013, 317-318.

³⁹ Кураев 2004, 36.

⁴⁰ Кураев 2004, 36.

⁴¹ Уэр 2000, <http://www.e-reading.club/book.php?book=99216>.

⁴² Уэр 2000, <http://www.e-reading.club/book.php?book=99216>.

⁴³ Бутаков 2010, <http://www.pravoslavie.ru/smi/print38414.htm>.

⁴⁴ Мелетинский 2012, 155.

дять в дальнейшем. Кроме того, повествуя о её рождении и первых днях, писатель середины XX в. словно предпринимает попытку вернуть нас во времена, когда природа воспринималась не как бездушная материя, а как «живая энергия, трепещущая присутствием Бога»⁴⁵; попытку привести современного читателя к осознанию того, что мир живой, что он прекрасен, любим Богом, исполнен величия и тайны. События, произошедшие в Нарнии эпохи первотворения таким образом дают «ключ» к пониманию всего того, что будет происходить в дальнейшем, завязывая главные смысловые и сюжетные узлы и определяя ключевые духовные парадигмы последующих шести повестей. Однако о них мы поговорим более подробно уже в других работах.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимов В.В.* 2004: Вавилонская поэма «Энума Элиш» и рассказ Библии о творении мира Богом // *Материалы IX Международных Кирило-Мефодиевских чтений (23-26 мая 2003 г.): в 2 ч. Ч. 1. Мн., 66-72.*
- Библия 2010: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Синодальный перевод Русской Православной Церкви. М.
- Бутаков Я.* 2010: Традиционалистские коды «Хроник Нарнии». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/smi/print38414.htm>
- Кураев А. В.* 2006: Закон Божий и «Хроники Нарнии» // *Православие и мир.* 12, 6–9.
- Кураев А.В.* 2004: «Гарри Поттер»: попытка не испугаться. М.
- Малков П.Ю.* 1995: Сотворение мира в мифе и сказке современности. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/malkov.shtml>
- Мелетинский Е.М.* 2012: Поэтика мифа. М.
- Новиков Н.* 2001: Голос Истины. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kievorthodox.org/site/personalities/342/>
- Осипова Н.* 2000: Мифопоэтика как сфера поэтики и метод исследования // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение.* 3, 46-52.
- Солдаткина Я.В.* 2012: Мифопоэтика русской прозы романа 1930–1950х годов (А.П. Платонов, М.А. Шолохов, Б.Л. Пастернак): дисс. на соискание степени доктора филол. наук. М.
- Топоров В.Н.* 1995: Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтики. М.
- Уэбб С.* 2011: Голос Аслана: К. С. Льюис и магия звука // «Хроники Нарнии» и философия: лев, колдунья и мировоззрение» М., 15-30.
- Уэр К.* *Можно ли считать К. С. Льюиса анонимным православным?* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=99216>
- Шешунова С.В.* 2013: Образы античных богов в творчестве К. С. Льюиса // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* 6 (2), 316-320.
- Brennan M.* 1987: *The Lion, the Witch and the Allegory: An Analysis of Selected Narnia Chronicles.* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cslewis.drzeus.net/papers/lionwitchallegory.html>
- Dandenell O.* 1995: *Speech, reason, faith and knowledge in C. S. Lewis' Chronicles of Narnia.* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cslewis.drzeus.net/papers/narnia.html>
- Lewis C.S.* 2011: *The Chronicles of Narnia.* New York.

⁴⁵ Уэр 2000, <http://www.e-reading.club/book.php?book=99216>.

“THE MAGICIAN’S NEPHEW” BY C. S. LEWIS AND THE BIBLICAL MYTH
OF CREATION: BEFORE THE DAWN OF HISTORY

M. V. Rodina

The article deals with the mythopoetic backgrounds of “The Magician’s Nephew” by C. S. Lewis from the cycle “The Chronicles of Narnia”. The author gives a comparative analysis of the two texts, drawing parallels between the biblical myth of creation and the mentioned story, analyses the key features of the biblical myth and its significance for construing all the levels of Lewis’ fictional world: the level of story and plot, the level of personages and the level of messages

Key words: myth, mythopoesis, mythopoetic model, mythological images, plots and motives, the biblical myth of creation, the Genesis, the Book of Job

---

© 2015

Т. И. Васильева

ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В ПРОЗЕ
Л. И. БОРОДИНА

В статье исследуются субъектные и внесубъектные формы выражения авторского сознания. Рассматривается тенденция современной литературы к размыванию границы между автором и главным героем-рассказчиком на примере творчества Л. И. Бородин. Анализируются особенности проявления эксплицитного автора, разных типов сознания, концептуализации художественного мира в произведениях писателя конца XX века.

Ключевые слова: авторское сознание, художественный концепт, субъектные и внесубъектные средства выражения авторского сознания, тип сознания

Активно разрабатываемая в современной науке теория сознания вызвала новую волну интереса к изучению авторского сознания в литературоведении. Теоретические разработки категорий «образа автора», «авторское сознание» М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, И. П. Карпова, Б. О. Кормана находят дальнейшее развитие в современных исследованиях Л. О. Бутаковой, А. Х. Вафиной, Т. Г. Галкиной, О. В. Журчевой, Н. В. Пращерук, П. И. Приходченко и других ученых. Рассмотрение художественного произведения как картины мира писателя позволяет определить особенности авторского сознания через изучение форм его выражения, субъектных и внесубъектных, так как, «являясь высшей смысловой инстанцией, автор непосредственно не входит в произведение: он всегда опосредован субъектными и сюжетно-композиционными формами»¹. К субъектным

Васильева Татьяна Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: tavm@ya.ru

¹ Корман 2006, 101.

относят формы выражения, связанные с субъектным строем произведения через безличного повествователя, рассказчика, лирического героя, рассказчика-героя, персонажей, раскрывающиеся через их речевые повествовательные структуры. Как отмечает А. Большакова, «основным средством «авторского» воплощения становится именно повествовательная речь»². К внесубъектным формам выражения авторского сознания в художественном тексте относят сюжетно-композиционное построение произведения, систему образов, мотивов, хронотоп. Изучение авторского сознания неразрывно связано с анализом художественного дискурса, в котором репрезентировано авторское высказывание, и выходит на исследование художественной концептосферы, репрезентирующей авторскую модель мира.

Л. И. Бородин продолжает традиции русской классической литературы в способах передачи авторской мысли. Писатель с первых своих произведений создает многоголосие, максимально скрывая позицию автора, обращаясь в равной мере к монологической речи героя-рассказчика от первого лица и к повествованию от третьего лица. Полифония «Повести странного времени», рассказа «Встреча», повестей «Гологор», «Третья правда» позволяет автору показать разные жизненные позиции, часто противоположные, разные типы сознания: романтический и реалистический, человека войны и человека искусства, языческой и христианской. Ключевые концепты произведений становятся смысловыми центрами выражения авторской концепции; как правило, это выражается на сюжетном уровне, когда Л. И. Бородин достаточно явно обнаруживает свою позицию, вынося определенный «приговор» персонажам.

Диалогизируя повествовательный дискурс в повестях «Божеполье», «Царица смуты», в романе «Трики, или Хроника злобы дней», писатель выражает установку на самостоятельность и возможность сосуществования других типов сознания, равных авторскому. При этом «авторское сознание не превращает другие чужие сознания (то есть сознания героев) в объекты и не дает им заочных завершающих определений»³. Образы героев находятся в постоянном движении либо замирают в рефлексии, а их мировоззренческие позиции постоянно сталкиваются в сюжетных коллизиях и непосредственно в диалогах-спорах.

Эксплицитный («реальный») автор со временем занимает все более значимое место в выражении авторского сознания. Наиболее ярко субъектная форма его воплощения представлена в следующих произведениях Л. И. Бородин конца 1980-х — начала 2000-х гг.: в повести «Женщина в море», в «Повести о любви, подвигах и преступлениях старшины Нефедова», в автобиографическом повествовании «Без выбора», во многих рассказах. Каждое из произведений передает определенный тип сознания персонажа, от лица которого ведется повествование, вступающее в сложные диалектические отношения с авторской позицией. Первым произведением с максимальным сближением авторского сознания и центрального персонажа в творчестве Л. И. Бородин стала повесть «Женщина в море». Главный герой «Женщины в море» близок автору, у него нет имени, само повествование ведется от лица центрального персонажа. Перед нами герой-рассказчик, наделенный характерными чертами автора, воспринимающийся подчас как авторский «двойник». Как и Л. И. Бородин, его герой отбыл несколько лет в

² Большакова 2001, 171.

³ Бахтин 2002, 80.

заклучении по политической статье, вел борьбу против *могучих сил лжи*, его молодость прошла среди сибирских рек. Героя отличает постоянная рефлексия, фатализм, речь характеризуется использованием силлогизмов, сложных синтаксических конструкций, смешением книжной и разговорной лексики. Н. А. Богомолов подобное «размывание сущностного различия между автором и героем», создание автором «иллюзии отказа от героя» и принятием на себя его функции считает отличительной чертой современной литературы⁴. Важнейшей особенностью авторского сознания становится в данном случае моносубъектность. Помимо самоанализа рассказчика средством выражения авторского сознания является хронотоп повести, название которой определяет два ключевых концепта: женщина и море, — имеющих в контексте содержания произведения языческую трактовку. Система образов выстраивается так, что все персонажи вызывают в главном герое противоречивые чувства, которые он пытается примирить. В данной повести авторское сознание максимально воплотилось в сознании главного героя, оно динамично, диалектично, отразило основные процессы изменения личности человека «перестроечной» эпохи.

Л. И. Бородин в последних произведениях, как и многие художники конца XX — начала XXI в., все чаще опирается на реальные события, включая автобиографические моменты в тексты, а иногда и вовсе прибегая к мемуарным жанрам. Прошлое страны Л. И. Бородин осмысливает в ракурсе воспоминаний о собственной судьбе. В повести «Год чуда и печали», в «Повести о любви, подвигах и преступлениях старшины Нефедова» Л. И. Бородин представляет повествователя-сказителя, который соотносится не только с автором, но и с одним из персонажей, «повествователем в детстве», являющимся непосредственным свидетелем рассказанной истории, *условно присутствуя* в ней. По своему содержанию «Повесть о любви, подвигах и преступлениях старшины Нефедова» близка сказанию и восходит к «апологу», повествованию-восхвалению героя. В заглавии определены и основные сюжетные перипетии, отсылающие к авторской картине мира: *Это фатально непреложный и неоспоримый круговорот бытия, всякий участник которого наделен судьбой — предопределенной ему ролевой моделью причастности к общему миропорядку*⁵. Подобный жанровый выбор полностью обусловлен авторским пониманием человеческой жизни. Первая глава — своеобразный пролог к истории Нефедова, главный герой в ней — рассказчик. Он напрямую заявляет о прекрасном месте действия — ущелье на берегу славного Байкала, о прекрасном времени действия — времени детства, *от сорок седьмого и дале*, представляет главного героя — *настоящего советского человека* Александра Демьяновича Нефедова. Создается не только документально-кинематографический эффект, так осуществляется моделирование художественного мира произведения: обозначение времени, пространства, героя. Намеренное сужение пространственно-временных границ действия, акцентирующее внимание на внутренних коллизиях героев, отнюдь не свидетельствует о локальности мировидения художника. Его сознание охватывает всё пространство Родины: *Непредставимо велики российские расстояния. Как известно, мир существует в трёх измерениях. Российский же в*

⁴ Богомолов 2002, 4.

⁵ Бородин 2003, 84.

четырёх. Четвёртое измерение нашей жизни — расстояние⁶. Камерный хроно-топ повести расширяется за счёт мотива дороги, имеющего большое значение в выражении авторского видения судьбы. Писатель использует и традиционный для сказовой манеры приём настаивания на правдивости рассказываемого с несколькими оговорками: представленное им именно ностальгическое переосмысление фактов, пересудов и пересказов, безмозгло зафиксированных добротной детской памятью⁷, и правда такова, как я её захотел запомнить⁸. Не только сознание героя-рассказчика, но и сознания других действующих лиц раскрываются через непосредственно-прямую речь, в которой своеобразно выражается их мировоззрение, притом что формальным «носителем речи» остается рассказчик.

В исторической повести Л. И. Бородина «Царица смуты» для выражения авторской концепции жизни и истории активно используются пространственные символы степи, реки, башни. Эпическая тональность создаётся за счёт использования фольклорных элементов, психологического параллелизма. Концептуализация художественной идеи включает широкий спектр субъектных и внесубъектных форм выражения авторского сознания. В автобиографической повести Л. И. Бородина «Без выбора» ключевые концепты репрезентированы в названиях частей и глав: «Русские мальчики», «Уроки лагерного бытия», «Спор», «Счастье» и другие. В этом произведении писатель транслирует идеи путём переосмысления собственной истории жизни в контексте истории России середины XX — начала XXI в. Проблемы индивидуального сознания оказываются в тесной связи с коллективным национальным сознанием, что в повествовании представляет особое художественное исследование.

Складывается модель художественного мира Л. И. Бородина как сложная философско-эстетическая система, в которой центральное место занимает человек, ищущий «правду жизни» в постоянно меняющемся мире.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М.М. 2002: Проблемы поэтики Достоевского: Собр. соч.: в 7 тт. Т. 6. М.
 Богомолов Н.А. 2002: Автор и герой в литературе рубежа тысячелетий // Филологические науки. 3, 3-8.
 Большакова А. 2001: Образ автора // Литературная учеба. 5, 171-175.
 Бородин Л.И. 1990: Повесть странного времени: Повести. М.
 Бородин Л.И. 2003: Без выбора: Автобиографическое повествование. М.
 Бородин Л.И. 2003: Посещение: Повести, рассказы. М.
 Бутакова Л.О. 2001: Авторское сознание как базовая категория текста: Когнитивный аспект: дис. ... д-ра филол. наук. Омск.
 Вафина А.Х. 2011: Формы выражения авторского сознания в автобиографической прозе Андрея Белого: дис. ... канд. филол. наук. Казань.
 Галкина Т.Г. 2008: Психолингвистическое обоснование методологии исследования образов авторского сознания в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. Омск.
 Журчева О.В. 2009: Формы выражения авторского сознания в русской драме XX века: дис. ... д-ра филол. наук. Самара.

⁶ Бородин 2003, 174.

⁷ Бородин 2003, 174.

⁸ Бородин 2003, 187.

-
- Корман Б.О.* 2006: Избранные труды. Теория литературы. Ижевск.
Пращерук Н.В. 1999: Феноменология И.А. Бунина: авторское сознание и его пространственная структура: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург.
Приходченко П.И. 2008: Формы выражения авторского сознания: дис. ... канд. филол. наук. Арзамас.

FORMS OF REPRESENTATION OF THE AUTHOR'S CONSCIOUSNESS IN
L. I. BORODIN'S PROSE

T. I. Vasilyeva

This paper studies subjective and objective forms of representation of the author's consciousness. It presents a trend in contemporary literature towards blurring of lines between the author and a main narrating character by the example of Borodin's works. It analyzes features of manifestation of an explicit author, different types of consciousness, conceptualization of the artistic world in the writer's works of the late 20th century.

Key words: author's consciousness, literary concept, subjective and objective forms of representation of the author's consciousness, type of consciousness

---

ЛИНГВИСТИКА

© 2015

Н. В. Горбова

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОГО ВОСПРИЯТИЯ МИРА (на примере концепта «подарок» в русской паремиологии)

В статье описан «подарочный» код в русской культуре, на материале русских пословиц и поговорок, проведен лингвокультурологический анализ паремиологической репрезентации концепта «подарок». На основе проведенного лингвокультурологического эксперимента исследовано ценностно-смысловое восприятие поговорки Даренному коню в зубы не смотрят в русском языковом сознании, а также выявлены наиболее употребляемые в современной русской лингвокультуре паремии с концептом «подарок».

Ключевые слова: лингвокультурология, паремиология, концепт «подарок», лингвокультурологический эксперимент, языковое сознание

Ценность представляет собой междисциплинарное понятие и благодаря тому, что обладает возможностью физического проявления, то есть языкового и речевого воплощения, активно рассматривается и в лингвистическом пространстве. Ценностно-смысловые аспекты языка образуют методологическую доминанту лингвокультурологии. В этой связи О. И. Коурова предлагает ввести новый термин «лингвокультурная ценность», рассматривая последнюю как языковую систему, отличающуюся устойчивостью, культурной коннотацией, представляющую общечеловеческие ценности. Автор выделяет ряд критериев, определяющих ту или иную лексико-фразеологическую систему как лингвокультурологическую ценность: 1) соотнесенность с культурозначимой сферой; 2) наличие культурной коннотации; 3) представление в языковом материале общечеловеческих культурных понятий; 4) устойчивость, реализуемую либо в регулярной воспроизводимости, либо в коллективной культурной памяти, либо в интертекстуальном потенциале¹.

Однако если исходить из того, что вне такой категории как ценность, рассматривать проблемы лингвокультурологии невозможно, то и говорить о целесообразности введения термина «лингвокультурная ценность», с нашей точки зрения, не приходится.

Представления людей о ценностях и смыслах в процессе их лингвокреативной деятельности закладывают основу картины мира определенного этнокультур-

---

Горбова Наталья Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики, теории и практики перевода Сибирского государственного технологического университета. E-mail: nat-gorbova@yandex.ru

¹ Коурова 2011, 121.

ного сообщества. При этом в каждой лингвокультуре присутствует своя система ценностей. «В силу этого каждое этноязыковое сознание отражает именно ту, а не иную картину мира, способ ее восприятия и кодировки — семантическое пространство соответствующего языка, которое соотносимо с этноязыковым сознанием, ибо представляет собой единую и ценностную систему взглядов — коллективную философию, которая усваивается всем этноязыковым сознанием каждого члена языкового коллектива в отдельности, как в капле росы отражающем этнокультурный мир человека»². Очевидно, что иерархическая организованность ценностей не только обусловлена культурными особенностями того или иного этнокультурного сообщества, но и обладает историко-идеологическим и экономико-социальным характером.

Наиболее зримо словесные модели ценностей и смыслов, создаваемые носителями языка, представлены в паремиях. Содержащаяся в них языковая информация о системе ценностей отражает, во-первых, особенности восприятия мира, во-вторых, специфику народной лингвокреативной деятельности. Следует отметить, что в русской паремиологии обнаруживается значительное количество пословиц и поговорок, относящихся к лингвокультурному концепту «ПОДАРОК».

Лексическая единица «подарок» образовалась от древнеславянского глагола «дати». Под подарком понимается любой предмет или любая вещь, которую бенефициант по собственному желанию, чаще всего по какому-либо поводу, безвозмездно преподносит с целью доставить удовольствие и пользу одариваемому. Более того, вместе с вещью «дарят» память о себе. Однако в русском языке для обозначения данного понятия существует и другое слово — *гостинец*. Входящий в дом гость приносил с собой подарок, отсюда и название — «гостинец».

Итак, подарок, или гостинец, в русской лингвокультуре символизирует доброе отношение к человеку, которому что-то дарят. Подарки гостей выставлялись на самом видном месте в доме — в красном углу избы, считались лучшим ее украшением и зачастую выполняли роль оберегов (со временем подарок потерял связь с данным обрядом).

Испокон веков в традиции русского народа вручение подарков осуществлялось в ознаменование важных событий в жизни каждого человека: рождение ребёнка, свадьба, новоселье. Наиболее распространенными подарками были предметы женского рукоделия. В русских сказках тема подарков также проходит красной нитью. Так, большинство волшебных предметов (кольцо, исполняющее желания, волшебная свирель, меч-кладенец, конь-богатырь и т.д.) герои русских сказок не находят, а получают в дар за какое-либо свое хорошее качество, например, сердечность, отзывчивость, трудолюбие и т.п.

В русской культуре «подарочный» смысл имели и многие обряды на праздники. На Масленицу дарили узорчатые пряники с надписями «*Кого люблю, того дарю*», «*Чин чина почитай, а подарок не забывай*», «*От милого подарок дороже золота*». Святочный обычай колядования, сохранившийся и до наших дней, также имеет «подарочный» смысл: считается, что зажиточная жизнь связана не только с изобилием в доме или квартире, но и с обязательной со стороны хозяев щедростью, способностью одаривать других.

² Алефиренко 2012, 100.

Выбор подарка, согласно русской традиции, был обусловлен обычаями и обрядами, связанными со значимым событием или праздником, по случаю которого осуществлялось вручение подарка. Подарки зачастую скрывали в себе тайный смысл и должны были преподноситься с чистыми намерениями и искренними пожеланиями, по этому поводу говорили: «*Недруг дарит — зло мыслит*». Существовал в русской культуре и негласный список «запрещенных» и «обязательных» вещей в качестве подарка, основанный на приметах и суевериях.

В современной русской культуре поводов для вручения подарков стало гораздо больше. Так, со времен СССР в нашу культуру вошли такие праздники, как 23 февраля и 8 марта. В последние годы русская праздничная культура американизировалась. Теперь подарки, презенты принято делать и на 14 февраля. Предметом дарения может стать практически все — от названия звезды до безделушки. В результате появления большого количества праздников, а также изменения современного уклада жизни человека в эпоху потребления, когда вещи угрожают «завалить» нас, сочетание «польза» и «любовь», характеризующее концепт «ПОДАРОК», становятся менее актуальными, осуществляется переориентация на сочетание «неординарность» и «дороговизна». Еще сто лет назад подарок характеризовался в русском языке через слова *добрый, полезный, годный, невыпрошенный, дорогой (бесценный), даровый*. В последнее время отмечается активизация использования со словом *подарок* следующих слов: *прикольный, дорогой (недешевый), эксклюзивный, элитный, оригинальный, именной, персонализированный, «самый лучший», уникальный, необычный, креативный, VIP-подарок*. В современной культуре акцент делается на качественных характеристиках подарка, при этом прослеживается зависимость выбора подарка и отношения к нему от существующих в обществе стереотипов. Например, стереотип № 1. Широко разрекламированная вещь, преподнесенная в качестве подарка, — лучшая. Новая тенденция современного общества — создание виш-листа (wish list); иногда данную услугу предоставляют онлайн-магазины. В виш-листе указываются желаемые подарки, а затем осуществляется рассылка ссылки на данный виш-лист друзьям и родственникам.

Резюмируя описание «подарочного» кода в русской культуре, можно сделать вывод о том, что поводы, способы вручения и, наконец, выбор самого подарка в современном русском обществе осуществляются под воздействием исторических, культурных и национальных фактов. С этой точки зрения подарок не только предмет дарения, но и символ, содержание которого являет собой нечто значимое в духовном плане.

Мы предлагаем исследовать паремиологическую репрезентацию концепта «ПОДАРОК» на основе лингвокультурологического метода. Выбор паремий в качестве объекта исследования объясняется тем, что данные языковые единицы являются не только кодами языка, но знаками и смыслами культуры. Одними из наиболее интересных в культурологическом плане паремиологических единиц в русском языке являются пословицы и поговорки. «По нашим наблюдениям, — пишет Л. Ю. Буянова, — пословицы и поговорки русского языка выполняют функцию национально-репрезентативных операторов и лингвистических маркеров русской национальной аксиосферы, представляя собой кванты обыденного знания, в которых образно-символьной форме кодируются и передаются от поко-

ления к поколению в неизменном виде национально и культурно маркированные оценки и главные для русского этноса нравственно-этические, моральные нормы и стереотипы»³.

Согласно Е. Н. Черкасовой, «лингвокультурный концепт «ПОДАРОК» относится к особому типу ментальных образований, представляющих собой кванты переживаемого знания, — символическим концептам, отличительными признаками которых являются следующие: 1) ценностная насыщенность перцептивного образа; 2) интерпретативная глубина и многомерность; 3) аттрактивность для носителей культуры»⁴.

Как отмечает И. П. Селезнева, «онтологизация (овеществление) знания в языковой структуре происходит в лингвокультурологической парадигме. Коррелятом «культурного референта» (терминология В. И. Шаховского) служит словарно-справочное издание, указывающее на особенности употребления словарной единицы в связи с ее культурной референцией»⁵. Материалом нашего исследования послужила выборка из паремиологических словарей, сборников пословиц, поговорок и интернет-источников. В результате нами было выделено 70 пословиц и поговорок, в том числе имплицитно репрезентирующих лингвокультурный концепт «ПОДАРОК». Наибольшее количество пословиц и поговорок с компонентом *подарок* передают представления русского народа о ценности подарка как знака внимания. В корпусе отобранного материала в качестве ценностно-смысловых признаков концепта «ПОДАРОК» мы выделяем:

а) оценку предмета или процесса дарения: *Не дорог подарок, дорого внимания; Не дорог подарок, дорога любовь; Дать — не устать, да было бы что; Даровое лычко лучше купленного ремешка; Дорог подарочек не выпрошенный; И малый подарок не наклад; Наследство-подарок; Дары и мудрых ослепляют, Дома-то и не голод, да подарок дорог;*

б) оценку действий или причин дарения: *Дареное не дарят, вареное не варят; Дареное назад не берут; Чем дарят, тем не корят; Подарки дарят — отдарков глядят; Скорее дело веришь, коли судью подаришь;*

в) отношения субъекта и бенефицианта к предмету дарения: *Кума не мила — и гостинцы постылы; От того, кто не мил, и подарок постыл; Дар — не купля: не хают, а хвалят; Дареному коню в зубы не смотрят; Подарил подарок — от свечи огарок; Моту денег подарить — что на воду пустить; На тебе Боже, что нам не гоже; Что нам не мило, то попу в кадило;*

г) зависимость между бенефициантом и дарителем: *Любишь подарки, люби отдарки; Подарки любят отдарки; Дар дара ждет; От мила куманька черепок да латка, и то подарочек; Кого любишь, того сам даришь, а не любишь, и от него не примешь; Подарки принимать, так отдариваться; От матушки отопочки, от батюшки ошметочки, и то почти за подарочек; Подарил колечко и забрал сердечко.*

Наиболее подходящим способом практического обоснования культурной интерпретации паремий с символическим концептом «ПОДАРОК» мы считаем лингвокультурный эксперимент (термин М. В. Ковшовой). Проведенный нами

³ Буянова 2013, 60.

⁴ Черкасова 2009.

⁵ Селезнева 2013, 264.

эксперимент с пословицей *Дареному коню в зубы не смотрят* осуществлялся методом письменного анкетирования информантов, цель которого заключалась в выявлении ценностных характеристик символического концепта «ПОДАРОК» в современном языковом сознании.

Основные респонденты — студенты и преподаватели обоего пола общей численностью 28 человек. Возрастные категории опрошенных составлены в процентном отношении следующим образом: студенты от 17 до 25 лет — 70%, преподаватели от 25 до 45 лет — 30%. По половому признаку респонденты поделились следующим образом: женщины составили 78% от числа опрошенных, мужчины — 22%. Вероятно, что возраст и социальный статус (студент или преподаватель) респондентов определяют во многом их реакцию на вопросы анкеты. Однако в настоящей статье мы выделяем некоторые общие тенденции.

Разработка настоящего эксперимента опиралась на существующие наработки в области лингвокультурологического эксперимента М. В. Ковшовой⁶. Методика М. В. Ковшовой основывается на принципах ассоциативного эксперимента и свободных дефиниций, а также на методе глубокой интроспекции исследователя, восстанавливающего и объясняющего все цепочки реакций на исследуемую пословицу, выявленные в ответах. Согласно авторской методике в составлении инструкции анкеты, мы постарались вербально эксплицировать все процессы, осуществляющиеся в сознании носителя языка при восприятии данной паремии. Инструкция для информантов включала следующее задание: в течение двух-трех минут письменно, в свободной форме истолковать пословицу *Дареному коню в зубы не смотрят*, указав ее: 1) смысл и 2) ассоциации.

Обработка данных осуществлялась следующим образом. Все ответы (28) пронумерованы. Полностью совпадающих ответов не выявлено. По большей части ответы респондентов в отношении смысла пословицы имели вид дефиниций (описательный, характеризующий и в единственном случае ситуативный). Ассоциации носили перечислительный характер. Однако 5% от общего количества опросных листов никаких ассоциаций не содержали, что косвенно может указывать на недостаточный уровень сформированности языковой компетентности респондентов. Повторяющиеся опорные, т.е. встречающиеся в ответах разных респондентов, слова-реакции на пословицу были подчеркнуты (включая дериваты и грамматические формы), подсчитаны и записаны в порядке убывания. После проведения подсчетов выстроился список слов-ассоциаций с данной пословицей и определилось различное процентное выражение. Значимым для исследования явилось группирование опорных слов из работ респондентов в зависимости от направленности оценки. Нами были выделены следующие группы: а) по ценности и качеству предмета дарения (негативная и позитивная); б) отношение к дарителю (негативная и позитивная). Согласно М. В. Ковшовой, опорные слова своим содержанием указывают на тот или иной тип информации: денотативный (Д), образно-мотивационный (М), эмотивный (Э), оценочный (О) — и тем самым на ментальные операции с данными типами информации⁷.

После проведения подсчетов было установлено, что информанты дали больше положительно окрашенных характеристик предмета дарения, чем отрицательных,

⁶ Ковшова 2013.

⁷ Ковшова 2013.

при этом положительно окрашенные характеристики представлены вариативнее отрицательных. Наибольший процент получили следующие опорные слова: *подарок (дар)* — было употреблено 12 раз, *даром (задарма, бесплатно)* — 7, *праздник* — 6, *приятное* — 5, *благодарность* — 4, *признательность* — 4, *радость (счастье)* — 3, *от души* — 2, *доверие* — 2, *уважение* — 2, *улыбка* — 2, *фигня* — 2, *сюрприз (секрет)* — 2, *ненужный* — 2.

Были также анкеты, в которых опорные слова (*коробка конфет, носки, колготки, игрушка, сувенир, книга, кукла, собачка, бутылка вина, шоколадка, украшения*) содержали указания на конкретную ситуацию, для описания которой может быть применена пословица *Дареному коню в зубы не смотрят*, а также оценку, которую вызывает у респондента такой подарок. Результаты эксперимента говорят о том, что ценностно-смысловое восприятие пословицы *Дареному коню в зубы не смотрят* информантами осуществляется со знаком плюс или минус на основе личного опыта, исходя из пережитых ситуаций, в которых они выступали в качестве дарителя или одариваемого, что также свидетельствует о денотативно-сигнификативной и оценочной «обработке» пословицы при ее восприятии.

Следующим шагом было проведение письменного опроса для выявления наиболее употребительных в современной русской лингвокультуре паремий с концептом «ПОДАРОК». Респондентами были названы следующие паремии с символическом концептом «ПОДАРОК»: *Дают — бери, бьют — беги; Подарки любят отдарки; Получивший подарок не высказывает недовольства; Мне не дорог твой подарок, дорога твоя любовь; Дар дара ждет; На халяву и уксус сладкий; О цене подарка не спрашивают; Дорог не выпрошенный подарок; Дареного назад не берут; Дорог не подарок — дорого внимание; Чем корить, так лучше не дарить; И вам тоже, что нам негоже; Один подарок хорошо, а два лучше; Книга — лучший подарок; Дорогой подарок обязывает.*

Судя по примерам употребления, ментальности русского человека присущи две вещи: тяга к дармовщине и осознание необходимости отдарка на подарок. Некоторые из названных респондентами паремий не являются русскими по происхождению, однако тот факт, что они были упомянуты, свидетельствует о том, что они соответствуют русскому менталитету.

Перспективы исследования мы видим в сопоставительном анализе концепта «ПОДАРОК» в русской и немецкой паремиологии, выявлении общих и отличительных характеристик русской и немецкой картин мира. Материалом настоящего исследования послужила выборка из паремиологических словарей, сборников пословиц, поговорок и интернет-источников, на основе которых ценностная сторона концепта «ПОДАРОК» конкретизируется в виде различных форм отношений: а) субъекта к предмету дарения; б) субъекта и бенефицианта; в) бенефицианта к предмету дарения. Данные, полученные в результате лингвокультурологического эксперимента, в основном подтвердили и в некоторых аспектах частично уточнили выявленные ранее характеристики концепта «ПОДАРОК» в русской лингвокультуре, определили некоторые лингвокультурные особенности ценностно-смыслового восприятия мира.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н.Ф. 2012: Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.

Буянова Л.Ю. 2014: Русские пословицы и поговорки как этнокультурные константы: ментально-аксиологический аспект // Вестник НовГУ. Серия «Филологические науки». 77, 60-62.

Ковшова М.Л. 2013: Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.

Коурова О.И. 2011: Концепция лингвокультурной ценности // ПИФК. 3, 119–123.

Селезнева И.П. 2013: Способы онтологизации лингвокультурологических концептов в интертекстуальном дискурсе // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 22, 263-268.

Черкасова Е.Н. 2009: Символический концепт «ПОДАРОК» в языковом сознании (на материале американской и русской лингвокультур).

LINGUOCULTURAL PARAMETERS OF VALUE-SEMANTICS PERCEPTION
OF THE WORLD

(based on the study of the concept “gift” in the Russian paremiology)

N. V. Gorbova

The article describes the cross-cultural study of “gift code” in Russian culture represented in Russian proverbs and sayings. Linguocultural experiment is conducted to study the value-semantics of the concept “GIFT” on the basis of the Russian equivalent of the proverb “Never look a gift horse in the mouth”. The most frequently-used Russian proverbs with the concept “GIFT” are also analyzed.

Key words: linguocultura, paremiology, the concept “gift”, linguocultural experiment

© 2015

Г. Р. Каримова, Ш. В. Нафиков, Р. А. Сулейманова

К ИСТОРИИ ОДНОГО БАШКИРСКОГО СЛОВА ИЗ СПИСКА
М. СВОДЕША

В статье рассматривается история происхождения слова «кусать» из 100 словного списка М. Сводеша. Башкирский эквивалент данной лексемы, по мнению авторов исследования, имеет этимологию в рамках алтайских языков, включая тюркские. Возможна этимология в рамках теории сверхдальнего языкового родства и/или сравнения (анг. Longrange comparison). Изоглоссы с единым (общим) корнем вида qab- в

Каримова Гульназ Рафаиловна — кандидат филологических наук отдела языкознания ИИЯЛ УНЦ РАН. E-mail: suleimanova-g@mail.ru

Нафиков Шамиль Валиевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания ИИЯЛ УНЦ РАН. E-mail: nafiqoff@mail.ru

Сулейманова Резида Ахметьяновна — старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы УНЦ РАН. E-mail: suleimanova-g@mail.ru

различных модификациях проходят по ареалам распространения ностратических, сино-кавказских, америндских, австрических и других (гипотетических) макросемей. Отмечены многие виды смысловых изменений, большинство из которых концентрируются на смысле «хватать, схватить».

Ключевые слова: башкирский, список М. Сводеша, макросемьи языков мира, гипотетические связи, ближняя и дальняя этимология, борейская сверх макросемья

Списки М. Сводеша в различных вариантах (из 100, св. 200 слов) являются одним из часто используемых инструментов в работах по сравнительно-историческому языкознанию. В качестве объекта исследования нами выбрана лексема под № 7, англ. *bite* (verb)¹ – русский перевод ‘кусать’. В башкирском языке в указанном значении употребляют глаголы ‘*тешләү*’, ‘*сәйнәү*’, ‘*ашау*’ (пример ‘комары кусают’ — *серәкәйзәр тешләй*); в переносном значении известно слово *сагыу* (крапива кусает босые ноги — *кесерткән ялан аякты сага*).

В центре настоящей заметки находится башкирское слово *кабыу* ‘брать, положить себе в рот’; ‘клевать (о рыбе)’; *перен.* ‘попадаться’, оно имеет и некоторые другие значения. Некоторые из показанных значений сохраняются и в производных словах: *капкан* ‘капкан’, *перен.* ‘ловушка’, *капкылау* ‘закусывать, поест’, *каптырма* ‘крючок (на одежде)’, *каптырмалау* ‘застегивать’, *каптырыу* ‘положить в рот; застегивать; ловить (на удочку)’; ‘поймать’ и др.

Относительно связей значений отметим, что англ. *bite* и башкирское *каб-* имеют точки пересечения, как читатели видят из примеров выше; об этом же говорят и следующие переводы — англ. *fish bite(s)* vs башкирский *балык каба* ‘рыба клюет’ и т.д.

Смысловая связь налицо и в таком примере, как пратюрк. (далее ПТ) **gēb-* ‘жевать’, праалт. (далее ПА) *kēta, *ǰVbV ‘кусать’ (тюркский и алтайский материал заимствован из «Этимологического словаря алтайских языков» 2003 г. изд., далее EDAL).

История башкирского *-кап* хорошо прослеживается на материале тюркских языков; точные параллели имеются в таких языках, как уйгурский, киргизский, казахский, карачаевский, турецкий, татарский (*кап-*), ойратский (алтайский); в других языках тюркской семьи есть некоторые фонетические различия, скажем, в чув. *хар* — ‘брать, взять’. Как считает В. Егоров, эти слова несут подражательный характер: «*хып, кап* и др. — подражание хватанию ртом»².

В башкирском, ногайском, балкарском, татарском слово-дериват *qaplan* означает ‘барс’ (большой хищник семейства кошачьих). Наиболее правдоподобным кажется производность слов от *кап* — ‘хватать’³. Корень также един с корнем рассматриваемого в этой заметке слова.

В тюркских языках имеется также односложный корень *ōp ‘брать в рот, глотать’⁴. При допущении диахронического изменения отпадения анлаутного заднеязычного **q-* семантика *ōp близка к признанию последнего прямым соответствием тюрк. *-кар*.

¹ Swadesh 1972, passim.

² Егоров 1964, 314.

³ Дыбо 1997, 158.

⁴ Щербак 1970, 195.

Вместе с тем сопоставительное изучение языковых фактов указывает на наличие близких, сходных слов, изоглосс далеко за пределами тюркской и алтайской языковых семей.

Согласно данным российского макрокомпаративиста А. Долгопольского⁵, в значении ‘зуб’ корень типа *KP* (огласовка не обозначена) встречается и в картвельских языках (груз. *kbili*, чанск. *kibir*) и в родственных им (по гипотезе древнейшего родства языков северной Евразии) чукотско-камчатских (зап.-ительм. *kipkip* и под.), ср. ительм. *ki/ep* ‘зуб’⁶.

Основоположник отечественной ностратики В. Иллич-Свитыч⁷ предложил ностратическую основу *kAbA* ‘кусать’: и.-е. **ġebn-/geb (n)* — (вероятно < **kebh-*) ‘пожирать, пасть’... ~ картв. **kb-in* — ‘кусать’, **kb-il* — ‘зуб’.

Смысловые переходы в словах из данной цитаты перекликаются с таковыми, упомянутыми в начале настоящей заметки.

Ведущий ностратист из США А. Болихард⁸ указывает на ПН **k'ab-/*k'əb* — ‘схватить’, кусать; хватка ‘захват’, прафраз. **k'av* — ‘схватить’, дравидские: тамил. *karri* ‘затолкать в рот’, тулу *karuni* ‘есть жадно’, куи *kappa* ‘глотать’ и под.

По сведениям российского семитолога А. Милитарева⁹, в ряде афразийских языков (возраст которых, по некоторым данным, 10 000 — 30 000 лет) имеются такие вероятные сближения с башк. *kan-*, как бедауе? *am* ‘есть’, онгото *gasa* ‘кусать’, *rilfa* ‘рот’, диме ‘*apf*’, ?*aafa* ‘рот’, билин ?*av*, амхарск ‘*af, af*’ ‘рот’.

Афразийские языки, согласно одной из возможных классификационных моделей, входят в состав ностратической макросемьи. По другой модели — самостоятельная макросемья, связанная с ностратическим на более глубоком хронологическом уровне, близком ко времени единства всех языков групп *Homo Sapiens Sapiens*, переселившихся в Евразию из Африки около 50 000 лет назад.

Изоглоссы, содержащие лексемы, подобные разбираемому башкирскому слову, имеют «всесветное» распространение, а не ограничиваются ареалом языков ностратической суперсемьи. Впервые об этом факте написал выдающийся итальянский макрокомпаративист А. Тромбетти¹⁰: «Во всех языках мира имеется корень *кар*»¹¹. Ниже даем (выборочно) примеры с учетом современной таксономии (большей частью гипотетической) по макросемьям языков мира. Примеры заимствованы из Тромбетти¹²; а также из такого современного и важного источника, как Greenberg¹³.

I. Ностратическая сверхсемья: “тюрк. *кар* — ‘кусать’ (также смягченное: *čar...*, *tšar-* = маньч. *džaf-a*); айн. *kob-ai, kub-a, kip-a* ‘кусать’; динка *кар, kab, qab*, кушит. *kab, qab, gab...*, копт. *čor*, протосем. *qab-*; лат. *cap-io* и т.д.; венг. *кар*, чув. *kip* ‘кусать’ и т.п. Среди основных значений таких слов ‘схватить’, ‘ловить’, ‘кусать’. Евразийская праформа *кар* ‘схватить, хватать’; Гринберг перечисляет (фактиче-

⁵ Долгопольского 1964, 60.

⁶ Worth 1959, 106.

⁷ Иллич-Свитыч 1967, 346.

⁸ Bomhard 2008/2, 34.

⁹ Militarev 2005, passim.

¹⁰ Trombetti 1905, 55 сл.

¹¹ Trombetti 1907, 110.

¹² Trombetti 1907, 110, 112.

¹³ Greenberg 2002, 331.

ски повторяет за Тромбетти) и др. рефлексy, в т.ч. из лат., уральские (венг.), алтайские (чув. *xap* — ‘брать’), совр. кор. *kaps* ‘цена’, др.-яп. *kap-* ‘купить’, нивх. (вост. сахал.) кер ‘рукоять’. Одни ученые¹⁴ причисляют этрусский к ностратическим, другие¹⁵ — к сино-кавказским.

II. Сино-кавказская макросемья: кит. первоначально **kap*; аварск.¹⁶ *xap-*, удинск. *karh-* (лазск. *šor*), корень *kap* ‘схватить’; сюда же этр. *sari* ‘взять’¹⁷.

III. Австрическая суперсемья: кхаси *kor* = кмерск. *kōp*, в кхаси также палатализованное *šar* = кхмер *šar* и т. д. = сакей-семанг *šar*; малайо-полинез. корень *kap* и т.п., в языке кхамти *ka^op* ‘ккусать’, бахнарск. и стиенг *k^ap* ‘то же’ (кхмерск. *kām*).

Из других языковых семей ученый привел примеры из языков банту и несколько слов из андаманских языков (гипотетическая сверхсемья индо-тихоокеанских языков). «Это *kap* ‘кусать’ нам кажется идентичным *kap* ‘схватить’, — отмечал Тромбетти¹⁸.

В начале XXI века российский макрокомпаративист С. Старостин с соавторами¹⁹ составил обширную сводку лексических и грамматических единиц, среди которых находим праформу KVWV ‘кусать, жевать?’, где приведены америндские примеры **kua* ‘кусать’, **ko* ‘есть’, **kua* ‘рот’, а также KVMPV ‘зуб’ с правостронез. реконструкцией **g[a:]m* ‘зубы’. По новейшей таксономии макросемей мировых языков сверхсемьи I, II, III вместе с америндскими языками образуют сверхмакросемью борейских языков. С фонетической точки зрения в большинстве из них наблюдаются такие видоизменения некоего общего корня (основы), как в алт. **kēta* ~ **žybv* ‘кусать’, см. выше.

Какова природа сближений, сходств рассмотренных выше лексем? Первый момент при объяснении этих параллелей — принадлежность слова к т.н. диагностическому списку М. Сводеша. Общеизвестно, что из него автор исключил лексику из разряда «культурных» слов; это лексические единицы основного словарного фонда, редко подверженные процессам заимствования, это лексика неконтактного характера. Фактор случайности не может быть вовсе исключен при объяснении причин сходства внутреннего и внешнего облика сравниваемых лексем. Из работы А. Долгопольского и других компаративистов известно, что вероятность случайного совпадения анализируемых слов выражается чрезвычайно малой величиной. По канонам ареальной лингвистики очень большие, обширные ареалы, включая сюда и многие окраинные области, свидетельствует об очень большой древности слов, подобных башкирскому *kap-*. Здесь примечательно на-

¹⁴ Бомхард и др.

¹⁵ Старостин и т.д.

¹⁶ Аварск. — аварский, айн. — айнский, амхарск. — амхарский, англ. — английский, алт. — алтайский, башк. — башкирский, бахнарск. — бахнарский, венг. — венгерский, груз. — грузинский, зап. — ительм. — западно-ительменский, и.-е.-индоевропейский, ительм. — ительменский, картв. — картвельский, кит. — китайский, кушит. — кушитский, коптск. — коптский, кхмерск. — кхмерский, лазск. — лазский, малайо-полинез. — малайо-полинезийский, лат. — латинский, маньч. — маньчжурский, праавстронез. — праавстронезийский, праафраз. — пра-афразийский, протосем. — протосемитский, тамил. — тамильский, тюрк. — тюркский, удинск. — удинский, чув. — чувашский, чанск. — чанский

¹⁷ Greenberg 2002, 331.

¹⁸ Trombetti 1907, 110, 112.

¹⁹ Starostin 2002, MS.

блюдение, высказанное выше по поводу афразийской семьи — части ностратической макрофили.

Как известно из истории отечественного языковедения, этнолингвист А. Потебня обосновал важные понятия ближней и дальней этимологии слов на материале славянских и других индоевропейских языков. Однако это положение очень важно в методологическом отношении и касается оно не только языков индоевропейской семьи.

Историю башкирского слова *kap-* в сравнительно-историческом отношении можно проследить гораздо дальше, если не ориентироваться только на концепцию тюркской, герр. алтайской и/или урало-алтайской языковой семьи. Действительно, ближней этимологией слова является квалификация его как исконно тюркского, с надежной алтайской этимологией. Дальняя же этимология объясняет это слово как ностратическое и, по новейшей концепции части макрокомпаративистов нынешнего, XXI века, лексема из круга составляющих 2/3 языков мира *боре́йских* языков с доисторическими корнями.

Очень большая древность, иначе временная глубина, лексем, подобных евраз. *kap*, является причиной того, что в области семантики возникла большая дивергенция от доисторического стержня — понятия ‘хватать, брать и под.’, ср. *vide supra* ‘цена’ в кор., ‘купить’ в яп., ‘ручка’ в нивх., ‘клевать’ (о рыбе) в башк. и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

- Долгопольский А. Б.* 1964: Гипотеза древнейшего родства языковых семей Северной Евразии с вероятностной точки зрения // Вопросы языкознания. 2, 64-69.
- Дыбо А.* 1997: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М. Этимологический словарь тюркских языков 1997: Общетюркские и межтюркские основы на К - Ка. М.
- Егоров В. Г.* 1964: Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары.
- Иллич-Свитыч В. М.* 1965: Этимология. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семитохамитский). М.
- Щербак А. М.* 1970: Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.
- Bomhard Allan R.* 2008: Reconstructing Proto-Nostratic: comparative phonology, morphology, and vocabulary. New York.
- Edal Etymological Dictionary of the Altaic Languages.* 2003. Vol. I-III. Leiden; Boston.
- Militarev A.* 2005: Root extension and root formation in Semitic and Afrasian // Proceedings of the Barcelona Symposium on comparative Semitic, 19-20/11/2004, Aula Orientalis 23/1-2, 83-130.
- Starostin S.* 2002: Methodology of Long-Range Comparison. Moscow.
- Swadesh M.* 1972: What is glottochronology? // The origin and diversification of languages. London.
- Trombetti A.* 1905: L'unità d'origine del linguaggio. Bologna.
- Trombetti A.* 1907: Come si fa la critica di un libro. Con nuovi contribute one alla dottrina della monogenesi del linguaggio e alla glottologia generale comparata. Bologna.
- Worth D. S.* 1959: Paleosiberian etymologies, I-II // International Journal of American linguistics, 124-126.

THE ORIGIN OF A BASHKIR WORD FROM THE SWADESH LIST

G. R. Karimova, Sh. V. Nafikof, R. A. Suleymanova

The article deals with one lexeme-verb “bite” taken from the Swadesh list. The Bashkir equivalent of this lexeme, according to authors of research, has etymology within the Altai languages, including the Turkic. The etymology within the theory of long-distance language relationship and/or comparison (English is possible. Longrange comparison). Isoglosses with a general root of a type of qab-pass in various modifications on distribution areas the Nostratic, Sino-Caucasian, Amerind and Austric and other (hypothetical) macrofamilies. Many types of semantic changes are noted, the majority from which concentrate on general sense of “seize”.

Key words: Bashkir, the Swadesh list, macrofamilies of the world’s languages, hypothetical links, immediate and further etymologies, Borean super family

© 2015

Т. И. Кузнецова, И. А. Кузнецов

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫХ
ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье определены особенности употребления устойчивых глагольно-именных словосочетаний в английском научно-техническом тексте. Предложено классифицировать устойчивые словосочетания по типам трудности понимания их при чтении. Представлена технология распознавания глагольно-именных словосочетаний. Рассмотрены 4 типа трудности понимания устойчивых словосочетаний и предложен алгоритм их преодоления.

Ключевые слова: устойчивое словосочетание, английский научно-технический текст, профессионально-ориентированный перевод

В связи с активной разработкой теории автоматического перевода и реферирования специальных текстов, а также практики профессионально ориентированного преподавания английского языка требуются новые материалы о единицах текста и языка, в первую очередь об их функционировании¹. По предварительным данным и по результатам проведенных исследований на материале текстов научно-технической литературы, имеющей именной характер, было установлено,

Кузнецова Татьяна Игоревна — доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков, директор центра лингвистического образования Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева, член диссертационного совета УРАО. E-mail: englishmail@mail.ru

Кузнецов Игорь Александрович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева. E-mail: englishmail@mail.ru

¹ Абрамзон 2014, 228.

что именные словосочетания являются основными текстообразующими компонентами².

В английских научно-технических текстах встречается большое количество глагольно-именных словосочетаний, значение которых непосредственно не вытекает из значения составляющих их элементов. Такие словосочетания принято называть устойчивыми (далее УС)³.

Одна из особенностей УС заключается в том, что они выражают целостное значение действия или состояния. Это подтверждается, например, тем, что множество таких УС можно передавать на русский язык одним словом (*to take interest in* — интересоваться), а также тем, что эти УС имеют эквивалентные по значению полнозначные глаголы (*to interest*). В подобных УС значение глагола ослаблено, а семантическим центром является существительное, очень часто абстрактное, без артикля.

Следует отметить, что некоторые глаголы, сочетаясь с определенной группой существительных и образуя УС, всякий раз меняют свое лексическое значение в зависимости от того, с каким существительным они сочетаются (*to take place* — иметь место, *to take time* — отнимать время).

В УС подобного типа семантическим центром является существительное, а глагольный компонент выражает категорию действия или состояния и имеет все грамматические характеристики глагола (лицо, число, время, залог, наклонение)⁴.

В английской научно-технической литературе имеется также целый ряд УС глагольно-именного типа, в которых глагол или имя имеют переносные значения и вследствие этого трудны для понимания. Например, *to meet requirements* — удовлетворять требованиям, но глагол *to meet* имеет значение 'встречать'.

Учитывая вышеизложенное, УС были разделены нами на четыре типа по степени трудности понимания их при чтении. К первому типу трудности мы отнесли УС, полностью выводимые с однозначными и однородными компонентами, имеющими полный эквивалент в родном языке. В указанных УС построение смысловых связей между компонентами происходит без переосмысления элементов УС (*to play a role*).

Ко второму типу мы отнесли УС, также обладающие выводимостью. УС данного типа трудности не имеют дословного эквивалента на родном языке, и построение смысловых связей происходит по легко оформляемым смысловым связям, но требует уже некоторого выбора (*to achieve agreement with* — достигать согласованности, не «соглашения»).

Во вторую группу также вошли УС, глагольный компонент которых имеет ослабленное лексическое значение (*to take care of* — заботиться).

УС третьего типа трудности обладают невыводимостью значения из компонентного состава, характеризуются комбинационностью смысловых связей, по существу созданием новых смысловых связей (*to expand an equation* — разложить уравнение).

IV тип трудности представляют УС, оба компонента которых имеют перенос значения «первой или второй степени». К этой группе относятся УС, значение ко-

² Абрамзон 2010.

³ Тер-Минасова 1986, 15.

⁴ Тер-Минасова 1981, 70.

торых выводится в результате синтеза измененных значений компонентов (to give rise to — способствовать, приводить к).

Для понимания УС очень важно уметь распознать их в предложении. УС глагольно-именного типа могут выполнять в предложении различные синтаксические функции и иметь различные морфологические формы, что затрудняет их распознавание в предложении.

Рассмотрим это на примере.

1. The students made use of new mashines.
2. Use has been made of new mashines.
3. The mashines to be made use of are very important.

В первом и втором предложениях УС выполняет функцию сказуемого, но с различными морфологическими характеристиками. Поэтому понимание УС во втором предложении связано с большими трудностями. В третьем предложении УС имеет функцию определения. Таким образом, понимание УС затруднено вследствие наложения дополнительных трудностей морфолого-синтаксического плана. Поэтому для понимания УС необходимо овладеть навыками распознавания УС в различных морфолого-синтаксических построениях⁵.

Вследствие этого нами была разработана методическая типология грамматических явлений, в которых могут функционировать УС всех типов. Морфолого-синтаксические структуры, характерные для стиля научно-технической литературы на английском языке, были условно разделены на четыре ранга.

В данной статье мы рассмотрим трудности понимания УС и их преодоления в первом ранге морфолого-синтаксических структур (неопределенные времена действительного залога, перфектные времена действительного залога, сочетание с модальными глаголами).

Для понимания УС важно уметь распознать их в предложении.

Поэтому для понимания УС необходимо овладеть навыками распознавания УС в различных морфолого-синтаксических построениях.

При распознавании УС названных типов в данной грамматической форме выполните следующие действия:

1. Определите глагольную часть сказуемого по одному из формальных признаков: а) по вспомогательным глаголам, б) по модальным глаголам, в) по 3-ему лицу единственного числа настоящего неопределенного времени (суффикс «s»), по личному местоимению, д) по неправильным глаголам.
2. Если глагольная часть сказуемого выражена одним из нижеследующих глаголов (to take, to make, to give, to have, to keep, to set, to lose, to fall, to put, to come), сказуемое может быть выражено УС.
3. Если в предложении глагольная часть сказуемого не выражена названными глаголами, проверьте по словарю значение глагольной и именной частей сказуемого и, если они не стыкуются по смыслу, то глагол-сказуемое может быть выражен УС.
4. Определите подлежащее или группу подлежащего слева от глагола-сказуемого.
5. Определите прямое дополнение справа от глагола-сказуемого. Если оно выражено существительным, проверьте, есть ли артикль перед существительным; если его нет, то глагол-сказуемое может быть выражен УС. Про-

⁵ Новицкая 1994, 7.

верьте, какого типа существительное; если оно абстрактное, то словосочетание может быть устойчивым.

6. Проверьте, согласуется ли по смыслу подлежащее + глагол-сказуемое + прямое дополнение, выраженное существительным. Если такого согласования нет, то глагол-сказуемое может быть выражен УС.

Предлагаются следующие виды упражнений для распознавания УС в первом ранге грамматических построений⁶.

I. Проанализируйте предложения и найдите в них УС.

1. In studying this problem we may confine our attention to a.c. sources of supply.
2. These phenomena are classical and have presented no difficulties.
3. The existence of the unknown elements raises the problem of studying the phenomena discovered by our scientists.
4. For getting good results we made use of the data given by a group of our scientists.
5. This analysis should take account of horisontal dispersion of the liquid.
6. It is necessary to meet requirements in power.

II. По каким формальным признакам можно определить, что словосочетания из нижеследующего ряда являются устойчивыми (по «нестыковке» значений, по определенным глаголам и существительным, по отсутствию артикля перед существительным).

To do harm	To take place
To do morning exercises	To offer resistance
To give a book	To offer a cup of tee
To take interest in	To give confidence
To take a note-book	To set an example

III. Определите, в каком из предложений глагол-сказуемое выражен УС.

1. Only the real investigation of the problem will give rise to its scientific solution.
2. Our engineers gave this problem a real solution.
3. This method of analysis is economical and has provided insight into the structure of the atom.
4. Our laboratory has provided material for a number of important investigations.
5. The new system of measurement gave good results for our practical work.
6. The investigation gave good yields for further development of our science.

Понимание УС представляет, как мы уже отмечали, значительные трудности и зависит от того, имеют ли компоненты УС перенос значения и в какой степени, а также от того, какую синтаксическую функцию в предложении выполняет УС целиком или его глагольная часть.

Как указывалось выше, в зависимости от трудности понимания УС условно подразделены нами на четыре типа. УС первого типа не будут рассматриваться в данной статье, так как они обладают полным совпадением семантических расхождений в двух языках и значение всей единицы выводится простым сложением значений отдельных компонентов УС.

Что касается понимания УС второго типа, то они характеризуются переносом значения «первой степени» одного из компонентов УС или ослабленным лексическим значением глагольного компонента. Перенос значения «первой степени»

⁶ Терехова, Кузнецова 2003, 193.

означает, что новое для студента значение того или иного компонента имеет близкую семантическую связь с известным значением. Подобные УС не имеют дословного эквивалента в родном языке учащихся.

Следует помнить, что если в состав словосочетания входят такие глаголы как to take, to make, to give, to have, to come, to set, to keep, to put, to lose, to get, to fall, то часто эти глаголы теряют свое лексическое значение, носителем семантики является именной компонент и все словосочетание может передаваться одним словом.

Предлагаются следующие виды упражнений для обучения пониманию УС второго типа.

Выведите значение УС, исходя из анализа значений компонентов по образцу.

Образец: to confine attention to

to confine — ограничивать.

Следует помнить, что новое значение «ограничивать» имеет близкую семантическую связь со значением «сосредоточить», «обращать», следовательно, перевод данного оборота будет: обращать внимание.

To make plans	To make	- делать
To make contribution to		
To make a decision	To arouse	— будить
To arouse interest in		
To take a resolution	To take	— брать

II. Подберите русские эквиваленты, данные под чертой, к следующим английским УС.

to raise a problem, to take steps, to solve a problem
предпринимать шаги, решать задачу, поставить вопрос.

III. Выведение значения УС, используя образец.

Образец: to take interest in — интересоваться.

Следует помнить, что в УС с глаголами to take, to make, to give, to have и др. семантическую нагрузку несет только именной компонент, который выражается часто абстрактным существительным без артикля.

To take difference	To take care of
To have visits	To take action
To give evidence	To take charge
To take precaution	To make effects on

IV. Назовите номера словосочетаний, русский эквивалент которых состоит из одного слова (двух слов).

To make plans	To make mention
To make use of	To give confidence
To make measures	To take a trace
To make visits	To pay attention to
To take approach	To make efforts

V. Подберите русские эквиваленты к следующим английским УС.

1. To take a trace	1. решать задачу
2. To take precaution	2. поставить вопрос
3. To put efforts	3. осуществить управление
4. To solve a problem	4. возбуждать интерес
5. To place restriction	5. следить

6. To give evidence	6. предупреждать
7. To afford control	7. прикладывать усилия
8. To raise a problem	8. ограничивать
9. To arouse interest in	9. доказывать
10. To take a form	10. принимать форму

Для раскрытия значения УС второго типа необходимо произвести синтаксический анализ предложения, выделить глагол-сказуемое, поставить его в исходную форму, т.е. в форму инфинитива.

Вывод о возможном значении УС делается с опорой на знакомое значение одного из компонентов УС. Следует помнить, что новое значение этого компонента УС имеет близкую семантическую связь с новым значением. Вывод о возможном значении УС делается также с опорой на именную часть УС, при этом необходимо учитывать, что глагольный компонент имеет ослабленное лексическое значение⁷.

Предлагается следовать инструкции и выполнить упражнения в распознавании УС, затем упражнения на понимание УС, предварительно поставив сказуемое, выраженное УС, в исходную форму, т.е. в форму инфинитива.

Мы рассмотрели распознавание УС типов в первом ранге грамматических структур и понимание только второго типа УС в указанной структуре. Алгоритм учебных действий по пониманию УС третьего и четвертого типа в первом ранге грамматических структур, а также распознавание и понимание второго, третьего и четвертого типов УС во втором, третьем и четвертом ранге будут рассмотрены в следующих публикациях. Выявленные соответствия и закономерности могут стать основой для разработки научно обоснованных методик преподавания английского языка в технических вузах и перевода профессионально ориентированной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон Т.Е. 2014: «Вечернее размышление» М. Ломоносова и «Evening reflections» Дж. Боуринга: от полисемии идей оригинала к однозначности перевода // ПИФК. 1 (43), 228-242.

Абрамзон Т.Е. 2010: «Письмо о пользе стекла» М.В. Ломоносова, Опыт комментария просветительской энциклопедии. Репринтное воспроизведение издания 1752 (1753) года: к 300-летию М.В. Ломоносова. М.

Кузнецова Т.И., Марченко А.Н., Кузнецов И.А. 2014: Теория и практика обучения английскому языку в техническом вузе. М.

Новицкая З.Р. 1994: Обучение распознаванию и пониманию УС в научно-технической литературе. М.

Терехова Л.В., Кузнецова Т.И. 2003: Понимание терминологических единиц при обучении чтению научно-технической литературы на английском языке // Проблемы языкознания. 5, 193-198.

Тер-Минасова С.Г. 1981: Словоупотребление в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. М.

Тер-Минасова С.Г. 1986: Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания английского языка. М.

⁷ Кузнецова, Марченко, Кузнецов 2014, 56.

THE DISTINCTIVE FEATURES OF THE USE OF SET VERBAL-NOMINAL
WORD EXPRESSIONS IN THE ENGLISH SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXT

In this article the features of the use of set verbal-nominal word expressions in the English scientific and technical text are defined. It is offered to classify set verbal-nominal word expressions by types of difficulty of their understanding at reading. The technology of recognition of verbal-nominal word expressions is presented. 4 types of difficulty of understanding of set word expressions are considered and the algorithm of their overcoming is offered.

Key words: the set word expressions, the English scientific and technical text, translation for special purposes

---

© 2015

З. Р. Жаханова

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ НА МАТЕРИАЛЕ ПОДЪЯЗЫКА
АРХИТЕКТУРЫ И СТРОИТЕЛЬСТВА

В статье рассматриваются структурно-семантические особенности многокомпонентных терминов в современном русском и английском языках в сфере архитектуры и строительства. Лексика языков для специальных целей характеризуется большим количеством терминологических словосочетаний, имеющим прозрачную мотивацию и, поэтому, наиболее типичных для новых, быстро развивающихся областей знания, включая архитектуру и строительство. Необходимость более детального изучения многокомпонентных терминов связана с возрастающим интересом лингвистов к изучению особенностей специальных подязыков новых областей знания, так и необходимостью выявления специфических черт языка науки и техники, важностью исследования специальной номинации вообще. В статье определены основные модели многокомпонентных терминов и частота их распространенности, охарактеризованы особенности перевода таких терминов с английского на русский язык.

Ключевые слова: подязык, многокомпонентный термин, термин, лингвистика, терминологические словосочетания

Современная лингвистическая наука направлена на изучение отдельных сфер деятельности, которые в свою очередь формируют так называемые подязыки в системах национальных языков, именуемые языками для специальных целей. Этот термин (язык для специальных целей, или LSP), как правило, используется для обозначения функциональной разновидности языка. Целью любой разновид-

---

Жаханова Зарина Раимжановна — магистр иностранной филологии, старший преподаватель кафедры журналистики и переводческого дела университета «Туран» г. Алматы. E-mail: 7.07zorig@mail.ru

ности языка является обеспечение адекватного и эффективного общения специалистов в конкретной предметной области. Характеристики подязыка архитектуры и строительства прослеживаются на всех уровнях, и особенно на уровне лексики, т.к. именно словарный состав и синтаксические конструкции определяют данный тип подязыка.

Языковая номинация в сфере подязыка архитектуры и строительства отличается наличием большого количества терминов, в том числе и терминологических словосочетаний (ТС). В общем такие словосочетания имеют прозрачную мотивацию и поэтому наиболее широко распространены в быстро развивающихся областях знаний. Архитектура — одна из относительно динамично развивающихся в современном мире областей деятельности, которая в то же время имеет очень глубокие корни. Более того, лексический пласт данной группы постоянно пополняется новыми терминами как в русском, так и в английском языках.

Активное изучение терминов в последнее время доказывает актуальность исследования не только терминов-слов, но и терминов-словосочетаний. Ряд отечественных и зарубежных лингвистов неоднократно описывали особенности как терминов, так и терминологических словосочетаний. Природа и само понятие «термин» широко изучаются в философии, лингвистике, логике, но, несмотря на это, современная наука не дает унифицированного определения понятий «термин» и «терминологическое словосочетание». Так, А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева приводят около пяти определений понятия «термин»¹, а В.П. Даниленко — 19, при этом не исключая, что этот перечень может быть продолжен². Однако, несмотря на разнообразие предложенных значений, мы склонны полагать, что под понятием «термин» мы чаще всего подразумеваем лексическую единицу, обозначающую специальный предмет или научное понятие определенной области знаний или научной деятельности. Терминологические сочетания (ТС) могут быть представлены семантически целостными сочетаниями двух или нескольких слов, связанных с помощью предлогов или беспредложным способом. В.А. Судоцев не исключает возможность того, что ТС могут иметь устойчивый характер³.

Широкая распространённость терминов-словосочетаний в научных текстах продиктована необходимостью номинации комплексных многокомпонентных понятий, уточнения профессиональных объектов и понятий по мере познания их сущности и открытия новых сторон изучаемых явлений. Роль терминологических словосочетаний заключается не только в дифференцировании возникающих понятий, но и в систематизации парадигматических отношений между ними. Многокомпонентные термины представляют собой важнейший лексический компонент любого научного текста, и в частности текстов архитектурной тематики.

Более того, еще одну сложность представляет тот факт, что сама сущность явления многокомпонентности характеризуется множественностью точек зрения. Термины, имеющие в своем составе несколько лексических единиц, именуются по-разному: терминами-цепочками, многословными терминами, многочленными терминами, неоднословными терминами, полилексемными терминами, сложно-

¹ Суперанская, Подольская, Васильева 2003, 76.

² Даниленко 1977, 142.

³ Судоцев 1992, 47.

структурными субстантивными словосочетаниями, поливербальными терминами, многокомпонентными субстантивными словосочетаниями, многокомпонентными терминологическими сочетаниями и др.

В лингвистике выделяют двухкомпонентные и многокомпонентные термины в зависимости от количества внутренних компонентов и вида взаимоотношений между составными частями. Такая группа терминов является оптимальным языковым средством в сфере актуальной номинации в современной науке и, вследствие большой семантической ёмкости, является важнейшим лексическим конституентом научного текста.

Согласно Л. Н. Беляевой, процесс образования многокомпонентных терминов (МКТ) протекает бинарно, в огромной степени завися от того, как происходит номинация:

1) либо как процесс градуального усложнения и уточнения номинации объекта (постепенное усложнение именной конструкции с добавлением и изменением характеристик ядра);

2) либо как процесс последовательного сворачивания⁴.

Современная лингвистика определяет МКТ как «несколькословные терминологические сочетания устойчивого типа с субстантивным ядром и числом полнозначных компонентов более двух»⁵. Являясь «раздельноформленными, семантически целостными сочетаниями»⁶, они носят определенный устойчивый терминологический характер⁷, что говорит об их большом количестве и важности в лексике различных подъязыков науки и техники, в том числе и в подъязыке архитектуры и строительства.

Рассмотрев все имеющиеся определения МКТ, мы считаем, что под многокомпонентным термином следует понимать полилексемное устойчивое терминологическое сочетание с определенным числом раздельноформленных полнозначных компонентов. Основными характеристиками таких сочетаний являются:

1) ограниченная экспрессивность и образность;

2) потенциальная способность со временем конденсироваться в однословные наименования.

Многокомпонентные термины, или многокомпонентные терминологические сочетания, в английском языке, по мнению ряда авторов, включают в свои ряды и термины, оформленные через дефис. Большую трудность вызывают такие термины в процессе перевода, что связано со сложностью их структуры и многозначностью компонентов: *site-assembled* (собранный на стройплощадке), *water-bound macadam* (щебеночное покрытие или основание с поливом водой перед укаткой) и др.

Сравнительно-сопоставительный анализ терминов-словосочетаний подъязыка архитектуры в русском и английском языках показал, что в текстах этого направления имеют место трёх-, четырёх-, пяти- и шестикомпонентные термины: *arched concrete dam* (арочная бетонная плотина), *safe maintenance of construction machinery* (безопасная эксплуатация строительного оборудования), *double crank*

⁴ Беляева 2003, 210.

⁵ Виноградов 2004, 89.

⁶ Виноградов 2004, 90.

⁷ Виноградов 2004, 90.

construction materials press (пресс с двумя коленчатыми валами) и соответственно в русском языке *активная деформация конструктивных элементов здания, вибрационная смесь* и т.д.

В свою очередь дистрибутивно-статистический анализ текстов архитектурной и строительной тематики позволил сделать следующие выводы, что термосочетания, представленные в русских и английских текстах, в большинстве случаев являются многокомпонентными конструкциями со сложными определительными (атрибутивными) композитами, которые используются для описания технических объектов, явлений и процессов: *constructional building coupling* (соединение конструктивных элементов здания), *continuous footing* (ленточный фундамент), *lathered ceiling* (решетчатый потолок), *перекидной мостик*, *наружная лестница*, *накрывочный штукатурный слой* и т.д.

Русские многокомпонентные термины-эквиваленты очень часто структурно отличаются от англоязычных терминов — например, возможен иной порядок компонентов: *crane base* (опорная нога крана), *dwelling by geographical location* (географическое расположение жилищ), *compressor instability* (неустойчивость работы компрессора). Кроме того, существует ряд архитектурных терминов, которые при переводе на русский язык представлены многокомпонентными терминами с предлогами: *splayed jamb* (косяк с откосом), *lining material* (материал для отделки), *waste treatment facility* (установка для очистки сточных вод).

Природа возникновения и активного использования многокомпонентных терминов весьма интересна. Представляется возможным предположение двух основных причин. Во-первых, появление многокомпонентного термина может быть обусловлено необходимостью отразить ряд признаков с помощью одной формы, например, *крестообразная блок-секция*, *обратный четвертной вал*, *композиционное зонирование территории парка*, *глубинно-пространственная композиция*, *романская связанная система*, *мебельная фанерная плита* или *constructional building equipment* (конструкционный элемент), *horizontal disc crusher* (горизонтальная дисковая дробилка), *waste treatment facility* (установка для очистки сточных вод) и т.д. Данная характеристика ярче всего выражена у так называемых «предтерминов», которые представляют собой «группу специализированных единиц лексики, используемых в роли терминов для называния новых понятий, в качестве которых могут выступать описательный оборот, сочинительное словосочетание, сочетание, содержащее причастный или деепричастный оборот, что удовлетворяет потребность наиболее полно и точно отразить во внутренней форме термина границы вербализуемого понятия»⁸. Во-вторых, в рамках данного вопроса еще более актуальным становится вопрос о системности терминов. Необходимость показать с помощью внутренней формы связь термина с другими сферами знаний способствует образованию так называемых многокомпонентных терминов, в которых базовый, или классифицирующий, терминологический элемент выражается однокомпонентным или многокомпонентным термином данной терминосистемы, например, *cement hydration reaction* (реакция гидратации бетонной смеси), *active residential solar heating unit* (энергоактивная установка солнечного отопления зданий), *noise-induced structural vibrations* (колебания строительных конструкций под действием акустических нагрузок) и т.д. Многокомпонентные

⁸ Володина 2000, 104.

термины структурно связаны с гиперонимами и рядом других смежных понятий в данной сфере знаний посредством системных терминологических элементов. Так, например, приведенный выше термин *active residential solar heating unit* (энергоактивная установка солнечного отопления зданий), свидетельствует о том, что само понятие напрямую соотносится с понятиями *солнечное отопление зданий* и *энергоактивная установка* сферы физики.

Таким образом, рост числа компонентов терминов протекает естественно. Более того, расширение научного знания в определенной области влечет к увеличению количества терминов с несколькими компонентами, преимущественно растет число двухкомпонентных терминов. Фактором, тормозящим рост терминологических словосочетаний с несколькими компонентами, является требование, предъявляемое терминам, — краткость. Лингвисты-терминоведы считают, что краткость является основополагающим требованием, в связи с чем рекомендуют сокращать терминологические словосочетания, не исключая возможность словослияний (blenings) в тех случаях, где это возможно, например *шведка* (*шведская печка*) в русском языке и *glasphalt* (*glass asphalt*) в английском.

Нередко в качестве дублетов многокомпонентных терминов выступают различного рода сокращения. Например, *AK* (*архитектурная композиция*), *СП* (*строительная промышленность*), *GND* (*Ground — земля, заземление, наземный*), *ADA* (*Architects and Designers Association — Ассоциация дизайнеров и архитекторов*).

Таким образом, ссылаясь на статистические данные, можно констатировать факт, что количество многокомпонентных терминов в любой сфере науки, включая подязык архитектуры и строительства, значительно превышает число однокомпонентных. В составе же многокомпонентных терминов доминируют двухкомпонентные, или так называемые бинарные термины. При этом число трехкомпонентных терминов можно условно приравнять к числу однокомпонентных терминов. Далее по мере возрастания числа компонентов выявляется уменьшение числа терминов. Это обусловлено двумя факторами. Во-первых, в связи с увеличением компонентов активно начинают использоваться аббревиатуры. Например, *GERAM* (*Generalized Enterprise Reference Architecture and Methodology*), *LALAC* (*Local Architectural Conservation Advisory Committee*). Появление и широкое использование таких аббревиатур прежде всего связано с удобством их использования. Однако сильная насыщенность текста сокращениями часто приводит к затруднениям при их интерпретации на каком-либо другом языке. Ряд английских сокращений в сфере строительства и архитектуры не имеют аналогичных эквивалентов в русском языке, например *FSTC* (*Field sound transmission class*), *MLMA* (*Metal Lath Manufacturers Association*).

Проведенный нами анализ более 200 терминологических словосочетаний сферы архитектуры и строительства позволяет сделать следующие выводы:

1) большинство (58%) многокомпонентных терминов переводится с английского языка на русский при помощи аналогичной атрибутивной функции: *chemical wood preservation* — *химический способ сохранения дерева*;

2) значение некоторых из английских термосочетаний (20%) передается с помощью перестановки компонентов: *construction firm presentation* — *презентация строительной фирмы*;

3) около 15% многокомпонентных терминов переводится при помощи использования причастных и деепричастных оборотов: *negative building construction reinforcement* — *арматура конструкционных секций строительного объекта, воспринимающая отрицательный момент*;

4) 7% многокомпонентных терминов передаются на русский с помощью сочетаний типа «существительное + предлог + существительное»: *concrete fireproofing* — *бетонное покрытие для защиты от огня*.

Таким образом, сравнительный анализ многокомпонентных терминов позволил установить, что данная группа терминов представляет собой номинативные единицы, которые выражают емкие наименования научных явлений и понятий. Более того, они выполняют роль одного из важнейших конститuentов научного текста, обеспечивая точную передачу содержания.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляева Л. Н. 2003: Теория и практика перевода. СПб.
Виноградов В. С. 2004: Перевод: Общие и лексические вопросы. М.
Володина М. Н. 2000: Когнитивно-информационная природа термина: (На материале терминологии средств массовой информ.). М.
Гринев-Гриневиц С. В. 2008: Терминоведение. М.
Даниленко В. П. 1977: Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.
Судоцев В. А. 1992: Терминология по электросвязи: Аббревиатуры и акронимы, используемые в науч.-техн. лит. на англ. яз. М.
Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. 2003: Общая терминология. Вопросы теории. М.
Татаринов В. А. 1996: Теория терминоведения: в 3-х т. Т. 1. Теория термина: история и современное состояние. М.
Герман Ю. В., Муромец И. И. 2010: Архитектура: иллюстрированный словарь. М..
Широкова Л. Н. 2009: Новый англо-русский и русско-английский словарь по архитектуре, строительству и недвижимости. М.
Harris Cyril M. 2006: Dictionary of Architecture and Construction. New York.

STRUCTURAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF MULTICOMPONENT TERMS IN MODERN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES (On the Basis of the Language of Construction and Architecture)

Z. R. Zhakhanova

The article deals with structural and semantic peculiarities of multicomponent terms in modern Russian and English languages in the field of architecture and construction. The need for detailed studies of multicomponent terms is connected with the growing interest of linguists to special features of sublanguages and the need to identify the specific features of the language of science and technology, the importance of studying the special category as well. In the article the basic models of multicomponent terms and the frequency of their usage are defined, peculiarities of translating multicomponent terms from English into Russian are characterized.

Key words: multicomponent term, term, sublanguage, linguistics, terminological word combinations

© 2015

Н. Ч. Серээдар

ПОВТОРЕНИЕ ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВ В ЭЛЕМЕНТАРНОМ ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются способы выражения повторов в элементарных простых предложениях тувинского языка. Рассматриваются разные точки зрения тюркологов на значение повторов. Показывают специфику употребления повторов. Анализируются семантические оттенки повторов. В статье отмечают, что глаголы деятельности, глаголы состояния, глаголы поведения, глаголы движения могут иметь при себе прямой объект действия. Прямое дополнение одинаково возможно как при сказуемом, выраженном переходным глаголом, так и при сказуемом, выраженном непереходным глаголом.

Ключевые слова: элементарные простые предложения, повтор, усилительное значение, разговорный стиль, глаголы деятельности

Настоящая статья посвящена определению места повторов в системе грамматических средств тувинского языка. Задачей статьи является рассмотрение застывших образований, которые несут разные смысловые оттенки и модальные значения.

В тюркологии повторы рассматривались в работах Н.К. Дмитриева¹, В.Г. Егорова², Е.И. Убрятовой³, С.Н. Муратова⁴, А. Кайдарова⁵, Р.А. Аганина⁶, М.И. Адилова⁷ и др. Н.Л.Баскаков впервые в тюркологии отнес редупликацию деепричастий к видовой характеристике глагола. По мнению Н.А. Баскакова, «многократный вид глагола образуется также посредством повторения деепричастия данного глагола»⁸. Ряд характерных особенностей повторов в татарском языке рассмотрен Х.Г.Агишевым⁹, в казахском языкознании данный вопрос поднимался Т.Б. Калабаевой¹⁰. Многие вопросы, связанные с повторами, находятся в синтаксическом поле¹¹, и при решении их происхождения и взаимосвязей необходимо исходить из общих синтаксических и морфологических критериев¹².

Серээдар Надежда Чылбаковна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Тувинского института гуманитарных исследований, зав. сектором языка. E-mail: sereedar.62@mail.ru

¹ Дмитриев 1930.

² Егоров 1965.

³ Убрятова 1960.

⁴ Муратов 1961.

⁵ Кайдаров 1958.

⁶ Аганин 1959.

⁷ Адилов 1968.

⁸ Баскаков 1940.

⁹ Агишев 1970.

¹⁰ Калабаева 1980

¹¹ Гаджиева 1975.

¹² Ганиев 1963.

Данный вопрос нами не рассматривался. Изучение повторов в тюркских языках продолжается и в настоящее время¹³.

Повторы как грамматическое средство в современных языках привлекают внимание многих исследователей. Лексико-грамматическая структура повторов в тюркских языках изучается достаточно интенсивно: повторы имен существительных, имен прилагательных, числительных, наречий, местоимений, повторы специальных усилительных слов (частиц и наречий), повторы модального слова, повторы подражательных слов. Среди их значений наиболее ярко выделяются значения множественности, интенсивности, усиления. В процессе изучения синтаксических особенностей татарской разговорной речи были установлены и описаны структурно-грамматические типы повторов имен и глаголов, а также раскрыта их семантика¹⁴. Удвоение основы применяется и в других тюркских языках. При этом удвоенная основа во многих языках, наряду с усилением лексического значения, выражает различные грамматические понятия. Так, например, в узбекском языке удвоение основы в именах существительных выражает множественность, в именах прилагательных — интенсив, в глаголах — длительность и повторяемость действия, в именах числительных — разделительность¹⁵.

Повторы глаголов выражают и модальные значения. Повторы глаголов семантически многообразны. Синтаксические повторы как усиленные конструкции с однокоренными словами, структурные типы удвоений (повторений) широко представлены в тюркских и других языках¹⁶.

Однако, насколько можно судить по приведенным в работах вышеперечисленных исследователей материалам, удвоенные основы лишь в особых случаях образуют новые слова. Нередко они оказываются принадлежностью разговорного стиля. В подавляющем большинстве случаев удвоение основ дает не новые слова, а особые формы слов.

Для тувинского языка характерны повторы родственных слов, в частности глаголов и существительных, которые часто являются производимыми от указанных глаголов. Это явление характерно как для языка фольклора и современной литературы, так и для обычной разговорной речи.

Н. Р. Байжанова отмечала, что в алтайском языке глаголы действия, обозначающие занятия и умения, являются семантически переходными, а структурно непереходными¹⁷.

Авторы «Граматики тувинского языка» А. А. Пальмбах, Ф. Г. Исхаков пишут: «Глаголы в основном залоге подразделяются по своему грамматическому значению на переходные и непереходные. Переходные глаголы обозначают действие, переходящее на прямой объект, и управляют винительным падежом (оформленным и неоформленным). Непереходные глаголы обозначают действие (или состояние), которое не переходит на прямой объект. Они не управляют винительным падежом, но могут управлять другими косвенными падежами»¹⁸.

¹³ Абдуллаева 1999; Галлямов 2003; Зарипова 2007.

¹⁴ Сафиуллина, Галлямов 1984.

¹⁵ Уринбаев 1982.

¹⁶ Сибатагов 1978; Зейналов 1970.

¹⁷ Байжанова 2004.

¹⁸ Исхаков, Пальмбах 1961.

Но наш материал показывает, что в тувинском языке в этом смысле нет деления на переходные и непереходные глаголы. Прямое дополнение одинаково возможно как при сказуемом, выраженном переходным глаголом, так и при сказуемом, выраженном непереходным глаголом. К таким глаголам относятся глаголы деятельности, глаголы состояния, глаголы поведения, глаголы движения и др.

В тувинском языке большую группу составляют глаголы занятия, которые допускают повторы. Некоторые глаголы со значением деятельности в сказках становятся переходными: *аңын аңна* — ‘охотиться на зверя’, *малын малда* — ‘пасти скот’, *кажыын кажыкта* — ‘играть в бабки, в кости’, *паиш паиштан* — ‘готовить пищу, кухарничать’. Они содержат в себе по две семы: совершать действие — объект-результат действия: *алдыла*= ‘охотиться на соболя’, *аңна*= ‘охотиться’; ‘отправляться на охоту’; *байлаңна*= ‘ловить мальков’, *белде*= ‘ловить тайменя’, *күжүгенне*= ‘охотиться на пищуху’, *авырганна*= ‘охотиться на белку-летягу’, *өдүректе*= ‘охотиться на уток’, *өлүкте*= ‘заниматься добычей пушнины’, *киште*= ‘охотиться на соболя’, *койгунна*= ‘охотиться на зайцев’, *кокайла*= ‘охотиться на волков’, *куртта*= ‘ходить в поисках червей, насекомых, чтобы ими питаться (обычно о птицах)’, *кундуста*= ‘охотиться на бобра или выдру’, *кушкашта*= ‘ловить птичек, охотиться на птичек’, *кушта*= ‘охотиться на птицу’, *күжүгенне*= ‘охотиться на пищух’, *күзенне*= ‘охотиться на колонков’, *күртүле*= ‘охотиться на тетерева’, *күскекүжүгенне*= ‘охотиться на мышей и других мелких грызунов’, *күскеле*= ‘ловить мышей, охотиться на мышей’, *кырзала*= ‘охотиться на хорька’, *сырбыкта*= ‘охотиться на белку, белковать’ и др. Хотя глаголы *аңна*= ‘охотиться’ и *малда*= ‘пасти скот’ включают в свою семантику компоненты, выраженные словами *аң* ‘зверь’ и *мал* ‘скот’, но, на наш взгляд, словосочетание *мал малда*- употребляется чаще, чем глагол *малда*-без имени существительного. Из данных глаголов очень часто употребляются следующие глаголы с именами существительными: *аң аңна*, *мал малда*. Они не вполне употребимы без названий указанных объектов, а выражения *аң аңна*-, *мал малда*- не избыточны. Кроме этого, в качестве объекта могут выступать другие имена существительные: *чылгы малдаар*, *иви малдаар*, — которые конкретизируют содержание. Например: *Ол аңнап чорупкан* — *Он поехал на охоту*. Но в сказках и в художественной литературе мы видим обратную картину. Глагол *аңна*- требует винительного падежа имени существительного, которое произошло от корня данного глагола. Например: *Күчүтү-Мерген ... Арзылаң-Ала-Тайгазынче аңын аңнап хап чоруп каан иргин* (ДШАТМ, 54) — *Күчүтү-Мерген ... поехал на охоту в Арзылан-Ала-Тайгу; ... Аныяк чораан шаанда бир айда аңын аннаар, бир айда малын малдаар ..* (МТ, 7) — *Когда (он) был молодым, один месяц охотился, один месяц пас скот...*

В сказках часто встречаются повторы глаголов и существительных, производные от данных глаголов: *чугаазын чугаалажыр* ‘разговаривать’ (букв. ‘разговаривать разговор’), *шайын шайлаар* ‘чаевничать’ (букв. ‘чаевничать чай’), *сөзүң-домааң домактаныр* ‘говорить’ (букв. ‘говорить слово’), *бир ажыгны ажыглаар* ‘использовать одно поражение’, *бирарганыаргалаар* ‘использовать один способ’, *сиирин сиирээр*, *өөн өглээр* ‘ставить юрту’, *паиш паиштаныр* ‘готовить еду, кухарничать’, *сөзүн сөглээр* ‘говорить слово’, *ажыын ажыыр* ‘горевать, страдать’ (букв. ‘горевать горем’), *саан ын саар* ‘доить корову’, *ижин иштенир* ‘работать’ (букв. ‘делать дело’), *домааң домактаныр* ‘говорить’ (букв. ‘говорить предложение’),

илбини илбиленир ‘волшебством заниматься’, *чоруун чоруур* ‘делать дело’ (букв. ‘ходить хождением’), *кышкызын кышкыраар* ‘кричать’ (букв. ‘кричать крик’), *алгызын алгыраар* ‘кричать’ (букв. ‘кричать крик’), *сыгыдын сыгыртыр* ‘исполнять горловое пение’, *хөөмейин хөөмейлээр* ‘исполнять горловое пение’, *уйгузун удуур* ‘спать’ (букв. ‘спать сном’), *чурт чурттаар* ‘жить’ (букв. ‘жить житье’), *ыры-хөөмейин ырлап-хөөмейлээр* ‘исполнять горловое пение’, *ырынырлаар* ‘петь песню’, *дүш дүженир* ‘видеть сон’. Например: *Улуг дыжың дыштанып, улуг уйгуң удуп ал, оглум!* (Тыва тоолдар, 133) — *Отдохни большим отдыхом, постни глубоким сном, сынок!*; *Сөзүң-домааң домактанып чыт* (ДШАТМ, 32) — *Говори* (букв. ‘Говори свое слово’); *Аза-Дүрүүр хаан кода-хүрээзинге чедип келгеш, адар даңны атсы улугбодалын боданып, муңгак сеткилин сеткип олуруп-тур эвеспе* (ДШАТМ, 153) — *Аза-Дуруур приехал в свое королевство, все утро думал думу, грустил грустно грустью*); ... *Сен дыжың дыштанып көргөн эвес сен, бо дүне өгге хонгаиш, улугуйг уңну удуп, дыштанып ал — дээн—... Ты же никогда не отдыхал, в эту ночь в юрте поночуй, постни и отдохни — так сказал* (букв. ‘Ты же не отдыхал отдыхом, в эту ночь в юрте поночевав, спи глубоким сном, отдохни — так сказал’) (Тыва улустуң тоолдары, 250). Из них сочетания *сеткилин сеткиир* ‘думу думать’, *чонун чоннаар* ‘объезжать народ’, *доозунун доозуннаар* ‘поднимать пыль’ являются идиоматическими выражениями. На наш взгляд, данные сочетания без первого компонента не употребляются.

Профессор Е. И. Убрятова считает, что прямое дополнение в якутском языке, выраженное отглагольным именем, образованным от той же глагольной основы, усиливает значение сказуемого¹⁹. Субракова О. В. отмечает, что синтаксису языка героических сказаний хакасского языка свойственны некоторые типы однокоренных словосочетаний, которые используются для усиления лексического значения слов (*хоных хонган*, *тунег тунее* ‘ночь ночевал’, *ат адирга* ‘имя давать’, *ыр ыр-лирга*, *когкоглирге* ‘песни петь’, *солир созин полза солее* ‘если есть что сказать скажи’²⁰). Б. И. Татаринцев показал, что в тувинском языке повтором существительных в определенной мере усиливается семантика глаголов, им придается какая-то особая конкретность, наглядность²¹.

В тувинском языке повторение основы слова в форме зависимого от нее члена предложения обозначает усиление ее лексического значения, как и в якутском, хакасском языках. Имя существительное в винительном падеже при однокоренном глаголе принимает аффикс 3-го лица в значении ‘свой’: *аң=ы=н аңнаар* ‘охотиться на своего зверя’, *мал=ы=н малдаар* ‘пасти свой скот’. На наш взгляд, данные повторы обозначают кроме усилительного значения множественность и разнообразие скота или зверя. Из материала видно, что не все глаголы допускают повторы. Например, *күжүгөнне*= ‘охотиться на пищу’, *авырганна*= ‘охотиться на белку-летягу’,

Таким образом, согласно использованным материалам, повтор выполняет стилистическую и грамматическую функции, выражает количество, разнообразие объекта; наиболее ярко грамматические значения повторов обнаруживаются при

¹⁹ Убрятова 1960.

²⁰ Субракова 1978.

²¹ Татаринцев 1987.

анализе разговорной речи, сказок. Не все глаголы могут иметь при себе прямое дополнение, которое либо обозначает реальный объект действия, либо служит средством усиления глагола.

ЛИТЕРАТУРА

- Аганин Р.А.* 1959: Повторы и однокоренные парные сочетания в современном турецком языке. М.
- Адилов М.И.* 1968: Система повторов в азербайджанском языке: автореф. дисс. д. филол. наук. Баку.
- Агишев Х.Г.* 1970: Синтаксические сочетания однокоренных слов в русском и татарском языках: автореф. дисс. канд. филол. наук. Казань.
- Абдуллаева А.А.* 1999: Система повторов в кумыкском языке: автореф. дисс. канд. филол. наук. Махачкала.
- Байжанова Н.Р.* 2004: Модели элементарных простых предложений в алтайском языке. Новосибирск.
- Баскаков Н. А.* 1940: Ногайский язык и его диалекты. М.;Л.
- Гаджиева Н.З.* 1975: Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М.
- Ганиев Ф.А.* 1963: Видовая характеристика глаголов татарского языка. Казань.
- Галлямов Ф.Г.* 2003: Повторы в современном татарском языке. Казань.
- Дмитриев Н.К.* 1930: О парных словосочетаниях в башкирском языке // Изв. АН СССР. Сер. VII. 7. 466-546.
- Егоров В.Г.* 1965: Слова-повторы как показатели формальных грамматических категорий в ряде языков мира // Ученые записки НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. Вып. 28, 20-32.
- Заринова А.М.* 2007: Редупликация в английском и турецком языках // Вестник ЧелГУ. 13, 28–33.
- Зейналов Ф.Р.* 1970: Категория модальности и способы ее выражения в тюркских языках // СТ. 2, 95–101.
- Исхаков Ф.Г., Пальмбаха А.А.* 1961: Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.
- Кайдаров А.* 1958: Парные словосочетания в современном уйгурском языке. Алма-Ата.
- Калабаева Т.Б.* 1980: Лексико-грамматическая структура повторов в казахском языке: автореф. дисс. канд. филол. наук. Алма-Ата.
- Муратов С.Н.* 1961: Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М.
- Сафиуллина Ф.С., Галлямов Ф.Г.* 1984: Повторы как грамматическое средство в современном татарском языке // СТ. Баку, 68-72.
- Сибгатов Р.Г.* 1978: Модальность как структурно-семантическое единство // СТ 4, 22.
- Серээдар Н.Ч.* 1995: Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке: дисс. . . канд. филол. наук. Новосибирск.
- Субракова О.В.* 1978: Язык хакасского героического эпоса. Алма-Ата.
- Татаринцев Б.И.* 1987: Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. М.
- Уринбаев З.Б.* 1982: Лингвистическая природа редупликаций в современном узбекском языке: автореф. дисс. канд. филол. наук. Ташкент.
- Убрятова Е.И.* 1960: Удвоение основы слова в якутском языке // Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию акад. И.И. Мещанинова, 211–222.
- Черемисина М.И.* 1995: О системности в сфере моделей предложения // Языки коренных народов Сибири. Вып. 1, 54–66.

REPETITION OF COGNATE WORDS IN THE ELEMENTARY SIMPLE SENTENCE OF THE TUVA LANGUAGE

N. Ch. Sereedar

The paper deals with the methods of expression of repetitions in the elementary simple sentences of the Tuva language. The different points of view of turcologists about value of repetitions are considered. Specific usage of repetitions is shown. Semantic shades of repetitions are analyzed. It is noted in the paper that the verbs of action, state verbs, behavior verbs, verbs of motion can have at themselves a direct object of action. The direct object is equally possible as at the predicate expressed by a transitive verb and at the predicate expressed by an intransitive verb.

Key words: elementary simple sentences, repetition, emphatic meaning, colloquial style, action verbs

© 2015

Г. Ф. Лутфуллина, И. В. Марзоева

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОЛИ КВАНТИФИКАЦИИ АКТАНТОВ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ ДИАХРОННОСТИ СИТУАЦИЙ С ГЛАГОЛАМИ ДЕЙСТВИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье проводится сопоставительный анализ роли квантификации различных актантов объектного типа при выражении диахронности ситуаций с предикатами физического, интеллектуального и социального действия во французском и татарском языках. Изоморфизм двух языков обнаруживается в том, что значимость квантификации компонентов высказывания при выражении диахронности возрастает по мере отдаления от предиката: близкий — объект, далее — реципиент и т.д., замыкает актантную группу пространственный локализатор. Французский язык точно передает информацию о множестве актантов в соответствии с множеством ситуаций. Татарский язык предполагает логическую реконструкцию количества актантов-объектов исходя из квантификации субъекта, других актантов или пространственного локализатора.

Ключевые слова: квантификация, диахронность, актант объектного типа

Реализационная база предложения предусматривает две составляющие: актанты + предикат. Актант является существенным припредикативным элементом положения дел, необходимым для описания ядра семантической структуры¹. Ак-

Лутфуллина Гюльнара Фирдавиевна — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Казанского государственного энергетического университета. E-mail: gflutfullina@mail.ru

Марзоева Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Казанского государственного энергетического университета. E-mail: arigata@bk.ru | Мустайоки 2006, 156.

танты, способные в соответствии с трактовкой говорящего контролировать свои действия или испытывать различные чувства, называются актантами первой категории (прототипический случай: «человек»). Кроме того, различаются актантами предметные (второй категории «стол»), вещественные (третьей категории «вода») и отвлеченные (четвертой категории «мысль»). Для образования ситуации необходимы актантами субъектного типа первой категории.

Квантификация объекта и пространственного локализатора

При количественном несовпадении обращение к внелингвистической действительности определяет диахронную/синхронную интерпретацию содержания высказывания². При сингулярности субъекта и множественности актантами объектного типа или пространственного локализатора, как правило, подразумевается диахронная интерпретация. Квантификация каких актантами объектного типа приводит к репрезентации диахронности? В выражении диахронности значимость квантификации актантами объектного типа зависит от их роли в высказывании. Выделяются следующие типы объектов: 1) Объект — актантами, на который направляется конкретное/неконкретное действие или который возникает в результате данного действия (все категории актантами от первой до четвертой); 2) Тема — актантами, о котором говорится (все категории актантами от первой до четвертой); 3) Реципиент — актантами, который что-то получает или в пользу которого что-то делается (только первая категория); 4) Источник — актантами, от которого что-то переходит Реципиенту (очевидно, возможны все категории); 5) Инструмент — актантами, с помощью которого Агенсами что-то непосредственно делает (все категории актантами, кроме первой). Локализатор (сирконстант, актантами-место — в терминологии Мустайоки) «указывает на обязательный для данного положения дел локативный элемент (очевидно, возможны все категории)»³. Перечисление видов объектных актантами с указанием категорий позволяет сделать вывод о возможности их квантификации, так как первая и вторая категории являются исчисляемыми и приемлемы (допустимы) для каждого вида.

А. Мустайоки выделяет восемь примарных классов предикатов: Действие, Отношение, Обладание, Локация, Существование, Состояние, Характеристика и Идентификация⁴. Далее, на основе степени близости предикатов с точки зрения функций в речи, группируются ядра семантических структур — коммуникативно-семантические сферы⁵. Значение диахронности потенциально может возникнуть при квантификации актантами в разных коммуникативно-семантических сферах. Роль квантификации актантами удобнее рассматривать отдельно для различных классов предикатов, так как возникают проблемы семантического разграничения при определении границ в разных коммуникативно-семантических сферах.

Роль актантами разного семантического предназначения для выражения диахронности через количественное несовпадение будет рассмотрена на базе типовых предложений, предикатами которых выступают глаголы физического, интеллектуального и социального действия. Глаголы действия являются типичными для выражения отношений распределения. Примарные классы предикатов, вы-

² Лутфуллина 2010, 34.

³ Мустайоки 2006, 172.

⁴ Мустайоки 2006, 186.

⁵ Мустайоки 2006, 203.

ражающие отношения, обладание, локацию, существование, состояния, характеристики и идентификацию, не рассматриваются. В примарном классе предикатов действия выделяются подгруппы, которые будут рассмотрены отдельно. Для глаголов действия (Action verb) обязательным актантом является Агенс (А), а также допустимы следующие типы актантов: Объект (О), Источник (S), Реципиент (R), Тема (Т), Инструмент (I). При анализе приводятся все возможные виды актантов для каждого типа действия, включая избыточные с речевой точки зрения. Использование квантитативов, как основных средств выражения дистрибутивных отношений исключается, рассматривается только роль морфологической квантификации субъекта и объекта, без дополнительных дистрибутивных значений, приносимых квантитативами, например: *детям — разным детям* (элемент диверсификации). Цель сопоставительного анализа — выявить схожие и отличительные черты двух языков при реализации типичных случаев выражения диахронности через количественное несовпадение. Типизация анализа означает, что будут выявлены лишь наиболее общие закономерности без учета частных случаев. Сопоставительный анализ проводился на основе метода моделирования речевых фраз на базе языковой компетенции автора и информантов.

В дополнение к актантам объектного типа рассматривается пространственный локализатор, который именуется иногда просто локализатором. Анализ выявления роли квантификации актантов объектного типа и пространственного локализатора в двух языках проводится по следующей схеме: 1) объект; 2) инструмент; 3) локализатор действия; 4) локализатор ситуации; 5) реципиент.

Квантификация актантов при секвентной полиситуативности

В данном исследовании использовался метод семантических структур, предложенный А. Мустайоки. Реализационная база предложения предусматривает две составляющие: актанты + предикат. Актант является существенным припредикативным элементом положения дел, необходимым для описания ядра семантической структуры⁶. Актанты, способные в соответствии с трактовкой говорящего контролировать свои действия или испытывать различные чувства, называются актантами первой категории (прототипический случай: «человек»). Кроме того, различаются актанты предметные (второй категории «стол»), вещественные (третьей категории «вода») и отвлеченные (четвертой категории «мысль»). Для образования ситуации необходимы актанты субъектного типа первой категории.

Квантификация объекта и пространственного локализатора

При количественном несовпадении обращение к внелингвистической действительности определяет диахронную/синхронную интерпретацию содержания высказывания. При сингулярности субъекта и множественности актантов объектного типа или пространственного локализатора, как правило, подразумевается диахронная интерпретация. Квантификация каких актантов объектного типа приводит к репрезентации диахронности? В выражении диахронности ситуаций значимость квантификации актантов объектного типа зависит от их роли в высказывании. Выделяются следующие типы объектов: 1) Объект — актант, на который направляется конкретное/неконкретное действие или который возникает в результате данного действия (все категории актантов от первой до четвертой); 2)

⁶ Мустайоки 2006, 156.

Тема — актант, о котором говорится (все категории актантов от первой до четвертой); 3) Реципиент — актант, который что-то получает или в пользу которого что-то делается (только первая категория); 4) Источник — актант, от которого что-то переходит Реципиенту (очевидно, возможны все категории); 5) Инструмент — актант, с помощью которого Агенса что-то непосредственно делает (все категории актантов, кроме первой). Локализатор (сирконстант, актант-место — в терминологии Мустайоки) «указывает на обязательный для данного положения дел локативный элемент (очевидно, возможны все категории)»⁷. Перечисление видов объектных актантов с указанием категорий позволяет сделать вывод о возможности их квантификации, так как первая и вторая категории являются исчисляемыми и приемлемы (допустимы) для каждого вида.

А. Мустайоки выделяет восемь примарных классов предикатов: Действие, Отношение, Обладание, Локация, Существование, Состояние, Характеристика и Идентификация⁸. Далее, на основе степени близости предикатов с точки зрения функций в речи, группируются ядра семантических структур — коммуникативно-семантические сферы. Значение диахронности потенциально может возникнуть при квантификации актантов в разных коммуникативно-семантических сферах. Роль квантификации актантов удобнее рассматривать отдельно для различных классов предикатов, так как возникают проблемы семантического разграничения при определении границ в разных коммуникативно-семантических сферах.

Роль актантов разного семантического предназначения для выражения диахронности через количественное несовпадение будет рассмотрена на базе типовых предложений, предикатами которых выступают глаголы действия. Глаголы действия являются типичными для выражения отношений распределения. Примарные классы предикатов, выражающие отношения, обладание, локацию, существование, состояния, характеристики и идентификацию, не рассматриваются. В примарном классе предикатов действия выделяются подгруппы, которые будут рассмотрены отдельно. Для глаголов действия (Action verb) обязательным актантом является Агенса (A), а также допустимы следующие типы актантов: Объект (O), Источник (S), Реципиент (R), Тема (T), Инструмент (I). При анализе приводятся все возможные виды актантов для каждого типа действия, включая избыточные с речевой точки зрения. Использование квантитативов, как основных средств выражения дистрибутивных отношений исключается, рассматривается только роль морфологической квантификации субъекта и объекта, без дополнительных дистрибутивных значений, привносимых квантитативами, например: *детям — разным детям* (элемент диверсификации). Цель сопоставительного анализа данной статьи — выявить схожие и отличительные черты двух языков при реализации типичных случаев выражения диахронности через количественное несовпадение. Типизация анализа означает, что будут выявлены лишь наиболее общие закономерности без учета частных случаев. Сопоставительный анализ значимости квантификации различных актантов рассчитан на определение их участия в выражении диахронности. Сопоставительный анализ проводился на основе метода моделирования речевых фраз на базе языковой компетенции автора и информантов.

⁷ Мустайоки 2006, 172.

⁸ Мустайоки 2006, 186.

Имеются ли у способа презентации количественного несовпадения какие-либо ограничения в двух языках при выражении диахронности? В дополнение к актантам объектного типа рассматривается пространственный локализатор, который именуется иногда просто локализатором. Анализ выявления роли квантификации актантов объектного типа и пространственного локализатора в двух языках проводится по следующей схеме: 1) объект; 2) инструмент; 3) локализатор действия; 4) локализатор ситуации; 5) реципиент.

Типовыми предложениями, выражающими физическое действие (Ac Phys), являются: *Ygor a tué une mouche par la attrape-mouche/Игорь чебен-ньтергеч белһн чебен ньтерде /Игорь прихлопнул (убил) муху*. В данной подгруппе возможно выражение распределения действия по объектам: *Ygor a tué des mouches/Игорь чебен ньтерде /Игорь убил мух*. Квантифицированность объекта-инструмента значима при отсутствии других объектов, в остальных случаях это всего лишь уточнение об отдельном орудии для каждой реализации действия: *Igor a signé par les stylos de ses amateurs/Игорь имзасын талантына баш шючелһрнеһ ручкалары белһн куйды/Игорь подписывался авторучками поклонников*. Физическое действие представляет собой процесс, направленный на что-то и происходящий где-то. Если объект не несет однозначной идеи о дистрибуции, возрастает роль локализатора: *Ygor a tué des mouches dans les chambres/Игорь бьһлмһлһрдһ чебен ньтерде /Игорь убивал мух в комнатах*. В предложении *Он убивал мух на стенах* реализуется локализация действия, а не всей ситуации. В данной подгруппе возможна квантификация объекта-реципиента с репрезентацией дистрибутивных отношений: *Ygor jettait des boules de neige aux Bonhommes/Игорь кар йомарламнарын Кар бабайларга атып уйнады /Игорь кидался снежками в снеговиков*. При выражении диахронности глаголами физического действия в обоих языках квантифицированность локализатора значима, а количественная характеристика актанта-инструмента приобретает значение при отсутствии других актантов. Алломорфизм проявляется в отношении актанта-объекта. Во французском языке его квантификация значима и доминантна, так как выражается распределение действия по объектам: *Ygor a tué des mouches*. В татарском языке объект иррелевантен для выражения диахронности: *Игорь чебен ньтереп йьрде*.

Типовыми предложениями с предикатами интеллектуального действия/деятельности (Ac Int) являются: *Il pensait à son enfant/Ул баласы турында уйлый иде /Виктор думал о детях (о своем ребенке)*. В интеллектуальных действиях роль квантифицированности актанта-темы иррелевантна. Интеллектуальное действие представляет собой процесс, предполагающий достижение какого-то результата. Непредельные интеллектуальные действия приобретают признак совершенности при наличии объекта-результатива: *Il écrit des livres/Ул китан яза / Виктор пишет книги*, поэтому его квантификация важна, хотя форма множественного числа часто употребляется в целях характеристики. При условии отсутствия других актантов значимость приобретает квантифицированность объекта-инструмента: *Il a dessiné aux crayons/ Ул карандашлар белһн рһсем ясады / Он нарисовал карандашами* (признак характеристики нейтрализуется референциальным значением временной формы). При условии объектно обусловленной предельности интеллектуального действия, реализуется его распределение в соответствии с пространственными локализаторами или актантами-реципиентами: *Il dessinait*

des esquisses pour les amateurs de peinture dans les villes/Виктор къп шһиһрлһрдһ сһнгать яратучылар лъчен буяу белһн рһсем ясап йьри иде / Виктор писал картины (рисовал или пел) для любителей живописи во многих театрах (в городах). Однако не исключается пространственная сегментация неопредельного действия только при участии пространственного локализатора: *Il dessinait dans les villes/ Ул шһиһрлһрдһ рһсем ясап йьри иде* или только актантом-реципиентом: *Il dessinait pour les amateurs de peinture/ Ул кешелһргһ рһсем ясап йьри иде.* Квантификация объекта-реципиента часто исключает выражение диахронности для глаголов интеллектуального и социального действия, изначально предполагающих коллективного актанта-реципиента. У глаголов интеллектуального действия в двух языках наличие объекта-результатива обеспечивает предельность процесса, а квантифицированность актанта-инструмента приобретает значение при отсутствии других актантов. Квантифицированность пространственного локализатора вторична. Нематериальный актант-результатив (*песня*) имплицитно часто наличие временного интервала (*процесс написания*). Во французском языке квантификация объекта-результатива участвует в выражении диахронности: *Il écrit des livres*, тогда как для татарского языка форма множественного числа объекта-результатива не является характерной: *Ул китап яза.*

Типовым предложением с предикатом социального действия (Ac Soc) является: *Victor a puni des enfants pour les voles/Виктор балаларга урлашкан лъчен кһза бирде/ Виктор наказал ребенка/детей за кражу.* Квантификация объекта значима и определяет выражение серии диахронных ситуаций: *Victor chargeait les enfants des commissions /Виктор балаларга йомыш куша иде/ Виктор раздавал поручения.* Квантифицированность актанта-реципиента незначима: *Victor a puni des enfants/ Виктор балаларга кһза бирде / Виктор наказал ребенка (детей).* Социальное действие предполагает воздействие как на одного человека, так и на коллектив, т.е. характеризуется общественной направленностью и изначально предполагает коллективного актанта-реципиента. Квантифицированность объекта-темы иррелевантна: *Victor a puni des enfants pour les voles/ Урлашкан лъчен Виктор балаларга кһза бирде/ Виктор наказал детей за кражу (кражи).* Предикаты социального действия потенциально могут быть подвержены распределению в пространстве в соответствии с общим правилом квантификации локализатора: *Victor punissait des enfants dans leurs chambres/Виктор балаларны бһлмһлһрендһ (тыһламаган лъчен) ачулана иде /Виктор отчитал детей за непослушание в кабинетах.* Данный подкласс предикатов во французском и татарском языках обнаруживает изоморфизм, которому соответствует одна формула: L (Quant значима), указывающая на значимость квантификации локализатора. Трудность анализа заключается в возможности отвлеченных актантов четвертой категории, имплицитно указывающих на наличие темпорального интервала процесса своей реализации (процесс *наказания* занимает время). Во французском языке квантификация объекта значима: *Victor chargeait (les enfants) des commissions*, тогда как в татарском языке форма единственного числа традиционно допускает двусмысленность толкования *Виктор йомыш куша иде (Виктор давал поручение или раздавал поручения?)*.

Таким образом, изоморфизм двух языков обнаруживается в том, что значимость квантификации компонентов высказывания при выражении диахронности возрастает по мере отдаления от предиката: близкий — объект, далее — реци-

пиент и т.д., замыкает актантную группу пространственный локализатор. Французский язык точно передает информацию о множестве актантов в соответствии с множеством ситуаций. Татарский язык предполагает логическую реконструкцию количества актантов-объектов исходя из квантификации субъекта, других актантов или пространственного локализатора.

ЛИТЕРАТУРА

Лутфуллина Г.Ф. 2010: Квантификация как средство презентации полиситуативности (на материале французского и татарского языков). Казань.

Мустайоки А. 2006: Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ROLE OF QUANTIFIED OBJECTS
IN REPRESENTING DIACHRONIC SITUATIONS WITH ACTION VERBS
IN FRENCH AND TATAR LANGUAGES

G. F. Lutfullina, I. V. Marzoeva

The article presents a comparative analysis of the role of quantification of various objects type in representing diachronic situations with physical, intellectual and social action predicates in French and Tatar languages. Isomorphism of two languages is found in the fact that the importance of quantifying components depends on their distance from the predicate: close - the object, then - the recipient, and then the last spatial localizer. French accurately transmit information about the quantity of objects in accordance with a number of situations. Tatar suggests a logical reconstruction of number of objects based on the quantification of the subject, other objects or spatial localizer.

Key words: quantification, diachronism, object

КУЛЬТУРА

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

© 2015

Е. В. Горбунова

ИСТОКИ И ОСНОВЫ ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ В ИСКУССТВЕ

В статье рассматривается сложный и поэтапный процесс десакрализации искусства в западноевропейской культуре, начавшийся ещё в эпоху Средневековья. В основе этого процесса лежит отказ от той стабилизирующей и упорядочивающей всё бытие культуры идеи Божественного Первоначала, Абсолюта. Автором указываются последовательные этапы десакрализации и их особенности в художественном творчестве. Вскрываются также основные итоги процесса десакрализации для современной культуры. Бездуховность современной художественной культуры и искусства, духовное сущностное опустошение оснований сферы культуры в целом, связывается автором, прежде всего, с утратой трансцендентного начала или основы, которое характеризовало всю прежнюю традиционную классическую культуру и эстетику, то есть с принципом десакрализации как онтологической основой современного искусства постмодерна, имеющего также мировоззренческий характер.

Ключевые слова: десакрализация искусства, постмодерн, духовный кризис, этапы десакрализации

Долгое время сакрализация выступала неотъемлемой частью процесса формирования и развития человеческого общества и человеческой культуры в частности, занимая ведущие позиции и детерминируя мировоззрение, смысл и образ жизни человека, являясь важнейшим средством санкционирования всей общественной, личной, а также культурной деятельности людей. Прежняя сакральность искусства, его духовная значимость, высокое его назначение быть посредником между земным и небесным мирами, передавать глубинный смысл жизни тем, кто его не видит, то есть принципиальная вынесенность глубокого содержания за пределы чисто семиотического отношения, в символической форме реально объединяющая небесный и земной уровни бытия и приобщающая к миру высшей духовности и к самому Богу, в современном искусстве потеряла смысл, обесценилась, а ведь истинному искусству религиозность или сакральность имманентна, именно сквозь него просвечивает духовная жизнь человека. Распад и угасание религии, а вслед за ней и конкретного этапа культуры, свидетельствует об истощении духовно-исторической памяти современными поколениями людей. Поэтому целью исследования является выявление тех причин, которые привели

Горбунова Елена Владимировна — аспирантка Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: el-zefirchik@yandex.ru

к современному состоянию культуры и искусства, а также характеристика основных этапов процесса десакрализации в западноевропейской культуре.

Пик сакрализации для европейского общества и культуры приходится на эпоху Средневековья, когда главным принципом или главной истиной и ценностью был Бог. Однако в этот же период Средневековой сакральной культуры происходит и её закат, наблюдается ослабление религиозного духа, девальвация священных понятий и ценностей, оскудение набожности и религиозного благочестия. Как констатирует О. В. Ивановская, «достаточно вспомнить три определяющих фактора в истории западного христианства — крестовые походы, институт инквизиции и учение об индульгенциях, которые подорвали доверие к церкви, вызвали глубокое разочарование и духовное опустошение. Дискредитация церкви в глазах верующих привела к кризису веры, а тот, в свою очередь, — к полному безверию»¹. Предпосылки заката средневековой европейской культуры, по мнению В. В. Качановского, заявили о себе уже в конце XII в., когда началось разрушение «единого целого, все части которого выражали один и тот же высший принцип объективной действительности и значимости: бесконечность, сверхчувственность, сверхразумность Бога — вездесущего, всемогущего, всеведущего, абсолютно справедливого, прекрасного, создателя мира и человека»².

Сложный нелинейный, неоднозначный и многоаспектный процесс десакрализации культуры и искусства характеризуется определёнными этапами. Одним из первых этапов, характеризующих начало процесса десакрализации культуры становится процесс демистификации и десакрализации идей в средневековую эпоху, который коренится, по мнению Тэнаса А., в «низведении священных понятий (идей жизни и смерти) до уровня представлений»³, а, вследствие этого, их аллегорического, саркастического и сатирического изображения. Этот, казалось бы, не столь существенный процесс был чреват серьёзными и значительными последствиями. Так, уже в Средние века понадобились рациональные доказательства бытия Бога, что свидетельствует, по мнению О. В. Ивановской, о том, что пошатнулось прежнее доверие к церкви, а равно и вера в Бога, следовательно, «ментальный и духовный кризис современности уходит корнями в эпоху Средневековья — время тотального господства церкви»⁴.

Следующим этапом десакрализации искусства становится легитимизированное католическими теоретиками изображение религиозных образов в человеческих, земных формах. Изображение, воспроизводящее все реальные особенности обычных людей, таило в себе реальную опасность низведения божества до уровня человека, утраты его сверхъестественной сущности, и это, к сожалению, произошло. «Реалистическое искусство, — утверждает католический философ О. Брайен, — терпит неудачу, когда человеческим формам не удаётся преступить свои пределы, так что бог, который изображён на портрете, становится только «человеком, говорящим громким голосом»⁵. Так, уже в позднее Средневековье «мастер из Флемалы представляет святую Варвару (1438 г.) как светскую даму в домашнем

¹ Ивановская 2012, 32.

² Качановский 1998, 181.

³ Тэнасе 1975, 48.

⁴ Ивановская 2011, 95.

⁵ Угринович 1983, 180.

интерьере за чтением, а Жан Фуке в образе девы Марии с младенцем (1450 г.) изобразил Анжелику Сорель, любовницу короля Карла VII»⁶. И таких примеров достаточно в истории искусства. В художественных изображениях того времени можно заметить десакрализацию религиозных таинств в сюжетах на религиозные темы, где столь скрупулёзно выписаны детали и переданы подробности обстановки, что, глядя на них, внимание обращается уже не на святых, не на религиозные идеи, а прежде всего на искусные достоинства самого произведения. Ощущение приобщения к таинству хотя ещё и не исчезло, но оно вызвано уже не созерцанием персонажей священной истории, а реальными предметами, образующими фон картины. Кроме того, наблюдается стремление постичь форму и объём и как можно полнее и ярче передать их в произведениях искусства, а это есть прелюдия к десакрализации самого произведения искусства, что было значительным шагом к изображению человеческой личности во всех её проявлениях как свободной в своих чувствах, в наслаждении жизнью. Одной из форм десакрализации духовных ценностей также является перенос религиозных сюжетов и образов «с неба на землю», из мира сверхъестественного в обычную, повседневную, мирскую человеческую жизнь, сближение двух сфер жизни — религиозной и человеческой, доходящее до их слияния, где помпезность, внешний, надуманный блеск изображения, изобличает рельефно бедность содержания духовной жизни. В это время и появляется тот зародыш нового, совершенно отличного основного принципа, заключающегося в том, что объективная реальность и её смысл чувственны, который начиная приблизительно с XVI в. стал доминирующим новым принципом, а с ним и вся основанная на нём культура. Таким образом, возникла та самая современная форма западной культуры — культура сенсорная, эмпирическая, светская, где нет места сакральному. И уже люди Ренессанса «чтили христианских святых, также как и восхищались красотой античных богов». А один из «видных гуманистов, канцлер Флорентийской республики Калуччо Салутати заявлял, что священное писание — не что иное, как поэзия. Иными словами, христианское вероучение подчас воспринималось ими как новая мифология. И потому они одинаково славили своим искусством и Христа и Аполлона»⁷. Уже к концу эпохи Средневековья Бога постепенно отодвинули на задний план и к началу Ренессанса на смену идее теоцентризма пришёл антропоцентризм и человек оказался снова, как в античности, в центре внимания философии, искусства, науки, заняв место Бога. Гений человека сравнивается с гением творца небесных светил, Человек как хозяин своей судьбы и устроитель лучшего мира. Это, по словам исследователя Н. Пунина, «не очеловеченный бог античности, а обожествлённый человек новой эпохи». В это время человек становится главной темой искусства, происходит преклонение перед человеческой индивидуальностью.

Следующим этапом десакрализации становится актуализация аналитичности и рациональности в искусстве, так как чувственные формы требуют определённых правил и законов своего изображения для полной вещественности и натурализации образов. Наука и просвещение, рационализм просветителей, энциклопедистов, буржуазных атеистов, а также последующий взрыв научно-технического прогресса стали определяюще влиять на искусство и культуру в целом, приведя

⁶ Яковлев 1985, 77.

⁷ Любимов 1982, 120.

к существенным изменениям в духовном мире человека, его менталитете, психике, системе ценностей, во всём поле его экзистенции. Человек стал осознавать себя как единственную и высшую разумную и духовную силу в Универсуме, что, естественно, существенно изменило всю систему его миропонимания и миродействия, придав значительный толчок развитию его интеллектуальной и научной деятельности, веры в безграничные возможности человеческого разума. Апогея этот процесс достиг только в XX в. Однако уже со времён великого Леонардо да Винчи наука, отказавшись от нравственно-этических регуляторов и отринув религию, упразднила практически всю духовно-нравственную сферу, превратившись в раба капитала и ориентировавшись лишь на милитаризацию общества и производство предметов, форм, институтов соблазна.

В пластическом и изобразительном искусствах считалось самым главным умение изображать нагое человеческое тело мужское и женское, как утверждал, в полном согласии с античными ваятелями, прославленный итальянский мастер Высокого Возрождения Бенвенуто Челлини. Однако подобное умение требовало длительной подготовки, которая и началась ещё в Средневековой Европе, где уже тогда читались лекции по анатомии человека, а также был издан особый указ, разрешавший вскрытие человеческих трупов, что долго почиталось делом греховным и за что сжигали на костре. Любовь к природе рождала желание полнее и глубже познать эту природу а, значит, изображать её в искусстве как можно более правдивее, как человек её воспринимает своими чувствами. Эта правдивость и натуралистичность в западноевропейском искусстве постепенно вылились в натуралистические бездуховные изображения умершего Христа как начавшего уже разлагаться трупа, это знаменитое «Распятие» из Изенгеймского алтаря Матиса Нитхарта Грюневальда (1512 — 1515гг.) и «Смерть Христа» или «Мёртвый Христос» (1521г.) Ганса Гольбейна Младшего (Художественный музей в Базеле). Изображение Христа Грюневальдом отмечено нечеловеческой экспрессией, его истерзанное, уже практически разлагающееся тело, «с судорожно скрюченными пальцами, неестественно вывернувшимися от мучительной боли руками и ногами, с почти изодранным в лохмотья, кровоточащим, в ранах, синяках и ссадинах позеленевшим мёртвым телом, заполнившим собой почти всё пространство картины и осязимо рвущимся из него — заполнить весь мир»⁸. С тем же подчёркнутым реалистичным натурализмом мёртвое тело Христа изображено на узкой (в ширину человеческого тела) картине Гольбейна, лежащее на спине «с пронзёнными ранами, распухшими и сильно посинелыми как у мертвеца, который уже начал предаваться гниению... Традиционное для христианского сознания Голгофское приношение Богом Самого Себя Себе в Жертву во искупление грехов человеческих в этих картинах превратилось в леденящий кровь вопиющий художественный символ *реальной и окончательной* смерти Бога»⁹. Однако, как считает В. В. Бычков, христианская культура жила и питала человечество после первых и сильных символов смерти Бога ещё почти пять столетий. И только XX в. стал, пожалуй, последним веком христианской культуры и искусства.

В искусстве эпохи уже позднего Возрождения начинает доминировать чувственная прелесть, которая достигается в основном за счёт снижения духовно-

⁸ Бычков 2005, 297.

⁹ Бычков 2005, 297.

го содержания, так, В. В. Качановский сравнивает «Спящую Венеру» Джорджоне, которая ещё полна «неизъяснимой чистоты и нравственной силы» и «Венеру Урбинскую» Тициана, выражающую чувственную телесность¹⁰. Отсутствующая внутренняя духовная значимость содержания также и в маньеризме конца XVI — начала XVII в.в. прекрасно восполняется чисто внешними средствами: аффектированным жестом или утрированно подчёркнутой позой, а вместо духовной полноты на первое место выступает телесность и внешняя бездуховная чувственность.

К концу XVII в. искусство становится регламентированным, иссушенным, унифицированным, расписанным по своду установленных правил, благодаря чему ему на смену приходит камерное искусство аристократических салонов — барокко и рококо, искусства абсолютно светские, выражающие процессы секуляризации всей культуры XVIII в., свидетельствуют об утрате универсальной полноты в изображении духовной жизни и изображающие, как правило, легкомыслие, жажду наслаждений, развлечения, роскошь. В искусстве рококо наличествуют сюжеты только любовные, эротические и несут в себе театрално-праздничную, легкомысленно-бездумную атмосферу. В искусстве XVIII в. наблюдается тяготение к утончённому психологизму, яркой индивидуальности, опять таки, в ущерб духовному содержанию. Считается, что искусство должно служить украшением, прекрасным обрамлением человеческой жизни и одновременно утверждать главенство человека над миром. Многочисленные религиозные композиции лишены не только духовности, но и поэзии, высокого благородства, это просто грамотно написанные бытовые сцены. Придворное искусство механически заменило мистические сакральные элементы надуманным ложным блеском и полностью теряет свою прежнюю моральность, идейность и активно начинает проповедовать откровенное наслажденчество. Так, вслед за сакральностью, духовностью содержания из искусства ушли и высокая нравственность и мораль.

В итоге, к началу XX в. возник кризис всех человеческих ценностей: морально-этических, художественно-эстетических, научно-познавательных, который привёл к исчерпанности плоских идей позитивизма и его безграничной веры в науку и триумфальные шествия прогресса породили неоромантизм, изыщное стилизаторство модерна, утончённый эстетизм, изысканность изобразительных форм и неистребимое ощущение духовной и душевной усталости, опустошённости, иронии, а также скепсиса и откровенной пошлости, от которой один шаг до массового искусства. Атеизм XX века отрицает бога и утверждает человека, обращаясь к интеллектуальной силе человечества и отвергая духовность.

Марксистский гуманизм нанёс сокрушительный удар по религии, обеспечив окончательную десакрализацию сознания человека. Теперь в сфере духовных ценностей культурное творчество означает создание научных теорий, понятий или художественных образов, ибо полная секуляризация должна была закончиться окончательным исчезновением религии. Религию предлагалось уничтожать с помощью замены её театром, антирелигиозное искусство, атеистическая тема были ведущими и официальными, утверждавшими в сознании человека научное, материалистическое мировоззрение, что привело постепенно и неуклонно к вытеснению религии из сферы культуры.

¹⁰ Качановский 1998, 76.

Очередной ступенью или этапом десакрализации и, наверное, последним объявляется в западноевропейском обществе вызревшее «не только метафизическое отрицание божественности Бога», но и отрицание самой метафизической проблемы, полное безразличие к метафизическим изыскам и их отвержение. Духовная культура Запада XX в. характеризуется нарастанием в ней кризисных явлений и носит мозаичный характер, благодаря утрате всех ценностных ориентиров, культивации гедонистического индивидуализма в нравах, распаду сексуальной морали, торжеству во вкусах и идеалах эклектики, а разлагающее влияние рыночных отношений приводит к замене идеалов интересами. В искусстве возникает чистый эстетизм, чистая беспредметность и такая неутилитарность искусства, свобода от любой социальной, этической или религиозной ангажированности, отсутствие духовности и нравственности, имеющие своей целью лишь эстетическое наслаждение («приятное эмоциональное» состояние, «приятное удовлетворение чувства»), ведёт к бесконечной бездуховности искусства, и, следовательно, к смерти искусства, что во второй половине XX в. выливается в арт-деятельность, отказавшуюся от кистей, красок, холста. В искусстве в это время происходит полный отказ от эстетической категории красоты и возникает культ безобразного, происходит дегуманизация искусства. Отрицание изобразительности авангардом ведёт к замене картины или статуи реальным предметом (поп-арт, реди-мейд), а в дадаизме происходит отрицание всех духовных ценностей, законов морали, этики, религии, утверждение хаоса и произвола, безудержный нигилизм и истерическое ниспровержение всех основ нравственности. К концу века это приобретает глобальные и шокирующие формы. М. Дюфрен в 1972 г. заявил, что искусство должно превратиться в игру и наслаждение, отказаться от наследия, должно крушить гнетущие ценности, раскрепощать жизненную энергию, приводить к дикому и глубокому удовольствию, то есть «освободиться от культуры, чтобы возвратиться... к чему-то изначальному, примитивному». Отсюда эта антикультура, хэппенинг, порноискусство, т.д., ведь современное искусство, по мнению некоторых западных эстетиков (Л. Флам, Г. Остин, П. Михелис, Ч. Кегли) органично религиозному сознанию и даже вполне может заменить его.

Такова логика постепенного но неуклонного вытеснения сакрального из сферы культуры. И сегодня кризис христианской культуры, наметившийся на Западе ещё в эпоху Средневековой Европы, а в России с особой ясностью — с конца XVII в., разрешился в XX столетии стремительным угасанием христианской культуры в целом. «Факты говорят о том, что слова, жесты и символы религии не вызывают больше немедленного отклика — религия в ее традиционной форме уходит в прошлое. Идет смена парадигм — программного обеспечения («Soft») человечества, которое включает в себя идеи, идеологии, верования, системы ценностей»¹¹. Столь долгий, в несколько столетий и упорный процесс вытеснения всего сакрального из повседневной жизни человека, а также из его сознания привёл к тотальным последствиям в современной культуре. Отказ от высших духовных истин, от Абсолюта, Первопричины, Бога определил специфику культуры и искусства конца XX — начала XXI вв.

В результате, десакрализацию можно рассматривать как категорию, имеющую мировоззренческий характер и обозначающую потерю того трансцендент-

¹¹ Ивановская 2012, 30.

ного свойства (знания об Абсолюте, о Всеполноте мира, о связи всего со всем), обладание которым ставило что-либо в положение исключительной значимости, непреходящей ценности и на этом основании требовало к нему благоговейного священного отношения.

Современное десакрализованное постмодерное искусство ориентируется, как правило, на обыденно человеческое и лишено устремлённости к каким-либо метафизическим идеалам, метафизическим реальностям. Поэтому в нём отпадает потребность во многих традиционных эстетических посредниках между земным человеком и чем-то сверх-земным, нематериальным. Оно всё «здесь и сейчас — на земле, в гуще техногенной цивилизации и ничего кроме этой «земли» не знает и знать не желает»¹². А. А. Оганов, задаваясь вопросом: постмодернизм — искусство ли это?, вынужден ответить утвердительно, «ибо оно отвечает основным его критериям: есть и чувственно-созерцаемая форма, и незаинтересованность суждений вкуса»¹³, однако, новые формы искусства, такие как клиповость, перформансы, шоу, мюзиклы, т.д. характеризует как «бабочки-однодневки, не имеющие будущего».

В итоге, можно с уверенностью говорить о том, что главной и основной причиной всех тех глобальных и даже катастрофических изменений в современной культуре и искусстве постмодерна, которым мы сегодня являемся свидетелями, является десакрализация. Рассмотренные нами этапы десакрализации в искусстве европейской цивилизации характеризуются соответствующими особенностями и спецификой, несомненно приведшими к постмодерным реалиям в художественной сфере сегодня. Таким образом, можно рассматривать принцип десакрализации как специфику бытия современной культуры. Принцип десакрализации — это онтологическая основа современной постмодерновой культуры, означающая и характеризующая обесценивание сакральных образцов, потерю сверхперсонального (социокультурного) и экзистенциального статуса культурой, утрату трансцендентальной реальности культуры в целом и искусства в частности, обеспечивающей общую целостность культуры, мира, общества, человека, и как следствие — её децентрация, плюрализм, нониерархия ценностей, хаосогенность и дисгармония.

ЛИТЕРАТУРА

Бычков В. В. 2003: Феномен неклассического эстетического сознания // Вопросы философии. 10, 61–71.

Бычков В. В. 2005: Эстетика. М.

Ивановская О. В. 2012: Вера как феномен культуры: автореф. дисс... докт. филос. наук. Волгоград.

Ивановская О. В. 2011: Религиозный ренессанс и поиск новой идентичности // Обсерватория культуры. 4, 93–98.

Качановский В. В. 1998: История культуры Западной Европы. Мн.

Любимов Л. 1982: Искусство Западной Европы: Средние века. Возрождение в Италии. М.

Оганов А. А. 2002: Эстетическое в системе духовных ценностей // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 6, 59–85.

¹² Бычков 2003, 62.

¹³ Оганов 2002, 83.

Тэнасе А. 1975: Культура и религия. М.

Угринович Д. М. 1983: Искусство и религия. М.

Яковлев Е. Г. 1985: Искусство и мировые религии. М.

THE ORIGINS AND BASICS OF ART DESACRALIZATION

E. V. Gorbunova

The article examines the complicated, step by step process of desacralisation of art in Western European culture, dating back to the Middle Ages. This process is rooted in rejecting the idea of the Absolute, the Divine Ground that usually stabilizes and puts in order all cultural reality. The author indicates the stages of desacralization and their specific features in artistic work, and reveals the most significant outcomes of desacralization for modern culture. The lack of spirituality in modern creative culture and art, the substantial spiritual depletion of the foundation of culture as a whole are attributed mainly to the loss of the transcendental ground, characteristic of the previous traditional classical culture and aesthetics, in other words, the author links those features to the principle of desacralization as the ontological basis of the present post-modernistic art, which also has an ideological nature.

Key words: art desacralization, postmodern, spiritual crisis, stages of desacralization

---

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2015

А. С. Смирнов

ГРАФ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БОБРИНСКИЙ И НОВАЯ ВЛАСТЬ

В статье освещается деятельность главы Археологической комиссии А. А. Бобринского с момента февральской революции 1917 г. до его отъезда из Петрограда в 1918 г. В эти месяцы А. А. Бобринский, несмотря на множество житейских проблем, пытался наладить отношения с новой властью в стране, как с Временным правительством, так и с большевиками, с целью сохранить возглавляемые им учреждения. В первую очередь Археологическую комиссию, в составе которой он предлагал провести ряд изменений. Эти усилия частично увенчались успехом. А. А. Бобринскому удалось осуществить некоторые из давно задуманных им реформ. Тем не менее, А. А. Бобринский осознал, что не сможет сотрудничать с новой властью и вынужден был покинуть Россию.

Ключевые слова: А. А. Бобринский, Археологическая комиссия, Временное правительство, правительство В. И. Ленина

Деятельности графа Алексея Александровича Бобринского на посту председателя императорской Археологической комиссии исследователи уделили достаточно внимания¹. Но в этих трудах анализировались действия А. А. Бобринского до февраля 1917 г. Последующий период, до момента его отъезда летом 1918 г. из Петрограда в Киев, характеризовался скупо. Это обстоятельство во многом объясняется тем, что авторами использовались преимущественно издания императорской Археологической комиссии и документы ее делопроизводства, хранящиеся в рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург). Однако в Государственном архиве Российской Федерации, а в особенности в Российском государственном архиве древних актов, где имеется фонд Бобринских (Ф. 1412), присутствуют документы, позволяющие по-новому взглянуть на деятельность графа после февраля 1917 г., а также дополнить и уточнить ранее известные события его жизни.

Из существующих публикаций можно сделать вывод, что А. А. Бобринский в период с февраля 1917 г. до лета 1918 г. самоустранился от дел Археологической комиссии, предоставил свое детище на волю случая, занявшись решением личных проблем.

Смирнов Александр Сергеевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН. E-mail: assmirnov@mail.ru

¹ Тихонов 2002, 72-88; 2003, 95-117; Императорская археологическая комиссия 2009, 109-247.

В этом есть большая доля истины. Крах привычного для А. А. Бобринского мира поставил перед ним, как и перед большинством представителей его круга, множество проблем, с которыми они ранее не сталкивались. Решить их в смутное время революций было необычайно трудно, а в большинстве случаев невозможно.

В повседневной жизни для А. А. Бобринского первостепенным был финансовый вопрос. Ему не хватало денег для содержания своего дома на Галерной улице. Требовались средства для покрытия «ежемесячных расходов на администрацию дома, дворников, очистку снега, содержание тротуаров, налогов и т.п. расходов»². Граф, как бывший член Государственного совета, надеялся получить от новой власти соответствующую пенсию, право на которую ему подтвердило Временное правительство³, с главой которого, А. Ф. Керенским, он был близко знаком по совместной работе в Государственной Думе⁴. В своих письмах от 31 декабря 1917 г. и 3 января 1918 г. на имя «господина товарища комиссара юстиции Алгазова» А. А. Бобринский пытался оспорить постановление «Временного рабочего и крестьянского правительства» от 23 декабря 1917 г. о лишении бывших членов Государственного совета содержания. Понятно, что безрезультатно.

Без ответа остались письма А. А. Бобринского от 18 февраля 1918 г. к «г. народному комиссару финансов»⁵ и от 22 февраля 1918 г. к «г. народному комиссару призрения». Последним было обращение графа по линии своего бывшего ведомства. 2 марта 1918 г. он писал «господину комиссару по делам бывшего министерства двора» с просьбой о содержании⁶. Наивные устремления убедить новую власть выплачивать графу, как члену царского правительства, пенсию ни к чему не привели.

Окончились для А. А. Бобринского неудачей и попытки получить деньги из Русско-Английского банка, где он хранил свои капиталы. Его ходатайства о выдаче денежных сумм, датированные первыми числами января 1918 г., к правлению банка и «господину комиссару по делам Русско-Английского банка» остались без ответа. Аргументы графа, что он предоставил свой дом «с самого начала войны бесплатно под лазарет Красного креста», а также то, что «другие части дома заняты, также бесплатно, латышским батальоном и женским батальоном», не возымели никакого действия. Средств как «для личного прожития, так и для уплаты январского жалования по дому и на расходы по лазарету» он не получил⁷. Граф не понимал, что рабоче-крестьянское правительство, национализировав в декабре 1917 г. банки, лишило его и остальных вкладчиков в стране их средств. Хотя неудавшиеся попытки годом ранее получить деньги в Кисловодске, после телеграмм В. И. Ленина об аресте всех денег частных владельцев в банках, должны были показать ему истинное положение вещей⁸.

С другой стороны, революционные власти не преминули наложить на буржуа и домовладельца дополнительные подати. Неожиданные требования платить новые налоги вынудило А. А. Бобринского обратиться в Адмиралтейскую район-

² РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 32. Л. 8.

³ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 32. Л. 38.

⁴ Бобринской 2003, 522.

⁵ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 32. Л. 18-19.

⁶ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 32. Л. 33-34.

⁷ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 32. Л. 7 об., 8 об.

⁸ Бобринской 2003, 524-525.

ную управу, которую он пытался убедить в «необлагаемости домовладения добавочным сбором», поскольку указанное здание имеет «санитарно-культурное или историческое значение»⁹.

Да и старые кредиторы досаждали. В последних числах января 1918 г. граф получил письмо от известного ювелира Карла Фаберже с просьбой погасить долг в сумме 320 руб., «значащийся за Вами еще с 1916 года»¹⁰.

Новая советская власть не баловала бывшего члена Государственного совета, бывшего сенатора и бывшего почетного опекуна. Казалось бы, иметь с ней дело наследственному аристократу, родственнику свергнутых Романовых, не было никакого желания. Но А. А. Бобринский считал иначе. Он пытался найти с этой властью общий язык, стремился довести до «народных комиссаров» свои соображения о путях совершенствования народного просвещения. Сам граф считал: «Если в какой-нибудь мере мои соображения могут оказать пользу юношеству, буду глубоко счастлив. В настоящую эпоху всевозможных реформ, может быть эта реформа признана будет полезной»¹¹. Свои предложения он направил в соответствующий комиссариат 4 февраля 1918 г. Документ был озаглавлен «Записка об экзаменах»¹². Именно «об экзаменах»! В заглавии и в тексте записки присутствует множество слов, которые граф воспроизводит в форме просторечий: «экзамен, экзаменатор, экзаменующийся, ето, теперешних». Не исключено, что аристократ пытался говорить с новой властью на ее языке, как он его понимал.

Предложения А. А. Бобринского были наивны и сводились к тому, что «экзаменующемуся дается полная возможность справиться по книгам и учебникам, отыскать нужные ему числа, даты, имена, факты, выражения, орфографию, словом — приготовится к ответу на заданный билет или тему». Хотя с мнением, что центр тяжести экзамена надо перенести из области памяти в «умение быстро отыскивать то, что ему необходимо, умения справляться со словарями, грамматиками, руководствами; то есть требуем того, что понадобится человеку в дальнейшей жизни», спорить трудно.

Не оставил вниманием граф и одно из главных детищ своей жизни — Археологическую комиссию. Несомненно, крах дома Романовых и всей императорской России во многом дезорганизовали деятельность комиссии, являвшейся частью одиозного для новой власти Министерства императорского двора. Но, с другой стороны, изменение государственного строя, перестройка всей государственной системы управления давали шанс осуществить некоторые новации в системе управления археологическим наследием страны. Тем более что многие проекты вынашивались и предлагались А. А. Бобринским в предыдущие годы.

Вопросы реорганизации деятельности Археологической комиссии волновали А. А. Бобринского на протяжении многих лет, с момента вступления на должность ее председателя. Достаточно вспомнить его борьбу за право выдачи комиссией открытых листов, завершившейся высочайшим указом 11 марта 1889 г. Также он постоянно стремился увеличить штат комиссии и содержание ее сотрудников.

⁹ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 32. Л. 14.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 32. Л. 36.

¹¹ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 32. Л. 28.

¹² РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 32. Л. 29-32.

В то же время А. А. Бобринский понимал необходимость изменения структуры комиссии. Точнее, не изменение, а создание этой структуры. В уставе комиссии никаких внутренних подразделений не предусматривалось. Одним из наиболее кардинальных предложений подобного рода является проект реорганизации деятельности комиссии, поданный А. А. Бобринским в конце 1896 г. Граф писал:

«§1). Каждому из трех пребывающих в С.-Петербурге штатных членов Комиссии поручается заведывание археологическими делами отдельного района, в котором этот член является главным пособником Комиссии и ответственным лицом по выполнению обязанностей, возложенным на нее упомянутым Положением и последовавшими затем дополнительными высочайшими повелениями...

§2). Упомянутые в предыдущем §-е районы распределяются следующими полосами:

А) Первый район обнимает северную часть европейской России, примерно до 55⁰ сев. широты, и всю Сибирь

Б) Вторым заключает ту часть европейской России, которая простирается от 55⁰ сев. широты до Черного моря, Северного Кавказа и Каспийского моря.

В) Третий обнимает Северный Кавказ, Закавказье и Среднеазиатские владения России.

§3). Четвертый штатный член Комиссии, на которого, по штату, возложено заведывание Керченским музеем древностей, распоряжается всеми хозяйственными делами музея...»¹³.

Как известно, это весьма актуальное предложение председателя о перестройке структуры комиссии по территориальному принципу не было претворено в жизнь.

В 1902 г. А. А. Бобринским был подготовлен новый проект об изменении штатов комиссии. Помимо традиционных предложений об увеличении жалования сотрудникам, количества сторожей в Ольвии и т.п., есть вопросы принципиального свойства. Первый касается усиления аппарата комиссии, отвечающего за реставрационные работы. А. А. Бобринский предлагал включить в штат комиссии для облегчения работы ее архитектора «трех помощников по архитектурной части» с VII классом по должности и окладом в 1500 руб. Также предлагалось «увеличить количество простых членов на 1 человека, который, в добавление к уже существующим представителям в Керчи и Херсонесе, будет присутствовать на раскопках в Киеве»¹⁴. Подобные требования были повторены в документах по реорганизации комиссии, составленных А. А. Бобринским в 1914 г.¹⁵

Часть из этих предложений А. А. Бобринского была реализована. В 1902 г. в штате комиссии появилась должность архитектора, которую занял П. П. Покрышкин¹⁶. Но вопрос о его помощниках оставался нерешенным. Удалось расширить список представителей комиссии на местах. К 1917 г. они действовали, помимо Керчи и Херсонеса, в Киеве и на Кавказе¹⁷.

¹³ РА НА ИИМК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 241. Л. 1.

¹⁴ РА НА ИИМК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 68. Л. 1, 4.

¹⁵ РА НА ИИМК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 253. Л. 1-8.

¹⁶ Императорская археологическая комиссия 2009, 134.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 32. Л. 22 об.

После февральской революции, перед своим отъездом в Кисловодск для поправки здоровья — графа якобы беспокоили «непорядки в области сердца»¹⁸, — А. А. Бобринский обращается с обширным письмом к председателю Совета министров Временного правительства князю Георгию Евгеньевичу Львову. Свое письмо он начинал словами: «С целью оказать посильную помощь в деле упорядочения и мирного процветания нового строя России и помятуя, что крупные организмы действуют исправно тогда, когда правильно работает каждое мелкое колесо сложного механизма, позволяю себе обратить внимание правительства на три небольших государственных учреждения, которым желательно было бы, по моему мнению, преподать указание о временном продолжении ими своей деятельности на прежних основаниях, с соответственными, по новому государственному строю формальными видоизменениями, впредь до пересмотра положений этих учреждений или особых указаний. Эти три учреждения состоявшие в ведении Министерства двора суть Академия художеств, Археологическая комиссия и Эрмитаж».

В данном случае мы остановимся на предложениях А. А. Бобринского в отношении Археологической комиссии. Тем более что он сам указывал: «Лично мне особенно близка Археологическая комиссия, в которой я с 1886 года (31 год) состою председателем»¹⁹. Главная идея А. А. Бобринского в отношении деятельности Археологической комиссии в новых условиях сводилась к предложению сохранить действующую систему. «Важно только одно — избежать, поскольку возможно, всяких сотрясений в правильно налаженной, путем больших усилий, деятельности Археологической комиссии... Несмотря на военное время, значительно сократившее ассигнования на нужды археологии и затрудняющие деятельность комиссии, все же работа в ней идет успешно и было бы крайне жаль приостанавливать это маленькое, но правильно действующее государственное колесо»²⁰. Это и понятно. В первые месяцы после свержения монархии главной задачей было сохранение Археологической комиссии.

Характеризуя членов и структуру комиссии, А. А. Бобринский пишет: «Немногочисленный ее состав включает в себя первые наши научные силы по древней эпиграфике (академик наук Латышев), по классическим древностям (профессора Фармаковский, Ростовцев), по первобытным древностям (профессор Спицын), по восточной старине (профессор Веселовский) и по церковным памятникам (академики архитектуры Покровский, Романов) и др.

При Археологической комиссии существует особое «реставрационное» совещание, ведающее делами по охране памятников старины. Здесь участвуют лучшие архитектурные и художественные силы (академики архитектуры Суслов, Беклемишев, Котов, Китнер, Преображенский, Лансере и многие другие)»²¹.

¹⁸ Что не мешало графу планировать проведение археологических раскопок, о чем свидетельствует выданный ему 4 апреля 1917 г. Войсковым атаманом Терского казачьего войска во Владикавказе открытый лист на право раскопок «в течение 1917 г. в пределах Пятигорского отдела Терской области, на войсковых землях» и разрешение от Кисловодской городской управы от 24 апреля «исследовать с научной целью курганы, находящиеся у Белой речки за молочной фермой». Эти раскопки ему удалось осуществить (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 620. Л. 139, 140, 141-150).

¹⁹ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 32. Л. 21.

²⁰ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 32. Л. 23, 24 об.

²¹ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 32. Л. 21 об, 22 об.

Из слов А. А. Бобринского становится понятно, что *de facto* комиссия имела свою внутреннюю структуру, организованную по культурно-хронологическому принципу. Но формально какая-либо система в части организации археологической деятельности отсутствовала. То же можно сказать и о проблеме «реставрации». В комиссии действовало «особое совещание», ведавшее вопросами охраны памятников, но в штатном расписании подобное подразделение не значилось.

А. А. Бобринский также изложил проблемы, связанные с должностью председателя комиссии, и требования к личности, ее занимающей. «Председатель Археологической комиссии содержания не получает, и его лично легко сменить, если желательно, и назначить другое лицо без особого ущерба для дела. Однако при новом назначении надо подыскать лицо вполне объективное в научной степени. Люди знаний, светила науки по той или другой отрасли — неопределимы в своей научной сфере, но как администраторы, они в большинстве случаев мало пригодны. Научные споры зачастую переносятся на личную почву и вредят совместной работе. Во главу комиссии следует поставить лицо, умеющее ладить со своеобразной психологией научных специалистов»²².

Из текста записки недвусмысленно следует, что граф стремился остаться на посту председателя. «Лично я, вполне конечно оцениваю стремление нового правительства установить во главе государственных учреждений новых лиц и потому более чем понимаю желание меня удалить от должности председателя комиссии. Но вместе с тем я считаю долгом заявить, если бы встретилось затруднение в приискании нового лица, то я охотно и на сколько только позволят мои годы и здоровье, готов посвятить и впредь себя знакомой деятельности — археологическим руководителем до указания правительства»²³.

Не забыл граф и о сотрудниках: «Для служащих в Академии, Комиссии и Эрмитаже, которые живут исключительно за счет получаемого содержания, существенно важно знать, что материальное положение их и их семейств — обеспечивается новым правительством»²⁴.

В Петроград А. А. Бобринский возвратился в начале ноября 1917 г., уже после октябрьского переворота, при советской власти. И продолжил свои усилия по устройству жизни сотрудников комиссии в новых, еще более тяжелых условиях. 2 июля 1918 г. А. А. Бобринский получает от Государственной археологической комиссии Народного комиссариата имуществ республики удостоверение за подписью А. А. Спицына следующего содержания: «Выдано настоящее удостоверение председателю Государственной Археологической комиссии Алексею Александровичу Бобринскому в том, что он делегирован от служащих комиссии в заседание Петербургского отделения Народного комиссариата имуществ республики по установлению окончательных норм ставок в учреждениях комиссариата, имеющее быть в четверг, 4-го сего июля»²⁵. Устройством жизни сотрудников комиссии А. А. Бобринский был озабочен вплоть до своего окончательного отъезда из Петрограда на юг, согласно полученной в комиссии командировке от 20 июля 1918 г.

²² РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 32. Л. 24.

²³ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 32. Л. 24 об.

²⁴ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 32. Л. 26 об.

²⁵ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 32. Л. 17.

Не прекращал Алексей Александрович заниматься и традиционными проблемами комиссии. На заседании 26 апреля (8 мая) 1918 г. он предлагает избрать А. А. Спицына старшим членом комиссии взамен скончавшегося Н. И. Веселовского. На этом же заседании происходит дискуссия «о скорейшем составлении проекта расширения деятельности Археологической комиссии и об усилении ее денежных средств в новом сметном периоде». Главное внимание в проекте нового устава комиссии уделялось проблемам «расширения в комиссии реставрационного дела... в связи с общим Положением об охране памятников древности в государстве»²⁶. Заседание постановило: «1) Просить Археологическую комиссию составить новый проект нового ее устава и передать его для рассмотрения в специальное пленарное заседание комиссии, 2) немедленно ввести в ближайшую смету предложения о расширении издательской деятельности комиссии, 3) признать желательным посещение комиссии Коллегией по охране памятников древности»²⁷.

В архиве А. А. Бобринского сохранилась рукопись на 12 листах под названием «Археологическая комиссия», в котором это учреждение именуется «Российская археологическая комиссия»²⁸. Название «Российская» позволяет определить дату создания рукописи временем не позднее весны 1918 г. Именно так комиссия именовалась в документах Народного комиссариата имуществ республики²⁹. Летом 1918 г. в письмах этого комиссариата она стала называться «Российская государственная археологическая комиссия»³⁰ либо «Государственная археологическая комиссия»³¹. Наименование «Российская государственная археологическая комиссия» появляется 13-го августа 1918 г. в «Журнале заседаний» АК³².

В этом документе присутствуют многочисленные предложения по составу комиссии, вплоть до фотографов, письмоводителей и сторожей, ставкам, распределении обязанностей и т.п.

А. А. Бобринский по-прежнему стремился расширить число представителей комиссии в регионах, предлагая иметь в штате семь младших членов, «имеющих жительство в Москве, Киеве, (Херсонесе) Севастополе, Ольвии, Евпатории, Керчи и Тифлисе... На них возлагается исполнение местных задач определенных Комиссией. Проведение исследований и раскопок и описание их; содержание складов; охранение городищ и памятников и т.п. Комиссии предоставляется приглашать в помощь своим членам по вольному найму компетентных лиц, археологов и художников и помощников для выполнения предъявленных задач и заданий»³³.

Он также стремился усилить действенность комиссии в вопросе охраны отечественных древностей. В его предложениях по-прежнему присутствует пожелание иметь «четвертого старшего члена архитектора — заведующего вопроса ми ремонта и реставрации и имеющего пребывание в Петрограде и при нем... трех помощников члена-архитектора»³⁴. Их обязанностью, среди прочих, была

²⁶ РА НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1, 1918. Д. 1. Л. 1.

²⁷ РА НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1, 1918. Д. 1. Л. 1 об.

²⁸ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 163. Л. 57 об.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 53. Л. 74.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 214. Л. 3.

³¹ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 32. Л. 17.

³² РА НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1, 1918. Д. 1. Л. 2.

³³ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 163. Л. 62, 63 об.

³⁴ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 163. Л. 61 об, 62.

«регистрация монументальных памятников старины как то³⁵ церквей, дворцов, кремлей и т.п. и описание их. Обсуждение поддержки, ремонте и реставрации памятников старины, заслуживающих особого внимания, а равно о необходимости их уничтожения»³⁶.

Подобные, частично уже встречавшиеся в прежних документах предложения, касавшиеся памятников архитектуры, были дополнены чисто археологическими новациями. Среди возглавлявшихся на комиссию задач были:

«— Охрана обнаруженных при раскопках остатков древних городов, строений, могил и памятников.

— Сбережение добытых при раскопках предметов старины, хранение их в особых складах на месте производства раскопок, изучение их и передача их в государственные и общественные древлехранилища.

— Содержание и благоустройство (временных музеев) складов древностей на месте проведения раскопок»³⁷.

Здесь необходимо выделить два момента. Во-первых, требование охраны обнаруженных «остатков» и, во-вторых, создание условий хранения на месте раскопок. Другими словами, А. А. Бобринский предлагал ввести систему учета и хранения находок, начиная с момента их обнаружения и вплоть до передачи в постоянные хранилища.

Не оставил А. А. Бобринский свою давнюю идею о создании внятной внутренней структуры комиссии. Но в данном случае он предлагал утвердить систему, организованную не по географическому, а по хронологическому и культурному принципу. «Штатный состав комиссии распределяет между... тремя старшими членами различные отрасли занятий по вопросам эпиграфики, археологии первобытной, общей, славянской, классической и восточной»³⁸. Так граф представлял основные направления археологической науки. Сейчас трудно представить, как три «старших члена» могли объять в своей деятельности подобные фундаментальные проблемы.

Среди предлагавшихся задач комиссии привлекает внимание пункт о поддержке «молодых сил, посвятивших себя археологии, направление их деятельности и представление им археологических работ». Примечательно, что в первоначально граф писал о поддержке молодых сил, «желающих заниматься» археологией, но затем изменил формулировку на «посвятивших себя» археологии³⁹. По его мнению, поддерживать требовалось не интересантов, а молодых профессиональных археологов. В смутные годы революций А. А. Бобринский справедливо был озабочен проблемой научной смены, воспитанием нового поколения ученых.

В проекте устава был один интересный пункт. Председатель комиссии предлагал ввести специальное положение, закрепляющее за АК право организации археологических съездов. Согласно ему, одной из задач комиссии являлось «участие в съездах и конгрессах по археологии и принятие на себя инициативы в созвании таких съездов»⁴⁰. Лавры Московского археологического общества не давали гра-

³⁵ Выделенные курсивом фрагменты вписаны в первоначальный текст сверху.

³⁶ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 163. Л. 60.

³⁷ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 163. Л. 58.

³⁸ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 163. Л. 62 об.

³⁹ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 163. Л. 61.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 163. Л. 61.

фу покоя. А дилетантизм в работе съездов его раздражал изначально. А. А. Бобринский предполагал, и к этому были основания, что руководство комиссией археологическими съездами повысит их научный уровень.

А. А. Бобринский в годы революционных переворотов, времени разброда и анархии, личных невзгод, не оставлял попыток продвинуть в жизнь предложения, которые он вынашивал долгие годы, в первую очередь — создание внутренней структуры комиссии и организацию специального постоянного подразделения, ведавшего охраной древностей, для чего он стремился получить новые штатные должности. И самое удивительное — последнее ему удалось. 11 мая 1918 г. «комиссар по просвещению» А. В. Луначарский обратился к «комиссару имуществ республики по Петроградскому отделению» с поддержкой требования «учредить две новые должности помощников архитектора Археологической комиссии» и «учредить две должности техников... и одну должность архивариуса, а так же средства на разъезды архитектора». На основании этого письма начальник Петроградского отделения Комиссариата имуществ И. В. Киммель выделил комиссии 3 000 руб. на май и июнь⁴¹. Это было последней заслугой А. А. Бобринского на ниве российской археологии.

События 1917-1918 гг. кардинально изменили жизнь председателя Археологической комиссии графа Алексея Александровича Бобринского. Отчаянно борясь с трудностями повседневной жизни в революционном Петрограде, А. А. Бобринский пытался найти общий язык с новой властью, предлагал себя в качестве одного из реформаторов и не оставлял своей заботой учреждения, с которыми был связан во времена империи, в первую очередь Археологическую комиссию, которую он всячески стремился сохранить. Граф прилагал усилия к улучшению условий жизни и работы ее сотрудников, пытался осуществить реорганизацию этого учреждения. Но постепенно А. А. Бобринский приходил к убеждению, что его дни в России сочтены. Об этом свидетельствуют повседневные документы комиссии, значительная часть которых в первой половине 1918 г., во время пребывания А. А. Бобринского в Петрограде, создавалась другими сотрудниками. На большинстве документов того времени стоят подписи товарища председателя комиссии В. В. Латышева, члена комиссии Б. В. Фармаковского и делопроизводителя И. С. Сутулло. Эти люди продолжали руководить комиссией после отъезда А. А. Бобринского, вплоть до выбора новым председателем Н. Я. Марра.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринской А. А. 2003: Граф Алексей Александрович Бобринский. 1852–1927 (Сын об отце). Подготовка к публикации, предисловие и примечания И. Л. Тихонова // Культурное наследие Российского государства. Вып. IV, 479–532.

Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. 2009. СПб.

Тихонов И. Л. 2002: Предводитель дворянства, сенатор, депутат, министр, археолог граф А. А. Бобринский // Знаменитые универсанты: Очерк о питомцах Санкт-Петербургского университета. Т. 1. СПб.

Тихонов И. Л. 2003: Последний председатель императорской археологической комиссии граф А. А. Бобринский // Невский археолого историографический сборник. К 75-летию канд. ист. наук А. А. Формозова. СПб.

⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 31. Л. 21-21об.

COUNT ALEXEY ALEKSANDROVICH BOBRINSKY AND NEW
GOVERNMENT

A. S. Smirnov

The article is dedicated to the activity of the Head of Archaeological Commission, A.A. Bobrinsky, since the February Revolution of 1917 until his departure from Petrograd in 1918. In those months, despite many everyday problems, A.A. Bobrinskiy made efforts to establish relations with new authority in the country, — both with Temporary Government and Bolsheviks, in order to preserve the institutions he headed. First of all, it concerned the Archaeological Commission, where he suggested a number of changes. These efforts were partially successful. A.A. Bobrinsky managed to implement some of the long-planned reforms. However, he realized that he couldn't cooperate with the new authority, and was forced to leave Russia.

Key words: A.A. Bobrinskiy, Archaeological Commission, Temporary Government, V.I. Lenin's government

---

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

© 2015

ДЪЯКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2014 г.

Кафедры истории древнего мира и средних веков им. профессора В. Ф. Семенова исторического факультета МПГУ (6 декабря 2014 г.)

6 декабря 2014 года на кафедре истории древнего мира и средних веков имени профессора В. Ф. Семенова исторического факультета МПГУ прошла Всероссийская научная конференция «Дьяковские чтения», проходящая уже традиционно каждые два года и посвященная памяти выдающегося отечественного ученого-антиковеда В. Н. Дьякова (1882–1958), заведующего кафедрой истории древнего мира и средних веков нашего вуза с 1938 по 1945 гг.

На конференцию специалистами по истории и археологии древнего мира и раннего средневековья из МПГУ, Института Всеобщей истории РАН, Государственного Исторического музея, 18 научных и учебных центров 6 регионов России, а также специалистами из Института физики Земли им. О. Ю. Шмидта было заявлено 37 докладов.

Работа Дьяковских чтений была распределена на одно пленарное заседание и пять секций: истории Древнего Востока, истории Древней Греции, истории Древнего Рима, истории и археологии Причерноморья, истории поздней Античности — раннего Средневековья.

Со вступительным словом выступила к.и.н., доцент кафедры Ю. В. Куликова, отметив, что регулярное проведение Дьяковских чтений становится доброй традицией, очень важной для плодотворного сотрудничества историков.

Конференцию открыл и.о. заведующего кафедрой истории древнего мира и средних веков имени профессора В. Ф. Семенова, д.и.н., профессор Н. И. Винокуров с докладом о научной деятельности В. Н. Дьякова, отметив его особый интерес к истории Причерноморья, в частности, к вопросу римской экспансии в этот регион. Сейчас по результатам активных археологических раскопок в Крыму подтвердились многие высказывания В. Н. Дьякова, например, о римской оккупации полуострова и о существовании здесь своеобразного лимеса. Таким образом, можно говорить о том, что В. Н. Дьяков был провидцем в науке.

На пленарном заседании было заслушано 3 доклада (председатели: Н. И. Винокуров, Ю. В. Куликова). Все доклады сопровождалось показом презентаций с иллюстративным и пояснительным материалом.

Винокуров Н. И. (МПГУ) выступил с докладом о результатах археологических раскопок Артезианской Археологической экспедиции (ААЭ) в 2013–2014 гг., отметив большое значение для отечественного антиковедения изучения ранней цитадели городища Артезиан, погибшей в ходе боспорско-римской войны 44/45–49 гг. Благодаря широкомасштабным работам ААЭ удалось не только полностью исследовать 10 помещений цитадели с гомогенным слоем пожара 46/47 г., но практически завершить изучение переотложенного пожара в траншеях выборки крепостных стен. Культурные напластования, связанные с гибелью крепости, насыщены массовым и коллекционным материалом, среди которого выделялись тысячи боспорских медных монет, десять золотых боспорских статеров чеканки царей Аспурга и Митридата III, десятки серебряных римских сестерциев и кистофоров; сотни обломков терракотовых статуэток, золотые и серебряные ювелирные украшения, бытовые изделия из цветных и черного металлов, остатки разнообразного вооружения и доспехов. Необычно

святилище хтонических богов с каменным алтарем и ямами для жертвоприношений, раскопанное в пространстве между восточной крепостной стеной ранней цитадели и оборонительным рвом. На основании находки уникального золотого статера Митридата III 46/47 г. было выдвинуто предположение о существовании передвижного монетного двора и пересмотрены устоявшиеся в науке представления о начальном периоде боспоро-римской войны. Открытие посвященной надписи на серебряном канфаре, бронзового халкидско-аттического шлема и двухдырчатых костяных псалий IV в. до н. э., сгоревших вместе с другими вещами во время штурма цитадели в 46/47 г., возможно, свидетельствует о наличии в крепости героона, посвященного местным правителям или героям. В заключение Н. И. Винокуров отметил важность продолжения археологических работ в Артезиане.

Никонов А.А. (Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта, д.и.н., профессор) выступил с докладом «Об актуальности использования археосейсмического подхода при изучении памятников античного времени. Некоторые методологические соображения и предложения». Ученый-физик, участник многих археологических раскопок, представил историкам результаты своих многолетних исследований. *А.А. Никонов* продемонстрировал, как можно определять сейсмическое воздействие на памятниках древности. Для наглядных примеров были выбраны следующие категории: кладка стен городов и крепостей, скелеты и предметы погребений, керамика. *А.А. Никонов* отметил, что слои разрушения, которые при проведении раскопок археологами обычно рассматриваются как малоинформативные, на самом деле представляют неоценимый (и недооцененный) источник сведений обо всех сторонах жизни города и округа. Без специального и разностороннего внимания к слоям разрушения, без тщательной их и сопряженных с ними (свалок, заполнений полостей) фиксации невозможно адекватно восстановить историю, причины и масштабы периодов упадка (запустения) и возрождения, а также роль в истории не только хозяйственной и культурной жизни полиса, но подчас и развития самой цивилизации. *А.А. Никонов*: «Систематическое взаимодействие специалистов историков и археологов со специалистами естественных дисциплин необходимо, как при текущих полевых исследованиях, так и в камеральных условиях, при ретроспективном анализе (и синтезе) опубликованных сведений».

Можайский А.Ю. (к.и.н., доцент МПГУ) выступил с докладом «Археологическое изучение микенского дворца в Фивах». Докладчик, который лично участвовал в археологических работах в Фивах, заметил, что Фивы — уникальный малоизученный объект микенской эпохи, археологические исследования в котором практически полностью ведутся именно греческими археологами, однако работы осложняются тем, что сегодня там располагаются современные постройки. Раскопки, предпринятые Антониусом Керампулосом, вскрыли рядом с центром Кадмеи (на улице Пиндара, за современным рынком) остатки большого микенского здания, предположительно «дворца Кадма». Его строение не похоже на знаменитые микенские мегароны, а многочисленные находки включали фрагменты большой фрески, изображающей процессию женщин, огромное количество керамики, включая знаменитые стремянные кувшины с надписями линейного письма Б, украшения из золота и агата, а также 42 уникальные восточные цилиндрические печати регионов Древнего Востока: довавилонские, вавилонские, касситско-вавилонские, митаннийские, хеттские и кипрские. Никогда еще не находили одновременно такую большую группу сразу, даже на Востоке. Важность изучения Кадмеи (Фив) является безусловной для исторической науки.

На пленарном заседании в торжественной обстановке было вручено официальное свидетельство, выданное Российской Академией Наук, Международным Астрономическим Союзом и Институтом прикладной астрономии РАН о том, что малая планета под №296819 получила имя «ARTESIAN» в честь Артезианской Археологической экспедиции.

Заседание секции «История Древнего Востока» (председатель *З.В. Сердитых*) было представлено тремя докладами.

Сердитых З.В. (МПГУ) выступила с докладом «Ашока — воин Будды? К вопросу о религиозной политике Ашоки», отметив в своих выводах, что Ашока проводил реформы, направленные как на улучшение положения народа, так и на укрепление централизации государства. Также он принимал эдикты, целью которых было очищение сангхи от нарушителей устава, рекомендовал монахам углубленно изучать строго определённые проповеди, произнесённые Благословенным

Буддой, особенно относительно лжи. Кроме того, Государство, создаваемое Ашокой, должно было быть высшим авторитетом для церкви во всех вопросах (теория эрастианизма).

Никонов А.А. (Институт физики Земли им. О. Ю. Шмидта) в докладе «Феномен «гибель Содом и Гоморры» в свете современных наук», сопоставив данные палеосейсмологов, наблюдающих за сейсмическим режимом рифта в районе Мёртвого моря, и фрагменты сообщений античных авторов о судьбе городов Содом и Гоморра, пришёл к выводу о том, что ветхозаветная традиция описывает в мифологических образах вполне реальную картину последствия крупного землетрясения, произошедшего в регионе во 2-й половине II тысячелетия до н.э.

Толлю Е.О. (МГПУ) в докладе «Социально-политический аспект изменений в строительстве и росписи гробниц в Древнем Египте в период Нового царства», рассматривая изменения в царском погребальном обряде в эпоху Нового царства, установила, что перемещение царских захоронений в Долину Царей и изменение погребального обряда вызваны прежде всего необходимостью предотвратить ограбления царских гробниц.

На секции «**Истории Древней Греции**» (председатели: *И. Е. Суриков, А. Ю. Можайский*) было представлено 7 докладов.

Суриков И.Е. (Институт Всеобщей истории РАН) представил доклад «Афинский оратор Антифонт и законы Солона», отметив, что в сохранившихся речах Антифонта, афинского оратора второй половины V в. до н.э., великий законодатель Солон не упоминается, однако если использовать косвенные доказательства, можно уверенно утверждать, что блистательное знание Антифонтом афинского законодательства распространялось не только на законы Драконта об убийстве, но и на законы Солона, регламентировавшие остальные стороны жизни полиса и граждан.

Фесенко А.В. (МГУКИ) выступил с докладом «К вопросу о датировке фрагмента Сапфо №58 (Bergk 1843)», в котором отметил необходимость привлечения астрономических методов при датировке античных текстов. Ярким примером может служить Сапфо, которая отличалась исключительной наблюдательностью за природой, в том числе за жизнью звездного неба. Описанный ею заход Плеяд в полночь позволяет понять, что Луна находилась, вероятно, в созвездии Овна. Таким образом, анализ фрагмента № 58 Bergk (1843) позволяет предположить, что он мог быть написан 2 марта 612 г. до н.э.

Дегтярева А.Д. (МПУ) в докладе «Греко-персидские дипломатические контакты в канун Коринфской войны 395–386 гг. до н.э.» отметила, что стремление Спарты и Персии к дипломатическому решению военной конфронтации и активная политика перемирий подтвердили концепцию взаимодействия греков и Персидской державы. Однако именно спартано-персидская война привела в активность неофициальную персидскую дипломатию («дипломатию золота»). Нарастающее недоверие спартанской гегемонией в Балканской Греции стало благодатной почвой для укрепления влияния Персии на внутривосточную жизнь греческих полисов. Персидское золото, переданное греческой оппозиции Тимократом Родосским, предопределило начало Коринфской войны.

Разумов Н.В. (Тобольская Государственная социально-педагогическая академия) представил доклад «Внешняя политика Афин 374–371 гг. до н.э.», в котором отметил, что не спартанские экспедиции, а поражение афинян на море привело к возобновлению войны с Фивами.

Коровчинский И.Н. (МГОУ) выступил с докладом «Храм Окса в Бактрии и предполагаемый тип храмов огня», в котором заметил, что предложенное Б. А. Литвинским и И. Р. Пичикином определение группы иранских храмов, в которую входит т. н. «аядана» в Сузах, «храм с пьедесталом» в Персеполе, ранний храм в Кух-и Хвадже (Систан) и храм Окса в Тахти-Сангине (Бактрия), как храмов огня представляется неверным. Среди всех них следы культа огня достоверно выявлены только в храме Окса. Т. н. храм Диоскуров в Дильберджине (Бактрия) обладает всеми чертами, характерными для данной группы храмов (наличием портика, фланкированного ризалитами, центрального зала и примыкающих к последнему обводных коридоров), однако следы культа огня в нем не были обнаружены, несмотря на то что он был исследован и описан весьма тщательно И. Т. Кругликовой. Следовательно, культ огня имелся не во всех храмах с такого рода архитектурой и давать им общее определение «храмы огня» неверно.

Табелко О.Л. (РГГУ) в докладе «Неофициальные прозвища эллинистических правителей: предварительная характеристика феномена» отметил, что возникновение прозвищ в эллинистиче-

ский период связано с тем, что в эту эпоху, когда личность существует за рамками полиса, человеку прилагаются эпитеты. У римлян прозвища занимали конкретное место в четкой системе имен. Прозвища имеют разное происхождение, как греческое, так и восточное, а также могли быть официальными и неофициальными.

Клейменов А.А. (Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н.Толстого) представил доклад «Война на два фронта: проблема истоков некоторых черт эллинистического военного искусства», в котором заметил, что эллинистическая эпоха является временем частых военных конфликтов, проходивших в формате столкновений между крупными профессиональными армиями, при которых применялся и опыт войн классического времени, и разнообразные новации в области стратегии и тактики. Ключом к успеху Филиппа Македонского стала стратегия, подразумевавшая проведение активных боевых действий сразу на двух фронтах — восточном и западном. На примере событий 321 г. до н.э. докладчик констатирует, что глубокий анализ особенностей эллинистического военного дела невозможен без тщательного изучения всех имеющихся сведений о полководческом искусстве Филиппа II и Александра Великого.

Заседание секции «**История Древнего Рима**» (председатели: *И. О. Князький, Ю. В. Куликова*) было представлено 6 докладами.

Данилов Е.С. (ЯрГУ им. П.Г. Демидова) выступил с докладом «Убийства римских магистратов как средство политической борьбы», в котором отметил, что в римском обществе законным ограничением произвола со стороны магистратов была возможность их привлечения к суду. Однако в источниках встречаются упоминания о беспрецедентных случаях насильственной смерти магистратов в период исполнения ими своих обязанностей. Докладчик попытался разобраться в причинах гибели должностных лиц и в том, как эти причины интерпретировались квиритами.

Никишин В.О. (МГУ им. М. В. Ломоносова) в своем докладе «Свой среди чужих, чужой среди своих: опыт культурного взаимодействия между миром цивилизации и варварской периферией на рубеже новой эры» отметил особенность, почти исключительность положения изгнанников Рима и в то же время — воспитание заложников Римского государства в римских традициях, подчас превращавшее аристократов в изгоев на своей родине. Негативное отношение к ним было отражением отношения завоеванных народов к Риму, выражавшееся в отказе признавать их авторитет и власть.

Князький И.О. (ИМЭИ) в докладе «Сеян и Друз Младший. Роковой перелом в правлении Тиберия» рассматривает реальность историографической традиции, которая утверждала, что Друз был убит Сеяном и приходит к выводу о том, что Друз Младший умер по каким-то неизвестным причинам, но не имеющим под собой свидетельства его отравления. Но дальнейшие события римской истории в правление императора Тиберия происходили уже под влиянием в том числе оппозиции, которая явно высказывала желание возвести на еще занятый трон детей Германика.

Доклад *Иванова П.В.* (Москва) «Митра, Айон или Леоцефал? (Вновь к вопросу об интерпретации одного образа)» был посвящен эволюции художественного образа бога Митры, культ которого распространяется в Римской империи с I в.н.э., Айона и Леоцефала. Докладчик утверждал, что употребление термина «Митра с головой льва» не является применимым к Леоцефалу. Кроме того, на основании скульптурных и рельефных изображений он делает вывод о том, что Леоцефал может являться самостоятельным культом.

Куликова Ю.В. (МПГУ) в своем докладе «Рим накануне разделения глазами современников» отметила, что, несмотря на официальную дату разделения Западной и Восточной Римской империи, в античной историографии отражено постепенное крушение Римской империи. Оно началось еще в середине III в., затем, приостановленный реформами Диоклетиана и Константина, раскол продолжился. Ожидания панегиристов, что императоры в своей политике будут стремиться сохранять единство империи, не оправдались. Аммиан Марцеллин и Аврелий Виктор рисуют нам картину упадка, сопровождаемую народными волнениями, германскими вторжениями, природными катаклизмами. Попытки удержать контроль над западными провинциями со стороны восточноримских императоров не удалась, поэтому 395 г. лишь дата, констатирующая уже свершившийся факт.

Лысенков С.М. (МПГУ) в докладе «Появление постоянной цифровой обозначения в римской армии» рассмотрел вопрос о формировании и развитии традиции цифровой обозначения римских легионов. Проанализировав историю формирования легиона, докладчик приходит к выводу, что по-

стоянная цифровая идентификация легиона возникла только при зарождении профессиональной армии, подразделения которой постоянно находились на службе и могли действовать самостоятельно в отрыве от главных сил армии. Это было связано с усовершенствованием системы управления ими на поле боя и в мирное время с введением сложного бюрократического аппарата внутри самого легиона и с духом соперничества, которое было присуще профессиональным воинам, старавшимся подчеркнуть особенность своего подразделения, сложившихся в нем традиций и боевого пути.

Секция «История и археология Причерноморья» (председатели: *Н. И. Винокуров, С. М. Крыкин*) была представлена 8 докладами.

Крыкин С.М. (МГПУ) выступил с докладом «Фракийский серебряный ритон с позолотой из Болгарии», в котором отметил, что сокровища Фракии — это традиционные вещи из благородных металлов, а ритоны — численно внушительная группа культовых предметов из балканского фракийского мира. На наглядном материале докладчик убедительно доказывает, что на представленном ритоне изображена голова лани (а не серны). Вырезанная надпись (греческая изоформа) и некоторые стилистические особенности при достаточно простых технологических приемах изготовления позволяют датировать время производства изделия началом правления знаменитого одрисского царя Котиса I, т.е. первой четвертью IV в. до н.э. Поскольку ритон был найден во фракийском кургане русскими войсками в диапазоне 1878–1885 гг., то после дополнительной экспертизы может оказаться в коллекции Государственного Эрмитажа.

Дулбова Н.А. (Государственный исторический музей) в докладе «К вопросу о погребальном обряде на могильниках с кремациями III–IV вв. н.э. на территории Крыма» отметила, что для позднеримского времени наиболее массовыми остаются захоронения, относимые к сарматским традициям, которые по каким-то причинам соседствуют с кремациями германцев. К сожалению, ни письменные источники, ни данные археологии пока не могут дать объяснения подобному «соседству». Этническая принадлежность некоторых типов погребений пока остается спорной, а принятие той или иной стороны в этой научной дискуссии сильно отражается на трактовке этнической ситуации на полуострове на период, предшествующий эпохе Великого переселения народов.

Циглер М.В. (ТГПУ им. Л.Н. Толстого) выступил с докладом «Варвары и боспоро-херсонесские конфликты последней четверти III — I-й пол. IV вв.», в котором исследовал роль племенных народов в возникновении и эскалации конфликта между Боспором и Херсонесом. Автор, анализируя данные источников, приходит к выводу о значительной степени варваризации Боспорского царства с последней четверти III в. По мнению докладчика, в рассматриваемый период варварский фактор становится ключевым в истории Северного Причерноморья, что стало причиной еще большего обострения ситуации. Приход к власти Диоклетиана открыл новую страницу в истории империи, которой все труднее удавалось сдерживать растущий натиск племенных народов в разных уголках государства.

В докладе *Булдакова В.А.* (МГПУ ИГН) «К вопросу о роли Римской империи во внутренней политике Боспорского царства» отмечалось, что поражение Митридата в борьбе с Римом и его смерть на Боспоре знаменовали собой завершение целой эпохи исторического развития греческих государств Северного Причерноморья, которые, попав под контроль Римской державы, становятся своего рода форпостами, выдвинутыми далеко на северо-восток, в гущу воинственных, опасных для цивилизованного мира племён.

Сухарников Е.С. (ГБОУ СОШ №1400) в докладе «Новые открытия на базилике «Крузе» в Херсонесе Таврическом» осветил результаты археологических исследований в Херсонесе, отметив важность продолжения работ на базилике.

Лысенкова А.А. (МПУ) затронула проблему погребального обряда в докладе «Основные элементы погребального обряда населения европейского Боспора I–III вв. н.э.», охарактеризовав элементы погребального обряда: погребение, ориентировка покойного, погребальный инвентарь и т.д., — отметила, что в архаический период погребальный обряд населения европейского Боспора I–III вв. н.э. в целом не отличался от погребального обряда античного мира.

Захаров Е.В. (Государственный Исторический музей) выступил с докладом «Строительные комплексы архаического времени поселения Гаркуша 1 (Патрей) по материалам исследований 2013–2014 гг.», в котором подвел итоги раскопок и выявил результаты основных находок за послед-

ние годы. Проанализированы остатки сырцовых сооружений архаического времени, обнаруженные на поселении Гаркуша 1 (Патрей), которые сопоставляются с прочими архитектурными остатками памятника. На этом основании проведена периодизация развития жилой застройки городища архаического и классического периодов.

Гайдуков Н.Е. (ПСТГУ) в докладе «Саркофаг художника из Эрмитажа и раннехристианская икона» на основании обширного комплекса иллюстративного материала, представленного изображениями и образами от I в.н.э. до IX в., попытался провести параллели и найти заимствования между римским портретом и иконой, заметив, что икона стала восприниматься как объект божественного создания постановлением 7 Вселенского собора.

На секции **«Истории поздней Античности — раннего Средневековья»** (председатель *Е. С. Носова*) было представлено 4 доклада.

Корженков А.М. (Институт физики Земли им. О. Ю. Шмидта) в своем докладе «Следы сильных землетрясений в средневековых памятниках Прииссыкуля (Кыргыстан)» рассмотрел характерные особенности рельефа и памятников, позволяющие утверждать, что они подверглись сейсмическому воздействию. На основании археосейсмологического исследования средневековой крепости на западной окраине села Тоссор докладчик приходит к выводу, что стратегически удобная позиция этой цитадели, однако, сыграла свою негативную роль во время сильных средневековых землетрясений. Тем не менее необходимо продолжать подобные исследования, ведь, познавая прошлое, мы пытаемся спрогнозировать будущее. Если сильное землетрясение разрушило древний город, то подобное сейсмическое событие может произойти и в будущем.

Храпов А.В. (МГЛУ, МПГУ) «Церковь и государство в ранней Византии (IV–V вв.)», основываясь на ранней церковной историографии, охарактеризовал политические события IV в., происходившие в Римской империи, заметил, что Миланский эдикт Константина и Лициния скорее свидетельствует, что не свобода вероисповедания была главной заботой императоров, а внутренняя стабильность Римской империи, и это во многом определило дальнейший путь взаимоотношений церкви и государства.

Синица М.М. (БелГУ) в докладе «Иоанн Лид и его «История войны с персами» как пример ранневизантийской историографии» отметила, что реконструкция содержания этого произведения позволяет говорить о том, что оно должно было затрагивать всю историю римско-персидских отношений. Изучая все, что известно о предполагаемом сочинении Иоанна Лида «История войн с персами», следует отметить, что единственная информация о нем содержится в его же работе «О магистратах», причем исходя из нее нельзя сделать однозначные выводы о том, что «История войн с персами» была написана. Скорее всего, предполагает докладчик, она не была издана к моменту написания «О магистратах», но писалась, или, по крайней мере, автор планировал ее писать.

Носова Е. С. в своем докладе «Восприятие христианского вероучения германцами в IV–V вв.» отметила, что в указанный период активизировались контакты германских народов с христианской Римской империей. Это позволило найти точки соприкосновения между христианском вероучением и языческими верованиями, что хорошо прослеживается по тексту «Готской» Библии Ульфиллии и памятникам изобразительного искусства. Несмотря на это, в IV–V вв. не проводилось практически никакой последовательной работы римской администрации по обращению народов за границами империи. Судя по всему, ни один римский император не усмотрел пользу для всего государства в обращении большого числа варваров в христианство, хотя подобная политика могла в какой-то степени нейтрализовать врага.

Председатели секций и организаторы конференции подвели итоги заседаний, выразив надежду на дальнейшее сотрудничество.

Всероссийская научная конференция «Дьяковские чтения–2014» завершила свою работу.

Ю. В. Куликова,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
древнего мира и средних веков им. проф. В. Ф. Семенова

ПЛАНЕТА БУДЕТ ГОВОРИТЬ ПО-РУССКИ!*

1–4 ноября 2014 года, объявленного Президентом Российской Федерации В. В. Путиным Годом культуры, в городе Сочи прошло три чрезвычайно важных события: I Педагогический форум Русского мира, посвященный изучению русского языка в современной школе; IV Конгресс Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), на котором рассматривались проблемы, связанные с динамикой языковых и культурных процессов в современной России, и VIII Ассамблея Русского мира «Культура и время». Они были приурочены ко Дню народного единства, который наша страна, начиная с 2004 года, отмечает 4 ноября.

Столица зимней Олимпиады приняла в эти дни более полутора тысяч отечественных и зарубежных гостей из 81-й страны мира: учителей русского языка и литературы, университетских преподавателей-филологов, учёных-русистов. В работе форумов принимали участие посланцы русских диаспор ближнего и дальнего зарубежья, политические и общественные деятели, руководители министерств и ведомств, писатели, журналисты, авторы учебников, дипломаты, издатели, культурологи. Их, людей разных взглядов, разных убеждений, разных национальностей, привело в Сочи общее высокое чувство — любовь к русскому языку и к великой русской культуре, которые сейчас переживают не самые лучшие времена. Озабоченность судьбой одного из богатейших языков мира стала доминантой выступлений многих делегатов, собравшихся в Сочи.

Торжественное открытие форума состоялось утром 1-го ноября в киноконцертном зале гостиницы «Жемчужина». Инициатор масштабного Сочинского мероприятия Людмила Алексеевна Вербицкая, Президент РОПРЯЛ(а), Президент Российской академии образования, председатель Попечительского совета фонда «Русский мир», основанного по инициативе Президента В. В. Путина в 2007 г., открывая I Педагогический форум и IV Конгресс РОПРЯЛ, напомнила собравшимся слова выдающегося российского филолога и общественного деятеля Д.С. Лихачёва о том, что гуманизация образования есть путь к гуманизации общества, и подчеркнула: «Защита русского языка — проблема национальной безопасности России».

На пленарном заседании, обсудив доклад Л. А. Вербицкой «Проблемы преподавания русского языка в вузе и в школе», делегаты I Педагогического форума и IV Конгресса РОПРЯЛ приняли решение обратиться с ходатайством в Министерство образования и науки о восстановлении при вузах России подготовительных курсов по русскому языку для иностранных студентов и граждан России, закончивших национальные школы, а также о введении кандидатского экзамена по русскому языку для аспирантов-иностранцев. Здесь же, на пленарном заседании, д-р филол. наук, проф. Санкт-Петербургского университета А. Д. Степанов в докладе «Основные тенденции в современной русской литературе» говорил о том, что за 25 лет, прошедших после распада СССР, в русской литературе наметились две тенденции: постмодернистская, отмеченная подражанием западной словесности, и (со 2-й половины 2000-х гг.) обращение к отечественным традициям, когда центральными вновь становятся темы, связанные с тайнами русской души, русского национального характера, взаимоотношений интеллигенции и народа. Выступавший в прениях председатель Фонда «Русский мир» А. А. Сафронов предложил регулярно проводить международные педагогические форумы, посвященные преподаванию русского языка в России и за рубежом. Ректор Санкт-Петербургского политехнического университета В. Н. Иванова поддержала инициативу русистов Башкортостана, настаивающих на необходимости разработки фундаментального ядра курса русского языка, который должен лечь в основу всех программ, которые используются преподавателями русского языка.

В 12 часов дня началась работа делегатов по пяти направлениям: 1) «Русский язык: актуальные аспекты исследования»; 2) «Русский язык и культура России: взаимосвязь и взаимовлияние»;

---

* Работа выполнена в рамках гранта РГНФ «Публицистический арсенал общественных движений в России и Германии. Вербальные средства преодоления конфликтов и достижения толерантности». Проект № 15–24–06001а(м).

- 3) «Русская литература в современном мире»; 4) «Русский язык (родной и неродной) в школах»; 5) «Русский язык (родной, неродной, иностранный) для взрослых».

Во время перерыва между заседаниями делегаты форума стали свидетелями красивого символического акта — подъёма флага «Русского мира».

Как докладчик я принимала участие в заседаниях 2-го направления, где выступали учёные из разных отечественных и зарубежных научных центров.

Председателями *первого заседания* были д-р филол. наук, проф. МГУ В. В. Красных и д-р филол. наук, проф. МГПУ А. Д. Шмелёв. В. В. Красных в докладе «“Смешались в кучу...” или ответ на “вызов нашего времени”?» поставила вопрос об интегративности филологических исследований. Большой интерес у слушателей вызвал доклад А. Д. Шмелёва «*Мир и воля* в истории русского языка и русской культуры», где истоки формирования омонимов *мир* – ‘вселенная’ и *мир* – ‘спокойствие, любовь, ласка’ автор усматривает в переводе Кириллом и Мефодием двух разных греческих слов одним славянским словом *мир*. Отсюда стали возможны в русском языке лозунги *Миру – мир!*, *За мир во всём мире!* и церковная формула *Миром* (‘вместе, согласно, с любовью’) *Господу помолимся*. В итоге это привело к сближению слова *мир* со словом *мера*, однокоренным со словом *смирение* ‘мирное, небуйное существование’, которое в советском новоязе стало почти ругательным. Современному русскому языку как концепту и ценности посвятил свой доклад д-р филол. наук, проф. Кубанского гос. ун-та В. П. Абрамов. Когнитивный аспект культурного стереотипа был рассмотрен в докладе д-ра филологии из Болгарии В. Аврамовой. Д-р филол. наук, проф. Кемеровского гос. ун-та Л. А. Араева совместно М. А. Афанасьевой (РГПУ) представила доклад «Чужое в зеркале своего: Франция на улицах Санкт-Петербурга (на материале названий мест общественного питания)» Д-р филол. наук Н. В. Барышников, проф. Пятигорского гос. лингвистического ун-та, произнёс пламенную речь в защиту русского языка и России, приводя абсурдные иноземные наименования привычных русских явлений в столичных и провинциальных городах. Д-р филол. наук, проф. РГПУ Г. М. Васильева проанализировала динамику представлений о географическом пространстве Европы (по данным ассоциативно-вербальной сети). Канд. филол. наук, доц. СПбГУ С. В. Вяткина интерпретировала смысл художественного текста (Ф. М. Достоевского и М. Петросяна) через вводные конструкции.

На *втором и третьем заседаниях* направления «Русский язык и культура России: взаимосвязь и взаимовлияние» было заслушано 7 докладов. Большой интерес вызвали выступления председателей — д-ра филол. наук, проф. СПбГУ Е. И. Зиновьевой «Теоретические проблемы лингвокультурологического и лингвокультурологического описания русских паремий» и д-ра филол. наук, проф. Петербургского гос. ун-та путей сообщения Л. В. Миллер «Уходящая натура: лингвокультурный портрет современной российской интеллигенции». Восточным словам в художественных произведениях и лексикографии В. И. Даля посвятила своё сообщение канд. филол. наук, доц. МГПУ Л. Г. Латфуллина; о необходимости включения субкультурного компонента в программы обучения иностранных студентов русскому языку говорила д-р филол. наук, проф. Псковского гос. ун-та Т. Г. Никитина; об изменении семантической структуры советизмов в современном русском языке рассказала канд. филол. наук, доц. СПбГУ М. А. Шахматова; обиходное представление о пороке в языке Московской Руси легло в основу выступления канд. филол. наук М. С. Шишкова. Я сообщила об итогах своих наблюдений над публицистическим арсеналом общественных движений России конца XX – начала XXI в. и напомнила о необходимости решения проблемы вербализации национальной идеи в нашей стране. Особое впечатление на меня произвёл доклад д-ра гуманитарных наук, проф. Варшавского ун-та (Польша), члена Президиума МАПРЯЛ Людмилы Шипелевич «Культура России и её влияние на содержание обучения РКИ». Возрождение интереса к русскому языку в Польше; самоотверженная творческая работа учителей-русистов в современных непростых условиях противостояния Евросоюза и России; олимпиады и фестивали, посвящённые русскому языку; обмен делегациями школьников; повышение квалификации польских русистов в российских вузах — доказательство того, как много могут делать энтузиасты во имя любви к русскому языку, к русской культуре.

Параллельно с заседаниями по пяти направлениям в рамках I Педагогического форума и IV Конгресса РОПРЯЛ была реализована конкурсная педагогическая программа. Можно было по-

сетить одну из 4-х секций («Русский язык. Новые образовательные технологии», «Русский язык. Программы и методики для системы повышения квалификации», «Русский язык в контексте федерального государственного образовательного стандарта нового поколения», «Русский язык и развитие культуры чтения») или один из 6-ти круглых столов («Российские писатели в осмыслении жизни современной России», «Учебники русского языка и литературы для общеобразовательной средней школы: проблемы создания и внедрения», «Компьютерные технологии в обучении русскому языку и культуре», «Государственное тестирование по русскому языку как иностранному: актуальные проблемы и перспективы», «Чтение молодёжи и проблемы “новой грамотности”», «“Вузовская русистика”: новое поколение учебников по русскому языку и литературе для высшей школы»).

2-го ноября состоялось заключительное заседание IV Конгресса РОПРЯЛ и I Педагогического форума Русского мира. Поразительные факты привёл в своём выступлении на церемонии закрытия известный политолог, д-р ист. наук, председатель комитета Российской Государственной Думы по образованию Вячеслав Алексеевич Никонов. В последние годы существования Российской империи, до Первой мировой войны, на русском языке говорило около 500 млн. человек, одна шестая часть населения планеты! Сегодня же по-русски изъясняется почти в два раза меньше — около 260 млн. человек. Это означает, что русским языком владеет лишь каждый 50-й житель Земли. Октябрьская революция, Гражданская война, Первая и Вторая мировые войны унесли жизни многих миллионов русских и русскоговорящих людей. Распад СССР; изменение государственных границ, когда от этнической родины оказались оторванными бывшие граждане Советского Союза; разрушение социалистического лагеря предопределили снижение интереса к русскому языку за рубежом. И, наконец, гражданская война на Украине, где людей убивают только за то, что они отстаивают своё право говорить по-русски... За последние 25 лет количество русскоговорящих сократилось на 90 млн. человек. Ни один язык в мире не умирал так быстро, как умирает русский язык!

Не случайно 9 июня 2014 г. в целях обеспечения развития, защиты и поддержки русского языка как государственного языка Российской Федерации был издан Указ В. В. Путина о Совете при Президенте Российской Федерации по русскому языку. Этот Совет, включающий крупных российских учёных и общественных деятелей, обладает не только консультативными, но и координационными полномочиями. В его задачи входит

а) подготовка предложений Президенту Российской Федерации по определению приоритетных направлений и механизмов развития, защиты и поддержки русского языка в Российской Федерации и за рубежом, обеспечения прав граждан РФ на пользование государственным языком РФ; по принятию мер, направленных на реализацию и совершенствование государственной политики в этой области;

б) координация деятельности федеральных и муниципальных органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, организаций культуры и искусства, научных, образовательных, в том числе некоммерческих организаций, участвующих в международной гуманитарной деятельности по вопросам, связанным с защитой и поддержкой русского языка;

в) анализ реализации программ и проектов, направленных на развитие и поддержку русского языка в Российской Федерации и за рубежом¹.

3–4-го ноября проходила VIII Ассамблея Русского мира. На торжественном её открытии полуторатысячная аудитория услышала о впечатляющих успехах Фонда «Русский мир». За 7 лет своего существования Фонд добился значительного увеличения числа русских центров за рубежом (теперь их стало уже 100). Русские центры работают в США, во всех трёх странах Прибалтики, в Польше, в Германии, во Франции, в Великобритании, в Бразилии, в Гвинее, в Китае, в Монголии, в Сирии и других странах. Открылись русские центры в Луганской и в Донецкой республиках, готовится начать свою работу белорусский центр русского языка. В 2014 г. в вузы России поступило 15 000 иностранных студентов, 5 000 зарубежных учителей русского языка прошли переподготовку в Институте русского языка им. А. С. Пушкина. В Сочи в 2014 г. начал свою работу Российский международный Олимпийский университет, где на русском и английском языках обучаются студенты из

¹ Указ Президента Российской Федерации о Совете при Президенте Российской Федерации по русскому языку // Мир русского слова. 2. 2014, 2–8.

15 стран мира, а преподают профессора из 10 государств, в том числе из тех, чьи правительства поддержали санкции против России (при этом никто из преподавателей не расторгнул контрактов!).

Успехи Русского мира обнадеживают. Всем делегатам захотелось поверить в осуществимость девиза, провозглашённого Л.А. Вербицкой, попечителем Фонда: «ПЛАНЕТА БУДЕТ ГОВОРИТЬ ПО-РУССКИ!»

Как признание больших заслуг тех, кто преподаёт русский язык, тех, кто озабочен его сохранением и распространением на всех континентах, делегаты Ассамблеи восприняли обращённые к ним приветствия Президента РФ В. В. Путина, Председателя Правительства РФ Д. А. Медведева, министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, Патриарха Русской Православной Церкви Кирилла.

Ассамблея Русского мира проходила под лозунгом «Культура и время». Основными формами работы были панельные дискуссии² и круглые столы. Все предлагаемые темы были настолько интересны, что очень сложно было решить, куда пойти. Например, из двух панельных дискуссий «Культура русской речи в XXI веке» и «Украина, Россия, мир» я выбрала вторую, хотя профессионально меня очень привлекала первая. И не разочаровалась. В дискуссии приняло участие 10 человек. Привожу только некоторые фразы из их семиминутных монологов.

Сергей Цехов, глава Русской общины Крыма: «Мы мечтали о воссоединении с Россией, но не ожидали его так скоро. В Крыму спокойно, радостно <...> Украина развалилась, так как 1) верхи строили государство на основе русофобии; 2) на протяжении 23-х лет старались переориентировать Украину в сторону Запада. Крым оказался в России потому, что США подготовили майдан и поддержали нацистов; верхушка общества в Крыму организовала референдум, и мы воспользовались правом самоопределения».

Ведущий В.А. Никонов: «Спасибо за мужество!»

Олег Царёв, Председатель парламента Новороссии (Зал приветствует его овацией): «Мы стояли. Мы признали независимость Осетии. Мы провели выборы. Будем строить государство, которое защитили своим оружием. У нас разрушено 600 предприятий. Но мы их восстановим. Новороссия — это символ русских, вставших с колен. Ополченцев в 8 раз меньше, чем солдат в Украинской армии, но для нас главное — правда и справедливость».

Ведущий В.А. Никонов: «Русские там, где правда!»

К. И. Косачёв, Глава Россотрудничества, спецпредставитель Президента по делам СНГ.

Прошло два дня после выборов в Новороссии. Люди голосовали под дулами украинских автоматов. И выборы состоялись! Украинская трагедия беспрецедентна. Киевская власть держится на двух вещах: 1) ущемление в правах русского населения, 2) переписывание истории — оправдание фашизма, бандеровцев. Она проводит такую же политику, какую проводили в Прибалтике и в Грузии. Если бы речь шла о демократических ценностях... Речь идёт о геополитических интересах США. И там, и там ставилась одна цель — войти в НАТО.

Ведущий В.А. Никонов: Единственным другом Украины остаётся Россия.

Михаил Погребинский, директор Киевского центра политических исследований и конфликтологии: «Долго считалось, что Украина и Россия неделимы. Это было заблуждением. Я не из Новороссии и не из Крыма. Я представитель 3-й части украинцев. На Украине к власти пришли националисты. А третья часть украинцев стала сторонницей киевской власти после отхода Крыма. Искать выход из сложившейся ситуации надо России с Европой. Почти вся Украина — часть Русского мира».

Минута молчания в память обо всех украинцах, павших в гражданской войне.

Татьяна Жданок, глава Русского союза Латвии, член Европарламента: «Ещё год назад (когда даже не было майдана) Европарламент отказался от линии сотрудничества с Россией. Сейчас Европарламент изменился: каждый 5-й депутат голосовал против антироссийских санкций. Гражданское общество в Европе старается донести правду о событиях на Украине. Нам надо всем помочь Новороссии и Крыму. “Нас расклеили, распяли, / Но не знали, что мы сплав” (М.Цветаева)».

² В отличие от «круглого стола», где предполагается высказывание всех или большинства участников, в панельной дискуссии выступают несколько экспертов, как правило, излагающих разные точки зрения на обсуждаемый предмет.

Александр Кофман, народный дипломат (на момент передачи статьи в изд-во — министр иностранных дел ДНР): «Я пришёл на дискуссию, так как люблю Россию. Конфликты были и пострашнее. Надо думать не о том, кто виноват, а о том, что делать. У нас много совместных ценностей. Надо сотрудничать. Важнее всего народная дипломатия».

Джульетта Кеза, представитель из Италии: «Мы на пороге 3-й мировой войны. Украина была использована как дубинка против России. Почему именно сейчас это произошло? Потому что в Америке начинается кризис. Близится конец капитализма. На Западе нет демократии. (90% европейцев не знают ничего об Украине. Они уверены, что Путин — диктатор и что Россия — агрессор. О бомбёжках на Юго-Востоке Украины и об одесской трагедии и слышать не хотят. Считают, что это неправда. Надо, чтобы Россия вышла за пределы своих границ и нашла друзей через свою культуру, через СМИ, особенно в Европе».

Агвидор Эскин, израильский публицист и общественный деятель: «Израиль ни разу не осудил действия В. В. Путина. Что произошло на Украине? Русский язык захотели подавить фашистским сапогом. Вы знаете, что в центре Киева висит мемориальная доска Орлику, фашистскому коменданту, который вёл евреев на расстрел в Бабий Яр? Русский и еврейский мир должны наладить полноценные отношения, включая военные».

Ведущий В. А. Никонов: «Союз Израиля и России — горький сюрприз для США».

Во второй половине дня работа VIII Ассамблеи Русского мира проходила за круглыми столами: «Украина, Россия, мир» (как продолжение панельной дискуссии), ведущий В. А. Никонов; «Русский язык. Проблемы государственного регулирования», ведущие Л. А. Вербицкая и Е. Б. Хохлов; «Русская школа за рубежом: опыт, проблемы, перспективы», ведущий Ю. Е. Прохоров; «Славянофильство и западничество сегодня», ведущий Г. Г. Бовт; «Кавказский пленник: неизвестный Лермонтов», модератор Е. Ю. Гениева. Хотелось бы побывать за каждым из этих столов, но проходили они одновременно, и я отправилась туда, где продолжен был разговор об Украине.

Н. В. Злобин (русский, живущий в США) первым взял слово: «Почему Россия не может преподнести себя миру? Американцы не любят Россию. Старшее поколение считает себя победителем в соревновании с Россией периода холодной войны. Среднее поколение, особенно эмигранты из России, относятся к России негативно, так как у них ничего не получилось в рамках демократизации, начавшейся на родине. Младшее поколение американцев считает Россию слишком слабой. Так что советологи и политологи США настроены против России. Надо бы работать с детьми США. 2-я важная проблем — Украина. Но она случайный кирпичик. Не она, была бы другая страна. Россия слишком долго вела себя пассивно. И вдруг — Украина. Старый опыт ведения холодной войны не годится. Выстраивается новый мировой порядок. России нужна новая идея участия в этом процессе».

Ведущий В. А. Никонов: «Вряд ли все в США относятся к России негативно. Это преувеличение».

Владимир Карасёв, представитель Новороссии, автор книги о фашизме и о концлагерях «Молчать нельзя!»: «Два новых государства Новороссии состоялись после выборов 2-го ноября. У людей Донбасса и Луганщины 23 года не было другого выбора: либо одни олигархи, либо другие. Полгода убивают мирных жителей на Юго-Востоке Украины. 90 пионерских лагерей на Западной Украине превращены в базы подготовки боевиков, которые бомбили и бомбят Донбасс. А Европа не видит убитых детей Новороссии».

Представитель Венгрии, член Европарламента: «Я всю жизнь в Европарламенте боролся за права нацменьшинств. Русские на Украине — даже не нацменьшинство, а сонатия. А в Европарламенте уверяют, что на Украине с нацменьшинствами всё в порядке. В Закарпатье проживает 150 тысяч венгров. И мы знаем, что ни одна власть не относилась к ним лояльно. Задача всех европейцев — добиться того, чтобы русский язык стал вторым государственным языком на Украине, а Новороссия и Одесса получили права автономий. Вся Европа во главе с Ангелой Меркель молчала, когда киевские власти запретили русский язык. Ни одна газета в Европе не писала о том, что на Юго-Востоке Украины проживает 11–12 миллионов русских. Надо совместными усилиями всех экспертов Европы добиваться разрешения украинского конфликта».

Р. В. Ищенко, украинский политолог (с 1 марта 2014 г. живёт в России): Украина ушла из Русского мира в феврале 2014-го. Раньше была борьба идей, в феврале 2014 г. в Киеве произошло то,

что было в России в 1917 г. Но к власти пришли националисты и олигархи. Война продолжится. Просто сейчас украинская армия бессильна».

Князь Н. И. Ростовский (Великобритания): «Англосаксонский мир мыслит юридическими категориями, и для него присоединение Крыма к России — аннексия. С другой стороны, крымчане вызывают сочувствие. Но Великобритания не хочет идти на компромисс. Бывший президент Украины украл 17 миллиардов долларов, а долг самой страны — 17 миллиардов. Компромисс в таких условиях невозможен».

Ведущий В. А. Никонов: «О приверженности англосаксов юридическому праву мы имеем представление по их отношению к Ираку, Ирану и Ливии».

Князь А. А. Трубецкой (Франция): Я представляю русских, живущих за границей. На Украине поддерживается геноцид против русских. Бисмарк когда-то говорил, что воевать с Россией надо силами Украины. Это сейчас и происходит. Необходимо научиться побеждать в информационной войне, подключать силы дипломатов, парламентариев, участвовать в публичных и интернет-дебатах, доказывая свою правоту».

Людия Трофимова, правозащитница (Россия): «Русское гражданское общество существует. Простые граждане России проявляют активное сочувствие к жителям Новороссии, оказывают им гуманитарную помощь».

Вадим Колесниченко, бывший депутат Украинской Рады: «То, что произошло на Украине, может произойти и в России, и в Белоруссии. Россия вовремя не финансировала русские школы, русские общественные организации — и вот результат».

Мария Луиса Рамос Урсагасте, чрезвычайный и полномочный посол Боливии в РФ: «Мир — это не только США и Европа. Не надо ждать их одобрения. Пусть вас уважают. Мы с вами!»

Юрий Рожка (Молдавия): «Украинский кризис помог России обрести национальную идею. Она провозглашает консервативные ценности. Нам надо объединяться на почве православия».

Игнат Марион, член парламента Румынии, представитель староверческой общины: «Группа староверов парламента голосовала против присоединения Румынии к санкциям против России, поддержала присоединения Крыма к России. Община на границе с Украиной воздвигла крест высотой в 80 м. в память о жертвах мирных жителей в Одессе и Новороссии».

Наталья Антонова (РАН): «Европа после распада СССР стала несамостоятельной, негибкой. Но это политики. А простые граждане начали прозревать. Нам нужно изменить тактику по отношению к Европе: отходить от саморазоблачений, от антисоветизма и думать о положительном имидже России».

В. И. Гуцин, представитель русской диаспоры в Латвии: В Латвии может повториться украинская история: возможно дальнейшее укрепление национализма. Парламент настроен на окончательную ликвидацию русских школ к 2018 г. Сотни тысяч русскоязычных граждан Латвии лишены избирательного права. России, вероятно, пора использовать экономическое давление, чтобы защитить своих соотечественников».

Подводя итоги, дискуссии, развернувшейся за круглым столом, ведущий В. А. Никонов сказал: «Россия и Украина останутся братскими народами! Войны не будет! Санкции мы переживём!»

Четыре дня, проведённые в Сочи, убедили меня в том, что Россия не одинока в отстаивании своих ценностей, в стремлении к миру. И ей есть чем гордиться. А главные её достоинства — русский язык и великая русская культура.

С.Г. Шулежкова,

доктор филологических наук, профессор кафедры
русского языка и общего языкознания

Магнитогорского государственного технического университета
им. Г.И. Носова

МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

© 2015

А. А. Масленников, С. В. Меснянкина

СОВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

История научных археологических исследований в России, а проще — археологических раскопок, как известно, насчитывает уже десятки десятилетий. Еже ли считать с известного каждому студенту — историку указа Петра Великого от 16. 02. 1721 г. — больше. Еже ли — с ослепившего образованную, и не только, часть русского общества «блеска золота» Куль — Обинского кургана, то на столетие меньше. Так или иначе, но Российская наука в этом отношении вовсе не отставала от самых просвещённых стран Европы. Более того, и опять — таки, как известно, изначально присущая нашей государственности строгая вертикаль власти и здесь (и, слава Богу!) нашла своё выражение. То — бишь, разрешения на научные раскопки (уж какими «высоко-научными» они тогда были — другое дело) выдавались «из центра». И, худо-бедно, за порядком при этом старались следить. Славная же дата: 1889 г. — начало выдачи Императорской археологической комиссией Открытых листов только что отметила в некотором роде свой юбилей. Кстати, тогда же была узаконена и научная экспертиза результатов полевых работ, то-есть, Научных Отчётов, по итогам которой решался вопрос о выдаче следующего разрешения. Сами же Отчёты поступали на хранение в архив ИАК (ныне ИИМК г. Санкт-Петербург), где всякий интересующийся мог и сейчас может иметь удовольствие ознакомиться с оными. Традиция такого хода дел не была утрачена и в последствие, хотя соответствующие научные (и не только) учреждения время от времени меняли свои названия, а то и место пребывания. С памятного 1937 г. деятельность по регламентации археологических раскопок была возложена на Академию наук СССР, а практически — на Институт истории материальной культуры (Ленинград), в котором действовал Комитет по полевым исследованиям и охране памятников. В 1943 г. по понятным причинам Институт был переведён в Москву (с 1957 г. — ИА РАН) с оставлением на прежнем месте его Отделения. А в 1946 г. в нём был оформлен Комитет полевых исследований при Секторе полевых исследований и камеральной обработки, в 1951 г. преобразованный с сектор полевых исследований и в 1952 г. — в отдел с тем же названием, существующий и поныне.

В настоящее время полевые исследования в РФ проводятся в соответствии с Федеральным законом от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и учётом основных норм Международной хартии по охране и использованию археологического наследия 1990 г. и Европейской конвенции по археологическому наследию (переработанной) 1992 г., ратифицированной Федеральным законом от 27 июня 2011 г. № 163-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции об охране археологического наследия (переработанной)».

Согласно действующим законодательным нормам основным документом для проведения археологических раскопок, разведок и наблюдений является разрешение (открытый лист), выдаваемый федеральным органом (Департаментом культурного наследия Министерства культуры РФ) на основании «Заключения», подготовленного Российской Академии наук, а конкретно: в Отделе полевых исследований ИА РАН.

Процедура выдачи основного разрешительного документа (Открытого листа), начиная с 2010 г. существенно изменилась. Правильнее было бы сказать — усложнилась и замедлилась. Но такова логика нашего общего движения к желанному уровню правового государства. В «старое, доброе время» или, перефразируя классику, «в эпоху исторического материализма» и даже в перестроечные годы и постперестроечное лихолетье она — эта практика опиралась не столько на соответствующее законодательство, сколько на авторитет академической науки и центрального, ведущего учреждения в данной области знаний. Говоря словами «славного Чекалинского» из «Пиковой дамы» А. С. Пушкина:

кина, для получения ОЛ было достаточно «доверенности товарищей», то есть, личного научного авторитета членов Научного Совета при ОПИ, заведующего ОПИ и расторопности сотрудников этого подразделения ИА РАН. В случае благоприятного решения, основанного на принятии Научного Отчёта о предыдущих исследованиях и всего лишь одностраничной «Заявки» соискателя, желанный документ (ОЛ) выдавался в подписанном виде и с печатью ИА РАН, как правило, в трёхдневный срок. Правда он помещался не на специальном бланке с «водными знаками», а на простом листе бумаги, всё того же самого ходового формата. Всё это явно не соответствовало ни растущим с каждым годом масштабам полевых исследований, ни появлению в археологии помимо академических, вузовских и музейных учреждений других организаций — организаторов экспедиций с иной «формой собственности», ни задачам подъёма качества полевых изысканий и соответствующей научной документации, ни высоким целям борьбы за сохранение археологического наследия страны, ни ... Да мало ли чему ещё это не соответствовало! В общем, так надо, ибо живём мы в затынувшуюся эпоху перемен, а это, как известно, не лучшее время ... «по определению». И, кроме того, за всем, решительно за всем долён быть государственный контроль и учёт. А ещё и оптимизация.

Ныне практика получения Открытого Листа и научной отчётности во всех деталях этого непростого процесса выглядит следующим образом.

Всякий «испрашивающий», если он уже не «новичок», должен перво — наперво сдать в ОПИ научный отчёт (или отчёты) за уже проделанную работу. Требования к методике и практике полевых исследований и составлению соответствующей научной документации, надо сказать, постоянно возрастают и совершенствуются, ибо и жизненные реалии наши во всех их проявлениях, и сама научная мысль не стоят на месте. Необычно и порой даже странно выглядят сейчас полевые отчёты не то, что столетней давности, но и наших старших коллег — учителей, работавших пол — века назад и даже менее того. Да что там говорить: цветные фотографии ещё лет десять — пятнадцать назад были роскошью. Но всё это — тема отдельного разговора. Вернёмся к формальной стороне дела.

Легко сказать: «сдать отчёт». Москва не для всех рядом и, несмотря на национальную катастрофу 1991 г., как говаривал наш национальный «герой» Павел Иванович Чичиков: «... даже самая древняя римская монархия не была так велика, и иностранцы справедливо удивляются...». И доставка подчас весьма солидной «бандероли» занимает времени по — более, нежели при незабвенном чеховском Ваньке Жукове, то бишь, «... на почтовых тройках с пьяными ямщиками и звонкими колокольцами.» Иными словами: на почту России надейся, а сам не плошай: отсылай с нарочным, оказией, срочной почтой или ... вези сам. Оказавшись, наконец, в ОПИ, всякий отчёт проходит, согласно старой традиции, трёхступенчатую экспертизу. По началу, кого — то из членов сформированной в основном из специалистов ИА РАН, но и не только, экспертной группы. По правилу, закреплённому в действующем «Положении...», однако нередко и нарушаемому в силу разных житейских обстоятельств, у них — экспертов, на это должно уходить две недели срока. Затем отчёт с рецензией, наряду с прочими, ставится на очередное заседание Научного Совета при ОПИ, который собирается по мере надобности. В «страдную» пору (а таковая — теперь составляет большую часть года) это имеет место быть раз в неделю. Рассмотрение отчётов, как правило, поручается на нём специалистам со схожей или близкой тематикой научных изысканий. Замечания обсуждаются и оглашаются публично. Оценка принимается коллегиально. Наконец, отчёт со всем «сопровождением» попадает на стол председателя Совета и Зав. ОПИ, который и принимает окончательное решение в виде соответствующего «Заключения» стандартной формы. Последнее — основание для выдачи Справки о принятии научного отчёта на постоянное хранение в состав научно — отраслевого архива ИА РАН. В ней, кстати, упомянуты и все действующие правовые документы её — Справку обосновывающие. Как известно: «быстро сказка сказывается...». На всё — про всё времени уходит не мало; по «закону» должно — не больше месяца. Это при благоприятном исходе. В случае же наличия в отчёте существенных, но устранимых недостатков следует процедура его «доработки», предполагающая вновь прохождение почти всех перечисленных «этапов». О самом же худшем варианте: неудовлетворительной оценке и говорить не хочется. С желанной Справкой, соискатель собирает, наконец, «пакет» документов для Министерства культуры РФ. Это и «Заявление», и «Научное обоснование» на нескольких страницах полуканцелярского по форме текста, вразумительность которого может либо проясниться, либо усугубиться в зависимости от интеллекта заявителя,

и копия Диплома о высшем историческом образовании, и копия устава учреждения — места работы просителя, и копия паспорта со страницами о прописке, и копия документа об утверждении научно — исследовательской темы, или хозяйственного договора, и перечень уже ранее бравшихся ОЛ с оценкой их использования, и . . . да мало ли чего ещё требуется в правовом государстве. А для первые запрашивающих — ещё и Справка об их участии в качестве «полезного» и даже «незаменимого» в одной или нескольких археологических экспедициях. Это — вместо прежних, «не имеющих юридической силы» рекомендаций.

Там, в министерском отделе: «Департаменте культурного наследия» все эти «бумаги» смотрят юристы и специалисты — эксперты, в том числе, хорошо знакомые с археологической «спецификой». На всё это, по идее, отводится ещё не более месяца. Большая часть всего, только что перечисленного, затем электронной почтой в копиях отсылается в ОПИ ИА РАН. Здесь усердный учёный секретарь, обладающий к тому же отменной памятью и доступом к соответствующему компьютерному банку данных, проверяет их, а заодно и автора заявки, как на предмет обоснованности и верности оной а равно и надлежащих формулировок, так и на «безгрешность» перед ОПИ в плане долгов по отчётности и иных оценок. Наконец, если всё более или менее благополучно, «пакет» попадает на стол Заведующего ОПИ, поддерживающего или же нет данный запрос. На основании его решения сотрудник всё того же отдела готовит ещё одно «Заключение» с пространнейшей (особенно в случае отрицательного варианта), ещё более «неказистой» для норм современного разговорного русского языка формулировкой. В печатной форме, подписанное Зав. ОПИ и Ученым секретарём эта «бумага» идёт на «высочайшее имя», то есть, на подпись Директора ИА РАН и никак ни кого —нибудь ещё. Заверенная гербовой печатью, она возвращается в Министерство и служит основанием для выдачи (под роспись) или невыдачи столь желанного Открытого листа. На этом «хождение по мукам» временно заканчиваются для тех, у кого заканчиваются хорошо. Всё только что описанное — разумеется, лишь «схема». Реальные коллизии могут быть самыми разными. Но это уже другая история.

Несколько слов о современном Отделе полевых исследований, оговорив сразу, что численность его по сравнению с прежними, доправовыми временами не изменилась. Правда компьютеров — «как грязи», но и бумагооборот — моё почтение!

Итак. Основным направлением деятельности ОПИ является научный контроль над производством археологических раскопок и разведок на территории Российской Федерации и поддержание высокого методического уровня полевых исследований, научная регламентация экспедиционных изысканий и надзор за методикой раскопок и разведок. В связи с этим, практическая работа Отдела осуществляется по следующим направлениям:

— сопровождение процедуры выдачи Министерством культуры РФ (с 06.2011 г.) разрешений (открытых листов) на право производства полевых археологических исследований на территории Российской Федерации по заявкам исследователей из учреждений науки, культуры, образования и охраны памятников посредством проведения экспертизы поступающих из Министерства культуры РФ заявлений и прилагаемых к ним документов и подготовки заключений о научной обоснованности планируемых полевых археологических работ;

— участие в координации осуществляемых в России полевых археологических исследований;

— организация рецензирования и непосредственное рассмотрение на заседаниях Научного Совета отчетов, о проводимых на территории России полевых исследований с определением их соответствия существующим требованиям;

— подготовка заключений Научного Совета по полевым археологическим исследованиям о результатах рассмотрения поступивших в ОПИ отчетов, направленных на совершенствование методики осуществляемых в России полевых изысканий в области археологии и необходимой фиксации полученных результатов, а также выдача справок исследователям о принятии рассмотренных отчетов на постоянное хранение в научно-отраслевой архив ИА РАН;

— формирование научного отчетного фонда научно-отраслевого архива ИА РАН посредством передачи, поступивших в ОПИ ИА РАН научных отчетов о проведенных полевых археологических исследованиях на территории РФ;

— подготовка и издание методических пособий направленных на совершенствование методики полевых археологических работ.

Выполнение работы по координации и регламентации полевых археологических работ обеспечивается штатными сотрудниками Отдела: заведующим: д.и.н., проф. А.А. Масленниковым, ученым секретарем, н.с. С.В. Меснянкиной, н.с., к.и.н. З.Х. Царикаевой, м.н.с. Д.В. Поплёскиным и м.н.с. Л.А. Колпаковой, а также членами Научного Совета по полевым археологическим исследованиям.

Последний — является постоянно действующим совещательно-рекомендательным органом, образованным в соответствии с распоряжением президиума Российской академии наук от 06. 10. 2009 г. Задача Совета — рассмотрение и профессиональная оценка документов и материалов о научной обоснованности планируемых археологических полевых работ, качестве научных отчётов, об их выполнении, а также выработке предложений, рекомендаций и методик, научно регламентирующих проведение работ по выявлению, сохранению и изучению объектов археологического наследия.

Во исполнение Соглашения между Российской Академией наук и Институтом археологии РАН от 17. 10. 2014 г. Научный Совет в указанном качестве функционирует до формирования Экспертного совета Российской Академии наук, что предусмотрено правительственным постановлением от 20. 02. 2014 г. Состав Научного Совета утверждается Отделением историко-филологических наук по согласованию с президиумом Академии наук. Участие в Научном Совете осуществляется на принципах самоуправления, гласности, самостоятельности в принятии решений в рамках компетенции. Научный Совет осуществляет следующие функции:

— экспертизу материалов о научной обоснованности планируемых археологических полевых работ;

— принятие решений о целесообразности проведения археологических полевых работ или отказе в их проведении;

— утверждение научных отчётов о выполненных археологических полевых работах и принятие решений о передаче научных отчётов на постоянное хранение в состав научно-отраслевого архива Института археологии или о возврате научных отчётов авторам на доработку;

— рассмотрение рекомендаций, правил, методик и иных документов и пособий, научно регламентирующих порядок проведения работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия и принятие решений об их утверждении Отделением историко-филологических наук;

— подготовка аналитических материалов и предложений по перспективным направлениям археологических исследований и развитию международного сотрудничества;

— подготовка предложений по вопросам совершенствования подготовки, переподготовки и повышения квалификации археологов;

— рассмотрение иных вопросов, связанных с деятельностью Научного Совета.

Действующий Научный Совет утверждён Отделением историко-филологических наук по согласованию с президиумом Академии наук в количестве 25 человек из числа авторитетных российских археологов, представителей учреждений науки, музеев, высших учебных заведений различных субъектов РФ.

Вот так, если весьма кратко и без соответствующих разъяснений разной степени подробности, выглядит в настоящее время организационно-правовой процесс регламентации археологических полевых исследований в Российской Федерации.

Масленников Александр Александрович,
доктор исторических наук, заведующий Отделом полевых исследований
Института археологии РАН
Меснянкина Светлана Владимировна,
научный сотрудник Отдела полевых исследований
Института археологии РАН

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БИ	—	Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
БЧ	—	Боспорские чтения. Керчь
ВВ	—	Византийский временник
ВДИ	—	Вестник древней истории. Москва
ДБ	—	Древности Боспора. Москва
ДШАТМ	—	Демир шилги аъттыг Тевене-Моге. Кызыл, 1970
МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики
МИА	—	Материалы исследования по археологии СССР
ОАЭ	—	Оренбургская археологическая экспедиция
ПИФК	—	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей
РА	—	Российская археология. Москва
СА	—	Советская археология. Москва
САИ	—	Свод археологических источников. Москва
СНЦ РАН	—	Самарский научный центр Российской академии наук
СТ	—	Советская тюркология
Тыва тоолдар	—	Тыва улустун тоолдары. Кызыл, 2012
ХСб	—	Херсонесский сборник
ЦХСД МО	—	Центр хранения современной документации Магаданской области
ADRTB	—	Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. Vol. I II. / A. J. Sachs, H. Hunger Wien. 1988 1989.
АМА	—	Античный мир и археология. Саратов
ВСН	—	Bulletin de correspondance hellénique. Paris
CIL	—	Corpus inscriptionum latinarum. Vol. I ² / E. Lommatzsch, Th. Mommsen. Berlin, 1974.
CPh	—	Classical Philology
CQ	—	Classical Quarterly
ILLRP	—	Inscriptiones Latinae liberae rei publicae. Vol. I. / Degrassi A. Firenze, 1963.
ILS	—	Inscriptiones Latinae selectae. Vol. I. / Dessau H. Berlin, 1892.
IMagnesia	—	Die Inschriften von Magnesia am Maeander. Berlin, 1900.
JHS	—	Journal of Hellenic Studies
JMED	—	Epigraphical Dossier / Ma J. 2000: Antiochus III and the Cities of Western Asia Minor. Oxford, 284 372.
JRS	—	Journal of Roman Studies. London
MDAI(A)	—	Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung. Mainz.
OGIS	—	Dittenberger W. 1986: Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Vol. I. Hildesheim; Zürich; New York, 1986.
QUCC	—	Quaderni urbinati di cultura classica
RC	—	Royal Correspondence in the Hellenistic Period / Welles C. B. Rome, 1966.
RE	—	Pauly-Wissowa Realencyclopädie der classischen Altertums-wissenschaft. Stuttgart, 1893-1980.
REG	—	Revue des études grecques
RhM	—	Rheinisches Museum für Philologie
ZRG	—	Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtgeschichte

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА, СРЕДНИХ ВЕКОВ И АРХЕОЛОГИЯ

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ. ЭЛЛИНИЗМ

<i>Суриков И. Е.</i> (Москва) — Некоторые проблемы поэзии Солона	3
<i>Ленская В. С.</i> (Москва) — Жрец-администратор в Афинах	24
<i>Ладынин И. А.</i> (Москва) — Александр — «новый Сесонхосис»: египетская пропагандистская фикция начала эллинизма и предпосылки к ее возникновению	35
<i>Берзон Е. М.</i> (Санкт-Петербург) — Антиох — наследник и соправитель великого царя Антиоха	52
<i>Борисов О. К.</i> (Вологда), <i>Лапырёнок Р. В.</i> (Саратов) — Античная традиция о законе Рубрия	64
<i>Негин А. Е.</i> (Нижний Новгород) — Сцена терзания зайца орлом как сюжет декора римского защитного вооружения	72

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

<i>Пешехонов В. К.</i> (Москва) — Надчеканки на монетах Фасоса V–I вв. до н.э. Часть I. Надчеканки на медных монетах Фасоса	82
<i>Зубарев В. Г.</i> (Тула), <i>Пономарёв Д. Ю.</i> , <i>Никитаев А. В.</i> (Керчь) — Новый склеп позднеантичного времени из некрополя городища «Белинское»	93
<i>Антипенко А. В.</i> (Симферополь) — Реконструкция снаряжения верхового коня III в. н. э. из могильника Нейзац	109

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

<i>Соловьев В. С.</i> , <i>Тихонов Р. В.</i> (Елец) — Терракотовая пластика поселения Дабилькурган в Северной Бактрии	121
---	-----

ПЛЕМЕННОЙ МИР

<i>Файзуллин А. А.</i> (Оренбург) — Производственные комплексы ямной культуры Волго-Уральского междуречья	130
<i>Файзуллин И. А.</i> (Оренбург) — История изучения бытовых памятников срубной культуры в Западном Оренбуржье	137

МЕЗОАМЕРИКА

<i>Байда Д. С.</i> (Москва) — Женщины при дворе майя классического периода в текстах и изображениях	143
<i>Острирова Е. С.</i> (Москва) — Начальные этапы развития сложных обществ в северной Колумбии (I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.)	154

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Слядзь А. Н.</i> (Санкт-Петербург) — Предыстория византийской аннексии Приазовья: князь-изгой Ростислав Тмутараканский	161
<i>Сабирова З. Р.</i> (Уфа) — На перепутье: споры национальной интеллигенции об образовании башкирской автономии	174

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Хаховская Л. Н.</i> (Магадан) — Экспедиции между Чукоткой и Аляской: этнический фактор в преодолении политических границ	182
<i>Ахмадрахимова О. В.</i> (Уфа) — Современное состояние бытования башкирского народного эпоса «Заятуляк и Хыухылу»	194

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Абрамзон Т. Е.</i> (Магнитогорск) — Фортуна-чертовка и другие богини счастья в поэзии Н. Львова	199
<i>Ивинский А. Д.</i> (Москва) — Из истории собрания сочинений Екатерины II: об издании автобиографических записок императрицы	203
<i>Уздеева Т. М.</i> (Магнитогорск) — Новые «новые люди» в романе «Что делать?» Н. Г. Чернышевского	216
<i>Хуббитдинова Н. А.</i> (Уфа) — Художественное отражение фольклорных традиций в творчестве Ш. Бабича: к 120-летию башкирского поэта	221
<i>Галиева М. А.</i> (Москва) — Искатели «инога царства» в русской культуре периода первой мировой и гражданской войн: В. Хлебников, Е. Н. Трубецкой	226
<i>Петрова Е. В.</i> (Магнитогорск) — У. Патер о проблемах английского гедонизма в книге очерков «Ренессанс»	231
<i>Суровцева Е. В.</i> (Москва) — Письма В. Г. Короленко статскому советнику Филонову, Х. Г. Раковскому и А. В. Луначарскому в контексте жанра «письма властителю»	235
<i>Смыковская Т. Е.</i> (Благовещенск) — Сборник стихов и песен лагкоров «Путеармейцы» как источник изучения лагерной поэзии	239
<i>Родина М. В.</i> (Тамбов) — «Племянник чародея» К. С. Льюиса и библейский космогонический миф: у истоков истории	244
<i>Васильева Т. И.</i> (Магнитогорск) — Формы выражения авторского сознания в прозе Л. И. Бородина	252

ЛИНГВИСТИКА

<i>Горбова Н. В.</i> (Красноярск) — Лингвокультурные параметры ценностно-смыслового восприятия мира (на примере концепта «подарок» в русской паремиологии)	257
<i>Каримова Г. Р., Нафиков Ш. В., Сулейманова Р. А.</i> (Уфа) — К истории одного башкирского слова из списка М. Сводеша	263
<i>Кузнецова Т. И., Кузнецов И. А.</i> (Москва) — Отличительные особенности употребления устойчивых глагольно-именных словосочетаний в английском научно-техническом тексте	268

<i>Жаханова З. Р.</i> (Алматы) — Структурно-семантические особенности многокомпонентных терминов в современном русском и английском языках на материале подъязыка архитектуры и строительства.....	274
<i>Серээдар Н. Ч.</i> (Кызыл) — Повторение однокоренных слов в элементарном простом предложении тувинского языка	280
<i>Лутфуллина Г. Ф., Марзоева И. В.</i> (Казань) — Сопоставительный анализ роли квантификации актантов при выражении диахронности ситуаций с глаголами действия во французском и татарском языках	285

КУЛЬТУРА

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Горбунова Е. В.</i> (Волгоград) — Истоки и основы десакрализации в искусстве	292
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Смирнов А. С.</i> (Москва) — Граф Алексей Александрович Бобринский и новая власть.....	300
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Куликова Ю. В.</i> (Санкт-Петербург) — Дьяконовские чтения 2014 г. кафедры истории древнего мира и средних веков им. профессора В. Ф. Семенова исторического факультета МПГУ (6 декабря 2014 г.)	310
<i>Шулежкова С. Г.</i> (Магнитогорск) — Планета будет говорить по-русски!	316

МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

<i>Масленников А. А., Меснянкина С. В.</i> (Москва) — Современная организация полевых археологических исследований в Российской Федерации.....	322
--	-----

CONTENTS

HISTORY

ANCIENT HISTORY, MIDDLE AGES AND ARCHAEOLOGY

ANCIENT GREECE AND ROME . HELLENISM

<i>I. E. Surikov</i> (Moscow) — Some Problems of Solon's Poetry.....	3
<i>V. S. Lenskaya</i> (Moscow) — The Athenian Priest as a Sanctuary Administrator.....	24
<i>A. Ladynin</i> (Moscow) — Alexander "The New Sesonchosis": Egyptian Propagandist Fiction of the Early Hellenism and Preconditions of its Origin.....	35
<i>E. M. Berzon</i> (St. Petersburg) — Antiochus, The Heir and the Co-Ruler of the Great King Antiochus	52
<i>O. K. Borisov</i> (Vologda), <i>R. V. Lapyryonok</i> (Saratov) — Ancient Evidence for the Law of Rubrius	64

- A. E. Negin* (Nizhni Novgorod) — Scene of Hare's Laceration by an Eagle as Subject of Roman Defensive Armament Decoration 72

THE BLACK SEA REGION

- V. K. Peshekhonov* (Moscow) — Countermarks on Thasian Coins of the 5th — 1st Centuries BC. Part I. Countermarks on Thasian bronze coins 82
- V. G. Zubarev* (Tula), *D. Y. Ponomaryov*, *A. V. Nikitayev* (Kerch) — New Tomb of the Late Antique Time from Necropolis of the Ancient Settlement of "Belinskoe" 93
- A. V. Antipenko* (Simferopol) — Reconstruction of Horse Equipment in the 3rd Century AD from the Neyzats necropolis 109

THE ANCIENT ORIENT

- V. S. Solovyev*, *R. V. Tikhonov* (Elets) — The Terracotta Plastic Arts of the Settlement Dabilkurgan in Northern Bactria 121

PREHISTORY

- A. A. Faizullin* (Orenburg) — Industrial Complexes of the Pit-Grave Culture in the Volga and Ural Rivers Region 130
- I. A. Fayzullin* (Orenburg) — The History of the Study of Sites of the Timber Grave Culture in the Western Orenburg Region 137

MESOAMERICA

- D. S. Bayda* (Moscow) — Women of The Classic Maya Court in Text and Image 143
- E. S. Ostrirova* (Moscow) — Initial Stages of the Development of Complex Societies in Northern Colombia (1000 BC — 1000 AD) 154

RUSSIAN HISTORY

- A. N. Slyadz* (St.-Petersburg) — Back Ground to the Byzantine Annexation of the Azov Region: landless Prince Rostislav Vladimirovich 161
- Z. R. Sabirova* (Ufa) — At the Crossroads: Disputes of the National Intellectuals on Formation of the Bashkir Autonomy 174

ETHNOLOGY

- L. N. Khakhovskaya* (Magadan) — Expeditions between Chukotka and Alaska: Ethic Factor In Overcoming Political Boundaries 182
- O. V. Akhmadrakhimova* (Ufa) — Current Status of Bashkir Folk Epic "Zayatulyak and Hyukhyly" Existence 194

PHILOLOGY

LITERARY CRITICISM

- T. Ye. Abramzon* (Magnitogorsk) — Fortuna-Besom and Other Goddesses of Happiness in N. L'vov's Poetry 199

CONTENTS

331

<i>A. D. Ivinsky</i> (Moscow) — History of Catherine the Great's Collection of Works: Publication of the Memoirs of the Empress.....	204
<i>T. M. Uzdeyeva</i> (Grozny) — New “New People” in the Novel “What to Do?” by N. G. Chernyshevsky.....	216
<i>N. A. Hubbitdinova</i> (Ufa) — Art Reflection of the Folk Traditions in S. Babich's Works: by the 120 th Anniversary of Bashkir Poet.....	221
<i>M. A. Galieva</i> (Moscow) — Seekers “Other Kingdom” in Russian Culture During the First World and the Civil War: V. Khlebnikov, E. N. Trubetskoy.....	226
<i>E. V. Petrova</i> (Magnitogorsk) — Walter Pater: The problem of English Hedonism in “The Renaissance: Studies in Art and Poetry”.....	231
<i>E. V. Surovtseva</i> (Moscow) — Letters by V. G. Korolenko to the Councillor of State Filonov, H. G. Rakovskom and A. V. Lunacharsky in Context of Genre “Letters to Master”.....	235
<i>T. Ye. Smykovskaya</i> (Blagoveshchensk) — The Collection of the Poems and Songs by the Prisoners “Putearmeysy” as a Source of the Camp Poetry Study.....	239
<i>M. V. Rodina</i> (Tambov) — “The Magician's Nephew” by C. S. Lewis and the Biblical Myth of Creation: Before the Dawn of History.....	244
<i>T. I. Vasilyeva</i> (Magnitogorsk) — Forms of Representation of the Author's Consciousness in L. I. Borodin's Prose.....	252

LINGUISTICS

<i>N. V. Gorbova</i> (Krasnoyarsk) — Linguocultural Parameters of Value-Semantics Perception of the World (Based on the Study of the Concept “Gift” in the Russian Paremiology)...	257
<i>G. R. Karimova, Sh. V. Nafikof, R. A. Suleymanova</i> (Ufa) — The Origin of a Bashkir Word from the Swadesh List.....	263
<i>T. I. Kuznetsova, I. A. Kuznetsov</i> (Moscow) — The Distinctive Features of the Use Of Set Verbal-Nominal Word Expressions in the English Scientific and Technical Text.....	268
<i>Z. R. Zhakhanova</i> (Almaty) — Structural and Semantic Peculiarities of Multicomponent Terms in Modern Russian and English Languages (On the Basis of the Language of Construction and Architecture).....	274
<i>N. Ch. Sereedar</i> (Kyzyl) — Repetition of Cognate Words in the Elementary Simple Sentence of the Tuva Language.....	280
<i>G. F. Lutfullina, I. V. Marzoeva</i> (Kazan) — Comparative Analysis of the Role of Quantified Objects In Representing Diachronic Situations With Action Verbs in Frehch and Tatar Languages.....	285

CULTURE

ART CRITICISM

<i>E. V. Gorbunova</i> (Volgograd) — The Origins and Basics of Art Desacralization.....	292
---	-----

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>A. S. Smirnov</i> (Moscow) — Count Alexey Aleksandrovich Bobrinskiy and New Government.....	300
--	-----

SCIENTIFIC EVENTS

- Yu. V. Kulikova* (St.-Petersburg) — 2014 Dyakonov's Readings Conducted by the
V.F. Semyonov's Department of the Ancient World and the Middle Ages History,
Historical Faculty, Moscow State Pedagogical University (6th May, 2014) 310
- S. G. Shulezhkova* (Magnitogorsk) — The Planet will Speak Russian! 316

METHODOLOGY OF SCIENCE

- A. A. Maslennikov, S. V. Mesnyakina* (Moscow) — Up-to-date Organization of Field
Archaeological Surveys in Russian Federation..... 322

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по правилам:

Статьи представляются в 1 экземпляре в электронной форме на CD или другом носителе (присылаются на e-mail: history@masu.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии – 1 авт.л.

К статье необходимо прилагать краткое резюме на русском и английском языках (один абзац и список ключевых слов (не более восьми)), а также почтовый и электронные адреса авторов, место работы и должность.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис.2; 1972б, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльгимировка, с. Ахманово.

Литература

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке по следующей форме:

Для книг:

Галанина Л.К. 1997: Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I). М.

Alexander C. 1928: The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times. L.; New York.

Для литературных произведений:

Толстой Л.Н. 1980-1982: Полное собрание сочинений. М.

Пушкин А.С. 1960-1968: Собр.соч.: в 10 т. М.

Пушкин А.С. 1978: Избранное: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи):

Ростовцев М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской // ИАК. 63, 106-108.

Аннинский А.П. 2008: Беседа о странностях истории // Родина. 2, 18-26.

Salvatori S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey // East and West. 50, 97 – 145.

Для книг/статей без авторов:

Сайко Э.В. (ред.) 2001: Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.

Волина С. Л., Ромаскевич А. А., Якобовский А. Я. (ред.) 1938: Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. Арабские и персидские источники. М.; Л.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи).

Грантовский Э. А. 1981: О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье / Б. А. Литвинский (ред.). М., 59-79.

Salvatori S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95 / A. Gubaev, G. Koshelenko, M. Tosi (eds.). Rome, 57-65.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л. 1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18-19 об.

Для электронных документов:

Городецкий С. 2011: Письма с фронта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>.

Brooke R. 2010: His actual reaction to war. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>.

Сокращения

К статье должен прилагаться отдельный список сокращений в алфавитном порядке.

АО — Археологические открытия. М.

IGBR — Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed). Sofia, 1956.

Статьи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. 2015

Сдано в набор 24.04.2015. Подписано в печать ???.?.2015. Дата выхода
Формат 70x100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.
Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .
Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-58784 от 28 июля 2014 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования «Магнитогорский
государственный технический университет им. Г.И. Носова»

Редакция: 455038, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 114, каб. 514.
Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.
Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.